

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slaw 4170.6

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

Class of 1828

Slaw 4170.6

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

Class of 1828

XIX.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1907 ГОДЪ.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

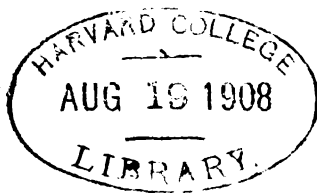
М. Горькій *Мать*.
Н. Гаринъ. *Инженеры*.
Записки В. Вересаева. *На волнѣ*.
Шоломъ Ашъ. *Богъ мести*.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Slav 4170.6

(C. 1211. 112)

Minot fund
(19-20, 21-22)

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
М. Горькій. Мать.	1
П. Гаринъ. Инженеры.	109
Записки В. Вересаева. На войнѣ.	203
Шоломъ Ашъ. Богъ мести.	271

М. ГОРЬКІЙ.

МАТЬ.

(Продолженіе)

М. Горькій. Мать.

За англійскимъ изданіемъ этой повѣсти, выпущенной фирмой
Appleton and Company,
436 Fifth Avenue, New-York
или ея уполномоченными,

закрѣплены всѣ права оригинала. Оно пользуется защитой законовъ
объ авторскихъ правахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, въ
Великобританіи и другихъ странахъ, гдѣ говорятъ по-англійски.

Во избѣжаніе недоразумѣній, гг. переводчиковъ просятъ предва-
рительно обращаться къ указанной фирмѣ, или къ представителю
автора внѣ Россіи, Ив. Павл. Ладыжникову, адресъ котораго:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
«Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow».

М. Горькій. Мать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXI.

...Остатокъ дня прошелъ въ пестромъ туманѣ воспоминаній, въ тяжелой усталости, туго обнявшей тѣло и душу. Передъ матерью сѣрымъ пятномъ прыгаль маленькій офицерикъ, въ темномъ вихрѣ движенія свѣтилось бронзовое лицо Павла, улыбались глаза Андрея...

Она ходила по комнатѣ, садилась у окна, смотрѣла на улицу, снова ходила, поднявъ бровь, вздрагивая, оглядываясь и безъ мысли искала чего-то... Пила воду, не утоляя жажды и не могла залить въ груди жгучаго тлѣнія тоски и обиды. День былъ перерубленъ— въ его началѣ было содержаніе и смыслъ, а теперь все вытекло изъ него, передъ нею простерлась унылая пустота и голо колыхался недоумѣнный вопросъ:

— Что-же теперь?..

Пришла Корсунова. Она размахивала руками, кричала, плакала и восторгалась, топала ногами, что-то предлагала и обѣщала, грозила кому-то. Все это не трогало мать.

— Ага! — слышала она крикливый голосъ Марьи.— Задѣли, таки, народъ! Встала фабрика-то... вся встала!

Сборникъ. Книга XIX.

— Да, да!—говорила тихо мать, качая головой, а глаза ея неподвижно разглядывали то, что уже стало прошлымъ, ушло отъ нея вмѣстѣ съ Андреемъ и Павломъ. Плакать она не могла—сердце сжалось, высохло, губы тоже высохли и во рту не хватало влаги. Тряслись руки, на спинѣ холодной мелкой дрожью вдрагивала кожа. Но все время въ сердцѣ тлѣла искра гнѣва: не угасая, не разгораясь, она порой колола грудь точно игла, мать отзывалась на этотъ уколъ холоднымъ обѣщаніемъ:

— Погодите...

И громко втягивая воздухъ носомъ, опускала бровь.

Вечеромъ пришли жандармы. Она встрѣтила ихъ безъ удивленія, безъ страха. Вошли они шумно и было въ нихъ что-то веселое, довольное. Желтолицый офицеръ говорилъ, обнажая зубы:

— Ну-съ, какъ поживаете? Уже третій разъ встрѣчаемся мы съ вами, а?

Она молчала, проводя по губамъ сухимъ языкомъ. Офицеръ говорилъ много, поучительно и она чувствовала, что ему пріятно говорить. Но его слова не доходили до нея, не мѣшали ей. Только когда онъ скалъ:

— Ты сама виновата, матушка, если не умѣла внушить сыну уваженія къ Богу и Царю...

Она, стоя у двери и не глядя на него, глухо отвѣтила:

— Да... намъ судьи—дѣти... Они осудятъ по правдѣ за то, что бросаемъ мы ихъ на пути такомъ.

— Что?—крикнулъ офицеръ.—Громче!

— Я говорю—судьи—дѣти!—повторила она, вздыхая.

Тогда онъ заговорилъ о чемъ-то быстро и сердито, но слова его вились вокругъ, не задѣвая мать.

Въ понятыхъ была Марья Корсунова. Она стояла рядомъ съ матерью, но не смотрѣла на нее и когда офицеръ обращался къ пей съ какимъ-нибудь вопро-

сомъ, она торопливо и низко кланяясь ему, однообразно отвѣчала:

— Не знаю, ваше благородіе! Женщина я совсѣмъ необразованная, занимаюсь торговлей, по глупости моей, и ничего не знаю...

— Ну, молчи!—приказывалъ офицеръ, шевеля усами.

Она кланялась и, незамѣтно показывая ему кукишь, шептала матери:

— На-ко, выкуси!

Ей приказали обыскать Власову. Она замигала глазами, вытаращила ихъ на офицера и испуганно сказала:

— Ваше благородіе, не умѣю я этого!

Онъ топнулъ ногой, закричалъ. Марья опустила глаза и тихо попросила мать:

— Что-же... разстегнись, Пелагея Ниловна...

Ошаривая и ощупывая ея платье, она, съ лицомъ налитымъ кровью, шептала:

— Ахъ, собаки... а?

— Ты что-то говоришь тамъ?—сурово крикнулъ офицеръ, заглядывая въ уголъ, гдѣ она обыскивала.

— По женскому дѣлу, ваше благородіе!—пробормотала Марья испуганно.

Когда онъ приказалъ матери подписать протоколъ, она неумѣлой рукой, печатными, жирно блестящими буквами начертила на бумагѣ:

„Вдова рабочаго человѣка Пелагея Нилова Власова“.

— Что ты написала? Зачѣмъ это?—воскликнулъ офицеръ, брезгливо сморщивъ лицо и потомъ, усмѣхаясь, сказалъ:

— Дикари...

Ушли они. Мать встала у окна, сложивъ руки на груди и, не мигая, ничего не видя, долго смотрѣла передъ собой, высоко поднявъ брови, сжала губы и такъ стиснула челюсти, что скоро почувствовала боль въ зубахъ. Въ лампѣ выгорѣлъ керосинъ, огонь, мелко потрескивая, угасалъ. Она дунула на него и осталась

во тьмѣ. Въ ней не было злобы, ни обиды, въ нее вошло темное, холодное облако тоскливаго бездумья и наполнило грудь ей, затрудняя біеніе сердца. Стояла она долго — устали ноги и глаза. Слышала, какъ подъ окномъ остановилась Марья и пьянымъ голосомъ кричала:

— Пелагея! Спишь? Страдалица моя несчастная... спи! Всѣхъ, всѣхъ обижаютъ...

Мать не раздѣваясь легла въ постель и быстро, точно упала въ глубокой омутъ, погрузилась въ тяжелый сонъ.

Снился ей желтый песчаный курганъ за болотомъ, по дорогѣ въ городъ. На краю его, надъ обрывомъ спускавшимся къ ямамъ, гдѣ брали песокъ, стоялъ Павелъ и голосомъ Андрея тихо, звучно пѣлъ:

— Вставай, подымайся, рабочій народъ...

Она шла мимо кургана по дорогѣ и, приложивъ ладонь ко лбу, посмотрѣла на сына. На фонѣ голубого неба его фигура было очерчена четко и рѣзко. Она не рѣшалась подойти къ нему, ей было совѣстно, потому что она была беременна. И на рукахъ у нея тоже былъ ребенокъ. Пошла дальше. На полѣ дѣти играли въ мячъ, было ихъ много и мячъ былъ красный. Ребенокъ потянулся къ нимъ съ ея рукъ и громко заплакалъ. Она дала ему грудь и воротилась назадъ, а на курганѣ уже стояли солдаты, направляя на нее штыки. Она быстро побѣжала къ церкви, стоявшей посреди поля, къ бѣлой, легкой церкви, построенной словно изъ облаковъ и неизмѣримо высокой. Тамъ кого-то хоронили, гробъ былъ большой, черный, наглухо закрытый крышкой. Но священникъ и дьяконъ ходили по церкви въ бѣлыхъ ризахъ и пѣли:

— Христосъ воскресе изъ мертвыхъ...

Дьяконъ кадилъ, кланялся ей, улыбался, волосы у него были ярко рыжіе и лицо веселое, какъ у Самойлова. Сверху, изъ купола, падали широкіе, какъ поло-

тенца, солнечные лучи. На обоихъ клиросахъ тихо пѣли мальчишки:

— Христось воскресе изъ мертвыхъ...

— Взять ихъ!—вдругъ крикнулъ священникъ, оставившаяся посреди церкви. Риза исчезла съ него, на лицѣ появились сѣдые, строгіе усы. Всѣ бросились бѣжать и дьяконъ побѣжалъ, швырнувъ кадило въ сторону и схватившись руками за голову, точно хохоль. Мать уронила ребенка на полъ, подъ ноги людей, они обѣгали его стороною, боязливо оглядываясь на голое тѣлице, а она встала на колѣни и кричала имъ:

— Не бросайте дитя! Возьмите его...

— Христось воскресе изъ мертвыхъ...—пѣлъ хохоль, держа руки за спиной и улыбаясь...

Она наклонилась, подняла ребенка и посадила его на возъ теса, рядомъ съ которымъ медленно шель Николай и хохоталъ, говоря:

— Дали мнѣ тяжелую работу...

На улицѣ было грязно, изъ оконъ домовъ высывались люди и свистѣли, кричали, махали руками. День былъ ясный, ярко горѣло солнце, а тѣней нигдѣ не было.

— Пойте, ненько!—говорилъ хохоль.—Такая жизнь!

— И пѣлъ, заглушая всѣ звуки своимъ добрымъ, улыбающимся голосомъ. Мать шла за нимъ и жаловалась:

— Зачѣмъ онъ издѣвается надо мной?...

Но вдругъ оступилась, быстро полетѣла въ бездонную глубину и глубина эта пугливо выла ей встрѣчу...

Она проснулась охваченная дрожью, вся въ поту. Прислушалась къ себѣ и удивилась—въ груди было пусто. Какъ будто чья-то шаршавая, тяжелая рука схватила сердце и, зло играя, тихонько жметъ его. Настойчиво гудѣлъ призывъ на работу, по звуку она опредѣлила, что это уже второй. Въ комнатѣ беспоря

дочно валялись книги, одежда, все было сдвинуто, разворочено, полъ затоптанъ.

Она встала и, не умываясь, не молясь Богу, начала прибирать комнату. Въ кухнѣ на глаза ей попалась палка съ кускомъ кумача, она неприязненно ваяла ее въ руки и хотѣла сунуть подъ печку, но, вадохнувъ, сняла съ нея обрывокъ знамени, тщательно сложила красный лоскутъ и спрятала его въ карманъ, а палку переломила о колѣно и бросила на шестокъ. Потомъ вымыла окна и полъ холодной водой, поставила самоваръ, одѣлась... Сѣла въ кухнѣ у окна и снова передъ нею всталъ вопросъ.

— Что-же теперь дѣлать?

Вспомнивъ, что еще не молилась, она встала передъ образами и, постоявъ нѣсколько секундъ, снова сѣла— въ сердцѣ было пусто.

Маятникъ часовъ, всегда стучавшій бойко, точно онъ былъ увѣренъ, что скоро достучится до чего-то необходимаго ему, сегодня замедлилъ свои торопливые удары, и мухи жужжали нерѣшительно, бились о стекла окна слѣпо...

Въ слободкѣ было странно тихо—какъ будто всѣ люди, вчера такъ много кричавшіе на улицѣ, сегодня спрятались въ домахъ и молча думаютъ о необычномъ днѣ.

Вдругъ ей вспомнилась картина, которую она видѣла однажды во дни юности своей: въ старомъ паркѣ господъ Заусайловыхъ былъ большой прудъ, густо заросшій кувшинками. Какъ-то разъ, въ сѣрый день осени, она шла мимо пруда и посреди него увидала лодку. Прудъ былъ темень, покоенъ, и лодка была точно приклеена къ черной водѣ, грустно украшенной желтыми листьями. Глубокой печалью, невѣдомымъ горемъ вѣяло отъ этой лодки безъ гребца и веселья, одинокой неподвижной на матовой водѣ среди умершихъ листьевъ. Мать долго стояла тогда на берегу пруда, думая—кто это оттолкнулъ лодку отъ берега и

зачѣмъ... Теперь ей показалось, что она сама похожа на эту лодку, которая тогда напоминала ей о гробѣ, ожидавшемъ мертвеца. Вечеромъ въ тотъ-же день узнали, что въ прудѣ утопилась жена прикащика Заусайловыхъ, маленькая женщина съ черными, всегда растрепанными волосами и быстрой походкой...

Мать провела рукой по глазамъ, какъ-бы стирая съ нихъ воспоминанія, и мысль ея, вздрагивая и разрываясь, трепетно поплыла надъ впечатлѣніями вчерашняго дня... Охваченная ими, она сидѣла долго, остановивъ глаза на остывшей чашкѣ чая, а въ душѣ ея разгоралось желаніе увидѣть кого-то умнаго и простого, спросить его о многомъ.

И, какъ будто отвѣчая ея желанію, послѣ обѣда явился Николай Ивановичъ. Но когда она увидала его, ея вдругъ овладѣла тревога и, не отвѣчая на его привѣтствіе, она тихо заговорила:

— Ай, батюшка мой, вотъ ужъ напрасно вы пришли! Неосторожно это! Вѣдь схватятъ васъ, если увидятъ...

Крѣпко пожимая ея руку, онъ поправлялъ очки и наклонивъ свое лицо близко къ ней, объяснилъ ей спѣшнымъ говоркомъ:

— Я, видите-ли, условился съ Павломъ и Андреемъ, что если ихъ арестуютъ—на другой-же день я долженъ переселить васъ въ городъ!—говорилъ онъ ласково и озабоченно.—Быль у васъ обыскъ?

— Быль. Обшарили, ощупали. Нѣтъ ни стыда, ни совѣсти у этихъ людей!—воскликнула она, негодуя.

— Зачѣмъ имъ стыдъ?—пожавъ плечами сказалъ Николай и началъ рассказывать, почему ей нужно жить въ городѣ.

Она слушала дружески заботливый голосъ, смотрѣла на него съ блѣдной улыбкой и, не понимая его доказательствъ, удивлялась чувству ласковаго довѣрія къ этому человѣку.

— Если Паша этого хотѣлъ,—сказала она,—и не стѣсню я васъ...

Онъ прервалъ ее:

— Объ этомъ вы не беспокоитесь. Я живу одинъ, лишь изрѣдка прѣбываетъ сестра...

— Даромъ хлѣба ѣсть не стану...—вслухъ соображала она.

— Захотите работать—дѣло найдется!—сказалъ Николай.

Для нея съ понятіемъ о дѣлѣ уже неразрывно слилось представленіе о работѣ сына и Андрея съ товарищами. Она подвинулась къ Николаю и, заглянувъ ему въ глаза, спросила:

— Найдется?

— Хозяйство мое маленькое, холостяцкое...

— Я не объ этомъ, не объ домашнемъ!—тихо сказала она.—Я—о мірскомъ дѣлѣ...

И грустно вздохнула, чувствуя себя уколотою тѣмъ, что онъ не понялъ ее. Онъ всталъ и, улыбаясь близорукими глазами, задумчиво сказалъ:

— И въ мірскомъ дѣлѣ найдете себѣ мѣсто, если захочется...

У нея быстро сложилась простая и ясная мысль—однажды она уже сѣумѣла помочь Павлу, можетъ быть это ей удастся и еще разъ? Чѣмъ больше народу примется за его дѣло, тѣмъ яснѣе выступитъ передъ людьми его правда. Но эти мысли не покрывали всей силы и сложности ея желаній. Присматриваясь къ доброму лицу Николая, она ждала услышать отъ него слова сожалѣнія о Павлѣ, объ Андрѣ и о ней, но Николай пощипывалъ бородку задумчивыми движеніями пальцевъ и говорилъ:

— Вотъ если-бы при свиданіи съ Павломъ вы попытались узнать отъ него адресъ тѣхъ крестьянъ, которые просили о газетѣ... (

—Я знаю ихъ!—воскликнула она радостно.—И гдѣ

они и кто. Давайте, я имъ отнесу. Найду ихъ и все сдѣлаю, какъ скажете... Кто подумаетъ, что я запрещенныя книги несусь? На фабрику носила я ихъ—слава тебѣ Господи, чай не одинъ пудъ перенесла.

Ей вдругъ захотѣлось пойти куда-то по дорогамъ мимо лѣсовъ и деревень съ котомкой за плечами, съ палкой въ рукѣ.

— Вы вотъ, голубчикъ, пристройте меня къ этому дѣлу, прошу я васъ!—говорила она.—Я вамъ вездѣ пойду. По всѣмъ губерніямъ, всѣ дороги найду, не безповойтесь. Буду ходить зиму и лѣто... вплоть до могилы, странницей правды ради—развѣ плохая это мнѣ доля? Странная жизнь—хорошая, идутъ люди по землѣ, ничего у нихъ нѣтъ, ничего, кромѣ хлѣба, имъ не надо, никого они не обижаютъ и такъ, тихонькіе, незамѣтные проходятъ землю... Вотъ и я пойду... дойду до Паши, до Андрея, туда, гдѣ они жить будутъ.

Ей стало грустно, когда она увидѣла себя бездомной странницей, просящей милостыню Христа ради подъ окнами деревенскихъ избъ.

Николай осторожно взялъ ея руку и погладилъ своею теплою рукою. Потомъ взглянувъ на часы, сказать:

— Объ этомъ мы поговоримъ послѣ... Вы берете на себя опасный трудъ... надо подумать...

— Родной вы мой!—воскликнула она.—О чемъ думать? Дѣти, лучшая кровь людей, самые дорогіе намъ куски сердца, волю и жизнь свою отдають, погибають безъ жалости къ себѣ... а что-же я, мать?

Лицо у Николая поблѣднѣло, онъ тихо проговорилъ, глядя на нее съ ласковымъ вниманіемъ:

— Я, знаете, въ первый разъ слышу такія слова...

— Что я могу сказать?—печально качая головою, молвила она и безсильнымъ жестомъ развела руки.—Если-бы я имѣла слова, чтобы сказать про свое материнское сердце...

Мать встала, приподнятая силой, которая росла въ ея груди и охмѣляла голову горячимъ натискомъ негодующихъ словъ.

— Заплакали-бы многіе... и даже злые, безсовѣстные...

Николай тоже всталъ, снова взглянулъ на часы.

— Такъ рѣшено—вы переѣдете въ городъ ко мнѣ?

Она молча кивнула головой.

— Когда? Вы скорѣе!—попросилъ онъ и мягко добавилъ:—Мнѣ будетъ тревожно за васъ, право!

Она удивленно взглянула на него—что ему до нея? Наклонивъ голову, смущенно улыбаясь, онъ стоялъ передъ нею сутулый, близорукой, одѣтый въ простой черный пиджакъ и все на немъ было чужимъ ему...

— У васъ есть деньги?—спросилъ онъ, опустивъ глаза.

— Нѣтъ.

Онъ быстро вынулъ изъ кармана кошелекъ, открылъ его и протянулъ ей.

— Вотъ, пожалуйста, берите...

Мать невольно улыбнулась и, покачивая головой, замѣтила:

— Все по новому! И деньги безъ цѣны. Люди за нихъ на все идутъ, душу свою теряютъ... а для васъ онѣ—такъ себѣ, билетики да мѣдяшечки... Какъ будто изъ милости къ людямъ вы ихъ при себѣ держите...

Николай тихо засмѣялся.

— Ужасно неудобная и неприятная вещь—деньги! Всегда неловко и брать ихъ, и давать....

Онъ взялъ ея руку, крѣпко пожалъ и еще разъ попросилъ ее.

— Такъ вы скорѣе, а?

И—какъ всегда тихій,—ушелъ.

Проводивъ его, она подумала:

— Такой добрый,—а не пожалѣлъ...

И не могла сказать себѣ,—удивляетъ это ее или голько пріятно...

XXII.

Она собралась къ нему на четвертый день послѣ его посѣщенія. И когда тельга съ двумя ея сундуками выѣхала изъ слободки въ поле, она, обернувшись назадъ, вдругъ почувствовала, что навсегда уже бросаетъ это мѣсто, гдѣ прошла самая темная и тяжелая полоса ея жизни, гдѣ началась другая—пестрая, быстро поглощавшая дни, полная новаго горя и радости.

На землѣ, черной отъ копоти, огромнымъ темно-краснымъ паукомъ раскинулась фабрика, поднявъ высоко въ небо свои трубы. Къ ней прижимались одноэтажные домики рабочихъ. Сѣрые, приплюснутые, они толпились тѣсной кучкой на краю болота и жалобно смотрѣли другъ на друга маленькими, тусклыми окнами. Надъ ними поднималась церковь, тоже темно-красная подъ цвѣтъ фабрики, и колокольня ея, казалось, была ниже фабричныхъ трубъ.

Мать вздохнула, поправила воротъ кофты, давившей горло, ей было грустно, но грусть была сухая, какъ пыль жаркаго дня.

— Шагай!—бормоталъ извозчикъ, помахивая на лошадь возжами. Это былъ кривоногій человѣкъ неопредѣленнаго возраста, съ рѣдкими, выцвѣтшими волосами на лицѣ и головѣ, съ безцвѣтными глазами. Качаясь съ боку на бокъ, онъ шелъ рядомъ съ тельгой и было ясно, что ему все равно куда идти—направо, налево.

— Шагай!—говорилъ онъ безцвѣтнымъ голосомъ и смѣшно выкидывалъ свои кривыя ноги въ тяжелыхъ сапогахъ, съ присохшей грязью. Мать оглянулась вокругъ. Въ полѣ было пусто, какъ въ душѣ...

Уныло качая головой, лошадь тяжело упиралась ногами въ глубокой, нагрѣтый солнцемъ песокъ и онъ тихо шуршаль. Скрипѣла плохо смазанная, разбитая телѣга и всѣ звуки вмѣстѣ съ пылью оставались сади...

Николай Ивановичъ жилъ на окраинѣ города, въ пустынной улицѣ, въ маленькомъ зеленомъ флигелѣ, пристроенномъ къ двухъ этажному, распухшему отъ старости, темному дому. Передъ флигелемъ былъ густой палисадникъ и въ окна трехъ комнатъ квартиры ласково и свѣжо заглядывали вѣтви сиреней, акацій, серебрянные листья молодыхъ тополей. Въ комнатахъ было тихо, чисто, на полу безмолвно дрожали узорчатые тѣни, по стѣнамъ тянулись полки, тѣсно уставленные книгами и висѣли портреты какихъ-то строгихъ, серьезныхъ людей.

— Вамъ удобно будетъ здѣсь?—спросилъ Николай, вводя мать въ небольшую комнату съ однимъ окномъ въ палисадникъ и другимъ на дворъ, густо поросшій травой. И въ этой комнатѣ всѣ стѣны тоже были заняты шкафами и полками книгъ.

— Я-бы лучше въ кухнѣ!—сказала она.—Кухонька свѣтлая, чистая...

Ей показалось, что онъ испугался чего-то. А когда онъ неловко и смущенно сталъ отговаривать ее, и она согласилась—сразу повеселѣлъ.

Всѣ три комнаты были полны какимъ-то особеннымъ воздухомъ—дышать было легко и приятно, но голосъ невольно понижался, не хотѣлось говорить громко, нарушая мирную задумчивость людей, сосредоточенно смотрѣвшихъ со стѣнъ.

— Цвѣты-то надо полить!—сказала мать, пощупавъ землю въ горшкахъ съ цвѣтами на окнахъ.

— Да, да!—виновато сказалъ хозяинъ.—Я, знаете, люблю ихъ, а заниматься некогда...

Наблюдая за нимъ, она видѣла, что и въ своей уютной квартирѣ Николай тоже ходитъ осторожно, безшумно, чужой и далекій всему, что окружаетъ его. Приближалъ свое лицо вплотъ къ тому, на что смотрѣлъ и, поправляя очки тонкими пальцами правой руки, прищуривался, прицѣливаясь безмолвнымъ вопросомъ въ предметъ, интересовавшій его. Иногда бралъ вещь—статуетку или что-нибудь другое въ руки, подносилъ къ лицу и тщательно ощупывалъ глазами—казалось, онъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ матерью и, какъ ей, ему все здѣсь было незнакомо, непривычно. Видя его такимъ, мать сразу почувствовала себя на мѣстѣ въ этихъ комнатахъ. Она ходила за Николаемъ, замѣчая, гдѣ что стоитъ, спрашивала о порядкѣ жизни, онъ отвѣчалъ ей виноватымъ тономъ человѣка, который знаетъ, что онъ все дѣлаетъ не такъ, какъ нужно, а иначе не умѣетъ.

Поливъ цвѣты и уложивъ правильной стопой разбросанныя на піанино ноты, она посмотрѣла на самоваръ и замѣтила:

— Надо почистить...

Онъ провелъ пальцами по тусклому металлу, поднесъ палецъ къ носу и серьезно посмотрѣлъ на него. Мать ласково усмѣхнулась.

Когда она легла спать и вспомнила свой день, она удивленно приподняла голову съ подушки, оглядываясь. Первый разъ за всю жизнь она была въ домѣ у чужаго человѣка и это не стѣсняло ее. Она думала о Николаѣ заботливо и чувствовала ясное желаніе сдѣлать для него все какъ можно лучше, вложить что-то ласковое и грѣющее въ его жизнь. Ее трогала за сердце неловкость, смѣшное неумѣніе Николая, его отчужденность отъ обычнаго и что-то мудро-дѣтское въ свѣтлыхъ глазахъ. Потомъ ея мысль упруго остановилась на сынѣ и передъ нею снова развернулся день перваго Мая, весь одѣтый въ новые звуки, окры-

ленный новымъ смысломъ. И горе этого дня было, какъ весь онъ, особенное, оно не сгибало голову къ землѣ, какъ тупой, оглушающій ударъ кулака, оно колото сердце многими уколами и вызывало въ немъ тихій гнѣвъ, выпрямляя согнутую спину.

— Идутъ въ мірѣ дѣти...—думала она, прислушиваясь къ незнакомымъ звукамъ ночной жизни города. Они ползли въ открытое окно, шелестя листвою въ палисадникѣ, прилетали издалека усталые, блѣдные и тихо умирали въ комнатѣ.

Рано утромъ она вычистила самоваръ, поставила его, безшумно собрала посуду и стала, сядя въ кухнѣ, ожидать, когда проснется Николай. Вотъ раздался его кашель и онъ вошелъ въ дверь, одной рукой держа очки, другой прикрывая горло. Отвѣтивъ на его привѣтствіе, она унесла самоваръ въ комнату, а онъ сталъ умываться, расплескивая на полъ воду, роняя мыло, зубную щетку и недовольно фыркая на себя.

За чаемъ Николай рассказываетъ ей:

— Я занимаюсь въ земской управѣ очень печальной работой—наблюдаю, какъ разоряются наши крестьяне...

И, улыбаясь виновато, повторилъ:

— Именно—наблюдаю! Люди голодаютъ, истощенные голодомъ преждевременно ложатся въ могилы, дѣти рождаются слабыми, гибнуть, какъ мухи осенью... мы все это знаемъ, знаемъ причины несчастія и, рассматривая ихъ, получаемъ жалованье... А дальше ничего, собственно говоря...

— А вы кто—студентъ?—спросила она его.

— Нѣтъ, я сельскій учитель... Отецъ мой управляющій заводомъ въ Вяткѣ, а я пошелъ въ учителя. Но въ деревнѣ я сталъ мужикамъ книжки давать и меня за это посадили въ тюрьму. Послѣ тюрьмы—служилъ прикащикомъ въ книжномъ магазинѣ, но—велъ себя неосторожно и снова попалъ въ тюрьму, потомъ—въ Архангельскую выслали... Тамъ у меня тоже вышли

непріятности съ губернаторомъ, меня заслали на берегъ Бѣлаго моря, въ деревушку, гдѣ я прожилъ пять лѣтъ.

Его говорокъ звучалъ въ свѣтлой, залитой солнцемъ комнатѣ спокойно и ровно. Мать уже много слышала такихъ исторій и никогда не понимала—почему ихъ рассказываютъ такъ спокойно, никого не обвиняя за свои страданія, относясь къ нимъ, какъ къ чему-то неизбѣжному.

— Сестра моя сегодня пріѣдетъ!—сообщилъ онъ.

— Замужняя?

— Вдова. Мужъ у нея былъ въ Сибирь сосланъ, но бѣжалъ оттуда, сильно простудился дорогой и умеръ заграницей, два года тому назадъ...

— Она моложе васъ?

— Старше на шесть лѣтъ... Я ей очень многимъ обязанъ... Вотъ вы послушайте, какъ она играетъ! Это ея піанино... Здѣсь вообще много ея вещей—мои книги...

— А она гдѣ живетъ?

— Вездѣ!—отвѣтилъ онъ улыбаясь.—Гдѣ есть нужда въ смѣломъ человѣкѣ, тамъ и она.

— Тоже въ этомъ дѣлѣ?—спросила мать.

— Конечно!—сказалъ онъ.

Онъ скоро ушелъ на службу, а мать задумалась объ „этомъ дѣлѣ“, которое изо дня въ день упрямо и спокойно дѣлаютъ люди. И она чувствовала себя передъ ними, какъ передъ горою въ ночной часъ.

Около полудня явилась дама въ черномъ платьѣ, высокая и стройная. Когда мать отперла ей дверь, она бросила на полъ маленькій желтый чемоданъ и, быстро схвативъ руку Власовой, спросила:

— Вы Павла Михайловича мама, такъ?

— Да, это я!—отвѣтила мать, смущенная ея богатымъ костюмомъ.

— Я васъ такой и представляла себѣ! Братъ писалъ, что вы будете жить у него, — говорила дама, снимая

передъ зеркаломъ шляпу.—Мы съ Павломъ Михайловичемъ давно друзья... Онъ часто рассказывалъ мнѣ про васъ...

Голосъ у нея былъ глуховатый, говорила она медленно, но двигалась сильно и быстро. Большіе сѣрые глаза улыбались молодо и ясно, а на вискахъ уже сіяли тонкія лучистыя морщинки и надъ маленькими раковинами ушей серебристо блестяли сѣдые волосы.

— Ъсть хочу!—заявила она.—Теперь-бы чашку кофе выпить...

— Сейчасъ я сварю!—отозвалась мать и, доставая кофейный приборъ изъ шкафа, тихонько спросила:—А развѣ Паша говоритъ обо мнѣ?

— Конечно! И много...

Она вынула маленькій кожаный портсигаръ, закурила папиросу и, расхаживая по комнатѣ, спрашивала:

— Вы сильно боитесь за него?

Наблюдая, какъ дрожать синіе языки огня спиртовой лампы подъ кофейникомъ, мать улыбалась. Ея смущеніе передъ дамой исчезло въ глубинѣ радости.

— Такъ онъ обо мнѣ рассказываетъ... хорошій мѣй!—думала она, а сама медленно говорила:—Вы спрашиваете—безпокойно мнѣ?.. Конечно, не легко... но раньше было-бы хуже... теперь я знаю—не одинъ онъ...

И, глядя въ лицо женщины, спросила ее:

— А какъ ваше имя?

— Софья!—отвѣтила та.

Мать зорко присматривалась къ ней. Въ этой женщинѣ было что-то размахистое, слишкомъ бойкое и торопливое...

Быстро прихлебывая кофе, она увѣренно говорила:

— Главное, чтобы всё они не долго сидѣли въ тюрьмѣ, скорѣе-бы осудили ихъ. А какъ только сошлютъ—мы сейчасъ-же устроимъ Павлу Михайловичу побѣгъ... онъ необходимъ здѣсь.

Мать недовѣрчиво взглянула на Софью, а та, поиславъ глазами куда-бы бросить окурокъ папиросы, сунула его въ землю цвѣточной банки.

— Портятся отъ этого цвѣты!—машинально замѣтила мать.

— Извините!—сказала Софья.—Николай тоже всегда говорить мнѣ это...—И вынувъ изъ банки окурокъ, она выбросила его за окно.

Мать смущенно взглянула въ лицо ей и виновато проговорила:

— Вы извините меня! Я это такъ сказала, не подумавъ. Развѣ я могу учить васъ?..

— А почему и не учить, если я перяха?—отозвалась Софья, пожавъ плечами.—Готовъ кофе? Спасибо! А почему одна чашка? Вы не будете пить?

И вдругъ, взявъ мать за плечи, привлекая къ себѣ и заглядывая въ глаза, она удивленно спросила:

— Неужели вы стѣсняетесь?

Мать, улыбаясь, отвѣтила:

— Только что я вамъ насчетъ окурка сказала, и вы меня спрашиваете—не стѣсняюсь-ли!

И, не скрывая своего удивленія, она заговорила, какъ-бы спрашивая:

— Вчера къ вамъ пріѣхала, а веду себя такъ, словно я дома и васъ давно знаю... ничего не боюсь, говорю, что хочу... даже вотъ разныя замѣчанія дѣлаю.

— Такъ и нужно!—воскликнула Софья.

— У меня голова кружится... и я какъ будто сама себѣ чужая...—тихо продолжала мать.—Бывало—ходишь, ходишь около человѣка, прежде чѣмъ что-нибудь скажешь ему отъ души... а теперь—всегда дупа открыта и сразу говоришь такое, чего раньше не подумала-бы... и всего—много!

Софья снова закурила папиросу, ласково и молча освѣщая лицо матери своими сѣрыми глазами.

— Вы говорите побѣгъ устроить... Ну, а какъ-же

онъ жить будетъ бѣглый?—поставила мать волновавшій ее вопросъ.

— Это пустяки!—отвѣтила Софья, наливая себѣ еще кофе.—Будетъ жить, какъ живутъ десятки бѣжавшихъ.. Я вотъ только что встрѣтила и проводила одного... тоже очень цѣнный человѣкъ... рабочій съ юга, былъ сосланъ на пять лѣтъ, а прожилъ въ ссылкѣ три съ половиной мѣсяца... Поэтому я пышная такая. Вы думаете, я всегда такъ одѣваюсь? Терпѣть не могу нарядовъ и пышныхъ шелестовъ... Человѣкъ простъ и долженъ одѣваться просто, красиво, но просто...

Мать пристально посмотрѣла на нее, улыбнулась и, задумчиво качая головой, тихо сказала:

— Нѣтъ, видно смялъ меня этотъ день, первое Мая! Неловко мнѣ какъ-то и точно по двумъ дорогамъ сразу я иду... то мнѣ кажется, что я все понимаю, а то вдругъ какъ въ туманъ попала... Вотъ теперь вы... смотрю на васъ—барыня... занимаетесь вы этимъ дѣломъ... Пашу знаете—и цѣните его, спасибо вамъ...

— Ну, ужъ это вамъ спасибо!—засмѣялась Софья.

— Что я? Не я его этому научила!—вдохнувъ сказала мать.—Такъ я говорю,—настоячиво продолжала она,—то все мнѣ просто и близко, то вдругъ не могу я понять этой простоты. Также вотъ спокойно мнѣ и вдругъ боязно, что такъ спокойно. Всю свою жизнь боялась... а теперь и есть чего бояться... а я—мало боюсь... Отчего это? Не пойму!..

Софья задумчиво отвѣтила:

— Придетъ время—все поймете!.. Ну, мнѣ пора снять съ себя все это великолѣпіе...

Положивъ окурокъ на блюдцѣ своей чашки, она тряхнула головой, ея золотистые волосы разсыпались густыми прядями по спинѣ и она ушла.

Мать посмотрѣла вслѣдъ ей, вдохнула, оглянулась и безъ думъ, въ полудремотномъ состояніи покоя, тяготившаго ее, стала убирать посуду.

Часа въ четыре явился Николай. Обѣдали и за обѣдомъ Софья разсказывала, посмѣваясь, какъ она встрѣчала и прятала бѣжавшаго изъ ссылки человѣка, какъ боялась шпионовъ, видя ихъ во всѣхъ людяхъ и какъ смѣшно вель себя этотъ бѣглый... Въ тонѣ ея было что-то напоминавшее матери похвальбу рабочаго, который хорошо сдѣлалъ трудную работу и—доволенъ.

Теперь она была одѣта въ легкое широкое платье стального цвѣта. Оно падало отъ плечъ ея къ ногамъ теплыми волнами и было мягкое, безшумное. Она казалась выше ростомъ въ этомъ платьѣ, глаза ея какъ будто потемнѣли и движенія стали болѣе спокойными.

— Тебѣ, Софья,—заговорилъ Николай послѣ обѣда,—придется взять еще дѣло... Ты знаешь, мы затѣяли газету для деревни... но связь съ людьми оттуда потеряна, благодаря послѣднимъ арестамъ. Вотъ только Пелагея Ниловна можетъ указать намъ какъ найти человѣка, который возьметъ распространеніе газеты на себя. Ты съ ней поѣзжай туда... нужно скорѣе...

— Хорошо!—покуривая папиросу сказала Софья.—Вѣдемъ, Пелагея Ниловна?

— Что-жъ, поѣдемте...

— Далекое?

— Верстъ восемьдесятъ...

— Чудесно!... А теперь я поиграю. Вы какъ, Пелагея Ниловна, можете потерпѣть немного музыки?

— Вы меня не спрашивайте — будто нѣтъ меня тутъ!—сказала мать, усаживаясь въ уголокъ дивана, обитаго клеенкой. Она видѣла, что братъ и сестра какъ-бы не обращаютъ на нее вниманія и въ то-же время выходило такъ, что она все время невольно вмѣшивалась въ ихъ разговоръ, незамѣтно вызывая ими.

— Вотъ слушай, Николай! Это—Григъ. Я сегодня привезла... Закрой окна.

Она открыла ноты, не сильно ударила по клавишамъ лѣвой рукой. Сочно и густо заплѣли струны. Вздохнувъ глубокимъ вздохомъ, къ нимъ прилилась еще одна нота, богатая звукомъ, вдрагивающая отъ полноты. Изъ-подъ пальцевъ правой руки, свѣтло звеня, тревожной стайей полетѣли странно прозрачные крики струнъ и закачались, забились, какъ испуганныя птицы, на темномъ фонѣ низкихъ нотъ, а эти плѣли мѣрно и стройно, какъ волны моря, утомленныя бурей. Въ отвѣтъ на пѣсню безнадежно отзывались густыя волны темныхъ звуковъ, широкія и гулкія, онѣ поглощали своей глубиной рой звенящихъ жалобъ, вопросовъ, стоновъ, слитыхъ въ тревожной пѣснѣ. Порой она отчаянно взлетала вверхъ, рыдая и тоскуя и снова падала, ползла, качалась на зыбкомъ и густомъ потокѣ басовыхъ нотъ, тонула, исчезала въ нихъ и снова, прорываясь сквозь равномерный, безнадежно спокойный гулъ, росла, звенѣла и таяла, растворялась въ широкомъ взмахѣ влажныхъ нотъ, захлестнутая ими. А онѣ вздыхали все такъ-же сильно и спокойно, не уставая, не отвѣчая, безъ торжества...

Сначала мать не трогали всѣ эти звуки и были непонятны ей, въ ихъ теченіи она слышала только звенящій хаосъ. Слухъ ея не могъ поймать мелодіи въ сложномъ трепетѣ массы нотъ. Полудремотно она смотрѣла на Николая, сидѣвшаго, поджавъ подъ себя ноги, въ другомъ концѣ широкаго дивана, разглядывала строгій профиль Софьи и голову ея, согнутую тяжелой массой золотистыхъ волосъ. Заходило солнце и одинъ лучъ, задумчиво вдрагивая, сначала тепло освѣщала голову и плечо Софьи, потомъ легъ на клавиши рояля и затрепеталъ подъ пальцами женщины, обнимая ихъ. Музыка наполняла комнату все тѣснѣе и незамѣтно для матери будила сердце. Три ноты, звонкія, какъ голосъ Федя Мазина, правильно смѣняя одна другую и поддерживая другъ другъ на одной высотѣ,

блестѣли въ потокѣ звуковъ, точно три серебряныя рыбы въ ручьѣ... Порою съ ними соединялась еще одна и вмѣстѣ онѣ пѣли что-то простое, касавшееся сердца, ласково и грустно. Она стала слѣдить за ними, ждать ихъ пѣнія и слушала только эти ноты, выдѣляя ихъ изъ тревожнаго хаоса звуковъ, который постепенно становился неслышенъ ей...

И почему-то предъ ней вставала изъ темной ямы прошлаго одна обида, давно забытая, но воскресавшая теперь съ горькой ясностью.

Однажды покойникъ мужъ пришелъ домой поздно ночью сильно пьяный, схватилъ ее за руку, сбросилъ съ постели на полъ, ударилъ въ бокъ ногой и сказалъ:

— Ступай вонъ, сволочь, надоѣла ты мнѣ!... Ступай!

Она, чтобы защититъ себя отъ его ударовъ, быстро взяла на руки двухлѣтняго сына и стоя на колѣняхъ, прикрылась его тѣломъ какъ щитомъ. Онъ плакалъ, бился у нея въ рукахъ, испуганный, голенькій и теплый.

— Ступай!—кричалъ Михаилъ своимъ ревушимъ голосомъ.

Она вскочила на ноги, бросилась въ кухню, накинула на плечи кофту, закутала ребенка въ шаль и молча, безъ криковъ и жалобъ, босая, въ одной рубашкѣ и кофтѣ сверхъ нея, пошла по улицѣ. Былъ май и ночь была свѣжа, пыль улицы холодно приставала къ ногамъ, набиваясь между пальцами. Ребенокъ плакалъ, бился. Она раскрыла грудь, прижала сына къ тѣлу и, гонимая страхомъ, шла по улицѣ, шла, тихонько баюкая.

— О—о—о... о—о—о...

А уже свѣтало, ей было боязно и стыдно ждать, что кто-нибудь выйдетъ на улицу, увидитъ ее полунагую... Она сошла къ болоту и сѣла на землю подъ тѣсной группой молодыхъ осинъ. И такъ сидѣла долго, объятая ночью, неподвижно глядя во тьму ши-

роко раскрытыми глазами и боязливо пѣла, баюкая уснувшего ребенка и обиженное сердце свое...

— О-о-о... о-о-о... о-о-о...

Въ одну изъ минутъ, проведенныхъ ею тамъ, надъ головой ея мелькнула, улетая вдаль, какая-то черная, тихая птица—она разбудила ее, подняла, дрожащая отъ холода она пошла домой, навстрѣчу привычному ужасу побоевъ и новыхъ обидь...

Послѣдній разъ вздохнулъ гулкой аккордъ, безразличный, холодный, вздохнулъ и замеръ.

Софья обернулась, негромко спрашивая брата:

— Понравилось?

— Очень!—сказалъ онъ, вздрогнувъ какъ разбуженный.—Очень...

Тихій, красивый аккордъ взлетѣлъ изъ-подъ пальцевъ женщины.

Въ груди матери пѣло и дрожало эхо воспоминаній, ей хотѣлось еще музыки. И гдѣ-то сбоку, стороной, развивалась мысль:

— Вотъ живутъ люди... братъ и сестра, дружно, спокойно... Музыка... Не ругаются, не пьютъ водки, не спорятъ изъ-за куска... Нѣтъ у нихъ желанія обидѣть другъ друга, какъ это есть у людей черной жизни...

Софья быстро курила папиросу. Она курила много, почти непрерывно.

— Это любимая вещь покойника Кости!—сказала она, торопливо затягиваясь дымомъ и снова взяла негромкій, печальный аккордъ.—Какъ я любила играть ему. Какой онъ чуткій былъ, отзывчивый на все... всѣмъ полный...

— О мужъ вспоминаетъ, должно быть...—мелькомъ отмѣтила мать.—А улыбается...

— Сколько далъ мнѣ счастья этотъ человѣкъ!...—тихо говорила Софья, сопровождая своимъ думамъ легкими звуками струнь.—Какъ онъ умѣлъ жить...

Всегда въ немъ горѣла радость, дѣтская, живая радость...

— Дѣтская...—повторила мать про себя, соглашаясь.

— Да-а!—сказалъ Николай, теребя свою бородку.— Пѣвучая душа!..

Софья бросила куда-то начатую папиросу, обернулась къ матери и спросила ее:

— Вамъ не мѣшаетъ мой шумъ, нѣтъ?

Мать отвѣтила съ легкой досадой, которую не могла сдержать:

— Я говорю—вы меня не спрашивайте... я ничего не понимаю... сижу, слушаю, думаю про себя...

— Нѣтъ, вы должны понимать!—сказала Софья.— Женщина не можетъ не понять музыку... а особенно, если ей грустно...

Она сильно ударила по клавишамъ и раздался громкій крикъ, точно кто-то услышалъ ужасную для себя вѣсть, она ударила его въ сердце и вырвала этотъ потрясающій звукъ. Испуганно затрепетали молодые голоса и бросились куда-то торопливо, растерянно и снова закричалъ громкій, гнѣвный голосъ, все заглушая... Должно быть случилось несчастіе, но вызвало не жѣлобы, а гнѣвъ... Потомъ явился кто-то ласковый и сильный, и запѣлъ простую, красивую пѣснь, уговаривая и призывая за собой. Обиженно и глухо ворчали голоса басовыхъ струнъ.

Она играла долго, обильно сѣя массы пѣвучихъ звуковъ, и это волновало мать, возбуждая въ ней желаніе спросить, о чемъ говоритъ музыка, вызывая неясные образы, чувства, мысли, тотчасъ-же смѣнявшіеся другими. Печаль и тревога уступали мѣсто проблескамъ спокойной радости, казалось, въ комнатѣ летаетъ рой невидимыхъ птицъ, онѣ, проникая всюду, задѣваютъ за сердце нѣжными крыльями, тревожатъ и утѣшаютъ, играютъ и серьезно поютъ о чемъ-то, что невольно вызываетъ въ груди неуловимыя словами думы и бод-

рять сердце смутными надеждами,—свѣжо и крѣпко ласкають его.

Грудь матери полно налилась добрымъ желаніемъ сказать что-то хорошее и этимъ двумъ людямъ, и всѣмъ вообще. Она тихонько улыбалась, охмѣленная музыкой, чувствуя себя способной сдѣлать что-то нужное для брата и сестры.

И поискавъ глазами, что можно сдѣлать, тихонько пошла въ кухню ставить самоваръ.

Но это желаніе не исчезло у нея, оно билось въ груди настойчиво, ровно, и разливая чай, она говорила волнуясь, смущенно усмѣхаясь и какъ-бы отирая свое сердце словами теплой ласки, которую она давала равномѣрно имъ и себѣ.

— Мы, люди черной жизни, все чувствуемъ, но трудно выговорить сердце намъ, у насъ носятся мысли, намъ это совѣстно, что вотъ понимаемъ, а сказать не можемъ. И часто отъ совѣсти сердимся мы на мысли наши. Да и на тѣхъ, кто ихъ внушаетъ, сердимся, гонимъ прочь. Вѣдь безпокойна жизнь—со всѣхъ сторонъ и бьетъ, и колетъ, хочется отдохнуть... а мысли будятъ душу, требуютъ—гляди!

Николай слушалъ и кивалъ головой, торопливо претирая очки, а Софья смотрѣла на нее, широко открывъ свои огромные глаза и забывая курить угасавшую папиросу. Она сидѣла у піанино вполоборота къ нему и порою тихо касалась клавишъ тонкими пальцами правой руки. Аккордъ осторожно вливался въ рѣчь матери, торопливо облекавшей чувства въ простыя, душевныя слова.

— Я вотъ теперь смогу сказать кое-что про себя, про своихъ людей... потому, что понимаю жизнь... а стала понимать, когда могла сравнить. Раньше жила и не съ чѣмъ было сравнивать. Вѣдь въ нашемъ быту всѣ живутъ одинаково. А теперь вижу, какъ другіе живутъ, смотрю, какъ сама жила и—горько вспомнить,

тяжело. ну, назадъ не воротишь, а и воротишься— молодости не найдешь...

Она понизила голосъ и продолжала:

— Можетъ быть я что-нибудь и не такъ говорю и не нужно этого говорить, потому что вы сами все знаете... но вѣдь я про себя говорю... это вы меня поставили рядомъ съ собой...

Слезы радостной благодарности зазвенѣли въ ея голосѣ и, глядя на нихъ съ улыбкой въ глазахъ, она сказала:

— Хочется мнѣ сердце открыть передъ вами, чтобы видѣли вы, какъ я желаю вамъ добраго, хорошаго.

— Мы это видимъ!— тихо сказалъ Николай. — Вы дѣлаете праздникъ намъ.

— Мнѣ вѣдь что кажется?— улыбалась она, понижая голосъ.— Кажется, что я кладъ нашла, богата стала... И всѣхъ одарить могу! Это, можетъ быть, только глупость моя разыгралась...

— Не говорите такъ!— серьезно сказала Софья.

Она не могла насытить свое желаніе и снова говорила имъ то, что было ново для нея и казалось ей неопредѣленно важнымъ. Потомъ она стала рассказывать о себѣ, о своей бѣдливой жизни, въ обидахъ и терпѣливомъ страданіи рассказывала и—вдругъ останавливалась, ей казалось, что она отошла въ сторону сама отъ себя и говорить точно о комъ-то другомъ...

Въ простыхъ словахъ, беззлобно, съ усмѣшкой сожалѣнія на губахъ, она развертывала передъ ними однообразный, сѣрый свитокъ печальныхъ дней, перечисляя побои мужа и сама поражалась ничтожностью поводовъ къ этимъ побоямъ, сама удивлялась своему неумѣнію отклонить ихъ...

Они оба слушали ее молча, внимательно, подавленные глубокимъ смысломъ простой исторіи человѣка, котораго считали скотомъ и который самъ долго и безропотно чувствовалъ себя тѣмъ, за кого его счита-

тали. Казалось, тысячи жизней говорят ее устами—обыденно и просто было все, чѣмъ она жила, но такъ просто и обычно жило безчисленное множество людей на землѣ и ее исторія, все расширяясь въ ихъ глазахъ, принимала значеніе символа... Николай поставилъ локти на столъ, положилъ голову на ладони и не двигался, глядя на нее черезъ очки напряженно прищуренными глазами. Софья откинулась на спинку стула и порой вздрагивала, порой шептала что-то про себя, отрицательно покачивая головой. Лицо ее стало еще болѣе худымъ и блѣднымъ и она не курила.

— Однажды я сочла себя несчастной, мнѣ показалось, что жизнь моя—лихорадка...—тихо заговорила она, опуская голову.—Это было въ ссылкѣ. Маленькій уѣздный городишко, дѣлать нечего, думать не о чемъ, кромѣ себя... И складывала всѣ мои несчастія въ одно и взвѣшивала ихъ, отъ нечего дѣлать: вотъ—поссорилась съ отцомъ, котораго любила, прогнали изъ гимназій и оскорбили, тюрьма, предательство товарища, который былъ близокъ мнѣ, арестъ мужа, опять тюрьма и ссылка, смерть мужа... И мнѣ тогда казалось, что самый несчастный человѣкъ—это я... Но всѣ мои несчастія и въ десять разъ больше—не стоятъ мѣсяца вашей жизни, Пелагея Ниловна... не стоятъ! Это ежедневное истязаніе въ продолженіи годовъ... Гдѣ люди черпаютъ силу страдать?

— Привыкаютъ!—вздохнувъ отвѣтила Власова.

— Мнѣ казалось—я знаю эту жизнь!—задумчиво сказалъ Николай.—Но когда о ней говорить не книга и не разрозненныя впечатлѣнія мои, а вотъ такъ, сама оца—страшно! И страшны мелочи, страшно ничтожное, секунды, изъ которыхъ слагаются года...

Бесѣда вдумчиво текла, росла, охватывая черную жизнь со всѣхъ сторонъ, мать углублялась въ свои воспоминанія и, извлекая изъ сумрака прошлаго каждодневныя мелкія обиды, создавала тяжелую картину

огромнаго нѣмого ужаса, въ которомъ утонула ея молодость. Наконецъ она сказала:

— Ой, заговорила я васъ... пора вамъ отдыхать! Всего не перескажешь...

Братъ и сестра простились съ нею молча. Ей показалось, что Николай поклонился ниже, чѣмъ всегда и крѣпче пожалъ руку. А Софья проводила ее до комнаты и, остановясь въ дверяхъ, сказала тихо:

— Отдыхайте... покойной ночи!

Отъ ея голоса вѣяло тепломъ и сѣрые глаза такъ мягко ласкали лицо матери...

Она ваяла руку Софьи и, сжимая ее своими руками, отвѣтила:

— Спасибо вамъ!...

XXIII.

Дня три прошло въ непрерывныхъ разговорахъ съ Софьей и Николаемъ, въ разказахъ о прошломъ, которое, взволнованно и настойчиво поднимаясь со дна проснувшейся души, ужасалось само себѣ и просило объясненія. И вниманіе, съ которымъ братъ и сестра слушали мать, все шире открывало ея сердце, освобождая его изъ тѣсной, темной клѣтки.

А на четвертый день она и Софья явились передъ Николаемъ двумя бѣдно одѣтыми мѣщанками, въ поношенныхъ ситцевыхъ платьяхъ и кофтахъ, съ котомками за плечами и съ палками въ рукахъ. Костюмъ убавилъ Софьѣ ростъ и сдѣлалъ еще строже ея блѣдное лицо.

— Ты будто всю жизнь ходила по монастырямъ!— замѣтилъ ей Николай.

Прощаясь съ сестрой, онъ крѣпко пожалъ ей руку и мать еще разъ отмѣтила эту простоту и спокойствіе отношеній. Ни поцѣлуевъ, ни ласковыхъ словъ у этихъ людей, а они относятся другъ къ другу такъ искренно, заботливо. Тамъ, гдѣ она жила, люди много цѣлуются, часто говорятъ ласковыя слова и всегда кусаютъ другъ друга, какъ голодныя собаки.

Женщины молча прошли по улицамъ города, вышли въ поле и зашагали плечо къ плечу по широкой, избитой дорогѣ между двумя рядами старыхъ березъ...

— А не устанете вы?—спросила мать у Софьи.

— Вы думаете мало я ходила! Это мнѣ знакомо...

И съ улыбкой, весело, какъ будто она говорила о славныхъ шалостяхъ дѣтства, Софья стала рассказывать матери о своей революціонной работѣ. Ей пришлось жить подъ чужимъ именемъ, пользуясь фальшивымъ документомъ, переодѣваться, скрываясь отъ шпіоновъ, возить пуды запрещенныхъ книгъ по разнымъ городамъ, устраивать побѣги для ссыльныхъ товарищей, сопровождать ихъ за границу. Въ ея квартирѣ была устроена тайная типографія и когда жандармы, узнавъ объ этомъ, явились съ обыскомъ, она, успѣвъ за минуту передъ ихъ приходомъ переодѣться горничной, ушла, встрѣтивъ у воротъ дома своихъ гостей, и безъ верхняго платья, въ легкомъ платкѣ на головѣ и съ жестянкой для керосина въ рукахъ, зимою, въ крѣпкій морозъ, прошла весь городъ изъ конца въ конецъ. Другой разъ она пріѣхала въ чужой городъ къ своимъ знакомымъ и когда уже шла по лѣстницѣ въ ихъ квартиру, замѣтила, что у нихъ обыскъ. Возвращаться назадъ было поздно, тогда она смѣло позвонила въ дверь этажемъ ниже квартиры знакомыхъ и, войдя со своимъ чемоданомъ къ незнакомымъ людямъ, откровенно объяснила имъ свое положеніе.

— Можете выдать меня, если хотите, но я думаю вы не сдѣлаете этого!—сказала она увѣренно.

Они были сильно испуганы ею и всю ночь не спали, ожидая каждую минуту, что къ нимъ постучать, но не рѣшились выдать ее жандармамъ, а утромъ вмѣстѣ съ нею смѣялись надъ ними. А однажды она, перелѣзая монахиней, вѣхала въ одномъ вагонѣ и на одной скамьѣ со шпиономъ, который выслѣживалъ ее и, хватаясь своею ловкостью, ей рассказывалъ, какъ онъ это дѣлаетъ; онъ былъ увѣренъ, что она ѣдетъ съ этимъ поѣздомъ въ вагонѣ второго класса, на каждой остановкѣ выходилъ и, возвращаясь, говорилъ ей:

— Не видно... спать легла, должно быть. Тоже и они устаютъ... жизнь трудная, въ родѣ нашей!

Мать слушала ея рассказы, смѣялась и смотрѣла на нее ласкающими глазами. Высокая, сухая, Софья легко и твердо шагала по дорогѣ стройными и крѣпкими ногами. Въ ея походкѣ, словахъ, въ самомъ звукѣ голоса, хотя и глуховатомъ, но бодромъ, во всей ея прямой фигурѣ было много душевнаго здоровья, веселой смѣлости и жажды воздуха, простора. Ея глаза смотрѣли на все молодо и всюду видѣли что-то, радовавшее ее юной радостью.

— Смотрите, какая славная сосна! — восклицала Софья, указывая матери на дерево. Мать останавливалась и смотрѣла—сосна была не выше и не гуще другихъ.

— Ничего, хорошее дерево! — усмѣхаясь говорила она. И видѣла, какъ вѣтеръ игралъ съдыми волосами надъ ухомъ женщины.

— Жаворонокъ!—сѣрые глаза Софьи ласково разгорались и тѣло какъ будто поднималось отъ земли навстрѣчу музыкѣ, невидимо звенѣвшей въ далекой ясной высотѣ. Порою она, гибко наклоняясь, срывала полевой цвѣтокъ и легкими прикосновениями тонкихъ быстрыхъ пальцевъ любовно гладила дрожащія лепестки. И что-то напѣвала, тихо и красиво.

Встрѣчались и обгоняли крестьяне, пѣшеходы и на телѣгахъ, говорили:

— Миръ дорогой!

Горѣло внешнее ласковое солнце, мягко сверкала голубая глубина, по сторонамъ дороги тянулся темный хвойный лѣсъ, ярко зеленѣли поля, пѣли птицы, густой, смолистый воздухъ тепло и нѣжно гладилъ щеки.

Все это подвигало сердце ближе къ жепцинѣ со свѣтлыми глазами и душой, и мать невольно жалась къ пей, стараясь идти въ погу. Но порою въ словахъ Софьи вдругъ являлось что-то слишкомъ звонкое, рѣзкое, оно казалось матери лишнимъ и возбуждало у нея опасливую думу:

— Не понравится она Михайлѣ-то...

А черезъ минуту Софья снова говорила просто, душевно и мать, любовно улыбаясь, заглядывала ей въ глаза.

— Какая молодая вы еще!—вдохнувъ, сказала она.

— О, мнѣ ужъ тридцать два года! — воскликнула Софья.

Власова улыбнулась.

— Я не про это... съ лица вамъ можно больше дать. А посмотришь въ глаза ваши, послушаешь васъ и даже удивляешься... какъ будто вы дѣвушка. Жизнь ваша безпокойная и трудная, опасная, а сердце у васъ—улыбается.

— Я не чувствую, что мнѣ трудно и не могу представить жизнь лучше, интереснѣе этой... Я буду звать васъ—Ниловна: Пелагея—это не идетъ вамъ.

— Зовите какъ хочется!—задумчиво сказала мать.— Какъ хочется, такъ и зовите... Я вотъ все смотрю на васъ, слушаю, думаю... И больше всего пріятно мнѣ видѣть, что всѣ вы знаете пути къ сердцу человѣческому.

Все въ человѣкѣ передъ вами открывается безъ робости, безъ опасеній... такъ сама собой распаивается душа встрѣчу вамъ... И думаю я про всѣхъ васъ—одолѣють они злое въ жизни, непременно одолѣють!

— Мы побѣдимъ, потому что мы съ рабочимъ народомъ!—увѣренно и громко сказала Софья.—Нашу силу работать, нашу вѣру въ побѣду правды, мы беремъ у народа, а народъ—неисчерпаемый источникъ силы,—и духовной, и рабочей... Въ немъ скрыты всѣ возможности и съ нимъ—все достижимо!.. Надо только разбудить его сознаніе, душу его, великую душу ребенка, которому не даютъ свободы расти...

Рѣчь ея будила въ сердцѣ матери сложное чувство—ей, почему-то, было жалко Софью, не обидной, дружеской жалостью и хотѣлось слышать отъ нея другія слова, болѣе простые...

— Кто васъ наградить за труды ваши? — спросила она, тихо и печально.

Софья отвѣтила съ гордостью, какъ показалось матери:

— Мы уже награждены!.. Мы нашли для себя жизнь, которая удовлетворяетъ насъ, мы живемъ широко и полно, всѣми силами души—чего еще можно желать?

Мать взглянула на нее и опустила голову, снова подумавъ:

— Не понравится она Михайлѣ...

Вдыхая полной грудью сладкій воздухъ, опѣ шли не быстрой, но спорой походкой и матери казалось, что она идетъ на богомолье. Ей вспоминалось дѣтство и та хорошая радость, съ которой она, бывало, ходила пѣзъ села на праздникъ въ дальній монастырь къ чудотворной иконѣ.

Иногда Софья не громко, но красиво пѣла какія-то новыя пѣсни о небѣ, о любви или вдругъ начинала рассказывать стихи о полѣ и лѣсахъ, о Волгѣ, а мать,

улыбаясь, слушала и невольно покачивала головой въ ритмъ стиха, поддаваясь музыкѣ его.

Въ груди у нея было тепло, тихо и задумчиво, точно въ маленькомъ старомъ саду лѣтнимъ вечеромъ.

На третій день пришли къ селу: мать спросила мужика, работавшаго въ полѣ, гдѣ дегтярный заводъ, и скоро онъ спустился по крутой лѣсной тропинкѣ—корни деревьевъ лежали на ней какъ ступени—на небольшую круглую поляну, засоренную углемъ и щеной, залитую дегтемъ.

— Вотъ и пришли!—беспокойно оглядываясь, сказала мать.

У шалаша изъ жердей и вѣтвей, за столомъ изъ трехъ нестроганныхъ досокъ, положенныхъ на козлы, врытые въ землѣ, сидѣли обѣдая—Рыбинъ, весь черный, въ разстегнутой на груди рубахѣ, Ефимъ и еще двое молодыхъ парней. Рыбинъ первый замѣтилъ ихъ и, приложивъ ладонь къ глазамъ, молча ждалъ.

— Здравствуйте, братецъ Михайло!—крикнула мать еще издали.

Онъ всталъ, не торопясь пошелъ встрѣчу, узнавъ ее, остановился и, улыбаясь, погладилъ бороду темной рукой.

— Идемъ на богомолье!—говорила мать, подходя.— Даѣй, думаю, зайду, навѣщу брата! Вотъ моя подруга, Анной звать...

Гордясь своими выдумками, она искоса взглянула въ лицо Софьи, серьезное и строгое.

— Здравствуй!—сказалъ Рыбинъ, сумрачно усмѣхаясь, потрясъ ея руку, поклонился Софьѣ и продолжалъ:—Не врѣ, —здѣсь не городъ, вранье не требуется. Все свои люди, хорошіе...

Ефимъ, сидя за столомъ, зорко разсматривалъ странницъ и что-то говорилъ товарищамъ тихо жужжав-

шимъ голосомъ. Когда женщины подошли къ столу, онъ всталъ и молча поклонился имъ, его товарищи сидѣли неподвижно, какъ-бы не замѣчая гостей.

— Мы тутъ живемъ какъ монахи!—сказаль Рыбинъ, легонько ударяя Власову по плечу.—Никто не ходитъ къ намъ, хозяйна въ селѣ нѣтъ, хозяйку въ больницу увезли, и я теперь въ родѣ управляющаго... Садитесь-ка за столъ. Чай, ѣсть хотите? Ефимъ, досталь-бы молока!

Не торопясь Ефимъ пошелъ въ шалапъ, странницы снимали съ плечъ котомки, одинъ изъ парней, высокій и худой, всталъ изъ-за стола, помогая имъ, другой, коренастый и лохматый, задумчиво облокотясь на столъ, смотрѣлъ на нихъ, почесывая голову и тихо мурлыкая нѣсню.

Тяжелый аромат свѣжаго дегтя сливался съ душистымъ запахомъ прѣлага листа и кружилъ голову.

— Вотъ этого звать Яковъ,—указывая на высокаго парня сказалъ Рыбинъ,—а тотъ—Игнатій... Ну, какъ сынъ твой?

— Въ тюрьмѣ!—вздохнувъ сказала мать.

— Опять въ тюрьмѣ?—воскликнулъ Рыбинъ.—Поправилось ему, однако...

Игнатій пересталъ нѣтъ, Яковъ взялъ палку изъ рукъ матери и сказалъ:

— Садись, бабушка...

— А что-же вы? Садитесь!—пригласилъ Рыбинъ Софью. Она молча сѣла на обрубокъ дерева, внимательно разглядывая Рыбина.

— Когда взяли?—спросилъ Рыбинъ, усаживаясь противъ матери и, качнувъ головой, воскликнулъ:—Не везетъ тебѣ, Ниловна!

— Ничего!—сказала она.

— Ну? Привыкаешь!

— Не привыкаю, а вижу—нельзя безъ этого!—отвѣтила она.

— Такъ!—сказалъ Рыбинъ.—Ну, рассказывай...

Ефимъ принесъ горшокъ молока, взялъ со стола чашку, сполоснулъ водой и, наливъ въ нее молоко, подвинулъ къ Софьѣ, внимательно слушая рассказъ матери. Онъ двигался и дѣлалъ все безшумно, осторожно. Когда мать кончила свой краткій рассказъ— всѣ молчали съ минуту, не глядя другъ на друга. Игнатъ, сидя за столомъ, рисовать ногтемъ на доскахъ какой-то узоръ, Ефимъ стоялъ сзади Рыбина, облокотясь на его плечо, Яковъ, прислонясь къ стволу дерева, сложилъ на груди руки и опустилъ голову. Софья исподлобья оглядывала мужиковъ...

— Да-а!—медленно и угрюмо протянулъ Рыбинъ.— Вотъ оно какъ рѣшили... открыто...

— У насъ-бы, если такой парадъ устроить,—сказалъ Ефимъ и хмуро усмѣхнулся,—на смерть избилли-бы мужики.

— Изобьютъ!—подтвердилъ Игнатъ, кивнувъ головой.—Нѣтъ, я на фабрику уйду, тамъ лучше...

— Судить, говоришь, будутъ Павла?—спросилъ Рыбинъ.

— Да, судить рѣшено,—сказала мать.

— И что-же, какое наказаніе... не слышала?

— Каторга или вѣчное поселеніе въ Сибири,—тихо отвѣтила она.

Трое парней всѣ сразу посмотрѣли на нее, а Рыбинъ опустилъ голову и медленно спросилъ:

— А онъ, когда затѣвалъ онъ это дѣло, зная, что ему грозить?

— Не знаю... навѣрно зная...

— Знать!—громко сказала Софья.

Всѣ замолчали, не двигаясь, какъ-бы застывъ въ

одной холодной мысли.

— Такъ!—продолжалъ Рыбинъ сурово и важно.—И тоже думаю, что зналъ онъ. Не смѣривъ—онъ не прыгаетъ, человѣкъ серьезный. Вотъ, ребята, видали? . . .

Надо было ему пойти—онъ пошелъ... Мать на дорогѣ ему лягъ—перешагнулъ-бы и пошелъ... Пошелъ-бы, Ниловна, черезъ тебя?

— Пошелъ-бы!—вздрыгнувъ сказала мать и оглянулась, тяжело вздохнувъ. Софья молча погладила ея руку и, сердито нахмуривъ брови, въ упоръ посмотрѣла на Рыбина.

— Это—человѣкъ!—сказалъ онъ негромко и оглянуть всѣхъ темными глазами. И снова шестеро людей молчали. Тонкіе лучи солнца золотыми лентами висѣли въ воздухѣ. Гдѣ-то убѣжденно каркала ворона. Мать осматривалась, разстроенная воспоминаніями о первомъ маѣ, тоской о сынѣ и объ Андреѣ. На маленькой тѣсной полянѣ валялись разбитыя бочки изъ-подъ дегтя, топырились выкорчеванныя пни, дрожали стружки дерева. Дубы и березы густо тѣснились вокругъ поляны, незаметно надвигались на нее со всѣхъ сторонъ, точно желая стереть, уничтожить весь этотъ хламъ, всю грязь, обижавшую ихъ. И связанные тишиной, неподвижныя, они бросали на землю темныя, теплыя тѣни.

— Погоди, ребята!—заговорилъ Рыбинъ, оглядывая ихъ, и поднималъ руку неторопливымъ движеніемъ.— Вѣтъ—женщина!—сказалъ онъ, указывая на мать.—

Слышь у нея, навѣрное, пропасть теперь...

— Зачѣмъ ты это говоришь?—спросила мать, тоскливо и негромко.

— Надо!—отвѣтилъ онъ угрюмо.—Надо, чтобы твои волосы не зря сѣдѣли, чтобы не даромъ болѣло сердце... Ну, что-же, убили ее этимъ? Нилевна, ты книжечку принесла?

Мать взглянула на него и, помолчавъ, отвѣтила:

— Принесла...

— Такъ!—сказалъ Рыбный, ударивъ ладошью по столу. —Я это сразу понялъ, какъ увидѣлъ тебя... зачѣмъ тебѣ идти сюда, коли не для этого? Видали? Сына убили изъ ряда—мать на его мѣсто встала!

Онъ выпрямился и, злобѣще грозясь рукой, крикнуть глухо:

— Они.—матерно выругался.—они не знаютъ, что сѣютъ ихъ слѣбныя руки! . . . . .

Мать испугалась его крика; она смотрѣла на него и видѣла, что лицо Михаила рѣзко измѣнилось—похудѣло, борода стала неровной и подъ нею чувствовались кости скуль. На синеватыхъ бѣлкахъ глазъ явились тонкія красныя жилки, какъ будто онъ долго не спалъ. носъ у него сталъ хрящеватѣе, хищно загнулся. Раскрытый воротъ, пропитанной дегтемъ, когда-то красной, рубахи обнажалъ сухія ключицы, густую черную шерсть на груди, и во всей фигурѣ теперь было еще болѣе мрачнаго, траурнаго. Сухой блескъ воспаленныхъ глазъ освѣщаль темное лицо огнемъ тоски и гнѣва, сверкавшего во взглядѣ красными искрами. Софья, поблѣднѣвъ, молчала, не отрывая глазъ отъ мужиковъ. Игнатъ покачивалъ головой, сощуривъ глаза, а Иковъ, снова стоя у шалаша, темными пальцами сердито отламывалъ кору отъ жердей. Вдоль стола за спиной матери

медленно шагаль Ефимъ.

— Намедни,—продолжалъ Рыбинъ,—вызвалъ меня земскій... говорить мнѣ — „ты что, мерзавецъ, сказалъ священнику?“ Почему я — мерзавецъ? Я зарабатываю хлѣбъ свой горбомъ, я ничего худого противъ людей не сдѣлалъ, говорю... вотъ. Онъ заоралъ, ткнулъ мнѣ въ зубы... и трое сутокъ я сидѣлъ подъ арестомъ.

Онъ былъ весь налитъ кипящей злобой и въ голосѣ его вздрагивали звуки, пугавшіе мать.

— А что я сказалъ пону? — продолжалъ онъ спокойно.—Послѣ схода въ селѣ сидитъ онъ съ мужиками на улицѣ и рассказываетъ имъ, что, дескать, люди — стадо, для нихъ всегда пастуха надо... такъ. А я пошутить—какъ назначать, молъ, въ лѣсу воеводой лису, пера будетъ много, а птицы—нѣтъ! Онъ покосился на меня, заговорилъ насчетъ того, что, молъ, терпѣть надо народу и больше Богу молиться, чтобы Онъ силу далъ для терпѣнья. А я сказалъ—что, молъ, народъ молится много, да, видно, время нѣтъ у Бога, не слышитъ! Вотъ. Онъ привязался ко мнѣ—какими молитвами я молюсь? Я говорю—одной всю жизнь, какъ и весь народъ!

Онъ мнѣ и договорить не далъ... Вы—барыня?—вдругъ почему-то оборвавъ рассказъ, спросилъ Рыбинъ Софью.

— Почему, я барыня? — быстро спросила она его, вздрогнувъ отъ неожиданности.

— Почему? — усмѣхнулся Рыбинъ.—Такая судьба, съ тѣмъ родились вы. Вотъ. Думаете ситцевымъ платочкомъ дворянскій грѣхъ можно скрыть отъ людей? Мы узнаемъ попа и въ рогожѣ... Вы вотъ локоть въ окоро на столѣ положили — вздрогнули, сморщились... а спина у васъ пряма для рабочаго человѣка...

Болея, что онъ обидитъ Софью своимъ тяжелымъ голосомъ, усмѣшкой и словами, мать торопливо и строго заговорила:

— Она моя подруга, Михайло Ивановичъ, она—хорошій человекъ... и въ этомъ дѣлѣ сѣдые волосы нажила... ты не очень...

Рыбинъ тяжело вздохнулъ.

— Развѣ я говорю обидное?

Софья, взглянувъ на него, сухо спросила:

— Вы что-то хотѣли сказать мнѣ?

— Я? да! Вотъ тутъ недавно человекъ явился новый, двоюродный братъ Якову, большой онъ, въ чашоткѣ, но понялъ кое-что! Позвать его—можно?

— Что же, позовите!—отвѣтила Софья.

Рыбинъ взглянулъ на нее, прищуривъ глаза и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Ефимъ, ты-бы пошелъ къ нему... скажи, чтобы къ ночи онъ сюда явился... вотъ.

Ефимъ пошелъ въ шалашъ, надѣлъ картузь и молча, ни на кого не глядя и не торопясь, скрылся въ лѣсу. Рыбинъ кивнулъ головой вслѣдъ ему, глухо говоря:

— Мучается! Упрямый онъ... Ему идти въ солдаты... ему и вотъ Якову... Яковъ просто говорить—не могу, а этотъ тоже не можетъ, а хочетъ идти... У него есть мысль...

.....
Да-а... мучается! А Игнатій, берѣдитъ ему сердце... напрасно, пожалуй.

— Все не напрасно!—хмуро сказалъ Игнатъ, не глядя на Рыбина.

.....

Разговоръ оборвался. Заботливо кружились пчелы и осы, звеня въ тишинѣ и отгѣняя ее. Чирикали птицы

и гдѣ-то далеко звучала пѣсня, плутая по полямъ. Помолчавъ, Рыбинъ сказалъ:

— Ну, намъ работать надо... вы, можетъ, отдохнете? Тамъ, въ шалашѣ, нары есть. Набери-ка имъ листа сухого, Яковъ... А ты, мать, давай книги... Гдѣ онѣ?

Мать и Софья начали развязывать котомки. Рыбинъ поклонился надъ ними и довольный говорилъ:

— Вотъ. Не мало принесли... ишь ты! Давно въ этихъ дѣлахъ... какъ васъ звать-то?—обратился онъ къ Софьѣ.

— Анна Ивановна! — отвѣтила она. — Двѣнадцать лѣтъ... А что?

— Ничего. Въ тюрьмѣ бывали, чай?

— Бывала.

— Видишь?—негромкой съ упрекомъ сказала мать.— А ты грубое говорилъ при ней...

Онъ помолчалъ и, забравъ въ руки кучу книгъ, сказалъ, оскаливъ зубы:

— Вы на меня не обижайтесь! Мужикку съ баринномъ, какъ смолтъ съ водой, трудно вмѣстѣ... отскакиваетъ!

— Я не барыня, а человѣкъ! — возразила Софья, мягко усмѣхаясь.

— И это можетъ быть!—отозвался Рыбинъ.—Говорять, будто собака раньше волкомъ была... Поиду теперь спрячу это.

Игнатъ и Яковъ подошли къ нему и оба протянули руки...

— Дай-ка намъ!—сказалъ Игнатъ.

— Всѣ, что-ли, одинаковы? — спросилъ Рыбинъ Софью.

— Нѣтъ, разныя. Тутъ газета есть...

— О?

Они всѣ трое поспѣшно ушли въ шалашъ.

— Горитъ мужикъ!—тихонько сказала мать, предивъ ихъ задумчивымъ взглядомъ.

— Да!—тихо отозвалась Софья.—Никогда я еще не видала такого лица, какъ у него... великомученикъ какой-то! Пойдемъ и мы туда, мнѣ хочется взглянуть на нихъ...

— Вы на него не сердитесь, что суровъ онъ...—тихонько попросила мать.

Софья усмѣхнулась.

— Какая вы славная, Нилевна...

Когда онѣ встали въ дверяхъ, Игнатъ поднялъ голову, мелькомъ взглянулъ на нихъ и, запустивъ пальцы въ кудрявые волосы, наклонился надъ газетой, лежавшей на колѣняхъ у него; Рыбинъ, стоя, поймалъ на бумагу солнечный лучъ, проникшій въ шалашъ сквозь щель въ крышѣ, и двигая газету подъ лучомъ, читалъ, гоня губами; Яковъ, стоя на колѣняхъ, навалился на край наръ грудью и тоже читалъ.

Мать увидала, что Софья чувствуетъ ихъ жадность къ слову правды, ея лицо освѣтилось улыбкой. Осторожно пройдя въ уголъ шалаша, она сѣла тамъ, а Софья, обнявъ ее за плечи, молча наблюдала.

— Дядя Михайло—ругаютъ насъ, мужиковъ!—вполголоса скагать Яковъ, не оборачиваясь. Рыбинъ обернулся, взглянулъ на него и отвѣтилъ, усмѣхаясь:

— Любя! Кто любить—что ни скажетъ—не обидить...

Игнатъ потянулъ въ себя воздухъ, поднялъ голову, засмѣялся и, закрывъ глаза, молвилъ:

— Написано тутъ—„крестьянинъ пересталъ быть чловѣкомъ“—конечно, пересталъ!

По его простому открытому лицу скользнула тѣнь обиды.

— На-ко, поиди. надѣнь мою пкуру, повертись въ пей... я погляжу, чѣмъ ты будешь... умникъ!

— Я лягу!—тихонько сказала мать Софьѣ.—Устала,

все-таки, немного и голова кружится отъ запаха. А вы?
— Не хочу.

Мать протянулась на нарахъ и задремала. Софья сидѣла надъ нею, наблюдая за читающими и когда оса или шмель кружились надъ лицомъ матери, она заботливо отгоняла ихъ прочь. Мать видѣла это полузакрытыми глазами и ей была пріятна забота Софьи.

Подошелъ Рыбинъ и спросилъ гулкимъ шопотомъ:

— Спать?

— Да.

Онъ помолчалъ, пристально посмотрѣлъ въ лицо матери, вздохнулъ и тихо заговорилъ:

— Она, можетъ быть, первая, которая пошла за сыномъ своимъ его дорогой!.. первая!..

— Не будемъ ей мѣшать, уйдемте! — предложила Софья.

— Да намъ работать надо... Поговорить хотѣлось-бы, да ужъ до вечера! Идемъ, ребята.

Они ушли всѣ трое, оставивъ Софью у шалаша. А мать подумала:

— Ну, ничего... слава Богу... подружились...

И спокойно уснула, вдыхая пряный запахъ лѣса.

Пришли дегтярники, всѣ четверо, довольные, что копчили работу.

Разбуженная ихъ голосами, мать вышла изъ шалаша, позѣывая и улыбаясь.

— Вы работали, а я, будто барыня какая, спала! — сказала она, оглядывая всѣхъ ласковыми глазами.

— Ничего! Это прощается тебѣ! — отозвался Рыбинъ. Онъ былъ болѣе спокоенъ, усталость поглотила остатокъ возбужденія.

— Игнатъ, — сказалъ онъ, — схлопочи-ка пасчѣтъ чаю... Мы тутъ поочередно хозяйство ведемъ... сегодня онъ, Игнатій, насъ поитъ и кормитъ. Такъ...

— Сегодня я бы уступилъ свою очередь!—замѣтилъ Игнатъ, и сталъ собирать щепки и сучья для костра, прислушиваясь.

— Всѣмъ гости интересны! — проговорилъ Ефимъ, усаживаясь рядомъ съ Софьей.

— Я тебѣ помогу, Игнатъ! — тихо сказалъ Яковъ, уходя въ шалашъ. Онъ вынесъ оттуда коровай хлѣба и началъ рѣзать его на куски, раскладывая по столу.

— Чу!—тихо воскликнулъ Ефимъ.—Капляетъ...

Рыбинъ прислушался, сказалъ, кивнувъ головой:

— Да, идетъ...

И, обращаясь къ Софьѣ, объяснилъ:

— Сейчасъ придетъ свидѣтель... Я бы его водилъ по городамъ, ставилъ на площадяхъ и чтобы народъ слушалъ его... Говорить онъ всегда одно, но это всѣмъ падо слышать.

Тишина и сумракъ становились гуще, голоса людей звучали мягче. Софья и мать наблюдали за мужиками— всѣ они двигались медленно, тяжело, съ какой-то странной осторожностью и тоже неотрывно слѣдили за женщинами.

Изъ лѣса на поляну вышелъ высокій, сутулый человѣкъ; онъ шелъ медленно, крѣпко опираясь на палку и было слышно его хриплое дыханіе.

— Вотъ и Савелій!—воскликнулъ Яковъ.

— Вотъ и я!—сказалъ человѣкъ, остановился и началъ каплять.

Онъ былъ одѣтъ въ длинное, до пять, потертое пальто, изъ-подъ круглой измятой шляпы жидкими прядями безильно свѣшивались желтоватые прямые волосы. Свѣтлая борода росла на его желтомъ костлявомъ лицѣ, ротъ у него былъ полуоткрытъ, глаза глубоко завалились подъ лобъ и лихорадочно блестяли оттуда, изъ темныхъ ямъ.

Когда Рыбинъ познакомилъ его съ Софьей, онъ спросилъ ее:

— Книгъ, слышалъ я, припесли для народа?

— Принесла.

— Спасибо... за народъ... самъ онъ еще не можетъ понять книгу правды... не можетъ поблагодарить... такъ вотъ я, который понять... благодарю за него.

Онъ дышалъ быстро, хватая воздухъ короткими задними вздохами. Голосъ у него прерывался, костлявые пальцы безсильныхъ рукъ ползали по груди, стараясь застегнуть пуговицы пальто.

— Вамъ вредно быть въ лѣсу такъ поздно... Лѣсъ—лиственный, сыро и душно!—замѣтила Софья.

— Для меня уже пѣтъ. полезнаго!—отвѣтилъ онъ, задыхаясь.—Мнѣ только смерть полезна...

Слушать его голосъ было тяжело и вся его фигура вызвала то излишнее сожалѣніе, которое сознаетъ свое безсиліе и возбуждаетъ угрюмую досаду. Онъ присѣлъ на бочку, сгибая колѣни такъ осторожно, точно боялся, что колѣни у него переломятся, вытеръ потный лобъ. Волосы у него были сухіе, мертвые.

Вспыхнулъ костеръ, все вокругъ вздрогнуло, заколебалось, обожженные тѣни пугливо бросились въ лѣсъ и надъ огнемъ мелькнуло круглое лицо Игната съ надутыми щеками. Огонь погасъ. Запахло дымомъ, снова тишина и мгла сплотились на полянѣ, насторожась и слушающая хриплые слова больного.

— Но для народа... я еще могу принести пользу, какъ свидѣтель преступленія... Вотъ, поглядите на меня... мнѣ двадцать восемь лѣтъ, по—помираю! А десять лѣтъ назадъ я безъ натуги поднималъ на плечи по двѣнадцати пудовъ... ничего! Съ такимъ здоровьемъ, думать я, лѣтъ семьдесятъ пройду до кладбища, не спотыкнусь... А прожилъ десять—и больше не могу.

Обокрали меня хозяева, сорокъ лѣтъ жизни вырвали, ограбили... сорокъ лѣтъ...

— Вотъ она, его пѣсня!—глухо сказалъ Рыбинъ.

Снова вспыхнулъ огонь, но теперь уже сильнѣе, ярче. вновь метнулись тѣни въ лѣсу, снова отхлынули къ огню и задрожали вокругъ костра въ безмолвной, враждебной пляскѣ. Въ огнѣ трещали и ныли сѣрые сучья. Шепталась, шелестѣла листва деревьевъ, встрѣ-бокенная волной нагрѣтаго воздуха. Веселые живые языки пламени, играя, обнимаясь, желтые и красные, вздымались кверху, сѣя искры; летѣлъ горящій листъ, а звѣзды въ небѣ улыбались искрамъ, маня къ себѣ.

— Это не моя пѣсня... ее тысячи людей поютъ про себя... про себя поютъ, не понимая цѣлебнаго урока для народа въ своей несчастной жизни...

.....
— Мое горе—мое дѣло... сказалъ Ефимъ. Ты на радость мою гляди...

— Не мѣшай!—посоветовалъ Рыбинъ.

— Ты-же самъ говорилъ, чтобы горемъ не хвататься!—хмуро замѣтилъ Ефимъ.

— Тутъ другое, общее, а не свое. Тутъ другое!—сказалъ Рыбинъ внушительно.—Здѣсь человекъ промѣрилъ глубину и захлебнулся.

.....
Яковъ поставилъ на столъ ведро квасу, бросилъ связку зеленого луку и сказалъ больному:

— Иди, Савелій, я молока тебѣ принесъ...

Савелій отрицательно качнулъ головой, но Яковъ взялъ его подъ мышку, поднялъ и повелъ къ столу.

— Послушайте,—сказала Софья Рыбину тихо и съ упрекомъ,—зачѣмъ вы его сюда позвали? Онъ каждую минуту можетъ умереть...

— Можетъ!—согласился Рыбинъ,—Пускай умретъ

на людяхъ... это легче, чѣмъ одному... Пока-что—пусть говорить.. Для пустяковъ жизнь погубить—для людей пусть еще потерпитъ... ничего! Вотъ.

— Вы точно любуетесь чѣмъ-то! — воскликнула Софья.

Рыбинъ взглянулъ на нее и угрюмо отвѣтилъ:

— Это господа Христомъ любятъся, какъ опъ на крестѣ стоналъ, а мы отъ человѣка учимся и хотимъ, чтобы вы научились немного...

Мать пугливо подняла бровь и сказала имъ:

— А вы—полноте!..

За столомъ больной снова заговорилъ:

...— Нашъ хозяинъ,—одной пѣвицѣ золотую посуду подарилъ для умыванья... и даже почной горшокъ золотой былъ... Въ этомъ горшкѣ моя сила, моя жизнь... Вотъ для чего она пошла...

— Человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію,—сказалъ Ефимъ, усмѣхаясь,—а его вотъ куда тратятъ... хорошо!

— А не молчи!—воскликнулъ Рыбинъ, ударивъ ладонью по столу.

— Не терпи!—тихо добавилъ Яковъ.

Игнатъ усмѣхнулся.

Мать замѣтила, что парни, всѣ трое, говорили мало, по слушали съ ненасытнымъ вниманіемъ голодныхъ душъ и каждый разъ, когда говорилъ Рыбинъ, они смотрѣли ему въ лицо подстерегающими глазами... Рѣчь Савелія вызвала на лицахъ у нихъ странныя и острыя усмѣшки. Въ нихъ не чувствовалось жалости къ больному...

Нагнувшись къ Софьѣ, мать тихонько спросила:

— Неужто правду говорить онъ?

Софья отвѣтила громко:

Сборникъ. Книга XIX.

— Да, это правда! О таком подаркѣ въ газетахъ писали... это было въ Москвѣ...

.....

— Холодно!—сказалъ больной.

Яковъ помогъ ему встать и отвелъ къ огню.

Костеръ горѣлъ ровно, ярко, и безлицыя тѣни дрожали вокругъ него, изумленно наблюдая веселую игру огня. Савелій сѣлъ на пень и протянулъ къ огню прозрачныя сухія руки. Рыбинъ кивнулъ въ его сторону и сказалъ Софьѣ:

— Это—рѣзче книгъ! Это падо знать!..

.....

Мать слушала, смотрѣла и еще разъ передъ нею во тьмѣ сверкнулъ и легъ свѣтлой полосой путь Павла и всѣхъ, съ кѣмъ онъ шелъ.

Окончивъ ужинъ, всѣ расположились вокругъ костра; передъ ними, торопливо поѣдая дерево, горѣлъ огонь, а зади нихъ нависла тьма, окутавъ тѣсь и небо... Больной, широко открывъ глаза, смотрѣлъ въ огонь, непрерывно каплялъ, весь дрожалъ—казалось, что остатки жизни нетерпѣливо рвутся изъ его груди, стремясь покинуть сухое тѣло, источенное недугомъ. Отблески пламени дрожали на его лицѣ, не оживляя мертвой кожи. Только глаза больного горѣли синеватымъ, угасающимъ огнемъ.

— Можетъ въ шалапъ уйти тебѣ, Савелій, а?—спросилъ Яковъ, наклонясь надъ нимъ.

— Затѣмъ?—отвѣтилъ онъ съ натугой.—Я посижу... недолго мнѣ осталось съ людьми побыть... недолго ужъ!

Онъ оглянулъ всѣхъ, помолчалъ и, блѣдно усмѣхнувшись, продолжалъ:

— Мнѣ съ вами хорошо...

.....

Скоро онъ задремалъ, бессильно свѣсивъ голову на грудь. Рыбинъ посмотрѣлъ на него и тихонько заговорилъ:

— Приходить къ намъ, сидить и рассказываетъ всегда одно... про эту издѣвку надъ человѣкомъ. Въ ней—вся его душа, какъ будто ею глаза ему выбили и больше онъ ничего не видитъ.

— Да вѣдь чего-же надо еще?—задумчиво сказала мать.—Ужъ если люди тысячами день за днемъ убиваются въ работѣ, для того, чтобы хозяинъ могъ деньги на шубки бросать... чего-же?..

— Скучно слушать его!—сказалъ тихо Игнатъ.— Это и одинъ разъ услышишь—не забудешь... а онъ всегда одно говорить.

— Тутъ въ одномъ все стиснуто... вся жизнь его, пойми!—угрюмо замѣтилъ Рыбинъ.—И—много жизней. Я десять разъ слыхалъ его судьбу... а все-таки иной разъ усомнишься. Бываютъ добрые часы, когда не хочешь вѣрять въ гадость человѣка... въ безумства его... когда всѣхъ жалко и богатаго, какъ бѣднаго... и богатый тоже заблудился!.. Одинъ слѣпъ отъ голода, другой—отъ золота... Эхъ, люди, думаешь, эхъ, братья! Встряхнись, подумай честно, подумай, не щадя юрта своего, подумай!

Больной качнулся, открылъ глаза, легъ на землю. Яковъ безшумно всталъ, сходилъ въ шалашъ, принесъ оттуда полушубокъ, одѣлъ брата и снова сѣлъ рядомъ съ Софьей.

... Веселое, румяное лицо огня, задорно улыбаясь, освѣщало темныя фигуры вокругъ него, и голоса людей задумчиво вливались въ тихій трескъ и шелестъ пламени.

Софья рассказывала о всемирномъ боѣ народа за право на жизнь, о давнихъ битвахъ крестьянъ Гер-

маніи, о несчастіяхъ ирландцевъ, о великихъ подвигахъ рабочихъ французовъ въ частыхъ битвахъ за свободу...

Въ лѣсу, одѣтомъ бархатомъ почти, на маленькой полянѣ, огражденной безмолвными деревьями, покрытой темнымъ небомъ, передъ играющимъ лицомъ огня, въ кругу враждебно удивленныхъ тѣней—воскресали событія, потрясавшія міръ сытыхъ и безумно жадныхъ, проходили одинъ за другимъ народы земли, истекая кровью, утомленные битвами, вспоминались имена борцовъ за свободу и правду.

Тихо звучалъ глуховатый голосъ женщины. Какъ бы доходя изъ прошлаго, онъ будилъ надежды, внушалъ увѣренность, и люди молча слушали его музыку, великую повѣсть о своихъ братьяхъ по духу. Они смотрѣли въ лицо женщины, худое и блѣдное, отвѣтно улыбались улыбкамъ сѣрыхъ глазъ, а передъ ними все ярче освѣщалось святое дѣло всѣхъ народовъ міра—безконечная борьба за свободу и равенство. Человѣкъ видѣлъ свои желанія и думы въ далекомъ, занавѣшенномъ темной кровавой завѣсой, прошломъ, среди невѣдомыхъ ему иноплеменниковъ и внутренне умомъ и сердцемъ приобщался къ міру, видя въ немъ друзей, которые давно уже единомышленно и твердо рѣшили добиться на землѣ правды, освятили свое рѣшеніе неисчислимыми страданіями, пролили рѣки крови своей ради торжества жизни новой, свѣтлой и радостной... Возникало и росло чувство духовной близости со всѣми, рождалось новое сердце земли, полное горячимъ стремленіемъ все понять, все объединить въ себѣ.

.....

.....

Мать слушала, высоко поднявъ бровь, съ улыбкой радостнаго удивленія, застывшей на лицѣ. Она видѣла, что все рѣзкое, звонкое, размашистое, все, что казалось лишнимъ въ Софьѣ—теперь исчезло, утонуло въ горячемъ, ровномъ потокѣ ея разсказа. Ей нравилась тишина ночи, игра огня, лицо Софьи, но больше всего—строгое вниманіе мужиковъ. Они сидѣли неподвижно, стараясь ничѣмъ не парушать спокойное теченіе разсказа, боясь оборвать свѣтлую нить, связывавшую ихъ съ міромъ. Лишь порою кто-нибудь изъ нихъ осторожно подкладывалъ дровъ въ огонь, и когда изъ костра поднимались рои искръ и дымъ, парень отгонялъ искры и дымъ отъ женщинъ, помахивая въ воздухъ рукой.

Однажды Яковъ всталъ, тихонько попросилъ:

— Подождите говорить...

Сбѣгалъ въ шалашъ, принесъ оттуда одежду и вмѣстѣ съ Игнатомъ они молча окутали ноги и плечи женщинъ.

И снова Софья говорила, рисуя день побѣды, внушая людямъ вѣру въ свои силы, будя въ нихъ сознаніе общности со всѣми, кто—какъ и они—отдаетъ свою жизнь бесплодному труду на глупыя забавы пресыщенныхъ. Слова не волновали мать, но вызванное разсказомъ Софьи большое, всѣхъ обнявшее, чувство наполняло и ея грудь благодарно-молитвенной думой о людяхъ, которые среди опасностей идутъ къ тѣмъ, кто окованъ цѣпями труда и приносятся съ собою для нихъ дары честнаго разума, дары любви къ правдѣ.

— Помогите Господи... — думала она, закрывая глаза.

На разсвѣтъ Софья утомленная, замолчала и, улыбаясь, оглянула задумчивыя, посвѣтлѣвшія лица во кругъ себя.

— Пора намъ идти!—сказала мать.

— Пора!—устало молвила Софья.

Кто-то изъ парней шумно вздохнулъ.

— Жалко, что уходите вы!—необычно мягкимъ голо-
сомъ сказалъ Рыбинъ.—Хорошо говорите... большое это
дѣло — породнить людей между собой! Когда воть
знаешь, что миллионы хотятъ того-же, что и мы...
сердце становится добрѣе... А въ добротѣ—большая
сила!

Ефимъ быстро вскочилъ на ноги.

— Уходить имъ пора, дядя Михайло, покуда не
видалъ ихъ никто... Раздадимъ въ народъ книжки—
начальство будетъ искать—откуда онѣ явились. Кто-
нибудь вспомнить—а воть странницы приходили...

— Ну, спасибо, мать, за труды твои!—заговорилъ
Рыбинъ, прервавъ Ефима.—Я все про Павла думаю,
глядя на тебя... хорошо ты пошла!

Смягченный, онъ улыбался широкой и доброй улы-
бой. Было свѣжо, а онъ стоялъ въ одной рубахѣ съ
разстегнутымъ воротомъ, глубоко обнажавшимъ грудь.
Мать оглянула его большую фигуру и ласково посовѣ-
товала:

— Надѣль-бы что-нибудь,—холодно!

— Изнутри грѣеть!—отвѣтилъ онъ.

Трое парней, стоя у костра, тихо бесѣдовали, а у
ногъ ихъ лежалъ больной, закрытый полущубками.
Блѣднѣло небо, таяли тѣни, вздрагивали листья, ожи-
дая солнца.

— Ну, прощайте, значить!—говорилъ Рыбинъ, пожи-
мая руку Софьи.—А какъ васъ въ городѣ найти?

— Эсэ ты меня ищи!—сказала мать.

Парни медленно, тѣсной группой подошли къ Софьѣ
и жали ей руку молча, неуклюже-ласковые. Въ каж-
домъ ясно было видно скрытое довольство, благодар-
ное и дружеское, и это чувство, должно быть, смущало

ихъ своей новизной. Улыбаясь сухими отъ безсонной ночи глазами, они молча смотрѣли въ лицо Софьи и переминались съ ноги на ногу.

— Молока не выпьете-ли на дорогу? — спросилъ Яковъ.

— Да есть-ли оно!—сказалъ Ефимъ.

— Немного есть...

Игнатъ, смущенно приглаживая волосы, заявилъ:

— Нѣту... пролилъ я его...

И всѣ трое усмѣхнулись.

Говорили о молокѣ, но мать чувствовала, что они думаютъ о другомъ, безъ словъ желая Софьѣ и ей добраго, хорошаго. Это замѣтно трогало Софью и тоже вызвало у нея смущеніе, цѣломудренную скромность, которая не позволила ей сказать что-нибудь иное, кромѣ тихаго:

— Спасибо, товарищи!

Они переглянулись, точно это слово мягко покачнуло ихъ,

Раздался глухой кашель больного. Угасли угли въ горѣвшемъ кострѣ.

— Прощайте!—вполголоса говорили мужики, и грустное слово долго провожало женщинъ.

Онѣ, не торопясь, шли въ предутреннемъ сумракѣ по лѣсной тропѣ, и мать, шагая сзади Софьи, говорила:

— Хорошо все это... словно во снѣ, такъ хорошо! А хотятъ люди правду знать, милая вы моя, хотятъ! И похоже это какъ въ церкви, предъ утреней на большой праздникъ... еще священникъ не пришелъ, темно и тихо, жутко во храмѣ, а народъ уже собирается... тамъ зажгутъ свѣчку предъ образомъ, тутъ затоплять и—понемножку гонять темноту, освѣщая Божій домъ.

— Вѣрно!—весело отвѣтила Софья.—Только здѣсь Божій домъ—вся земля!

— Вся земля!—задумчиво качая головой, повторила мать.—Такъ это хорошо и повѣрить трудно даже... И хорошо говорили вы, дорогая моя... очень хорошо! А я боялась—не понравитесь вы имъ...

Софья, помолчавъ, отвѣтила тихо и невесело:

— Съ ними становишься проще...

И вдругъ еще болѣе грустно воскликнула:

— А намъ всѣмъ это такъ нужно—быть проще... проще!

Онѣ шли и разговаривали о Рыбинѣ, о больномъ, о парняхъ, которые такъ внимательно молчали и такъ неловко, но краснорѣчиво выражали свое чувство благодарной дружбы мелкими заботами о женщинахъ. Вышли въ поле. Встрѣчу поднималось солнце. Еще невидимое глазомъ, оно раскинуло по небу прозрачный вѣеръ розовыхъ лучей и капли росы въ травѣ заблестѣли разноцвѣтными искрами бодрой, внешней радости. Просыпались птицы, оживляя утро веселымъ звономъ. Хлопотливо каркая, тяжело махая крыльями, летѣли толстыя вороны; въ озимяхъ прыгали черные грачи, отрывисто разговаривая; гдѣ-то тревожно свистѣла иволга. Открывались дали, снимая встрѣчу солнцу ночныя тѣни со своихъ холмовъ.

— Иной разъ говорить- говорить человѣкъ, а ты его не понимаешь, куда не удастся ему сказать тебѣ какое-то простое слово и одно оно вдругъ все освѣтитъ!—вдумчиво рассказывала мать.—Такъ вотъ и этотъ больной... Я слышала и сама знаю, какъ жмутъ рабочихъ на фабрикахъ и вездѣ... Но къ этому съизмала привыкаешь и не очень задѣваетъ сердце... А онъ вдругъ сказалъ такое обидное, такое дрянное... Гос-

поди! неужели для того всю жизнь работѣ люди отдають, чтобы хозяева насмѣшки позволяли себѣ?.. Это.. безъ оправданія!

Мысль матери остановилась на случаѣ и опѣ своимъ тупымъ, нахальнымъ блескомъ освѣщала передъ нею рядъ однородныхъ выходокъ, когда-то извѣстныхъ ей и забытыхъ ею.

— Видно ужъ всѣмъ они сыты и тошно имъ! Знаю я — земскій начальникъ одинъ заставлялъ мужиковъ лошади его кланяться, когда ее по деревнѣ ведутъ и кто не кланялся, того онъ подъ арестъ сажалъ... Ну, зачѣмъ это нужно было ему? Нельзя понять... нельзя!

Софья негромко запѣла пѣсню, бодрую, какъ утро...

XXIV.

...Жизнь Ниловны потекла странно-спокойно. Спокойствіе это порою удивляло ее. Сынъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, она знала, что его ждетъ тяжелое наказаніе, но каждый разъ, когда она думала объ этомъ, память ея помимо воли вызывала передъ нею Андрея, Федю и длинный рядъ другихъ лицъ. Фигура сына, поглощая всѣхъ людей одной судьбы съ нимъ, разрасталась въ ея глазахъ, вызывала созерцательное чувство, не-

вольно и незамѣтно расширявшее думы о Павлѣ, отклоняя ихъ во всѣ стороны. Онѣ раскидывались всюду тонкими неровными лучами, всего касаясь, пытались все освѣтить, собрать въ одну картину и мѣшали ей остано­виться на чемъ-нибудь одномъ, мѣшали плотно сложиться тоскѣ о сынѣ и страху за него.

Софья скоро уѣхала куда-то, дней черезъ пять явилась, веселая, живая, а черезъ нѣсколько часовъ снова исчезла и вновь явилась недѣли черезъ двѣ. Казалось, что она носится въ жизни широкими кругами, порою заглядывая къ брату, чтобы наполнить его квартиру своей бодростью и музыкой.

Музыка стала пріятна матери и почти нужна ей. Слушая ее, она чувствовала, что какія-то теплыя волны бьются ей въ грудь, вливаются въ сердце, оно стучитъ ровнѣе и, какъ зерна въ землѣ, обильно увлажненной, глубоко вспаханной, въ немъ быстро, бодро растутъ волны думъ, легко и красиво цвѣтутъ слова, разбу­женныя силою звуковъ.

Матери трудно было мириться съ перьяшливостью Софьи, которая повсюду разбрасывала свои вещи, окурки, пепель, и еще труднѣе съ ея размахистыми рѣчами — все это слишкомъ кололо глаза рядомъ со спокойной увѣренностью Николая, съ пенемъ мягкой серьезностью его словъ. Софья казалась ей подросткомъ, который торопится выдать себя за взросло­го, а на людей смотритъ все еще, какъ на любопытныя игрушки. Она много говорила о святости труда и без­толково увеличивала трудъ матери своимъ перьяшествомъ, говорила о свободѣ и замѣтно для матери стѣсняла всѣхъ рѣзкой нетерпимостью, постоянными спорами и желаніемъ выдвинуть себя на первое мѣсто. Въ ней было много противорѣчиваго и мать, видя это, относилась къ ней съ напряженной осторожностью, съ

подстерегающимъ вниманіемъ, но безъ того постоянного тепла въ сердцѣ, которое вызывалъ у нея Николай.

Онъ, всегда озабоченный, жилъ изо дня въ день однообразной, размѣренной жизнью: въ восемь часовъ утра пилъ чай и, читая газету, сообщалъ матери новости, понятно передавалъ ей рѣчи купцовъ въ думѣ. Слушая его, мать съ поражающей ясностью видѣла, какъ тяжелая машина грубой жизни безжалостно перемалываетъ людей въ деньги. Она чувствовала въ немъ нѣчто общее съ Андреемъ. Какъ и хохоль, онъ говорилъ о людяхъ беззлобно, считая всѣхъ виноватыми въ дурномъ устройствѣ жизни, но вѣра въ новую жизнь была у него не такъ горяча, какъ у Андрея, и не такъ ярка. Онъ говорилъ всегда спокойно, голосомъ добраго, честнаго и строгаго судьи и хотя даже говоря о страшномъ—улыбался тихой улыбкой сожалѣнія, но его глаза блестѣли холодно и твердо. Видя ихъ блескъ, мать понимала, что этотъ человѣкъ ни кому и ничего не прощаетъ, не можетъ простить и чувствуя, что для него тяжела эта твердость, жалѣла Николая. И все болѣе онъ нравился ей.

Въ девять часовъ онъ уходилъ на службу; она убирала комнаты, готовила обѣдъ, умывалась, надѣвала чистое платье и, сидя въ своей комнатѣ, рассматривала картинки въ книгахъ. Она уже научилась читать, но это всегда требовало отъ нея напряженія и, читая, она быстро утомлялась, переставала понимать смыслъ книги. А рассматриваніе картинокъ увлекало ее, какъ ребенка: онъ открывали передъ нею понятный, почти осязаемый міръ, новый и чудесный. Вставали огромные города, прекрасныя зданія, машины, корабли, монументы, неисчислимыя богатства, созданныя людьми и поражающее умъ разнообразіе творчества природы. Жизнь рас-

ширяться безконечно, каждый день открывая глазамъ огромное, невѣдомое, чудесное и все сильнѣе возбуждала проснувшуюся голодную душу женщины обиліемъ своихъ богатствъ, неисчислимостью красотъ. Она особенно любила разсматривать фоліанты зоологическаго атласа и хотя онъ былъ напечатанъ на иностранномъ языкѣ, онъ давалъ ей наиболѣе яркое представленіе о красотѣ, богатствѣ, и обширности земли.

— Велика земля!—говорила она Николаю за обѣдомъ.

— Да... а вотъ люди стѣснены...

Болѣе всего умиляли ее насѣкомья и особенно бабочки; она съ изумленіемъ разсматривала рисунки, изображавшіе ихъ и разсуждала:

— Красота какая, Николай Ивановичъ, а? И сколько вездѣ красоты этой милой, но все отъ насъ закрыто и все мимо летитъ, невидимое нами. Люди мечтаютъ—ничего не знаютъ, ничѣмъ не могутъ любоваться, ни времени у нихъ на это, ни охоты. Сколько могли-бы взять радости, если-бы знали, какъ земля богата, какъ много на ней удивительнаго живетъ. И все—для всѣхъ, каждый—для всего,—такъ-ли?

— Именно!—говорилъ Николай, улыбаясь. И приносилъ еще книгъ съ картинками.

По вечерамъ у него часто собирались гости. Приходилъ Алексѣй Васильевичъ, красивый мужчина съ блѣднымъ лицомъ и черной бородой, солидный и молчаливый; Романъ Петровичъ, угреватый, круглоголовый человекъ, всегда съ сожалѣніемъ чмокавшій губами; Иванъ Даниловичъ, худенькій и маленькій, съ острой бородкой и тонкимъ голосомъ, задорный, крикливый и острый, какъ шило; Егоръ, всегда шутившій надъ собою, товарищами и своей болѣзнью, все разроставшейся въ немъ. Являлись и другіе люди, пріѣзжавшіе изъ разныхъ дальнихъ городовъ. Николай велъ съ ними

долгія и тихія бесѣды, всегда объ одномъ—о рабочихъ людяхъ земли. Спорили, горячились, размахивая руками, пили много чаю, иногда Николаѣвъ подь шумъ бесѣды, молча сочинялъ прокламаціи, потомъ читалъ товарищамъ, ихъ тутъ-же переписывали печатными буквами; мать тщательно собирала кусочки разорванныхъ черновиковъ и сжигала ихъ.

Она разливала чай и удивлялась горячности, съ которой они говорили о жизни и судьбѣ рабочаго народа, о томъ, какъ скорѣе и лучше посвятить среди него мысли о правдѣ, поднять его духъ.

Часто они, сердясь, не соглашались другъ съ другомъ, обвиняли одинъ другого въ чемъ-то, обижались и снова спорили.

Мать чувствовала, что она знаетъ жизнь рабочихъ лучше, чѣмъ эти люди, ей казалось, что она яснѣе ихъ видитъ огромность взятой ими на себя задачи, и это позволяло ей относиться ко всѣмъ нимъ съ снисходительнымъ, немного грустнымъ, чувствомъ взрослого къ дѣтямъ, которые играютъ въ мужа и жену, не понимая драмы этихъ отпошеній. Она невольно сравнивала ихъ рѣчи съ рѣчами сына, Андрея и, сравнивая, чувствовала разницу, которой сначала не могла понять. Порою ей казалось, что здѣсь кричатъ сильнѣе, чѣмъ бывало кричали въ слободкѣ; она объясняла это себѣ:

— Знаютъ больше—говорятъ громче...

Но слишкомъ часто она видѣла, что всѣ эти люди какъ будто нарочно подогрѣваютъ другъ друга и горячатся на-показъ, точно каждый изъ нихъ хочетъ доказать товарищамъ, что для него правда ближе и дороже, чѣмъ для нихъ, а другіе обижались на это и въ свою очередь, доказывая близость къ правдѣ, начинали спорить рѣзко, грубо. Каждый хотѣлъ вскочить выше другого, казалось ей, и это вызывало у нея тревожную

грусть. Она двигала бровью и, глядя на всѣхъ умоляющими глазами, думала.

— Забыли про Пашу-то съ товарищами... забыли!

Всегда напряженно вслушиваясь въ споры, конечно не понимая ихъ, она искала за словами чувство и видѣла — когда въ слободкѣ говорили о добрѣ — его брали круглымъ, въ цѣломъ, а здѣсь все разбивалось на куски и мельчало; тамъ глубже и сильнѣе чувствовали, здѣсь была область острыхъ, все разрѣзающихъ думъ. И здѣсь больше говорили о разрушеніи стараго, а тамъ мечтали о новомъ, отъ этого рѣчи сына и Андрея были ближе, понятнѣе ей...

Смутное недовольство людьми тихо вкрадывалось ей въ душу и тревожило ее, будя недовѣріе, вызывая желаніе скорѣе понять все самой и самой заговорить о жизни своимъ словомъ, изъ своей души.

Замѣчала она также, что когда къ Николаю приходилъ кто-либо изъ рабочихъ — хозяинъ становился необычно развязанъ, что-то сладкое являлось на лицѣ его, а говорилъ онъ иначе, чѣмъ всегда, не то грубѣе, не то небрежнѣе.

— Старается, чтобы поняли его!—думала она.

Но это ее не утѣшало и она видѣла, что гость-рабочій тоже ежится, точно связанъ изнутри и не можетъ говорить такъ легко и свободно, какъ онъ говорить съ нею, простой женщиной. Однажды, когда Николай вышелъ, она замѣтила какому-то парню:

— Чего ты стѣсняешься? Чай, не мальчонка на экзаментѣ...

Тотъ широко усмѣхнулся.

— Съ непривычки и раки краснѣютъ... все-таки... не свой братъ.

И опустилъ голову.

— Ничего!—сказала мать. Онъ—простой...

Парень взглянулъ въ лицо ей,—оба усмѣхнулись и—замолчали.

Иногда приходила Сашенька; она никогда не сидѣла долго, всегда говорила дѣловито, не смѣясь, и каждый разъ, уходя, спрашивала мать:

— Что Павелъ Михайловичъ—здоровъ?

— Слава Богу!—говорила мать.—Ничего, веселый.

— Кланяйтесь ему!—просила дѣвушка и исчезала.

Порою мать жаловалась ей, что долго держать Павла, не назначаютъ суда надъ нимъ. Сашенька хмурилась и молчала, а пальцы у нея быстро шевелились.

Нилловна ощущала желаніе сказать ей:

— Милая вы моя, вѣдь я знаю, что любите вы его... знаю!

Но не рѣшалась: суровое лицо дѣвушки, ея плотно сжатія губы и сухая дѣловитость рѣчи какъ-бы заранѣе отталкивали ласку. Вздыхая, мать безмолвно жала протянутую ей руку и думала:

— Несчастливая ты моя...

Однажды пріѣхала Наташа. Она очень обрадовалась увидѣвъ мать, расцѣловала ее и, между прочимъ, какъ-то вдругъ и тихонько сообщила:

— А моя мама умерла... умерла, бѣдная...

Тряхнула головой, быстрымъ жестомъ руки отерла глаза и продолжала:

— Жалко мнѣ ее... ей не было пятидесяти лѣтъ... могла-бы долго еще жить. А посмотришь съ другой стороны и невольно думаешь—смерть, вѣроятно, легче этой жизни. Всегда одна, всегда всѣмъ чужая, ненужная никому, запуганная окриками отца моего—развѣ она жила? Живутъ, ожидая чего-нибудь хорошаго, а ей нечего было ждать, кромѣ обидь...

— Вѣрно вы говорите, Наташа!—сказала мать, подумавъ. — Живутъ — ожидая хорошаго, а если нечего

ждать—какая жизнь?—И ласково погладивъ руку дѣвочки, она спросила:—одна теперь остались вы?

— Одна!—легко отвѣтила Наташа.

Мать помолчала и вдругъ замѣтила съ улыбкой:

— Ничего! Хорошій человекъ одинъ не живетъ, къ нему всегда люди пристанутъ...

Наташа поступила учительницей въ уѣздъ, на ткацкую фабрику, и Ниловна изрѣдка начала доставлять къ ней запрещенныя книжки, прокламаціи, газеты.

Это стало ея дѣломъ. По нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, переодѣтая монахиней, торговкой кружевами и ручнымъ полотномъ, зажиточной мѣщанкой или богомолкой-странницей, она развѣзжала и рассказывала по губерніи съ мѣшкомъ за спиной или чемоданомъ въ рукахъ. Въ вагонахъ и пароходахъ, въ гостиницахъ и на постоялыхъ дворахъ, она вездѣ держалась просто и спокойно, первая вступала въ бесѣды съ незнакомыми людьми, безбоязненно привлекая къ себѣ вниманіе своей ласковой общительной рѣчью и увѣренными манерами бывалаго, много видѣвшаго человека.

Ей нравилось говорить съ людьми, нравилось слушать ихъ рассказы о жизни, жалобы, недоумѣнія и вздохи. Сердце ея обливалось радостью каждый разъ, когда она замѣчала въ человекѣ острое недовольство то недовольство, которое, протестуя противъ ударовъ судьбы, напряженно ищетъ отвѣтовъ на вопросы, уже сложившіеся въ умѣ. Передъ нею все шире и пестрѣе развертывалась картина жизни человеческой, суетливой и тревожной жизни въ борьбѣ за сытость. Всюду было ясно видно, грубо-голое, нагло-откровенное стремленіе обмануть человека, обратить его, выжать изъ него побольше пользы для себя, испить его крови. И она видѣла, что всего было много на землѣ, а народъ нуждался и жилъ вокругъ неисчислимыя богатствъ полу-

голодный. Въ городахъ стоятъ храмы, наполненные золотомъ и серебромъ ненужнымъ Богу, а на папертяхъ храмовъ дрожатъ нищіе, тщетно ожидая, когда имъ сунуть въ руку маленькую мѣдную монету. Она и раньше видала это—богатые церкви и шитые золотомъ ризы поповъ, лачуги нищаго народа и его позорныя лохмотья, но раньше это казалось ей естественнымъ, а теперь—непримиримымъ и оскорбляющимъ бѣдныхъ людей, которымъ—она знала—церковь и ближе, и нужнѣе, чѣмъ богатымъ.

По картинкамъ, изображавшимъ Христа, по рассказамъ о Немъ, она знала, что Онъ, другъ бѣдныхъ, одѣвался просто, а въ церквахъ, куда бѣднота приходила къ Нему за утѣшеніемъ, она видѣла Его закованнымъ въ наглое золото и шелкъ, брезгливо шелестѣвшій при видѣ нищеты. И невольно вспоминались ей слова Рыбина:

Незамѣтно для нея, она стала меньше молиться, но все больше думала о Христѣ и о людяхъ, которые, не упоминая имени Его, какъ будто даже не зная о Немъ, жили, казалось ей, по Его завѣтамъ и подобно Ему, считая землю царствомъ бѣдныхъ, желали раздѣлить поровну между людьми всѣ богатства земли. Думала она объ этомъ много и росла въ душѣ ея эта дума, углубляясь и обнимая все видимое ею, все, что слышала она, росла, принимая свѣтлое лицо молитвы, ровнымъ огнемъ обливавшей весь темный міръ, всю жизнь и всѣхъ людей. И ей казалось, что самъ Христосъ, котораго она всегда любила смутной любовью,—сложнымъ чувствомъ, гдѣ страхъ былъ тѣсно связанъ съ надеждой, и умиленіе съ печалью—теперь сталъ ближе къ ней и былъ уже инымъ—сталъ выше и виднѣе для нея, радостиѣе и свѣтлѣй лицомъ. Теперь Его глаза улыбались ей съ увѣренностью и живой

внутренней силой, точно Онъ въ самомъ дѣлѣ воскресъ для жизни, омытый и оживленный горячею кровью, которую они щедро пролили во имя Его, цѣломудренно не возглашая имени несчастнаго друга людей. Изъ своихъ путешествій она всегда возвращалась къ Николаю радостно возбужденная тѣмъ, что видѣла и слышала дорогой, бодрая и довольная исполненной работой.

— Хорошо это ѣздить вездѣ и много видѣть!— говорила она Николаю по вечерамъ.— Понимаешь, какъ строится жизнь. Оттираютъ, откидываютъ народъ на край ея и обиженный копошится онъ тамъ, но—хочеть не хочеть— а думаетъ— за что? Почему меня прочь отгоняютъ? Почему всего много, а голоденъ я? И сколько ума вездѣ, а я—глупъ и темень? И гдѣ онъ, Богъ милостивый, предъ которымъ нѣтъ богатого и бѣднаго, но всѣ—дѣти дорогіе сердцу? Возмущается понемногу народъ жизнью своею... чувствуетъ, что неправда задушить его, коли онъ не подумаетъ о себѣ!

И все чаще она ощущала требовательное желаніе самой, своимъ языкомъ, говорить людямъ о несправедливостяхъ жизни и часто ей трудно было подавить это желаніе...

Николай, заставая ее надъ картинами, улыбаясь рассказывалъ что-нибудь, всегда чудесное. Пораженная дерзостью задачъ человѣка, она недоувѣрчиво спрашивала Николая:

— Да развѣ это можно?

И онъ настойчиво, съ непоколебимой увѣренностью въ правдѣ своихъ пророчествъ, глядя черезъ очки въ лицо ея добрыми глазами, говорилъ ей сказки о будущемъ.

— Желаніямъ человѣка нѣтъ мѣры, его сила— неисчерпаема! Но міръ, все-таки, еще очень медленно богатѣетъ духомъ, потому что теперь каждый, желая освободить себя отъ зависимости, принужденъ копить

не знанія, а деньги. А когда люди убьют жадность, когда они освободят себя изъ плѣна подневольнаго труда...

Она рѣдко понимала смыслъ его словъ, но чувство спокойной вѣры, оживлявшее ихъ, становилось все болѣе доступно для нея.

— На землѣ слишкомъ мало свободныхъ людей, вотъ ея несчастье!—говорилъ онъ.

Это было понятно—она знала освободившихся отъ жадности и злобы, она понимала, что если-бы такихъ людей было больше—темное и страшное лицо жизни стало-бы привѣтливѣе и проще, болѣе добрымъ и свѣтлымъ.

— Человѣкъ невольно долженъ быть жестокимъ!— съ грустью говорилъ Николай.

Она утвердительно кивала головой, вспоминая рѣчи хохла.

XXV.

Однажды Николай, всегда аккуратный, пришелъ со службы много поздне чѣмъ всегда и, не раздѣваясь, возбужденно потирая руки, торопливо сказалъ:

— Знаете, Ниловна, сегодня во время свиданій изъ тюрьмы бѣжалъ одинъ изъ нашихъ товарищей... Но кто онъ? Не удалось узнать...

Мать покачнулася на ногахъ, охваченная волненіемъ, сѣла на стулъ, спрашивая шопотомъ:

— Можетъ быть Паша?

— Можетъ быть!—отвѣтилъ Николай, вздернувъ плечи.—Но какъ ему помочь скрыться, гдѣ его найти? Я сейчасъ ходилъ по улицамъ—не встрѣчу-ли? Это глупо, но надо что-нибудь дѣлать! И я снова пойду...

— Я тоже...—крикнула мать.

— Вы пойдете къ Егору, не знаетъ-ли онъ что-нибудь?—предложилъ Николай, поспѣшно исчезая.

Она накинула платокъ на голову и охваченная надеждой быстро вышла на улицу вслѣдъ за нимъ. Рябило въ глазахъ и сердце стучало торопливо, заставляя ее почти бѣжать. Она шла встрѣчу возможнаго, опустивъ голову, и ничего не замѣчала вокругъ.

— Приду туда, а онъ тамъ ужъ...—мелькала надежда, толкая ее...

Было жарко, она задыхалась отъ усталости и когда дошла до лѣстницы въ квартиру Егора, остановилась, не имѣя силъ итти дальше, обернулась и удивленно, тихонько крикнувъ, на мигъ закрыла глаза—ей показалось, что въ воротахъ стоитъ Николай Вѣсовщиковъ, засунувъ руки въ карманы, и съ улыбкой смотритъ на нее. Но когда она снова взглянула, въ воротахъ никого не было...

— Почудилось!—мысленно сказала она, шагая по ступенямъ и прислушиваясь. Внизу на дворѣ былъ слышенъ глухой топотъ медленныхъ шаговъ... Остановясь на поворотѣ лѣстницы, она, нагнувшись, взглянула внизъ и снова увидала рябое лицо, улыбавшееся ей.

— Николай... Николай...—воскликнула мать, опускаясь встрѣчу ему, а сердце разочарованно заныло.

— А ты иди! Иди...—негромко отвѣтилъ онъ, махнувъ рукой.

Она быстро взбѣжала по лѣстницѣ, вошла въ комнату Егора и, увидавъ его лежащимъ на диванѣ, задыхаясь прошептала:

— Николай бѣжалъ... изъ тюрьмы...

— Какой?—хрипло спросилъ Егоръ, поднимая голову съ подушки.—Ихъ тамъ двое...

— Вѣсовщиковъ... идетъ сюда...

— Чудесно! Но я не встану встрѣтить его...

Онъ уже вошелъ въ комнату, заперъ дверь на крюкъ

и, снявъ шапку, тихо смѣялся, приглаживая волосы на головѣ. Упираясь локтями въ диванъ, Егоръ поднялся, крикнулъ, кивая головой.

— Пожалуйте, не стѣсняйтесь...

Широко улыбаясь, Николай подошелъ къ матери, схватилъ ея руку:

— Кабы не увидалъ я тебя—хоть назадъ въ тюрьму иди! Никого въ городѣ не знаю, а въ слободу идти—сейчасъ-же схватятъ... Хожу и думаю—дуракъ? Зачѣмъ ушелъ? Вдругъ вижу—Ниловна бѣжитъ! Я за тобой...

— Какъ это ты ушелъ?—спросила мать.

Онъ неловко присѣлъ на край дивана и говорилъ, смущенно пожимая плечами.

— Не знаю какъ... просто случай подвернулся! Гулялъ я... а уголовные начали надзирателя бить... тамъ одинъ есть такой, изъ жандармовъ, за воровство выгнавъ... шпионить, доносить, жить не даетъ никому!.. Бьютъ они его, суматоха, надзиратели испугались, бѣгаютъ, свистятъ... я вижу—ворота открыты, подошелъ, смотрю—площадь, городъ... Потянуло меня впередъ... И пошелъ, не торопясь... такъ, какъ-бы во снѣ... Отошелъ немного, опомнился—куда идти? Смотрю—а ворота тюрьмы уже заперты... Неловко мнѣ стало... товарищей жалко и вообще... глупо какъ-то... не думалъ я уходить...

— Гм!—сказалъ Егоръ.—А вы-бѣ, господинъ, воротились, вѣжливо постучали въ дверь и попросили пустить васъ. Извините, моль, я нѣсколько увлекся...

— Да,—усмѣхаясь продолжалъ Николай,—это тоже глупость, я понимаю. Ну, а, все-таки, передъ товарищами нехорошо... никому не сказалъ ничего... ушелъ... Иду. Вижу—покойника несутъ, ребенка. Пошелъ за гробомъ, голову наклонилъ, не гляжу ни на кого... Посидѣлъ на кладбищѣ, обвѣяло меня воздухомъ... и одна мысль въ голову пришла...

— Одна?—спросилъ Егоръ и, вздохнувъ, добавилъ:— Я думаю ей тамъ не тѣсно...

Вѣсовщиковъ безобидно засмѣялся, тряхнувъ головой.

— Ну, теперь у меня голова не такая пустая, какъ была... А ты, Егоръ Ивановичъ, все хвораешь...

— Каждый дѣлаетъ, что можетъ!—отвѣтилъ Егоръ, влажно кашляя.—Продолжай!

— Потомъ пошелъ въ земскій музей... Походилъ тамъ, поглядѣлъ, а самъ все думаю—какъ-же, куда я теперь? Даже разсердился на себя... и очень ѣсть захотѣлось! Вышелъ на улицу, хожу, досадно мнѣ... а ужъ вижу полицейскіе присматриваются ко всѣмъ... ну, думаю, съ моей рожей скоро попаду на судъ Божій!... Вдругъ Ниловна навстрѣчу бѣжитъ... я посторонился, да за ней... вотъ и все.

— А я тебя и не замѣтила!—виновато молвила мать. Она рассматривала Вѣсовщикова и ей казалось, что онъ какъ будто легче сталъ.

— Вѣрно товарищи безнокоятся... гдѣ онъ, дескать?—почесывая голову сказалъ Николай.

— А начальства тебѣ не жалко? Оно вѣдь тоже безпокоится!—замѣтилъ Егоръ. Онъ открылъ ротъ и началъ такъ двигать губами, точно жевалъ воздухъ.— Однако, шутки прочь. Надо тебя прятать, что не суть легко, хотя и пріятно... Если-бы я могъ встать...—онъ задохнулся, бросилъ руки къ себѣ на грудь и слабыми движеніями сталъ растирать ее.

— Сильно ты расхворался, Егоръ Ивановичъ!—сказалъ Николай и опустилъ голову. Мать вздохнула и тревожно обвела глазами маленькую тѣсную комнату.

— Это мое личное дѣло!—отвѣтилъ Егоръ.—Вы, бабуля, спрашивайте о Павлѣ, нечего притворяться!

Вѣсовщиковъ широко улыбнулся.

— Павелъ ничего! Здоровъ. Онъ вродѣ старосты у

насъ тамъ. Съ начальствомъ разговариваетъ и вообще—командуетъ... Его уважаютъ... Есть за что!

Власова кивала головой, слушая рассказы Вѣсовщикова и искоса смотрѣла на отекавшее, синеватое лицо Егора. Неподвижно застывшее, лишенное выраженія, оно казалось странно плоскимъ и только глаза на немъ сверкали живо и весело.

— Дали-бы вы мнѣ поѣсть... ей Богу, очень хочется!—неожиданно воскликнулъ Николай.

— Бабуля, на полкѣ лежитъ хлѣбъ, дайте ему, потомъ пойдите въ коридоръ, налѣво вторая дверь—постучайте въ нее. Откроетъ женщина, такъ вы скажите ей, пусть идетъ сюда и захватитъ съ собой все, что имѣетъ съѣдобнаго.

— Куда-же—все?—запротестовалъ Николай.

— Не волнуйся—это немного... а, можетъ быть,—ничего!

Мать вышла, постучала въ дверь и, прислушиваясь къ тишинѣ за нею, съ печалью подумала о Егорѣ.

— Умираетъ...

— Кто это?—спросили за дверью.

— Отъ Егора Ивановича!—негромко отвѣтила мать.— Просить васъ къ себѣ...

— Сейчасъ приду!—не открывая отвѣтили ей. Она подождала немного и снова постучалась. Тогда дверь быстро отворилась и въ коридоръ вышла высокая женщина въ очкахъ. Торопливо оправляя смятый рукавъ кофточки, она сурово спросила мать:

— Вамъ что угодно?

— Я отъ Егора Ивановича...

— Ага! Идемте... О, да я—же знаю васъ!—тихо воскликнула женщина.—Здравствуйте! Темно здѣсь...

Власова взглянула на нее и вспомнила, что она бывала нрѣдка у Николая.

— Все свои!—мелькнуло у нея въ головѣ.

Наступая на Власову, женщина заставила ее идти впередъ, а сама, идя сзади, спрашивала:

— Ему плохо?

— Да, лежитъ. Просиль васъ принести покушать...

— Ну, это лишнее...

Когда онѣ входили къ Егору, ихъ встрѣтилъ его хрипъ:

— Направляюсь къ праотцамъ, другъ мой... Людмила Васильевна, сей мужъ ушелъ изъ тюрьмы безъ разрѣшенія начальства—дерзкій! Прежде всего накормите его. потомъ спрячьте куда-нибудь дня на два.

Женщина кивнула головой и, внимательно глядя въ лицо больного, строго сказала:

— Вы, Егоръ, должны были послать за мной тотчасъ-же, какъ только къ вамъ пришли! И вы дважды, я вижу, не принимали лекарство—что за небрежность? Сами-же говорите, что вамъ легче дышать послѣ приѣма... Товарищъ, идите ко мнѣ!... Сейчасъ сюда явятся изъ больницы за Егоромъ...

— Все-таки въ больницу меня?—спросилъ Егоръ.

— Да. Я буду тамъ съ вами...

— И тамъ?

— Не дурите...

Разговаривая, женщина поправила одѣяло на груди Егора, пристально осмотрѣла Николая, измѣрила глазами лекарство въ пузырькъ... Говорила она ровно, негромко, но звучнымъ голосомъ, движенія у нея были плавны, лицо блѣдное, темныя брови почти сходились надъ переносьемъ. Ея лицо не нравилось матери—оно казалось надменнымъ, а глаза смотрѣли безъ улыбки, безъ блеска. И говорила она такъ, точно командовала.

— Мы уйдемъ!—продолжала она.—Я скоро вернусь. Вы дайте Егору столовую ложку вотъ этаго. Не позволяйте ему говорить...

И она ушла, уводя съ собой Николая.

— Чудесная женщина!—сказалъ Егоръ, вздохнувъ.—
Великолѣпная женщина.. Васъ, бабуля, надо-бы къ ней
пристроить... она устаетъ очень...

— А ты не говори. На-ко, выпей лучше!..—мягко
попросила мать.

Онъ проглотилъ лекарство и продолжалъ, почему-то
прищуривъ глаза:

— Все равно я умру, если и буду молчать...

Другимъ глазомъ онъ смотрѣлъ на лицо матери, а
губы его медленно раздвигались въ улыбку. Мать на-
клонила голову, острое чувство жалости вызывало у
нея слезы.

— Ничего, бабуля, это естественно... Удовольствіе
жить влечетъ за собой обязанность умереть...

Мать положила руку на голову его и снова тихо
сказала:

— Помолчи, а?..

Онъ закрылъ глаза, какъ бы прислушиваясь къ хри-
памъ въ груди своей, и упрямо продолжалъ:

— Безсмысленно молчать, бабуля... Что я выиграю
молчаніемъ? Нѣсколько лишнихъ секундъ агоніи, а
проиграю большое удовольствіе поболтать съ хорошимъ
человѣкомъ... Я думаю, что на томъ свѣтѣ нѣтъ та-
кихъ хорошихъ людей, какъ на этомъ...

Мать безпокойно перебила его рѣчь:

— Вотъ придетъ она, барыня-то, и будетъ ругать
меня за то, что ты говоришь...

— Она не барыня, а революціонерка, товарищъ, чу-
десная душа... Ругать васъ, бабуля, она непременно
будетъ. Всѣхъ ругаетъ и всегда...

И медленно, съ усиліемъ двигая губами, Егоръ
сталъ рассказывать исторію жизни своей сосѣдки. Гла-
за его улыбались, мать видѣла, что онъ нарочно под-
дразниваетъ ее и, глядя на его лицо, подернутое влаж-
ной синевою, тревожно думала:

— Умреть...

Вошла Людмила и, тщательно закрывая за собой дверь, заговорила, обращаясь къ Власовой:

— Вашему знакомому необходимо переодѣться и возможно скорѣй уйти отъ меня, такъ вы, Пелагея Ниловна, сейчасъ-же идите, достаньте платье для него и принесите все сюда. Жаль пътъ Софьи—это ея спеціальность—прятать людей.

— Она завтра прѣдетъ!—замѣтила Власова, наклонивъ платокъ на плечи.

Каждый разъ, когда ей давали какое-нибудь порученіе, ее сразу и крѣпко охватывало желаніе исполнить это дѣло быстро и хорошо и она уже не могла думать ни о чемъ, кромѣ своей задачи. И теперь, озачебно опустивъ брови, она дѣловито спрашивала:

— Какъ одѣть его, думаете вы?

— Все равно! Онъ пойдетъ ночью...

— Ночью хуже—людей меньше на улицахъ, слѣдять больше, а онъ не очень ловкій...

Егоръ хрипло засмѣялся.

— Молодая вы еще, бабуля!

— А можно въ больницу къ тебѣ придти?—спросила мать.

Онъ, кашляя, кивнулъ головой. Людмила заглянула въ лицо матери темными глазами и предложила:

— Хотите дежурить у него въ очередь со мной? Да? Хорошо!.. А теперь идите скорѣе...

Ласково, но властно взявъ мать подъ руку, она вывела ее за дверь и тамъ тихо сказала:

— Не обижайтесь, что я такъ выпроваживаю васъ... я знаю, это грубо... Но ему вредно говорить... а у меня есть надежда...

Она сжала руки, пальцы ее хрустнули, а вѣки утомленно опустились на глаза...

Это объясненіе смутило мать и она пробормотала:

— Что это вы? Развѣ такія грубости бываютъ... Иду, до-свиданья...

— Смотрите, нѣтъ-ли шпионовъ!—тихо сказала женщина. Поднявъ руки къ лицу, она потирала виски, губы у нея вздрагивали, лицо стало мягче...

— Знаю...—отвѣтила ей мать, не безъ гордости.

Выйдя изъ воротъ, она остановилась на минуту, поправляя платокъ и незамѣтно, но зорко оглянулась вокругъ. Она уже почти безошибочно умѣла отличить шпиона въ уличной толпѣ. Ей были хорошо знакомы подчеркнутая безпечность походки, натянутая развязность жестовъ, выраженіе утомленности и скуки на лицѣ и плохо спрятанное за всѣмъ этимъ опасливое, виноватое мерцаніе безпокойныхъ, непріятно острыхъ глазъ.

На этотъ разъ она не замѣтила знакомаго лица и не торопясь пошла по улицѣ, а потомъ наняла извозчика и велѣла отвезти себя на рынокъ. Покуная платье для Николая, она жестоко торговалась съ продавцами и, между прочимъ, ругала своего пьяницу мужа, котораго ей приходится одѣвать чуть не каждый мѣсяцъ во все новое. Эта выдумка мало дѣйствовала на торговцевъ, но очель нравилась ей самой — дорогой она сообразила, что полиція конечно пойметъ необходимость для Николая переѣхать платье и пошлетъ сыщиковъ на рынокъ. Съ такими-же наивными предосторожностями она возвратилась на квартиру Егора, потомъ ей пришлось провожать Николая на окраину города. Они шли съ Николаемъ по разнымъ сторонамъ улицы и матери было смѣшно и пріятно видѣть, какъ Вѣсовниковъ тяжело шагаль, опустивъ голову и пугаясь ногами въ длинныхъ полахъ рыжаго пальто и какъ онъ поправлялъ шляпу, сползавшую ему на носъ. Въ одной изъ пустынныхъ улицъ ихъ встрѣтила Сашенька и мать, простясь съ Вѣсовниковымъ кивкомъ головы, пошла домой.

— А Папа сидитъ... и Андрюша... — думала она печально.

Николай встрѣтилъ ее тревожнымъ восклицаніемъ:
— Вы знаете—Егору очень плохо... очень! Его свезли въ больницу... здѣсь была Людмила, она проситъ васъ придти туда къ ней...

— Въ больницу?

Нервнымъ движеніемъ поправивъ очки, Николай помогъ ей надѣть кофту и, пожимая руку ея сухой, теплой рукой, сказалъ вздрагивающимъ голосомъ:

— Да! Захватите вотъ этотъ свертокъ... Устроили Вѣсовщикова?

— Все хорошо...

— Я тоже приду туда... къ Егору...

Отъ усталости у матери кружилась голова, а тревожное настроеніе Николая вызвало у нея тоскливое предчувствіе драмы.

— Значить—умираетъ... умираетъ... — тупо стучала въ головѣ ея темная мысль.

Но когда она пришла въ маленькую, чистую и свѣтлую комнату больницы и увидала, что Егоръ, сидя на койкѣ въ бѣлой грудѣ подушекъ, хрипло хохочетъ—это сразу успокоило ее. Она, улыбаясь, встала въ дверяхъ и слушала, какъ больной говоритъ доктору:

— Лечение—это реформа...

— Не балаганъ, Егоръ!—тонкимъ голосомъ озабоченно воскликнулъ докторъ.

— А я революціонеръ... ненавижу реформы...

Докторъ осторожно положилъ руку Егора на колѣни ему, всталъ со стула и, задумчиво дергая бородку, началъ щупать пальцами отеки на лицѣ больного.

Мать хорошо знала доктора, онъ былъ однимъ изъ близкихъ товарищей Николая, его звали Иванъ Даниловичъ. Она подошла къ Егору—онъ высунулъ языкъ встрѣчу ей. Докторъ обернулся.

— А, Ниловна!.. Здравствуйте... садитесь! Что у васъ въ рукахъ?

— Книги, должно быть.

— Ему нельзя читать! — замѣтилъ маленькій докторъ.

— Онъ хочетъ сдѣлать меня идиотомъ! — пожаловался Егоръ.

— Молчи! — сказалъ докторъ и сталъ писать въ маленькой книжкѣ.

Короткіе, тяжелые вздохи съ влажнымъ хрипомъ вырывались изъ груди Егора, лицо его было покрыто мелкимъ потомъ и медленно поднимая непослушныя, тяжелыя руки, онъ отиралъ ладонью лобъ. Странная неподвижность опухшихъ щекъ изуродовала его широкое, доброе лицо, всѣ черты исчезли подъ мертвенной маской и только глаза, глубоко запавшіе въ отекахъ, смотрѣли ясно, улыбаясь снисходительной улыбкой.

— Эй, наука! Я усталъ... можно лечь?.. — спросилъ онъ.

— Нельзя! — кратко сказалъ докторъ.

— Ну, я лягу, когда ты уйдешь...

— Вы, Ниловна, не позволяйте ему этаго! Поправьте подушки... И, пожалуйста, не говорите съ нимъ, это ему вредно...

Мать кивнула головой. Докторъ ушелъ быстрыми, мелкими шагами. Егоръ закинулъ голову, закрылъ глаза и замеръ, только пальцы его рукъ тихо шевелились. Отъ бѣлыхъ стѣнъ маленькой комнаты вѣяло сухимъ холодомъ и блѣдной, тусклой печалью... Въ большое окно смотрѣли кудрявыя вершины липъ, въ темной, пыльной листвѣ ярко блестѣли желтыя пятна — холодныя прикосновенія грядущей осени.

— Смерть подходит ко мнѣ медленно... неохотно... — не двигаясь и не открывая глазъ, заговорилъ Егоръ. — Ей, видимо, немного жаль меня — такой былъ славный, уживчивый парень...

— Ты-бы молчалъ, Егоръ Ивановичъ! — просила мать, тихонько поглаживая его руку.

— Подождите, бабуля, замолчу...

Задыхаясь, произнося слова съ огромнымъ напряженіемъ, онъ продолжалъ, прерывая рѣчь длинными паузами безсилія.

— Это превосходно, что вы съ нами... пріятно видѣть ваше лицо, бабуля... и ваши глаза, чутко открытые... вашу наивность... Чѣмъ она кончитъ—спрашиваю я себя—и грустно, когда подумаешь, что васъ, какъ всѣхъ, ждетъ тюрьма, ссылка и всякое свинство... Вы не боитесь тюрьмы?

— Нѣтъ!—просто отвѣтила она.

— Ну, да, конечно... А, все-таки, тюрьма—дрянь... это вотъ она искалѣчила меня... Говоря по совѣсти—я не хочу умирать...

— Можетъ не умрешь еще!—хотѣла сказать она, но, взглянувъ въ его лицо, промолчала.

— Я-бы могъ еще работать... недурно... Но, если нельзя работать, не чѣмъ жить и глупо жить...

— Справедливо, а не утѣшаетъ!—невольнo вспоминала мать слова Андрея и тяжело вздохнула. Она очень устала за день и ей хотѣлось ѣсть. Однотонный влажный шопоть больного, наполняя комнату, безпомощно ползаль по гладкимъ стѣнамъ. Вершины липъ за окномъ были подобны низко опустившимся тучамъ и удивляли своей печальной чернотой. Все странно замирало въ сумрачной неподвижности, въ уныломъ ожиданіи вочи.

— Какъ мнѣ нехорошо!—сказаль Егоръ и, закрывъ глаза, умолкъ.

— Усни!—посоветовала мать.—Можетъ быть лучше будетъ.

Потомъ прислушалась къ его дыханію, оглянувшись, просидѣла нѣсколько минутъ неподвижно, охваченная холодной печалью, и задремала.

Осторожный шумъ у двери разбудиль ее, вздрогнувъ она увидѣла открытые глаза Егора.

— Заснула... ты прости!—тихонько сказала она.

— И ты прости...—повторилъ онъ тоже тихо.

Въ окно смотрѣлъ вечерній сумракъ, мутный холодъ давилъ глаза, все странно потускнѣло, лицо больного стало темнымъ.

Раздался шорохъ и голосъ Людмилы.

— Сидятъ въ темнотѣ и шепчутся... Гдѣ-же здѣсь елочка?

Комната вдругъ вся наполнилась бѣлымъ, неласковымъ свѣтомъ. Среди нея стояла Людмила, вся черная, высокая, прямая.

Егоръ сильно вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, поднялъ руку къ груди.

— Что?—вскрикнула Людмила, подбѣгая къ нему.

Онъ смотрѣлъ на мать остановившимися глазами и теперь они казались большими и странно яркими.

— Подожди...—прошептала онъ.

Широко открывъ ротъ, онъ поднималъ голову вверхъ, а руку протянулъ впередъ... Мать осторожно взяла его руку и, сдерживая дыханіе, смотрѣла въ лицо Егора. Судорожнымъ и сильнымъ движеніемъ шеи онъ запрокинулъ голову и громко сказалъ:

— Не могу... кончено...

Тѣло его мягко вздрогнуло, голова безсильно упала на плечо и въ широко-открытыхъ глазахъ мертво отразился холодный свѣтъ лампы, горѣвшей надъ койкой.

— Голубчикъ мой!—прошептала мать.

Людмила медленно отошла отъ койки, остановилась у окна и, глядя куда-то передъ собой, незнакомымъ Власовой, необычно громкимъ голосомъ сказала:

— Умеръ...

Она согнулась, поставила локти на подоконникъ и заговорила вздрагивающимъ голосомъ:

— Умеръ... спокойно и мужественно... безъ жалобъ...

И вдругъ, точно ее ударили по головѣ, безсильно опустилась на колѣни, закрыла лицо руками и подавленно, глухо застонала.

Сложивъ тяжелыя руки Егора на груди его, поправивъ на подушкѣ странно теплую голову, мать, молча отирая слезы, подошла къ Людмилѣ, наклонилась надъ нею и тихо погладила ея густыя волосы. Женщина медленно повернулась къ ней—ея матовые глаза болѣзненно расширились, она встала на ноги и дрожащими губами зашептала:

— Я его знаю давно... мы вмѣстѣ жили въ ссылкѣ, шли туда, сидѣли въ тюрьмахъ... порою было невыносимо, отвратительно, многіе падали духомъ...

Сухое, громкое рыданіе перехватило ей горло, она съ усиліемъ поборола его и, приблизивъ къ лицу матери свое лицо, смягченное нѣжнымъ, грустнымъ чувствомъ, помолодившимъ ее, продолжала быстрымъ шопотомъ, рыдая безъ слезъ.

— А онъ всегда, всегда былъ неутомимо веселъ, шутилъ, смѣялся... мужественно скрывая свои страданія... всегда старался ободрить слабыхъ... добрый, чуткій, милый... Тамъ, въ Сибири, бездѣлье развращаетъ людей, часто вызываетъ къ жизни дурныя чувства—какъ онъ умѣлъ бороться съ ними... какой это былъ товарищъ, если-бы вы знали! Тяжела, мучительна была его личная жизнь... но знаю, никто не слыжалъ жалобъ его... никто, никогда. Вотъ я была близкимъ другомъ ему... я многимъ обязана его сердцу, онъ далъ мнѣ все, что могъ, отъ своего ума и одинокій, усталый, никогда не просилъ взамѣтъ ни ласки, ни вниманія...

Она подошла къ Егору, наклонилась и, цѣлуя его руку, тоскливо, негромко говорила:

— Товарищъ... дорогой мой, милый, благодарю, благодарю всѣмъ сердцемъ... прощай! Буду работать, какъ ты... не уставая, безъ сомнѣній... всю жизнь... прощай!

Острыя рыданія потрясли ея тѣло и, задыхаясь, она положила голову на кофку у ногъ Егора. Мать молча плакала обильными слезами, горячія, онѣ жгли

ей кожу щекъ. Она почему-то старалась удержатъ ихъ, ей хотѣлось приласкатъ Людмилу особой, сильной лаской и хотѣлось говорить о Егорѣ хорошими словами любви и печали.... Сквозь слезы она смотрѣла въ его опавшее лицо, въ глаза, дремотно прикрытые опущенными вѣками и на губы, темныя, застывшія въ легкой улыбокѣ. Было тихо и скучно свѣтло...

Вошелъ Иванъ Даниловичъ, какъ всегда торопливыми, мелкими шагами, вошелъ, вдругъ остановился среди комнагы и, быстрымъ жестомъ сунувъ руки въ карманы, спросилъ нервно и громко:

— Давно?..

Ему не отвѣтили. Онъ, тихо покачиваясь на ногахъ и потирая лобъ, подошелъ къ Егору, пожалъ руку его и отошелъ въ сторону.

— Не удивительно... съ его сердцемъ... это должно было случиться полгода назадъ...по крайпей мѣрѣ...да...

Его высокій, неумѣстно громкій, насильственно спокойный голосъ вдругъ порвался. Прислонясь спиной къ стѣнѣ, онъ быстрыми пальцами крутилъ бородку и, часто мигая глазами, смотрѣлъ на группу у кофки.

— Еще одинъ...—сказалъ онъ тихо.

Людмила встала, отошла къ окну, открыла его. Мать подняла голову, оглянулась, вздыхая. Черезъ минуту они всѣ трое стояли у окна, тѣсно прижимаясь другъ къ другу и смотрѣли въ сумрачное лицо осенней ночи. Надъ черными вершинами деревьевъ сверкали звѣзды, бесконечно углубляя даль небесъ...

Людмила взяла мать подъ руку и молча прижалась головой къ ея плечу. Докторъ, низко наклонивъ голову, протиралъ платкомъ пенснэ. Въ типинѣ за окномъ устало вздыхалъ вечерній шумъ города, холодъ вѣялъ въ лица, шевелилъ волосы на головахъ. Людмила вздрагивала и по щекѣ ея текла слеза... Въ ко-

ридоръ больницы заглушенно метались измятые, напуганные звуки, торопливое шарканье ногъ, блѣдныя стоны, унылый шопоть. Люди, неподвижно стоя у окна, смотрѣли во тьму и молчали.

Мать почувствовала себя лишней и, осторожно освободивъ руку, пошла къ двери, поклонясь Егору.

— Вы уходите?—тихо и не оглядываясь спросилъ докторъ.

— Да...

На улицѣ она подумала о Людмилѣ, вспомнивъ ея скупыя слезы:

— И поплакать-то не умѣть...

Предсмертныя слова Егора вѣзвали у нея тихій вздохъ. Медленно шагая по улицѣ, она вспоминала его живые глаза, его шутки, рассказы о жизни.

— Хорошему человѣку жить трудно, умереть — легко... Какъ-то я помирать буду?..

Потомъ представила себѣ Людмилу и доктора у окна въ бѣлой, слишкомъ свѣтлой комнатѣ, мертвые глаза Егора позади нихъ и, охваченная гнетущей жалостью къ людямъ, тяжело вздохнула и пошла быстрѣе—какое-то смутное чувство торопило ее.

— Надо скорѣе—думала она, подчиняясь грустной, но бодрой силѣ, мягко толкавшей ее изнутри.

XXVI.

Весь слѣдующій день мать провела въ хлопотахъ, устранивая похороны, а вечеромъ, когда она, Николай и Софья пили чай, явилась Сашенька, странно шумная и оживленная... На щекахъ у нея горѣлъ румянецъ, глаза весело блестѣли и вся она, казалось матери, была наполнена какой-то радостной надеждой. Ея настроеніе рѣзко и бурно вторгалось въ печальный тонъ воспоминаній объ умершемъ и, не сливаясь съ нимъ, смутило всѣхъ и ослѣпило, точно огонь, неожиданно вспыхнувшій во тьмѣ. Николай, задумчиво постукивая пальцемъ по столу, сказалъ:

— Вы не похожи на себя сегодня, Саша...

— Да? Можетъ быть!—отвѣтила она и засмѣялась счастливымъ смѣхомъ.

Мать посмотрѣла на нее съ молчаливымъ упрекомъ, а Софья напоминающимъ тономъ замѣтила:

— А мы говорили объ Егорѣ Ивановичѣ...

— Какой чудесный человѣкъ, неправда-ли!—воскликнула Саша.—Я не видала его безъ улыбки на лицѣ, безъ шутки... И какъ онъ работалъ! Это былъ художникъ революціи, онъ владѣлъ революціонной мыслью какъ великій мастеръ. Съ какой простотою и силой онъ рисовалъ всегда картины лжи, насилій, неправды... Я многимъ обязана ему и никогда не забуду работы его мысли надъ моими недоумѣціями...

Она говорила негромко, съ задумчивою улыбкой въ глазахъ, но эта улыбка не угасала въ ея взглядѣ огня, непонятнаго никому, по всѣмъ ясно видимаго ликования.

Люди любятъ свои чувства порою во вредъ самимъ

себѣ: они любятъся ими и часто даже изъ горя своего создаютъ для себя острую забаву, развѣдающую сердце. Имъ не хотѣлось уступить охватившее ихъ настроеніе печали о товарищѣ чувству радости, внесенному Сашей и, бессознательно защищая свое грустное право питаться горемъ, они невольно старались ввести дѣвушку въ кругъ своего настроенія...

— И вотъ онъ умеръ!—внимательно глядя на нее, настойчиво сказала Софья.

Саша оглянула всѣхъ быстрымъ, спрашивающимъ взглядомъ, брови ея нахмурились. И, опустивъ голову, замолчала, поправляя волосы медленнымъ жестомъ.

— Умеръ!—громко сказала она послѣ паузы и снова окинула всѣхъ вызывающими глазами.—Мнѣ трудно помириться съ этимъ...

Она прошлась по комнатѣ и вдругъ, остановившись, заговорила страннымъ голосомъ:

— Что значитъ—умеръ? Что умерло? Развѣ умерло мое уваженіе къ Егору, моя любовь къ нему, товарищу, память о работѣ мысли его; развѣ умерла эта работа, исчезли чувства, которыя онъ вызвалъ въ моемъ сердцѣ, разбито представленіе мое о немъ, какъ о мужественномъ, честномъ человѣкѣ? Развѣ все это умерло? Это, лучшее въ немъ, не умретъ для меня никогда, я знаю... Мнѣ кажется, мы слишкомъ торопимся сказать о человѣкѣ—онъ умеръ. Мертвы уста его, но слово—будетъ жить въ сердцахъ живыхъ.

Взволнованная, она снова сѣла къ столу, облокотилась на него и тихо, вдумчивѣе, продолжала съ улыбкой, глядя на товарищью затуманенными глазами.

— Можетъ быть, я говорю глупо, но—я вѣрю въ безсмертіе честныхъ людей... въ безсмертіе тѣхъ, кто далъ мнѣ счастье жить той прекрасной, полной жизнью, которой я живу, которая радостно опьяняетъ меня

удивительной сложностью своей, разнообразіемъ явленій и ростомъ идей, дорогихъ мнѣ, какъ сердце мое. Мы, можетъ быть, слишкомъ бережливы въ тратѣ своихъ чувствъ, много живемъ мыслью и это нѣсколько искажаетъ насъ, мы оцѣниваемъ, а не чувствуемъ...

— Съ вами случилось что-нибудь хорошее?—спросила Софья, улыбаясь.

— Да!—кивнувъ головой, сказала Саша.—Очень, мнѣ кажется! Я всю ночь бесѣдовала съ Вѣсовщиковымъ... Я не любила его раньше, онъ мнѣ казался грубымъ и темнымъ. Да онъ и былъ такимъ, несомнѣнно... Въ немъ жило неподвижное темное раздраженіе на всѣхъ, онъ всегда какъ-то убійственно-тяжело ставилъ себя въ центрѣ всего и грубо, озлобленно, говорилъ—я, я, я. Въ этомъ было что-то мѣщанское, низменное и раздражающее...

Она улыбнулась и снова обвела всѣхъ сіяющимъ взглядомъ.

— Теперь онъ говорить—товарищи! И надо слышать, какъ онъ это говорить... Съ какой-то смущенной, мягкой любовью... этого не передашь словами! Сталъ удивительно простъ и искрененъ и весь переполненъ желаніемъ работы. Опъ напелъ себя, видитъ свою силу, знаетъ, чего у него нѣтъ... главное, въ немъ родилось истинно-товарищеское чувство... широкое, любовное... улыбающееся навстрѣчу всему тяжелому въ жизни...

Власова слушала рѣчь Саши и ей было пріятно видѣть всегда суровую дѣвушку смягченной, радостной. Но, въ то-же время, гдѣ-то далеко въ ея душѣ зарождалась ревнивая мысль:

— А какъ-же Папа-то?..

— Опъ,—продолжала Саша,—весь охватепъ мыслями товарищамъ и знаете, въ чемъ убѣждаетъ меня? Въ необходимости устроить для нихъ побѣгъ... да! Опъ

говорить, что это очень просто и легко.

Софья подняла голову и оживленно сказала:

— А вы какъ дѣлаете, Саша? Это мысль!

Чашка чая въ рукѣ матери задрожала и она поставила ее на столъ. Саша нахмурила брови, сдерживая свое оживленіе, помолчала и серьезнымъ голосомъ, по радостно улыбаясь, сбивчиво проговорила:

— Онъ увѣренъ... если, дѣйствительно, все такъ какъ онъ говоритъ—мы должны... . . . . .

Она покраснѣла, опустила на стулъ, замолчала.

— Милая ты моя, милая!—улыбаясь, думала мать. Софья тоже улыбнулась, а Николай, мягко глядя въ лицо Саши, тихо засмѣялся. Тогда дѣвушка подняла голову, строго посмотрѣла на всѣхъ и блѣдная, сверкнувъ глазами, сухо, съ обидой въ голосѣ, сказала.

— Вы смѣтаетесь... я понимаю васъ... Вы считаете меня лично заинтересованной въ побѣгѣ, да?

— Почему, Саша?—лукаво спросила Софья, вставая и подходя къ ней. Вопросъ этотъ показался матери лишнимъ и обиднымъ для дѣвушки, она вздохнула и, поднявъ бровь, съ упрекомъ посмотрѣла на Софью.

— Но я отказываюсь!—воскликнула Саша.—Я не приму участія въ рѣшеніи вопроса, если вы будете разсматривать его...

— Перестаньте, Саша!—спокойно сказалъ Николай.

Мать тоже подошла къ ней и, наклонясь, осторожно погладила ее голову. Саша схватила ее руку и, поднявъ кверху покраснѣвшее лицо, смущенно взглянула въ лицо матери. Та улыбнулась и, не пайдя что сказать дѣвушкѣ, печально вздохнула. А Софья сѣла рядомъ съ Сашей на стулъ, обняла за плечи и, съ любопытной улыбкой заглядывая ей въ глаза, сказала:

— Вы—чудачка!..

— Да, я, кажется, наглушила... Но я не люблю тѣней...

— Какъ могли вы подумать...—продолжала Софья, но Николай дѣловито и серьезно прервалъ ее:

— Обь устройствѣ побѣга, если онъ возможенъ, не можетъ быть двухъ мнѣній. Но прежде всего — мы должны знать, — хотять-ли этого заключенные товарищи...

Саша опустила голову.

Софья, закуривая папиросу, взглянула на брата и широкимъ жестомъ бросила спичку куда-то въ уголь.

— Какъ, чай, имъ не хотѣтъ! — вздохнувъ, сказала мать. — Только не вѣрю я, что можно это...

Всѣ молчали, а она смотрѣла на нихъ съ недоумѣніемъ—ей такъ хотѣлось послушать еще о возможности побѣга.

— Мнѣ нужно повидаться съ Вѣсовицковымъ! — сказала Софья.

— Хорошо. Завтра я скажу вамъ когда и гдѣ, — негромко отвѣтила Саша.

— Что онъ будетъ дѣлать?—спросила Софья, расхаживая по комнатѣ.

— Его рѣшили пристроить наборщикомъ въ новую типографію... А до того времени поживетъ у лѣсничаго.

Брови Саши нахмурились, лицо приняло обычное суровое выраженіе и голосъ звучалъ сухо. Николай подошелъ къ матери, перемывавшей чашки и сказалъ ей:

— Вы послѣзавтра на свиданіе идете... такъ надо передать Павлу записку... Понимаете—нужно знать...

— Я понимаю, понимаю!.. — торопливо отозвалась она.—Я ужъ передамъ... это мое дѣло...

— Я ухожу! — заявила Саша и быстро, молча пожавъ всѣмъ руки, шагая какъ-то особенно твердо, ушла, прямая и сухая.

Софья положила руки на плечи матери и, покачивая ее на стулѣ, съ улыбкой спросила:

— Вы, Ниловна, любили-бы такую дочь?..

— О, Господи! Хоть-бы день одинъ видѣть ихъ вмѣстѣ!—воскликнула Власова, готовая заплакать.

— Да, немножко счастья... это хорошо для каждаго!..—негромко замѣтилъ Николай.—Но нѣтъ людей, которые желали-бы немножко счастья... А когда его много—оно дешево...

Софья сѣла за піанино и начала играть что-то грустное.

На другой день по-утру нѣсколько десятковъ мужчинъ и женщинъ стояли у воротъ больницы, ожидая, когда вынесутъ на улицу гробъ ихъ товарища. Вокругъ нихъ осторожно кружились шпионы, ловя чуткими ушами отдѣльные возгласы, запоминая лица, манеры и слова, а съ другой стороны улицы на нихъ смотрѣла группа полицейскихъ. Нахальство шпионовъ раздражало толпу. Иные, скрывая свое раздраженіе, шутили, другіе угрюмо смотрѣли въ землю, стараясь не замѣчать оскорбительнаго, третьи, не сдерживая гнѣва, иронически смѣялись... Блѣдно-голубое небо осени свѣтло смотрѣло въ улицу, вымощенную круглыми сѣрыми камнями, усѣянную желтой листвою и вѣтеръ, взметывая листья, бросалъ ихъ подъ ноги людей.

Мать стояла въ толпѣ и, наблюдая знакомыя лица, съ грустью думала:

— Немного васъ... немного...

Отворились ворота, на улицу вынесли крышку гроба съ вѣнками въ красныхъ лентахъ. Люди молча дружно сняли шляпы — точно стая черныхъ птицъ взлетѣла надъ ихъ головами. Высокій полицейскій офицеръ, съ густыми черными усами на красномъ лицѣ, быстро

шелъ въ толпу, за нимъ, безцеремонно расталкивая людей, шагали солдаты, громко стуча тяжелыми сапогами по камнямъ. Офицеръ сказалъ сильнымъ командующимъ голосомъ:

— Прошу снять ленты!

Его тѣсно окружили мужчины и женщины, что-то говорили ему, размахивая руками, волнуясь, отталкивая другъ друга. Передъ глазами матери мелькали блѣдныя, возбужденныя лица съ трясущимися губами; по лицу одной женщины катились крупныя слезы обиды...

Мать почувствовала въ сердцѣ горечь и, обращаясь къ сосѣду своему, бѣдно одѣтому молодому человѣку, сказала возмущенно:

— И похоронить человѣка не даютъ, какъ хочется товарищамъ... что ужъ это!

Росла враждебность, надъ головами людей качалась крышка гроба, вѣтеръ игралъ лентами, окутывая головы и лица и былъ слышенъ сухой нервный шелестъ шелка.

Мать обняла холодный страхъ возможнаго столкновения, она торопливо и негромко говорила направо и налево:

— Богъ съ ними, коли такъ... снять-бы ленты... уступить-бы ужъ... что ужъ!..

Громкій и рѣзкій голосъ звучалъ, заглушая шумъ:

— Мы требуемъ, чтобы намъ не мѣшали проводить въ послѣдній путь...

Кто-то, должно быть дѣвушка, высоко и тонко загѣла:

— Вы жертвою пали въ борьбѣ...

— Прошу снять ленты! Яковлевъ, срѣжь!

Былъ слышенъ лязгъ вынимаемой шапки. Мать закрыла глаза, ожидая крика... Но стало тише, люди

ворчали, огрызались, какъ затравленные волки. Потомъ молча, низко опустивъ головы, подавленные сознани-емъ безсилія, они двинулись впередъ, наполняя улицу шорохомъ шаговъ.

Впереди плыла въ воздухъ крышка гроба со смятыми вѣнками и, качаясь сбоку-на-бокъ, вѣхали верхомъ полицейскіе. Мать шла по тротуару, ей не было видно гроба въ густой, тѣсно окружившей его толпѣ, которая незамѣтно выросла и наполнила собой всю широту улицы. Сзади толпы тоже возвышались сѣрыя фигуры верховыхъ; по бокамъ, держа руки на шапкахъ, шагала пѣшая полиція и всюду мелькали знакомые матери острые глаза иппоновъ, внимательно шупавшіе лица людей.

— Прощай, нашъ товарищъ, прощай!...—грустно за-пѣли два красныхъ голоса.

— Не надо!—раздался крикъ.—Будемъ молчать, товарищи!

Печальная пѣсня оборвалась, шумъ говора сталъ тише и только твердые удары ногъ о камни наполняли улицу глухимъ ровнымъ звукомъ. Онъ поднимался надъ головами людей, уплывая въ прозрачное небо, и сотрясалъ воздухъ подобно отзвуку перваго грома еще далекой грозы. Холодный вѣтеръ, все усиливаясь, враждебно пелъ встрѣчу людямъ пыль и соръ городскихъ улицъ, раздувалъ платье и волосы, слѣпилъ глаза, билъ въ грудь и путался въ ногахъ...

Эти молчаливые похороны безъ поповъ и щемящаго душу пѣнія, задумчивыя лица, нахмуренныя брови и твердые удары ногъ о землю вызывали у матери жуткое чувство, а мысль ея, медленно кружась, одѣвала впечатлѣнія въ грустныя слова.

— Немного васъ, которые за правду... немного. А, все-таки, боятся васъ!..

Она шагала, опустивъ голову, и ей казалось, что это хоронятъ не Егора, котораго она знала, а что-то другое, привычное и потому близкое и нужное ей. Ей было тоскливо, неловко. Сердце наполнилось шероховатымъ тревожнымъ чувствомъ несогласія съ людьми, проводившими Егора.

— Конечно, — думала она, — Егорушка въ Бога не вѣрилъ и всѣ они тоже...

Но не умѣла окончить свою мысль и вздыхала, желая столкнуть тяжесть съ души.

— О, Господи, Господи... Исусе Христе... Неужто и меня вотъ такъ...

Пришли на кладбище и долго кружились тамъ по узкимъ дорожкамъ среди могилъ, пока не вышли на открытое пространство, усѣянное низенькими бѣлыми крестами. Столпились около могилы и замолчали. И это суровое молчаніе живыхъ среди могилъ обѣщало что-то страшное, отъ чего сердце матери вздрогнуло и замерло въ ожиданіи. Между крестовъ свистѣлъ и вылъ вѣтеръ; на крышкѣ гроба печально трепетали измятые цвѣты...

Полиція насторожилась, вытянулась, глядя на своего начальника. Надъ могилою всталъ высокій молодой человѣкъ безъ шапки, съ длинными черными волосами, чернобровый и блѣдный. И въ то-же время раздался сплывшій голосъ начальника полиціи:

— Господа...

— Товарищи! — громко и звучно началъ чернобровый.

— Позвольте! — крикнулъ полицейскій, — объявляю мѣ, что не могу допустить рѣчей...

— Я скажу всего нѣсколько словъ! — спокойно заявилъ молодой человѣкъ. — Товарищи! Надъ могилою нашего учителя и друга давайте поклянемся, что не

забудемъ никогда его завѣты, что каждый изъ насъ будетъ всю жизнь...

— Арестовать!—крикнулъ полицейскій.

Расталкивая толпу полицейскіе бросились къ оратору.

Мать оттолкнули въ сторону; тамъ она въ страхъ прислонилась къ кресту и, ожидая удара, закрыла глаза. Буйный вихрь нестройныхъ звуковъ оглушалъ ее, земля качалась подъ ногами, вѣтеръ и страхъ затрудняли дыханіе. Тревожно носились по воздуху свистки полицейскихъ, раздавался грубый, командующій голосъ, истерично кричали женщины, трещало дерево оградъ, и глухо звучалъ тяжелый топотъ ногъ по сухой землѣ... Это длилось долго и стоять съ закрытыми глазами ей стало невыносимо страшно...

Она взглянула и, крикнувъ, бросилась впередъ, протягивая руки. Недалеко отъ нея, на узкой дорожкѣ среди могилъ, полицейскіе окруживъ длинноволосаго человѣка, отбивались отъ толпы, нападавшей на нихъ со всѣхъ сторонъ. Въ воздухъ бѣло и холодно мелькали обнаженныя пашки, взлетая надъ головами и быстро падая внизъ. Мелькали трости, обломки оградъ, въ дикой пляскѣ кружились крики сдѣшнвшихся людей, возвышалось блѣдное лицо молодого человѣка, надъ бурей злобнаго раздраженія гудѣлъ его крупкій голосъ:

— Товарищи! На что вы тратите себя?..

Онъ побѣждалъ. Бросая палки, люди одинъ за другимъ отскакивали прочь, а мать все пробивалась впередъ, увлекаемая неодолимой силой и видѣла, какъ Николай, въ плятѣ, сдвинутой на затылокъ, отталкивалъ въ сторону охмѣленныхъ злобой людей, слышала его упрекающій голосъ:

— Вы съ ума сошли... Да успокойтесь-же!..

Ей казалось, что одна рука у него красная...

— Николай Ивановичъ, уйдите! — закричала она, бросаясь къ нему.

— Куда вы? Васъ тамъ ударятъ...

Схвативъ ее за плечо, рядомъ съ нею стояла Софья безъ шляпы, съ растрепанными волосами, поддерживая молодого парня, почти мальчика. Онъ отиралъ рукой разбитое, окровавленное лицо и бормоталъ дрожащими губами:

— Пустите...

— Займитесь имъ... отвезите его домой, къ намъ... Вотъ платокъ... завяжите лицо!.. — быстро говорила Софья и, вложивъ руку парня въ руку матери, побѣжала прочь, говоря:

— Скорѣ уходите... арестуютъ!..

По всѣмъ направленіямъ кладбища расходились люди, за ними между могилъ тяжело шагали полицейскіе, неуклюже путаясь въ полахъ шинелей, ругаясь и размахивая палками. Парень провожалъ ихъ волчьимъ взглядомъ.

— Идемъ скорѣ! — тихо крикнула мать, отирая платкомъ его лицо.

Онъ бормоталъ, выплевывая кровь:

— Да вы не безпокойтесь... не больно мнѣ...

И, потрясая окровавленнымъ кулакомъ, закончилъ срывающимся голосомъ:

— Погодите!..

— Скорѣ! — торопила мать, быстро шагая къ маленькой калиткѣ въ оградѣ кладбища. Ей казалось, что тамъ, за оградой, въ полѣ спряталась и ждетъ ихъ полиція и какъ только они выйдутъ — она бросится на нихъ, начнетъ бить. Но когда, осторожно открывъ дверку, она выглянула въ поле, одѣтое сѣрыми тканями осеннихъ сумерекъ — тишина и безлюдье сразу успокоили ее.

— Дайте-ка я завяжу вамъ лицо-то!—говорила она.

— Да не надо... мигъ и такъ не стыдно! Вѣдь это драка честная: онъ—меня, я—его...

Мать на-скоро перевязала рану. Видъ крови, свѣжей и алой, наполнялъ ей грудь жалостью и когда пальцы ея ощущали влажную теплоту, дрожь ужаса охватывала ее. Она молча и быстро повела раненаго полемъ, держа его за руку. Освободивъ ротъ, онъ съ усмѣшкой въ голосъ говорилъ:

— Да куда вы меня тащите, товарищъ? Я самъ могу идти!..

Но она чувствовала, что онъ шатается, ноги его пагаютъ нетвердо и рука дрожитъ. Слабѣющимъ голосомъ онъ говорилъ и спрашивалъ ее, не дожидаясь отвѣта:

— Я жестяникъ Иванъ... а вы кто? Насъ трое было въ кружкѣ Егора Ивановича... жестяпниковъ трое... а всѣхъ одиннадцать... Очень мы любили его... царство ему небесное!.. Хоть я не вѣрю въ Бога...

Въ одной изъ улицъ мать напяла извозчика, усадивъ Ивана въ экипажъ, шепнула ему:

— Теперь молчите!.. — и осторожно закутала ротъ ему платкомъ.

Онъ подпять руку къ лицу и—уже не могъ освободить рта, рука безсилно упала на колѣни. Но, все-таки, продолжалъ бормотать сквозь платокъ:

— До него съ нами занимался студентъ Титовичъ... политической экономіей... Былъ онъ строгій очень... и скучный... потомъ арестовали его...

Мать, обнявъ Ивана, положила его голову себѣ на грудь; парень вдругъ весь отяжелѣлъ и замолчалъ. Замирая отъ страха, она неподобья смотрѣла по сторонамъ, ей казалось, что вотъ откуда-нибудь изъ-за угла выбѣгутъ полицейскіе, увидятъ завязанную голову

Ивана, схватятъ его и убьютъ.

— Выпилъ?—спросилъ извозчикъ, обернувшись на козлахъ и добродушно улыбаясь.

— Хватилъ горячаго до слезъ!—вздохнувъ отвѣтила мать.

— Сынъ?

— Да, сапожникъ... А я въ кухаркахъ живу...

— Маешься! Та-акъ...

Махнувъ кнутомъ на лошадь, извозчикъ опять обернулся и тише продолжалъ:

— А сейчасъ, слышь, на кладбищѣ драка была!.. Хоронили, значить, одного политическаго человѣка... изъ эдакихъ, которые противъ начальства... тамъ у нихъ съ начальствомъ спорныя дѣла... Хоронили его тоже эдакіе дружки, стало быть... давай тамъ кричать... Полиція бить начала... Ну, и полиціи тоже попало...—Онъ замолчалъ и, сокрушенно покачивая головой, страшнымъ голосомъ выговорилъ:

— Мертвыхъ беспокоятъ... покойниковъ будятъ...

Пролетка съ трескомъ подпрыгивала по камнямъ, голова Ивана мягко толкала грудь матери, извозчикъ, сидя въ полоборота, задумчиво бормоталъ:

— Идетъ волненіе въ народѣ... беспорядокъ поднимается съ земли... да. Вчера ночью въ сосѣдяхъ у насъ пришли жандармы, хлопотали чего-то вплоть до утра, а утромъ забрали съ собой кузнеца одного и увели... А кузнецъ ничего, умный человѣкъ былъ...

— Какъ звали его?—спросила мать.

— Кузнецъ-то? Савель, а прозвище Евченка. Молодой еще, а ужъ много понималъ... понимать-то, видно, задрещается!.. Придетъ, бывало, и говоритъ: какая ваша лпзань, извозчики? Вѣрно, говоримъ, жизнь хуже сабачей... да...

— Стой!—сказала мать.

Иванъ очнулся отъ толчка и тихо застоналъ.

— Развезло парня!—замѣтилъ извозчикъ.—Эхъ ты, водка—водочка...

Съ трудомъ переставляя ноги, качаясь всѣмъ тѣломъ, Иванъ шелъ по двору и говорилъ:

— Ничего, я могу...

Софья была уже дома, она встрѣтила мать съ папирсой въ зубахъ, суетливая, возбужденная.

Укладывая раненаго на диванъ, она ловко развязывала его голову и распоряжалась, щуря глаза отъ дыма папирсы.

— Иванъ Даниловичъ, привезли!.. Вы устали, Нилловна? Напугались да? Ну, отдохайте... Николай, давай скорѣе чаю Нилловнѣ и рюмку портвейна!

Ошеломленная пережитымъ, тяжело дыша и ощущая въ груди болѣзненное покалываніе, мать бормотала:

— Вы обо мнѣ не беспокойтесь...

И всѣмъ существомъ своимъ трепетно просила вниманія къ себѣ, успокаивающей ласки.

Изъ сосѣдней комнаты вышли Николай, съ перевязанной рукой и докторъ Иванъ Даниловичъ, весь растрепанный, оцетинившійся, какъ ежъ. Онъ быстро подошелъ къ Ивану, наклонился надъ нимъ, говоря:

— Воды, больше воды... чистыхъ полотняныхъ тряпокъ, ваты...

Мать двинулась въ кухню, но Николай взялъ ее подъ руку лѣвой рукой и ласково сказалъ, уводя ее въ столовую:

— Это не вамъ говорить, а Софья... Наволновались вы, милый человекъ, да?

Мать встрѣтила его пристальный, участливый взглядъ и съ рыданіемъ, котораго не могла удержать, воскликнула:

— Что это было... голубчикъ вы мой! Рубили.. людей рубили!

— Я видѣлъ!—подавая ей вино и кивнувъ головой, сказалъ Николай.—Погорячились немного обѣ стороны... Но вы не безпокойтесь—они били плашмя и серьезно раненъ, кажется, только одинъ... Его ударили на моихъ глазахъ, я его и вытащилъ изъ свалки...

Лицо Николая и голосъ, тепло и свѣтъ въ комнатѣ успокаивали Власову. Благодарно взглянувъ на него, она спросила:

— Васъ тоже ударили?

— Это я самъ, кажется... неосторожно задѣлъ рукой за что-то и сорвалъ кожу. Пейте чай... холодно, а вы одѣты легко...

Она протянула руку къ чашкѣ, увидала, что пальцы ея покрыты пятнами запекшейся крови, невольнымъ движеніемъ опустила руку на колѣни—юбка была влажная. Широко открывъ глаза, поднявъ бровь, она искоса смотрѣла на свои пальцы, голова у нея кружилась и въ сердцѣ стучало:

— Вотъ... вотъ... такъ вотъ однажды и Пашу тоже...

Вошелъ Иванъ Даниловичъ въ одномъ жилетѣ, съ засученными рукавами рубашки и на молчаливый вопросъ Николая сказалъ своимъ тонкимъ голосомъ:

— На лицѣ незначительная рана, а черепъ проломленъ, хотя тоже не сильно... парень здоровый... однако много потерялъ крови... Будемъ отправлять въ больницу?

— Зачѣмъ? Пускай остается здѣсь!—воскликнулъ Николай.

— Сегодня можно... ну, пожалуй, завтра, а потомъ мнѣ удобнѣе будетъ, чтобы онъ легъ въ больницу. У меня нѣтъ времени дѣлать визиты! Ты напишешь списокъ о событіи на кладбищѣ?

— Конечно!—отвѣтилъ Николай.

Мать тихо встала и пошла въ кухню пошатываясь.

— Куда вы, Ниловна?—безпокоюсь остановилъ онъ ее.—Соня одна управится!

Сборникъ. Книга XIX.

Она взглянула на него и, вздрагивая тихонько, отвѣтила:

— Въ крови я... облита кровью...

Переодѣваясь въ своей комнатѣ, она еще разъ задумалась о способности этихъ людей быстро переживать страшное, это отрезвляло ее, изгоняя страхъ изъ сердца, но въ головѣ было мутно и все вокругъ казалось невѣрнымъ, покачнувшимся. Когда она вышла въ комнату, гдѣ лежалъ раненый, Софья, наклонясь надъ нимъ, говорила ему:

— Глупости, товарищъ!

— Да я стѣснять васъ буду!—возражалъ онъ слабымъ голосомъ:

— А вы молчите, это вамъ полезнѣе...

Мать встала позади Софьи и, положивъ руки на ея плечо, съ жалостью глядя въ блѣдное лицо раненаго, точно сквозь сонъ заговорила, какъ Иванъ бредилъ на извозчикѣ и пугалъ ее неосторожными словами. Иванъ слушалъ, глаза его лихорадочно горѣли, онъ чмокалъ губами и порою тихо, смущенно восклицалъ:

— Охъ... экій дуракъ!..

— Ну, мы васъ оставимъ! — поправивъ на немъ одѣяло, заявила Софья.—Отдохните...

Онѣ обѣ ушли въ столовую и тамъ долго бесѣдовали пониженными голосами о событїи дня. И уже относились къ драмѣ этой какъ къ чему-то далекому, увѣренно заглядывая въ будущее, обсуждая приемы работы назавтра... Лица были утомлены, но мысли бодры и говоря о своемъ дѣлѣ, люди не скрывали недовольства собой. Нервно двигаясь на стулѣ, докторъ, съ усиленіемъ притупляя свой тонкій, острый голосъ, говорилъ:

-- Пропаганда, пропаганда! Этого мало теперь, рабочая молодежь права! Нужно шире поставить агитацию... рабочіе права, я говорю...

Николай хмуро и въ тонъ ему отозвался:

— Отовсюду идутъ жалобы на недостатокъ литературы, а мы все еще не можемъ поставить хорошую типографію. Людмила изъ силъ выбивается, она захвораетъ, если мы не дадимъ ей помощниковъ...

— А Вѣсовщиковъ?—спросила Софья.

— Онъ не можетъ жить въ городѣ... Онъ возьмется за дѣло только въ новой типографіи... а для нея не хватаетъ еще одного человѣка...

Я не подойду?—тихо спросила мать.

Они всѣ трое взглянули на нее и нѣсколько секундъ молчали.

— Хорошая мысль!—воскликнула Софья оживленно и какъ-то вдругъ.

— Нѣтъ, это трудно для васъ, Ниловна!—сухо сказалъ Николай.—Вамъ пришлось-бы жить за городомъ, прекратить свиданія съ Павломъ и вообще...

Вздохнувъ она возраила:

— Для Паши это не велика потеря... да и мнѣ эти свиданія только душу рвутъ!.. Говорить ни о чемъ нельзя... стоишь противъ сына душой... а тебѣ въ ротъ смотреть, ждуть, не скажешь-ли чего лишняго...

Событія послѣднихъ дней утомили ее и теперь, услышавъ о возможности для себя жить внѣ города, вдали отъ его драмъ, она жадно ухватилась за эту возможность.

Но Николай замялъ разговоръ.

— О чемъ думаешь, Иванъ?—обратился онъ къ доктору.

Поднявъ низко опущенную надъ столомъ голову, докторъ угрюмо отвѣтилъ:

— Мало насъ, вотъ о чемъ! Необходимо работать энергичнѣе... и необходимо убѣдить Павла и Андрея бѣжать, они оба слишкомъ цѣнны для того, чтобы сидѣть безъ дѣла...

Николай нахмурилъ брови и сомнительно покачалъ головой, мелькомъ взглянувъ на мать. Она поняла,

что при ней имъ неловко говорить о ея сынѣ и, протѣсь, ушла въ свою комнату, унося въ груди тихую обиду на людей за то, что они отнесли такъ невнимательно къ ея желанію. Лежа въ постели съ открытыми глазами, она, подѣ тихій шопоть голосовъ, отдавалась во власть тревогъ.

Истекшій день былъ мрачно непонятенъ, полонъ злобѣщихъ намековъ, но ей тяжело было думать о немъ и, отталкивая отъ себя угрюмыя впечатлѣнія, она задумалась о Павлѣ. Ей хотѣлось видѣть его на свободѣ и, въ то-же время, это пугало ее: она чувствовала, что вокругъ нея все обостряется, волнуется, грозитъ рѣзкими столкновеніями. Молчаливое терпѣніе людей исчезало, уступая мѣсто напряженному ожиданію, замѣтно росло раздраженіе, звучали рѣзкія слова, отовсюду вѣяло чѣмъ-то новымъ, возбуждающимъ... Каждая прокламація вызывала на базарѣ, въ лавкахъ, среди прислуги и ремесленниковъ оживленные толки, каждый арестъ въ городѣ будилъ пугливое, недоумѣвающее, а иногда и безсознательно сочувственное эхо сужденій о причинахъ ареста. Все чаще слышала она среди простыхъ людей когда-то пугавшія ее слова: бунтъ, социалисты, политика—ихъ произносили насмѣшливо, но—за насмѣшкой неумѣло прятался пытливый вопросъ; со злобой и—за нею звучалъ страхъ, задумчиво, съ надеждой и угрозой... Медленно, но широкими кругами по устоявшейся темной жизни расходилось волненіе, просыпалась сонная мысль и привычное, вынужденно сцскойное отношеніе къ содержанію дня колебалось. Все это она видѣла яснѣе другихъ, ибо лучше ихъ знала унылое лицо жизни, ближе стояла къ нему и теперь, видя на немъ морщины раздумья и раздраженія, смутную жажду новаго, она и радовалась, и пугалась. Радовалась, потому что считала это дѣломъ своего сына, боялась, зная, что если онъ выпъ-

деть изъ тюрьмы, то встанеть впереди всѣхъ, на самомъ опасномъ мѣстѣ... И погибнетъ.

Она часто чувствовала въ своей груди большія, всѣмъ нужныя мысли, ей все чаще хотѣлось самой говорить о правдѣ, но она почти никогда не могла оживить ихъ словами, мысли тяжело и нѣмо давили ей сердце. Иногда образъ сына выросалъ передъ нею до размѣровъ гиганта старой сказки, онъ соединялъ въ себѣ: всѣ честныя, смѣлыя слова, которыя она слышала, всѣхъ людей, которые ей нравились, все героическое и свѣтлое, что она знала. Тогда умиленная, гордая, въ тихомъ восторгѣ она любовалась имъ и полная надежды думала:

— Все будетъ хорошо... все!

Ея любовь, любовь матери, разгоралась, сжимая сердце почти до боли, потомъ материнское мѣшало росту человѣческаго, сжигало его и на мѣстѣ великаго чувства, въ сѣромъ пеплѣ тревоги, робко билась короткая, унылая мысль:

— Погибнетъ... пропадетъ...

Она заснула поздно, тяжелымъ сномъ и проснулась рано, съ ломотой въ костяхъ и головной болью.

XXVII.

Въ полдень она сидѣла въ тюремной канцеляріи противъ Павла и, сквозь туманъ въ глазахъ разсматривая его бородатое лицо, искала случая передать ему записку, крѣпко сжатую между пальцевъ.

— Здоровъ и всѣ здоровы!—говорилъ онъ негромко.—Ну, а ты какъ?

— Ничего! Егоръ Ивановичъ скончался! — машинально сказала она.

— Да? воскликнулъ Павелъ и тихо опустилъ голову.

— На похоронахъ полиція дралась, арестовали одного! — простодушно продолжала она. Помощникъ начальника тюрьмы возмущенно чмокнулъ тонкими губами и, вскочивъ со стула, забормоталъ:

— Это лишнее... Это запрещено... надо-же повяты! Запрещено говорить о политикѣ... охъ, Боже мой!

Мать тоже поднялась со стула и, какъ-бы не понимая, виновато заявила:

— Я не о политикѣ, а о дракѣ! А дрались они, это вѣрно... И даже одному голову разбили...

— Все равно! Я прошу васъ молчать! То-есть молчать обо всемъ, что не касается лично васъ... семьи и вообще дома вашего.

Чувствуя, что запутался, онъ сѣлъ за столomъ и, разбирая бумаги, уныло и утомленно добавилъ:

Я—отвѣчаю, да...

Мать оглянулась и, быстро сунувъ записку въ руку Павла, облегченно вздохнула.

— Не понимаешь о чемъ говорить...

Павелъ усмѣхнулся.

— Я тоже не понимаю...

— Тогда не нужны и свиданія!—раздраженно замѣтилъ чиновникъ.—Говорить не о чемъ, а ходять, беспокоять...

— Скоро-ли судъ-то?—помолчавъ спросила мать...

— На-дняхъ прокуроръ былъ, сказалъ, что скоро...

Они говорили другъ другу незначительныя, ненужныя обоимъ слова, мать видѣла, что глаза Павла смотрятъ въ лицо ей мягко, любовно. Все такой-же ровный и спокойный, какъ всегда, онъ не измѣнился, только борода сильно отросла и старила его, да кисти рукъ стали болѣе. Ей захотѣлось сдѣлать ему пріятное, сказать о Николаѣ и она, не измѣняя голоса, тѣмъ-же тономъ, какимъ говорила ненужное и неинтересное, продолжала:

— Крестника твоего видѣла...

Павель пристально взглянулъ ей въ глаза, молча спрашивая. Желая напомнить ему о рябомъ лицѣ Вѣсовщикова, она постучала себя пальцемъ по щекѣ...

— Ничего, мальчикъ живъ и здоровъ, на мѣсто скоро опредѣлится... Помнишь, онъ все тяжелой работы просилъ?

Сынъ понялъ, кивнулъ ей головою и съ веселой улыбкой въ глазахъ отвѣтилъ:

— Какъ-же... помню!

— Ну, вотъ!—удовлетворенно произнесла она, довольная собой, тронутая его радостью.

Прощаясь съ нею, онъ крѣпко пожалъ руку ея.

— Спасибо, мама!

Ей хмелемъ бросилось въ голову радостное чувство сердечной близости къ нему и, не находя силъ отвѣтить словами, она отвѣтила молчаливымъ рукопожатіемъ.

Дома она застала Сашу. Дѣвушка обычно являлась къ Ниловиѣ въ тѣ дни, когда мать бывала на свиданіи. Она никогда не разспрашивала о Павлѣ и, если мать сама не говорила о немъ, Саша пристально смотрѣла въ лицо ея и удовлетворялась этимъ. Но теперь она встрѣтила ее безпокойнымъ вопросомъ:

— Ну, что онъ?

— Ничего, здоровъ.

— Записку отдала?

— Конечно! Я такъ ловко ее сунула...

— Онъ читалъ?

— Гдѣ-же? Развѣ можно!

— Да, я забыла!—медленно сказала дѣвушка.—Подождемъ еще недѣлю... еще недѣлю... А какъ вы думаете—онъ согласится?

Она нахмурила брови и смотрѣла въ лицо матери остановившимися глазами.

— Да... я не знаю... Я думаю—уйдетъ онъ...—раз-

мышляла мать.—Почему не уйти, если безъ опасности это?..

Саша тряхнула головой и сухо спросила:

— Вы не знаете, что можно ѣсть больному? Онъ просить ѣсть.

— Все можно... все! Я сейчасъ...

Она пошла въ кухню, Саша медленно двинулась за ней.

— Помочь вамъ?

— Спасибо... что вы?

Мать наклонилась къ печкѣ, доставая горшокъ. Дѣвушка тихо сказала ей:

— Подождите...

Лицо ея поблѣднѣло, глаза тоскливо расширились и дрожащія губы съ усиліемъ зашептали горячо и быстро:

— Я хочу васъ просить... Я знаю—онъ не согласится! Уговорите его! Онъ—нужень... скажите ему, что онъ необходимъ для дѣла... что я боюсь: онъ захвораетъ... вы видите—судь все еще не назначенъ...

Ей видимо трудно было говорить. Она вся выпрямилась въ напряженіи, смотрѣла въ сторону, голосъ у нея звучалъ неровно, точно струна, которую настраиваютъ, и неожиданно оборвался. Утомленно опустивъ вѣки, дѣвушка кусала губы, а пальцы ея крѣпко сжатыхъ рукъ хрустѣли.

Мать была смята ея порывомъ, но поняла его и взволнованная, полная грустнаго чувства, обнявъ Сашу, тихонько отвѣтила:

— Дорогая вы моя!.. никого онъ кромѣ себя не послушаетъ... никого!

Онѣ обѣ молчали нѣсколько секундъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Потомъ Саша осторожно сняла съ своихъ плечъ руки матери и сказала, вздрагивая:

— Да... ваша правда! Все это глупости... нервы...

И вдругъ серьезная, просто кончила:

— Однако давайте, покоримъ раненного...

Сидя у постели Ивана, она уже заботливо и ласково спрашивала:

— Сильно болить голова?

— Не очень... только смутно все... и слабость...—
конфузливо натягивая одѣяло къ подбородку, отвѣчалъ
Иванъ и прищуривалъ глаза точно отъ яркаго свѣта.
Замѣтивъ, что онъ не рѣшается ѣсть при ней, Саша
встала и ушла.

Иванъ сѣлъ на постели, взглянулъ вслѣдъ ей и,
мигая, сказалъ:

— Кра-асивая!..

Глаза у него были свѣтлыя и веселые, зубы мелкіе,
плотные, голосъ еще не установился.

— Вамъ сколько лѣтъ?—задумчиво спросила мать.

— Семнадцать...

— Родители-то гдѣ?

— Въ деревнѣ... а я съ десяти лѣтъ здѣсь... кон-
чилъ школу и—сюда! А васъ какъ звать, товарищъ?

Мать всегда смѣшило и трогало это слово, обра-
щенное къ ней. И теперь, улыбаясь, она спросила:

— На что вамъ знать?

Юноша, смущенно помолчавъ, объяснилъ:

— Видите, студентъ изъ нашего кружка... то-есть,
который читалъ съ нами... онъ говорилъ намъ про
мать Павла Власова, рабочаго... знаете, демонстрація
перваго Мая?

Она кивнула головой и насторожилась.

— Онъ первый открыто поднялъ знамя нашей пар-
тіи!—съ гордостью заявилъ юноша и его гордость
созвучно отозвалась въ сердцѣ матери.

— Меня при томъ не было... мы тогда думали здѣсь
свою демонстрацію наладить—сорвалось!—Мало насъ
было тогда. А на тотъ годъ—пожалуйте!.. Увидите!

Онъ захлебнулся отъ волненія, предвкушая будущія

событія, потомъ, размахивая въ воздухѣ ложкой, продолжалъ:

— Такъ вотъ Власова — мать, говорю... Она тоже вошла въ партію послѣ этого... Говорятъ такая старуха... просто чудеса!

Мать широко улыбнулась, ей было пріятно слышать восторженныя похвалы мальчика. Пріятно и неловко. Она даже хотѣла сказать ему — это я Власова!.. но удержалась и съ мягкой насмѣшкой, съ грустью сказала себѣ:

— Эхъ ты, старая дура!..

— А вы кушайте больше... Выздоровливайте скорѣе для хорошаго дѣла!—вдругъ взволнованно заговорила она, наклоняясь къ нему.—Оно ждетъ крѣпкихъ, молодыхъ рукъ, чистаго сердца, честнаго ума... этими силами и живо оно, ими и одолѣетъ все злобное, все гадкое...

Дверь отворилась, пахнуло сырмъ осеннимъ холодомъ, вошла Софья, румяная, веселая.

— Шпіоны за мной ухаживаютъ, точно женихи за богатой невѣстой, честное слово! Надо мнѣ убраться отсюда... Ну, какъ вы, Ваня? Хорошо? Что Павелъ, Нилевна? Саша здѣсь?

Закуривая папиросу, она спрашивала и не ждала отвѣтовъ, лаская мать и юношу взглядомъ сѣрыхъ глазъ. Мать смотрѣла на нее и, внутренне улыбаясь, думала:

— Вотъ и я тоже въ люди выхожу... въ хорошіе люди!

И снова, наклоняясь къ Ивану, сказала:

— Выздоровливайте, сынокъ!

И ушла въ столовую. Тамъ Софья рассказывала Сашѣ:

— У нея уже готово триста экземпляровъ! Она убьетъ себя такой работой!... Вотъ — героизмъ! Знаете, Саша, это большое счастье жить среди такихъ людей, быть ихъ товарищемъ, работать съ ними...

— Да!—тихо отвѣтила дѣвушка.

Вечеромъ за чаемъ Софья сказала матери:

— А вамъ, Ниловна, снова надо посѣтить деревню...

— Ну, что-же! Когда?

— Дня черезъ три—можете?

— Хорошо...

— Вы побѣжайте! — негромко посовѣтоваль Николай. — Наймите почтовыхъ лошадей и, пожалуйста, другою дорогою, черезъ Никольскую волость...

Онъ замолчалъ и нахмурился. Это не шло къ его лицу, странно и некрасиво измѣняя всегда спокойное выраженіе.

— Черезъ Никольское далеко! — замѣтила мать. — И дорого на лошадахъ...

— Видите-ли что... — продолжалъ Николай. — Я вообще противъ этой побѣдки. Тамъ безпокойно... были уже аресты, взять какой-то учитель, надо быть осторожнѣе... Стѣдовало-бы выждать время...

— Этого вѣдь не миновать! — сказала Власова. — Вѣдь, говорите, не пытаются? — И усмѣхнулась.

Софья, постукивая пальцами по столу, замѣтила:

— Намъ важно сохранить непрерывность въ пространеніи литературы... Вы не боитесь ѣхать, Ниловна? — вдругъ спросила она.

Мать почувствовала себя задѣтой.

— Когда-же я боялась? И въ первый разъ дѣлала это безъ страха... а тутъ вдругъ... — Не кончивъ фразу она опустила голову. Каждый разъ, когда ее спрашивали, не боится-ли она, удобно-ли ей, можетъ-ли она слѣлать то или это — она слышала въ подобныхъ вопросахъ просьбу къ ней, ей казалось, что люди отодвигаютъ ее отъ себя въ сторону, относятся къ ней иначе, чѣмъ другъ къ другу. И когда наступали дни наибольшаго полнаго содержаніемъ, сначала они немного тревожили ее быстротою своего хода и обиліемъ волненій, но скоро она втягивалась въ суету и возбужденное толчками впечатлѣній, богатое чувствомъ сердце наполнялось ревнивою жаждою работы... Такое настроеніе

она переживала въ этотъ день и тѣмъ болѣе непрятенъ былъ для нея вопросъ Софьи.

— Напрасно вы меня спрашиваете объ этомъ — боюсь-ли я... и разное, — заговорила она вздыхая. — Бояться мнѣ нечего... это тѣ боятся, у кого что-нибудь есть... а у меня—что? Только сынъ... За него боялась... пытокъ тоже боялась для него... и для себя... а если пытокъ нѣтъ—что-же?

— Вы обидѣлись!—воскликнула Софья.

— Нѣтъ... только другъ друга вы не спрашиваете насчетъ страха...

Николай торопливо снялъ очки, снова надѣлъ ихъ и пристально взглянулъ въ лицо сестры. Смущенное молчаніе встревожило Власову, она виновато поднялась со стула, желая что-то сказать имъ, но Софья дотронулась до ея руки и тихонько попросила:

— Простите меня... Я больше не буду!

Это размѣшило мать и черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое озабоченно и дружно говорили о поѣздкѣ въ деревню.

(Окончаніе въ слѣдующемъ сборникѣ)

Н. ГАРИНЪ.

ИНЖЕНЕРЫ.

(Окончаніе.)

XVIII.

Отъ конца дистанціи, со стороны Бендеръ, до Заима и дальше до станціи путь уже былъ уложенъ и наканунѣ была получена телеграмма, что завтра прїѣдетъ паровозъ.

Сикорскій поручилъ Карташову встрѣтить этотъ паровозъ на концѣ дистанціи.

Это былъ первый паровозъ и Карташову не вѣрилось, что по выстроенному ими пути можетъ прибыть благополучно этотъ паровозъ. Гдѣ-нибудь окажется нехорошо подбитая шпала и онъ опрокинется. Во избѣжаніе такой случайности Карташовъ рѣшилъ пройти пѣшкомъ съ Тимофеемъ эти восемь верстъ отъ станціи до конца дистанціи, съ подштопкой въ рукахъ, и провѣрить подбивку каждой шпалы.

Началъ онъ свою, въ сущности совершенно бесполезную, работу съ разсвѣта и кончилъ часамъ къ десяти, какъ разъ въ то время, когда на горизонтѣ показался дымокъ паровоза.

Сердце Карташова и радостно и тревожно забилося. Отирая струившійся съ него потъ, онъ, хотя и былъ теперь спокойнѣе, чѣмъ съ вечера, за безопасность паровоза, но все же не довѣрялъ все-таки дѣлу своихъ рукъ. У него даже мелькала тревожная мысль: не лучше ли предупредить вѣдущихъ и совсѣмъ ихъ не пустить на дистанцію?

Но паровозъ уже подѣзжалъ тендеромъ впередъ и на тендерѣ сидѣлъ Борисовъ, начальникъ сосѣдней дистанціи, тоже молодой инженеръ и еще какой-то пожилой, съ которымъ Карташовъ познакомился у Борисова, инженеръ въ формѣ, и всѣ весело махали ему рукой.

Паровозъ остановился и, слегка занкаясь, Борисовъ крикнулъ ему:

— Скорѣй садитесь!

Карташовъ полѣзъ на паровозъ, а Тимофей испуганно спрашивалъ его:

— А я?

Понятно было желаніе Тимофея и вполне заслуженно, но Карташовъ боялся, какъ посмотреть на это сидѣвшіе. Наконецъ, рѣшившись, тихо сказалъ уже съ паровоза, наклоняясь къ Тимофею:

— Полѣзай и стой тутъ,—туда,—показалъ онъ на тендеръ,—не ходи.

Ну, пожалуйста,—привѣтствовалъ его Борисовъ,—садитесь на скамью подсудимыхъ между двумя начальниками. Вотъ одинъ—позвольте васъ познакомить, нашъ правительственный инспекторъ—его превосходительство Иванъ Николаевичъ Емельяновъ, а другой—я... Тотъ не въ счетъ,—махнулъ онъ на сосѣдняго начальника дистанціи.

И когда Карташовъ сѣлъ, Борисовъ сказалъ ему:

— Приказывайте, съ какой скоростью въ часъ намъ ѣхать?

— Совсѣмъ не ѣхать,—хотѣлъ-было сказать Карташовъ, но, подавляя волненіе, отвѣтилъ:

— Со скоростью десяти верстъ.

— Что? Стоило строить желѣзную дорогу для этого.

И, махнувъ безопасно машинисту, онъ крикнулъ:

Тридцать верстъ!

— Борисъ Платоновичъ!—вскрикнулъ Карташовъ.

Но Борисовъ только разсмѣялся.

Паровозъ, покачиваясь и точно подпрыгивая, понесся впередъ. Карташовъ, замирая, сидѣлъ, впившись глазами впередъ, и напряженно ждалъ каждое мгновенье чего-то ужаснаго.

Борисовъ весело наблюдалъ его.

— Пойдите, я сейчасъ приведу его въ чувство,— подмигнувъ онъ инспектору и, толкая Карташова, онъ спросилъ:

— Ну, господа песочные подрядчики, какъ ваши подряды?

Карташовъ дѣйствительно сразу пришелъ въ себя, и, какъ обожженный, отвѣтилъ:

— Я не подрядчикъ:

— Какъ такъ?

— Не подрядчикъ и подрядчикомъ никогда не буду.

— Вотъ это настоящій бандуристъ,—сказалъ Борисовъ, ласково, даже нѣжно, обнимая Карташова.

Карташовъ сразу повеселѣлъ, почувствовалъ себя хорошо.

— Онъ тоже,—кивнулъ Борисовъ на Бызова—отказался отъ этого подряда, и Лепиховскій.

Теперь, когда они съ такой быстротой неслись, ему стала ясна бесполезность его сегодняшней провѣрки и онъ сказалъ:

— Миѣ прямо совѣстно признаться, какой я неграмотный дуракъ. Вы знаете, сегодня съ такимъ же другимъ умникомъ изъ деревни мы прошли съ подштопкой весь путь, провѣряя подшивку шпаль.

— Зачѣмъ?

— Боялись, что опрокинется паровозъ.

— О—о! Гдѣ-жъ этотъ другой?

— Онъ тамъ на паровозѣ.

— Покажите его.

— Тимофей!—закричалъ Карташовъ.

— Ась!—отозвался Тимофей, а затѣмъ показалась и вся его довольная фигура.

Сборникъ. Книга XIX.

— Какъ думаешь,—спросилъ его Борисовъ,—доедемъ до станціи или опрокинемся?

— Надо доѣхать,—отвѣтилъ весело Тимофей.

— Надо доѣхать—это, братъ, знать навѣрняка надо: вы-то шпалы пробовали?

— А какъ же,—отвѣчалъ Тимофей,—каждую шпалу удостовѣрили, иначе развѣ возможно?

Всѣ смѣялись, а Борисовъ говорилъ Тимофею:

— Молодецъ, братецъ. А вы,—обратился онъ къ Карташову,—пишите новой учебникъ.

— Вы когда кончили?—смѣло спросилъ Карташова коренастый, обросшій бородой инженеръ.

— Въ этомъ году.

— Бывали на практикѣ раньше?

— Нѣтъ.

Инженеръ помолчалъ и сказалъ:

— Ну, вотъ теперь вы научились, какъ не надо строить.

— Ну, вотъ ужъ,—вскинулся Борисовъ,—какъ не надо?

— Конечно,—грубымъ голосомъ заговорилъ инспекторъ,—эти уроды—такъ надо?—Ткнулъ онъ въ проносившуюся мимо нихъ будку.—Этотъ уродъ мостъ, какъ надо?

— Я насчетъ этого особаго мнѣнія, — помолчавъ, заговорилъ Борисовъ. — Слово нѣтъ, красивая будка пріятнѣе для глаза и для жизни. Но, если сто милліоновъ живутъ въ неизмѣримо худшихъ избахъ, то еще большой вопросъ въ смыслѣ справедливости и правильности затраты денегъ этихъ милліоновъ на жизнь нѣсколькихъ счастливицевъ, которые будутъ жить въ такихъ будкахъ. Ну, будки еще туда-сюда. А красавцы-мосты, по которымъ тоскуетъ ваше сердце... На кой лѣшій, спрашивается, красота нашихъ мостовъ, на которые и смотреть-то только зайцы, да волки. Или эти вокзалы—дворцы, зеркала и бархаты въ ваго-

нахъ? Роскошная наша русская жизнь, прежній типъ почтовыхъ станцій вдохновили насъ? А, между тѣмъ, какихъ денегъ все это стоитъ? Въ результатѣ, вѣдь, вотъ что: намъ нужно, скажемъ, двѣсти тысячъ верстъ, а такъ, какъ мы размахнулись, мы на эти деньги выстроимъ только 50 т. верстъ, и того не выстроимъ. А дѣло, между тѣмъ, коммерческое прежде всего и, если оно не оправдываетъ своихъ расходовъ, то вмѣсто пользы оно бременемъ ложится. При нашей постановкѣ вопроса выходить такъ: чѣмъ больше мы будемъ строить, тѣмъ больше будемъ разоряться. И причина въ томъ, что намъ, какъ самой бѣдной въ мірѣ странѣ, надо было выбрать самый дешевый типъ, а мы выбрали самый дорогой, какого до того и не было, самый ненормальный, слѣдовательно, только назвавши его при этомъ нормальнымъ. И все потому, что Императоръ Николай Павловичъ съ крѣпостническимъ размахомъ, опасаясь иноплеменнаго вторженія, вмѣсто того, чтобъ сюзить путь противъ остальной Европы, уширилъ его на полфута.

Борисовъ обратился къ Карташову и серьезно сказалъ ему:

— Несомнѣнно, грамотѣями тѣхъ временъ владѣло чувство и вашего сегодня опасенія: какъ-бы не опрокинуться. Вѣдь Царкосельскую-то дорогу они шестифутовую закатили. Тара-то на вагонъ, мертвый грузъ, значить, семьсотъ пудовъ, а подъемная сила—триста, а за границей подъемная сила 750, а тара 220 пуд. Помимо двойной стоимости.

— Ну-съ, извините, я не согласенъ съ вами, — рѣзко п угрюмо возразилъ инспекторъ.

— Извиняю, — развелъ руками Борисовъ.

— И я вамъ докажу...

— Не докажете, потому что уже пріѣхали и самъ господинъ подрядчикъ привѣтствуетъ насъ на перронѣ.

Сикорскій махалъ шляпой и при отвѣтномъ маханіи паровозъ остановился.

Въ окнахъ пассажирскаго зданія уже виденъ былъ накрытый столъ.

— Первая умная вещь, которую вижу, — показалъ на него пальцемъ инспекторъ.

— Не было бы подрядчика, — отвѣтилъ Борисовъ.

— Не завидуйте, зуда! смѣясь, ткнулъ его въ бокъ Сикорскій.

— А, зуда! — поддержалъ Сикорскаго инспекторъ.

— И чтобъ доказать вамъ, что я зуда, я не дамъ вамъ ѣсть, пока не осмотрите всей станціи, — сказалъ Борисовъ.

— Ну, пока хоть по рюмкѣ водки, — предложилъ Сикорскій.

— Да объ чемъ же толковать? — забасилъ инспекторъ. — Кто не желаетъ, можетъ не пить.

И инспекторъ, а за нимъ Сикорскій и сосѣдніи начальникъ дистанціи пошли въ пассажирское зданіе, а Борисовъ съ Карташовымъ отправились на осмотръ. Инспекторъ такъ и не пришелъ. Когда Борисовъ съ Карташовымъ возвратились послѣ осмотра въ пассажирское зданіе, остававшіеся уже успѣли выпить и закусить. Инспекторъ сидѣлъ, откинувшись на спинку стула, положивъ руку на спинку другого стула, глаза его посоловѣли и онъ встрѣтилъ входившихъ не то шуткой, не то упрекомъ:

— Бунтовщики!

— Не знаю, какъ въ остальномъ организмѣ, — отвѣтилъ весело Борисовъ, — а въ желудкѣ у меня такъ даже цѣлая голодная революція... Какъ извѣстно, самая ужасная изъ всѣхъ.

— Ну, и пейте водку, — грубо сказалъ инспекторъ.

— Водки не пью, а вотъ ѣсть буду и квасу бы выпилъ, если есть.

Квасу не было.

— Пошлите къ землекопачь,—предложилъ Борисовъ. Послали и принесли.

Инспекторъ обратился къ Карташову и, показывая на Борисова, сказалъ:

— Съ этимъ господиномъ я вамъ совѣтую подальше...

— Онъ благодарить васъ за совѣтъ,—отвѣтилъ Борисовъ,—и просить разрѣшить ему руководствоваться своими собственными соображеніями.

Инспекторъ налилъ себѣ новую рюмку и отвѣтилъ:

— Вольному воля...

Борисовъ сѣлъ съ Карташовымъ въ сторонѣ и пока не подали обѣдъ, закусывая, продолжалъ дѣлать замѣчанія по поводу своего осмотра. Замѣчанія были дѣльными и Карташовъ, слушая, думалъ, что Борисовъ обнаруживаетъ не только большія и теоретическія и практическія познанія, но и большую вдумчивость, способность обобщать вопросы.

Когда Карташовъ высказалъ ему это, Борисовъ отвѣтилъ:

— Черезъ нѣсколько лѣтъ и вы накопите и опытъ и знанія, также будете и думать и обобщать. Несомнѣнно, что у инженера поле зрѣнія большее, пожалуй, чѣмъ у другихъ специалистовъ, да пожалуй, что и въ умственномъ отношеніи инженеры представляютъ изъ себя большую силу. Вѣроятно, и по своему опыту вы могли придти къ заключенію, что въ нашъ институтъ попали связи гимназій,—и по способностямъ и по энергіи пробиваться въ первые ряды. Даже недостатки нашей инженерной среды говорятъ, хотя и о большихъ отчасти, но и способныхъ людяхъ: пьянство, размахъ разгума, азальтерство, большое самолюбіе, сумасшествія, постоянныя самоубійства... Среда во всякомъ случаѣ исключительная, а особенно наша строительная. Если вы по постройкѣ пойдете,—вотъ всегда такое же напряженіе. Калифы на часъ, на мгновеніе люди сходятся, сблизятся въ общей работѣ и опять расходятся. И все это

вокругъ одного священнаго кумира, гдѣ всѣ страсти сильнѣе разгораются.

— Люди гибнутъ за металлъ...—пріятно и вѣрно пропѣлъ Борисовъ.

— Вотъ чему человѣка учить,—уже совсѣмъ пьянымъ голосомъ оговался инспекторъ,—говорю вамъ, г-нъ Карташовъ, лучше идите водку пить, потому что изъ всѣхъ погубелей это самая благородная и пріятная. Тамъ деньги, женщины, молодость—всѣ измѣнять, а водка всегда найдется, если даже дойдешь и до Ломаковского...

Инспекторъ пригнулся и, съ своей грубой, циничной манерой, спросилъ Карташова:

— Ломаковского знали?

— Нѣтъ.

— Нашъ инженеръ тѣхъ временъ, когда наше вѣдомство еще именовалось министерствомъ публичныхъ работъ и общественныхъ зданій. Этотъ Ломаковскій спился и въ послѣднее время просилъ милостыню, протягивая руку и говоря: „помогите благородному человѣку, котораго вчера выгнали изъ общественныхъ работъ, а сегодня изъ публичныхъ зданій!“ И ему всегда давали, и до конца дней своихъ онъ былъ пьянъ...

Инспекторъ помолчалъ, ткнулъ носомъ и пробормоталъ:

— Такой вотъ и я буду...

Борисовъ, наклонившись къ уху Карташова, шепталъ:

— Въ свое время дѣльный человѣкъ былъ. Написалъ прекрасную кенгу по новому совсѣмъ вопросу—сопротивленіе малоислѣдованныхъ матеріаловъ.

Когда, наконецъ, подали обѣдъ, инспекторъ заплетавшимся языкомъ, сдѣлавъ широкій жестъ, сказалъ:

— Ъсть больше не буду, а вотъ еслибъ минулъ на двадцать прилечь гдѣ-нибудь...

Принесли сѣна и инспектора уложили на него въ сосѣдней комнатѣ.

— Вотъ связался, — досадливо проговорилъ Борисовъ, — какъ теперь его повезешь домой? Придется, какъ тушу, уложить на паровозъ и везти напоказъ.

Когда инспекторъ ушелъ, Сикорскій лукаво подмигнулъ Борисову и, показывая на Карташова, сказалъ:

— Разспросите-ка вы его, какъ онъ за три фунта сала пятьсотъ рублей заплатилъ...

И Сикорскій весело разсмѣялся.

Борисовъ, выслушавъ, сказалъ:

— Что-жъ тутъ смѣшного? Савельевъ дороже — жизнью заплатилъ. И конечно, надо было войти въ его положеніе и заплатить ему по стоимости, а не придерживаться мертвой формальности.

— Не мое-жъ это, а Полякова достояніе.

— Не нанялись же вы у этого Полякова разорять и отправлять на тотъ свѣтъ людей? Наконецъ, могли бы запросить главную контору и, я думаю, вы и сами не сомнѣваетесь, какой отвѣтъ черезъ часъ былъ бы... И Савельевъ не спалъ бы теперь въ землѣ. И какъ хотите, а на васъ и вина въ его смерти...

И, слегка заикаясь, Борисовъ кончилъ:

— И ничего смѣшного и веселаго въ этомъ нѣтъ.

Къ концу обѣда инспекторъ уже вышелъ и съ виду былъ совершенно трезвымъ, но угрюмымъ и молчаливымъ.

— Ну, что-жъ, поѣли, можно и ѣхать? — спросилъ Борисовъ.

— Я готовъ, — мрачно отвѣтилъ инспекторъ.

— На дорожку, ваше превосходительство, — предложилъ Сикорскій.

— Не буду, — отрѣзалъ инспекторъ.

Онъ сухо, несмотря, едва протянулъ руку Сикорскому и Карташову и полѣзъ на паровозъ.

Борисовъ шепнулъ, кивая на инспектора:

— Какъ вамъ нравится? — Пьянъ вѣдь, какъ стелька, былъ, и черезъ полчаса — ни въ одномъ глазѣ, и водою

голову не поливаль, если не считать рюмочку водки, которую унесъ съ собой...

— И въ которую влилъ нѣсколько капель нашпатыря,—сказаль Бызовъ.

— Да, такъ вотъ что! А вы меня еще называете опытнымъ инженеромъ,—обратился Борисовъ къ Карташову,—а я, можно сказаать, мальчишка и щенокъ вотъ даже передъ такимъ Володинькой, который и не курить и не пьеть...

— Ну, ну, полѣзай, полѣзай... толкаль Бызовъ подымавшагося на паровозъ Борисова.

— Ну-съ, до свиданья, какъ говорятъ въ нашихъ палестинахъ,—кивнулъ Борисовъ, сидя уже на тендерѣ, когда паровозъ тронулся въ обратный путь.

Когда паровозъ скрылся, Карташовъ, слегка разочарованно, сказалъ Сикорскому:

— Ну, вотъ и открыли дорогу.

— Открыли, — пренебрежительно махнулъ рукой Сикорскій.—Теперь начнутъ шлаться, благо за проѣздъ не платить, а прогоны получать... А какъ вамъ понравился этотъ уродъ, пьяница инспекторъ? Вѣдь совѣстно смотрѣть... И вотъ большинство изъ вашихъ такіе же. А какъ пьютъ они при настоящемъ открытіи дороги? На позоръ всѣмъ ѣдутъ не люди, а мертвыя тѣла. И Бызовъ такой же: мальчишка совсѣмъ еще, а льеть, какъ въ бочку...

— Но онъ не былъ же совсѣмъ пьянъ.

— Организмъ еще не ослабъ, но выпилъ онъ больше инспектора. Ай-ай-ай... педантично качаль головой Сикорскій.

Карташовъ печально слушалъ, и въ памяти его вставали Савельевъ, подрядъ Сикорскаго, обсчетъ молдаванъ, и ему хотѣлось бы теперь уѣхать вмѣстѣ съ тѣми, кто былъ на паровозѣ. Зачѣмъ онъ не поѣхаль въ самомъ дѣлѣ? Увидѣлъ бы Марью Андрееву, провель бы прекрасно вечеръ, послушалъ бы музыку.

И вдругъ паровозъ опять показался и быстро приближался къ станціи.

— Его превосходительство портфель свой забылъ,—крикнулъ Борисовъ.

— А что вы скажете,—спросилъ Карташовъ Сикорскаго,—если я тоже махну съ ними въ городъ?

— А когда назадъ?

— Завтра утромъ.

— Поѣзжайте.

— Ура!—весело крикнулъ Борисовъ, когда Карташовъ сообщилъ, что тоже ѣдетъ.

Въ Кирилештахъ, гдѣ была главная контора Бызова, слѣбали Бызовъ и инспекторъ, а Борисовъ и Карташовъ поѣхали въ Бендеры.

Исчезла недавняя, еще кипучая жизнь линіи. Теперь безмолвно залегло полотно желѣзной дороги и было по-прежнему тихо и безлюдно кругомъ.

— Собственно рабочихъ дней на постройку всей дороги будетъ употреблено сорокъ три дня,—говорилъ Борисовъ.—Это первая въ мірѣ по скорости постройка дорога.

Пахло осенью и печально садилось солнце, освѣщая уже убранныя пожелтѣвшія поля, полотно дороги, сверкавшія на немъ рельсы. Гулко разносился кругомъ шумъ несущагося паровоза, извивавшагося вдоль рѣчки холодной стальной лентой, точно застывшей въ закатѣ.

— Да, — сказалъ Карташовъ, — точно волшебники какіе-то пришли, сдѣлали эту дорогу и исчезли. Не всѣ исчезли: Савельевъ останется... Я никогда себѣ не прощу, что своевременно не вдумался въ переживавшуюся драму...

— Да, да, это было непростительное легкомысліе со стороны и вашей и Сикорскаго. И вовсе не то, что вы тамъ сало ѣли,—это чепуха,—а то, что разъ вы изо дня въ день видѣли, что человекъ работалъ и трудъ его

не опьячивался, то вы и должны были вытащить его изъ кыпкана, въ который онъ попалъ.

— Конечно... у него, несчастнаго, остались жена и дѣти.

— Они гдѣ?

— Въ деревнѣ, у меня есть адресъ, я пошлю и имъ...

— Да что вы пошлете?!—вспыхнулъ Борисовъ.— Нужно учесть по стоимости работу Савельеву и разницу наца контора перешлетъ его женѣ.

Борисовъ вынулъ записную книжку и что-то записалъ.

— Сикорскій завтра же получить оффиціальное предписаніе сдѣлать это.

— Конечно,—говорилъ Карташовъ,—теперь все совершенно ясно и, если бы мои мысли не были связаны сознаніемъ, что я ѣлъ у него это несчастное сало...

— А все потому,—горячо перебилъ Борисовъ,—что люди никогда не умѣютъ стать выше переживаемаго мгновенья. И имъ кажется тогда, что самое ужасное уже случилось. А отвлекитесь отъ мгновенья, изберитесь на бугорокъ, всмотритесь спокойно вдаль и Савельевъ жилъ бы... Отвратительна эта проклятая вѣчная слѣпота этого эгоистичнаго „я“. Это „я“ я такъ ненавижу, что далъ себѣ клятву никогда не жениться, потому что семья—источникъ этого отвратительнаго я, основа всеи нашей яевой скорлупы: я своего Ивана только потому, что онъ мой, будь онъ дуракъ изъ дураковъ, а посажу всѣмъ остальнымъ Иванамъ на шею—на ихъ и на его погибель. Не можетъ человѣчество при такихъ условіяхъ прогрессировать, не можетъ быть добрымъ, великодушнымъ, альтруистичнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрушено братство плоти и не замѣнитъ его братство духа. А до тѣхъ поръ все и вся, отъ верху до самыхъ низовъ, всѣ люди развращены. И днемъ обновленія человѣчества, днемъ новой жизни будетъ тотъ день, когда воспитательные дома замѣнятъ семью!

Паровозъ въ это время пронеслся мимо дачъ.

— Борисъ Платоновичъ,—сказаль въ отвѣтъ Карташовъ,—я ѣду, собственно, къ Петровымъ, можетъ быть и вы заѣдете?

— Къ Петровымъ? Къ этимъ поклонникамъ семейнаго культа? Боже меня сохрани и избави... Я живу такъ, чтобы у меня слово не расходилось съ дѣломъ. Вотъ вашу сестру, Марью Николаевну, я признаю: она, какъ и я, ненавидитъ семью, а съ матушкой вапшей мы уже ругались... Нѣтъ, я шучу, конечно, и не зайду къ Петровымъ, потому что накопилось, навѣрно, за день много дѣла. Бывайте здоровы и не забывайте.

Карташовъ попрощался и слѣзь у дома Петровыхъ.

Съ террасы весело закричала Марья Андреевна:

— Кто, кто, кто? А вы?!—обратилась она къ уѣзжавшему Борису. Но тотъ только весело разводилъ руками.

Пока Карташовъ переходилъ улицу, изъ калитки вышли и Марья и Татьяна Андреевна.

Татьяна Андреевна еще похудѣла, сильнѣе чувствовалась ея хрупкость, еще больше стали ея глаза. Она весело смѣялась, энергично пожимая руку Карташова, и много мелкихъ морщинокъ обрисовалось около ея рта.

Карташовъ радостно держаль ея руку, смотрѣль въ глаза и говорилъ:

— Въ Крымъ, Крымъ надо вамъ ѣхать.

— Да, ѣду, ѣду,—махнула она свободной рукою.

Когда пришли на террасу, Марья Андреевна сказала:

— Пока вамъ дамъ чаю...

— Со сливками?

И даже съ лепешками.

— О-о!

И, подавая все Карташову и садясь возлѣ него, она сказала:

— Ну, рассказывайте, какъ тамъ живете... все подробно... Я люблю, чтобы мнѣ такъ рассказывали, какъ будто я тамъ сама жила...

Вечеръ прошелъ быстро и весело. Сестры пѣли, играли, пришелъ Петръ Матвѣевичъ и сѣлъ ужинать.

Прощаясь, Петръ Матвѣевичъ, скупой обыкновенно на слова, сказалъ, когда дамы ушли:

— Валеріанъ—эгоистъ: заграбасталъ себѣ все съ подряда, показалъ вамъ кукишъ съ масломъ и несчастнаго Савельева такъ ни за что, ни про что отправилъ на тотъ свѣтъ.

— Причемъ тутъ Валеріанъ Андреевичъ?—горячо защищалъ его Карташовъ.—Отъ подряда я самъ отказался, и нѣтъ той силы, которая заставила бы меня согласиться, а въ смерти Савельева произошло несчастное недоразумѣніе, въ которомъ...

— И вы, и Валеріанъ вышли прежде всего типичными русскими чиновниками; по такому-то пункту, по такому-то параграфу, а если жизнь прошла подъ этимъ пунктомъ, то это ужъ не ваше дѣло. Вы-то хоть продуктъ своей страны, а Валеріанъ-то носъ вѣдь дереть: я заграничный, я свободный отъ формы чловѣкъ, а на дѣлѣ еще хуже насъ грѣшныхъ. Ну, идите спать,—закончилъ Петръ Матвѣевичъ.

XIX.

Возвращаясь на другой день утромъ назадъ на линію, Карташовъ поздно спохватился, что ничего не купилъ въ подарокъ Дарьѣ Степановнѣ изъ того, что общалъ и собирался въ разное время купить ей.

Забылъ онъ какъ-то совсѣмъ объ Дарьѣ Степановнѣ, совершенно вылетѣла она изъ головы при встрѣчѣ съ Петровыми. И теперь онъ жалѣлъ и придумывалъ законную причину.

„Да скажу просто, что пріѣхаль поздно, уѣхаль рано: магазины были заперты“.

Но это все-таки не успокаивало Карташова и онъ чувствовалъ угрызенія совѣсти въ отношеніи Дарьи Степановны. Правда, она не предъявляла къ нему рѣшительно никакихъ требованій, но она была очень хорошій, скромный человѣкъ и это налагало, помимо требованій съ ея стороны, отвѣтственность за свои дѣйствія и съ его, Карташова, стороны. Иногда ему приходила мысль въ голову жениться на ней и тогда Аделаида Борисовна вставала передъ нимъ. Аделаиду Борисовну онъ боготворилъ какой-то неземной любовью, — союзъ съ ней казался ему недосыгаемымъ счастьемъ. Дарью-же Степановну онъ, въ сущности, и не любилъ даже, а только привыкъ уже и уважалъ.

Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхаль къ нимъ и другой телеграфистъ. Это былъ молодой человѣкъ, желтолицый, плохо сформированный. Но, очевидно, болѣе опытный, потому что Дарья Степановна безпрекословно подчинялась его авторитету.

Теперь онъ дежурилъ ночью, а Дарья Степановна днемъ. Дарья Степановна пока, до перевода телеграфа на станцію, жила по-прежнему въ конторѣ, занавѣсивши въ углу свою кровать и на той же кровати высыпался въ теченіе дня телеграфистъ. Нанимать же на деньги изъ жалованья квартиру не было средствъ. Телеграфистъ получалъ 35 р. въ мѣсяцъ, Дарья Степановна 25 р. И почти всѣ деньги, при существовавшей дороговизнѣ, уходили на ѣду. Карташовъ, правда, предлагалъ Дарьѣ Степановнѣ денежную помощь, но она наотрѣзъ отказывалась.

Такимъ образомъ, въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней съ пріѣзда телеграфиста, Карташовъ фактически былъ разлученъ съ Дарьей Степановной.

То, что онъ ничего не купилъ ей, усиливало въ немъ къ ней нѣжное чувство и Карташовъ серьезнѣе

другихъ разъ стать обдумывать вопросъ, не жениться ли ему на Дарьѣ Степановнѣ.

Когда онъ подъѣзжалъ къ дому, вопросъ былъ рѣшенъ: жениться и сегодня же сдѣлать ей предложеніе.

Увидѣвъ ее на завалинкѣ, онъ остановилъ паровозъ и весело пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Я такъ соскучился по васъ, что мнѣ кажется,—сказалъ онъ, здороваясь съ ней,—что уже сто лѣтъ, какъ не видѣлъ васъ.

— Правда?—задохнула Дарья Степановна,—а я думала, что вы ужъ совсѣмъ и забыли меня.

— Слушай, Даша,—сказалъ Карташовъ, садясь рядомъ съ ней и держа ея руку, — что намъ тянуть? И ты, и я свободные люди, поженимся...

Дарья Степановна быстро опустила голову и долго молчала. Она заговорила глухимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Я уже выхожу замужъ... за этого телеграфиста. Я хочу васъ просить быть у насъ шаферомъ. Что было—то было—у него, у меня; мы отвѣтственны другъ передъ другомъ только за то, что будетъ. Еще я къ вамъ съ просьбой,—и мнѣ очень совѣстно. Дайте мнѣ займы сто рублей на свадьбу. Вы, можетъ быть, не вѣрите мнѣ, такъ повѣрьте: я каждый мѣсяць буду вамъ выплачивать по три рубля...

Карташовъ торопился освоиться съ новыми ощущеніями,—ему было и обидно и легко въ то же время,—и онъ отвѣтилъ, упрашивая взять у него больше денегъ и не считаться съ отдачей.

Дарья Степановна выслушала и покачала головой.

— Что вы меня обижаете, Артемій Николаевичъ? Вы хотите, чтобъ я себя не уважала? Я знаю, что вы безъ умысла это... Сдѣлайте, какъ прошу, и больше не говорите ничего.

Карташовъ покраснѣлъ, сконфузился и, цѣлуя ей руку, сказалъ:

— Больше не буду. Сто рублей сейчасъ передать?

— Если есть.

Карташовъ передалъ деньги.

— Расписку вамъ выдасть мужъ и я. Мы хотимъ въ воскресенье и вѣнчаться. А какъ вы думаете, Сикорскій согласится тоже быть шаферомъ?

— Конечно.

— Я сегодня-же поѣду въ городъ.

— Вы поѣжайте съ этимъ паровозомъ, а воротитесь съ балластнымъ. Онъ выѣдетъ сюда въ 7 ч. вечера изъ Бендеръ, я дамъ вамъ записку.

Въ воскресенье состоялась свадьба.

Послѣ свадьбы былъ обѣдъ у Сикорскихъ и прямо съ обѣда новобрачные уѣхали на станцію, въ свое новое, очень скромное помѣщеніе.

Вечеромъ опять свѣтила луна, но Карташовъ уже одинъ сидѣлъ на своей завалинкѣ, смотрѣлъ на рѣку, смотрѣлъ на сосѣдній пустой теперь домъ бывшей телеграфной конторы, гдѣ уже никто не сидѣлъ на завалинкѣ, куда не пойдетъ онъ больше, и чувствовалъ пустоту и одиночество.

„Теперь, думалъ онъ въ утѣшеніе себѣ,—когда я опять свободенъ, больше не вклучусь ни въ какую исторію: или Аделаида Борисовна или никто“.

Онъ вздохнулъ и подумалъ:

„Слава Богу и нѣтъ никого. Даже у Тамочки уже есть женихъ“.

XX.

Теперь онъ ѣздивъ по дистанціи на балластныхъ поѣздахъ, съ тоской и грустью вспоминая бывшее оживленіе линіи. Тогда казалось такимъ необходимымъ его присутствіе, заболѣй онъ, умри, тогда все дѣло остано-

вилось бы. А теперь онъ никому больше не нуженъ былъ. Балластная возка,—единственная работа на линіи,—шла и безъ него.

Сидя на тормозѣ, ему оставалось только переживать все это бурное, такое еще недавнее, прошлое.

Только ему одному, впрочемъ, понятное прошлое. Что скажетъ всякому другому, кто будетъ проѣзжать здѣсь въ поѣздѣ, та дорожка, уходящая въ лѣсъ, тѣ бугорки, которые онъ раскапывалъ, отыскивая песокъ, остатки бывшихъ бараконъ, гдѣ когда-то жили и волновались своими мгновеніями люди, гдѣ всегда съ нетерпѣніемъ ждали его, Карташова, когда казалось ему, что только изъ-за него и стояла вся работа. А тамъ крестикъ простой деревянный, на могилѣ, гдѣ зарытъ несчастный Савельевъ, едва видный съ линіи.

И конецъ дистанціи и начало, гдѣ когда-то качался Карташовъ, какъ маятникъ, между двумя соблазнами, были особенно тяжелы теперь по воспоминаніямъ. Здѣсь всегда—образъ повѣсившагося Савельева, тамъ, на станціи, Дарья Степановна съ мужемъ, теперь всегда настороженные и даже враждебные къ нему.

И прозрачная осень, съ обычной печатью грусти и отлетающей жизни, еще сильнѣе нагоняла чувство одиночества и меланхоліи. Правда, пріятной, всегда съ стремленіемъ вдаль.

Въ этой дали ярче всего другого вставалъ образъ Аделаиды Борисовны. Къ ней тянуло, какъ къ чему-то единственно близкому. Для всѣхъ другихъ и всего другого—онъ всегда чужой и только временами какъ будто и близкій, и нужный человѣкъ.

„Борисовъ говоритъ, что семья—это основа всякаго эгоизма, всякаго зла,—думалъ Карташовъ,—а между тѣмъ семья и самый главный двигатель человѣка. Безъ сознанія, что ты кому-то нуженъ, необходимъ, нѣтъ энергіи. Вездѣ и во всемъ замѣнять меня и только у

той, которая полюбитъ, никто не замѣнитъ. Для нея работать, жить, радовать ее своими успѣхами“...

Въ такомъ настроеніи, возвратившись однажды съ линіи, Карташовъ получилъ телеграмму отъ Пахомова, вызывающую его въ Бендеры.

Карташовъ показалъ эту телеграмму Сикорскому и тотъ, подумавъ, сказалъ:

— Я думаю, что это сигналъ: „къ расчету стройся“. Я вамъ совѣтую ѣхать со всѣми вещами.

Въ тотъ же вечеръ Карташовъ выѣхалъ, сѣвъ на поѣздъ не на станціи, а въ Заимѣ. Провожали его только Сикорскій и Тимофей. Тимофей завтра тоже получалъ расчетъ, причемъ ему не въ счетъ выдавалось сто рублей наградныхъ, да успѣлъ онъ скопить рублей около ста.

— Зайцемъ проѣду,—говорилъ Тимофей,—въ Самару рублей за десять, а какъ иначе?—а остальные денежки домой привезу, водкой стану торговать, а какъ иначе?

— А поймають, да въ тюрьму посадять?—спрашивалъ Сырченко.

— Не поймають,—тянулъ Тимофей, а Сырченко весело смѣялся.

Вотъ и не видно, и не слышно больше ни Тимофея, ни Сырченко.

И они—уже невозвратное прошлое.

Вотъ уродливо торчащая изъ-подъ насыпи деревянная труба, которую ошибочно разбилъ Карташовъ и которая теперь осталась нѣмымъ, но краснорѣчивымъ памятникомъ его инженернаго искусства.

А вотъ съ провалившейся крышей будка, крышу которой слишкомъ усердно Карташовъ смазывалъ, предохраняя ее отъ пожара, глиной. И она тоже памятникъ.

И водокачка на станціи—разбитая по ошибкѣ на полторы сажени дальше отъ пути, вслѣдствіе чего ея питательная труба вышла уродливой длины.

— „Только такіе памятники и остались, только они и бросятся въ глаза и будутъ по нимъ судить обо мнѣ, а все остальное: напряженный трудъ, любовь, сотни всякихъ удачныхъ комбинацій... кто объ этомъ когда-нибудь узнаетъ, это зачтетъ и кому объ этомъ расскажетъ? Только Дели!.

И сердце Карташова тревожно и радостно билось.

Предположеніе Сикорскаго оправдалось только отчасти.

Карташовъ, дѣйствительно, отчислялся отъ постройки, но назначался одовременно въ эксплуатацію помощникомъ начальника участка самаго труднаго, отъ Галаца до Троянова вала.

— Начальникомъ участка тамъ Мластицкій—говорилъ Пахомовъ, — одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ нашихъ инженеровъ, но онъ все болѣетъ и, если не подкрѣпить его надежной силой, то въ концѣ концовъ онъ перервется. Мы посылаемъ васъ черезъ Одессу моремъ, такъ какъ у Савинскаго тоже будетъ къ вамъ порученіе.

За постройку Карташову выдала, какъ премію, полугодовое жалованье и новыя подъемныя, какъ уже эксплуатационному инженеру. вмѣстѣ съ этимъ ему возвратили уплаченные имъ мяснику за Савельева 412 руб., такъ какъ по учету работъ Савельева ему пришлось получить около трехъ тысячъ и эту разницу, за вычетомъ выданныхъ Сикорскимъ и Карташовымъ, главная контора уже отправила вдовѣ Савельева Данилова уже не было въ Бендерахъ.

Между прочимъ Карташовъ узналъ, что Дарьё Степановнѣ, какъ и всѣмъ телеграфистамъ, преміи никакой не будетъ дано.

— Ну, что — они безъ году недѣлю служили, — пренебрежительно бросилъ главный бухгалтеръ.

— Да вѣдь и вся дорога безъ году недѣля строилась, — отвѣчалъ Карташовъ, — а получилъ же я почти

двухгодичное жалованье, да больше чѣмъ на тысячу процентовъ увеличено мое содержаніе.

Бухгалтеръ пожалъ плечами.

— Дѣло коммерческое. Такова польза, значить, отъ насъ, такъ расцѣнена она, а какая же польза отъ телеграфиста? Работа той-же лошади,—не онъ, такъ другой.

Карташовъ узналъ также, что Сикорскаго совсѣмъ отчисляютъ, а Петровъ останется начальникомъ перваго участка.

У Сикорскаго, хотя и купили его карьеръ за 25 тысячъ, но были имъ недовольны и Пахомовъ, и Борисовъ.

Борисовъ говорилъ:

— Совсѣмъ торгашъ — молдаванинъ. Теперь еще къ намъ поступило прошеніе этихъ молдаванъ, что овъ заставлялъ ихъ, вмѣсто куба, кубъ десять сотыхъ возить. Я не думаю, чтобы послѣ всего этого Сикорскій гдѣ-нибудь на другой дорогѣ былъ бы строителемъ. Да этого ему и не нужно: тысячъ сто онъ имѣетъ, и будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ миллионеромъ-подридчикомъ.

— Не будетъ,— отвѣчалъ Карташовъ,—для подрящика у него не хватаетъ эластичности, покладистости, приниженности: Сикорскій самолюбивъ и строптивъ.

— Ну, частное дѣло придумаетъ: голова хороша, но не думаю, чтобъ у Полякова онъ еще работалъ.

Остальной день до вечера, до отхода поѣзда въ Одессу, Карташовъ провелъ у Петровыхъ.

Петровъ, потирая руки и смѣясь, говорилъ ему:

— Вотъ теперь васъ запрягутъ. Участокъ Мاستницкаго, говорятъ, одинъ сплошной ужасъ: тамъ десятки верстъ плынуновъ, постоянные обвалы, пятнадцать верстъ, между Рени и Галацомъ, линія идетъ разливомъ Дуная и опытные люди говорятъ, что при той высотѣ насыпи и тѣхъ укрѣпленійхъ ее, какіе имѣются, насыпь не выдержитъ весенняго разлива Дуная. Словомъ, будете довольны. Я просилъ-было васъ къ себѣ,

просиль и Бызовъ, но рѣшили заткнуть нами самую главную дѣру. Вотъ-съ, въ какомъ вы почетѣ на линіи у насъ.

Татьяна Андреевна уже уѣхала съ своимъ женихомъ въ Крымъ, и Марья Андреевна, поднявъ плечо, грустно говорила:

— Уѣхала, уѣхала наша птичка.

А Петръ Матвѣевичъ, всегда правдивый и прямолинейный, махнулъ рукой и сказалъ:

— Дѣло ея совсѣмъ дрянъ: она не переживетъ зимы.

Но увидѣвъ, что Марья Андреевна, уткнувши лицо въ платокъ, заплакала, Петровъ сдѣлалъ страшное лицо Карташову, и, съ отчаяніемъ махнувъ рукой, сталъ беззвучно хлопать себя по губамъ.

— Ну, я окончательно не вѣрю вамъ, — сказалъ Карташовъ, — докторъ вамъ, что-ли, это сказалъ?

— Нѣтъ не докторъ.

— А вы что-жъ за докторъ?

— Онъ всегда каркаетъ, — отвѣтила, плача, Марья Андреевна.

— Это вѣрно, что я всегда каркаю, — согласился Петровъ.

Марья Андреевна вытерла слезы и горячо заговорила:

— Онъ всегда видитъ только одни ужасы: въ этомъ отношеніи жить съ нимъ каторга. Если солнце свѣтитъ, онъ думаетъ о дождѣ; если какая-нибудь радость — онъ ищетъ отрицательной стороны, и до тѣхъ поръ не успокоится, пока не сведетъ на нѣтъ всю эту радость. Я его называю гробокопатель.

— Э-хе-хе, — вздохнулъ Петръ Матвѣевичъ, — прожила бы ты съ мое, посмотрѣлъ бы я, какъ тебя бы жизнь выдкололила...

— Жила и не меньше твоего перевидѣла.

— За сратнинымъ плечомъ не совсѣмъ-то это-то... Мой-то пріемный отецъ былъ биндюжникъ. Моя родная

мать хотѣла-было меня со скалы въ море бросить, а тутъ и подвернись этотъ самый биндюжникъ. Дѣтей съ женой у него не было, онъ и уныновилъ. Такъ вотъ по какой кручѣ я пошелъ царпаться. Въ двѣнадцать лѣтъ и отецъ и мать приемные умерли и я ужъ совсѣмъ одинъ остался. Кончилъ и гимназію и техническое училище и пережилъ то, чего ни одинъ золоторотецъ не переживетъ. Вѣтъ требушину черную, какъ сапогъ, и вонючую, какъ...

— Да, брось...

— Брось, такъ брось. Но только, какъ увидишь съ этой стороны жизнь, то ужъ перестанешь и въ Бога, и въ людей и во все радостное вѣрять... А ужъ сверкнетъ жизнь радостью, такъ ужъ потомъ такъ отомстить, что будь она проклята и радость.

Марья Андреевна, слушавшая было съ тоской и даже ужасомъ, разсмѣялась и, показывая рукой на мужа, сказала:

— Вотъ сокровище!

Карташовъ домой не телеграфировалъ и пріѣздъ его былъ полной и пріятной неожиданностью.

У родныхъ онъ провелъ два дня, пока Савинскій приготавливалъ нужныя для Букареста бумаги.

Съ этими бумагами и соотвѣтственными инструкціями командировался Карташовъ къ главному инженеру, завѣдывавшему тыловыми сообщеніями арміи.

Командировка была почетная и Карташовъ говорилъ домашнимъ:

— Я какой-то, непонятной мнѣ самому, силой, все выше и выше, какъ на крыльяхъ, поднимаюсь на гору.

— Можетъ быть, думалъ Карташовъ, отчасти вліяетъ здѣсь то, что Савинскій сошелся съ его семьей и ухаживалъ какъ будто за Маней.

Но Савинскій случайно, но какъ будто отвѣтилъ на мысли Карташова, по случаю замѣчанія Агланды Васильевны, что слишкомъ балуютъ ея сына.

— Мы никого не балуемъ,—отвѣтила ей Савинскій.— О, вы насъ еще совсѣмъ не знаете. Мы—самая обыкновенная, самая настоящая торговая лавочка, преслѣдующая только свои интересы, учитывая все, что можетъ принести намъ выгоду. И всѣ мы приказчики нашего дѣла. Хорошимъ приказчикомъ дорожимъ, плохого безъ сожалѣнія гонимъ. Я еще на дняхъ удалилъ такого. Онъ мнѣ говоритъ: „Николай Тимофеевичъ, это несправедливо“. А я ему отвѣтилъ: „Кто вамъ сказалъ, что я хочу быть справедливымъ? Я хочу быть только приказчикомъ и соблюдать выгоды своего хозяина“. Соображенія, почему я посылаю Артемія Николаевича, слѣдующія. Начальникъ тыловыхъ сообщеній—прекрасная, благородная личность, преданная своему дѣлу. Въ лицѣ Артемія Николаевича онъ встрѣтитъ такого же преданнаго, такого же неподкупнаго, однимъ словомъ, своего alter ego, и это сейчасъ же почувствуется и установитъ тотъ характеръ отношеній, который и нуженъ. Какъ видите, мы все, вплоть до наружности, учитываемъ и изъ всего извлекаемъ свою выгоду. И здѣсь только эгоизмъ и ничего другого.

Когда уѣхалъ Савинскій, Маня говорила:

— Я не сомнѣваюсь, что онъ говоритъ совершенно искренно. Онъ именно только эгоистъ дѣла и кромѣ этого у него ничего нѣтъ въ жизни. Его фантазіи, что ему надо любить,—чушь: ничего ему больше кромѣ его дѣла не надо. Развѣ только увеличенія размѣровъ: этого дѣла: три дѣла, десять дѣлъ, вся Россія.

— Онъ будетъ министромъ,—согласилась Агланда Васильевна.

— Я тоже думаю, что будетъ,—согласилась Маня,—потому что министры, мнѣ кажется, изъ такого тѣста и дѣлаются: „кто вамъ сказалъ, что я хочу быть справедливымъ?“

— Ну, а Борисовъ какъ вамъ понравился?

— Умный, дѣльный, — отвѣтила Аглаида Васильевна, — установившійся вполнѣ...

— Кто къ намъ подойдетъ, — встала Маня, — а ужъ мы ни къ кому не приспособимся: ужъ извините... Съ Аней они очень подружились.

— Что-жъ? — согласилась мать. — Аня подошла бы къ нему.

— Думать, какъ хочешь, не мѣшала бы, — встала опять Маня, а рубашка чистая всегда была бы.

— И рубашка и обѣды, — говорила Аглаида Васильевна, глядя роскошные русые волосы Ани, — и ровная, ласковая, какъ ясный день. Тамъ пусть мужа на тронъ посадятъ другіе, — пусть сбросятъ его въ самую преисподнюю, а съ ней все тотъ же ясный день.

— Вотъ, вотъ, — кивнула Маня, — теперь ты, Аня, заплачь...

Аня, взволнованно оттопыривая пухлыя губки, съ глазами, полными слезъ, отвѣтила:

— Глупости какія, съ чего я буду плакать? Ни о какомъ замужествѣ я не думаю и стыдно, чтобы мнѣ, гимназисткѣ, и думать...

— Умница! — поддержала ее мать.

Подѣлился Карташовъ съ Маней относительно плановъ своихъ по поводу Аделаиды Борисовны.

— Теперь у меня, — говорилъ Карташовъ, — скопилось уже до пяти тысячъ. Я буду жить скромно и къ веснѣ скоплю еще тысячу. Жалованья я получаю 3600 р., квартиру, прислугу, освѣщеніе, отопленіе. Эту зиму еще нельзя, надо осмотрѣться, а весной, когда она пріѣдетъ, чтобъ ѣхать отсюда за границу, тогда...

— Что тогда?

Карташовъ, растягивая слова, отвѣтилъ:

— Тогда, можетъ быть, я и рѣшусь.

Маня расхохоталась и махнула рукой:

— Да никогда не рѣшишься! Ты рѣшительный

только на глупости, а на настоящее, хорошее—ты всегда будешь такъ только, въ умѣ...

— Посмотримъ,—отвѣтилъ Карташовъ.

— Сказалъ слѣпой,—кончила Маня.

— Ну, а тебѣ удалось получить съ Савинскаго и Борисова?

— Такъ я тебѣ и сказала.

— Да, я, что-же, выдавать пойду, что-ли?

— Хорошо, хорошо: хоть умри, не скажу.

— А твои и вообще ваши дѣла какъ?

— Какъ будто просвѣтъ есть, въ смыслѣ выхода.

— Какого?

— Все знать будете, скоро старенькіе будете. Поживите еще, Богъ съ вами, такъ, молоденькимъ.

— А тебя въ каторгу когда сошлютъ?

— Не замедлю извѣстить...

— На поѣздку въ Букарестъ Савинскій назначилъ и выдалъ Карташову тысячу рублей.

Карташовъ смущенно говорилъ матери:

— Букарестъ съ проѣздомъ, самое большее, отниметъ у меня десять дней: это выходитъ, кромѣ жалованья, по сто рублей въ день однѣхъ сутокныхъ. Страшныя деньги!

— Большія деньги, — согласилась Аглаида Васильевна.

— Ну, эти деньги я прокучу!

И Карташовъ поѣхалъ въ городъ покупать подарки.

— Много истратилъ?—встрѣтила его Маня.

— Рублей семьсотъ.

— А остальные мнѣ давай.

— Бери,—согласился Карташовъ.

XXI.

На пароходъ Карташова провожали его родные и родные Аделаиды Борисовны.

Съ Евгеніей Борисовной у Карташова установились дружескія отношенія. Несмотря на то, что Евгенія Борисовна была моложе его, она держала себя съ Карташовымъ покровительственно. Дѣлала ему замѣчанія, и особенно по поводу его тратъ, внимательно разспрашивала о служебныхъ успѣхахъ его и была довольна.

— Отсюда моя голубка три мѣсяца назадъ улетѣла,—говорила Аглаида Васильевна, вспоминая отъѣздъ Зины.—А теперь и молодой орель мой улетаетъ.

— Орель,—фыркнутъ Карташовъ,—просто пичужка. Мать любовно смотрѣла на сына.

— Это даже и не я, а Даниловъ такъ назрала тебя.

— Мама,—вмѣшалась Маня,—а Делю вы называете голубкой...

— Голубка, бѣлая голубка...

— Ну, что-же выйдетъ? Орель и голубка? Орель съѣстъ голубку...

Уже свѣтлая полоса вьется и, пѣнясь, бурлитъ, переливая изумрудомъ и бирюзой. Машутъ платками съ берега, машутъ съ парохода и между ними, затерявшись среди другихъ, и Карташовъ. И не видно ужъ лицъ, только платки еще бѣлѣютъ.

Все слилось въ одно, не видно больше ни лицъ, ни платковъ. Понемногу уходятъ пристань, мачты, городъ на горѣ. Слегка покачиваясь, все скорѣе и скорѣе уходитъ пароходъ въ синеву безбрежнаго моря и весело охватываетъ запахъ моря, канатовъ, каменнаго угля.

Звонять къ завтраку и уже хочется ѣсть все, что подадутъ, всё тѣ южныя блюда, къ которымъ привыкъ организмъ: морская рыба, малороссійскій борщъ, кабачки, помидоры, баклажаны, фрукты.

Въ числѣ пассажировъ красивая брюнетка съ сѣрыми глазами, съ чернымъ пушкомъ на верхней губѣ, губы полныя, сочныя и, когда онѣ открываются, видны бѣлые, красивые, маленькіе зубы.

Въ глазахъ иногда огонь, иногда что-то гордое, вызывающее. Съ ней молодой морякъ. За столомъ Карташовъ сидѣлъ противъ нихъ и незамѣтно слѣдилъ за ихъ отношеніями.

Нѣтъ сомнѣнія—это женихъ и невѣста. Она ѣсть и иногда останавливаетъ спокойный взглядъ своихъ сѣрыхъ, съ большими черными рѣсницами, глазъ и смотритъ на Карташова. Карташовъ смущается, не выдерживаетъ взгляда, отводитъ глаза на другихъ пассажировъ и опять украдкой всматривается въ невѣсту и жениха, стараясь подслушать ихъ разговоръ, угадать его по движенію губъ, жестамъ. Иногда является въ немъ вдругъ желаніе прильнуть губами къ ея полнымъ, краснымъ губкамъ, охватить ея станъ, не полный, но упругій, склонный, можетъ быть, въ будущемъ къ полнотѣ. Отъ этихъ желаній и мыслей кровь прилиwała къ головѣ и лицу Карташова и, уткнувшись въ тарелку, онъ начиналъ торопливо ѣсть.

Вошли въ Дунай и уже безъ всякой качки плавно двигался пароходъ.

Вотъ налѣво синѣютъ горы Добруджи, а вотъ направо теряется въ низменныхъ берегахъ Рени будущее мѣстожителство Карташова, — страшно-лихорадочное, нездоровое, гдѣ отъ напряженія и всевозможныхъ болѣзней, таетъ теперь его начальство, начальникъ участка Мاستицкій.

Вотъ и Галацъ, чистенькій, словно умытый городокъ, съ веселыми улицами, съ массой кофеенъ, гдѣ предъ

ними на улицѣ стоятъ столы, а за ними сидитъ множество народу и пьютъ ападульчеце: стаканъ холодной, какъ ледь, воды съ блюдечкомъ варенья.

Въ Галацѣ остались морякъ и его невѣста, и Карташову казалось, что она съ сожалѣніемъ оставляла пароходъ. Что до Карташова, то онъ очень вадыхалъ, когда за столомъ уже не встрѣчалъ ея сѣрыхъ, уже очаровавшихъ его, иногда ласковыхъ глазъ.

Вмѣсто нея сидѣла типичная румынка: средняго роста, уже начинающая полнѣть, съ смуглымъ лицомъ, черными, какъ смоль, глазами, съ густыми, черными, темными, жесткими волосами и такими же полными, какъ и у невѣсты, губами. Но ротъ былъ шире, зубы были прекрасны, но крупнѣе тѣхъ и когда они открывались и глаза смогрѣли знойно, казалось, немилосердно жгло южное солнце.

Отъ невѣсты вѣяло прохладой и только изрѣдка какимъ-то намекомъ на будущее лѣто, отъ этой-же — жгучимъ лѣтомъ и истомой его.

Къ вечеру румынка и Карташовъ познакомились и разговорились на французскомъ языкѣ, до поздней ночи проболтали они на палубѣ, а ночью Карташовъ пробрался въ каюту румынки.

Она сообщила ему, что она жена офицера, который теперь съ румынскимъ корпусомъ подѣ Плевной. Она рассказывала, что у нихъ, въ румынскомъ обществѣ, чуть ли не предосудительной даже считается супружеская вѣрность и что въ каждой почти семьѣ имѣется другъ дома. Это почти считается признакомъ хорошаго тона, хотя обычай не румынскаго, а скорѣе французскаго происхожденія.

По прїѣздѣ въ Букарестъ, она пригласила Карташова посѣтить ее. Онъ былъ у нея и познакомился съ ея матерью, братомъ и еще съ однимъ господиномъ среднихъ лѣтъ, угрюмо и подозрительно смотрѣвшимъ на Карташова, вслѣдствіе чего Карташовъ сообразилъ,

что это и есть другъ дома. Дальнѣйшія свиданія съ румынкой происходили уже въ гостиницѣ, гдѣ остано- вился Карташовъ, въ его номерѣ, куда румынка при- ходила подъ темной вуалью и, снимая уже въ номерѣ эту вуаль, весело и радостно смѣялась, говоря:

— Такъ любить гораздо, гораздо интереснѣе.

Когда наступило время разлуки, они раастались благожелательные и равнодушные другъ къ другу. И каждый за другого былъ спокоенъ, что скоро утѣшится.

Карташовъ былъ въ затрудненіи, какъ и чѣмъ вы- разить свою благодарность румынкѣ за пріятно про- веденное время, но румынка выручила его. Болтая много и обо всемъ, она, между прочимъ, указала Кар- ташову, что на обязанности друга дома лежитъ удовле- твореніе разныхъ мелкихъ прихотей жены: какъ-то: по- купка драгоценностей, кружевъ, зонтиковъ, перчатокъ, духовъ.

Карташовъ предложилъ-было румынкѣ вмѣстѣ съ ней отправиться къ ювелиру, но она энергично и съ обидой отказалась. Это не принято, это неприлично и что бы сказали о ней всѣ, знавшіе ее?

Когда Карташовъ поднесъ ей золотыя часики съ цѣпочкой, о чемъ она тоже намекнула, она ласково улыбнулась и сказала:

— У васъ хорошій вкусъ,—качество, которымъ дол- женъ всегда отличаться другъ дома. А вотъ у мужа,— прибавила она,—вкуса никогда не бываетъ.

Но когда Карташовъ послѣ часовъ поднесъ ей и кольцо съ маленькимъ, но очень хорошимъ рубиномъ, она была совершенно растрогана и, горячо цѣлуя Кар- ташова, сказала, обращаясь въ первый разъ на ты къ нему:

— Ты великодушный!.

И все время она восторгалась рубиномъ.

— Это мой самый любимый камень и очень хоро- шій. Хорошій рубинъ долженъ быть похожъ на свѣ-

жую каплю крови: смотри вот теперь: сверкаетъ, какъ настоящая кровь... У-у! Это хорошо! Представь себѣ такую картину: цѣной жизни, истекая кровью, онъ все-таки добивается своего и цѣлуешь, и обнимаетъ, и умираетъ...

И черные глаза румынки сверкали при этомъ, какъ черные брилліанты.

Не такъ успѣшно шли дѣла у Карташова по возложенному на него Савинскимъ порученію.

Главный инженеръ, очень простой, безъ всякихъ претензій человѣкъ, несмотря на разницу лѣтъ и свой генеральскій чинъ, держалъ себя съ Карташовымъ, какъ товарищъ, одного при томъ выпуска съ Карташовымъ.

Онъ наклонялъ къ Карташову свое большое, въ очкахъ, лицо и объяснялъ, почему онъ долженъ былъ подать и подалъ уже въ отставку.

— У васъ нѣсколько начальниковъ и каждый изъ нихъ, не спрашивая васъ, распоряжается, а вы отвѣчайте за все. И благо, еслибы только старшіе еще распорядились: распорядятся рѣшительно всѣ. Пьяный ротный—полный хозяинъ на линіи, каждому начальнику станціи грозитъ разстрѣломъ, отмѣняетъ поѣзда, создастъ невообразимый хаосъ, уйдетъ себѣ со своей ротой и утонетъ тамъ гдѣ-то въ арміи. Ищи его, когда десятки другихъ продолжаютъ хаосъ...

— А кто теперь главный инженеръ?

— Генераль генеральнаго штаба.

Инженеръ махнулъ рукой.

— Они все знаютъ, они спеціалисты вѣдь по всему...

Карташовъ счелъ долгомъ все-таки ознакомить бывшаго главнаго инженера съ своимъ порученіемъ и очень пожалѣлъ, что этотъ главный инженеръ уже оставилъ свой постъ, такъ какъ, выслушавъ все внимательно, сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній, онъ въ общемъ одобрилъ всѣ предположенія и даже сказалъ,

на какое количество поѣздовъ надо рассчитывать всутки.

Съ генераломъ генеральнаго штаба не такъ просто было увидѣться. Надо было явиться въ пріемные часы и ждать очень долго, пока ввели Карташова въ кабинетъ генерала.

Генераль принялъ Карташова стоя. Это былъ среднихъ лѣтъ генераль, нервный, стройный, съ красивыми глазами.

— Чѣмъ могу быть полезнымъ? — встрѣтилъ онъ Карташова, слегка выправляясь и доправляя свои эксельбанты.

Карташовъ началъ объяснять.

Генераль слушалъ непривычную для его уха рѣчь штатскаго и, морщась, такъ всматривался въ Карташова, точно ему были уже извѣстны всѣ его похождения съ румынкой.

Когда Карташовъ кончилъ, онъ чувствовалъ, что никакого впечатлѣнія на генерала не произвелъ, почувствовалъ вдругъ, что все то, что онъ сообщилъ генералу—теперь уже не важно, а важно что-то другое, чего онъ, Карташовъ, не зналъ.

А можетъ быть генераль только дѣлалъ видъ, что слушалъ и теперь, когда Карташовъ кончилъ, онъ, захваченный врасплохъ, былъ въ затрудненіи, что отвѣтить.

— Оставьте это письмо и эти бумаги у меня,— сказалъ генераль, — я долженъ надъ всѣмъ этимъ подумать, и приходите ко мнѣ черезъ три дня.

Отъ генерала Карташовъ отправился къ бывшему главному инженеру.

Тотъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Не думаю, чтобъ и черезъ три дня онъ отвѣтилъ вамъ что-нибудь путное: они вѣдь совершенно не въ курсѣ дѣла, не понимаютъ насъ, штатскихъ, и считаютъ, что дѣло можетъ только идти съ людьми воен-

ыми. Дай Богъ, чтобы я былъ плохимъ пророкомъ, но я боюсь, что онъ начнетъ у васъ ломку на свой военный ладъ.

Черезъ три дня, когда Карташовъ явился опять къ генералу, тотъ принялъ его уже въ общей пріемной и, едва протянувъ руку, лаконически сказалъ:

— Отправляйтесь къ мѣсту своего служенія.

Карташовъ растерянно, виновато поклонился и поспѣшно вышелъ.

На улицѣ онъ вздохнулъ всей грудью и подумалъ: „довольно глупо все это, однако, вышло“.

„Да, глупо, глупо“, — досадливо твердилъ онъ себѣ, идя по красивымъ, оживленнымъ улицамъ Букарешта. Сновали всѣхъ оружій военные, дамы, всѣ почти такія же, какъ и его румынка, съ черными и сѣрыми глазами, смугляя, съ роскошными черными волосами. Однѣ немного красивѣе, другія хуже, однѣ въ экипажахъ, другія пѣшкомъ. Военные жизнерадостные, возбужденные, хозяева жизни. Это такъ сильно и впервые почувствовалъ сегодня Карташовъ, считавшій до сихъ поръ, что высшій призъ жизни—его инженерный мундиръ, доставшійся ему, какъ-никакъ, неизмѣримо большимъ трудомъ, чѣмъ всѣмъ этимъ господамъ ихъ мундиры. И какое-то злобное чувство закипало въ его душѣ.

Когда онъ сообщилъ бывшему главному инженеру результатъ своего свиданія съ генераломъ, онъ сказалъ:

— Этого надо было ожидать. И все это только потому, что вы штатскій: нѣтъ довѣрія штатскимъ, — у нихъ нѣтъ энергіи военнаго, нѣтъ дисциплины военного, они не люди. И насъ спасаетъ только то, что среди этихъ военныхъ нѣтъ еще никого, кто сколько-нибудь знаетъ наше дѣло и поэтому на эту войну всѣмъ инженерамъ, сидящимъ на дѣйствительномъ дѣлѣ, опасаться нечего, пока только насъ, старшихъ, власть имѣющихъ, они прогоняютъ, но къ слѣдующей

войнѣ они подготовятся и во всѣхъ этихъ желѣзно-дорожныхъ батальонахъ наши инженеры скоро уступятъ мѣсто военнымъ... Спасетъ васъ и то еще, что ваша дорога все-таки частная, а посмотрите, что дѣлается на Фраштеты Зимницкой: тамъ наши инженеры, уже прикладывая руку къ козырьку, рапортуютъ: „доношу Вашему Превосходительству, что на вѣрен-ной мнѣ дистанціи все обстоитъ благополучно“ и т. д.

— Что-жъ мнѣ теперь дѣлать? — спросилъ Карташовъ. — Вѣхать?

— Конечно. Отпишите Савинскому все, я на дняхъ ѣду въ Одессу, отвезу ему письмо ваше и самъ расскажу ему.

Такъ Карташовъ и поступилъ, выѣхавъ на другой день по желѣзной дорогѣ въ Галацъ.

Онъ былъ очень тронутъ тѣмъ, что румынка пріѣхала проводить его. Она была очень въ духѣ — получила письмо отъ мужа. Онъ отличился въ сраженіи, получилъ орденъ и назначенъ батальоннымъ на мѣсто своего убитаго начальника.

— Если такъ дальше пойдетъ, онъ можетъ воротиться генераломъ. О, тогда со мной будетъ другой разговоръ: тогда кто угодно будетъ себѣ считать за честь быть другомъ дома.

Карташовъ заинтересовался, какъ ея другъ дома отнесся къ подаркамъ.

— Я ихъ покажу ему, когда ты уже уѣдешь, иначе, сгоряча, онъ можетъ надѣлать тебѣ много неприятностей. Я, конечно, ему не скажу объ нашихъ настоящихъ отношеніяхъ, скажу, что просто такъ себѣ ты поухаживалъ за мной, и въ концѣ концовъ онъ и самъ будетъ доволенъ, такъ какъ твои подарки припишутъ ему.

— Я никакъ не могъ предположить, что ты пріѣдешь на вокзалъ... Впрочемъ, стой: я купилъ было для сестры брошку...

— Нѣтъ, нѣтъ... больше не надо, не надо... Я вѣдь даже не смогу и поцѣловать тебя больше за нее.

Но Карташовъ настоялъ, пошелъ въ свое купе, куда звалъ и румынку, но она отказалась идти, и принесъ брошку.

— Право, это такъ мило съ твоей стороны, ты такой добрый, и я очень и очень жалѣю, что ты уже уважаешь... Постой... и я тебѣ дамъ на память...

Она торопливо порылась въ своемъ редикульчикѣ, достала маленькія ножницы и незамѣтно отрѣзала ими кончикъ локона сзади на шеѣ.

Передавая Карташову, она шепнула, вспыхнувъ:

— У меня больше всего въ памяти осталось, когда ты, помнишь, цѣловалъ мою шею...

Карташова тоже обожгло вдругъ это воспоминаніе объ этомъ смугломъ, красивомъ тѣлѣ съ густой черной растительностью на шеѣ и, когда уже поѣздъ мчался по обработаннымъ полямъ благословенной Румыніи, онъ еще долго, держа въ рукахъ кончикъ локона, переживалъ недавнее прошлое. А потомъ онъ распустилъ зажатую руку и волосы локона мгновенно исчезли, подхваченные вѣтромъ. А съ ними стали блекнуть и образъ румынки и, когда онъ пріѣхалъ въ Рени, то отъ румынки не осталось больше никакихъ воспоминаній, точно никогда ничего и не было у него съ ней.

Мастицкій, больной, раздраженный, встрѣтилъ Карташова очень негостепріимно.

— Чортъ ихъ знаетъ! Набрали этого народу и не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Тутъ для одного нѣтъ работы, а они еще васъ прислали.

Борисовъ, впрочемъ, предупреждалъ Карташова, что Мастицкій злой и ревнивый работникъ, поэтому слова его не очень огорчили Карташова.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней уже Карташовъ былъ заваленъ работой выше головы, и, при

всемъ нежеланіи, Мастицкій долженъ былъ, какъ за невозможностью вообще справиться съ такой массой дѣла, такъ и за болѣзною своею, уступить Карташову много дѣла.

Хуже всего донимали Мастицкаго ужасная дунайская лихорадка и глаза. Эти глаза — сперва одинъ, потомъ другой гноились и Мастицкій начиналъ уже плохо видѣть. Ему грозила слѣпота, если онъ не уѣдетъ серьезно лечиться въ такія мѣста, гдѣ имѣются доктора спеціалисты. Но онъ упорно, несмотря на настойчивые совѣты и мѣстнаго доктора и товарищей изъ управленія, не хотѣлъ ѣхать въ отпускъ.

Когда Карташовъ пробовалъ заговаривать о томъ же, Мастицкій, желтый, худой, страшный, въ темныхъ очкахъ, приходилъ въ настоящее бѣшенство и кричалъ на него:

— Зарубите себѣ на носу, что я не уѣду и вамъ дѣла не передамъ, потому что вы съ нимъ не справитесь! Хорошенько зарубите и бросьте интриговать!

— Какъ, я интригую, Пшемыславъ Фаддѣевичъ?

— Знаю я какъ, и, повѣрьте, отлично понимаю, откуда вѣтеръ дуетъ. И считаю это недостойнымъ, гадкимъ интригантствомъ, на какое способны только русскіе.

— Я думаю, что вы признаете за мной право требовать удовлетворенія,—отвѣчалъ Карташовъ,—и я требую отъ васъ, чтобъ вы сказали, въ чемъ заключается мое интригантство?

— Въ чемъ? Письма пишите въ управленіе, доносы строчите!

— Я ни одного еще письма никому, Пшемыславъ Фаддѣевичъ, не написалъ.

— Знаю!

— А я даю вамъ честное слово, что не писалъ. И вы не имѣете права мнѣ не вѣрить.

— О своихъ правахъ я не васъ спрашивать буду.

— Въ такомъ случаѣ, какъ мнѣ ни тяжело, но я потребую отъ васъ настоящаго удовлетворенія.

— И требуйте, и убирайтесь къ чорту! Но только одно: пока мы адѣсь на дѣлѣ, ни о какомъ удовлетвореніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи, потому что насъ сюда послали не для удовлетвореній нашихъ личныхъ, а для того, чтобъ служить дѣлу. А вотъ, когда насъ обоихъ выгонять отсюда, тогда я весь къ вашимъ услугамъ.

И всегда Мастицкій ворчалъ и былъ недоволенъ. Даже тогда, когда Карташовъ хотѣлъ ему помочь въ чемъ-нибудь, подать, на примѣръ, во-время слѣдующее лѣкарство при промывкѣ глазъ.

Карташовъ къ воркотнѣ Мастицкаго относился очень благодушно. Она его совсѣмъ даже не трогала, потому что онъ понималъ, что Мастицкій совсѣмъ больной и несчастный человѣкъ. Не сомнѣвался онъ и въ томъ, что Мастицкій въ душѣ все-таки цѣнилъ его работу.

Съ другой стороны, онъ глубоко уважалъ и знанія, и способности, и самоотверженное трудолюбіе Мастицкаго. Этого самоотверженія онъ и не понималъ: чело-вѣку грозила слѣпота, а онъ, вопреки всякому здравому смыслу, не хотеть во-время захватить болѣзнь.

Еще болѣе привязался и полюбилъ Карташовъ Мастицкаго, когда однажды узналъ отъ его сосѣда по участку—инженера Янковскаго, пріятеля Мастицкаго, о томъ, что Мастицкій потерялъ невѣсту, которая вышла замужъ за другого. Этотъ разрывъ произошелъ не-за-долго до пріѣзда Карташова. Янковскій говорилъ, что, еслибъ Мастицкій самъ поѣхалъ бы, то, вѣроятно, не дошло-бы до разрыва, но Мастицкій не хотѣлъ дѣла бросать и уже боленъ былъ.

Самъ Янковскій былъ веселый дядда, вѣчно скалилъ свои большіе, бѣлые, какъ снѣгъ, зубы и на всю воркотню Мастицкаго отвѣчалъ только добродушнымъ смѣхомъ.

И Карташовъ въ своемъ обращеніи съ Мاستицкимъ сталъ подражать Янковскому.

Въ общемъ это помогало, но тѣмъ сильнѣе иногда накипаало раздраженіе въ душѣ Мастицкаго и рѣзко прорывалось наружу. И всегда неожиданно, когда Карташовъ думалъ, что теперь уже совершенно наладились ихъ отношенія.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Карташова въ Рени, генераль, замѣнявшій главнаго инженера, выѣхалъ лично осмотрѣть линію.

Генераль ѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ военныхъ, а навстрѣчу ему выѣхали Савинскій и все начальство въ Бендерахъ. Встрѣча начальства произошла на станціи.

Генераль очень любезно поздоровался съ Савинскимъ, какъ со старымъ знакомымъ по Петербургу и благодарилъ его за инженера, присланнаго вмѣсто Карташова сопровождать генерала по линіи.

Инженеръ Салтановъ, назначенный сопровождать генерала, прежде поступленія въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, окончилъ саперное училище и военной выправкой пріятно удивилъ генерала.

На линіи Салтановъ былъ начальникомъ дистанціи на постройкѣ. Дистанцію свою онъ затанулъ и славился тяжелымъ и педантичнымъ характеромъ, всегда требовалъ точныхъ, за соотвѣтственнымъ номеромъ, указаній, предписаній, разъясненій и самодовольно говорилъ:

— Нѣтъ-съ, стараго воробья на мякинѣ не проведешь: пожалуйста предписаніе,—такъ-то спокойнѣе. У насъ, у военныхъ, вы всѣ бы отъ верху до низу ушли бы давно подъ судъ, такъ, на словахъ, верша дѣла.

Генераль, при встрѣчѣ съ Савинскимъ, говорилъ, подергивая плечами:

— Я, признаюсь вамъ откровенно, не ожидалъ встрѣтить въ вашемъ мірѣ такого человѣка, какъ инже-

нерь Салтановъ: вы поймите мое удовольствіе: и я его и отъ меня понимаемъ съ двухъ словъ. Это вродѣ того, что среди невѣдомыхъ иностранцевъ вдругъ нашелся землякъ, который на моемъ родномъ языкѣ объясняетъ мнѣ всѣ явленія назпчковой мнѣ жизни.

Генераль весело оглядывался и улыбался.

Затѣмъ начались представленія. Карташову онъ слегка кивнулъ головой и довольно пренебрежительно бросилъ:

— Уже знакомы.

Послѣ представленія отправились осматривать станцію.

Впереди шли генераль съ Савинскимъ, сзади тянулся длинный хвостъ изъ свиты и служащихъ.

Мѣшковатый начальникъ станціи, стоявшій сгорбившись въ ожиданіи начальства, прищуривъ глаза и какъ бы съ любопытствомъ выжидая, что изъ всего этого выйдетъ, получилъ отъ генерала строгій выговоръ.

Съ лица генерала сразу исчезла благодущная улыбка, лицо покраснѣло, глаза сверкнули.

Поровнявшись съ начальникомъ станціи, онъ рѣзко сказалъ:

— Не умѣете стоять передъ начальствомъ. Вытянуться во фронтъ, руку къ козырьку, рапортовать о состояніи станціи...

Начальникъ станціи неуклюже переступилъ на другую ногу и красный, растерянный, смотрѣлъ въ глаза генералу.

— Къ увольненію! — скомандовалъ генераль.

— Нелзя же съ такимъ серьезно работать, — обратился генераль къ Савинскому.

Впечатлѣніе было громадное: лица вытянулись, говоръ, шумъ шаговъ стихли—и сразу наступила мертвая тишина.

Мастичкій пришелъ въ такое нервное состояніе, что сказалъ Карташову:

— Я уйду и сдаю вамъ участокъ.

И, не ожидая, онъ пошелъ прочь.

Генераль опять пришелъ въ прежнее благодушное настроеніе, но ужъ все были насторожѣ.

Карташовъ быстро уловилъ характеръ отношеній между генераломъ и Салтановымъ. И, когда доходила до него очередь, онъ, прикладывая руку къ козырьку, быстро, почтительно и послушно отвѣчалъ на вопросы генерала, то, что успѣвало придти ему въ голову и въ то же время думалъ: „опять навралъ“. Но тонъ былъ убѣжденный и такой, что, отвѣчая на всякій пустякъ, онъ сознавалъ, что это далеко не пустяки и что этого именно вопроса онъ и ждалъ отъ начальства.

Когда вопросы и отвѣты кончились и процессія шла дальше, Борисовъ, пріѣхавшій вмѣсто Пахомова, весело шепталъ на ухо Карташову:

— Ой, какой шарлатанъ. И вамъ не стыдно?

Карташовъ улыбался и самодовольно отвѣчалъ:

— Мнѣ было бы стыдно, если бы я не сумѣлъ приспособиться.

Карташовъ сопровождалъ начальство до конца своего участка. На прощаніе генераль, пошептавшись съ Савинскимъ, очень ласково протянулъ Карташову руку и сказалъ:

— Благодарю васъ. Все, что я видѣлъ на вашемъ участкѣ, очень тяжело, даетъ мнѣ увѣренность, что онъ въ надежныхъ рукахъ.

— Ваше превосходительство, -- отвѣтилъ Карташовъ, -- я передамъ своему начальнику участка, который, къ сожалѣнію, по болѣзни не могъ сопровождать васъ. Все дѣло на участкѣ ведетъ онъ и я только учусь и исполняю нѣкоторыя изъ его распоряженій...

Генераль и Савинскій ласково смотрѣли на Карташова, пока, смущенный, онъ говорилъ свой отвѣтъ. По окончаніи, генераль фамиллярно положилъ руку на плечо Карташова и сказалъ:

— Передайте въ такомъ случаѣ вашему начальнику, что я завидую ему, что у него такой дисциплинированный помощникъ. Желаю вамъ всего лучшаго.

Карташовъ быстро попрощался со всѣми и довольный уѣхалъ назадъ въ Рени докладывать обо всемъ Мاستицкому:

Мастицкій угрюмо слушалъ и, когда Карташовъ кончилъ, сказалъ:

Могли и не выдавать мнѣ аттестатовъ. Не для этого пидюта генерала, помѣшаннаго на дисциплинѣ, и не для блюдолиза Савинскаго я работаю. Хотите подлизываться—ваше дѣло, но на будущее время я серьезно прошу васъ обо мнѣ не заикаться.

— Не можете же вы заставить меня брать ваши заслуги на себя?

— Какія тамъ заслуги!

— Но если ихъ признають и благодарять меня...

— Кто признаеть?! Что этотъ уродъ понимаетъ? Столько-же, сколько та свинья! Дѣльнаго, умнаго начальника станціи прогналъ, васъ, вравшаго ему всякую чушь, расхвалилъ... Тварь, тошно говорить, тошно слушать...

На той части участка въ сторону Бендеръ, гдѣ на протяженіи десяти верстъ полотно дороги тянулось по плавунамъ Прута и Дуная, дѣло стояло особенно остро.

Тамъ сосредоточивалась наибольшая опасность. Сдвигались почвы въ одну ночь, уничтожалась, напримеръ, труба, проходное и выходное ея отверстія отклонялись отъ первоначальнаго направленія на десятки сажень. При этомъ коверкался и путь, конечно, и на такомъ пути крушеніе поѣзда было бы неизбежно, при чемъ поѣздъ съ десятисаженной высоты свалился бы прямо въ Дунай.

Надо было быть постоянно насторожѣ, и днемъ, и ночью, надо было спѣшно, вмѣсто исчезавшихъ трубъ,

устраивать новыя и болѣе прочныя, надо было не допускать грунтовую воду къ полотну дороги и, перехватывая ее крытыми надежными галлереями, пропускать въ устроенныя отверстія для пропуска воды чрезъ полотно.

Все это требовало постояннаго напряженнаго наблюденія на мѣстѣ, и Мостицкій рѣшилъ поселить тамъ Карташова, хотя и сказалъ изъ вѣжливости, что тамъ и жить и питаться будетъ плохо. Жить, дѣйствительно, было негдѣ, но Карташовъ былъ радъ избавиться отъ опеки и воркотни Мостицкаго. Онъ поселился на будкѣ у сторожа. Жена сторожа и кормила, а провизію доставляли кондуктора проходившихъ поѣздовъ. Доставляли не за страхъ, а за совѣсть, потому что всѣ любили Карташова, какъ за его ласковое обращеніе, такъ и за щедрость.

Дни и ночи Карташовъ былъ въ напряженной работѣ, потому что работа не прерывалась ни днемъ, ни ночью.

Изрѣдка Карташовъ ѣздилъ въ Рени, изрѣдка Мостицкій заглядывалъ къ нему. Всѣ работы велись по плану и указаніямъ Мостицкаго, авторитету котораго Карташовъ безпрекословно подчинялся, кромѣ разныхъ прибавокъ и наградныхъ: Карташовъ на это былъ очень щедръ, а Мостицкій выходилъ изъ себя и обыкновенно говорилъ:

— Я не признаю и спишу это за вашъ личный счетъ.

Пожалуйста,—отвѣчалъ Карташовъ.

Но въ теченіе трехъ мѣсяцевъ дѣло съ пльвунами наладилось, главная вода была перехвачена, не было больше сдвиговъ, не исчезали трубы, но не наступало и надежное равновѣсіе. По-прежнему безостановочно нужно было вывозить образывавшіеся сплывы, чинить галлерен и трубы, исправлять полотно, безостановочно подвозить, точно въ бездну проваливавшійся, балластъ

и держать безсмысленный караулъ, при чемъ при проходѣ каждаго поѣзда впереди очень медленно двигавшагося поѣзда шель старшій ремонтный, а еще впереди, если поѣздъ проходилъ ночью, изъ глубины ночи раздавался крикъ слѣдующаго дежурнаго: „благополучно!“ Такіе караульные стояли на каждыхъ пятидесяти саженьяхъ.

Но все-таки въ общемъ вся эта работа уже вошла въ норму. Карташовъ подобралъ штатъ надежныхъ молодыхъ десятниковъ, при чемъ выписалъ Сырченко, а между тѣмъ здоровье Мاستицкаго все ухудшалось и уже большую часть дня онъ проводилъ въ кровати, еще сплывѣ ругаясь, раздражаясь и проклиная все и вся.

Ко всему этому прибавилось приближеніе весны и начинавшійся уже разливъ Дуная, грозившій въ этомъ году быть особеннымъ. Все это вмѣстѣ побуждало Карташова опять переѣхать въ Рени.

Вскорѣ ночью какъ-то его разбудили: станція Красный Крестъ, находившаяся въ пяти верстахъ отъ Рени въ сторону Галаца, увѣдомляла по телефону, что только-что образовался громадный промывъ подъ мостомъ. Карташовъ быстро одѣлся и поѣхалъ на дежурномъ паровозѣ.

Небо было безоблачно и луна ярко свѣтила, свергая въ широкой глади водъ разлившагося и издали неподвижнаго и спокойнаго, какъ зеркало, Дуная.

Паровозомъ управлялъ помощникъ машиниста, молодой инженеръ-технологъ, ѣздившій для практики на паровозѣ. Онъ съ Карташовымъ рѣшили не будить машиниста, такъ какъ Карташовъ, ѣздившій студентомъ кочегаромъ, взялъ исполненіе этой должности на себя. Весело и возбужденно разговаривая, какъ товарищи одного выпуска, они быстро проѣхали пространство, отдѣлявшее ихъ отъ размыва.

Не дождая нѣсколькихъ десятковъ саженьей, они

остановили паровозъ, затормозили его и пошли къ размытому мосту.

Картина превзошла всякія ожиданія.

Вмѣсто моста зіяла въ нѣсколько десятковъ сажень бездна, чрезъ которую, какъ двѣ нитки, тянулись по воздуху рельсы и прикрѣпленные къ нимъ шпалы. Посреди надъ бездной торчали въ воздухѣ сваи моста и теперь, въ этой безднѣ, онѣ производили впечатлѣніе какихъ-то висѣвшихъ щепокъ.

Тамъ глубоко внизу этой десятисаженной бездны, какъ въ заливѣ, привѣтливо и страшно сверкала вода Дуная.

— Когда это произошло? — спросилъ Карташовъ у стоявшаго тутъ же дорожнаго мастера.

— Не больше, какъ часъ времени. Только ухнуло что-то. Стрѣлочникъ первый прибѣжалъ, разбудилъ меня, я вамъ далъ знать.

Карташовъ стоялъ съ широко раскрытыми глазами, на зная, что предпринять. Еще болѣе усиливалъ впечатлѣніе контрастъ между этой тихой безмятежной ночью и тѣмъ непонятнымъ и страшнымъ, что произошло.

— Смотрите, смотрите! — закричалъ дорожный мастеръ.

Онъ показывалъ рукой назадъ, по направленію къ Рени.

Вся поверхность земли и полотна, до самой будки, волновалась, точно эта поверхность была не земля, а жидкость.

Какое-то оцѣпенѣніе охватило всѣхъ троихъ и глазами, полными ужаса, они смотрѣли на непонятное и невиданное ими никогда явленіе.

Первый пришелъ въ себя инженеръ-технологъ и быстро побѣжалъ къ паровозу.

Карташовъ понялъ, что онъ хочетъ спасти паровозъ и проскочить съ нимъ за будку.

— Бросьте, бросьте паровозъ, — закричалъ Карташовъ,—онъ все равно погибъ, но погибнете и вы!

Технологъ былъ уже на паровозѣ и быстро оттормаживалъ его.

Карташовъ бѣжалъ и кричалъ:

— Я, какъ старшій, запрещаю вамъ!

Но технологъ уже открылъ регуляторъ и, повернувъ свое блѣдное, какъ луна, лицо, отвѣтилъ Карташову:

— Наплевать мнѣ на ваше запрещеніе.

А затѣмъ все происходило какъ во снѣ, настолько было несообразно съ дѣйствительностью. Волны подхватили и паровозъ и Карташова съ дорожнымъ мастеромъ. И оба они побѣжали, шатаясь и спотыкаясь, по прямому направленію отъ берега къ горамъ, гдѣ не было волнъ. Добѣжавъ туда, они стояли и съ душой, охваченной ужасомъ и тоской, слѣдили глазами за паровозомъ, какъ корабль нырявшемъ въ этихъ непонятныхъ земляныхъ волнахъ.

Непередаваемая радость и облегченіе охватили Карташова, когда паровозъ подошелъ къ будкѣ, гдѣ уже не было волнъ. И почти въ то же мгновеніе раздался какой-то вздохъ, точно сотни, тысячи сразу вздохнули,—и всѣ волны и вся земля исчезли. У самыхъ ногъ ихъ зіяла такая же бездна, какъ и тамъ у моста,—теперь сплошная отъ будки до моста. Куда-же дѣвалась вся эта масса ухнувшей вдругъ земли на сотни сажень длины, на десятки ширины и въ десять сажень высоты? Карташовъ осматривался и не доумѣвалъ: только легкія волны заходили по Дунаю и опять стало все тихо, точно и прежде такъ же сверкала тамъ внизу въ новомъ заливѣ вода.

Что было дѣлать, что предпринять? При всей своей неопытности, Карташовъ понималъ, что все это было стихійно, что предпринять нечего было.

Онъ ограничился только распоряженіемъ дорожному мастеру осмотрѣть линію по направленію къ Га-

лацу и немедленно донести о результатѣ осмотра. Самъ же возвратился на паровозъ, гдѣ ждалъ его веселый и удовлетворенный технологъ.

— Вы на меня не разсердились, что я не послушался васъ?—встрѣтилъ Карташова технологъ.

— Конечно, нѣтъ, и я вовсе не начальствовать хотѣлъ, а только хотѣлъ во что бы то ни стало удержать васъ отъ совершенно безумнаго шага.

— Однако-же спасень паровозъ.

— По-моему, это уже не храбрость, не отвага, а просто безуміе. Одно мгновеніе промедленія... А, впрочемъ, кто судить побѣдителей! Все-таки это такъ мужественно было съ вашей стороны, такъ беззавѣтно, что, откровенно вамъ говорю, что я не былъ бы способенъ на такой поступокъ.

— Это вамъ только такъ кажется. Если бы вы были такъ-же отвѣтственны, какъ я, за паровозъ... Вы только представьте себѣ, съ какими глазами я явился бы къ своему машинисту безъ паровоза? Гдѣ паровозъ? Въ Дунаѣ! Ха-ха-ха!.. Ну, а теперь вы опять у меня подъ командой: угля въ топку.

Пріѣхавъ, Карташовъ рѣшилъ разбудить Мастицкаго и, идя къ нему, думалъ, за что будетъ упрекать его Мастицкій.

Во-первыхъ, за то, что не разбудилъ его. Но, еслибъ онъ побѣждалъ будить его, то тогда ни онъ, Карташовъ, ни Мастицкій не захватили бы того, чего можетъ быть никогда въ жизни видѣть больше не удастся...

Можетъ быть, Мастицкій будетъ доказывать, что еще можно было принять мѣры?

Мастицкій, дѣйствительно, упрекнулъ Карташова за то, что тотъ не разбудилъ его, но по поводу остального сказали, разводя руками:

— Что-жъ тутъ было дѣлать? Хорошо, что послали дорожнаго мастера. Надо телеграфировать въ Бендеры и сейчасъ-же поѣздайте въ сѣверную часть участка.

Онъ пожалъ плечами:

— Скорѣе тамъ же можно было ожидать такого скандала.

— Тамъ мы воду успѣли отвести.

— Проклятыя мѣста...

Въ тотъ же день поднялся сильный, до бури доходившій, вѣтеръ, продолжавшійся нѣсколько дней подрядъ.

Разлившійся Дунай представлялъ изъ себя цѣлое море, и на горизонтѣ этого моря едва синѣли тамъ, на той сторонѣ, горы Добруджи. На всемъ пространствѣ отъ Рени до Галаца вода поднялась почти до полотна дороги и большія волны теперь хлестали въ насыпь. Одно за другимъ размывались укрѣпленія изъ огромныхъ ящиковъ, засыпанныхъ камнемъ. Мѣстами еще торчали эти укрѣпленія, но за ними вмѣсто насыпи была только вода: насыпь смыло и рельсы висѣли на-вѣсу, только мѣстами прикасаясь еще къ кой-гдѣ уцѣлѣвшему полотну. Попытки засыпать промывы мѣшками, наполненными землей, были бесполезны. Не хватило бы ни рукъ, ни мѣшковъ.

Къ прїѣзду комиссіи изъ Бендеръ не существовало полотна на протяженіи 30-ти верстъ. Комиссію встрѣтили и Мاستицкій, и Карташовъ на станціи Трояновъ Валь.

Карташовъ волновался, боялся упрековъ, выраженія неудовольствія, а Мاستицкій былъ совершенно спокоенъ. Ожиданія Карташова не оправдались.

Къ Мاستицкому отнесли еще съ большимъ, чѣмъ обыкновенно, уваженіемъ и ни у кого и тѣни не было сомнѣнія, что все, что только можно было сдѣлать,—было сдѣлано.

Это довѣріе успокоило Карташова и развязало его языкъ.

Мастицкій угрюмо молчалъ, а Карташовъ, сидя въ

вагонѣ, пока поѣздъ шель еще не по его участку рассказывалъ все пережитое.

На границѣ участка поѣздъ остановился и Мастицкій сказалъ Карташову:

— Ну, идите на паровозъ и везите насъ до тѣхъ, поръ, пока можно будетъ. Только не трусьте и протяните поѣздъ возможно дальше.

„Свинья,—думалъ Карташовъ, идя къ паровозу,—когда я показалъ ему свою трусость, чтобъ дать ему право такъ компрометировать меня передъ всей комиссіей?“

Онъ взобрался на паровозъ и поѣздъ тронулся.

Вхали съ паровозомъ опять инженеръ-технологъ Савельевъ и его машинистъ. При машинистѣ Савельевѣ былъ сдержанъ, какъ будто побаиваясь своего угрюмаго, несообщительнаго начальника.

Карташовъ подъ впечатлѣніемъ послѣдней сцены былъ тоже молчаливъ и подавленно смотрѣлъ на путь.

При подходѣ къ мосту черезъ Прутъ начались обвалы. Иногда полотно отъ обваловъ было уже безъ откосовъ и отвѣсно спускалось на нѣсколько саженъ внизъ. При проходѣ поѣзда оно вздрагивало и куски земли, отрываясь, съ шумомъ падали.

Карташовъ напряженно мучился, гдѣ остановить поѣздъ, чтобъ опять не заслужить упрека въ трусости. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ обвалъ подошелъ подъ самую шпалу и гдѣ при проходѣ сразу ухнула глыба, обнажившая путь чуть не до половины шпалы, Карташовъ отчаянно закричалъ:

— Стопъ!

Изъ задняго вагона лѣниво выходило начальство Мастицкій еще издали крикнулъ:

— Ну, чтожъ вы струсили?

У Карташова вся кровь прилила къ лицу и слезы показались на глазахъ. Дрожащимъ отъ обиды голосомъ онъ отвѣтилъ подошедшимъ Цакомову и Мастицкому:

— Если хотите, я поѣду и дальше.

— Ну, что вы, Пшемыславъ Фаддѣвичъ,—куда же дальше? — Усмѣхнулся Пахомовъ. — Это предѣлъ и дальше даже на полвершка нельзя.

Карташовъ готовъ былъ обнять и расцѣловать за эти слова Пахомова.

Подошедшій инспекторъ тоже грубо бросилъ:

— Куда тутъ къ чорту дальше? Прямо туда?

Онъ ткнулъ пальцемъ внизъ.

Вмѣсто поѣзда подали двѣ дрезины.

На первую сѣло старшее начальство съ Мастицкимъ, на вторую второстепенное, съ Карташовымъ.

Когда подѣхали къ безднѣ у моста, начальство съ обѣихъ дрезинъ сошло и отправилось пѣшкомъ въ обходъ провала. Остался только Мастицкій. Видя это, остался и Карташовъ, не понимая, зачѣмъ онъ остался, когда даже и рабочіе ушли.

Мастицкій не счелъ нужнымъ объяснять Карташову, что хотѣлъ онъ дѣлать, а Карташовъ еще сердился на него за упреки въ трусости и не спрашивалъ.

Скоро, впрочемъ, выяснились его намѣренія. Мастицкій сталъ на свою дрезину и сталъ вертѣть ручку, приводящую дрезину въ движеніе. Дрезина все быстрѣе стала приближаться къ пропасти.

Карташовъ замеръ, понявъ, что Мастицкій рѣшилъ переѣхать пропасть по этому висячему полотну, которое, протянувшись на сотни сажень надъ бездною и пригнувшись отъ собственной тяжести, казалось, вотъ— вотъ оборвется.

Карташовъ былъ близокъ къ обмороку. Его затошнило, зеленые круги показались въ глазахъ, похолодѣли руки и ноги.

„Подлецъ!“ — пронеслось въ его головѣ, — „самъ ищетъ смерти и, чтобъ донять, и меня за собой тащить“.

Злоба, ненависть, отчаяніе охватили его. Онъ быстро

вскочилъ на свою дрезину и тоже привелъ ее въ движеніе.

Напрасно Мастицкій кричалъ ему:

— Подождите, пока я переѣду!

Карташовъ только злобно смотрѣлъ ему въ упоръ и сильнѣе налегаль на ручку.

Обѣ дрезины повисли надъ бездной. Обходившіе, не ожидавшіе такого рѣшенія вопроса, такъ какъ Карташовымъ были заготовлены лошади для перевозки въ этомъ мѣстѣ дрезинъ, стояли, какъ вкопанные, и слѣдили за страшнымъ спортомъ двухъ ссорившихся между собою инженеровъ.

— Ахъ, сумасшедшіе! — шепталь Борисовъ. — Ахъ, черти полосатые: они готовы на-смерть загрызться въ работѣ! Ихъ необходимо разнять, а то они доведутъ другъ друга до смерти.

— Да,—угрюмо согласился Пахомовъ.

Посреди бездны Карташовъ, старавшійся не смотрѣть внизъ, все-таки посмотрѣлъ,—и чуть не потерялъ сознанія отъ мелькнувшей тамъ, внизу, чайки. Въ глазахъ у него поблѣгло, какъ поблѣгло и онъ самъ, и казалось ему, что стоитъ и вертитъ онъ уже послѣ смерти, переживъ всѣ ужасы паденія.

Осмотръ размывовъ окончился разводомъ моста на Прутѣ, который строилъ Ленаръ.

Мастицкій окончателью слегъ, предоставивъ Карташову разводить мостъ, сказавъ сквозь зубы, что проектъ моста въ конторѣ.

— Зачѣмъ еще проектъ? — подумаль Карташовъ и приступилъ къ разводкѣ.

Черезъ пять часовъ мостъ былъ разведенъ, чтобъ пропустить уже мѣсяцъ ждавшія разводки суда и больше уже не сводился.

И начальство, и Карташовъ остались совершенно довольны разводкой и вслѣдъ затѣмъ, сопровождаемые

Карташовымъ, уѣхали обратно, порѣшивъ не возобновлять больше линію между Рени и Галацомъ.

Когда на границѣ участковъ Карташовъ пересѣлъ въ вагонъ, его ждалъ пріятный сюрпризъ.

Начальникъ сосѣдняго участка, жившій въ Трояновомъ Валѣ, уходилъ и Пахомовъ поздравилъ Карташова съ новымъ назначеніемъ — начальникомъ этого участка.

Когда Карташовъ возвратился въ Рени, Мاستицкій не съ обычной своей угрюмостью сказалъ ему радушно:

— Поздравляю васъ.

— Вы развѣ уже знаете?

Мастицкій только усмѣхнулся.

Карташовъ вспомнилъ, какъ Пахомовъ, Мاستицкій и инспекторъ отдалялись и долго о чемъ-то говорили. И Карташову казалось тогда обиднымъ это и онъ думалъ: какіе секреты могутъ быть у этихъ людей отъ него? Теперь онъ все понялъ: рѣчь была о его назначеніи. Отъ Мاستицкаго же онъ узналъ, что сперва инспекторъ былъ противъ, доказывая, что пока онъ, Карташовъ, ничѣмъ еще серьезнымъ не зарекомендовалъ себя, такъ какъ нельзя же заслугой считать хотя бы и стихійное разрушеніе полотна на протяженіи 30 верстъ. Въ концѣ концовъ инспекторъ все-таки сдался и, только махнувъ рукой, сказалъ:

— Ну, теперь вся линія, кромѣ перваго участка, въ рукахъ бунтовщиковъ: хоть не ѣди...

Въ теченіе недѣли, пока Карташовъ сдавалъ дѣла новому своему замѣстителю, у него установились съ Мاستицкимъ отношенія, совершенно непохожія на ихъ прежнія. Дѣлить имъ между собой было больше нечего, свое раздраженіе Мاستицкій уже перенесъ на новаго помощника и грызъ его поѣдомъ и уже за дѣйствительно нерадивое отношеніе къ дѣлу, а къ Карташову относился любовно и съ уваженіемъ.

Что до Карташова, то тотъ прямо боготворилъ теперь Мастицкаго.

Обладая громаднымъ опытомъ и дѣловитостью, Мастицкій прежде скупой на совѣты, теперь не уставалъ дѣлиться съ Карташовымъ своими значіями, давая совѣты, какъ вести дѣло на участкѣ. Казалось прежде, что Мастицкій совершенно не интересовался чужими дѣлами, но теперь оказалось, что онъ рѣшительно все зналъ, что дѣлалось у его сосѣда, котораго теперь смѣнялъ Карташовъ, зналъ качества и свойства и его самого и всѣхъ его служащихъ, давая имъ точныя и, какъ потомъ оказалось, совершенно вѣрныя характеристики. Особенно предупреждалъ онъ Карташова относительно участковаго бухгалтера, онъ же и письмоводитель и вообще правая рука начальника участка.

— Самъ Семеновъ—начальникъ участка—былъ честный человекъ, но большой ротозѣй, а его конторщикъ, тотъ уже прямо воръ отъявленный: онъ развелъ на участкѣ сплошное воровство. Дорожные мастера безбожно приписываютъ въ табеляхъ рабочихъ: работаетъ 20 человекъ, а они показываютъ и сто, и двѣсти. Со всѣхъ подрядчиковъ беретъ... Первымъ дѣломъ его надо прогнать, затѣмъ на первыхъ порахъ придется вамъ постоянно объѣзжать линію и считать самому рабочихъ, отмѣчая число ихъ на данный день въ записной книжкѣ, а когда дорожные мастера представятъ за эти дни табеля—свѣрять и попавшихся дорожныхъ мастеровъ безъ сожалѣнія гнать.

Прощаніе Карташова и Мастицкаго было очень сердечное и Карташовъ еще долго и любовно смотрѣлъ изъ окна вагона на эту худую, какъ скелеть, мрачную, съ темнымъ лицомъ, въ темныхъ очкахъ, понурю фигурку, казалось, оторванную отъ всего міра и стоявшую теперь одиноко на исчезающемъ изъ глазъ перронѣ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда, Мастицкій окончательно свалился и его, уже на рукахъ, перенесли въ вагонъ и увезли куда-то за границу лѣчиться.

Провезли его черезъ Трояновъ Валъ ночью и такъ и не видаль его больше Карташовъ, такъ какъ Мастицкій назадъ не возвратился.

XXII.

Переѣхавъ въ Трояновъ Валъ, Карташовъ съ еще большей энергіей принялся за работу. Никогда не предполагалъ онъ въ себѣ такого запаса энергіи, любви къ дѣлу, охоты работать, какая все больше и больше обнаруживалась въ немъ. И неужели это онъ, праздный, лѣнивый шалопай въ институтѣ, котораго къ наукамъ, занятіямъ, работѣ не притянешь бывало никакими арканами?

Въ суткахъ было мало часовъ и тоска охватывала Карташова, когда надо было ложиться спать и прерывать на нѣсколько часовъ интересную, захватившую его всего, работу. И съ первымъ лучомъ солнца онъ уже былъ на ногахъ и съ первымъ отходившимъ поѣздомъ уѣзжалъ на линію.

Никто ему не мѣшалъ. Помощникъ его, Колѣньевъ, толстый, лѣнивый техникъ, по годамъ годившійся ему въ отцы, не ударилъ палець-о-палець и только съ благодушіемъ папаши залучалъ иногда Карташова поѣсть у него всякихъ рѣдкостей, разводить которыя былъ великій мастеръ Колѣньевъ.

Онъ всецѣло завладѣлъ участковымъ огородомъ и парниками, и оранжереями, и тамъ было все, что только могутъ дать парники и оранжереи: и цвѣты, и ягоды, и фрукты, и ранніе огурцы, и всякая зелень.

Во дворѣ у него былъ цѣлый птичникъ и звѣри-нецъ: всегда наготовѣ откормленные каплуны, индѣйки;

гуси, были даже фазаны. Были поросята и готовились большія свиньи, откармливались медвѣдь, дикая коза, журавль. И каждому давалась особая пища и на это уходилъ весь день. На это да на ѣду. Онъ и на кухлѣ самъ руководилъ стряпней и столъ его могъ, навѣрно, поспорить со столомъ самыхъ записныхъ гурмановъ. Къ домашнимъ издѣліямъ, ко всякимъ вареньямъ и соленьямъ прибавлялись привозныя закуски и блюда: всегда бывала какая-нибудь рѣдкостная рыба, особая изъ Адриатики ветчина, свѣжая икра, креветки, особая водка—для сна, для желудка, для лихорадки, просто для здоровья. Сервировка была безукоризненная, чистота поразительная, все было свѣжо, аппетитно и больше всего придавалъ аппетита всему самъ поваръ—хозяинъ, радушный, ласковый, съ громаднымъ, толстымъ туловищемъ, изъ котораго высывалась, какъ у черепахи, маленькая оплывшая головка.

— Ну, теперь,—говорилъ наставительно Карташову Андрей Васильевичъ Колѣньевъ,—бросьте всѣ дѣла, все, все выбросьте изъ головы и пусть кровь прильетъ къ желудку и поможетъ ему сдѣлать, какъ слѣдуетъ, самое важное дѣло въ жизни, потому, во-первыхъ, что только въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа, а во-вторыхъ, потому что, какъ говоритъ мой портной-еврей, унесемъ мы съ собою отсюда, съ земли, только свой послѣдній обѣдъ. Это только и есть настоящая наша, никѣмъ неотъемлемая собственность. Все остальное—весь міръ, дѣла, любовь,—все временно, все проходитъ: *Tout passé, tout cassé, tout lassé...* Помните твердо это и ѣшьте много, не торопясь, и хорошо разжевывайте.

И Андрей Васильевичъ, дѣйствительно, обладалъ удивительной способностью заставлятъ людей ѣсть, вдумываться и смаковать все то, чѣмъ угощалъ онъ. И онъ умѣлъ заинтересовать во время ѣды исторіей своихъ блюдъ.

Онъ разсказывалъ просто, безъ претензій, всегда съ большимъ юморомъ и гости весело смѣялись и громче всѣхъ и веселѣе всѣхъ начальникъ станціи, князь Шаховской. Онъ былъ самымъ частымъ гостемъ Колѣньева, иногда даже, если служба позволяла ему, помогая ему въ хозяйствѣ и приготовленіяхъ.

Иногда обѣды Колѣньева удостаивала своимъ присутвіемъ жена князя Ксенія Ардальоновна. Князь былъ хорошій служака, бурливый, веселый, лѣтъ 40 мужчина, не дуракъ выпить, большого роста, полный, съ громадными, кверху немного расчесанными усами.

Княгиня тоже высокая, молодая, блѣдная, съ правильными чертами лица, загадочная, молчаливая, точно потерявшая и безнадежно ищущая что-то. Только въ присутствіи своей маленькой двухлѣтней дочки она точно просыпалась, и, казалось, находила часть того, что искала.

Иногда и во взглядѣ на Карташова чувствовалось то-же удовлетвореніе, какое она испытывала смотря на дочь. Этотъ взглядъ передавался Карташову и онъ чувствовалъ себя хорошо въ ея присутствіи.

Убѣжая утромъ въ разсвѣтъ, онъ смотрѣлъ на окна ея спальни и думалъ о ней, стараясь сквозь стѣны проникнуть къ ней, въ ея загадочную душу.

Обѣды у Колѣньева, когда присутствовала Ксенія Ардальоновна, были еще торжественнѣе и хозяинъ еще болѣе священнодѣйствовалъ.

Послѣ обѣда конца не было десерту изъ фруктовъ, конфектъ и всякихъ рѣдкостей.

Но и послѣ этого хозяинъ энергично удерживалъ гостей, доказывая, что надо часъ, два еще просто посидѣть удобно, на турецкихъ диванахъ, подложивъ подъ спины подушки, доказывая необходимость этого кейфа.

— Дайте, — горячо убѣждалъ онъ, — желудку сдѣлать свое дѣло. Не отвлекайте его. Пусть вся кровь

приливаетъ къ нему. Чтобъ ни о чемъ не думать послѣ обѣда, я завелъ двухъ маленькихъ собачекъ и такъ выдрессировалъ ихъ, что нельзя на нихъ безъ смѣха смотрѣть. А смѣхъ послѣ обѣда — это тотъ-же желудочный сокъ,—онъ перерабатываетъ все безъ остатка.

Когда бывала княгиня, Карташовъ давалъ себя уговорить, а князь, не соглашаясь въ этомъ съ Колѣньевымъ, уходилъ спать. Тогда княгиня и Карташовъ чаще смотрѣли другъ другу въ глаза и веселѣе смѣялись смѣшнымъ продѣлкамъ собаченокъ и ихъ хозяина. Хорошѣли глаза княгини, красивый рядъ зубовъ ея сверкалъ бѣлизной, блѣдныя щеки покрывались нѣжнымъ, какъ будто стыдливымъ, противъ воли, румянцемъ и сердце Карташова радостнѣе билось.

А затѣмъ княгиня уходила домой, Карташовъ почтительно провожалъ ее домой и самъ уважалъ на линію, еще веселѣе отдаваясь работѣ.

Работы было много и каждый день Карташовъ придумывалъ все новую и новую комбинацію этихъ работъ. Такъ, между прочимъ, на участкѣ у него былъ подрядчикомъ по землянымъ работамъ и балластировкѣ пути старый его знакомый Ратнеръ. Цѣна со времени постройки за балласты оставалась по-прежнему по 12 р. за кубъ. Балластный карьеръ былъ у самой линіи, балластъ брался прямо съ карьера и развозился по линіи поѣздами. Ратнеръ такимъ образомъ до десяти рублей съ куба клалъ себѣ въ карманъ.

При послѣднемъ проѣздѣ комиссіи было рѣшено добавить на участокъ три тысячи кубовъ балласта и работу передать Ратнеру.

Карташовъ телеграфировалъ Пахомову, что въ настоящее время можно работать гораздо дешевле и просилъ разрѣшенія, во-первыхъ, за своей отвѣтственностью сдать, подрядчикамъ на мѣстѣ эту работу и въ счетъ возможныхъ остатковъ отъ этой работы прибавить балласту, а также досыпать полотно дороги.

Такимъ образомъ въ карьерѣ все—и вскрышка верхняго, не балластнаго слоя и самъ балластъ шли бы въ дѣло.

Получивъ согласіе Пахомова, Карташовъ сталъ прискивать подходящаго подрядчика.

Какъ разъ въ тотъ день, на вокзалѣ, робко подошелъ къ нему молодой человѣкъ съ просьбой дать ему каку-нибудь службу.

— Службы у меня никакой нѣтъ, а вотъ, если хотите, возьмите подрядъ на балластировку и возку земли.

— Я, г-нъ начальникъ, этого дѣла не знаю...

— Я васъ научу... Я предлагаю вамъ 2 р. 20 к. за кубъ, при чемъ 2 р. будетъ стоить работа, а 20 к. будетъ вашъ заработокъ. Это составитъ тысячи двѣ. За этотъ заработокъ я беру гарантію на себя,

— Въ такомъ случаѣ я, конечно, согласенъ.

— Ну, и отлично. Какъ ваша фамилія?

— Вольфсонъ.

— Идите къ моему письмоводителю и скажите ему, чтобъ писалъ съ вами условіе по образцу Ратнера. Назадъ я буду къ пяти часамъ. Ждите меня здѣсь. Пусть письмоводитель попроситъ и Ратнера придти къ поезду. Только ни вы, ни письмоводитель Ратнеру пока ничего не говорите.

Къ пяти часамъ Карташовъ, какъ обѣщалъ, приѣхалъ съ поездомъ съ линіи.

И Ратнеръ, и новый подрядчикъ, и письмоводитель были уже на платформѣ. Былъ и выпавшійся уже начальникъ станціи и прогуливавшійся съ нимъ Колѣньевъ.

Карташовъ поздоровался съ ними и рассказалъ, что сейчасъ сдѣлаетъ.

Онъ подошелъ къ Ратнеру и сказалъ:

— Г-нъ Ратнеръ, вамъ, какъ старому подрядчику, я отдаю предпочтеніе. Мнѣ нужно 12 тысячъ кубовъ земли и балласта...

— 12 тысячъ?—радно удивился Ратнеръ.—Мнѣ говорилъ Пахомовъ 2 тысячи.

— Двѣнадцать. Я предлагаю вамъ три рубля за кубъ.

— Что?! О цѣнѣ, во всякомъ случаѣ, я буду говорить въ управленіи.

— Вы будете говорить о цѣнѣ со мной. Вотъ телеграмма начальника ремонта.

Карташовъ подалъ ему разрѣшительную телеграмму.

Князь, стоя поодаль съ Колѣньевымъ, вытянулъ шею и весело ждалъ.

Ратнеръ прочелъ, пожалъ плечами, сдѣлалъ прерывательное „пхе!“ и тупо задумался.

— Ну?—спросилъ Карташовъ.—Согласны?

— Что вы смѣтаете надо мной?

— Не смѣюсь и спрашиваю васъ въ послѣдній разъ: согласны?

— Не согласенъ и никто не можетъ согласиться.

— Петръ Ивановичъ,—закричалъ Карташовъ письмоводителю,—въ такомъ случаѣ пусть договоръ подписываетъ г. Вольфсонъ. Г-нъ Вольфсонъ изъяснилъ,—сказалъ Карташовъ, обращаясь къ Ратнеру,—согласіе работать по 2 р. 20 к. кубъ.

— Какой такой Вольфсонъ?

— Вотъ тотъ молодой человѣкъ.

— Тотъ прощальга, котораго я къ себѣ на 50 р. въ мѣсяць не захотѣлъ взять?

— Ну, это ужъ ваше дѣло. Князь, отправляйте насъ,—сказалъ Карташовъ, становясь на площадку тормааннаго вагона.

— Готово, путевзя отдана. Третій звонокъ!

Поѣздъ уже тронулся, а Ратнеръ все еще стоялъ, опустивъ голову, не двигаясь съ мѣста.

И вдругъ, быстро повернувшись, онъ бросился на Вольфсона и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ что-нибудь предпринять, вцѣпилъ руками въ его волосы.

Дальнѣйшаго Карташовъ не видѣлъ, такъ какъ та часть платформы, гдѣ были Вольфонъ и Ратнеръ, уже скрылась и виденъ былъ только князь и Колюбневъ. Колюбневъ, пригнувъ свою головку, молча смотрѣлъ, а князь, отвалившись и держась за бока, беззвучно, весь вздрагивая, смѣялся.

Второй большой работой на участкѣ была смѣна шпаль. Вслѣдствіе того, что балластировка на этомъ участкѣ была поздняя и недостаточная, шпалы почти сплошь успѣли подгнить. Да и качествомъ шпалы эти не удовлетворяли техническимъ требованіямъ и первой работой эксплуатаціи была смѣна этихъ шпаль. Но такъ какъ кредиты были ограничены, то сдѣлать сразу сплошную смѣну было нельзя и дѣлали частичную на остатки каждаго мѣсяца.

Карташовъ рѣшилъ сразу сдѣлать сплошную смѣну шпаль и разыскалъ средства для этого. Эти средства заключались въ слѣдующемъ. Въ распоряженіе начальника участка ежемѣсячно отпускалось по тысячѣ рублей на экстренныя надобности. Предшественникъ его за четыре мѣсяца не истратилъ изъ этихъ суммъ ни одной копейки. Остальную сумму Карташовъ выгдалъ изъ остатковъ на балластѣ.

Горячая работа сразу закипѣла по всей линіи участка. Носились земляные и балластные поѣзда, сотни рабочихъ смѣняли шпалы, подбивали ихъ новымъ балластомъ и выравнивали путь. Явилась возможность и все полотно досыпать до нормальной ширины и балластъ поднять до проектной высоты.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все уже было приведено въ порядокъ, линія приняла неузнаваемый видъ. На красивомъ, отточенномъ, свѣжемъ земляномъ полотнѣ рельефно, съ строго очерченными гранями высился балластный слой, выглядывали изъ него новенькія шпалы и двѣ пары рельсъ тянулись непрерывнымъ слѣдомъ. Какъ очарованный, смотрѣлъ съ поѣзда и

не могъ оторвать Карташовъ усталыхъ глазъ своихъ и отъ откантованныхъ ставокъ полотна и балласта и отъ прекрасно вырехтованнаго пути, по которому поѣздъ неся мягко, съ особымъ задумчивымъ гуломъ.

Всѣ артели, всѣ мастера, всѣ сторожа были на мѣстахъ, потому что съ каждымъ поѣздомъ могъ проѣхать неутомимый начальникъ участка и торопливо съ свернутыми флажками бѣжали къ переѣздамъ обыкновенно беременныя сторожихи, особенно боявшіяся и днемъ и ночью ѣздившаго и записывавшаго и грозившаго штрафомъ начальника участка. И всѣхъ ихъ въ лицо знали Карташовъ, постоянно экзаменуя ихъ, что и какъ они должны дѣлать,—если скотина забредетъ на путь, если пожаръ будетъ въ поѣздѣ, если путь окажется неисправнымъ.

Лучшимъ временемъ былъ вечеръ, когда усталый Карташовъ возвращался домой.

Тогда какъ будто оставляло его все напряженіе, отходили дѣла и онъ думалъ о себѣ.

Вѣрнѣе, не о себѣ, а о Аделаидѣ Борисовнѣ, пріѣздъ которой ожидался со дня на день.

Мавя бомбардировала его письмами и требовала точныхъ указаній, какъ ей дѣйствовать.

Карташовъ и хотѣлъ и боялся и, наконецъ, сдѣлалъ письменное, въ очень туманныхъ и витіеватыхъ выраженіяхъ, предложеніе Аделаидѣ Борисовнѣ. Уже на другой день онъ жалѣлъ. не такъ о томъ, что сдѣлалъ предложеніе, какъ о томъ, что сдѣлалъ въ такой глупой, натянутой формѣ. Но письмо ушло, возвратить его нельзя было и Карташовъ томительно ждалъ, стараясь угадать близкое будущее, стараясь представить себѣ черты Аделаиды Борисовны. Но черты расплывались, онъ не въ силахъ былъ связать ихъ въ одно и вмѣсто Аделаиды Борисовны на него внимательно смотрѣло блѣдное лицо княгини.

Форсированная работа на участкѣ подходила уже

къ концу, когда была получена срочная телеграмма о приѣздѣ на завтра генераль-губернатора, котораго будетъ сопровождать все желѣзнодорожное начальство съ Савинскимъ и Пахомовымъ во главѣ.

Въ Трояновомъ Валѣ, гдѣ генераль-губернаторъ долженъ былъ обѣдать и принимать депутацію населенія, сильно заволновались.

Колѣньевъ взялъ на себя добровольно помогать буфетчику, чтобъ обѣдъ вышелъ на славу.

Князь приставалъ къ Карташову:

— Вы убрали вашъ участокъ, какъ невѣсту, а моя станція грязна, какъ хлѣвъ, — дайте мнѣ нѣсколько поѣздовъ балласту, — приставалъ князь къ уѣзжавшему навстрѣчу начальству Карташову.

— Ну, берите, — согласился Карташовъ и, отдавъ соотвѣтственныя распоряженія, уѣхалъ.

На другой день, сидя съ своимъ начальствомъ въ служебномъ заднемъ вагонѣ съ зеркальными окнами на путь, Карташовъ могъ наблюдать эффектъ, когда поѣздъ мягко и плавно, съ усиленной скоростью помчался по его участку.

Молчали Савинскій, Пахомовъ, инспекторъ, молчалъ Карташовъ, смущенно сгорбившись и прячась за спиной Пахомова.

Сосѣдній начальникъ участка Бызовъ тыкалъ Карташова въ бокъ и шепталъ:

— Вотъ свинью подложили! Вотъ подкачали!

Наконецъ, Пахомовъ угрюмо спросилъ:

— Много такого пути у васъ?

— Весь.

— И вездѣ сплошная перемѣна?

— Вездѣ.

— Утму денегъ перерасходовали?

— Я изъ смѣты не вышелъ.

Савинскій и Пахомовъ молча переглянулись.

Савинскій быстро всталъ и сказалъ весело:

— Нѣтъ, надо генераль-губернатора пригласить.

Онъ отправился и привелъ генераль-губернатора.

Усаживаясь, генераль-губернаторъ привѣтливо бросилъ Карташову:

— Съ вашимъ покойнымъ батюшкой, Николаемъ Семеновичемъ, мы были добрые друзья.

Но довершила эффектъ станція Трояновъ Валъ.

Князь и Колѣнневъ успѣли чудеса сдѣлать.

Вся платформа станціи и поѣзда были усыпаны свѣжимъ, еще влажнымъ пескомъ. Стѣны станціи были красиво декорированы свѣжей зеленью.

Въ пассажирскомъ залѣ былъ эффектно приготовленъ столъ и весь залъ былъ превращенъ въ оранжерею.

Когда генераль-губернаторъ занялся приѣмомъ депутаціи, мрачный инспекторъ, взявъ подъ руку Карташова, сказалъ:

— Вы прямо магъ и волшебникъ. Полтора мѣсяца всего назадъ мы были на этомъ участкѣ и онъ былъ сплошная мерзость заустѣнія.

Онъ покачалъ головой.

— Вижу, вижу самъ теперь, что вы не только бунтовать, но и дѣло дѣлать умѣете.

Въ это время сторожъ подаль Карташову двѣ телеграммы.

Карташовъ прочелъ: „я приѣхала сегодня, завтра назначенъ нашъ отъѣздъ, была бы счастлива увидѣть васъ, Адель“.

Вторая телеграмма была отъ Мани:

„Деля твоя“.

Кровь сильно ударила въ голову Карташова. Отъ предыдущихъ всѣхъ волненій, напряженія, голова его сразу заболѣла до тошноты, до зеленыхъ круговъ.

Инспекторъ отошелъ отъ него и, подойдя къ Борису, сказалъ:

— Что-то неладно съ Карташовымъ, — какую-то неприятную телеграмму получилъ...

Борисовъ быстро подошелъ и спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

Карташовъ отвелъ его и разсказалъ въ чемъ дѣло.

— Почему же у васъ такой несчастный видъ?

— У меня голова вдругъ такъ заболѣла, что я едва могу стоять и во всякомъ случаѣ поспѣть въ Одессу никакъ ужъ не могу.

— Ну, это еще подумаемъ.

— Да, чтожъ думать? На крыльяхъ не перелетишь.

Губернаторъ кончилъ пріемъ и сѣлъ обѣдать. Около него возился и ублажалъ его Колѣньевъ.

Всѣ были въ восторгѣ и отъ ѣды и отъ Колѣньева, а когда кончился обѣдъ, всѣ за губернаторомъ отпра- вились въ вагоны.

— Вы оставайтесь и поѣзжайте въ Одессу, — ска- залъ Пахомовъ, ласково пожимая Карташову руку и особенно загадочно смотря ему въ глаза, — насъ дальше проводить Колѣньевъ.

Также ласково и особенно пожалъ ему руку Савинскій:

— Мой сердечный привѣтъ вашимъ.

Инспекторъ мрачно сказалъ:

— Я нарядилъ экстренный поѣздъ, на которомъ вы успѣете до завтра пріѣхать въ Одессу. Какъ только мы отъѣдемъ, вамъ этотъ поѣздъ подадутъ.

— Я такъ благодаренъ, такъ благодаренъ, — гово- рилъ растерявшійся Карташовъ.

Поѣздъ уже трогался, ему весело кивали изъ оконъ служебнаго вагона и всѣ лица были такія добрыя, привѣтливыя, ласковыя, что слезы выступили на гла- захъ Карташова и онъ готовъ былъ всѣхъ ихъ обнять и расцѣловать.

Черезъ часъ и Карташовъ уже мчался въ экстренномъ поѣздѣ изъ одного пассажирскаго и одного служеб- наго вагона съ большими зеркальными окнами на путь, лежа на богатомъ и мягкомъ диванѣ зрительной залы вагона. И, еслибы не страшная головная боль, Карта-

шовъ считалъ бы себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мѣрѣ. Сознаніе этого счастья охватывало по временамъ Карташова жуткимъ страхомъ, что вотъ сразу все это рухнетъ и дорого придется расчитываться за эти минуты благополучія. Головная боль являлась какъ бы искупленіемъ этого полного блаженства и, плотно прильнувъ къ подушкѣ, Карташовъ радостно мирился съ ней, не думая, такъ какъ думать не могъ, а угадывая завтрашній свой счастливый день, когда больше не будетъ болѣть голова, когда онъ увидитъ и почувствуетъ ту, которая до сихъ поръ казалась ему такой недосыгаемой и которая отнынѣ его вѣчная спутница на землѣ. Вѣчная и безконечно дорогая, которую боготворилъ онъ, молился на нее, какъ на свѣтлаго ангела, снизошедшаго къ нему грѣшному, грязному, чтобъ унести навсегда въ свѣтлый, чистый мѣръ любви, правды, добра.

Такъ и заснулъ онъ съ тяжелой головой и съ легкимъ сердцемъ.

И проснулся, только подъѣзжая къ Одессѣ, проспавъ шестнадцать часовъ подрядъ.

Головной боли, какъ не бывало. Свѣжій и радостный, онъ бросился въ уборную умываться, такъ какъ поѣздъ уже вышелъ съ послѣдней станціи Гниляково.

Вотъ уже и большой вокзалъ. Вотъ мчится и извивается уже поѣздъ между знакомыми дачами съ зелеными деревьями. Опять весна и въ открытыя окна несетя и охватываетъ неуловимый аромат цвѣтущихъ акацій, молодыхъ лучей солнца, радостей жизни, и сердце тревожно и полно бьется подъ мѣрный стукъ колесъ и грохотъ поѣзда.

Съ размаху останавливается онъ въ облакахъ пара и дыма и уже видитъ Карташовъ въ окна вагона тамъ на платформѣ Маню и рядомъ съ ней... его сердце замираетъ... Аделаида Борисовна, напряженная, робкая и радостная, ищущая его глазами.

Она спѣшитъ, качаясь еще отъ толчка, цѣлуетъ ей руку. Маня властно командуетъ:

— Цѣлуйтесь въ губы!

И когда они исполняютъ ея приказаніе и Аделаида Борисовна при этомъ вся краснѣетъ, Маня весело говоритъ:

— Вотъ такъ!

И всѣ трое смѣются.

Съ ними смѣется веселое утро, смѣется солнце, весь городъ своими звонкими мостовыми, смѣющийся трескъ которыхъ отчетливо разносится въ раннемъ утрѣ.

— Вотъ что, — диктуетъ дальше Маня, — прямо отсюда пожалуйста къ папѣ на могилу, — тамъ никто вамъ мѣшать не будетъ сговориться, а я поѣду домой.

И уже вдвоемъ только съ Аделаидой Борисовной они ѣдутъ, киваютъ головами Манѣ.

Маня не торопится брать себѣ извозчика и стоитъ теперь серьезная, задумчивая и долго еще смотреть имъ вслѣдъ.

Вотъ и кладбище, прямая аллея къ церкви, отсюда по знакомой тропинкѣ, держась за руки, идутъ Карташовъ и Аделаида Борисовна. Уже мелькаетъ между деревьями мрачная, развалившаяся башня памятника, съ золотой арфой когда-то на ней и улетавшимъ ангеломъ.

Вотъ и ограда съ могилой отца, съ мраморнымъ крестомъ надъ ней.

Карташовъ, снявъ шапку, стоитъ и смотритъ на стоящую на колѣняхъ свою невѣсту и переживаетъ миллионъ всякихъ ощущеній: обрывки воспоминаній, связанныхъ съ этимъ мѣстомъ изъ давно прошедшаго, волну настоящаго, такъ сразу нахлынувшую, что онъ потерялся совсѣмъ въ ней и не можетъ найти ни себя, ни словъ и хочетъ онъ, чтобъ она подольше молилась, чтобъ успѣлъ онъ хоть немного придти въ себя.

Но она уже встаетъ, и онъ говоритъ безсвязно, не находя словъ:

— Все это такъ быстро, неожиданно... Я такъ счастливъ... всю свою жизнь я посвящу, чтобъ отблагодарить васъ... Я съ перваго мгновенья, какъ только увидѣлъ васъ, я рѣшилъ, что мнѣ вы или никто... но я считалъ всегда все это такимъ недосягаемымъ, я гналъ всякую мысль объ этомъ...

Къ его сердцу радостно прилила кровь и охватила счастливымъ сознаниемъ переживаемаго мгновенья, сознаниемъ, что его Дея около него, смотритъ на него, онъ можетъ теперь здѣсь, среди вѣчнаго покоя и равнодушія мертвыхъ, цѣловать ее.

Постепенно они оба вошли въ колею. Аделаида Борисовна поборола свое смущеніе, Карташовъ нашель себя.

— Ахъ, какъ хорошо Маня придумала отправить насъ на кладбище,—говорилъ черезъ два часа Карташовъ, сидя рядомъ и обнимая свою невѣсту.—Только здѣсь, не стѣсняясь всѣми этими милыми хозяевами, могли мы такъ сразу открыть и сказать все, что хотѣли. Тамъ будетъ свадьба еще, но настоящій день, мгновенье, съ котораго начинаемъ мы нашу жизнь вмѣстѣ — сегодняшній, здѣсь на кладбищѣ, въ этой тишинѣ и ароматѣ вѣчной жизни. И здѣсь я клянусь и беру въ свидѣтели всѣхъ хозяевъ этого вѣчнаго, что буду тебя вѣчно любить, вѣчно боготворить, вѣчно молиться на тебя!

Карташовъ быстро упалъ на колѣни и, прежде чѣмъ Аделаида Борисовна успѣла опомниться, поцѣловалъ кончикъ ея ботинки.

Аделаида Борисовна судорожно обхватила руками шею Карташова и прильнула къ нему.

Слезы текли по ея лицу и она шептала:

— Я такая была несчастная... вся жизнь моя такъ тяжело складывалась... И такъ счастлива теперь...

Она не могла сдержать рыданій, а Карташовъ поцѣлуями осушалъ ея слезы. Она смѣялась и продолжала опять плакать, тихо повторяя:

— Теперь я плачу уже отъ счастья...

Она заговорила спокойнѣе:

— Я росла очень болѣзненнымъ ребенкомъ. Нѣсколько разъ я была такъ больна, что думали, что я не выживу. Мать моя рано умерла, мнѣ было всего три года... Отецъ женился на другой... Отецъ любилъ насъ, но мачеха...

Она съ усиленіемъ закончила:

— Не любила никогда... Мы всегда росли съ гувернанткой внизу и приходили навверхъ только къ обѣду... Мачеха меня считала особенно капризной... Въ десять лѣтъ меня уже увезли за границу въ пансіонъ и я тамъ семь лѣтъ пробыла... Каждый годъ отецъ съ мачехой прѣѣзжали къ намъ на нѣсколько дней, но никогда безъ мачехи мы съ отцомъ не провели ни одной минуты... Она очень любитъ отца и боится, что онъ удѣлитъ хоть что-нибудь намъ...

Она радостно посмотрѣла въ глаза Карташову:

— Теперь мнѣ и не надо никого!

Карташову было такъ жаль, такъ чувствовалъ онъ теперь ее въ своемъ сердцѣ, онъ обнималъ и цѣловалъ ее и говорилъ ей, что будетъ счастливъ, если замѣнитъ ей и мужа, и друга, и отца, и мать.

Надо было ѣхать домой, но Аделаида Борисовна хотѣла немного еще подождать, чтобъ просохли ея глаза, и Карташовъ началъ рассказывать ей изъ своихъ воспоминаній, связанныхъ съ кладбищемъ.

— Вотъ эта дорожка,—говорилъ онъ,—ведетъ прямо къ стѣнѣ, отдѣляющей кладбище отъ нашего дома.

— Это далеко отсюда?

— Нѣтъ, близко.

— Можно пойти посмотрѣть.

Сборникъ. Книга XIX.

Радостный и счастливый Карташовъ повелъ ее по дорожкѣ, по которой много лѣтъ назадъ такъ часто бродилъ. И такъ живо вставали въ памяти друзья дѣтства: Яшка, Гаранька, Колька. Вѣчно все такими же, какъ были, запечатлѣлись они и, казалось, вотъ-вотъ выскочать изъ-за какого-нибудь памятника, вотъ-вотъ опять услышать онъ ихъ звонкіе, возбужденные голоса и опять будетъ двоиться онъ между желаньемъ быть и никогда не разставаться съ ними и страхомъ, что назначенный срокъ прошелъ и давно уже ждетъ его мать, для того, чтобъ заниматься, для того, чтобъ играть онъ съ сестрами, быть дома и дѣлалъ все то дѣло, къ которому не лежала душа, которое не имѣло ничего общаго съ его друзьями и ихъ жизнью.

— Вотъ и стѣна!—сказалъ Карташовъ:

Темно-сѣрая, старая, изъ известковаго камня стѣна была передъ ними, съ рядами едва замѣтныхъ могильныхъ бугорковъ, съ деревянными, кое-гдѣ сохранившимися, крестами.

Мертвая тишина царила кругомъ, изъ знакомой щели между камнями по-прежнему озабоченно выглядывалъ изъ своего гнѣзда воробей, присѣла на мгновенье у другой щели ласточка, озабоченно и безъ толку ползаетъ вверхъ по стѣнѣ толстый жукъ и, робко прижавшись къ самой стѣнкѣ, растутъ все тѣ же цвѣты: васильки, ромашка, застилаетъ своими круглыми листочками землю, а тамъ голый, треснувшій бугорокъ и подъ нимъ, навѣрно, шампиньонъ. Карташовъ нагнулся и привычной рукой вырылъ цѣлое гнѣздо шампиньоновъ.

— А вотъ еще!

И они быстро набрали два полныхъ платка.

— Помню, какой въ дѣтствѣ высокой казалась мнѣ эта стѣна. Вотъ въ этомъ мѣстѣ мы всегда черезъ нее перелѣзали.

— Какъ интересно было бы посмотреть на вашъ домъ!

— Если хочешь, полѣземъ на стѣну.

— Не страшно?

— Ну! вотъ по этимъ дыркамъ, какъ по лѣстницѣ, я полѣзу впередъ и подамъ руку.

Карташовъ залѣзъ на стѣну, легъ на нее и спустилъ руку.

Аделаида Борисовна добралась до его руки и дальше уже съ его помощью взобралась на стѣну.

Во всей ея фигурѣ были и страхъ не упасть и желаніе поскорѣе все увидѣть. Пригнувшись, она смотрѣла, а Карташовъ, держа ее одной рукой, другой показывалъ ей садъ, домъ, сарай, горку и объяснялъ:

— Хотите прыгнемъ въ садъ?

— Ой?

— Я обниму тебя и мы сразу прыгнемъ и такимъ образомъ, поддерживая тебя, я оттяну твое паденіе.

Аделаида Борисовна весело и нерѣшительно смотрѣла внизъ.

— Только сразу надо: когда я скажу три—прыгать! Ну, разъ, два, три...

Карташовъ прыгнулъ, а Аделаида Борисовна еще не собралась и онъ потянулъ ее, и оба, потерявъ равновѣсіе, упали на землю. Оба испачкались, Аделаида Борисовна ушибла руку, бокъ и до крови оцарапала щеку. И вытереть кровь нечѣмъ было, такъ какъ платки съ грибами остались на той сторонѣ.

Карташовъ былъ очень сконфуженъ, извинялся, а Аделаида Борисовна, подавляя боль, улыбалась и ласково говорила:

— Ничего, ничего...

— Я сейчасъ принесу платки.

Карташовъ залѣзъ опять на стѣну, прыгнулъ, взялъ платки и возвратился назадъ.

Передъ смущенной Аделаидой Борисовной стоялъ высокій Еремѣй и тоже, мигая своимъ однимъ глазомъ, смущенно смотрѣлъ на нее.

— Это Еремѣй, — объяснилъ ей Карташовъ, — это моя невѣста, Еремѣй.

Еремѣй радостно открылъ ротъ и началъ усиленно кланяться, приговаривая:

— Ну, дай же, Боже, дай, Боже...

— Дай, Боже, — помогъ ему Карташовъ, — що намъ гоже, що не гоже, того не дай, Боже...

Аделаида Борисовна кончикомъ платка, жалѣя грибы, вытирала кровь, а Карташовъ говорилъ Еремѣю:

— Вотъ, Еремѣй, какъ я угостилъ свою невѣсту.

— И чѣмъ то могло такъ оцарапнуть? — качаль головой Еремѣй.

— Та чему жъ вы ни гикнули, я бы лѣстницу приволокъ бы.

— Вотъ это вѣрно! Пожалуйста, пока мы пойдемъ въ домъ, принесите лѣстницу.

Кровь перестала идти, но царапина была во всю щеку.

Скоро и Аделаида Борисовна и Карташовъ забыли о своемъ паденіи, отдавшись осмотру дома и разсказамъ.

— Вотъ и здѣсь меня разъ высѣкъ отецъ... Господи, я, кажется, только и вспоминаю, какъ меня сѣкли. Боже мой, какая это ужасная все-таки вещь — наказаніе. Около двадцати лѣтъ прошло, я любилъ напу, но и до сихъ поръ на первомъ мѣстѣ эти наказанія и враждебное, никогда не мирищееся чувство къ нему за это... Тебя, конечно, никогда не наказывали?

— Нѣтъ... Меня заперали одну и я такой дикій страхъ переживала...

На лицѣ Аделаиды Борисовны отразился этотъ дикій страхъ и Карташовъ совершенно ясно представилъ ее себѣ малепькимъ, худенькимъ, испуганнымъ ребенкомъ, съ побѣлѣвшимъ лицомъ, открытымъ ртомъ безъ звука, котораго вталкиваютъ въ большую пустую комнату.

— А, какъ это ужасно! Деля, милая, мы никогда пальцемъ не тронемъ нашихъ дѣтей.

— О, Боже мой, конечно, нѣтъ!

И они еще разъ горячо поцѣловались.

— Я какъ будто,—говорилъ Карташовъ, — теперь, когда побывалъ съ тобой здѣсь, никогда съ тобой не разлучался. Ахъ, какъ хорошо это вышло, что мы поѣхали на кладбище, сюда. Мы опять и уже вдвоемъ родились здѣсь и съ этого мгновенія вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ, пойдемъ по нашему жизненному пути.

Они шли, держась за руки, и она, молчаливо, горячимъ пожатіемъ отвѣчала ему.

— Еще на колодезь зайдемъ, откуда я вытащилъ Жучку.

По-прежнему тамъ было тихо и глухо.

Карташовъ заглянулъ и сказалъ:

— Какой мелкій: не больше сажени, а тогда казался бездной безъ дна. Все какъ-то стало меньше и садъ, и домъ... Все тогда было больше...

Лѣстница уже стояла у стѣны и около нея Еремѣй.

И Еремѣй уже не тотъ. Еще худѣ выросла большая бѣлая борода. За Зоськой умерла и толстая мать его Настасья, звонко кричавшая, бывало, сыну:

— А сто чертей твоему батькѣ въ брюхо!

Другая теперь, злая, какъ вѣдьма, такая же худая, какъ и Еремѣй, ѣстъ поѣдомъ покорнаго, тихаго, всегда безсловеснаго Еремѣя.

— Какъ здоровье Олимпіады?

Еремѣй махнулъ рукой и отвѣтилъ неопредѣленно:

— Живетъ! На базарь, бѣсъ, ушла...

Карташовъ далъ ему 25 р. и на безстрастномъ лицѣ Еремѣя сверкнула радость.

— Дай, Боже,—говорилъ онъ, поддерживая лѣстницу,—щобъ счастье, богатство было, щобъ не перерабли всѣхъ денегъ...

На этотъ разъ и благополучно взобрались и благополучно спутились на другую сторону.

Домой прѣехали только къ часу.

Ихъ встрѣтили всѣ радостными возгласами, поздравленіями и вопросами, гдѣ они запропали.

— Послушай,—весело кричалъ издали Сережа,— поддержи коммерцію и не выдай: я держалъ пари на сто рублей, что вы уже обвинчались? Неужели проигралъ? Войди въ мое положеніе...

Когда подошли и увидѣли расцарапанное лицо Аделаиды Борисовны, опять забросали вопросами: какъ, что случилось?—А Сережа громче всѣхъ кричалъ:

— Ну, я выигралъ, выигралъ: повѣнчались и онъ уже побилъ свою жену!

Когда выяснилось, откуда эта царапина, раздался общій вопль:

— Тема!

И всѣ смѣялись, тормозили Карташова и кричали:

— Тема сумасшедшій!

Евгенія Борисовна качала головой и съ ласковымъ упрекомъ говорила сестрѣ:

— Какъ же ты согласилась лѣзть на стѣну?

Мая кричала:

— Нѣтъ, кто, кромѣ Темы, придумаетъ въ первый же день тащить свою невѣсту на стѣну и прыгать оттуда? Во всякомъ случаѣ, Деля, ты видишь, какъ опасно за этимъ господиномъ слѣпо слѣдовать. Именно съ нимъ и надо всегда и за него и за себя все обдумывать, а иначе онъ заведетъ васъ въ жизни въ такіе круги, изъ которыхъ и выхода не будетъ.

Аделаида Борисовна ласково и весело посмотрѣла на жениха и отвѣтила:

— Куда онъ поидетъ, туда и я пойду, и всегда будетъ выходъ.

— Деля, Деля! Погибла...

Сережа отвелъ брата и сказалъ:

— И я погибъ: какъ теперь заплачу проигрышь?

— Кому ты проигралъ?

— Положимъ, самому себѣ... Отъ этого мѣняется развѣ что-нибудь?

— Ничего не мѣняется и я плачу за тебя проигрышь.

— Я всегда зналъ, что ты благородный человѣкъ: давай деньги!

Когда всѣ успокоились, Евгенія Борисовна, скромно и въ то же время торжественно, подошла къ Карташову и сказала своимъ обычнымъ наставительнымъ тономъ, слегка картавя:

— Я поздравляю отъ души васъ и Делю. Сдѣлайте ее счастливой...

И улыбаясь, прибавила:

— Старайтесь больше не царапать ее: пусть этой царапиной ограничатся всѣ непріятности вашей будущей семейной жизни...

Отъѣздъ былъ назначенъ на другой день.

Аделаидѣ Борисовнѣ надо было кое-что купить на дорогу и послѣ завтрака она съ Карташовымъ поѣхали въ городъ.

Въ магазинѣ золотыхъ вещей Аделаидѣ Борисовнѣ понравилось миниатюрное золотое колечко съ маленькой жемчужиной.

— Это дѣтское кольцо,—сказалъ приказчикъ.

Но Аделаида Борисовна примѣрила и оно нашло на ея мизинецъ.

Кольцо стоило восемь рублей и Карташовъ купилъ его. Онъ хотѣлъ еще покупать, но Аделаида Борисовна твердо сказала:

— Это кольцо я буду всегда носить, когда васъ не будетъ около меня, я буду смотрѣть на него и думать о васъ. Но больше я ничего не хочу. Это такой старыи и непріятный обычай дарить своей невѣстѣ.

Карташовъ вспомнилъ подарки Неручева, когда онъ былъ женихомъ Зины,—бриллиантовый фермуаръ, амети-

стовый приборъ,—все это были такія дорогія вещи и въ то же время охватывало, смотря на нихъ, такое тоскливое чувство, такъ холодно сверкали тѣ камни, и гдѣ они теперь?

— Я тоже съ вами согласенъ,—отвѣтилъ онъ.

И улыбаясь ласково, тихо спросилъ:

— Опять на вы?

Аделаида Борисовна покраснѣла и тоже улыбнулась.

Въ своихъ покупкахъ Аделаида Борисовна серьезно и осторожно выбирала себѣ вещи и непремѣнно дешевыя. Когда Карташовъ соблазнялъ ее на болѣе дорогія, она брезгливо говорила:

— Боже сохрани.

Карташову начинали нравиться дешевыя вещи.

— Неужели,—весело спрашивалъ онъ,—ты меня научишь быть экономнымъ? Ахъ, какъ это было бы хорошо,—это равносильно тому, чтобъ не быть своимъ собственнымъ рабомъ.

— Конечно, конечно,—говорила горячо Аделаида Борисовна.

И они рѣшили свое будущее гнѣздышко устраивать какъ можно дешевле.

— Знаешь, что,—предложилъ Карташовъ,—давай сейчасъ самое главное закупимъ, а то потомъ безъ тебя я опять увлекусь.

И они поѣхали покупать мебель, кровати, посуду.

Купили все очень дешевое и только относительно рояля Карташовъ непремѣнно настаивалъ купить не въ триста рублей, какъ предлагала Аделаида Борисовна, а въ семьсотъ пятьдесятъ.

Онъ говорилъ:

— Тамъ, въ Трояновомъ Валѣ, все развлеченіе наше будетъ музыка, ты такъ чудно играешь...

— Но вѣдь и на этомъ,—показывала Аделаида Борисовна на дешевое пьянино,—я также буду играть,—

оно такое маленькое, изящное, тонъ прекрасный, а сознаніе, что оно недорогое, будетъ еще пріятнѣе.

— Нѣтъ, знаешь, Деля, если оно не дорогое, значить, оно не прочное, а вѣдь рояль покупается на всю жизнь и, если хорошій, то и дѣтямъ нашимъ перейдетъ. Если посчитать, что мы только двадцать пять лѣтъ вдвоемъ проживемъ...

Карташовъ быстро дѣлалъ перемноженіе въ умѣ.

— То это выйдетъ около девяти тысячъ дней и менѣе четыреста пятьдесятъ рублей лягутъ по пяти копеекъ на день всего лишнимъ расходомъ... Пять копеекъ! Ну, каждый день, чтобъ воротить эти деньги, мы будемъ дѣлать какую-нибудь экономію въ нашемъ бюджетѣ на пять копеекъ.

Аделаида Борисовна, наконецъ, сдалась и купили дорогой рояль.

Возвратились домой уже подъ вечеръ и дали подробный отчетъ въ своихъ покупкахъ.

И Аглаида Васильевна и Евгенія Борисовна очень похвалили ихъ за экономію, но Евгенія Борисовна по поводу покупки дорогого рояля покачала головой и укоризненно сказала:

— Я боюсь, что Адель будетъ для васъ слабой женой: я бы не уступила.

Аделаида Борисовна виновато смотрѣла на свсего будущаго мужа, Карташовъ радостно говорилъ:

— Но за то, какой прелестный рояль!

— Ну, хорошо, что хоть нравится,—отвѣтила Евгенія Борисовна.—Но вотъ что: такъ какъ мы съ мужемъ рѣшили подарить вамъ именно рояль, то это наша покупка.

— Какъ?!

— Да, да, да! И я вамъ не Адель,—не уступлю ни за что!

Евгенія Борисовна встала, ушла къ себѣ наверхъ и возвратилась съ чекомъ на 750 рублей.

— Вотъ вамъ стоимость вашего рояля.

— Ну, въ такомъ случаѣ,—предложилъ Карташовъ своей невѣстѣ,—ѣдемъ еще разъ въ городъ и на неожиданныя деньги накупимъ всего...

Но противъ этого запротестовали всѣ и энергичнѣе другихъ невѣста.

— Деля,—говорила Маня,—отбери, ради Бога, у него всѣ деньги и храни ихъ ты...

Аделаида Борисовна лукаво улыбнулась, смотря на своего жениха, и весело отвѣтила:

— Напротивъ: я и свои ему передамъ.

— Что, что?! — закричала Маня.—Ну, тогда я противъ вашего брака и поведу теперь дѣло на разрывъ.

— Вотъ что,—предложилъ Сережа,—такъ какъ, очевидно, вы оба будете въ денежномъ отношеніи несостоятельными, то деньги ваши я беру на храненіе... Давайте-же...

Сережа постоялъ, сгорбившись съ протянутой рукой, и, качая головой, сказалъ:

— Пропадіе вы люди.

На другой день Евгенія Борисовна, ея мужъ, Аделаида Борисовна и Карташовъ уже плыли въ безбрежное, гладкое, какъ зеркало, море, подъ куполомъ нѣжнаго, какое бываетъ только весной, неба.

Букеты ароматныхъ цвѣтовъ въ рукахъ у пассажировъ и на столахъ тоже говорили о веснѣ.

Весной была и ихъ любовь, нѣжная, мягкая, ласкающая, какъ эта весна, какъ этотъ безмятежный день, какъ то радостное чувство, которое было въ нихъ и которое передавалось черезъ нихъ всѣмъ окружающимъ. Казалось, всѣ были заняты, всѣ были охвачены ихъ радостью и всѣ слѣдили за ними, такіе же, какъ и они, чуткіе, напряженные. И всѣ два дня путешествія были такими же свѣтлыми, радостными, быстро промелькнувшими, и Карташовъ говорилъ своей не-

вѣстѣ, сидя съ ней на кормѣ, за кучами канатовъ, когда пароходъ уже подходилъ къ Рени.

— Это уже прошлое, но не ушло отъ насъ. Оно въ насъ и вѣчно будетъ въ насъ. Эта память объ этихъ двухъ дняхъ—вѣчная картинка въ вѣчной рамкѣ нашей молодости, нашихъ надеждъ, нашей силы.

И вдругъ Аделаида Борисовна заплакала. И лицо ея опять было лицомъ маленькаго, беззащитнаго ребенка, у котораго отнимають ея любимую игрушку.

Карташовъ порывисто, горячо цѣловалъ ея руки, лицо, глаза и говорилъ ей слова утѣшенія.

— Ты будешь путешествовать, вести свой дневникъ, набираться впечатлѣній. Я буду работать, устранять наше гнѣздышко, куда осенью, какъ птичка, ты прилетишь, чтобъ холодную, скучную зиму жить со мной, вмѣстѣ. У насъ будетъ каминъ, яркій огонь въ немъ, передъ каминомъ мы съ тобой—жаримъ каштаны, читаемъ, живемъ и наслаждаемся нашей новой жизнью.

Въ Рени прѣѣхали въ шесть часовъ вечера и въ восемь уходили. Вечеромъ же уходилъ и поѣздъ въ Трояновъ Валъ.

И опять уже одинъ стоялъ Карташовъ на пристани, махая отъѣзжающимъ. И ему махали съ парохода и Евгенія Борисовна и мужъ ея. Аделаида Борисовна стояла сзади нихъ и украдкой, робко вытирала слезы и такъ рвалось сердце Карташова къ ней, утѣшить ее, высушить поцѣлуями ея слезы.

Ужъ совсѣмъ скрылся въ вечерней дали пароходъ, надо было и самому спѣшить на поѣздъ. И онъ, нехотя, пошелъ съ пристани, одинокій, весь охваченный Делей, ея лаской, грустью этой ласки.

На вокзалѣ толкотня, масса пассажировъ. Знакомый начальникъ станціи далъ Карташову купѣ, въ которомъ онъ и заперся, спасаясь отъ ищущихъ себѣ мѣста пассажировъ. И только, когда уже поѣздъ тронулся, онъ выглянулъ въ проходъ вагона.

Прямо противъ его купэ стояла дѣвушка, та самая, которая въ прошломъ году ѣхала на пароходѣ съ своимъ женихомъ-морякомъ. У ногъ ея лежалъ маленький изящный чемоданчикъ.

Очевидно, мѣста не хватило и она рѣшила ѣхать, стоя въ проходѣ.

Очевидно, и она узнала его.

— У васъ нѣтъ мѣста?

— Нѣтъ.

— Позвольте уступить вамъ мое купэ.

— А вы сами какъ же?

— Я найду себѣ гдѣ-нибудь.

— Но мы могли бы и вдвоемъ помѣститься въ этомъ купэ.

— Если вы ничего не имѣете противъ...

— Дѣвушка нагнулась, но Карташовъ предупредилъ и бережно внесъ ея чемоданъ въ свое купэ.

Вошла и она и легко, присѣвъ у открытаго окна, смотрѣла въ темнѣющую даль.

— Если вы не боитесь вѣтра, можетъ быть, предпочтете смотрѣть встрѣчу поѣзда.

Она, молча, помѣнялась съ Карташовымъ мѣстами. Оба нѣкоторое время молчали.

Она заговорила первая:

— Ми, кажется, въ прошломъ году съ вами ѣхали вмѣстѣ на пароходѣ?

— Вы ѣхали съ вашимъ женихомъ...

— Теперь уже мужъ и я только что проводила его: онъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ отпускъ.

— А я только что пріѣхалъ изъ Одессы на пароходѣ... Я провозжалъ свою невѣсту и, также, какъ и вы въ прошломъ году, ѣхалъ съ ней на пароходѣ. Мы вспоминали о васъ и я говорилъ своей невѣстѣ, что завидовать вамъ тогда... Не думалъ я тогда, что черезъ годъ...

— Вы инженеръ?

— Да.

— Вы моего двоюродного брата не знаете? Сикорского?

— Валерьяна Андреевича?

— Да.

Карташовъ обрадованно заговорилъ:

— Какъ же не знаю. Въ постройкѣ я былъ его помощникомъ. Мы старые знакомые друзья, еще съ гимназій.

Они быстро разговорились. Она оказалась веселой и бойкой спутницей. Оба они были какъ бы товарищами по несчастью: она проводила своего мужа, онъ свою невѣсту.

Она была хороша. Полное, уругое тѣло на плечахъ и верхней части груди просвѣчивало чрезъ ея ажурную кофточку. Здоровый румянецъ игралъ на щекахъ, черный пушокъ отбѣнялъ сочныя, нѣжныя губы, сѣрые большіе глаза ея смотрѣли и обжигали изъ-подъ черныхъ рѣсницъ.

Наступали сумерки, становилось темно, а кондукторъ все не зажигалъ огней.

Карташовъ какъ-то особенно чувствовалъ себя. Ему хотѣлось говорить, говорить о своей невѣстѣ и въ то же время смотрѣть въ эти сѣрые глаза, смотрѣть на пушокъ губъ и жадно слѣдить за подергиваніемъ ихъ, когда, смѣясь, она вдругъ показывала рядъ мелкихъ, блестящихъ, какъ смоченный жемчугъ, зубовъ. Хотѣлось коснуться ея маленькой, пухлой руки, коснуться ея розоваго, полнаго тѣла. И отъ этого крозь горячо вдругъ прилиwała къ его сердцу и сладкая истома, какъ набѣжавшая волна, охватывала его всего.

И тогда они оба сразу смолкали, смотрѣли въ окно и опять другъ на друга и словно что-то испыхивало опять въ ихъ глазахъ и радостно освѣщало надвигающийся мракъ ночи.

Прошелъ кондукторъ, зажегъ свѣчу и ушелъ.

Свѣча, не разгорѣвшись, потухла и опять въ темнотѣ они сидѣли, говорили и, сидя уже рядомъ, смотрѣли въ окно.

Загорѣлись яркія звѣзды въ синемъ бархатномъ небѣ и бархатъ все синѣлъ и темнѣлъ, а звѣзды сверкали все ярче и ярче. Сверкали и дрожали, какъ капли росы, вотъ-вотъ готовыя упасть. И падали и серебрянымъ слѣдомъ рѣзали темную даль. И, какъ беззвучный вздохъ, сладко замирало въ ихъ душахъ это паденіе. И сильнѣе хотѣлось говорить, смотрѣть, касаться.

— Я совсѣмъ васъ не вижу,—говорилъ Карташовъ, всматриваясь ближе въ ея лицо.

— А я васъ вижу,—говорила она и смѣялась, слегка отодвигаясь.

Взошла луна и освѣтила ихъ обоихъ. Уже другое было у нея лицо. Лицо русалки, очаровательное, волшебное и, казалось, вотъ-вотъ спадутъ съ нея ея платья и прильнетъ онъ къ ней, дрожа отъ восторга, и умретъ въ ея объятіяхъ. И сильнѣе кружилась голова и, чувствуя себя, какъ пьяный, онъ весело болталъ и смѣялся, подавляя дрожаніе голоса, подавляя иногда прямо безумное желаніе броситься и цѣловать ее. Подавляя, потому что боялся, что не встрѣтитъ въ ней отклика, потому что послѣ этого произойдетъ вдругъ что-то страшное и позорное. И онъ опять, и опять всматривался въ нее и мучительно рѣшалъ, что она теперь чувствуетъ и переживаетъ.

Поѣздъ рѣзко остановился и въ темнотѣ раздался голосъ кондуктора съ платформы:

— Трояновъ Валъ!

— Ваша станція?—разочарованно спросила она.

— Я проѣду до конца участка.

Еще четыре часа быть съ ней.

— А можетъ быть вы спать хотите?

— Я?

Она разсмѣялась.

— Боже сохрани. Я минутки не засну, потому что одна, потому что буду бояться! Ахъ, какъ я рада, что вы ѣдете дальше. Сколько еще времени мы проведемъ вмѣстѣ?

— Четыре часа.

— Будетъ шесть. Скоро свѣтать будетъ.

Поѣздъ опять мягко понесся въ лунную волшебную даль.

— Ахъ, какъ хорошо!—радно говорила она.

— Какъ въ сказкѣ,—отвѣчала ей Карташовъ,—мы съ вами летимъ на крыльяхъ. Вы русалка, волшебница, я обнялъ васъ, потому что иначе, какъ же? Я упаду и разобьюсь, бѣдный смертный. А вы протягиваете впередъ руку и по вашему властному движенію все съ волшебной силой мѣняется и превращается въ такое чарующее, чему нѣтъ словъ. Только смотрѣть, и молиться, и цѣловать, еслибъ только можно было... Ай, какъ хороша, какъ прекрасна жизнь! Хочется кричать отъ радости!

Стало свѣтать, взошло солнце и опять другимъ, новымъ казалось ея лицо. Теперь ея густые волосы разбились и въ ихъ рамкѣ выглядывало утомленное, слегка поблѣднѣвшее ея лицо и большіе сѣрые глаза съ черными рѣсницами.

Вотъ и послѣдняя станція. Теперь поздно уже бросить и цѣловать ее. И слава Богу.

Они сердечно прощаются и Карташовъ цѣлуетъ ея руку.

Поѣздъ отходить, Карташовъ стоитъ на платформѣ, она смотритъ изъ окна вагона. Теперь Карташовъ даетъ волю себѣ и глазами цѣлуетъ ея глаза, волосы, губы, плечи... И, кажется, она понимаетъ это и не отводитъ больше глазъ.

И мучительное сожалѣніе сжимаетъ его сердце: зачѣмъ, зачѣмъ такъ скоро и безслѣдно пронеслась эта ночь?

XXIII.

Цѣлый день послѣ бессонной ночи Карташовъ чувствовалъ себя какъ въ туманѣ. Въ этомъ туманѣ перекрещивались безпрестанно текущія дѣла, воспоминанія о двоюродной сестрѣ Сикорскаго, воспоминанія о невѣстѣ.

И въ зависимости отъ охватывавшихъ его воспоминаній то кровь бурно прилиwała къ его сердцу, то казалось, что слышитъ онъ какую-то далекую нѣжную музыку, съ яснымъ грустнымъ и въ то же время успокаивающимъ мотивомъ. Но въ то же время текущія дѣла линіи требовали непрерывнаго напряженія и онъ, отдаваясь на мгновеніе этимъ воспоминаніямъ, гналъ ихъ отъ себя.

Подъ вечеръ помощникъ затащилъ его къ себѣ на ужинъ, гдѣ также была и княгиня и князь.

Карташову казалось, что въ послѣднее время князь относился къ нему подозрительно и всегда особенно усиленно подкручивалъ свои усы кверху, когда встрѣчался съ Карташовымъ.

Очевидно то, что Карташовъ женихъ, успокоило князя и теперь онъ былъ опять веселый и ласковый.

А княгиня, напротивъ, была сосредоточенна и выжидательна.

Послѣ ужина князь и княгиня ушли на станцію, помощникъ занялся заказами на завтрашній день, а Карташовъ пошелъ къ себѣ.

Придя домой онъ быстро раздѣлся и легъ. Усталость пріятно охватила его и онъ быстро и крѣпко заснулъ.

Проснувшись на другой день Карташовъ сразу подумалъ о своей невѣстѣ. Въ противоположность вчерашнему теперь она стояла на первомъ планѣ. Онъ отчетливо видѣлъ ея скромную фигурку, ея изъ шотланд-

ской матеріи тальму, ея розовую рабочую шкатулку. Онъ опять сидѣлъ съ ней рядомъ на кормѣ парохода, слѣдилъ за бурлящимъ слѣдомъ винта и говорилъ.

Ему захотѣлось писать и онъ сѣлъ за письмо къ ней.

„Милая, дорогая моя, радость моя! Взошло солнце и я проснулся, и первая мысль о тебѣ. Какъ это солнце—ты своими лучами сразу освѣтила и согрѣла мою душу и я сажусь писать тебѣ, моему источнику свѣта, чистоты, ласки. Я знаю, что я не стою тебя, но тѣмъ сильнѣе я стремлюсь къ тебѣ, я хочу быть съ тобой“.

Карташовъ писалъ и писалъ, листъ за листомъ, поданный кофе остылъ; приемная наполнилась обычными посѣтителями, въ комнату, наконецъ, заглянулъ его помощникъ.

— Я сейчасъ, сейчасъ... Принимайте ихъ покамѣсть.

— Да не хотятъ они разговаривать со мной.

— Сейчасъ, сейчасъ...

Карташовъ торопливо дописывалъ:

„Вотъ какое длинное вышло мое первое письмо, стыдно даже посылать. А хочется еще и еще писать, не вставая, всѣ три мѣсяца нашей разлуки, но въ приемной, какъ въ ульѣ, жужжать голоса, — мой добрый, толстый и благодушный, какъ отпоенный теленокъ, помощникъ заглядываетъ ко мнѣ, а мнѣ надо еще кончать письмо, одѣваться и пить кофе. И уже девять часовъ.“

Черезъ нѣсколько дней и Карташовъ получилъ первое письмо отъ своей невѣсты.

И конвертъ, и почеркъ, и письмо были такіе же язвочные, такіе же скромные, какъ и она сама.

Карташовъ съ восторгомъ прочелъ письмо и въ тысячный разъ подумалъ, что лучшей жены онъ не могъ бы себѣ пожелать.

Въ этомъ письмѣ просто и въ то же время умно и наблюдательно Аделаида Борисовна описывала то, что

видѣла, слышала, изрѣдка стыдливо только иногда касаясь самой себя.

— „Умная, наблюдательная, сдержанная, образованная, такая же какъ мама,—думаль Карташовъ,—и въ то же время нѣжная, женственная, прелестная“..

Мало-по-малу жизнь Карташова вошла въ обычную колею. Онъ возился съ подрядчиками, ѣздилъ по линіи. По мѣрѣ того, какъ крупныя работы заканчивались на участкѣ, мелкимъ конца не было. Тамъ толчки, тамъ осунулось полотно, тамъ трава не скошена, не вытянуты бровки полотна, не выходятъ къ поѣздамъ сторожики, а сторожа постоянно попадаютъ только около своихъ будокъ. А вотъ рабочая артель и Карташовъ быстро пересчитываетъ и отмѣчаетъ себѣ ихъ количество на этотъ день.

Все это было важно, какъ всякая мелочь въ дѣлѣ. Своего рода часовой механизмъ, гдѣ все должно быть въ строгомъ порядкѣ и соответствіи, чтобы получалась общая совокупность. Но въ то же время все это было и очень однообразно. Утомительно своей однообразностью. Никогда Карташовъ не уставалъ такъ въ самые кипучіе моменты постройки, какъ уставалъ теперь, возвращаясь къ вечеру домой послѣ всей этой мелкой сутолоки дня. Также скучна была и работа въ канцеляріи,—переписка съ начальствомъ, мелкая отчетность.

И надъ всѣмъ господствовало теперь сознаніе, что главное надо всѣмъ этимъ—его Деля, будущая ихъ жизнь, переписка съ ней, необходимость ѣхать въ Петербургъ.

Онъ уже подалъ просьбу о двухмѣсячномъ отпускѣ и только ждалъ замѣстителя.

Его мысли были уже далеки отъ того мѣста, къ которому онъ еще былъ прикованъ и онъ радостно думаль о томъ уже близкомъ времени, когда, свободный отъ всякихъ дѣлъ, онъ будетъ нестись въ Петербургъ. Будеть лежать, смотрѣть въ окно вагона, читать въ

сознаніи, что дверь не отворится больше и не будутъ ему докладывать, теревить на всѣ стороны, требовать неотложныхъ отвѣтовъ.

Приѣхалъ и замѣститель, и въ послѣдній разъ съ нимъ объѣхалъ Карташовъ участокъ.

Онъ сдалъ участокъ, кассу, канцелярію, распрощался со всѣми, погулялъ на прощаніе въ роцѣ съ княгиней и уѣхалъ ночью, провожаемый только княземъ.

Поѣздъ тронулся, въ послѣдній разъ высунулся изъ окна Карташовъ, махнуть фуражкой князю и сѣсть въ своею купѣ.

Было какое-то предчувствіе въ его душѣ, что сюда онъ больше не возвратится. И, провѣряя себя, онъ былъ-бы и радъ этому. Даже зимняя жизнь въ своемъ участкѣ съ молодой женою здѣсь не манила его на глазахъ у анализирующей княгини, у скептика князя, у добраго обжоры помощника. Это и не общество и не та кипучая жизнь постройки, которая такъ по душѣ пригласъ Карташову.

Жизнь, въ которой можно забыть самого себя, можно отличиться, выдвинуться, измѣрить предѣлы своихъ силъ и способностей.

А вдругъ тамъ, въ Петербургѣ, ему удастся попасть опять на постройку, проникнуть въ тѣ таинственныя управленія построекъ дорогъ, въ которыхъ до сихъ поръ ему удавалось видѣть съ Володькой только пріемныя, да быстро проходящихъ озабоченныхъ и важныхъ служащихъ этихъ управленій. Удавалось только читать на дверяхъ: „кабинетъ директора“ и въ умѣ представлять себѣ, какъ въ этомъ кабинетѣ съ тяжелой кожаной мебелью въ образцовомъ порядкѣ, гдѣ-то за большимъ столомъ, заваленный бумагами, засѣдаетъ важный, какъ Богъ, директоръ. Какой онъ? Лысый? Старый? Молодой еще?

Можетъ быть и онъ, Карташовъ, будетъ когда-нибудь такимъ же? Нѣтъ, никогда не будетъ. Будетъ и

у него много въ жизни, но чего-то другого. Но важнымъ въ этомъ кабинетѣ онъ себя не могъ представить.

Передъ Петербургомъ Карташовъ заѣхалъ къ роднымъ.

— Если бы я навязалась ѣхать съ тобой, спросила его Маня,—взялъ бы?

— Съ удовольствіемъ и при томъ на свой счетъ туда и обратно и съ суточными по пяти рублей въ день.

Маня говорила, что ѣдетъ главнымъ образомъ справиться насчетъ поступленія на медицинскіе курсы.

Аглаида Васильевна сочувствовала поѣздкѣ Мани въ томъ смыслѣ, что это будетъ безопаснѣе для Карташова. Мало-ли что въ дорогѣ можетъ случиться? Встрѣча съ какой-нибудь интриганткой, которая сумѣетъ ловко и быстро оплести ея сына. Мало ли такихъ, и кого легче, какъ ни ея сына провести, какъ угодно?

Этими своими соображеніями она съ Маней подѣлилась.

И Маня согласилась съ матерью, сказавъ:

— Конечно, конечно... Со мной насчетъ всего такого можете быть покойны: такъ отведемъ Тѣмкѣ глаза, что онъ никого, кромѣ тѣхъ, кого я ему подсуну, не увидитъ.—Маня весело разсмѣялась.

— Еслибъ онъ только слышалъ, какую змѣю отогрѣваетъ въ моемъ лицѣ.

— Боже сохрани ему говорить.

— Ну, конечно!

Въ обереганіи брата отъ вредныхъ вліяній принималъ участіе и Сережа.

На вокзалѣ онъ, пройдя всѣ вагоны, сказалъ сестрѣ:

— Давай вещи. Въ одномъ купѣ съ тобой будетъ сидѣть такая рожа, что и Тѣмка не полакомится. Будетъ доволенъ.

— А онъ самъ въ этомъ же вагонѣ будетъ?
— Рядомъ купэ для курящихъ.
— Ну, неси.
— А вотъ къ этому вагону и близко его не подпускай,—тамъ такая плутишка сидитъ, что я и самъ былъ бы не прочь...

— Фу, Сережа!

— Что за фу? Для этого и на свѣтъ созданы.

— Дама, ѣхавшая въ купэ съ Маней, на одной изъ станцій Московско-Курской дороги слѣзала.

Маня осталась одна.

— Ну, слушай, — заговорила Маня, когда къ ней пришелъ братъ.—Въ Петербургъ я теперь не поѣду...

— А куда же ты поѣдешь?

— Это все равно. Сойду я въ Туль и чрезъ нѣсколько дней буду въ Петербургъ. Я тебя очень прошу ни мамѣ, никому объ этомъ ни слова.

— Надо въ такомъ случаѣ условиться, въ какой гостиницѣ мы остановимся въ Петербургъ.

— Я съ тобой не остановлюсь.

— А ты гдѣ же остановишься?

— Ну, это все равно, но ты скажи, гдѣ тебя искать?

— Гдѣ? Ну, въ Англійской?

— Дорогая, навѣрно?

— Я не знаю,—во всякомъ случаѣ не изъ самыхъ дорогихъ. Тебѣ сколько дать денегъ?

— Столько, сколько не стѣснило бы тебя.

— Пятьсотъ хочешь?

— А ты не боишься сѣсть на мель?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ давай, пригодятся.

— Ты мнѣ обѣщала, помнишь, рассказать черезъ годъ о перемѣнахъ у васъ.

— Перемѣны предполагаются большія. Вотъ, приѣду въ Петербургъ, расскажу.

— Они, чтожъ, за эту твою поѣздку выяснятся?

Маня быстро пересѣла отъ окна и съ окоіно спросила:

— Почему въ эту поѣздку?

-- Потому что ты сама откладываешь до Петербурга.

-- Я не потому откладываю.

— А почему же?

— Почему, да почему... Старенькимъ скоро будете, если знать все захотите... Въ общемъ, конечно, эта моя поѣздка должна выяснитъ многое изъ того, что и мнѣ теперь не ясно еще. Одно можно сказать, что расколъ зашелъ такъ далеко между нами, что придется, пожалуй, и совсѣмъ расколоться на двѣ партіи.

— Теперь одна? Земли и воля?

-- Не кричи. Да.

-- А какая другая будетъ?

-- Въ Петербургѣ расскажу.

— Денегъ ты имъ много везешь?

— А любопытно?

— Какъ хочешь.

Видишь, за этотъ годъ собрала я тысячъ шесть, но осталось около четырехъ.

— А въ общемъ большія пожертвованія?

— Не знаю. Знаю одно только, что нужда громаднѣе въ деньгахъ.

-- И когда конецъ?

-- Конечъ?

Маня пожала плечами.

-- Только еще начинается. При дѣтяхъ твоихъ будетъ конецъ.

Въ Тулу пріѣхали вечеромъ.

— Не прожайте,—категорически сказала Маня, цѣлуясь съ братомъ.

-- Я все равно пойду въ буфетъ.

-- Немножко подожди.

Карташовъ въ окно вагона видѣлъ, какъ сошла Маня, поздоровалась съ какимъ-то худымъ сгорблен-

нымъ молодымъ брюнетомъ съ жидкой бородкой, и прошла съ нимъ къ выходу.

Карташовъ еще немного подождать и тоже вышеть.

Въ большой залѣ буфета стоялъ гулъ отъ массы голосовъ толпившагося народа.

Карташовъ вспомнилъ, что, будучи студентомъ, въ Тулѣ всегда ѣлъ суточные щи съ пирожками. И теперь онъ потребовалъ себѣ щей, ѣлъ ихъ и искалъ глазами сестру.

Но ни ее, ни спутника ея нигдѣ не было видно.

Только на десятый день по приѣздѣ Карташовъ увидѣлся съ сестрой.

Она подошла къ нему, когда онъ выходилъ изъ гостиницы.

— Не бери извозчика, — сказала она, — пройдемъ пѣшкомъ.

Они пошли сперва по Вознесенскому и затѣмъ повернули по Морской по направленію къ театрамъ.

— Ты шла ко мнѣ или ждала меня?

— Ждала. Такое знакомство, какъ со мной, принесетъ тебѣ только вредъ. Слушай теперь хорошенько. То, о чемъ мы говорили дорогой, — теперь совершившійся фактъ: образовалась новая партія и я примкнула къ ней. На-дняхъ мы выпускаемъ первый номеръ нашего журнала. Мы будемъ называться народовольцы. Наша программа, въ сущности, не отличается отъ чернаго передѣла, но путь для достиженія цѣли у насъ иной. Мы говоримъ такъ: пока нѣтъ свободы, настоящей по крайней мѣрѣ, чтобы высказывать открыто свои мнѣнія и вести мирную агитацію, ничего нельзя сдѣлать, какъ уже показалъ опытъ. За пропаганду, т.-е. за то, что дозволяется во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, у насъ ссылаютъ уже на каторгу, а скоро и вѣшать будутъ. Поэтому и прежде всего борьба съ режимомъ, чтобы свергнуть его и установить ту форму, хотя бы буржуазной свободы, какой пользуются въ

Европѣ. Борьба на почвѣ террора: политическія убійства, устраненіе тѣхъ, въ чьихъ рукахъ власть, кто не желаетъ новаго порядка вещей.

— Но вѣдь всякое насиліе—замѣна разума руками, а тѣ руки сильнѣе вашихъ.

— Теперь—да, но пройдутъ года и тамъ будетъ меньшинство. Мы-то, конечно, обреченные... Я уже перемѣнила фамилію: сестры Мани у васъ больше нѣтъ. Подготовь маму и выдумайте себѣ, какую хотите, исторію моего исчезновенія. До свадьбы лучше не говори ничего: я осталась, чтобъ присмотрѣться къ курсамъ.

— Ты будешь писать?

— Нѣтъ, ни я къ вамъ, ни вы ко мнѣ.

— Маня, но ты подумай, какой это ударъ для мамы будетъ?

— А! Среди всѣхъ тѣхъ ударовъ, о которыхъ скоро услышите, стоитъ ли еще говорить объ такомъ ударѣ? И этотъ уродъ, на набитый мѣшокъ похожій,—Маня показала на проходившаго, точно распухшаго господина, который съ широко-раскрытыми глазами осмотрѣлъ ее—и лучшій изъ людей—только короткій, очень короткій моментъ проносятся по землѣ и весь вопросъ не въ продолжительности этого мгновенія, такъ какъ оно все равно ничтожно по краткости, а въ томъ, какъ это мгновенье будетъ использовано, сколько сознанія будетъ въ него вложено въ томъ смыслѣ, что разъ живешь, коротко живешь, и третье, что никому, кромѣ дѣла, которое вѣчно въ тебѣ и за тебя будетъ жить, ты не нужна и не принадлежишь. Постарайся стать на мою точку зрѣнія и понять одно, что все, что я говорю, не слова, а мое дѣло и съ точки зрѣнія этого дѣла, ты понимаешь, какъ я отношусь и къ своимъ, и къ маминымъ невздамамъ, которыя являются для дѣла вредными, тормозящими его, поэтому отвратительными. Законно, цѣлесообразно одно: общее, равное благо людей и враги этого блага, похитители его,—

наши враги безъ пощады. Они будутъ, конечно, ненавидѣть насъ, будутъ искажать смыслъ нашей дѣятельности, но имъ и не остается ничего больше... Можешь передать мамѣ, что я лично счастлива, что попала въ лучшую струю человѣческой жизни и что, чтобы меня не ждало, я лучшаго ничего и не желаю. Желаю только, чтобы это все было чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Маня остановилась и весело протянула впередъ руку.

— А теперь прощай и не поминай лихомъ. Въ мою память лишнія деньги отдавай, а, можетъ быть, когда-нибудь и не въ мою уже память, а въ силу своего собственнаго сознанія.

У Мани сверкнули слезы.

— О, какое это было бы счастье.

Маня отвернулась и пошла прочь.

— Маня! Маня!—звалъ ее Карташовъ.

Но Маня, не поворачиваясь, сѣла на проѣзжавшаго извозчика и быстро уѣхала.

Подавленный, недоумѣвающий Карташовъ еще долго стоялъ и смотрѣлъ вслѣдъ уѣхавшей сестрѣ.

Неужели его сестра, эта Маня, можетъ быть, очень скоро уже будетъ стоять передъ своей жертвой, будетъ видѣть ея кровь, конвульсіи смерти, а потомъ и сама умирать? Сдѣлаться палачомъ ей—Манѣ, которая сама и добрая, и умная, и любящая. Красивая... могла бы жить, наслаждаться жизнью... Какъ могла оторваться она отъ всего этого... Могъ ли бы онъ? Нѣтъ, нѣтъ. Даже, если бы и сознавалъ, что истина у нихъ. Но развѣ могутъ они съ увѣренностью сказать, что истина у нихъ? Гдѣ факты? И развѣ жизнь не разрушила уже всѣ фантазіи Фурье, построенныя на томъ, что стоитъ только захотѣть. Но, чтобы захотѣть, надо знать, чего хочешь. Надо самознаніе, образованіе, а среди ста милліоновъ темной, безпросвѣтно темной массы, когда наступить это самосознаніе? И это равенство, это равенство всѣхъ и вся... Возможно ли оно?

Возможенъ ли прогрессъ, сама жизнь среди непрощающей сѣрой пелены этого равенства безъ семьи, близкихъ, изъ-за жалкаго куска хлѣба? Какая-то безпросвѣтная тюрьма, арестантскія роты, та же община деревенская, въ которой самые талантливые спиваются, ссылаются, дѣлаются негодяями.

Карташовъ энергично, быстро шелъ въ свое министерство.

Нѣтъ, нѣтъ. Жизнь не такъ прямолинейна и, если двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ попытки Христа, дѣйствовавшего не руками, а силой убѣжденія, силой большей, чѣмъ руки и насиліе, ничего не достигли и до сихъ поръ, то не достигнуть и эти...

— Извозчикъ! — позвалъ Карташовъ пустого извозчика.

Онъ ѣхалъ и опять думалъ и думалъ.

Ему жаль было Мани. Она стояла чистая и свѣтлая передъ нимъ. Помимо его воли, все существо его проникалось уваженіемъ къ ней, какимъ-то особымъ уваженіемъ къ существу высшему, чѣмъ онъ, способному на то, о чемъ онъ и подумать не могъ бы. Черезъ нее и ко всей ея партіи было то же бессознательное чувство.*)

---

*) Романъ «Внзженеры» остался неоконченнымъ. Авторъ хотѣлъ довести разсказъ о жизни Карташова до нашихъ дней. Неожиданная смерть помѣшала выполнить этотъ планъ.

НА ВОЙНѢ.

ЗАПИСКИ В. ВЕРЕСАЕВА.

(Продолженіе)

ОГЛАВЛЕНИЕ:

- I. ДОМА.
- II ВЪ ПУТИ.
- III. ВЪ МУКДЕНЬ.
- IV. ВОЙ НА ШАХЕ.
- V. ВЕЛИКОЕ СТОЯНИЕ: ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ.
- VI. ВЕЛИКОЕ СТОЯНИЕ: ДЕКАБРЬ—ФЕВРАЛЬ.
- VII. МУКДЕНСКИЙ ВОЙ.
- VIII. НА МАНДАРИНСКОЙ ДОРОГѢ.
- IX. СВИТАНІЯ.
- X. ВЪ ОЖИДАНИИ МИРА.
- XI. МИРЪ.
- XII. ДОМОЙ.

Мукденскій бой.

Съ утра по всему фронту бѣшено загрохотали орудія. Былъ теплый, совсѣмъ весенній день, съ юга дуло бодрящимъ тепломъ. Тонкій слой снѣга таялъ подъ солнцемъ, голуби суетились подъ карнизами фанзъ и начинали вить гнѣзда; стрекотали сороки и воробьи. Пушки гремѣли, завывали летящіе снаряды; у всѣхъ была одна серьезная, жуткая и торжественная мысль: „Началось“...

Съ заходомъ солнца канонада замолкла. Всю ночь по колоннымъ дорогамъ передвигались съ запада на востокъ пѣхотныя части, батареи, парки. Подъ небомъ съ мутными звѣздами далеко разносился въ темнотѣ шумъ колесъ по твердой, мерзлой землѣ. Въ третьемъ часу ночи вошла убывающая луна,—желтая, въ мутной дымкѣ, какъ будто размазанная. Части все передвигались, и въ воздухѣ стоялъ непрерывный, ровнорокочущій шумъ колесъ.

Медленно и грозно потянулся день за днемъ. Поднимались метели, сухой, сыпучій снѣгъ тучами несся въ воздухѣ. Затихало. Трещали морозы. Падалъ снѣгъ. Грѣло солнце, становилось тепло. На позиціяхъ все грохотали пушки и снѣжно ухали ружейныя залпы,—

короткіе, сухіе и отрывистые, какъ будто кто-то колотъ тамъ дрова. По ночамъ вдали сверкали огоньки рвущихся снарядовъ; на темномъ небѣ мигали слабые отсвѣты орудійныхъ выстрѣловъ, осторожно ползали лучи прожекторовъ.

Наши госпитали стояли за Путиловскою сопкою. На сопкѣ творилось что-то ужасное. Съ утра до вечера японцы осыпали ее снарядами изъ одиннадцатидюймовыхъ гаубицъ. Стальные чудовища, фыркающая, мчались изъ невидимой дали, били въ окопы, въ загражденія и волчьи ямы; сѣро-желтые и черноватые клубы вара выносились на высоту, ширились и развѣтвлялись, какъ невидано-огромные кусты; они отрывались отъ сопки и таяли, грязня небо, а снизу выносились все новые и новые дымовые столбы. Такъ было днемъ. Ночью-же происходили непрерывные штурмы сопки. Ея скаты были устланы японскими трупами. Шли слухи, что японцы во что бы то ни стало рѣшили овладѣть сопкою, и было похоже на то, — такая масса все новыхъ и новыхъ полковъ шла каждую ночь на штурмъ. Только много позднеѣ мы узнали, въ чемъ тутъ было дѣло. Стремительныя атаки японцевъ на нашъ лѣвый флангъ и центръ заставили думать Куропаткина, что именно тутъ они и готовятъ свой ударъ; сюда Куропаткинъ и стянулъ главныя силы. Между тѣмъ японцы постепенно переводили свои войска на противоположный флангъ, гдѣ обходная армія Ноги заходила намъ въ тылъ. Путиловская сопка была въ центрѣ. Каждую ночь проходившіе мимо японскіе полки штурмовали сопку, а утромъ уходили дальше на западъ; съ востока же подходили новые полки. И получалось впечатлѣніе, что на нашъ центръ брошена чуть-ли не вся японская армія.

Воздухъ былъ насыщенъ слухами. Одни рассказывали, что станція Шахе въ нашихъ рукахъ, что у японцевъ отнято семнадцать орудій, что на лѣвомъ нашемъ

флангѣ Линевицъ опрокинулъ японцевъ и гонить ихъ къ Ляояну. Другіе сообщали, что на обоихъ флангахъ японцы продвинулись впередъ.

Въ султановскомъ госпиталѣ уже мѣсяца полтора была еще новая сверхштатная сестра, Варвара Федоровна Каменева. Ея мужъ, артиллерійскій офицеръ изъ запаса, служилъ въ нашемъ корпусѣ. Она оставила дома ребенка и пріѣхала сюда, чтобъ быть недалеко отъ мужа. Вся ея душа какъ будто была изъ туго натянутыхъ струнъ, трепетно дрожавшихъ скрытою тоскою, ожиданіемъ и ужасомъ. Ея родственники имѣли крупныя связи, ей предложили перевести ея мужа въ тылъ. Съ отчаяніемъ сжимая руки, она отвѣчала:

— Если онъ на это поѣдетъ, я перестану его уважать!

И теперь, когда мы всѣ, давно привыкшіе къ канонадѣ, разговаривали и смѣялись, почти не слыша ея сестра Каменева сидѣла съ блѣдной, разсѣянной улыбкой, прислушивалась и слабо вздрагивала при каждомъ пушечномъ выстрѣлѣ.

Офицерскія палаты нашихъ госпиталей были биткомъ набиты офицерами. У одного охрипло горло, у другого покалывало въ боку, третій жаловался на „боли въ головѣ, и въ плечѣ, и въ заднемъ „проходѣ“. До поздней ночи они играли въ преферансъ и въ винтъ, вставляли часовъ въ одиннадцать дня. Лежалъ тамъ и ординарецъ изъ штаба нашей дивизіи, поручикъ Шестовъ. Какъ разъ передъ началомъ боя подъ нимъ споткнулась лошадь, онъ ушибъ себѣ большой палецъ руки. И вотъ ужъ шестой день поручикъ лежалъ у насъ. Держа руку на черной перевязи, онъ ходилъ въ гости къ намъ, въ султановскій госпиталь, въ земскій отрядъ, съ мѣсяцъ назадъ основавшійся тоже въ нашей деревнѣ.

Ему массировала руку хорошенькая сестра Леонова.

— Что, вы ужъ кончаете? Пожалуйста, помассируйте еще!—просилъ поручикъ и, какъ котъ щурился, пѣ- жась отъ поглаживаній маленькихъ и мягкихъ рукъ дѣвушки.

По вечерамъ поручикъ старался встрѣтиться съ Леоновой на улицѣ, шелъ рядомъ, улыбаясь остренькою улыбкою сатира, тянулъ ее гулять въ уединенныя мѣста. Леонова наконецъ взмолилась доктору, чтобъ онъ освободилъ ее отъ массированія поручика.

Канонада съ каждымъ днемъ усиливалась. Робко и осторожно, какъ будто сама себѣ не довѣряя, по арміи стала распространяться волнующая вѣсть: японцы обходятъ нашъ правый флангъ.

— Что за пустяки!—смѣялись офицеры.

А слухъ расползался и крѣпъ. Смутная тревога росла. Однажды вечеромъ мы сидѣли за чаемъ въ земскомъ отрядѣ. Тутъ-же былъ и поручикъ Шестовъ, съ правою рукою на черной перевязи.

— А объ обходѣ-то говорятъ все настойчивѣе!—замѣтилъ я.

Шестовъ оглядѣлъ меня и снисходительно улыбнулся.

— Эхъ, докторъ! И какъ можете вы этому вѣрить? Это невозможно!

Забывъ, что онъ не можетъ владѣть правою рукою, поручикъ взялъ клочокъ бумаги и сталъ мнѣ чертить на немъ расположеніе нашихъ и японскихъ войскъ. Изъ чертежа этого съ полною, очевидною наглядностью вытекало, что обойти японцамъ нашу армію невозможно въ такой же мѣрѣ, какъ перебросить всю армію на луну.

Назавтра, около пяти часовъ вечера, японскія орудія загремѣли прямо за Мукденомъ...

— Но что поручикъ! Повидимому, и у всѣхъ начальниковъ было непоколебимое убѣжденіе въ полнѣйшей невозможности обхода. Въ самомъ началѣ боя одинъ офицеръ былъ посланъ на фуражировку на крайній правый флангъ. Воротившись, онъ донесъ по начальству, что видѣлъ движущіяся на сѣверъ густыя колонны японцевъ. Командиръ корпуса написалъ на донесеніи: „дуракъ!“, а начальникъ дивизіи сказалъ: „слѣдовало бы этого господина за распространеніе ложныхъ слуховъ отдать подъ судъ.“ Разсказывалъ мнѣ врачъ, самъ слышавшій эти слова генерала. Врачъ спросилъ:

— Ваше превосходительство, развѣ обходъ такъ ужъ невозможенъ?

Генералъ въ изумленіи вытаращилъ на него глаза.

— Обходъ?!.. Ахъ, да! Вѣдь вы, впрочемъ, не военный...—Онъ обратился къ начальнику штаба:—Полковникъ, пожалуйста, объясните доктору всю нелѣпость этого предположенія!

Орудія гремѣли за Мукденомъ, и бѣшено гремѣли по всему фронту. Никогда я еще не слышалъ такой канонады: въ минуту было отъ сорока до пятидесяти выстрѣловъ. Воздухъ дрожалъ, вылъ и свистѣлъ. Поваръ земскаго отряда Өерапонтъ Бубенчиковъ сокрушенно прислушивался къ завыванію рѣзавшихъ воздухъ снарядовъ, ложился на землю и повторялъ:

— Прощай, Москва! Не видать тебѣ больше Өерапонта Бубенчикова!

Разсказывали, что на Мукденъ идетъ съ запада двадцать пять тысячъ японцевъ, что бой кипитъ уже у императорскихъ могилъ близъ Мукдена; что другіе двадцать пять тысячъ идутъ глубокимъ обходомъ прямо на Гунчжулинъ.

Земскій отрядъ получилъ отъ начальника санитарной части телеграмму: по приказанію главнокомандующаго, всѣмъ учрежденіямъ земскимъ и Краснаго Креста,

не имѣющимъ собственныхъ перевозочныхъ средствъ, немедленно свернуть, идти въ Мукденъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ уѣзжать на сѣверъ. Но палаты земскаго отряда, какъ и нашихъ госпиталей, были полны ранеными. Земцы прочли телеграмму, посмѣялись—и остались.

Передо мною сидѣлъ на табуреткѣ пожилой солдатъ съ прострѣленною мякотью бедра. Солдатъ былъ въ сѣрой, неуклюжей шинели, лицо заросло лохматою бородою. Когда я обращался къ нему съ вопросомъ, онъ почтительно вытягивался и пытался встать.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Сорокъ, говорятъ... А тамъ кто его знаетъ.

— Давно на войнѣ?

— Съ Покрова. Насъ въ Красноярскъ пригнали на обмундированіе, тамъ стояли. Значить, стали вызывать охотниковъ на войну, я пошелъ.

Посмотрѣлъ я на него,—совсѣмъ старикъ, съ смиренными, мужицкими глазами.

— Не жалѣешь, что пошелъ?

— Не... Вотъ ногу-бы залечить, опять бы пойти,—задумчиво отвѣтилъ онъ.

Шершавый какой-то, понуренный... Что у него въ душѣ? Чужалось смутное проникновеніе большимъ, общимъ дѣломъ, сознание властной связи съ чѣмъ-то важнымъ. Было непонятно, и чувствовалось, что этого не поймешь.

Въ палату ввели невысокаго человѣка въ чуждой, странной формѣ. Раненые зашевелились, взгляды направились на вошедшаго.

— Японецъ!.. Японецъ!..

Невысокій человѣкъ медленно подвигался, опираясь на плечо санитаря и волоча лѣвую ногу; онъ внимательно смотрѣлъ кругомъ исподлобья блестящими, черными глазами. Увидѣлъ мои офицерскіе погоны, вытя-

пуля и приложилъ руку къ козырьку,—ладонью впередъ, какъ у насъ козыряютъ играющіе въ солдаты мальчишки. Поблѣднѣвшее лицо было покрыто слоемъ пыли, губы потрескались и запеклись, но глаза смотрѣли бойко и быстро.

Пуля засѣла у японца въ поясницѣ. Я показаль знакомъ, чтобъ онъ раздѣлся. Солдаты молчали и слѣдили за японцемъ съ пристальною, любопытствующею неприязнью. Я спросилъ его, какой онъ арміи,—Оку? Японецъ быстро улыбнулся и предупредительно закивалъ головою.

— Оку! Оку!

— Оку?...—Я сомнительно поглядѣлъ на японца.— Не Нодзу-ли? Ходи (пріятель),—Нодзу?

Его быстрые, шельмовскіе глаза засмѣялись, онъ опять закивалъ головою:

— Нодзу! Нодзу!

Японецъ раздѣвался. Снялъ широкую верблюжью шинель съ козымъ воротникомъ, подъ нею былъ мѣховой полушубокъ-безрукавка. Солдаты засмѣялись. Японецъ взглянулъ на нихъ и тоже засмѣялся. За полушубкомъ слѣдоваль черный мундиръ съ сорванными погонами (чтобъ не узнали, какого полка), за мундиромъ—жилетка, за жилеткою—еще жилетка. Смѣхъ усиливался, перешель въ хохотъ. Хохотали солдаты, хохоталь японецъ. И оттого, что онъ такъ весело и добродушно хохоталь со всѣми, въ смѣхѣ солдатъ пропала враждебность, и милый, дружный, соединяющій смѣхъ стоялъ въ фанзѣ.

Японецъ спялъ еще фуфайку и коленкорovou рубаху. Пулевая ранка въ поясницѣ уже запеклась. Японецъ вопросительно кивнулъ мнѣ головою, потеръ руки и потомъ сталъ тереть свою круглую, стриженую голову съ жесткими, черными волосами.

— Помыться просить!—догадался фельдшеръ.

Я велѣлъ принести тазъ теплой воды и мыла. Глаза

японца радостно заблестѣли. Онъ сталъ мыться. Боже мой, какъ онъ мылся! Съ блаженствомъ, съ вдохновеніемъ... Онъ вымылъ голову, шею, туловище; разулся и сталъ мыть ноги. Капли сверкали на крѣпкомъ, бронзовомъ тѣлѣ, тѣло сверкало и молодѣло отъ охватывавшей его чистоты. Всѣхъ кругомъ захватило это умываніе. Палатный служитель сбѣгалъ къ баку и принесъ еще воды.

Японецъ благодарно взглянулъ на него и радостно засмѣялся. Служитель поглядѣлъ кругомъ и тоже засмѣялся. Японецъ опять принялся тереть мыломъ грудь, шею и щетинистую голову. Скатывалась мыльная пѣна, брызгала вода, японецъ фыркалъ и встряхивался.

Въ углу на нарахъ лежалъ раненый въ бедро солдатъ, котораго я только что перевязалъ. Смотрѣлъ онъ, смотрѣлъ на японца; смотрѣлъ, какъ тепло сверкало подъ водою его чистое, крѣпкое тѣло. Вдругъ вздохнулъ, почесалъ въ головѣ и рѣшительно приподнялся.

— Ну-ка! Дайко-ся, и я помоюсь!..

Съ позиціи сестрѣ Каменевой передали извѣстіе, что ея мужъ, артиллерійскій офицеръ, смертельно раненъ: онъ поднялся на наблюдательную вышку, его пенсне сверкнуло на солнцѣ, и мѣткая пуля пробила ему голову. У Каменевой имѣлся собственный шарбанъ и лошадь. Она поспѣшно уѣхала на позиціи.

Орудія за Мукденомъ гремѣли по-прежнему, но вѣсти пошли хорошія. Раасказывали, что самъ Куропаткинъ во главѣ шестнадцатаго корпуса ударилъ на обходный отрядъ, окружилъ его и разбилъ; три тысячи японцевъ побросали ружья и сдались. Нашъ артельщикъ, ѣздившій въ Мукденъ, видѣлъ на вокзалѣ толпы плѣнныхъ.

Къ вечеру въ нашу деревню привезли огромный транспортъ раненыхъ. Часть ихъ приняли мы, часть—султановскій госпиталь и земскій отрядъ.

Раненые были съ Путиловской сопки и ея окрестностей. Къ западу отъ сопки лежали два сильно блиндированныхъ окопа, въ нихъ сидѣло двѣ роты; надъ головами—толстыя балки, на аршинъ засыпанныя землею, впереди—узкія бойницы, заложеныя мѣшками съ пескомъ. Въ послѣднія ночи изъ этихъ окоповъ уложили массу японцевъ, шедшихъ на штурмъ сопки. И вотъ сегодня днемъ японцы направили на окопы осадныя орудія. Одинъ снарядъ за другимъ билъ рядомъ, прямо въ окопы, огромныя блиндажныя балки разлетались въ щепы. Черезъ полчаса вмѣсто двухъ грозныхъ окоповъ была каша изъ земли, обломковъ бревенъ и окровавленныхъ, изувѣченныхъ людей.

Раненыхъ вносили въ палаты, клали на кханы, устланные соломой. Они лежали и сидѣли,—обожженные, съ пробитыми головами и раздробленными конечностями. Многіе были оглушены, на вопросы не отвѣчали и сидѣли, неподвижно вытаращивъ глаза.

— Отчего они не говорятъ?—въ удивленіи спрашивала сестра.

— Вѣроятно, разрывъ барабанной перепонки, оглохли... А можетъ быть, сотрясеніе мозга.

— Смотрите, заговорилъ!..

Бородатый солдатъ съ синимъ, раздувшимся лицомъ опирался локтемъ здоровой руки о подушку и необычно-громко, какъ говорятъ глухіе, рассказывалъ сосѣду:

— Я ему говорю: „не выглядывай безъ дѣла“, а онъ глянулъ... Товарищу моему голову расколола, татарчика всего въ ключья разорвала, а меня вотъ только чуть помяла...

Его сосѣдъ чуждо смотрѣлъ на него, молчалъ и медленно мигалъ.

— Ваше благородіе! Правду говорятъ,—опять насъ японецъ обошелъ?—таинственно обратился ко мнѣ другой рапеныи.

— Говорятъ, обошелъ.

Солдатъ помолчалъ и недоумѣвающимъ полушопотомъ спросилъ:

— Что это, ваше благородіе, никакъ у насъ удачи не выходитъ?

Восточно-сибирскаго стрѣлка, съ разбитою вдребезги ногою, понесли въ операціонную для ампутаціи. Желтовосковое лицо все было въ черныхъ пятнышкахъ отъ ожоговъ, на опаленной бородѣ кончики волосъ закрутились. Когда его хлороформировали, стрѣлокъ, забываясь, плакалъ и ругался. И, какъ изъ темной, недоступной глубины, поднимались слова, выдававшія тайныя думы солдатскаго горя:

— Обгадилась Россія!.. Что народу даромъ губять! Бьютъ, уродуютъ, а толку нѣту!..

И опять рвались ругательства, и глухо звучало пѣніе, похожее на плачь.

Въ палатахъ укладывали рапеныхъ, кормили ужинномъ и поили чаемъ. Они не спали трое сутокъ, почти не ѣли и даже не пили,—некогда было, и негдѣ было взять воды. И теперь ихъ мягко охватывало покоемъ, тишиною, сознаниемъ безопасности. Въ фанзѣ было тепло, уютно отъ яркихъ лампъ. Пили чай, шли оживленные разговоры и рассказы. Въ чистомъ бѣльѣ, раздѣтые, солдаты укладывались спать и съ наслажденіемъ завертывались въ одѣяла.

Вдругъ, въ девять часовъ вечера, телеграмма отъ корпуснаго врача: по приказанію командира корпуса, немедленно эвакуировать изъ госпиталей всѣхъ рапеныхъ, лишнее казенное имущество уложить и отвезти на сѣверъ, въ деревню Хуньхепу.

Поднялась суета. Спѣшно запрягались повозки. Распалкивали только что заснувшихъ рапеныхъ, снимали

съ нихъ госпитальное бѣлье, облекали въ прежнюю рвань, напяливали полушубки. Въ смертной усталости раненые сидѣли на койкахъ, качались и, сидя, засыпали. Одну бы ночь, одну бы только ночь отдыха, — и какъ бы она подкрѣпила ихъ силы, какъ бы стоила всѣхъ лекарствъ и даже перевязокъ!

Подати двѣнадцать повозокъ. Лошади фыркали и ржали, мелькали фонари. Офицеры въ своей палатѣ играли въ преферансъ; поручикъ Шестовъ, съ рукою на черной перевязи, лежалъ въ постели и читалъ при свѣчкѣ переводной романъ Оне. Главный врачъ сказаалъ офицерамъ, чтобъ они не беспокоились и спали ночь спокойно, — ихъ онъ успѣетъ отправить завтра утромъ.

На дворѣ при фонаряхъ выносили и укладывали въ повозки раненыхъ солдатъ. Было морозно, мерцали звѣзды, на югъ гремѣли орудія и вспыхивали безшумные отсвѣты. Ползалъ по небу пирокій лучъ прожектора. Справа колебалось далекое, огромное зарево.

Раненыхъ предстояло везти за пять верстъ, на Фушунскую вѣтку. А многіе были ранены въ животъ, въ голову, у многихъ были раздроблены конечности... Изъ-за этихъ раненыхъ у насъ вышло столкновение съ главнымъ врачомъ, и всетаки не удалось оставить ихъ хоть до утра.

Ко мнѣ вволнованно подошелъ фельдшеръ Пастуховъ.

— Ваше благородіе, раненымъ уже роздали билетикъ, а я не успѣлъ съ нихъ діагнозовъ списать въ книгу. Позвольте отобрать билетики.

— Вотъ еще! Ужъ уложили больныхъ въ повозки, — полчаса имъ ждать на морозѣ, пока вы будете вписывать діагнозы! Не надо.

— Главный врачъ приказали.

— Трогай! — свирѣпо крикнулъ я кучерамъ.

Транспортъ двинулся. Раненые были укутаны всѣмъ. что только нашлось у насъ подъ рукою, но всетаки

они сильно мерзли въ дорогѣ. Одни просили ѣхать поскорѣе,—очень холодно; другіе просили ѣхать потише,—очень трясетъ.

Приѣхали наконецъ на Фушунскую вѣтку, въ Гудядзы. Тамъ ужъ скопилась масса транспортовъ изъ окрестныхъ госпиталей, шла суетливая толчея, долго распредѣляли больныхъ по госпиталямъ. Принятые раненные сейчасъ-же засыпали мертвымъ сномъ. Ихъ опять будили, чтобъ переодѣть въ госпитальное бѣлье...

Врачи сообщили мнѣ, что, по слухамъ, японцы сильно тѣснятъ насъ на правомъ флангѣ, берутъ деревню за деревнею, стремясь соединиться съ обходной арміей. На лѣвомъ флангѣ наши тоже подались на шесть верстъ.

Ѣхаль я назадъ. Была ужъ глубокая ночь, а вдали повсюду бѣшено работали пушки, и, какъ зарницы, вспыхивали отсвѣты взрывовъ. Звѣзды смотрѣли не мигая, окаймленные мутными вѣнчиками.

Во второмъ часу ночи къ намъ въ фанзу вошли два взволнованныхъ казака съ винтовками за плечами.

— Ваше благородіе, изъ васъ никто сейчасъ отъ Юзантуня не проѣзжалъ верхомъ?

— Я сейчасъ съ сѣвера приѣхалъ, изъ Гудядзы.

— Нѣтъ, отъ Юзантуня?

Казаки разыскивали японскаго шпиона, одѣтаго русскимъ военнымъ врачомъ. Около Байтапу онъ спросилъ пѣхотинцевъ, куда ушла 25 дивизія, тѣ сказали. Потомъ раздумались: лицо съ косыми глазами, русскій выговоръ плохой. Сообщили казакамъ. Казаки бросились въ догонку. Подозрительный врачъ разспрашивалъ у Юзантуня артиллеристовъ, потомъ обозныхъ. Обозные почувствовали сомнѣніе, хотѣли задержать врача, онъ повернулъ лошадь и ускакалъ, а солдаты были безъ винтовокъ. Дальше слѣдъ японца терялся. Кто-то видѣлъ какого-то военнаго врача, направляющагося къ нашей деревнѣ...

— Это, значитъ, не вы были?

Казакки вышли изъ фанзы и поскакали дальше.

— Да, не дремлютъ японцы, работаютъ, — вздохнулъ Селюковъ.

Шанцеръ задумчиво прислушивался къ грохоту орудій. Онъ нервно и брезгливо повелъ плечами.

— Господи! Кажется, и сами-то пушки русскія стрѣляютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ японскія! Что-то такое тупое въ ихъ звукѣ, вялое...

Утромъ встрѣчаемся мы съ врачами-земцами.

— Вы не уѣхали? — удивились мы.

— Съ какой стати?

— Вѣдь вы-же получили приказъ уѣхать.

— Эка! Станемъ мы исполнять ихъ приказы! Мы сюда пріѣхали работать, а не кататься по желѣзнымъ дорогамъ.

Оказывается, и вчерашняго приказанія эвакуировать раненыхъ они тоже не исполнили, а всю ночь оперировали. У одного солдата, раненнаго въ голову, осколокъ височной кости повернулся ребромъ и врѣзался въ мозгъ; больной рвался, бился, сломалъ подъ собою носилки. Ему сдѣлали трепанацію, вынули осколокъ, — больной сразу успокоился; можетъ быть, былъ спасенъ. Если бы онъ попалъ къ намъ, его съ врѣзавшимся въ мозгъ осколкомъ повезли бы въ тряской повозкѣ на Фушунскую вѣтку, кость врѣзывалась бы въ мозгъ все глубже...

— Мы вѣдь Треповыхъ хорошо знаемъ, — смѣялись земцы. — Они люди военные, для нихъ самое главное — телеграфировать въ Петербургъ: „всѣ раненые вывезены“. А что половина ихъ отъ этого перемереть, — „на то и война.“ Чѣмъ мы рискуемъ? Везти тяжелыхъ раненыхъ, перетряхивать ихъ, перегружать, — вѣрная для нихъ смерть. Когда придется отступать, тогда и

обсудимъ, что дѣлать... А Трепова намъ чего бояться? Ну, обругаетъ, — чтожъ такое!

Въ тотъ-же день, 19-го февраля, мы получили приказъ: раненыхъ больше не принимать, госпиталь свернуть, уложиться и быть готовыми выступить по первому извѣщенію. Пришелъ вечеръ, все у насъ было разорено и уложено, мы не ужинали. Рассказывали, что на правомъ флангѣ японцы продолжаютъ насъ тѣснить. Куропаткинъ окружилъ и разбилъ обходный отрядъ, но сзади, уступами, появляются все новыя и новыя обходныя колонны.

— Прутъ безъ числа, какъ свиньи, какъ саранча! — въ трепетномъ недоумѣніи и ужасѣ рассказывали проѣзжіе казаки. — Раздѣмшись на штурмъ бѣгутъ, въ однихъ гимнастеркахъ. Тысячами ихъ кладутъ, а они еще грубѣе впередъ прутъ, словно пьяные...

Въ два часа ночи изъ штаба корпуса пришла телеграмма, — обоимъ госпиталямъ немедленно выступить въ деревню Хуньхепу, верстъ за семь на сѣверо-западъ. Черезъ четверть часа пришла новая телеграмма: командиръ корпуса разрѣшалъ намъ переночевать на мѣстѣ и выступить утромъ.

— Очевидно, вспомнилъ, что Новицкой нужно поспать ночь, — догадывались мы.

Утромъ мы выѣхали. Земцы прощались съ нами и посмѣивались.

— А вы остаетесь? — спрашивали мы съ смутнымъ стыдомъ и завистью.

— Остаемся. Удрать всегда поспѣемъ. Дѣло немудрое.

Было тихое, солнечное утро. Нашъ обозъ, поднимая пыль, медленно двигался по дорогѣ. Мы ѣхали верхомъ. Сзади, слѣва, спереди гремѣли пушки. Среди приглядѣвшихся очертаній ѣхавшихъ съ обозомъ всадниковъ одна фигура была новая. Это былъ поручикъ Шестовъ. Рука его окончательно поправилась, и вчера

его выписали изъ госпиталя. Но поручикъ „не зналъ, гдѣ теперь находится штабъ“, и поѣхалъ вмѣстѣ съ нами.

Хуньхепу было биткомъ набито обозами и артиллерійскими парками. Всѣ фанзы были переполнены. Мы пріютились въ убогомъ глиняномъ сарайчикѣ. Пошли пить чай къ знакомымъ врачамъ стоявшаго въ Хуньхепу госпиталя.

Тамъ рассказывали, что отъ царя получена телеграмма, поздравляющая армію съ побѣдой.

— Какая же побѣда?

— Говорятъ, обходная армія разбита въ пухъ, мы переходимъ въ наступленіе.

— А сколько въ нашемъ корпусѣ потерь! Въ X-вскомъ полку легло полторы тысячи человекъ, Z-скій полкъ уничтоженъ почти цѣликомъ, командиръ полка убитъ...

— Чортъ возьми, масленица наступаетъ!.. Вотъ такъ масленица!

— А вы слышали, господа? Японцы перебросили въ наши окопы записку, въ ней они 25 февраля приглашаютъ русскихъ въ Мукденъ на блины.

— Вотъ пахачи!..

Пріѣхалъ въ Хуньхепу и султановскій госпиталь. Фанза для него тоже, конечно, не оказалось. Султановъ, какъ всегда въ походѣ, былъ раздражителенъ и веистово-золъ. Съ трудомъ нашелъ опъ себѣ на краю деревни грязную, вонючую фанзу. Первымъ дѣломъ велѣно было печникамъ-солдатамъ вмазать въ печь плиту и повару—готовить для Султанова обѣдъ. Новичкая оглядывала грязную, закопѣлую фанзу, пахнущую чеснокомъ и бобовымъ масломъ, и печально говорила:

— А въ М-ни потолокъ и стѣны были у насъ оклеены розовыми обоями, на полу были цыновки...

Султановъ, желтый и сердитый, послалъ командиру корпуса телеграмму:

„Не нашель ни одной свободной фанзы, гдѣ прикажете помѣститься?“

Мнѣ представился нашъ корпусный, читающій приходящія телеграммы: въ такомъ-то полку легло полторы тысячи человекъ, такой-то полкъ уничтоженъ цѣликомъ, тамъ-то появились съ фланга японцы, — д-ръ Султановъ не можетъ себѣ найти удобнаго помѣщенія...

А поручику Шестову все никакъ не удавалось узнать, гдѣ находится штабъ дивизии. Поэтому онъ снова легъ въ здѣшній госпиталь. Когда мы пили у врачей чай, онъ зашелъ къ нимъ. Неожиданно увидѣвъ насъ, поручикъ напряженно нахмурился, молчаливо сѣлъ въ уголокъ и сталъ перелистывать истрепанный томъ „Нивы“.

Пришелъ нашъ главный врачъ, хмурый и разстроенный.

— Получена новая телеграмма,—перейти мостъ черезъ рѣку Хунхе и тамъ ждать дальнѣйшихъ приказаній.

— А какъ дѣла, не знаете?

— Что! Японцы прорвали центръ, Суятунь горить. Здѣсь велѣно заготовить керосину, чтобъ при первомъ приказѣ зажечь всѣ склады. Контроль, казначейство и обозы второго разряда переводятся на сѣверъ...

Къ вечеру мы получили вторую телеграмму, — немедленно идти въ дер. Палинну, къ востоку отъ Мукдена.

Мы выступили, когда солнце садилось. Вѣтеръ чуть вѣялъ, горизонтъ былъ мутный—отъ дыма? отъ пыли? Безконечные обозы столпились у узкаго, ветхаго и истоптаннаго понтоннаго моста черезъ р. Хунхе. Мы томительно долго ждали своей очереди.

Съ той стороны шла рота борисоглѣбцевъ.

— Откуда, братцы?

— Провожали мортиры въ Телинѣ.

Наконецъ перешли мы мостъ, пошли ровнѣе. Стемнѣло, было тихо, звѣздно и очень холодно. Мы дошли до южныхъ воротъ Мукдена и повернули направо вдоль городской стѣны. Надъ обозомъ неподвижно стояла очень мелкая, густая пыль; она забивалась въ глаза, въ носъ, трудно было дышать. Становилось все холоднѣе, ноги въ стременахъ стыли.

— Да, „ночь повѣяла томной прохладой!“ — вздохнулъ Селюковъ, ежась отъ холода.

Мы шли, шли... Никто изъ встрѣчныхъ не зналъ, гдѣ деревня Палинпу. На нашей картѣ ся тоже не было. Ломалась фура, мы останавливались, стояли, потомъ двигались дальше. Останавливались надъ провалившимся мостомъ, искали въ темнотѣ проѣзда по льду, и двигались опять. Все больше охватывала усталость, кружилась голова. Свѣтлѣла въ темнотѣ ровно-сѣрая дорога, слѣва непрерывно тянулася высокая городская стѣна, за нею мелькали вершины деревьевъ, гребни изогнутыхъ крышъ,—тихіе, таинственно-чуждые въ своей особой отъ насъ жизни.

Стѣна осталась позади, пошли поля и рощи. Было ужъ очень поздно, царственно сіявшій Юпитеръ склонился къ западу. Никто не зналъ, гдѣ Палинпу, и когда мы туда придемъ.

— Хорошо еще, что идемъ мы туда на обычное бездѣлье,—мрачно философствовалъ Селюковъ.—А если бы мы тамъ были нужны?

Озябшій аптекарь, сильно подвыпившій, вылѣзъ изъ своей повозки. Въ полуплубкѣ и папахѣ, онъ шагаль по пыльной дорогѣ и заплетающимся языкомъ говоритъ:

— Приятно этакъ ѣхать на холодѣ, когда знаешь, что впереди тебя ждетъ чаекъ, ужинъ, постель теплая... А такъ непріятно!

Палинпу мы не нашли и заночевали въ встрѣчной деревнѣ, биткомъ набитой войсками. Офицеры расска-

звали, что дѣла наши очень хороши, что центръ вовсе не прорванъ; обходная армія Нюги съ огромными потерями отброшена назадъ; почта, контроль и казначейство переводятся обратно въ Хунхепу.

Утромъ оказалось, что мы находимся всего въ полверстѣ отъ Палинцу. Мы перешли туда.

Медленно тянулся день за днемъ. Съ свернутыми шатрами и упакованнымъ въ повозки перевязочнымъ матеріаломъ, мы безъ дѣла стояли въ Палинцу. Въ голубой дымкѣ рисовались стѣны и башни Мукдена, невдалекѣ высилась большая прекрасная кумирня. Деревни вокругъ города стояли еще цѣлыя, рощи не были порублены. Но теперь опять фанзы постепенно разграблялись и разрушались, вѣковыя деревья падали подъ русскими топорами. Опять китайцы съ вѣжливыми, сдержанными лицами пытались жаловаться офицерамъ на „ломайло“ (грабежъ) солдатъ, а офицеры равнодушно отвѣчали:

— Пу-тунда (не понимаю)!

— Пу-тундо? — предупредительно переспрашивали китайцы и, улыбаясь, кивали головами.

Пушки гремѣли за Мукденомъ и оттуда широкимъ полукругомъ къ югу, загибаясь за нами на востокъ. Мимо насъ непрерывною вереницею тянулись на сѣверъ обозы. Къ намъ подъѣзжали конные солдаты-ординарцы.

— Ваше благородіе, какъ тутъ проѣхать въ Сандіазу?

— Не знаю. Она въ какихъ мѣстахъ?

— Не могу знать. Велѣно только поскорѣе донесеніе доставить въ Сандіазу...

И солдатъ ѣхалъ дальше.

Мимо насъ проходили на сѣверъ госпитали. Другіе, подобно нашему, стояли свернутыми по окрестнымъ

деревнямъ и тоже не работали. А шель ужасающій бой, каждый день давалъ тысячи раненыхъ. Завидѣвъ флагъ госпиталя къ намъ подѣзжали повозки съ будочками, украшенными краснымъ крестомъ.

— Ваше благородіе, тутъ у васъ госпиталь? Раненыхъ мы привезли.

— Не принимаемъ. Госпиталь свернуть.

— Ну, что жъ намъ дѣлать? Ах-хъ ты, Боже мой!.. Съ утра ѣдимъ, нигдѣ не можемъ сдать.

— А вы откуда?

— Изъ Суятуня выѣхали..

Изъ Суятуня! Это двадцать верстъ отсюда!.. Изъ будочекъ неслись стоны и оханья. Транспортъ, потряхивая изувѣченныхъ людей, вяло двигался дальше искать пристанища.

Какъ-то прошелъ мимо насъ и транспортъ носилокъ на мулахъ. Спереди и сзади въ камышевыя ручки носилокъ было впряжено по мулу, а на носилкахъ подъ парусиновыми будочками лежали раненые. Идея прекрасная: мулы идутъ, бойко и ровно перебирая тонкими ногами, носилки плавно колышутся, какъ лодочка на лѣнливыхъ волнахъ. Идея прекрасная. Но на моихъ глазахъ пара муловъ заартачилась, стала биться, сломала ручку носилокъ и вывалила на землю солдата съ раздробленнымъ пулею колѣннымъ суставомъ. Солдаты-погонщики рассказывали, что мулы совсѣмъ не сѣзжены, изъ двухсотъ муловъ только десятокъ паръ „идутъ ладно“, а остальные то и дѣло артачатся, ломаютъ и опрокидываютъ носилки. Къ тому-же, погонщики наши совсѣмъ не умѣли управлять мулами, привыкшими къ китайскимъ понуканіямъ; погонщики постоянно путали эти понуканія, командовали „вправо“, когда хотѣли повернуть влѣво. Въ довершеніе всего, по курьезной ироніи генія языка, китайское „тпру“ или „тпруе“ обозначаетъ какъ разъ обратное тому, что у насъ: наше „но!“ По забывчивости, погонщики крича-

ли: „тпру!.. Стой, дьяволъ!.. Тпру!..“ А мулы добросовѣстно пускались вскачь.

Заходили къ намъ въ фанзу продрогшіе офицеры, просили обогрѣться, пили чай.

— Какъ дѣла?

— Плохи! Всѣ наши чудно-укрѣпленные позиціи приказано бросить и отойти за Хунхе.

— Но скажите, — какъ все это случилось? Вѣдь войскъ у насъ больше, чѣмъ у японцевъ.

— Больше!—задумчиво отзывался казачій эсауль.— Больше. И артиллерія теперь лучше.

— Пѣхота наша стрѣляетъ куда мѣтче японской. Японцы только тѣмъ берутъ, что не жалѣютъ патроновъ.

— Да... О кавалеріи ужъ и говорить нечего.

— А насъ всетаки бьютъ...

— Почему?

— Да, почему?...

Мимо все шли и шли обозы, шли теперь также пѣхотныя колонны. Кольцо пушечной кононады загибось вокругъ насъ все круче. Молодой китаецъ изъ сосѣдней фанзы, съ наглымъ и продувнымъ лицомъ подгородняго жителя, вспоминалъ китайско-японскую войну и рассказывалъ намъ, что въ то время китайскія войска бѣжали передъ японцами совсѣмъ такъ-же, какъ теперь—русскія.

— Цитайска солдата, русска солдата—игаянъ (одинаково). Ибенъ (японецъ)—пафъ! пафъ! Цитайска солдата — бѣги-бѣги, русска солдата бѣги-бѣги! Тхунъ-тхунъ игаянъ (совсѣмъ все равно)!

И опъ развязно хлопалъ насъ по плечу, закатывался хохотомъ и указывалъ на отступавшія колонны. У жернова старикъ-китаецъ заботливо подбиралъ съ земли въ совочекъ сорный каолянъ, просыпанный при кормежкѣ нашими лошадьми. Я случайно взглянулъ на старика: онъ держалъ въ рукѣ совочекъ и черезъ

глиняный заборъ неподвижно смотрѣлъ на двигавшіяся въ пыли войска. Морщинистое лицо китайца все искажилось отъ ѣдкой ненависти и злораднаго торжества. Но онъ замѣтилъ, что я смотрю на него,—и сразу лицо его стало безстрастнымъ, ничего не выражающимъ.

А обозы и войска все двигались мимо. Гдѣ штабъ нашего корпуса, никто не зналъ. Подъѣзжали къ намъ казаки-забайкальцы, подъѣзжали саперы почтово-телеграфной роты, ординарцы,—все спрашивали, гдѣ штабъ корпуса.

— Не знаемъ! Самы очень этимъ интересуемся!

Мы были въ недоумѣніи,—уходить-ли намъ или ждать приказаній. Можетъ быть, объ насъ просто забыли, а можетъ быть, и нѣтъ никакой нужды уходить. Воротился ѣздившій въ Мукденъ кауштармусъ и сообщилъ, что на вокзалѣ спяты все почтовые ящики, телеграммы не принимаютъ; на платформѣ лежатъ груды прибывшихъ изъ Россіи частныхъ посылокъ, ихъ раздаютъ желающимъ направо и налѣво: „все равно, сейчасъ все будемъ жечь“.

На югъ поднимались густые клубы дыма отъ подожженныхъ нами складовъ на Фушунской вѣткѣ. Пушки гремѣли. Прошелъ мимо Каспійскій полкъ. Прошли, шатаясь, два пьяныхъ, исхудалыхъ солдата, съ глазами, красными отъ водки, пыли и усталости.

— Ваше благородіе, куда тутъ Петровскій полкъ прошелъ?—спрашивали они неслушающимися языками.

— Не знаю... Гдѣ это вы выпили?

— Мимо складовъ шли, черезъ вѣтку. Все раздаютъ, сколько хочешь, бери,—спиртъ, коньякъ, сахаръ... Одежу всякую...

Прошли обозы 19 и 20 восточно-сибирскихъ полковъ. Обозы сопровождалъ офицеръ. Мы спросили его, въ какомъ положеніи дѣла.

— Сзати только наши два полка, больше никого нѣтъ. За ними японцы. Вашъ госпиталь зачѣмъ здѣсь?

— Мы не получали приказа двигаться.

— Я бы вамъ совѣтовалъ сняться и уйти. А то съ нами подъ Ляояномъ было: замѣшпались госпитали, нашимъ полкамъ пришлось ихъ прикрывать, и изъ-за этого мы массу понесли потерь.

— А скажите, пожалуйста,—правда, мы отдаемъ Мукденъ?

— Мукденъ?!—изумился офицеръ.—Что вы такое говорите! Нѣ-ѣтъ!... Вѣдь армія только мѣняетъ фронтъ, больше ничего.

Насталъ вечеръ—тихий, безвѣтренный. Солнце сѣло, западъ былъ красновато-мутный отъ пыли и дыма. Засвѣтился тонкій серпъ молодого мѣсяца, подъ нимъ зеленоватымъ свѣтомъ мерцала вечерняя звѣзда. Черные клубы пожарнаго дыма стали окрашиваться заревомъ. Въ сосѣдней деревнѣ, на берегу рѣки Хунхе, стали восточно-сибирскіе стрѣлки 19 и 20 полковъ. Главный врачъ поѣхалъ туда посовѣтоваться, что намъ дѣлать. Начальникъ бригады, генераль Путиловъ, предложилъ оставить у него одного нашего солдата; черезъ этого солдата онъ дастъ намъ знать, когда уходить.

Всю ночь на югѣ, надъ подожженными складами, колыхались огромные клубы огненнаго дыма. На западѣ вздымалось и быстро росло новое зарево. Въ роцѣ близъ сосѣдней деревни часто стучали въ темнотѣ топоры: стрѣлки готовили засѣки.

Назавтра, 24 февраля, съ ранняго утра кругомъ загремѣли пушки. Онѣ гремѣли близко и со всѣхъ сторонъ, было впечатлѣніе, что мы ужъ цѣликомъ охвачены однимъ огромнымъ, гремящимъ, огненнымъ кольцомъ. Въ сосѣдней деревнѣ тучами рвались шрапнели, ахали шимозы, трещали ружейныя пачки: японцы, подѣ

огнемъ нашихъ стрѣлковъ, переправлялись черезъ рѣку Хуньхе.

Всѣ кругомъ были заняты огромнымъ, важнымъ, смертно-серьезнымъ дѣломъ. А мы стояли—безъ дѣла, безъ дѣли, безъ смысла, какъ незваные гости, пришедшіе не во время.

Въ одиннадцатомъ часу изъ сосѣдней деревни приближалъ дежурившій тамъ нашъ солдатъ. Онъ принесъ намъ приказаніе генерала Путилова немедленно сняться и уходить на сѣверъ, къ Хоулину.

У насъ все было готово, лошади стояли въ хомутахъ. Черезъ четверть часа мы выѣхали. Поспѣшно подошла рота солдатъ и залегла за глиняныя ограды нашихъ дворовъ. Изъ сосѣдней деревни показались медленно отступавшіе стрѣлки. Надъ ними зарождались круглые комочки дыма; съ завивающимся трескомъ рвались въ воздухъ шрапнели; казалось, стрѣлковъ гонить передъ собою злобная стая какихъ-то невиданныхъ воздушныхъ существъ.

Мы ѣхали на сѣверъ. Съ юга дулъ бѣшеный вѣтеръ, въ тускломъ воздухѣ метались тучи сѣро-желтой пыли, въ десяти шагахъ ничего не было видно. По краямъ дороги валялись издыхающіе волы, сломанныя повозки, брошенные полушубки и валенки. Отставшіе солдаты вяло брели по тропинкамъ или лежали на китайскихъ могилкахъ. Было удивительно, какъ много среди нихъ пьяныхъ.

Шагали по дорогѣ три солдата. Они были трезвы и изурены.

— Какого полка?

— Иркутскаго.

— Гдѣ же вашъ полкъ?

— Не можемъ знать, ищемъ его.

Ихъ полкъ стоялъ около Ердагоуской сопки. Эти трое находились впереди окоповъ. въ секретѣ. Ночью

полкъ отвели отъ позицій, а объ нихъ забыли. Хватились они,—окопы пусты, войска ушли...

Обозовъ на дорогѣ скоплялось все больше, то и дѣло приходилось останавливаться. Наискосокъ по грядамъ поля шелъ навстрѣчу батальонъ пѣхоты. Верховой офицеръ хриплымъ, озлобленнымъ голосомъ кричалъ встрѣчному офицеру:

— Александръ Петровичъ, гдѣ полковникъ Пановъ?

— Не знаю, я его два дня не видалъ.

— Чортъ ихъ всѣхъ удави! Это не порядокъ у насъ, а б—къ какой-то!... Куда баталіонъ вести?

Какъ будто въ самомъ воздухѣ начинала чувствоваться безпомощная, недоумѣвающая растерянность. Видно было, никто кругомъ ничего не знаетъ и не понимаетъ.

Обозы окончательно остановились. По поперечной дорогѣ непрерывною вереницею мчались къ западу орудія забайкальской казачьей батареи. Мелькали въ пыли черныя топкодулыя пушки, морды лошадей, желтые околыши, бронзовыя, косоглазья лица бурятовъ-ѣдовыхъ. Мы стояли. Межъ орудій проскочилъ на нашу сторону запыленный верховой офицеръ-ординарецъ. У него было молодое, измученное и растерянное лицо.

— Не знаете, гдѣ тутъ деревня Юншинпу?—торопливо спросилъ онъ насъ.

— Не знаемъ.

— Эй, ты, ходя (пріятель)! Гдѣ тутъ Юншинпу?—крикнулъ онъ проходившему китайцу.

Китаецъ, не поднимая головы, молча шелъ по дорогѣ. Офицеръ наскочилъ на него и бѣшено замахнулся пагайкою. Китаецъ что-то сталъ говорить, разводилъ руками. Офицеръ помчался въ сторону. Изъ-подъ коня его лошади вѣтеръ срывалъ гигантскіе клубы желтоватой пыли.

Вдругъ мчавшаяся батарея стала задерживаться. Казаки-буряты натягивали поводья, лошади заѣзжали въ

сторону, орудія остано­вились. Громко ругаясь, проѣхалъ офицеръ артиллеристъ.

— Опять велѣно назадъ повернуть! — обратился онъ къ намъ, незнакомымъ, и въ бѣшенствѣ разводилъ руками. — Повѣрите-ли, съ утра все время только и дѣлаемъ, что мотаемся съ одного конца на другой: то къ Мукдену пошлютъ, то поворачиваютъ назадъ!...

И въ обратную сторону опять замелькали въ пыли орудія, и запрыгали темныя лица бурятовъ съ приплюснутыми носами.

Дорога очистилась, мы двинулись дальше. Шли, шли. Со всѣхъ сторонъ гремѣли пушки, сзади и справа трещалъ частый ружейный огонь.

Часамъ къ двумъ мы пришли въ Хоулинъ. Но остано­вливаться здѣсь нечего было и думать. Всѣ поспѣшно снимались и уходили на сѣверъ. На откосѣ горы, заросшей громадными кедрами и соснами, мы только сдѣлали привалъ на полчаса, чтобъ поѣсть. Съ дороги сквозь деревья мчались клубящіяся тучи пыли, пламя нашихъ костровъ пригибалось къ песку. Выше насъ, подъ соснами, трепыхали бѣлые флаги съ краснымъ крестомъ, тамъ работалъ перевязочный пунктъ Новочеркаскаго полка и какоѣ-то дивизионный лазаретъ. Окровавленные раненые шевелились, стонали, умирали. Увезти ихъ было не на чемъ, и они лежали рядами. За горою лихорадочно трещала ружейная стрѣльба, пули жужжали въ соснахъ. Съ вершины горы видны были перебѣгавшіе назадъ новочеркасцы, падали убитые и раненые, слѣдомъ наступали растянутыми цѣпями японцы.

Ѣхать, ѣхать!... Какъ вѣчные жи­ды, бездѣльные, никому не нужные, — мы двинулись дальше съ десятками повозокъ, нагруженныхъ непужнымъ „казеннымъ имуществомъ“. Выбросить вопъ всю эту кладь, наложитъ въ повозки изувѣченныхъ людей, на которыхъ сейчасъ посыплются шрапнели... Какъ можно! Придется

отвѣчать за утерянное имущество. Ружейная пальба становилась ближе, громче. Раненые волновались, поднимались на рукахъ, въ ужасѣ прислушивались...

И мы уѣхали.

Шла широкая китайская дорога, съ обѣихъ сторонъ заросшая кустами. Въ клубахъ пыли густо двигались обозы. На краю дороги, у трехъ фанзъ, толпились народъ: подъѣзжали и отъѣзжали повозки. Это былъ интендантскій складъ. Его не успѣли вывезти и прежде, чѣмъ жечь, раздавали все направо и на лѣво проходившимъ войскамъ. Подъѣхали нашъ главный врачъ со смотрителемъ, взяли ячменю, консервовъ.

— Хотите бочку спирта? — предложилъ интендантскій чиновникъ.

У Давыдова жадно загорѣлись глаза; онъ колебался. Но смотритель рѣшительно воспротивился: не достаетъ, чтобъ команда еще перепилась въ дорогѣ.

Нашъ обозъ двинулся дальше. Солдаты втихомолку озлобленно ругали смотрителя за отказъ отъ спирта.

А у огромной спиртовой бочки съ выбитымъ дномъ стоялъ интендантскій заурядъ-чиновникъ и черпакомъ наливалъ спирту всѣмъ желавшимъ.

— Бери, ребята, больше! Все равно, жечь!

Кругомъ толпились солдаты съ запыленными, измученными лицами. Они подставляли папахи, чиновникъ доверху наливалъ папаху спиртомъ, и солдатъ отходилъ, бережно держа ее за края. Тутъ-же онъ припадалъ губами къ папахѣ, жадно, не отрываясь, пилъ, отряхивалъ папаху и весело шель дальше.

Все больше мы обгоняли шатающихся, мертвецки-пьяныхъ солдатъ. Они теряли винтовки, горланили пѣсни, падали. Неподвижныя тѣла валялись у краевъ дороги въ кустахъ. Три артиллериста, размахивая руками, шли куда-то въ сторону по грядамъ съ сръзаннымъ каоляномъ.

Но кто же были эти интендантскіе чиновники? Предатели, подкупленные японцами? Негодяи, желавшіе порадоваться на полный позоръ русской арміи? О, нѣтъ! Это были только добродушные русскіе люди, они только не могли принять душою мысли, — какъ можно собственною рукою поджечь такую драгоценную жидкость, какъ спиртъ?!. И во всё послѣдующіе дни, во все время тяжелаго отступленія, армія наша кипѣла пьяными. Какъ будто праздновался какой-то радостный всеобщій праздникъ. Рассказывали, что въ Мукденѣ и въ деревняхъ китайцы, подкупленные японскими эмиссарами, папавали нашихъ измученныхъ боемъ, отступавшихъ солдатъ дьявольскою китайскою сивухою — ханьпинномъ. Можетъ быть, это и было. Но всё пьяные солдаты, которыхъ я разспрашивалъ, сообщали, что они получили водку, спиртъ или коньякъ изъ разнаго рода русскихъ складовъ, обреченныхъ на сожженіе. Зачѣмъ было японцамъ тратиться на китайцевъ! У нихъ былъ болѣе страшный для насъ, болѣе вѣрный и безкорыстный союзникъ. Это — тотъ самый черный союзникъ, съ которымъ тщетно боролся главнокомандующій своими бумажками; союзникъ, неуловимо перерывавшій наши телеграфныя и телефонныя сообщенія, разворачивавшій самые нужные участки нашего желѣзнодорожнаго пути и систематически сѣявшій неистовую къ намъ ненависть среди смиренныхъ мѣстныхъ жителей.

Мы шли по песчанымъ, лѣсистымъ холмамъ до наступленія темноты. Грохотъ пушекъ чуть доносился теперь изъ глухой дали.

У дороги, въ лѣсу, стоялъ на горкѣ богатый китайскій хуторъ, обнесенный каменною стѣною. Мы остановились въ немъ на почевку. Всѣ фанзы были уже биткомъ набиты офицерами и солдатами. Намъ пришлось помѣститься въ холодномъ сараѣ въ расоснннми дверями.

Знакомыя лица, — осунувшіяся, зеленовато-сѣрыя

отъ пыли, — казались новыми и чуждыми. Плечи вяло свисали, не хотѣлось шевелиться. Воды не было, — не было не только, чтобъ умыться, но даже для чаю: весь ручей вычерпали до дна раньше пришедшія части. Съ большимъ трудомъ мы добыли четверть ведра какой-то жидкой грязи, вскипятили ее и, засыпавъ чаемъ, выпили.

Подошли два знакомыхъ офицера.

— Какъ дѣла?

Они безнадежно махнули рукою.

— Вездѣ войска бѣгутъ, японцы папираютъ отовсюду... Сегодня заняли Мукденъ...

— Сегодня... Позвольте, вѣдь сегодня — 24-ое февраля!..—воскликнулъ я.

Мы переглянулись, пораженные: еще недѣлю назадъ японцы приглашали русскихъ на 25-ое февраля къ себѣ въ Мукденъ „на блины“... Конечно, это было только случайное совпаденіе, но какой-то суетвѣрный трепеть пробѣжалъ по душѣ.

Быстро вопелъ помощникъ смотрителя Брукъ, держа надъ головою бѣлый листокъ.

— Господа! Сегодняшній номеръ „Вѣстника Маньчжурскихъ Арміи!“

Мы жадно схватились за листокъ...

Вотъ, онъ и теперь лежитъ передо мною, — я сохранилъ его, — этотъ историческій листокъ, вышедшій изъ-подъ типографскаго станка во время всеобщаго бѣгства русской арміи. Номеръ отъ 24 февраля 1905 г. (№ 201—202).

„Сегодня были отбиты атаки японцевъ на Нюсинтунь, причемъ наши войска сами перешли въ наступленіе... На Саньтайцзы было отбито пять атакъ... Потери непріятеля очень велики, и сегодня къ вечеру онъ замѣтно подался назадъ... Сегодня утромъ выбита послѣдняя партія японцевъ изъ дер. Юнхуантунъ. Командиръ корпуса

именемъ Главнокомандующаго благодарилъ войска... По наблюденію нашего охотника, японскіе обозы отступаютъ на югъ... Войска бодры, готовятъ чай(!), ожидая атаку... Японцы, разстрѣливаемы почти въ упоръ, отступили... Съ утра идетъ упорный бой на позиціяхъ въ окрестностяхъ Фанцзятуня. На этомъ участкѣ и въ резервахъ боевыхъ позицій играетъ музыка нѣкоторыхъ нашихъ полковыхъ оркестровъ... Настроеніе войскъ — спокойное, веселое...“

Слѣдующій номеръ „Вѣстника“ уже не выпелъ,— типографія была брошена, и редакторамъ пришлось спасаться поспѣшнымъ бѣгствомъ. Но до послѣдней минуты, до послѣдняго номера они твердили, что все у насъ идетъ великолѣпно, и ни словомъ не обмолвились о томъ, что наши позиціи уже отданы японцамъ, что склады подожжены, и Мукденъ бросается...

Лучше-же всего окончаніе номера. Виньетка, а за нею, съ буквальною точностью, слѣдуетъ:

Горныя вершины
Спать во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой:
Не пылить дорога,
Не дрожать листы;—
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

„Эти стихи, въ переводѣ, великаго русскаго писателя-поэта, поручика Тенгинскаго пѣхотнаго полка Миханла Юрьевича Лермонтова, убитаго въ 1841 году, участника сраженій, — человѣка воинской доблести, съ истинно-русскою душой.“

Точка. Все... Что это? Къ чему? Въ чемъ смыслъ?

Всѣ хохотали. А на-завтра, во время отступленія, повсюду уже повторялось стихотвореніе, въ pendant къ

вышеприведенному импровизированное однимъ молодымъ казакомъ-хорунжимъ:

Тихо на дорогѣ
Сладкимъ сномъ все спитъ,
Только грозный Ноги
На Харбинъ спѣшитъ.
Насъ уже немножко,
Всѣ бѣгутъ въ кусты...
Подожди, япошка!
Отдохни-жь и ты!

Всю ночь мы промерзли въ холодномъ сараѣ. Я совсѣмъ почти не спалъ отъ холода, забывался только на нѣсколько минутъ. Чуть забрезжилъ разсвѣтъ, всѣ поднялись и стали собираться. На хуторѣ набилась масса обозовъ. Чтобъ при выѣздѣ не было толкотни, старшій по чину офицеръ распредѣлилъ порядокъ выступления частей. Нашъ обозъ былъ назначенъ въ самый конецъ очереди.

Въ сѣрыхъ сумеркахъ повозка за повозкою выѣзжала на дорогу. До насъ было еще далеко. Мы напились чаю и зашли съ Шанцеромъ въ фанзу, гдѣ спали офицеры. Она была уже пуста. Мы присѣли на хчанъ (лежанку). Постланнныя на немъ золотистыя циновки были теплы, и тепло было въ фанзѣ. Я прилегъ на циновку, положилъ подъ голову папаху; мысли въ головѣ замѣшались и медленно стали опускаться въ теплую, мягкую мглу.

Шанцеръ будилъ меня. Я отвѣтилъ, что посплю, пока придетъ время ѣхать, пусть онъ тогда пришлетъ за мною. Черезъ полчаса я проснулся,—освѣжившійся, бодрый. Вышелъ на дворъ. За раскидистыми соснами пылала красная заря, было совсѣмъ свѣтло. По пусты-

нымъ дворамъ хутора тихо и неслышно ходилъ старый китаецъ-хозяинъ.

— Ваше благородіе! Ваше благородіе!—услышалъ я задыхающійся отъ волненія голосъ моего деньщика.

Я откликнулся. Онъ подбѣжалъ.

— Идите скорѣй, всѣ уѣзжаютъ!.. Сзади японская кавалерія напала...

Мы побѣжали за хуторъ, гдѣ ночевалъ нашъ обозъ. Въ воздухѣ стояла близкая и частая ружейная трескотня. Привыкшій къ ней, я раньше совсѣмъ не обратилъ на нее вниманія... Что такое? Какъ тутъ успѣли появиться японцы?

Наши повозки одна за другою быстро выкатывались на дорогу. Шанцеръ и главный врачъ, верхами, стояли на вершинѣ горки и смотрѣли. Я сѣлъ верхомъ и подскакать къ нимъ. Только что поднявшееся солнце косыми лучами освѣщало желтовато-сѣрую равнину, по ней мчались всадники чуждаго вида, съ желтыми околышами фуражекъ; они мчались наперерѣзъ дороги, по которой мы вчера подѣхали къ хутору. На дорогѣ видны были сквозь пыль русскіе обозы, солдаты съ безумными лицами нахлестывали лошадей. За горою трещали частые ружейные выстрѣлы и бухали пушки.

Мы повернули и поскакали слѣдомъ за нашимъ обозомъ. Дорога шла вдоль подножія горы, заросшей густымъ лѣсомъ. Надъ деревьями зародился бѣловатый комочекъ дыма, и донесся звукъ разорвавшейся шрапнели. Другой, третій дымки,—и шрапнели ровно и часто пошли лопаться надъ лѣсомъ.

По дорогѣ бѣшено мчались обозы, пѣшие солдаты бѣжали кустами. На дворѣ придорожной фанзы суетились блѣдные пѣхотинцы, дрожащими руками поспѣшно вадѣвали вещевые мѣшки и прицѣпляли котелки. Изъ фанзы выпелъ офицеръ съ фуражкой на затылкѣ.

— Это что такое?!—грозно крикнулъ онъ на своихъ идущихъ.

— Вотъ, ваше благородіе... Всѣ уѣзжаютъ...

— Уѣзжаютъ?.. Пусть уѣзжаютъ! А мы будемъ драться... Смирно!!

Обозы мчались. На дорогѣ было тѣсно, часть повозокъ свернула въ сторону и скакала прямо по полю, черезъ грядки. Изъ лѣсу вылетѣлъ на нашу дорогу артиллерійскій паркъ. Двойные зеленые ящики были запряжены каждый въ три пары лошадей, ѣздовые яростно хлестали лошадей по взмылившимся бокамъ. Ящики мчались, гремя огромными коваными колесами. Артиллеристы скакали, какъ будто передъ ними была пустая дорога, а она вся была полна обозами.

— Стойте вы, дьяволы!! Куда прете? — озлобленно кричали на артиллеристовъ.

Но тѣ мчались, опрокидывая повозки. Надъ крутившимися обозами пронесся отчаянный крикъ и вдругъ оборвался: дышло заряднаго ящика на всемъ скаку ударило въ голову солдата, поддерживавшаго на кособорѣ свою повозку, опъ съ расколотымъ черепомъ повалился подъ кованья колеса. Паркъ промчался дальше.

То тамъ, то здѣсь опрокидывалась повозка. Солдаты обрубали построики, садились на лошадей и скакали прочь. Глаза на блѣдныхъ лицахъ были огромные, безумные, невидящіе.

А справа отъ насъ, по широкой, отлогой лощинѣ, навстрѣчу лопавшимся шрапнелямъ шла въ контръ-атаку разсыпанная цѣпь. Косые лучи утренняго солнца скользили по лощинѣ, солдаты шли въ вывернутыхъ на изнанку папахахъ, съ винтовками въ рукахъ, съ строгими, серьезными лицами. Сзади, изъ канавы, выглядывали штыки резервовъ.

Значить, есть защитники! И у всѣхъ стало легче на душѣ. Паника утихала. Обозы спѣшили, но безуміе исчезло съ лицъ, глаза становились человѣческими. Дорога повернула направо, прошла сквозь большую

китайскую деревню. Тѣснѣя горы, трещавшія выстрѣлами, остались назадъ.

Вдругъ остановка. Наѣзжавшіе сзади обозы одинъ за другимъ остановились. Что такое?

Мы проѣхали впередъ. Прямо поперекъ дороги стояла артиллерія.

— Нельзя-ли вамъ немпожко отѣхать въ сторону, чтобъ пройти обозамъ?—просили обозные офицеры.

Артиллерійскій подполковникъ равнодушно и высококомѣрно оглядывалъ ихъ.

— Не могу. Жду приказа.

Съ десять минутъ всё стояли. За орудіями тянулась пустынная дорога.

— А вы слышали? Обозы, которые шли за нами, всё перехвачены японцами.

Опять по обозамъ пронеслось что-то первое. Артиллеристы стояли неподвижно и молчаливо-насмѣшливыми глазами смотрѣли на волновавшіеся обозы. Наконецъ подполковникъ что-то скомапдовалъ. Батарея взѣхала на горку и стала устанавливать орудія. Обозы двинулись.

Орудія постояли на горкѣ, — вдругъ видимъ, ихъ спова прицѣпили къ передкамъ, батарея спустилась съ горки и влилась въ гущу обозовъ.

— Повоевали! Будеть!—смѣялись обозные.

Вдали надъ полями тянулась съ юга на сѣверъ густая, сѣро-желтая полоса пыли, уходившая подъ небо. Это была Мандаринская дорога, сплошь запруженная отступавшими.

VIII.

На Мандаринской дорогѣ.

По широкой дорогѣ густымъ, сплошнымъ потокомъ медленно двигались обозы. Повозки, арбы, орудія и зарядные ящики, какъ льдины во время ледохода, тѣсни-

лись, жали другъ друга, медленно останавливались и медленно двигались дальше. Клубилась ѣдкая, сѣро-желтая пыль, слышались хриплые крики и ругательства.

Нашъ обозъ стоялъ на краю дороги, но вѣзхать на дорогу не могъ. Повозки непрерывно двигались одна за другою, задняя спѣшила не отстать отъ передней, чтобъ не дать намъ вѣзаться.

— Эй, придержи лошадей!—грозно-начальническимъ голосомъ крикнулъ нашъ смотритель обозному солдату.

Солдатъ взглянулъ, засмѣялся и хлестнулъ лошадь. Повозка прокатилась, слѣдомъ за нею все катились новыя повозки, спѣшили и ревниво жались другъ къ другу. Но одна зазѣвалась и отстала на аршинъ отъ передней. Кучеръ нашей первой повозки встрепепулся, яростно ударилъ по лошадамъ и вкатился на дорогу. Его кнутъ со свистомъ захлесталъ по мордамъ настѣдавшихъ сзади лошадей. Наши повозки одна за другою быстро вкатывались на дорогу, кучера-солдаты съ злыми и торжествующими лицами хлестали кнутами морды подгоняемыхъ наперерѣзъ, встававшихъ на дыбы чужихъ лошадей. Всѣ кричали, ругались.

И повсюду слышны были крики и ругательства.

Былъ ясный, теплый, слегка вѣтряный день. Въ стороны тянулись сѣро-желтыя поля съ грядами. Обозъ въ десять-двѣнадцать рядовъ медленно двигался по дорогѣ. По тропинкамъ вдоль края дороги брели безпорядочныя толпы строевыхъ солдатъ, ѣхали верховые офицеры, казаки, обозные солдаты на лошадяхъ съ обрубленными построками. Въ гущѣ повозокъ нашъ обозъ постепенно разрывался, онъ шелъ теперь уже въ трехъ разныхъ мѣстахъ. Было удивительно, какъ легко онъ и всѣ кругомъ терялись изъ виду. На минуту заговорилъ съ кѣмъ-нибудь, оглянешься,—и нѣтъ ужъ знакомыхъ повозокъ. Тянутся на шестерочныхъ фурахъ гигантскіе черные понтоны, трясутся китайскія

арбы съ флагами краснаго креста... Скачешь впередъ, скачешь назадъ,—нигдѣ ни одного знакомаго лица, ни одной знакомой повозки. Ёдешь одинъ, бросивъ надежду кого-нибудь отыскать,—вдругъ совсѣмъ рядомъ замѣчаешь повозку своего госпиталя, вдругъ окликаешь чей-нибудь знакомый голосъ.

Потокъ обозовъ, окутанный пылью, медленно двигался, останавливался, стоялъ, опять начиналъ двигаться. Въ узкихъ мѣстахъ дороги,—у вѣздовъ въ деревню, у мостовъ,—шумѣла и крутилась свалка. Десять рядовъ повозокъ не могли проѣхать заразъ, и онѣ мчались, старались перерѣзать другъ другу путь, сталкивались, мѣшали другъ другу. Въ пыли мелькали красныя, озвѣрѣлыя лица, слышался звукъ затрещинъ, свистъ кнутовъ, хриплыя ругательства. Какъ всегда, начальство, такое надоѣдливое тамъ, гдѣ оно ненужно, здѣсь отсутствовало; никто властный не распоряжался, повозки бились и загораживали путь въ безмысленной свалкѣ. Сзади насѣдали другіе обозы, получался огромный заторъ, и весь потокъ до самаго горизонта останавливался.

Съ боковыхъ дорогъ на Мапдаринскую дорогу вливались все новые обозы. Назади широкимъ полукольцомъ гремѣли пушки, перекатывалась ружейная трескотня. По каоляновымъ грядкамъ шель къ дорогѣ сибирскій стрѣлокъ съ окровавленной повязкою на рукѣ.

— Изъ боя сейчасъ?

— Такъ точно!

— Ну, что японцы?

Онъ махнулъ рукою.

— Такъ и пруть!.. Безъ числа!..

Проѣхала крытая парусною двуколка, въ ней лежалъ раненый офицеръ. Его лицо сплошь было завязано бинтами, только чернѣло отверстіе для рта; повязка промокла, она была, какъ кроваво-красная маска, и изъ нея сочилась кровь. Рядомъ сидѣлъ другой раненый

офицеръ, блѣдный отъ потери крови. Грустный и слабый, онъ поддерживалъ на колѣняхъ кровавую голову товарища. Двухолка тряслась и колыхалась, кровавая голова моталась безсильно, какъ мертвая.

Среди пыли, въ грудѣ двигавшихся обозовъ, мелькнуло знакомое женское лицо. Безмѣрно-измученное, блѣдное, съ черными кругами вокругъ глазъ. Я узналъ сестру Каменеву, жену артиллерійскаго офицера. Каменева ѣхала въ своемъ шарабанѣ одна, безъ кучера. Она сидѣла бокомъ, а на днѣ шарабана лежало что-то большое, угловатое, прикрытое клеенкою.

Я пробрался межъ повозокъ къ Каменевой, поздоровался.

— Вы однѣ?

— Одна.—Она отвѣтила голосомъ, какъ будто изъ другого міра. Глаза смотрѣли неподвижно,—огромные, темные, среди темныхъ круговъ.—Вы знаете, я заказала въ Мукденѣ гробъ, я хотѣла сдать его на поѣздъ, отвезти въ Россію... Гробъ не поспѣлъ, такъ на поѣздъ не приняли... Не приняли... Станцію уже бросали...

Вдругъ я понялъ: то большое и угловатое, что лежало подъ клеенкою на днѣ шарабана, было трупъ ея мужа. Сквозь вѣтерокъ отъ шарабана прорывался удушливый запахъ гніющаго мяса.

— Варвара Ѳедоровна! Ну, что ужъ теперь дѣлать! Похороните тѣло здѣсь, я вамъ это устрою... Гдѣ вамъ его съ собою везти!

Она съ чуждымъ удивленіемъ взглянула на меня.

— Нѣтъ, я его довезу... Если тутъ брошу, все равно, съ ума сойду...

— Ваше благородіе! Господинъ докторъ!—кричали съ той стороны дороги солдаты, различившіи сквозь пыль мою бѣлую перевязь съ краснымъ крестомъ. Онъ махалъ мнѣ рукою и подзывалъ къ себѣ.

Я пробрался сквозь потокъ обозовъ. На откосѣ дороги лежали солдаты съ мутными глазами и блѣднымъ,

скорбнымъ лицомъ. Возлѣ него стоялъ другой солдатъ съ повязкою на головѣ.

— Господинъ докторъ! Окажите ему какую помощь! Что-же это за безобразіе! Человѣкъ пулею въ животъ раненъ, а его никто и подобрать не хочетъ... Околѣвайтъ, какъ собака?

Я слѣзъ съ лошади, осмотрѣлъ раненаго. Прострѣленный животъ былъ покрытъ повязкою, пульсъ едва прощупывался.

— Вонъ сколько повозокъ ѣдетъ,—до верху гружены! Ишь, цѣлый возъ съ валенками... А его тутъ бросить?.. Валенки дороже человѣка!

Что было дѣлать? Мы останавливали повозки, просили скинуть часть груза и принять раненаго. Кучера-солдаты отвѣчали: „не смѣемъ!“, начальники обозовъ офицеры, отвѣчали: „не имѣемъ права!“ Они соглашались положить раненаго поверхъ груза, но раненый такъ здѣсь и очутился: съ раною въ животѣ лежалъ на верхушкѣ воза, цѣпляясь за веревки,—обезсилѣлъ и свалился.

И ѣхали мимо повозки. И проѣзжали люди съ виноватыми лицами, стараясь не смотрѣть на лежащаго человѣка. Вспомнилось, какъ всё жадно справлялись,—защищаетъ-ли насъ кто сзади, есть-ли за нами прикрытіе? Тамъ бились люди, спасая насъ, тоже вотъ и этотъ умиравшій. Теперь, ненужный, онъ валялся въ пыли на откосѣ, и всё старались поскорѣе проѣхать мимо, чтобъ не обжегъ ихъ скорбный упрекъ, глядѣвшій изъ мутившихся глазъ.

У меня было въ карманѣ нѣскольکو порошковъ опія. Я далъ раненому порошокъ, влѣлъ ему въ ротъ изъ флаги коньяку. Что еще можно было сдѣлать?..

Тихонько, какъ воръ, я слѣлъ на свою лошадь и поѣхалъ дальше.

Валялась опрокинутая двуколка, нагруженная винтовками. Валялись мѣшки съ овсомъ и рисомъ. Издающія лошади широко вздували огромные животы, срывая по землѣ вытянутыми мордами. Брели безпорядочныя толпы пѣхотинцевъ съ вяло болтающимися на плечахъ винтовками, ѣхали казаки. Въ сверкавшей подь солнцемъ дали, какъ глухіе раскаты грома, непрерывно гремѣли пушки.

Подъѣхалъ знакомый драгунскій офицеръ.

— Ну, что, ротмистръ, какъ тамъ дѣла?

— Что! Полный разгромъ, полный! Наши бѣгутъ, какъ зайцы! Появится на горѣ кучка японцевъ, и цѣлый полкъ удираетъ...

Ѣхали мимо молодцеватые казаки, съ лихо заломленными на бекрень шапками,—смѣшно было смотрѣть на эту молодцеватость. Стыдно было смотрѣть на сверкающіе въ пыли штыки пѣхоты, такіе теперь негрозные и жалкіе. И жалкими, никому никогда нестрашными казались вяло бредущіе, мѣшковатые солдаты.

Съ пыльныхъ лицъ смотрѣли сконфуженные, недоумѣвающіе глаза.

— Ваше благородіе! Правда, противъ насъ пять державъ воюетъ?

Я вздохнулъ.

— Нѣтъ! Всего одна единственная!

— Ни-изакъ нѣтъ! Пять державъ!.. Вѣрно знаемъ. Откуда у одной столько войсковъ? Прутъ отовсюду безъ числа!.. Пять державъ, вѣрно!

— Какія-же пять?

— Японія, значить, Китай!.. Америка!.. Англія!.. Потому эта, какъ ее?.. За нашимъ лѣвымъ флангомъ какая земля лежитъ, эта.

— Корея?

— Такъ точно! Пять державъ!..

У спуска къ мосту тѣснились обозы. Артиллерійскій паркъ расталкивалъ вокругъ себя повозки, колеса по-

возокъ трещали. Ъздовые-артиллеристы горячили лошадей, готовые ринутся наперерѣвъ.

— Земляки, потише! Задавите!—крикнулъ обозный солдатъ.

— Дави!!—гаркнулъ артиллеристъ, сидѣвшій на козлахъ заряднаго, ящика.

Къ нему подскакалъ пѣхотный подполковникъ.

— Ах-хъ ты, с-сукинъ сынъ! Ты что тутъ командуешь?.. стоять на мѣстѣ! Куда прете?

Глаза артиллериста блеснули зловѣще и нагло.

— „Куда“! Туда-жъ, куда и вы!

Грозные огоньки вспыхнули въ глазахъ полковника. Но что-то еще болѣе грозное и страшное мелькнуло на лицѣ солдата. И я вдругъ почувствовалъ,—теперь стало возможнымъ и легкимъ то, что еще пару сутокъ назадъ было бы трудно даже вообразить. Почувствовать это и подполковникъ.

— Вали, ребята! Не зѣвай!

Ъздовые ударили по лошадямъ, и паркъ врѣзался въ обозы. Свистѣли кнуты, зарядные ящики одинъ за другимъ вкатывались на мостъ. Подполковникъ, блѣдный отъ гнѣва, молча смотрѣлъ вслѣдъ.

Все дальше, медленно и судорожно, ползъ впередъ безконечный потокъ обозовъ. На краю дороги сидѣлъ усталый солдатъ-музыкантъ съ огромною, блестящею трубою черезъ плечо. Ковыляла на поводу шершавая, бѣлая китайская лошаденка; у нея была вывихнута задняя нога. Лошаденка, горбя спину, жалко прыгала бокомъ на трехъ ногахъ. Спереди ее тянулъ за узду одинъ солдатъ, сзади ѣхалъ другой и подгонялъ хворостиною. Лошаденка мало отзывалась на удары, поэтому солдатъ поровилъ попасть ей по большому мѣсту ноги. Тогда, еще больше сгорбивъ спину, лошаденка пачкала быстро прыгать.

— Чего вы ее не бросите?—сказалъ я солдату.

— Рады бы бросить. Вотъ ужъ какъ намучились съ нею!.. Приказано вести.

Опять терялись изъ виду повозки и люди, опять неожиданно находились. И всё, кого за эти полгода я встрѣчалъ въ Маньчжуріи, всё были здѣсь. Какъ будто тянулся какой-то безконечный Невскій проспектъ съ огромно-незнакомою толпою, изъ которой каждую минуту выныривали знакомыя лица.

Подъѣхали два саперныхъ офицера нашего корпуса. Молодой поручикъ злорадно смѣялся и весело потиралъ руки.

— Вы слышали? Весь обозъ нашего корпуснаго командира попалъ въ руки японцамъ!—сообщилъ онъ.— Охъ, и радъ-же я! Самъ, подлецъ, удралъ, никого объ отступленіи не извѣстилъ. Мы изъ-за него весь свой обозъ потеряли. Вотъ, только что на насъ, то и осталось!

— И васъ не извѣстили?—засмѣялся я. — Мы тоже ушли безъ извѣщенія.

— Да это еще что!.. А что вчера было! Казакъ привезъ донесеніе, что въ Фулинѣ японцы. Корпусный засмѣялся, — „вздоръ!“ — и велѣлъ намъ проводить въ Фулинѣ телеграфъ. Тамъ стоялъ штабъ нашей арміи. Попли мы съ нашей телеграфной ротой. Пальба адская. Посылаетъ меня командиръ роты къ корпусному, докладываю, что въ Фулинѣ японцы, что въ насъ оттуда стрѣляютъ. Корпусный выслушалъ. — „Стрѣляютъ?“ — и ядовито смотритъ на меня. — „На то, поручикъ, и война, чтобъ стрѣляли! Ступайте и проводите телеграфъ!“ Проводимъ. Кругомъ обжариваютъ шрапнелью. Ыдетъ мимо какой-то эсаулъ съ казаками. „Вы,—говорить, — чего здѣсь? Уходите скорѣй, японцы идутъ!“ Помчался я въ штабъ,—тамъ ужъ развороченный муравейникъ, всё садятся на лошадей. Я къ начальнику штаба: „что прикажете дѣлать съ кабелемъ, снять его?“ — Не знаю, не знаю, какъ хотите! Только совѣтую вамъ

поскорѣе уходить!— „Не можете ли вы дать намъ прикрытіе?“ — „Нѣтъ, нѣтъ, ничего не могу! Управляйтесь, какъ знаете!.. До свиданія!“ И поскакали всѣ...

Спутникъ поручика, полный и усаѣтый штабсъ-капитанъ, утрюмо молчалъ. Поручикъ оживленно вертѣлся на сѣдлѣ и все смѣялся.

— У насъ кабель, а вотъ у капитана всѣ понтоны попали въ гости къ японцамъ. Понтонному батальону приказали идти въ прикрытіе на Хунхэ, какъ пѣхотѣ. Отступаютъ они,—а понтоны всѣ вотъ они! „Чего вы не уѣхали?“ — „Да намъ не было приказа“. Такъ и бросили понтоны, еле успѣли увести лошадей!.. То-есть, такая безтолочь, такая безтолочь!... Вотъ ѣдутъ. Всѣ безъ головъ, ей-Богу! Это вамъ только такъ кажется, что съ головами. Головы всѣ назади потеряны.

По краямъ дороги валялись пьяные. Сидитъ на пригоркѣ солдатъ,—винтовка межъ колѣнъ, голова свѣсилась; тронешь его за плечо, онъ, какъ мѣшокъ, валится на-бокъ... Мертвъ? Непробудно спитъ отъ усталости? Пульсъ есть, отъ краснаго лица несетъ сивухою...

Другой идетъ шатаясь, винтовка болтается на плечѣ.

— Гдѣ это ты, землякъ, выпилъ?

Казаки поднесли, дай имъ Богъ здоровья... Вижу, ѣдутъ всѣ пьяные... Говорю: дали бы солдату рюмочку!— „Зачѣмъ рюмочку? Вотъ тебѣ кружка, намъ не жалко. Сейчасъ ханшинный заводъ у китайцевъ обчистили“. Выпилъ кружку. Какъ пилъ,—скверно такъ, противно! А выпилъ, — теплота пошла по жиламъ, рука сама собой за другой кружкой потянулась. Главное дѣло, безъ денегъ, чудакъ-человѣкъ!

На возу сидѣлъ унтеръ-офицеръ съ смѣющимся лицомъ и изъ большого деревяннаго ящика продавалъ по полтиннику бутылки коньяку, рома и портвейна. Онъ захватилъ ящикъ въ складѣ Краснаго Креста, обреченномъ на сожженіе.

Было жарко, голова кружилась отъ усталости. Обозы въѣхали въ большую китайскую деревню. Китайцы стояли у фанзъ, щурясь отъ солнца и пыли, и смотрѣли на отступавшихъ съ безстрастными, ничего не выражавшими лицами.

Ваше благородіе! Ваше благородіе!

На пригоркѣ солдатъ нашей команды махалъ мнѣ рукою.

— Пожалуйте сюда въ проулѣкъ, тамъ наши стали.

На полянкѣ за фанзами, на берегу рѣчки, стояли бивакомъ оба госпиталя, нашъ и султановскій. Стояло еще нѣсколько учрежденій нашего корпуса, тутъ-же былъ и корпусный комендантъ.

Дымились костры, солдаты кипятили воду для чая и грѣли консервы. Отъ врачей султановскаго госпиталя мы узнали, что они со времени выхода изъ М-ни тоже не работали и стояли, свернувшись, къ югу отъ Мукдена. Но ихъ, конечно, штабъ корпуса не забылъ извѣстить объ отступленіи. Султановъ, желтый, осунувшійся и угрюмый, сидѣлъ на складномъ стулѣ, и Новоцкая клала сахаръ въ его кофе.

Мы закусывали, пили чай. Надъ улицею клубилась пыль. Скрипѣли обозы, слышались ругательства. За деревнею черезъ рѣчку былъ узенькій, ветхій мостикъ. И обозы приступомъ брали свою очередь попасть на ту сторону.

Проѣхалъ мимо разъѣздъ казаковъ.

— Напрасно тутъ прохлаждаетесь, за горою японцы, — равнодушно сказали они.

Это было невѣроятно, — мы ушли слишкомъ далеко. Но у всѣхъ появилась первая торопливость. Спѣшно кончали поить лошадей и увязывали возы.

Комендантъ нашелъ около нашей полянки переѣздъ черезъ рѣчку и опредѣлилъ порядокъ слѣдованія обозовъ. Первымъ былъ поставленъ султановскій госпиталь, хотя по нумераціи онъ слѣдовалъ за нашимъ.

Султановскій обозъ перебрался черезъ рѣчку и потянулся по пашнямъ къ Мандаринской дорогѣ. Двинулся нашъ. Спускъ къ рѣчкѣ былъ крутой, подъемъ еще круче. Лошади вытягивали зады и скользили ногами, свистѣли кнуты, солдаты, облѣпивъ повозки, тянули ихъ въ гору вмѣстѣ съ лошадьми.

Сзади нашего обоза ужъ скопилась масса подошедшихъ новыхъ обозовъ. Черезъ узкій мостикъ тоже непрерывно лилась вереница повозокъ.

Вдругъ за рѣчкою, въ полѣ около китайскаго кладбища, безшумно взвился огромный столбъ желтовато-сѣраго дыма, и потомъ донесся короткій, какъ будто пустой трескъ. Я въ недоумѣніи смотрѣлъ. Что такое? Новый столбъ дыма взвился среди деревьевъ кладбища, вѣтки летѣли въ воздухъ, суки обламывались. Я не успѣлъ еще сознать, въ чемъ дѣло, какъ мнѣ все ужъ объяснилъ смерчкомъ закрутившійся вокругъ ужасъ.

Повозки за рѣчкою, прыгая, мчались по грядамъ пашень, солдаты, наклонившись, бѣшено хлестали лошадей. Внизу у переправы въ дикой сумятицѣ билась люди, лошади и повозки. Все кругомъ рвалось и несло къ куда-то.

Оглушительно ахнуло у спуска къ мосту. Изъ дыма вылетѣла лошадь съ сломанными оглоблями. Мчался артиллерійскій паркъ, задѣвая и опрокидывая повозки. Мелькнулъ человекъ, сброшенный съ козелъ на землю, вывернувшаяся рука замоталась подъ колесами, опъ кувыркнулся въ пыли, подпялся на колѣни и, сбитый мчавшимися лошадьми, опять повалился подъ колеса.

Еще разорвался снарядъ, и еще. Чей-то задыхающійся голосъ крикнулъ:

— Мишка! Руби постромки!

Голосъ врѣзался въ смятенныя души, какъ властное приказаніе, котораго слушаются, не разсуждая. Солдаты поспѣшно рубили постромки у повозокъ, всакивали верхомъ и въ карьеръ выносились на ту сторону.

Другіе не догадывались сѣсть на лошадей, выпускали ихъ на волю, а сами бѣжали бѣгомъ.

— Мерзавцы! Вы куда? За обозною сволочью?.. По мѣстамъ!!—донесся изъ сумятицы хриплый, отчаянный, плачущій голосъ.

Артиллеристъ-поручикъ съ обнаженною пашкою крутился верхомъ среди пушекъ, застрявшихъ въ гущѣ обозовъ. Орудійная прислуга, не глядя на него, рубила постромки у орудій.

— Ты что?... Ты что-о?!..

Поручикъ размахнулся пашкою и ударилъ солдата по плечу. Солдатъ отшатнулся, молча втянулъ голову и побѣжалъ внизъ по откосу. Худой и длинный артиллерійскій капитанъ съ блѣднымъ лицомъ, съ огромными глазами, сидѣлъ верхомъ неподвижно. Онъ понималъ,—теперь ужъ ничего не подѣлаешь.

Съ грохотомъ блеснула на пригоркѣ шимоза и осыпала насъ глиною. Солдаты-артиллеристы поспѣшно садились на лошадей и скакали прочь. Я поскакалъ слѣдомъ. Поручикъ выронилъ пашку и схватился за голову.

У спуска къ переправѣ сбились брошенныя повозки, люди, лошади. По высокому берегу промчался мимо артиллерійскій поручикъ. Его лицо было красно, губы безсмысленно бормотали что-то, глаза горѣли сумасшедшимъ огнемъ. Въ безумномъ бѣгѣ онъ мчался куда-то вдоль рѣчки, навстрѣчу лопавшимся шрапнелямъ, и его ноги бѣшено рвали шпорами бока лошади.

Я выскакалъ на тотъ берегъ. За рѣчку, одинъ среди брошенныхъ орудій, неподвижно все сидѣлъ на своей лошади худой артиллерійскій капитанъ. У него что-то было въ рукѣ, онъ поднялъ руку, близко отъ головы сверкнулъ огонекъ, и капитанъ мѣшкомъ повалился на землю съ вдругъ рванувшейся лошади.

Въ воздухѣ замелькали дымки шрапнелей. По пашнѣ бѣжали, спотыкаясь, солдаты, другіе скакали на ло-

падахъ съ волочившимися по землѣ постромками. У всѣхъ были безумно-невидящіе, прыгающіе глаза. Мчались огромныя повозки съ черными понтонами. Мчалась тяжело нагруженная фура съ краснымъ крестомъ, блѣдный солдатъ на козлахъ сѣкъ кнутомъ лошадей, и было странно смотрѣть: онъ гналъ ихъ прямо на крутой косогоръ, и обязательно долженъ былъ опрокинуться. И фура налетѣла на косогоръ, и легко, какъ будто ужъ заранѣе приготовившись, свалилась въ оврагъ, и такъ должно было быть.

Но какъ-же тутъ очутились японцы? Потомъ, уже много позже, мы узнали: два-три японскихъ орудія съ бѣшеною удалью проскакали въ образовавшійся прорывъ на нѣсколько верстъ впередъ, безъ всякаго прикрытія стали на горкѣ и открыли огонь по переправѣ. И побѣжали всѣ эти массы вооруженныхъ людей, и погибло имуществва на сотни тысячъ.

Давно уже назади осталась рѣчка съ рвавшимися снарядами, а обозы все мчались вскачь. Съ повозокъ сбрасывали тяжелыя вещи, чтобъ легче было ѣхать. Сразу что-то вдругъ оборвалось, и отношеніе къ „имуществу“ странно измѣнилось. Раньше боялись сбросить съ воза пару изношенныхъ хомутовъ, чтобъ положить раненаго,—теперь легко выбрасывали цѣлыя тюки солдатскихъ шинелей, мѣшки съ фуражомъ и припасами офицерскіе чемоданы и корзины. Выбрасывали часто безъ всякой нужды. Было въ этомъ что-то тянущее къ себѣ и безудержно-стихійное. Какъ будто брошенное назади имущество, неслышно для сознанія, шептало душамъ: „больше или меньше,—теперь все равно! Никто не спроситъ!“

Мы уже были верстъ за пять отъ рѣчки, обозы шли уже обычнымъ ходомъ. Ёхаль отбившійся отъ своего парка зарядный ящикъ; вдругъ сидѣвшій на козлахъ ящика солдатъ крикнулъ ѣздовымъ:

— Стой!

Остановились. Солдатъ не спѣша слѣзъ, выдвинулъ сзади какой-то ящичекъ, досталъ деревянную ложку и осьмушку табаку.

— Довольно повозились, будя!.. Скидывай, ребята, постромки!

Постромки скинули, артиллеристы сѣли верхомъ на лошадей и, бросивъ ящикъ, поѣхали налегкѣ.

Какъ будто пигдѣ ни на что не стало хозяина. Мое сдѣлалось чужимъ, чужое—моимъ. Чуть опрокидывалась повозка, солдаты бросались ее грабить. Повсюду появились люди-шакалы, вынюхивавшіе добычу. Мнѣ впоследствии рассказывали,—мародеры нарочно производили по почамъ ложныя тревоги и, пользуясь суматохою, грабили обозы. Во время обозной паники на рѣкѣ Пухе два казака бросились ломать денежный ящикъ понтоннаго парка; фельдфебель застрѣлилъ изъ револьвера одного казака, ранилъ другого и вывезъ ящикъ.

Хищное „ломайло“, вскормленное на беззащитныхъ китайцахъ, теперь пниющими сѣрными огоньками вспыхнуло и побѣжало внутри самой нашей арміи. Разгорались глаза, хваталось ненужное. Его бросали, хватали другое.

И пропадалъ стыдъ.

Смѣющійся солдатъ ѣхалъ, болтая погами, на лошади съ обрубленными постромками. Лихо сдвинувъ папаху на затылокъ, онъ рассказывалъ:

— Погналъ насъ японецъ съ позицій, бѣжалъ я, бѣжалъ... Присталъ къ госпиталю, пошелъ съ нимъ. Стали по госпиталю шрапнелями бить, я опять побѣжалъ. Вижу, фурманка стоитъ съ лошадыю. Отрѣзалъ постромки, сѣлъ и поѣхалъ. На дорогѣ мѣшокъ съ сухарями поднялъ, консертовъ (консервовъ), ячменю забралъ для лошади—и фду вотъ... Расчудесно!..

Ваялись падорвавшіяся лошади, сломанныя повоз-

ки. Густо уфивали дорогу брошенные полушубки, тюки, винтовки. Брели безпорядочныя, оборванныя толны солдатъ, и трудно было повѣрить, что такъ недавно это были стройныя колонны войскъ.

— Ваше благородіе, что-же это такое?—спрашивали солдаты.—Совсѣмъ насъ такъ гошить, какъ мы въ двѣнадцатомъ году француза гнали.

— Я такъ думаю, — закатилась навѣки счастливая звѣзда Россіи! — сказалъ щеголеватый ефрейторъ, по лицу и голосу—бывшій прикащикъ.

Пожилый солдатъ съ лохматою бородою мрачно отозвался:

— Превозмоглась силою матушка Россия. Дошла до предѣла.

Онъ шагаль, зловѣще киваль головою и повторяль непонятныя слова:

— Превозмоглась силою. Превозмоглась...

И тинулась впередъ безконечная лента обозовъ. Опять неожиданно терялись изъ виду знакомыя лица и повозки и снова находились. Опять сидѣль у дороги усталый солдатъ съ большою, блестящею трубою черезъ плечо. Проѣхала въ шарабанѣ полуобезумѣвшая Каменева съ своимъ страшнымъ грузомъ. Согнувшись горбомъ, мучительно прыгала шершавая бѣлая лошаденка съ вывихнутою ногою; ѣхавшій сзади солдатъ старался ударить ее хворостиною по больному мѣсту. Она здѣсь, эта лошаденка! Спаслась!.. Да, такъ и должно было быть. Бросались орудія и обозы, горѣли назади миллионныя склады, а эту ненужную, увѣчную лошаденку таскали, спасали—и, конечно, спасутъ. Вдругъ почувляся въ этомъ какой-то огромный, болѣзненно-карикатурный символъ.

Блѣдный казакъ съ прострѣленною грудью трясся паверху нагруженной двуколки, цѣпляясь слабѣющими руками за веревки поперхъ брезента. Два солдата несли на носилкахъ офицера съ оторвашною ногою. Сол-

даты были угрюмы и смотрѣли въ землю. Офицеръ, съ безумными отъ ужаса глазами, обращался ко всѣмъ встрѣчнымъ офицерамъ и врачамъ:

— Ради Бога, господа! Они хотятъ меня бросить, не позволяйте имъ!

Передавали слухи, что отъ второй и третьей армій не осталось ничего; войска безъ выстрѣла сдаются цѣлыми батальонами; японцы несмѣтными массами появляются всюду и бѣшено насѣдаютъ на отступающихъ.

— Ну, теперь, несомнѣнно, конецъ войнѣ!—говорили откровенные.

То-же самое тайною, невысказываемою мыслью сидѣло въ головахъ солдатъ. Когда улеглась паника отъ обстрѣла переправы, откуда-то донеслось дружное, радостное „ура!“ Оказалось, саперы подъ огнемъ навели обрушившейся мостъ, вывели брошенные орудія, и командиръ благодарилъ ихъ. А по толпамъ отступавшихъ пронесся радостно-ожидающій трепетъ, и всѣ жадно спрашивали другъ друга:

— Что это? Замиреніе объявлено?

Медленно, медленно двигался потокъ обозовъ. Дороги были отвратительныя, подъемы крутые, мосты узкіе, полуобрушившіеся. И каждый думалъ только о себѣ. Вотъ—узкая дорога, поперекъ глубокой ухабъ, и въ одну сторону онъ глубже, чѣмъ въ другую. Каждая повозка застреваетъ въ этомъ ухабѣ. Свищутъ кнуты надъ выбивающимися изъ силъ лошадьми, падрываются отъ натуги помогающіе солдаты, — выѣхала повозка! А въ ухабѣ застреваетъ слѣдующая, и опять вокругъ нея суета, крики и свисть кнутовъ. Болѣе высоко нагруженная повозка ухаеетъ въ ухабъ и опрокидывается на бокъ. А взять бы пару лопатъ,—и въ пять минутъ можно бы забросать ухабъ землею, и тогда гони повозки хоть рысью. Но каждый думалъ только о себѣ и своей повозкѣ.

Но отчего-же такъ ужасны, такъ непроѣзжны были дороги? Въ теченіе всей войны мы отступали; вѣдь можно же было,—ну, хоть съ маленькою вѣроятностью, —предположить, что опять придется отступить. Въ томъ-то и было проклятіе: самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ отступленія у насъ признавалось одно,—упорно заявлять, что отступленія не будетъ, упорно дѣйствовать такъ, чтобы никому не могла прийти въ голову даже мысль, будто возможно отступленіе.

Удивительное дѣло! Японцамъ за всю кампанію ни разу не пришлось отступить, но они каждый разъ принимали самыя заботливыя и тщательныя мѣры на случай отступленія. Мы только и знали, что отступали,—и каждый разъ отступленіе было для насъ неожиданностью, и снова, и снова мы отступали „неготовыми дорогами“. За Телиномъ черезъ рѣку Ляохе велъ всего только одинъ желѣзнодорожный мостъ. Наша (третья) армія перешла рѣку по трещавшему, заливавшемуся водою льду. Разыграйся бой всего на одну недѣлю позже,—и по льду ужъ нельзя было бы перейти, и всю нашу армію японцы взяли бы голыми руками.

Мнѣ рассказывали, что еще подъ Дапичао Куропаткинъ, осматривая госпитали, спросилъ одного главнаго врача, почему при госпиталѣ нѣтъ бани и хлѣбопекарни. Главный врачъ замялся и отвѣтилъ, что они не знаютъ, долго-ли тутъ придется простоять. Куропаткинъ твердо и спокойно заявилъ:

— Видите, вотъ рѣка? *Дальше этой рѣки японцы не пойдутъ.* Стройте каменную хлѣбопекарню, строите баню. Пусть солдатки попарятся.

„Дальше этой рѣки“ японцы отбросили насъ за сотни верстъ. Но и подъ Мукденомъ опять все шло въ прежнемъ духѣ. Склады боевыхъ и хозяйственныхъ принадлежностей были тонкою линіей вытянуты параллельно фронту. Начальствующія лица только и говорили, что отступленія не будетъ. За недѣлю до мук-

денскаго боя нашимъ госпиталямъ было выражено начальствомъ недовольство за небольшой запасъ дровъ и вѣдно было запасти ихъ по пять-шесть кубовъ. Кубъ въ это время стоилъ около ста рублей. Закупили, — а черезъ двѣ недѣли эти горы дровъ пылали передъ наступавшими японцами. „Отступленія не будетъ, отступленія не будетъ“... Ляоянъ мы отдали въ августъ, до этого времени вся страна сѣвернѣе Ляояна была въ нашихъ рукахъ, — и мы не озаботились снять съ нея хорошаго плана. Къ чему?.. И вотъ въ дѣлѣ подъ Сандепу одною изъ причинъ нашей неудачи оказалось... отсутствіе хорошихъ картъ, неправильное представленіе о мѣстонахожденіи деревни Сандепу!

Слово—сила... Говорить побольше, какъ можно больше громкихъ, грозныхъ, „поддерживающихъ духъ“ словъ—это было самое главное. И не важно было, что дѣла все время жестоко насмѣхаются надъ словами, — ничего! Только еще суровѣе нахмурить брови, еще значительнѣе и зловѣщнѣе произнести угрожающее слово.. При самомъ своемъ пріѣздѣ Куронаткинъ заявилъ, что миръ будетъ заключенъ только въ Токио,—а ужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вся русская армія горько-насмѣшливо напѣвала:

Куронаткинъ горделивый

Прямо въ Токио спѣшилъ,—

„Что ты ржешь, мой конь ретивый?

„Что ты шею опустилъ?“

Прибывъ въ армію, Гришшенбергъ въ торжественной рѣчи сказалъ солдатамъ: „Если кто изъ васъ отступитъ, я его заколю; если я отступлю,—заколи меня!“ Сказалъ—и отступилъ отъ Сандепу.

Въ началѣ мукденскаго боя госпитали, стоявшіе на станціи Суятунь, были отведены на сѣверъ. По этому случаю, какъ мнѣ рассказывали, Каульбарсъ издалъ приказъ, гдѣ писалъ (самъ я приказа не видѣлъ): го-

спитали отведены потому, что до Суятуни достигали снаряды японскихъ осадныхъ орудій, но это отнюдь не обозначаетъ отступленія: *отступленія ни въ коемъ случаѣ не будетъ, будетъ только движеніе впередъ...* А черезъ недѣлю вся армія, какъ подхваченная ураганомъ, не отступала, а бѣжала на сѣверъ.

И уже во время самага бѣгства, за нѣсколько часовъ до потери своей типографіи, офиціальный „Вѣстникъ Маньчжурскихъ Армій“ сладко пѣлъ о десяткахъ отбитыхъ атакъ, о готовящемся отступленіи японцевъ, и знакомилъ своихъ читателей съ произведеніями „поручика тенгинскаго полка“ Лермонтова.

Разсказываютъ, что во время „опійной“ англо-китайской войны китайцы, чтобъ испугать англичанъ и „поддержать духъ“ своихъ, выставляли на видныхъ мѣстахъ огромныя, ужасающаго вида пушки, сдѣланныя... изъ глины. Китайцы шли въ бой, дѣлая страшныя рожи, кривляясь и испуская дикіе крики. Но все-таки побѣдили англичане. Противъ глиняныхъ пушекъ у нихъ были не такія большія, но за то чугунныя, взаправду стрѣлявшія пушки. Противъ кривляній и страшныхъ рожъ у нихъ была организація, дисциплина и внимательный расчетъ.

Солнце садилось, небо стало яснымъ, тихимъ. Пахло весною, было тепло. Высоко въ небѣ, беззаботные къ тому, что творилось на землѣ, косяками летѣли на сѣверъ гуси. А кругомъ въ пыли все тянулись усталые обозы, мчались, ни на кого не глядя, проклятые парки и батареи, брели разстроенные толпы солдатъ.

Охватывала смертная усталость. Голова кружилась, туловище еле держалось въ сѣдлѣ. Хотѣлось пить, но всѣ колодцы по дорогѣ были вычерпаны. Конца пути не было. Иногда казалось: еще одна минута, и свалиться съ лошади. А тогда конецъ. Это было вполнѣ

ясно. Никому до тебя не будетъ дѣла, каждый думай о себѣ самъ.

А тамъ, въ надвигавшемся сзади промежуткѣ между отступавшими русскими и наступавшими японцами, ждало то, что было страшнѣе плѣна, страшнѣе смерти. Въ этомъ промежуткѣ, какъ шакалы, оставшихъ подстерегали жители опустошенной нами страны, эти зловѣще молчаливые люди съ загадочными, безстрастными лицами. Всякій зналъ,—пощады отъ нихъ не будетъ и не можетъ быть, мы сами дѣлали все, чтобы зажечь ихъ души кровавою, неутолимою ненавистью къ намъ. Мнѣ вспоминалось, какъ въ забайкальской степи буряты рѣзали для насъ овцу, вспоминалось, что я тогда передумалъ...

И въ холодномъ ужасѣ замирала душа. Изъ всѣхъ силъ напрягалась воля, чтобъ удержать тѣло на сѣдлѣ, и рука нащупывала за поясомъ револьверъ,—здѣсь-ли онъ, избавитель на случай.

Потомъ, уже много позже, я узналъ то, отъ чего и теперь душа трепещетъ въ изумленіи и желаніи благоговѣйно преклониться. Одинъ студентъ-медикъ остался при нашихъ госпиталяхъ въ Мукденѣ, попалъ въ плѣнъ къ японцамъ; его вскорѣ отпустили, и онъ рассказывалъ въ „Харбинскомъ Вѣстникѣ“: китайцы по доброй волѣ подбирали на Мандаринской дорогѣ русскихъ раненыхъ и приносили ихъ въ Мукденъ, въ японскіе госпитали! Вѣдь не награды-же себѣ за это ждали они отъ японцевъ,—японцы вообще были скупы на награды; заваленные своими ранеными, они должны были очень кисло встрѣчать китайцевъ съ ихъ ношею... И такъ-то вотъ отомстили намъ эти загадочные люди за свою разоренную страну, за поруганныя нами могилы и храмы.

Солнце сѣло, надъ зарею слабо блестятъ серпъ молодого мѣсяца. Я съѣхался съ Шанцеромъ и Сельковымъ. Шанцеръ по обычному былъ возбужденъ и

жизнерадостенъ, Селюковъ сидѣлъ на лошади, какъ живой трупъ. Отъ нихъ я узналъ, что половина нашего обоза была брошена у переправы, гдѣ мы попали подъ огонь японцевъ.

Мы условились не разлучаться и зорко слѣдить другъ за другомъ въ этомъ предательскомъ обозномъ потокѣ, глотавшемъ и терявшемъ въ себѣ людей, какъ песчинки.

Становилось темнѣе. Серпъ мѣсяца зашелъ. Сзади и слѣва клубились огненные зарева. Мы пробирались по придорожнымъ тропинкамъ. Смутно-сѣрая земля показывала подъ ногами несуществующіе провалы и скрывала настоящія ямы. Ъхать безъ дороги было невозможно, а спуститься на дорогу нечего было и думать: она кипѣла копошащимися обозами, нашимъ лошадямъ сейчасъ-же бы порвали и поломали ноги. Днемъ обозы шли медленно, теперь они почти все время стояли. Двинутся, проѣдутъ сотню сажень и опять стануть. Нашъ обозъ мы давно уже потеряли изъ виду.

Было холодно. По сторонамъ дороги всюду стояли биваки и горѣли костры, отъ огней кругомъ было еще темнѣе. Костровъ, разумѣется, нельзя было разводить, но объ этомъ никто не думалъ.

Насъ пріютили у своего костра офицеры ** полка, остановившіеся съ своимъ батальономъ на короткую вочевку. Они радушно угостили насъ коньякомъ, сардинками, чаемъ. Была горячая благодарность къ нимъ и радостное умиленіе, что есть на свѣтѣ такіе хорошіе люди.

На югѣ медленно дрожало большое, сплошное зарево, на западѣ, вдоль желѣзнодорожнаго пути, горѣли станціи. Какъ будто рядъ огромныхъ, тихихъ факеловъ тянулся по горизонту. И эти факелы уходили далеко впередъ насъ. Казалось, всѣ, кто знали, какъ спастись, давно уже тамъ, на сѣверѣ, за темнымъ горизонтомъ а мы здѣсь въ какомъ-то кольцѣ.

Сбившійся съ дороги офицеръ-ординарецъ сидѣлъ

рядомъ со мною, мѣщаль ложечкою чай въ желѣзной кружкѣ и рассказывалъ:

— Никто не знаетъ, гдѣ полкъ. Куда ѣхать? Вдругъ вижу, — штабъ нашей арміи. Стоитъ Каульбарсъ, допрашиваетъ плѣннаго японца. Я подошелъ, стою. Подѣхалъ еще какой-то офицеръ, спрашиваетъ вполголоса, гдѣ седьмой стрѣлковый полкъ. Каульбарсъ услышалъ, быстро обернулся. „Что? Что такое?“ — „Мнѣ, вапе высокопревосходительство, нужно знать, гдѣ седьмой стрѣлковый полкъ“. Каульбарсъ посмотрѣлъ на него: „седьмой полкъ?“ Отвернулся и пожалъ плечами. „Я не знаю, куда дѣвалась вся моя армія, а онъ спрашиваетъ, гдѣ седьмой полкъ!“

Я положилъ голову на ноги тяжело спавшаго Селюкова, укрылся полушубкомъ. Охватило тихимъ, теплымъ покоемъ. Одинъ изъ офицеровъ озлобленно рассказывалъ ординарцу, его голосъ звучалъ быстро, прерывая самого себя.

— Мы стояли на флангѣ третьей арміи, около второй. Сзади насъ осадная батарея. 19-го числа вдругъ узнаемъ, что ее увезли. Куда? Знаете куда? *Въ Те-линь!*.. Мы вѣрить не хотѣли. Ихъ спасали! Въ началѣ боя спасали пушки! Страшно, — вдругъ достанутся японцамъ!.. Да что-же это такое? Пушки существуютъ для арміи, или армія для пушекъ?!

Я уже начиналъ забываться, вдругъ сознание сразу воротилось. Мнѣ вспомнилось, — какъ разъ около того времени, при переходѣ черезъ р. Хунхэ, мы встрѣтили роту борисоглѣбцевъ: они провожали мортиры тоже въ Телинь.

— Мы дрались три дня, и артиллеріи у насъ не было. Противъ японскихъ орудій у насъ были только винтовки. Не только осадную батарею, всѣ орудія куда-то убрали!.. У насъ считается лучше положить тысячу солдатъ, чѣмъ подвергнуть опасности одну пушку. Телеграфируй, что легла цѣлая дивизія, — честь! Телегра-

фируй, что потеряли одно орудіе,—позоръ! И все время у насъ думали не о томъ, чтобъ нанести пушками вредъ японцамъ, а только о томъ, какъ бы онѣ не попали въ руки японцевъ... Да развѣ позоръ отдать орудіе, если оно сдѣлало все, что можно?

— Да, вотъ японцы этого не боятся!—отозвался глухой басъ.—Нахальнѣйшимъ образомъ вылетаютъ съ орудіями впередъ безъ всякаго прикрытія, и жарятъ, куда нужно.

— И правильно! Пропала пушка,—чортъ съ нею! Что пужно было, сдѣлала!

Я слушалъ, и вдругъ мнѣ вспомнился одинъ эпизодъ изъ итальянскаго похода Бонапарта. Онъ осаждалъ Мантую. Ей на выручку двинулась изъ Тироля огромная австрійская армія. Тогда Бонапартъ бросилъ подъ Мантуей свои тяжелыя осадныя орудія, около двухсотъ пушекъ, ринулся навстрѣчу австрійцамъ и разбилъ ихъ на голову... Хотѣлось смѣяться при одной мысли,—кто бы у насъ посмѣлъ бросить двѣсти осадныхъ орудій! Всю бы армію погубили, а ужъ пушки бы постарались спасти.

Становилось понятнымъ, почему и наши госпитали такъ поспѣшно отводились назадъ въ самомъ началѣ боя. Вездѣ была безмѣрная, ждущая самаго худшаго осторожность. Не осторожность холодной, все взвѣшивающей отваги. Осторожность трусости, боязнь риска, боязнь, что скажутъ *тамъ*...

Я засыпалъ. Тотъ-же озлобленный, самъ себя прерывающій голосъ ругалъ артиллеристовъ.

— Это нарывъ на тѣлѣ арміи, все равно, что генеральный штабъ. Дворянчики, въ монокляхъ, французятъ, въ узкихъ брючкахъ и лакированныхъ сапогахъ... Когда намъ пришлось идти въ контръ-атаку, оказалось, никакой артиллеріи нѣтъ, мы взяли деревникъ безъ артиллерійскою подготовки... А они, голубчики, вотъ гдѣ! Удираютъ и всѣхъ топчутъ по дорогѣ! Знаютъ, что ихъ орудія — самая большая драгоценность арміи!

— Нѣтъ, господа, по что-же это солдаты наши?— спрашивалъ другой голосъ, тихій и грустный. — Гдѣ эти прежніе львы? Выглянетъ изъ-за могилкохъ пара японцевъ, и цѣлая рота бѣжитъ...

— Сволочь-солдатъ!—сердито прогудѣлъ глухой басъ.—Эту всю армію только по госпиталямъ разложить, а чтобъ Куропаткинъ ихъ объѣзжалъ и раздавалъ теплыя фуфайки.

— Докторъ! Докторъ! Проснитесь!

Рука мягко и осторожно трогала меня за плечо. Батальонъ уходилъ. Мы встали.

Было все такъ-же темно, вездѣ горѣли костры; внизу, на дорогѣ, чернѣли кишѣвшіе обозы. Наши голодные лошади грустно пощипывали по землѣ остатки прошлогодней травы. Со сна стало еще холоднѣе, спать хотѣлось безмѣрно.

Проходили мимо кучки солдатъ.

— Не слышать, далеко японцы?

— За версту отсюда. Сейчасъ вонъ за той горой.

Кругомъ были крутые обрывы. Мы сѣли верхомъ, спустились на дорогу и поѣхали, пробираясь между стоявшими обозами. Проѣхали съ версту. Обозы стояли, какъ остановившіеся на бѣгу потокъ. Горѣли костры.

Загораживая проѣздъ, темнѣли тяжело нагруженные фуры; дальше передъ ними была ровная, пустая дорога. Солдаты дремали на повозкахъ.

— Чего это вы стоите? Сломалось у васъ что?

— Никакъ нѣтъ.

— Что-жъ вы другихъ задерживаете?

Они помолчали.

— Лошадей кормимъ... Ихъ благородіе, господинъ капитанъ, легли спать, не велѣли себя будить.

— Вотъ негодяй!.. Чего-же вы въ сторону не съѣдете? Развѣ не видите, изъ-за васъ всѣ обозы стоятъ?!

— Приказано тутъ стоять, а то потомъ трудно будетъ въѣхать на дорогу.

Услышавъ нашъ разговоръ подъѣхавшій сзади обозный подполковникъ. Шатаясь и задыхаясь отъ негодованія, онъ пошелъ будить капитана.

Мы поѣхали дальше. Постепенно дорога снова заполнялась обозами, они теперь двигались, и пробираться среди нихъ становилось все труднѣе. Мы чуть не потеряли Селюкова. А ѣхать по краю дороги было невозможно... Все равно! Дождемся здѣсь свѣта, будь, что будетъ!

На пригоркѣ сидѣли у костра три солдата—санера, стояли обозныя фурманки. Солдаты потѣшались и пустили насъ къ костру.

— Что, ваше благородіе, правду болтаютъ, будто замиреніе объявлено?—спросилъ меня одинъ.

— Ну, сейчасъ гдѣ-же переговоры вести, не найдешь никого. А миръ, конечно, близко. Продолжать войну невозможно, это совсѣмъ ясно.

— Гдѣ ужъ тамъ! Пора бы кончать. Сколько времени воюемъ!—Онъ помолчалъ.—А какъ скажете, платить намъ придется японцу?

— Да, вѣроятно, потребуютъ и контрибуціи.

— Еще больше на крестьянство тягости наложутъ... Нѣтъ, тогда ужъ лучше дальше воевать.

— И чего это царь думалъ, когда войну зачиналъ!—вздохнулъ другой.

Сзади раздался въ темнотѣ одинъ ружейный выстрѣлъ, другой, и затрещала пальба. Пальба была не дальше, какъ за версту. Всѣ насторожились.

— Ого! Не дремлютъ японцы!—сказалъ Шанцеръ, нервно оживляясь.—Гонять безъ отдыха. Видно, рѣшили дѣйствовать иначе, чѣмъ прежде, послушались совѣтовъ.

— И кто имъ эти совѣты даетъ! — удивился солдатъ.

— Въ иностранныхъ газетахъ все время пишутъ, что главная ошибка японцевъ,—разобьютъ, а преслѣдовать не преслѣдуютъ.

Солдаты почесалъ за ухомъ.

— И такъ разуменъ, а его еще со всѣхъ сторонъ учать!

Пальба разгоралась, становилась ближе. Внизу мчались по дорогѣ обозы, слышались крики и ругательства. Мимо костра пробѣгали кучки солдатъ.

— Что это тамъ, земляки, за пальба?

— Что! Насѣдаетъ японецъ, всѣ обозы отбилъ!

— А прикрытіе есть у насъ?

— Какое прикрытіе! Стрѣльнуть наши разъ, и бѣгутъ...

Пробѣгали мимо солдаты и мчались внизу обозы. Саперы поспѣшно сводили свои фурманки на дорогу.

— Поѣдемъ и мы?—спросилъ Шанцеръ.

Селюковъ сидѣлъ смертельно-усталый, понуривъ голову.

— Я не поѣду. Все равно, съ лошади свалюсь.

У меня на душѣ тоже была тупая, ни на что не отзывающаяся усталость. Ну, въ плѣнъ возьмутъ, ну, застрѣлять, — это было такъ безконечно-безразлично! Спать, спать—одно лишь важно.

— Я тоже спать залягу, — сказалъ я. — Да и гдѣ тутъ ѣхать? Все равно—обозы затопчутъ.

Мы стали укладываться у костра. Трещала и перекатывалась пальба,—она не волновала души. Занимались къ сѣверу пожаромъ все новыя стапціи,—это были простые факелы, равнодушно и дѣловито горѣвшіе на горизонтѣ... Мелькнула мысль о далекихъ, милыхъ людяхъ. Мелькнула, вспыхнула и равнодушно погасла.

Я проснулся на разсвѣтѣ. Костеръ давно потухъ, руки подмышками затекли отъ полушубка, холодъ про-

бирался до костей. У пепла костра, покрытые инеемъ, спали Шанцеръ и Селюковъ. Лошади наши уныло стояли, понутивъ головы.

На дорогѣ по-прежнему медленно тянулись къ сѣверу безконечные обозы. У края валялись стащенные съ дороги два солдатскихъ трупа,—истоптанные колесами и копытами, покрытые пылью и кровью. А гдѣ же японцы? Ихъ не было. Ночью произошла совершенно безпричинная паника. Кто-то завопилъ во снѣ „японцы! Пли!“—и взвился ужасъ. Повозки мчались въ темнотѣ, давили людей, сваливались съ обрывовъ. Солдаты стрѣляли въ темноту и били своихъ-же.

Я разбудилъ Селюкова и Шанцера, мы сѣли верхомъ и поѣхали. Звѣзды гасли, разгоралась холодная заря. Мы напоили у рѣки лошадей.

Свѣтлѣло все больше. Справа изъ-за сопокъ вышло солнце, въ воздухѣ потянуло тепломъ. Тѣло отдохнуло, на душѣ стало свѣжо и бодро. Впереди, въ сверкающей голубой дымкѣ, виднѣлся далекий городъ, изящно рисовались купола кумиренъ и изогнутые края крышъ.

...городъ дальній утромъ,
Полны тайны, полны блеска...

Навстрѣчу намъ ѣхалъ по дорогѣ офицеръ... Поручикъ Шестовъ! Тотъ ординарецъ изъ штаба, который во время боя ѣздилъ съ нашими госпиталями, такъ какъ „не зналъ, гдѣ теперь штабъ“. Поручикъ иронически оглядѣлъ насъ и съ высококомѣрною усмѣшкой спросилъ:

— Удираете?

— Удираемъ.

— А я ѣду въ Мукденъ.

— Въ Мукденъ?

— Да, въ Мукденъ!—значительно подчеркивая, отвѣтилъ поручикъ. Какъ будто въ своей храбрости онъ

знать что-то такое, чего мы въ своей трусости не хотѣли знать.

Счастливаго пути!..

Мы въѣхали въ городъ. Телинъ это? Нѣтъ, до Телина еще верстъ тридцать... По прямой, узкой улицѣ двигались обозы и батареи, проходили толпы солдатъ. Подъ веселымъ утреннимъ солнцемъ медленно лился чуждый потокъ черезъ тихую, свою жизнь китайскаго городка. Изъ трубъ вились дымки, такіе обычно-мирные. У харчевни, подъ серебряной рыбой на красномъ столбѣ, толпились китайцы. Перебѣгали черезъ улицу ребята съ черными косичками на темени. Сквозь разрывы бумажныхъ оконъ любопытно блестяли дѣвическіе глаза.

Миновали городъ; мѣстность становилась холмистѣе. Передъ мостомъ столпилось море повозокъ. Казаки работали нагайками, расчищая путь какому-то обозу.

— Куда прете, сукины дѣти?! Жди своей очереди!

— Станетъ тебя командующій арміей ждать!.. Сворачивай!

Казаки, наклоняясь съ сѣделъ, хватали обозныхъ лошадей подъ уздцы. Свистѣли нагайки. Мимо пронесся обозъ штаба третьей арміи. Проѣхалъ въ коляскѣ какой-то важный генераль. . . . .

Мѣстность дѣлалась все выше, вокругъ тѣснились тяжелыя сопки. Стало холодно, вѣтеръ поднималъ тучи пыли. Обозы по-прежнему ссорились и старались перерѣзать одинъ другой у узкихъ мѣсть дороги. Дисциплина на глазахъ падала. . . . .

Днемъ мы встрѣтились съ частью нашего обоза, при которой были д-ръ Гречихинъ и помощникъ смотрителя Брукъ. Дальше мы пошли вмѣстѣ. Гдѣ главный врачъ и смотритель, никто не зналъ.

Къ вечеру вдали показалась огромная гора, увѣчанная укрѣпленіями. За горою лежалъ Телинъ. Дорога расходилась въ двѣ стороны. У ея раздѣленія стоялъ верховой офицеръ и кричалъ:

— Шестой и шестнадцатый корпусы—направо, первый и десятый—налѣво!

Въ первый разъ за этотъ долгій путь, полный безтолочи и безначалія, кто-то распорядился, кто-то хоть о чемъ-нибудь подумалъ... Мы подошли къ подножію горы. Тянулись бывшіе огороды, обнесенные невысокими глиняными оградами. Густо стояли биваки, равнина дымилась кострами. Мы тоже стали.

Здѣсь-же были уже всѣ три другіе госпиталя нашего корпуса. Желтый и совершенно больной Султановъ лежалъ въ четырехконной повозкѣ, предназначенной для сестеръ. Новицкая, съ черными, запекшимися губами и пыльнымъ лицомъ, сердито и звонко, какъ хозяйка-помѣщица, кричала на солдатъ. Прохожіе солдаты съ изумленіемъ смотрѣли на этого невиданнаго командира.

— Что это надъ вами баба командуетъ?—съ усмѣшкою спрашивали они султановскихъ солдатъ.

Султановцы угрюмо молчали и отворачивались.

Подошла къ намъ Зинаида Аркадьевна.

— Нѣтъ, будетъ, будетъ!—говорила она, въ красивомъ изнеможеніи роняя руки.—Довольно ужасовъ насмотрѣлись, прощайте! Мы уѣзжаемъ въ Харбинъ по желѣзной дорогѣ!... А вы знаете, бѣдная Варвара Ѳедоровна! Она отбилась отъ насъ и всю дорогу ѣхала со всѣмъ одна въ своемъ шарабанѣ, а въ ногахъ у нея—скорченный, полуразвалившійся трупъ ея мужа... Приѣхала сюда, хотѣла на здѣшнемъ вокзалѣ сдать на поѣздъ трупъ,—не принимаютъ. Наконецъ, въ ней принялъ участіе какой-то генералъ,—такой милый! Велѣлъ трупъ зашить въ рогожи и сдать на поѣздъ, какъ грузъ. Она поѣхала вмѣстѣ съ трупомъ...

Мы устроились въ убогомъ глиняномъ сарайчикѣ. Заходили знакомые офицеры, врачи.

— Нашему корпусному командиру приказано выставить дивизию на позиціи передъ Телиномъ, а въ штабѣ не знаютъ, гдѣ полки. Всѣ растеряли.

— Будетъ бой подъ Телиномъ?

— Богъ вѣсть! Такъ, арьбергартный пустячокъ какой-нибудь... Войскъ не соберешь, да и боевыхъ припасовъ нѣтъ: всѣ склады были сейчасъ за позиціями, — часть разстрѣляли, часть взорвали на воздухъ, чтобъ не достались японцамъ.

— Да, господа!... Что-же это такое вышло?..

Молодой ординарецъ съ прострѣленною рукою рассказывалъ:

— Съ утра ищу штабъ нашего корпуса, никто не знаетъ, гдѣ онъ. Говорятъ мнѣ: „вонъ поѣздъ главнокомандующаго, спросите тамъ“. Пошелъ, спрашиваю. „Обратитесь въ операціонное отдѣленіе, вонъ въ томъ вагонѣ“. Вхожу. На столѣ разложены карты, полковникъ генеральнаго штаба водить пальцемъ по картѣ и вполголоса говорить двумъ генераламъ: „у насъ 360 батальоновъ, а у японцевъ только 270. И вотъ, я васъ спрашиваю, — какъ-же все это случилось?“ Неловко, — какъ будто подслушиваю. Я кашлянулъ. — „Что вамъ угодно?“ — „Мнѣ нужно знать, гдѣ штабъ ** корпуса“. Полковникъ юмористически посмотрѣлъ на меня. — „Да-а... Гдѣ штабъ ** корпуса!“ — разсмѣялся и ушелъ...

На телинскомъ вокзалѣ была масса народу. Пили водку и чай, ужинали. Рядомъ со мною сидѣлъ сухой интендантскій чиновникъ съ погонами статскаго совѣтника. Онъ рассказывалъ своему сосѣду, обозному подполковнику, какъ они нигдѣ не могутъ найти перевязочныхъ средствъ, какъ жгутъ склады. Иттимно наклонившись къ собесѣднику, онъ громкимъ полупотомъ прибавлялъ:

— Теперь каждый день даетъ намъ доходу по полторы, по двѣ тысячи рубликовъ!..

Мы укладывались спать въ нашемъ сарайчикѣ. Изъ штаба принесли приказъ: завтра на зарѣ идти на станцію Каюанъ, въ тридцати пяти верстахъ сѣвернѣе Телина. Воротился съ вокзала засидѣвшійся тамъ Брукъ и сообщилъ, что на вокзалѣ паника: снимаютъ почтовые ящики и телеграфные аппараты, всѣ бѣгутъ; японцы подступаютъ къ Телину.

(Продолженіе въ слѣдующемъ сборникѣ).

ШОЛОМЪ АШЪ.

БОГЪ МЕСИ.

ПЬЕСА ВЪ ТРЕХЪ ДВѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЯНКЕЛЬ ШЕПШОВИЧЪ, хозяинъ, человекъ средняго роста,
лѣтъ 40.

САРА, его жена.

РИВКЕЛЕ, ихъ дочь, молодая дѣвушка, лѣтъ 17.

ГИНДЛЬ, первая дѣвушка изъ подвала.

МАНКА, вторая дѣвушка изъ подвала, еще довольно молодая.

РЕЙЗЛЬ, Дѣвушка изъ подвала. Бася провинціальная дѣвушка,

БАСЯ \ только что пришедшая.

ШЛЕЙМЕ, альфонсъ, женихъ Гиндли, красивый парень 26 лѣтъ.

РЕВЪ ЭЛЕ, свать, сосѣдь Янкеля.

СЕЙФЕРЪ.

НЕЗНАКОМЫЙ ЕВРЕЙ.

ЕВРЕЙКА СЛѢПАЯ НА ОДИНЪ ГЛАЗЪ изъ толпы нищихъ.

НИЩІЕ, мужчины и женщины.

Жизнь современная. Мѣсто дѣйствія—большой провинціальній
городъ.

Шоломъ Анц. Боиз мести.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствіе происходитъ въ частномъ домѣ хозяина. Первый этажъ стараго деревяннаго дома. Комната построена надъ поваломъ, гдѣ находится публичный домъ. Изъ подвала вверхъ ведетъ снаружи деревянная лѣстница, гулко отдающая звуки шаговъ, когда по ней ходятъ. Жилище состоитъ изъ большой комнаты съ низкимъ потолкомъ, мебель новая, но дешевая, мѣщанская, которая не гармонируетъ съ старыми стѣнами дома. Стѣны увѣшены вышитыми по канвѣ картинами изъ библіи. Выдѣляется изъ нихъ изображеніе Адама и Евы у древа познанія и тому подобныя дѣвичьи вышивки. Противъ сцены дверь, ведущая въ комнату Ривкеле; направо, по обѣимъ сторонамъ двери, двѣ кровати у стѣнъ съ высоко взбитыми подушками. Надъ ними — два окошечка низкихъ, съ изнутри закрывающимися ставнями, завѣшанныя занавѣсками и установленныя цвѣточными горшками. Между окнами стеклянный шкафъ; подъ окномъ комодъ. Въ комнатѣ кончаютъ уборку; видно, что ожидаютъ гостей. Наставлены лишнія скамьи и столы, загроможденные корзинами; эти корзины наполнены бѣлыми булками и другими родами пищи. Ранняя весна. время послѣобѣденное.

САРА, РИВКЕЛЕ, ПОТОМЪ ХОЗЯИЦЪ.

(Сара высокая, стройная, лицо уже порядочно помято, но носить слѣды бывшей красоты, имѣющей и теперь еще отгѣнокъ дерзости. На ея головѣ парикъ, изъ-подъ котораго время отъ времени вырываются локоны. Одѣта въ солидное платье, которое тутъ и тамъ кокетливо украшено. Носить много драгоценностей и въ своихъ движеніяхъ еще не можетъ освободиться отъ манеръ среды, изъ которой вышла. Она стоитъ съ Ривкеле, прелестной молодой дѣвушкой, очень мило и прилично одѣтой, у нея двѣ длинныя, толстыя косы. Она помогаетъ матери убирать комнату)

РИВКЕЛЕ (засовывая бумажные цвѣты за гардины). Посмотри, мама, такъ то зеркало украсить, вотъ такъ будетъ красиво.

САРА (хлопоча у стола). Ну, слыши, дочурка, проворнѣй, проворнѣй; отецъ пошелъ уже звать гостей почтенныхъ, тору принесетъ домой.

РИВКЕЛЕ. Вотъ славно! Люди будутъ пѣть, играть будутъ, правда, мама?

САРА. Да, дочурка, праздникъ это Божье дѣло.. А Сейфуру заказать тору не всякій можетъ, развѣ лишь хозяинъ, почтенное лицо.

РИВКЕЛЕ. И дѣвушки придутъ, танцовать будутъ, правда, мама? (Останавливается) Но вѣдь тогда мнѣ блузку купить надо, туфли бѣлыя, (показываетъ на свои ноги) пельзя же танцовать въ такихъ башмакахъ...

САРА. Вотъ наканунѣ Пасхи, когда Богъ дастъ цѣлѣвстой станешь, я тебѣ платье длинное куплю, туфли... Дѣвушки придутъ, хорошія дѣвушки, изъ почтенныхъ домовъ, ты имъ подругой будешь...

РИВКЕЛЕ (недовольно пожимая плечами). На Пасху.. Ты все оттягиваешь на Пасху,—ужъ я большая (Смотрится въ зеркало, показывает на свои длинные косы) Какія косы у меня густыя, длинныя... Малка говоритъ... А Манка... она вѣдь тоже будетъ, правда, мама?

САРА. Ну, ужъ нѣтъ, дочурка! Только честныя дѣвушки, приличныя дѣвушки,—ты вѣдь хозяйская дочь...

РИВКЕЛЕ. Почему же нѣтъ, мама? Манка составила мнѣ узоръ Могепъ-Доведа на бархатномъ мѣшкѣ для торы... Теперь я вышиваю по немъ шолкомъ... Украшено листьями, цвѣтами, — увидишь, какъ красиво! (Показываетъ на картины по стѣнамъ) Во сто разъ лучше этихъ...

САРА (испуганно). Боже мой! Не покажи отцу: онъ будетъ кричать, сердиться!

РИВКЕЛЕ. Почему же, мама, — это вѣдь для торы.

САРА. Отецъ разсердится! (Слышны шаги на лѣстницѣ) Тсс! молчи! Отецъ идетъ...

ХОЗЯИНЪ (сидитъ на лѣстницѣ). Что? Кланяться передъ ними? Очень мнѣ нужно! (Входитъ; это высокій, крѣпкій мужчина, лѣтъ сорока, черное поросшее лицо, черная, кругло остриженная борода, говоритъ громко и грубо, руками задѣвая другого, но во всей его физиономіи чувствуется открытость) Не придуть и не надо! Я бѣдняковъ собралъ, не боюсь! Найдутся охотники до пряниковъ и гуся! (Увидя Ривкеле, садится на стулъ и пальцемъ зоветъ ее къ себѣ) Ну-ка, подойди къ отцу...

САРА (сердито и дѣлая видъ, что не обращаетъ на нихъ вниманія, сервируетъ столъ). Ты думаешь они захотятъ пачкаться тутъ? Вотъ если имъ сторублевка нужна или милостыня, тогда не брезгаютъ! Холопъ-трефной, деньги же его кошерны.

ХОЗЯИНЪ. Чего боится? Нашла заботу! Пустяки! Вреда не будетъ. (Зоветъ Ривкеле) Ну-ка, подойди къ отцу...

РИВКЕЛЕ (подходя къ нему очень неохотно и боязливо). Чего хочешь, отецъ?

хозяинъ. Ты не бойся, Ривкеле, зля тебѣ не сдѣлаю. (Береть ее за руку) Ты любишь отца своего, да?

(Ривкеле утвердительно киваетъ головой)

хозяинъ. Почему же ты боишься отца?

ривкеле. Не знаю я...

хозяинъ. Ты не бойся, отецъ тебя любить, очень любить... Вотъ сегодня я заказалъ святую тору, это стоитъ дорого, — для тебя, дочка, для тебя...

(Ривкеле молчитъ, пауза)

хозяинъ. И когда ты съ Божьей помощью невѣстой станешь, я жениху куплю золотые часы съ золотой цѣпочкой, поль-фунта золота будетъ вѣсить! Отецъ тебя крѣпко любить! Невѣстой сдѣлаться можно: Богъ велѣлъ! Это ничего! Всѣ люди женихами и невѣстами дѣлаются. (Ривкеле молчитъ) Ну? Любишь отца своего?

ривкеле (качая головой, тихо). Да...

хозяинъ. Скажи, что мнѣ купить, Ривкеле? (Ривкеле молчитъ) Ну, скажи, ты не бойся... Что купить? (Ривкеле молчитъ)

САРА (хлопоча за столомъ, Ривкеле): Ты чтожъ не отвѣчаешь, когда тебѣ отецъ говоритъ?

ривкеле. Не знаю.

САРА (хозяину). Шолковую блузу она хочетъ и бѣдня туфли.

хозяинъ. Да? Этого хочешь? (Ривкеле утвердительно качаетъ головой) Это тебѣ слѣдуетъ (Вынимаетъ изъ звонящаго кармана золотую монету) На! Дай это матери, пусть она тебѣ купить...

(Ривкеле, взявъ деньги, относитъ матери. На лѣстницѣ слышенъ шумъ шаговъ входящихъ нищихъ)

хозяинъ (Сарѣ). Видишь, ты тужила — гостей не будетъ! (Открываетъ дверь и зоветъ) Ну, заходите, заходите. (Входитъ толпа бѣдняковъ, мужчинъ и женщинъ, сначала въ одиночку, какъ бы прокрадываясь въ комнату, потомъ все развязнѣй ведутъ себя и говорятъ съ сдержанной насмѣшкой) нѣкоторые изъ нищихъ. Ну, добрый день вамъ!

(Сара надѣваетъ широкій передникъ, наполняетъ его кусками провизіи, дѣлитъ между бѣдными)

одниъ изъ нищихъ. — Долгая вамъ жизньъ, хозяйшка! Даѣй вамъ Богъ много радостей...

второй. Да принесетъ тора благословеніе въ вашъ домъ.

хозяинъ (добавляя имъ куски хлѣба). По цѣлому фунту пряника давай имъ и по бутылкѣ водки на домъ! Пусть знаютъ, что сегодня у меня праздникъ! Ничего! На это меня хватитъ! (Хлопаетъ себя по карману)

еврейка слѣпая на одинъ глазъ — (хвалить передъ бѣдняками хозяевъ). Вотъ это такъ домъ. Даѣй Богъ мнѣ такой годъ, никто съ пустыми руками отсюда не уходитъ! Ложку супу больному, рубаху бѣдному — а? что? оттуда, изъ высокихъ окопъ вамъ дадутъ? (Сара, какъ бы не слыша рѣчей еврейки, бросаетъ въ ей передникъ больше кусковъ, а еврейка, усердно подставляя передникъ, продолжаетъ) Когда тутъ празднуютъ, можно быть кѣмъ-угодно, можно заниматься чѣмъ угодно...

другіе нищіе (между собой). Даѣй Богъ такъ счастья намъ, такъ счастья намъ...

хозяинъ (вынимаетъ полную пригоршню мелочи и бросаетъ въ передникъ Ривкеле) На, подѣли бѣднякамъ...

(Ривкеле дѣлитъ между бѣдняками)

еврейка слѣпая на одинъ глазъ (съ большою смѣлостью указывая на Ривкеле). Покажите-ка мнѣ во всемъ городѣ еще одну! Раввины не имѣютъ такихъ дѣтей. (Говоритъ тихо, но такъ, чтобы хозяинъ и Сара слышали) Богъ знаетъ, откуда взялась у нихъ такая честная душа! Кажется, выросла въ такомъ домѣ — да проститъ Богъ мои слова. (Громко) И какъ это берегутъ, — какъ глазъ во лбу! Размѣрешь, взвѣсишь каждый ся шагъ, любо смотрѣть. (Подходитъ къ хозяину и хлопаетъ его по плечу) Ничего! Люди знаютъ! (Показывая на Ривкеле) Будь у меня сынъ раввиномъ...

ДРУГІЯ ЖЕНЩИНЫ (между собою). Люди знаютъ, люди знаютъ...

ХОЗЯИНЪ. Увидите! Если я ее благополучно поведу подъ вѣнецъ, цѣлыхъ гусей вы получите, живыхъ щукъ получите! И рубли въ придачу! Мос имя Янкель Шеншовичъ, если я лгу...

ЕВРЕЙКА слѣпая на одинъ глазъ. Какъ будто въ синагогѣ она выросла, говорю я вамъ! Чистая, красивая, достойнѣе дочекъ всѣхъ почтенныхъ домовъ...

ЖЕНЩИНЫ. Люди знаютъ, люди знаютъ. (Хозяинъ одѣлать рюмкой водки бѣдняковъ, которые роняютъ слова, какъ будто не замѣчая) Хоть отецъ ея и Янкель Шеншовичъ...

САРА (продолжая одѣлывать). Ну, ну, передъ кѣмъ онъ тутъ хвалится!

ХОЗЯИНЪ (не удержавшись и паливая рюмки съ проворствомъ). Все равно мнѣ бѣденъ или богатъ! Пусть всѣ знаютъ! Пусть весь городъ знаетъ, что есть я, то и есть. (Указывая на жену) Что есть она, то и есть. Все вѣрно! Все вѣрно! Все! Только на дитя мое пусть не падаетъ хула! А, нѣ-ѣтъ! Вотъ этой бутылкой голову въ куски! Пусть хоть самъ раввинъ,—разницы нѣтъ! Чинце его дочери... (Проводитъ пальцемъ по горлу) Голову даю...

САРА (перестаетъ дѣлать). Ну, слышали ужь, слышали... (Отряхиваетъ руки и ищетъ метлу) Полъ подмести надо, гости будутъ! (Обращается къ нищимъ) Кажется, жаловаться печего.

БѣДНЯКИ. Нѣтъ, хозяйюшка, даѣтъ Богъ вамъ счастья! (Оставляютъ постепенно комнату, благословляя; хозяинъ еще подбрасываетъ куски за спиной жены)

САРА (взявъ метлу, подметаетъ и говоритъ Ривкелѣ, чтобы слышали бѣдные). Иди, дочка, кончай мѣшокъ для торы! Ребъ Эле сейчасъ придетъ, Сейферъ придетъ...

(Ривкелѣ уходитъ въ свою комнату)

САРА (продолжая подметать комнату). Предъ кѣмъ наша хвастаться! Важное дѣло, скажу я вамъ! А думаешь, такъ они къ тебѣ бы не пришли? Каждый день

праздникъ дѣлай, каждый день имѣть ихъ будешь! Въ домахъ благородныхъ знаютъ какъ держаться, чтобы почетъ былъ человѣку! А чтожь, какъ у тебя? Сейчасъ за панибрата? Что это за почетъ, говорю я, для человѣка, для хозяина?..

хозяинъ. Ты хочешь, чтобы люди приличные къ тебѣ ходили, видно, ты позабыла, кто ты...

САРА. „Кто ты“? Обокралъ ты кого-нибудь! У тебя дѣло есть! У каждаго свое дѣло! Ты никого не принуждаешь... Ты можешь записаться чѣмъ хочешь, лишь бы самъ не дѣлалъ зла? Попробуй-ка имъ денегъ дать, увидишь, какъ возьмутъ...

хозяинъ. Взять то—возьмутъ, но въ ихъ глазахъ собакой будешь! Въ синагогѣ, въ дверяхъ стой... Никогда тебя къ торѣ не допустятъ...

САРА. Ты такъ-таки думаешь, что они тебя лучше? Лишь бы они тебѣ не нужны были. Теперь на бѣломъ свѣтѣ такъ: имѣешь деньги, къ тебѣ придетъ почтенное лицо, какъ Сейферъ—переписчикъ торы, напри-мѣръ, ребъ Эле, возьметъ у тебя хорошую милостыню... тебя не спроситъ, откуда у тебя взялось!? Укради, убей,—лишь бы было, вотъ что!

хозяинъ. Не лѣзь ты высоко, Сара! Не такъ высоко... Не то сразу сломаешь шею. (Грозитъ пальцемъ) Не лѣзь, не лѣзь! Имѣешь хату—лежи! Хлѣбъ имѣешь—жри. Не лѣзь, куда не просятъ! Каждый песь свою конуру знай. (Отходить отъ стола и дѣлаетъ кругъ рукою) Ужь мнѣ досадно все это дѣло. Боюсь, что тутъ уже тебѣ придетъ конецъ...

САРА (перестаетъ мести, подпирая бока руками, свысока). А еще мужичпа. Стыдился бы. Я женщина, и я могу сказать: что было—того нѣтъ,—п-ссь, ушло... Некого стыдиться... Весь міръ не лучше... Иначе носомъ въ землю ходить бы надо. (Подходить къ нему) А знаешь что: какъ деньги будутъ, закроешь лавочку и пѣтухъ не запоетъ... Кому... Кому какое дѣло, чѣмъ ты былъ?

хозяинъ (подумавъ). Это ужъ было бы къ лучшему. (Пауза) Закупить лошадей, отвезти загралицу, какъ Айзекель Фурманъ... Человѣкомъ стать, а не то, чтобъ тебѣ въ глаза смотрѣли, какъ вору...

САРА (задумчиво). А все-таки жаль дѣло... Лошадьми такого кошернаго гроша—нѣтъ, не получишь... Здѣсь по крайней мѣрѣ рубль въ рукахъ...

хозяинъ (задумчиво). Это вѣрно...

САРА (выходить въ другую комнату, приноситъ тарелки и устанавливаетъ ихъ на столѣ). И вотъ, видишь, дочка у насъ, слава Богу, есть приличнѣе другихъ хозяйскихъ дѣвушекъ въ городѣ. Замужъ выйдетъ, честнаго чело-вѣка возьметъ, будетъ имѣть дѣтей хорошихъ и вотъ, видишь, „чего же еще“?

хозяинъ (поднимаясь). Да, когда ты будешь ее учить. (Сердито) Иди, пускай къ ней Манку: сюда ее позови...

САРА. Смотри, что онъ выдѣлываетъ. Одинъ только разъ я Манку позвала, чтобъ она научила Ривкеле вышивать по канвѣ—она же дѣвушка, надо же о приданомъ подумать. У нея и подругъ даже нѣтъ. Вѣдь ты и на лицу ее не выпускаешь. (Пауза) Ну, не хочешь, такъ и не надо.

хозяинъ. Нѣтъ, не хочу... Не хочу я, чтобы мой домъ сносился съ подваломъ! Я отдѣляю свой домъ отъ подвала. Слышишь ли? Какъ кошерное отъ трефнаго. Отрѣзано. Внизу (показываетъ пальцемъ въ землю) публичный домъ, а тутъ дѣвушка-невѣста, чистая дѣвушка. Ты слышишь? (Стучитъ кулаками по столу) Дѣвушка-невѣста здѣсь живетъ! Отрѣзано пусть будетъ!

(Слышны шаги на лѣстницѣ)

САРА. Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ,—не кричи. (Прислушивается) Тише, люди идутъ... навѣрное ребъ Эле (Она причетъ выбившуюся прядь волосъ подъ парикъ, поправляетъ передникъ; хозяинъ расправляетъ бороду, пиджакъ и становится у двери въ ожиданіи гостей)

(Дверь широко раскрывается, входятъ Шлейма, Гиндль. Шлейма высокій, крѣпкій парень, лѣтъ 26,

въ длинныхъ ботфортахъ, въ короткомъ пиджакѣ; развалистая походка, говори вращаетъ зрачками. Гиндль—отцвѣтшая дѣвушка, носить платье неподходящее къ ея возрасту, набѣленное лицо. Входить дерзко и свободно)

хозяинъ (Саръ). Посмотри на моихъ гостей... (Шлеймъ) Тутъ у меня никакихъ дѣлъ нѣтъ... Внизу, все внизу... (Указывая на пороги) Я сойду.

шлейме. Что гонишь? Уже стыдишься насъ?

хозяинъ. Покороче: что скажешь хорошаго.

шлейме. У тебя сегодня праздникъ, вотъ мы пришли поздравить. Старые знакомые,—что нѣтъ?

сара. Посмотрите на этихъ знакомыхъ...

хозяинъ. Дѣло прошлое,—съ этого дня кончено. Будетъ дѣльце—хорошо,—только все внизу. (Показываетъ на полъ) Съ этого дня я тутъ тебя не знаю, ты меня не знаешь. Рюмку водки еще получить можешь. (Наливаетъ обоимъ по рюмкѣ) Но поторопитесь, а то человѣкъ еще подойдетъ..

шлейме (беря рюмку водки и обращаясь лукаво къ Гиндль) Видишь, замужество—хорошее дѣло: такъ становишься похожимъ на людей,—даютъ тору написать; не такъ, какъ тѣ альфонсы! Сутенеры... (Хозяину) На тебя глядя, самъ женихомъ сегодня сталъ. Съ этой животинной,—вотъ (показываетъ на Гиндль). Что, плохая хозяйка будетъ? Увидишь? Парикъ надѣнетъ, таже раввинша будетъ, какъ Богъ святъ...

хозяинъ. Хорошая новость. Вотъ какъ? Женихомъ сталъ? Когда же свадьба съ Божьей помощью?

сара. Посмотри, съ кѣмъ онъ тутъ сталъ разговаривать! Прилично это! Съ отбросами,—да проститъ Богъ! Господи... Раввицъ, Сейферъ могутъ еще подойти...

шлейме (хозяину). Когда свадьба, спрашиваешь ты? Г-м?.. Когда нашъ братъ женится... Будетъ пара дѣвицъ,—балдахинъ поставимъ, дѣло устроимъ... чѣмъ еще нашему брату заняться? Раввиномъ не быть... Но что-то должно быть экстр... огонь и пламя... (Подмигивая) А нѣтъ, такъ и игра свѣчь не стоитъ...

хозяинъ. Чего же отъ меня хочешь, скажи пожалуйста?

шлейме. Чего отъ тебя хочу? Пустякъ. (Показываетъ пальцемъ на Гиндль) Это твоя дѣвка, а? А—моя невѣста. У нея къ тебѣ претензія (Вертеть у Гиндли ея счетную книжку) И отъ сегодняшняго дня со мной будешь имѣть дѣло. Сегодня я отъ тебя хочу только малость: десять рублей на книжку. (Стучитъ рукой по книжкѣ) Хорошія деньги, братъ, хорошія деньги. (Показывая глазами на Гиндль) Она тамъ шляпку себѣ купить хочетъ...

хозяинъ. Внизу, все внизу... Я сойду... Тамъ всѣ дѣла обдѣлаемъ—тутъ я тебя не знаю вовсе... Тутъ съ тобой никакихъ дѣлъ...

шлейме. Мнѣ все равно,—внизу, такъ внизу. Внизу не чужой, вверху не чужой. Все равно... Одинъ чортъ...

хозяинъ (уже сердито). Собери свои кости, очисти мѣсто: человѣкъ долженъ придти...

сара. Чортъ сломай вамъ шею, руки и ноги ваши! Полѣзь праздникъ мутить намъ. (Смотритъ съ отвращеніемъ на Гиндль) Стоитъ съ такой гадиной имѣть неприятности.

гиндль (Сарѣ). Я для васъ, можетъ быть, не товаръ? Сами въ подвалъ ступайте...

шлейме (Гиндль). Скажи ей, пусть дочь свою пошлетъ. (Киваетъ Сарѣ) Ей Богу, хорошія дѣла сдѣлаешь...

хозяинъ (приближается къ Шлеймѣ). Меня ругай, слышалъ? (Показываетъ на жену) Ее ругай: мы панибраты... но имени дочери моей нечистивымъ ртомъ не поминай, слышалъ? (Подходить быстро) Ее не трогай... я... нѣтъ... Я тебѣ брюхо распорю! Слыпишь? Она тебя не знаетъ, ты ее не знаешь.

шлейме. Такъ я ее узнаю... Нашего брата дочка—не дальняя родня...

хозяинъ (хватая его за горло). Испотрошу! Въ рожу меня бей, топчи меня ногами, а имени дочери не поминай...

(Они борются)

САРА (подбѣгая). Чистое наказаніе... Сталь тутъ съ отбросами спорить... Еще человѣкъ подойдетъ... Господи, Боже! Янкель... Ребъ Эле... Сейферъ... Янкель, Янкель... Вспомни Бога. (Отрываетъ его отъ Шлеймы) Что съ тобой? (Слышны тяжелые шаги на лѣстницѣ. Сара продолжаетъ разнимать ихъ, говоря)

САРА (отталкиваетъ Шлейму). Ребъ Эле здѣсь, Сейферъ идетъ... Стыдъ и срамъ передъ людьми.

ХОЗЯИНЪ (держа его за воротникъ). Нѣтъ, тутъ на мѣстѣ...

(Голосъ Эле въ дверяхъ: Пожалуйте, ребъ Сейферъ)

РЕВЪ ЭЛЕ (просовывая голову въ дверь съ трубкою въ зубахъ). Что здѣсь за шумъ? Въ такой день должна быть особая радость, а не то, что ссора... (Прячетъ голову) Пожалуйте, ребъ Сейферъ...

(Хозяинъ, услыжавъ голосъ ребъ Эле, отпускаетъ Шлейму. Сара торопливо всовываетъ ему кредитную бумажку, которую достаетъ изъ чулка, отталкиваетъ его и Гиндль къ двери, гдѣ они сталкиваются съ ребъ Эле и Сейферомъ, которые отстраняются передъ женщиной и пропускаютъ ее)

ШЛЕЙМЕ (Гиндль, уходя). Видишь, видишь, съ какими почтенными лицами онъ якшается теперь? Пстой, пстой, онъ еще раввиномъ сдѣлается. (Шлейме и Гиндль уходятъ)

РЕВЪ ЭЛЕ, СЕЙФЕРЪ И ПРЕЖНІЕ.

РЕВЪ ЭЛЕ (низенькій, толстый еврейчикъ, говоритъ скоро, дѣлаетъ быстрыя движенія рукой—заискивающе) Будьте добры, будьте добры. Сейферъ... (Тихо хозяину и Сарѣ) Надо вамъ держаться немного приличнѣй, пора уже: люди приходятъ...

(Сейферъ высокій, старый еврей; его высокое, худое тѣло облечено въ широкій кафтанъ, носить длинную, рѣдкую бороду; онъ въ очкахъ, держится холодно, таинственно)

РЕВЪ ЭЛЕ (Сейферу, указывая рукой на хозяина). Это хозяинъ.

СЕЙФЕРЪ (подастъ ему руку). Шолемъ алейхемъ...

(Хозяинъ нерѣшительно поднимаетъ руку. Сара почтительно отходить въ сторону)

РЕВЪ ЭЛЕ (садится къ столу, подвигая стулъ Сейферу) Садитесь, Сейферъ. (Хозяину) Садитесь!

(Сейферъ садится возлѣ ревь Эле, черезъ столъ садится хозяинъ, очень нерѣшительно)

РЕВЪ ЭЛЕ (Сейферу). Это тотъ еврей, для котораго я вамъ заказалъ тору. (Онъ подвигаетъ себѣ водку, наливаетъ Сейферу, потомъ себѣ) Сына нѣтъ у него, такъ онъ Богу торой послужить хочетъ, таковъ ужъ нашъ обычай еврейскій! Хорошо это! Надо ему помочь! На здорье, Сейферъ. (Даетъ ему руку, потомъ хозяину) На здорье хозяинна. У тебя сегодня радость...

(Хозяинъ нерѣшительно даетъ ему руку. Сара, подойдя къ столу, подвигаетъ варенье ревь Эле, мужъ тянетъ ее за рукавъ, чтобы она удалилась)

РЕВЪ ЭЛЕ (выпивая). Пейте, Сейферъ. (Хозяину) Пей! Сегодня ты долженъ быть веселымъ! Богъ тебѣ помочь: можешь заказывать тору... Божье это дѣло...

СЕЙФЕРЪ (со стаканомъ въ рукѣ ревь Эле, кивая на хозяина). Что это за еврей?..

РЕВЪ ЭЛЕ. Что за разница?—еврей... Пусть не учешый... Не всѣ же могутъ быть учеными. Когда еврей хочетъ сдѣлать угодное дѣло, не надо его отталкивать На здорье! (Хозяину) Пей, хозяинъ! Будь весель!

СЕЙФЕРЪ. А съумѣетъ ли онъ съ торой обращаться?

РЕВЪ ЭЛЕ. Что значить не съумѣетъ? Онъ же еврей.. Какой еврей не знаетъ, что такое тора? (Пьетъ) Здорье... Да дастъ Великій Богъ нашъ всѣхъ благъ евреямъ...

СЕЙФЕРЪ (держитъ рюмку, хозяину). За ваше здорье, хозяинъ (Повелительнымъ тономъ) Ты долженъ знать, что тора—великая вещь. На торѣ стоитъ міръ, каждая тора—какъ скрижалъ, что Моисей получилъ отъ Бога на горѣ Синая... Каждое слово написано съ чистотою и святостью. Въ домѣ, гдѣ находится тора, тамъ—самъ

Богъ. Тора должна быть оберегаема отъ всякой печисти... Еврей... Чтобъ ты зналъ, что такое тора...

хозяинъ (блѣднѣетъ, испуганно поднимается съ мѣста, начинаетъ говорить непонятно и дрожа). Ребе... Ребе... Я скажу раввину всю правду... Я... Я человѣкъ грѣшный, очень грѣшный... Ребе... я боюсь...

РЕБЪ ЭЛЕ (Сейфѣру, перебивая). Этотъ еврей—каущійся... Надо его поддержать: сказано въ талмудѣ... Такъ велѣно... Что значить онъ не знаетъ, что такое тора. Онъ все-таки еврей. (Хозяину) Къ торѣ надо имѣть уваженіе, большое уваженіе,—какъ бы у тебя въ домѣ жилъ большой раввинъ... Нельзя говорить непристойности въ комнатѣ, гдѣ лежитъ тора... только святость, только цѣломудріе. (Обращается къ Сарѣ, глядя на стѣнку) Женщина не должна открывать волосъ изъ-подъ парика въ комнатѣ, гдѣ находится тора. (Сара прячетъ волосы подъ парикъ) Нельзя подходить къ торѣ съ голыми руками... Потому что въ домѣ, гдѣ стоитъ тора, пичего плохого не случается... Всегда—благополучіе! И она оберегаетъ человѣка отъ всего злого... (Сейфѣру) Какъ ему этого не знать,—онъ же еврей.

(Сара утворительно киваетъ головой)

СЕЙФЕРЪ (хозяину). Еврей. Вы слышите: на торѣ стоятъ міры, и въ торѣ—все еврейство! Одно слово, упаси Боже—однимъ словомъ вы можете тору оскорбить,—и упаси Боже, навлечъ бѣду на весь еврейскій народъ.

хозяинъ (встаетъ). Ребе, я все скажу... Ребе... (Подходить къ нему ближе) Я знаю... вы святой еврей... Я... я... недостойнъ, чтобы вы были подъ моимъ кровомъ, ребе! Я грѣшный человѣкъ. (Указывая на жену) Она грѣшная женщина, намъ нельзя прикоснуться къ торѣ. (Указывая на дверь Ривкиной комнаты) Тамъ, для нея, ребе... (Заходить въ Ривкину комнату и выводитъ Ривкеле за руку. Она держитъ въ рукѣ бархатный мѣшокъ для торы, на которомъ золотомъ вышитъ Могель Доведъ). Ребе... она... (Указывая на

Ривкеле) Она можетъ прикасаться къ торѣ, она также чиста, какъ тора; для нея, ребе, я заказалъ тору. Смотрите (указывая на ея работу): она шьетъ мѣшокъ для святой торы, она можетъ, ребе, ея руки—чистыя руки. Я, ребе, (бьетъ себя въ грудь) я не прикоснусь къ вашей святой торѣ. (Кладетъ руки на голову Ривкеле) Она, ребе, она съ этимъ будетъ обращаться, въ ея комнату я это поставлю... Замужъ выйдетъ, уйдетъ изъ этого дома и возьметъ тору съ собой, къ своему мужу...

РЕВЪ ЭЛЕ (хозяину). Ты хочешь сказать, что когда ты выдашь замужъ свою дочь, ты ей дашь тору въ приданое,—нѣтъ?

ХОЗЯИНЪ. Ребъ-Эле! Когда моя дочь пойдетъ замужъ, я ей дамъ денегъ, много денегъ! И я ей скажу такъ: ты уходи изъ отцовскаго дома и забудь... забудь своего отца, забудь мать, имѣй чистыхъ дѣтей, еврейскихъ дѣтей, какъ всякая еврейская женщина... Вотъ что я скажу ей.

РЕВЪ ЭЛЕ. Это значитъ... ты то хочешь сказать, что ты тору подаришь жениху. (Сейфѣру) А-га... Видите, ребъ Арнъ, есть еврей на свѣтѣ! У еврея есть дочь, онъ велитъ написать тору для нея, для ея жениха,—вотъ это хорошо, вотъ это красиво! А! Я говорю вамъ, ребъ Арнъ, что еврейство (чмокаетъ губами) ахъ, а-ахъ...

ХОЗЯИНЪ (уводитъ Ривкеле въ ея комнату и запираетъ за нею дверь; Сейфѣру). Ребе, я вамъ все могу сказать, — мы вѣдь тутъ одни, — моя жена можетъ это сказать, ребе, мы грѣшныя люди, я знаю, Богъ насъ накажетъ, — пусть наказываетъ — я не тужу. Пусть ноги отниметъ, калѣжкой сдѣлаетъ, пусть нищимъ изъ дому въ домъ пойду, только тѣмъ, чтобы не наказалъ... (Тихо) Ребе... Когда имѣешь сына, и онъ грѣшитъ, — чортъ съ нимъ. Но дочь, ребе, если себя замазаетъ дочь... это... это.. ребе, какъ если бы мать въ могилѣ грѣшила!.. Я въ Божій домъ ходилъ, ребе, я подошелъ къ этому еврею (указываетъ на ребъ Эле) и сказалъ ему такъ: ты

даѣ мнѣ что-нибудь такое, что уберегло бы мой домъ отъ грѣха! И онъ мнѣ сказалъ: „закажи себѣ тору и поставь себѣ въ домъ: она тебя отъ зла сохранитъ“. Ребе! Намъ все равно, душа чорту отдана, тамъ, тамъ, ребе, у нея въ комнатѣ, будетъ она стоять. Она будетъ съ нею обращаться: намъ нельзя...

СЕЙФЕРЪ (дѣлаетъ жестъ изумленія рукой, къ ребѣ Эле).
Что это такое?

(Ребѣ Эле наклоняется къ Сейферу и говоритъ ему что-то тихо, указывая при этомъ рукою на хозяина. Хозяинъ и Сара стоятъ у стола и ждутъ. Пауза).

СЕЙФЕРЪ (послѣ нѣкотораго раздумья). А гдѣ же гости въ честь тору?

РЕБЪ ЭЛЕ. Мы пойдемъ въ синагогу, соберемъ десять евреевъ, найдутся уже евреи, которые захотятъ почитать тору. (Поднимается со стула и хлопая хозяина по плечу) Ну, ну, Богъ поможетъ! Богъ любитъ кающихся. Ничего... Выдашь дочку за ученаго... Бѣднаго ешиботника возьми въ зятя. Дашь состояніе, — онъ будетъ сидѣть и учить святую тору. Богъ проститъ... (Пауза) Я объ этомъ уже-таки думаю... У меня уже женихъ на примѣтѣ... То-онкая голоса. Отецъ—почтенный еврей.. Скажи... А много приданаго хочешь ты дать?

ХОЗЯИНЪ. Ребе... Все у меня берите! Пиджакъ съ меня снимите, все, все... А ты не знаѣ отца, ни мать... На тебѣ твою ѣду, твое питье.. и ты учи святую тору.. Я тебя не знаю, ты меня не знаешь...

РЕБЪ ЭЛЕ. Ужъ хорошо будетъ! Богъ поможетъ! Пойдемте, Сейферъ, пойдемъ, хозяинъ. Въ синагогу пойдемъ, будемъ веселиться. (Къ Сейферу) Ну, вотъ видите, ребѣ Арнъ, еврей хотъ и грѣшитъ, все-таки еврей! Еврейская душа: нищеть ученаго зятя, праведнаго. (Хозяину) Ничего.. Богъ поможетъ! Богъ любитъ кающихся. Но надо дѣлать добро... Самъ не знаешь, — ученаго поддержи. (Сейферу) Не правда ли, ребѣ Арнъ? И почему же нѣтъ? (Относительно хозяина) Я отца его

зналь, честный былъ еврей. Извозникомъ былъ, честный, приличный еврей.. Повѣрьте, Богъ поможетъ. Повѣрьте, говорю вамъ... И онъ еще сдѣлается евреемъ, равнымъ другимъ евреямъ... Не хуже ихъ.. (Хозяину) Но главное, что надо — добро дѣлать надо! Тору надо чтить...

ХОЗЯИНЪ (смѣлѣе подходитъ къ ребъ Эле). Дайте мнѣ только немножечко.. ну, жиромъ порости, ребъ Эле.. чтобъ я дочкѣ приданое хорошее далъ.. Тогда.. не будь я Янкель Шепшовичъ, если лавочки не закрою. Лошадьми торговать буду, какъ мой покойный отецъ... Я заведу конюшню, на ярмарки ѣздить буду.. а зять мой будетъ дома сидѣть и учить святую тору... Домой приду подъ субботу.. вотъ здѣсь и сяду и буду сидѣть и слушать, какъ зять мой учить въ книгахъ... Мое имя не Янкель, если я лгу...

РЕВЪ ЭЛЕ. Ничего, ничего... Богъ поможетъ. (Сейферу) Не правда ли?

СЕЙФЕРЪ. Кто можетъ знать? Всевышній Богъ нашъ — Богъ милосердыя, но скажу я вамъ, — онъ такъ же и Богъ мести... (Выходя) Становится поздно, уже надо идти въ синагогу. (Уходить)

ХОЗЯИНЪ. Что сказалъ ребе?

РЕВЪ ЭЛЕ. Ничего, ничего, Богъ поможетъ.. Онъ долженъ помочь. Пойдемъ, хозяинъ! Пойдемъ! И съ ликованіемъ возьми домой святую тору. (Онъ идетъ, хозяинъ колеблется, ребъ Эле замѣчаетъ это) Что — ты хочешь еще сказать женѣ, чтобъ она приготовила все къ нашему приходу?

САРА. Уже приготовлено, ребъ Эле.

РЕВЪ ЭЛЕ. Ну, чего ждешь? Сейферъ уже пошелъ.

ХОЗЯИНЪ (нерѣшительно останавливается у дверей, показывая на ребе рукой) Я вмѣстѣ съ ребе по улицѣ?

РЕВЪ ЭЛЕ. Идемъ, идемъ! Если Богъ прощаетъ, то мы навѣрное прощаемъ.

хозяинъ (съ энтузіазмомъ). Вы хорошій ребе. (Протираетъ руки, желая его обнять, но сдерживается) Хорошій ребе — дай Богъ такъ жить. (Уходятъ вмѣстѣ. Темнѣетъ. Сара быстро убираетъ комнату, устанавливаетъ столъ и зоветъ, обращаясь по направленію къ комнатѣ Ривкеле)

САРА. Ривкеле, Ривкеле, приходи же помочь, сейчасъ придуть съ торой...

РИВКЕЛЕ (въ дверяхъ). Отца уже нѣтъ?

САРА. Нѣтъ, Ривкеле, онъ пошелъ въ синагогу съ ребъ Эле, съ Сейферомъ за почтенными гостями. Раввинъ придетъ.

РИВКЕЛЕ (показывая мѣшокъ). Видишь, какъ хорошо я вышила?

САРА (продолжая приготовленія). Вижу, вижу. Причешись, одѣнься. Хозяева придуть, раввинъ...

РИВКЕЛЕ. Я позову Манку, чтобъ она меня причесала. Я такъ люблю, когда она меня причесываетъ! Она зачесываетъ волосы такъ ровно, такъ красиво! А руки ея такъ свѣжи! (Беретъ что-то въ руки и стучитъ въ полъ, крича): Манка, Манка!

САРА (испуганно). Что ты дѣлаешь, Ривкеле? Нѣтъ, нѣтъ, отецъ будетъ кричать... Неприлично уже тебѣ съ Манкой дружить! Ты уже невѣста — хозяйская дочь! Тебѣ уже сватають, — ученаго...

РИВКЕЛЕ. Но почему, мама?

САРА. Стыдно тебѣ дружить съ Манкой: ты хозяйская дочь. Ты будешь дружить съ хозяйскими дѣтьми! Тебѣ ужъ сватають, отецъ пошелъ жениха смотрѣть — ребъ Эле сказалъ. (Отходя въ другую комнату) Надо одѣться, умыться, сейчасъ придуть...

РИВКЕЛЕ. Женихъ? Какой женихъ, мама?

САРА (въ другой комнатѣ, слышно, какъ умывается). Женихъ — холодо, ученый. Изъ хорошаго рода...

(Манка показывается въ дверяхъ противъ сцены, высовывая сначала голову и кокетливо маня пальцемъ Ривкеле; послѣдняя приближается къ ней украдкой, въ комнатѣ все болѣе и болѣе темнѣетъ)

РИВКЕЛЕ (падая въ объятія Манки, говоритъ матери входящейся въ другой комнатъ). А красивый женихъ, мама?

(Манка цѣлуетъ ее страстно),

САРА (изъ другой комнаты). Да, дочурка, красивый женихъ! Черные пейсики, кафтанъ атласный, бархатная ермолка, какъ раввинъ одѣтъ.. онъ сынъ раввина, ребъ Эле сказалъ...

РИВКЕЛЕ (въ объятіяхъ Манки, лаская ея щеки). А гдѣ онъ будетъ, мама?

САРА (изъ другой комнаты). Тамъ, у тебя въ комнатѣ, гдѣ тора будетъ стоять, тамъ онъ будетъ съ тобой.

РИВКЕЛЕ. Онъ будетъ меня любить?

САРА (какъ прежде). Очень, дочурка, очень! И родятся хорошіе дѣти, чистые дѣти (Въ это время, какъ она говоритъ, занавѣсъ медленно опускается, оставляя играющихъ въ той же позѣ)

Шоломъ Аизъ. Богъ мести.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Большой подвалъ подъ квартирой Янкеля Шепшовича. Глубокой сводчатый потолокъ; два маленькихъ глубокихъ оконца подъ самымъ потолокомъ, съ занавѣсками, раскрыты и уставлены цвѣтами; за ними слышенъ падающій дождь. Лѣстница ведетъ вверхъ къ двери нѣско отъ сцены. Въ глубинѣ сцены нѣсколько маленькихъ комнатокъ, отдѣленныхъ одна отъ другой тонкими перегородками и завѣшанныхъ толстыми тѣмными занавѣсками. Одна занавѣсъ раздвинута, въ маленькой комнатѣ стоитъ кровать, умывальный столъ, дѣвичьи приборы, освѣщенные цвѣтнымъ ночникомъ. Мебель подвала состоитъ изъ нѣсколькихъ дивачовъ, скамеекъ, карточныхъ столовъ, стѣны увѣшаны зеркалами, украшены дешевыми бздѣлушками, женскіе портреты въ соблазнительныхъ позахъ.

На одномъ изъ дивановъ растянулся Шлейме, длинныя ноги достигають слѣдующаго дивана. Онъ спитъ. Комнату освѣщаетъ большая висячая лампа.

ШЛЕЙМЕ, ПОТОМЪ ГИНДЛЬ.

(гиндль входитъ, стоитъ минуту на лѣстницѣ и смотритъ внизъ на шлейме. Она закутана въ легкій платокъ, кокетливо одѣта въ короткое платье, сходя со ступенекъ нарочно стучитъ ногами, чтобы проснулся шлейме)

ШЛЕЙМЕ (просыпается, оглядывается). Ты это? Какъ, не на улицѣ?

гиндль. Начало дождить.

ШЛЕЙМЕ (сидя и протирая глаза). Ты мнѣ уже отвѣчаешь, барыня? Ты уже помирилась со мной?

гиндль. Я вовсе не сердилась.

ШЛЕЙМЕ. Вотъ какъ? Если хочешь, можешь и дальше сердиться. (Опять вытягивается на диванѣ)

гиндль (оглядывается, подбѣгаетъ къ одной изъ занавѣсокъ и прислушивается, потомъ къ Шлеймѣ). Шлейма! Я отсюда ни съ мѣста! Смотри, теперь мы одни, никто не слышитъ насъ... Скажи, какъ Богъ святъ — ты въ сурезъ думаешь вѣнчаться?

ШЛЕЙМЕ. Иди, барыня, дѣлай узелки на рубахѣ и жалуйся потомъ хозяину, что я всѣ деньги твои забиралъ, что тебѣ не на что шляпку купить...

гиндль. Да, я сказала: мнѣ это было больно, щемило сердце. Рубаху съ тѣла моего срываешь, а лѣзешь къ желтой Хайнкѣ. Я ей харю сѣрной кислотой оболью. У нея изо рта воцаяетъ — какъ можно стоять воатъ такой. Нашель себѣ добро.

ШЛЕЙМЕ. Отойди... А то я тебѣ дамъ по мордѣ... Бабушку свою вспомнишь...

гиндль. Бей, вырѣзывай ремни изъ моего тѣла!.. (Срываетъ на себя рукавъ) Вотъ! Синяковъ мнѣ понадѣлалъ!.. (Срываетъ второй рукавъ) На тебѣ... Рѣжь, рви. Но скажи мнѣ, тутъ, на мѣстѣ, — вотъ какъ поминаешь отца въ могилѣ, какъ молишься за упокой души его, — вправду на мнѣ женишься?

шлейме (лежа). Прежде я хотѣлъ, теперь ужъ не хочу.

гиндль. И не надо. Такъ я люблю. Только не обманывай. Деньги хочешь, скажи. Костюмъ? На тебѣ. Но обманывать зачѣмъ? (Отходить отъ него)

шлейме. Ничего. Женихи на свѣтѣ есть — схватить щуку.

гиндль (отодвигая занавѣсъ своей комнаты). Что тебѣ ломать голову изъ-за меня?

шлейме. Не хочешь, не надо. (Пауза) Ну? Пожелаешь ли подать еще стаканъ чаю? (Гиндль приноситъ изъ своей комнаты стаканъ чаю, ставитъ на столъ, сама уходитъ въ свою комнату, садится у сундука и роется въ немъ. Пауза. Шлейме пьетъ чай)

гиндль (изъ своей комнаты). Такъ? Ога тебѣ нравится? Ну — ну... Теперь у тебя дѣло будетъ: полотенца покупать, грудь женѣ увеличивать, зубы ей вставлять и на ходули ее поставить. Шарманку ты купишь и по дворамъ ее водить будешь. Хорошій шарманщикъ. Ей Богу. Я тебѣ тоже копѣйку сброшу съ окна.

шлейме. Придержи языкъ, говорю.

гиндль. А если нѣтъ, что сдѣлаешь?

шлейме. Исколочу.

гиндль. О! Теперь не бьютъ. Теперь за ударъ поломъ дають.

шлейме (встаетъ). Кто дастъ? (Заходитъ къ ней въ комнату) Кто это дастъ? (Гиндль прячетъ что-то быстро въ сундукъ) Что тамъ у тебя? Что тамъ прячешь подъ шоломовую блузу?

гиндль. Тебѣ что за дѣло?

шлейме. Покажи, говорю. (Вырываетъ изъ ея рукъ красную блузу, выходитъ на сцену) Ну—ка, посмотримъ! (Разворачиваетъ блузу, изъ нея падаетъ фотографія) Ага. ... Мишка слесарь? Онъ тебѣ милъ? Съ которыхъ ты поръ съ нимъ за панибрата? (Снова заходитъ къ ней въ комнату) гиндль. А тебѣ что за дѣло?

шлейме (ударяетъ ее по лицу). Вотъ мнѣ какое дѣло! (Гиндль падаетъ на кровать, начинаетъ плакать) Вотъ какъ? Съ Мишкой слесаремъ ты водишься. Фотографіями обмѣнялась? Женихъ и невѣста? А я ничего не зналъ. (Стоя у двери) Гиндль! (Она не отвѣчаетъ) Гиндль! сюда иди. (Она не отвѣчаетъ. Топаетъ ногой) Гиндль! сюда, говорю тебѣ! Ты слышишь? (Гиндль подходить къ нему и останавливается, уткнувъ лицо въ платокъ)

гиндль. Чего тебѣ?

шлейме. Ты съ Манкой говорила?

гиндль (тихо). Да...

шлейме. Ну, что она говоритъ?

гиндль (все еще плача). Когда у насъ дѣло будетъ,— она къ намъ придетъ.

шлейме. Навѣрно?

гиндль (вытирая слезы). Но одна она не хочетъ, хочеть товарку привести съ собой.

шлейме. Ну, да — отъ одной доходъ будетъ? За квартиру платить.

гиндль. Надо бы было одну свѣжую.

шлейме. Да, вѣрно... Это было бы дѣло.. Гдѣ же ее взять?

гиндль (въ раздумьи). Я имѣю одну на примѣтъ... красавица.. дѣвушка еще...

шлейме. Будетъ съ нее доходъ?

гиндль. Да... Еще какъ?

шлейме. Дѣвка? Женщина изъ дѣла?

гиндль. Нѣтъ! Хозяйская дочь.

шлейме. Какъ ее знаешь?

гиндль. Она приходитъ къ Манкѣ каждую ночь

украдкой изъ дому, никто не видитъ.. Ее тянетъ сюда.
Она любопытна...

РИВКЕЛЕ (высовываетъ свою мокрую голову изъ окна и киваетъ Гиндлѣ) Псс... Отецъ тутъ?

ГИНДЛЬ (киваетъ ей). Нѣтъ...

(Ривкеле отходитъ отъ окна)

ШЛЕЙМЕ (тихо Гиндлѣ). Она? Дочь хозяина? Дѣло — золото...

ГИНДЛЬ. Тсс... Она идетъ...

РИВКЕЛЕ (стройная и красивая, проскальзываетъ въ комнату и съ бьющимся сердцемъ сбѣгаетъ съ лѣстницы, говорить больше жестами, чѣмъ губами). Малка гдѣ, тамъ? (Показывая на занавѣшенную комнату). Тамъ... съ...

(Гиндль качаетъ головой утвердительно. Ривкеле становится за занавѣску, прислушивается трепетно, съ бьющимся сердцемъ, все время оглядывается)

ШЛЕЙМЕ (тихо Гиндлѣ). Надо завтра квартиру посмотреть на Пивной улицѣ.

ГИНДЛЬ. А когда же подъ вѣнецъ?

ШЛЕЙМЕ. Нужно же раньше квартиру имѣть...

ГИНДЛЬ. Кто знаетъ, сколько раввинъ потребуешь...

ШЛЕЙМЕ. Если бъ еще осталось на закупку мебели. Должно же быть прилично. (Дверь съ шумомъ раскрывается, заходитъ хозяинъ, встряхиваетъ брызги дождя съ шляпы)

ХОЗЯИНЪ. Вотъ тебѣ и дѣло—дождь! (Внезапно видитъ Ривкеле, сердито) Какъ? Ты здѣсь? (Хватаетъ ее за воротникъ и трясетъ) Ты что тутъ дѣлаешь?

РИВКЕЛЕ (закнаясь, испуганно бормочетъ). Ммм... мама велѣла мнѣ позвать. (Плачетъ) Отецъ, не бей меня...

ХОЗЯИНЪ. Мать тебѣ велѣла... здѣсь... мать?.. (За воротникъ выводитъ ее на лѣстницу) Ко всему дурному она еще тебя приведетъ! Ее тянетъ... Она хочетъ, чтобы дочка была какъ мать...

РИВКЕЛЕ (плача). Отецъ, не бей меня...

ХОЗЯИНЪ (выводя ее). Я тебя научу отца слушаться. (Выходитъ изъ дому, слышенъ плачь Ривкеле)

шлейме. А? Янкель байструкъ... Ему не нравится, чтобъ дочка была дѣвкой. (Сверху слышенъ шумъ и топотъ ногъ, плачущій женскій голосъ) Видно жену тамъ здорово колотить, ува, ува-а!

гиндль. Очень хорошо такъ! Мать дочку должна беречь! Чѣмъ была, тѣмъ была. Замужъ вышла, дитя имѣешь, береги. (Шлеймъ) Увидишь, если Богъ дастъ у насъ дитя будетъ, ужъ я знать буду какъ ее держать! Дочь у меня чистая будетъ, какъ праведница! Щечки красныя, какъ бурачки,—дурной глазъ не коснется. Замужъ—да! Взять хорошаго человѣка подъ вѣнецъ...

шлейме (хлопаетъ ее по плечу). Поживемъ-увидимъ... Но съ Ривкеле поговори, съ Ривкой поработай, братъ. А пѣтъ—все капутъ...

гиндль. Не бойся, ужъ я устрою.

шлейме. Увидимъ. (Пауза) Когда ее прихлопнешь, приведи ее прямо ко мнѣ, туда, знаешь...

хозяинъ (входитъ, сердито). Пора на покой. Дождь. Все равно ни одна собака не заглянетъ. (Смотритъ на Шлейму) Довольно ужъ пародовались, женихъ—невеста... Спать пора... (Входитъ на лѣстницу, открывая дверь, зоветъ) Рейзль, спать! Бася, спать! (Слышны со двора дѣвчьи голоса: Сейчасъ, сейчасъ)

(Гиндль, кивая на хозяина, дѣлаетъ Шлеймъ знакъ, чтобы онъ вышелъ. Шлейме поднимается по лѣстницѣ, сталкивается у входа съ хозяиномъ и смотритъ на него)

хозяинъ. Ступай, ступай! Пора спать! Довольно секретничать.

шлейме (засовывая руку въ карманы, смотритъ на него свысока). Ты это... съ которыхъ порядочнымъ человѣкомъ сталъ?

хозяинъ. Проваливай, проваливай, я ужъ тебѣ послѣ скажу.

шлейме. А—ты сукинъ, прасукинъ сынъ...

ГИНДЛЬ (вбѣгаетъ на лѣстницу и выталкиваетъ Шле йме)
Домой, иди домой! слышишь?

ШЛЕЙМЕ (выходитъ, глядя на хозяина). Ай и байстру-
ки же...

ХОЗЯИНЪ. Нуженъ онъ мнѣ здѣсь. (Указывая на
Гиндль) Можешь эту старую клячу съ собой взять,
открыть съ ней лавочку...

ГИНДЛЬ. На старыхъ клячахъ не выѣзжаютъ,—на
молоденькихъ, на куколкахъ...

ХОЗЯИНЪ (зоветъ въ корридоръ). Рейзль, Бася...

(Дѣвушки вбѣгаютъ; съ бѣлыхъ, легкихъ, прозрач-
ныхъ платьевъ и съ сбитыхъ волосъ стекаетъ вода.
Онѣ веселы, говорятъ смѣясь. Хозяинъ выходитъ.
захлопывая за собою дверь)

БАСЯ, РЕЙЗЛЬ, ГИНДЛЬ, ПОТОМЪ МАНКА.

БАСЯ (провинціальная дѣвушка, толстая, съ красными ще-
ками, наивная, говоритъ съ рѣзкимъ акцентомъ). Славно
дождь пахнетъ! (Стрихиваетъ съ себя капли) Какъ у насъ,
когда яблоки супатся на чердакѣ. Это же первый май-
скій дождь...

ГИНДЛЬ. Тоже охота становиться подъ дождь. Весь
свѣтъ хотятъ себѣ забрать. Все равно гость не пока-
жется въ такой ливень... (Уходитъ въ свою комнату, занавѣ-
съ отодвинута, она, садясь у сундука, складываетъ разбро-
санныя вещи)

РЕЙЗЛЬ (страхивая съ себя дождь). На чорта они мнѣ
всѣ! По книжкѣ я уже вчера уплатила. Подъ ринвы
мы стали, дождь такъ пахнетъ! Всю зиму смываетъ съ
головы.

БАСЯ (подходитъ къ Гиндль, показываетъ ей мокрые во-
лосы). Смотри, какъ онъ свѣжъ, какъ онъ пахнетъ. У
насъ, въ нашемъ мѣстечкѣ, навѣрное уже щавель по-
казалась! Когда первый майскій дождь полететь, у насъ
варягъ щавельный борщъ. И козы ужъ на поляхъ пасутся,
плоты по рѣкѣ идутъ, а Франекъ собираетъ дѣвокъ и
по корчмамъ танцуетъ... и женщины уже навѣрное ле-
пешки къ зелепому празднику готовятъ. (Пауза) Знаете

что? Я себѣ новую лѣтнюю пелерину куплю и поѣду на зеленый праздникъ домой въ гости. (Бѣжитъ въ свою комнату, выноситъ оттуда большую модную лѣтнюю шляпу съ длиннымъ шарфомъ, надѣваетъ на голову и становится передъ зеркаломъ) Смотрите. Если бы я показала такъ въ зеленый праздникъ въ этой шляпѣ и такъ къ вокзалу бы прогулялась, желчь бы разлилась у нихъ отъ зависти! Что,—нѣтъ? Если бы только отца я не боялась.

РЕЙЗЛЬ. Что, опъ бы тебя билъ!

ВАСЯ. На мѣстѣ бы убили! Съ желѣзной палкой ищеть онъ меня! Онъ меня разъ подъ окномъ съ Франекомъ накрылъ, такъ онъ сучкомъ такъ меня хватилъ по рукѣ,—вотъ. (Показываетъ руку) У меня знакъ до сихъ поръ. (Пауза) Я хозяйская дочь. Отецъ мой рѣзникъ. Сколько ужъ мнѣ сватали. (Продолжаетъ въ пониженномъ тонѣ) Одну партію предлагали съ Ноткой-мясникомъ. У меня еще отъ него золотое колечко. (Показываетъ кольцо на пальцѣ) На праздникъ кучки онъ мнѣ его далъ... Ой, какъ онъ хотѣлъ на мнѣ жепиться... Да я не хотѣла...

РЕЙЗЛЬ. Почему ты не хотѣла?

ВАСЯ. Потому что не хотѣла... Отъ него сырой говяжьей воняеть,—брр... Пшореконъ его зовутъ... иди, выходи замужъ за Пшорека... И каждый годъ имѣй маленькихъ Пшориковъ...

РЕЙЗЛЬ. А что ты тутъ имѣешь?

ВАСЯ. Здѣсь я—вольная птица? У меня въ супдукѣ красивое бѣлье, прилично одѣта, ей Богу и платье немножко получше, чѣмъ у нашихъ богачихъ. (Приноситъ изъ своей комнаты бумажное свѣтлое платье) Такъ бы я прошлась къ вокзалу. (Идетъ черезъ комнату, поднимая свое платье и принимая при этомъ великосвѣтскій видъ) Поплексію онѣ получили бы на мѣстѣ. (Продолжаетъ въ костюмѣ рассказывать по комнатѣ, надменно вытягивая лицо)

РЕЙЗЛЬ (оправляетъ ей позади платье и поправляетъ ей шпильку на головѣ). Вотъ такъ, голову немножко повыше!

Кто долженъ знать, что ты была въ такомъ домѣ? Скажи, что ты при дѣлѣ... графъ въ тебя влюбился...

гиндль (изъ-за сундука). А если и такой домъ... Мы развѣ не тѣ же дѣвушки, что и дѣвушки изъ торговли? Нынче весь свѣтъ таковъ, онъ того требуетъ... И дочери хозяйскихъ домовъ не получше... Это наше дѣло... А ужъ если которая-нибудь наша замужъ пойдетъ, она мужу вѣрнѣе другой: мы знаемъ, что значитъ мужъ.

бася (расхаживая въ торжественной позѣ). О, да,—ужъ они бы не узнали... Сердце говоритъ... И мать изъ-за этого умерла... Не снесла... А я даже на могилѣ ея не была... (Останавливается) Иногда она приходитъ ко мнѣ... я вижу ее... ночью... во снѣ... Приходитъ въ своемъ саватѣ, въ терніяхъ, въ колючкахъ... за мои грѣхи... Патлы на головѣ рветъ...

рейзль. Ой, мамо... ты ее видѣла? Какъ выглядить умершая мать? блѣдна она?

гиндль. Молчите! Стали къ ночи болтать о мертвецахъ! Сюда мертвецы не могутъ заглянуть, вѣдь наверху у хозяина святая тора хранится. (Пауза. Она выходитъ изъ своей комнаты) Чтожъ изъ этого,—спрашиваю я. Наша хозяйка пятнадцать лѣтъ пробыла въ такомъ домѣ, замужъ вышла—чѣмъ не честная женщина? Не соблюдаетъ что ли всѣхъ законовъ, какъ всѣ еврейскія женщины? А дочь ея Ривка, не чистое что ли дитя? А нашъ хозяинъ не порядочный человѣкъ? Прилично себя держать, даетъ большую милостыню... тору себѣ приказалъ...

рейзль. А, говорятъ, такую тору вовсе и нельзя читать... и дочери такихъ матерей становятся сами такими же. Ихъ тянетъ... Злой духъ ихъ втягиваетъ въ грѣхъ...

гиндль (испуганно). Кто тебѣ сказалъ?

рейзль. Колдунья сказала... Это какъ колдовство...

гиндль. Вреть! Гдѣ она, эта цыганка? Я бы ей глаза

выцарапала! Есть Богъ на свѣтѣ... Есть у насъ Великій Богъ на свѣтѣ...

МАНКА (выходитъ изъ-за занавѣски, она полуодѣта, окутана легкой шалью. Види́ются высокіе цвѣтные чулки, волосы взбиты. Она очень шибка, съ длиннымъ, дерзкимъ, красивымъ лицомъ; довольно молода. Локонъ ея волосъ выбился на лобъ и когда она говоритъ и играетъ глазами, тогда вздрагиваетъ все ея тѣло и кажется, какъ будто и кости ея сгибаются во время ея рѣчи. Она оглядывается, удивленно). Что, никого нѣтъ?

РЕЙЗЛЬ (видя Манку, весело). Манка, ты это? Хорошо, что ты пришла. (Показываетъ на Гиндль) Она меня ужъ чуть раввиншей не сдѣлала! Ты гдѣ своего гостя оставила?

МАНКА. Заснулъ... Я отъ него выкралась...

РЕЙЗЛЬ. Что, важный баринъ? Можетъ пиво поставить?

МАНКА. Какой-то сумасшедшій литвакъ въ очкахъ... Третій разъ ужъ приходитъ ко мнѣ. Все выспрашиваетъ про отца, про мать—какъ будто сродниться хочется... Когда цѣлуетъ, то закрываетъ глаза и ухмыляется, какъ будто мать его родила. (Оглядывается и тихо Гиндль) Ривка еще не приходила?

ГИНДЛЬ (съ льстивой улыбкой). Была. Отецъ ее засталъ... Какъ кричалъ...

МАНКА. Боже мой! давно?

ГИНДЛЬ. Давно. Ужъ онъ навѣрно заснулъ. (Тихо) Она, вѣрно, сейчасъ спустится.

РЕЙЗЛЬ (Манкѣ весело). Пойдемъ, Манка, станемъ на улицѣ, дождикъ идетъ! Капли какъ жемчужины! Первый майскій дождь. (Дѣвушкамъ) Кто со мной пойдетъ подъ дождь?

МАНКА (подходя къ окну). Дождь идетъ... что за легкіи дождикъ... Какъ онъ пахнетъ... пойдете...

ВАСЯ. У насъ дома, какъ льетъ такой вотъ дождь, стоки разливаются и заливаютъ улочки... Снимаютъ башмаки и босикомъ болтаются въ водѣ. Кто со мной? Сборникъ. Книга XIX.

разуется. (Садител и снимаетъ обувь и чулки; Манкѣ) Сними башмаки, пойдемъ подъ дождь!

МАНКА (снимаетъ башмаки и чулки, распускаетъ волосы). Такъ дождь насъ польетъ съ головы до ногъ! Растутъ выше, когда стоять подъ такимъ майскимъ дождемъ, что—нѣтъ?

ВАСЯ (подбѣгаетъ). Пойдемте, будемъ другъ дружку водой обливать,—полными пригоршнями воды. (Распускаетъ волосы) Промокнемъ какъ деревья! Пойдемте!

ГИНДЛЬ. Подождите, подождите, хозяйнѣ еще не спитъ, еще услышитъ. (Всѣ прислушиваются)

ВАСЯ. Пойдемте, слышите, какъ храпнть.

МАНКА. Подождите, постучу къ Ривкеле. (Бася и Рейаль уходятъ, Манка беретъ палку и тихо стучитъ въ углу потолка. Слышно, какъ снаружи дѣвушки прыгаютъ въ воду, пригоршни воды онѣ бросаютъ черезъ раскрытыя двери и окна и кричатъ: выходите, выходите)

РИВКЕЛЕ (высовываетъ свою черную кудрявую головку черезъ окошко; она не одѣта, легкая шаль накинута на нее. Тихо зоветъ). Манка, Манка, ты меня звала.

МАНКА (беретъ стулъ, становится къ окну и схватываетъ руки Ривкеле). Да, Ривкеле, я тебя звала. Пойдемъ. Майскій дождь на дворѣ, мы станемъ подъ дождь, обольемся водой, выше вырастемъ...

РИВКЕЛЕ (изъ-за окна). Молчи... Говори тише... я выкралась изъ постели, чтобы отецъ не слышалъ... Боюсь, чтобы не побилъ...

МАНКА. Не бойся отца: онъ не такъ еще скоро проснется. Пойдемъ, станемъ подъ дождь! Я распушу тебѣ волосы. (Распускаетъ черныя косы Ривкеле, стоящей за окномъ) Вотъ такъ... Я ихъ дождемъ оболью...

РИВКЕЛЕ. Я въ ночной рубахѣ. Лежала я въ кровати все и ждала, чтобы отецъ уснулъ... чтобы я могла къ тебѣ придти. Твой стукъ я услышала... я выскользнула изъ постели такъ тихо... босикомъ, чтобы отецъ не услышалъ...

МАНКА (обнимая ее горячо). Подожди, Ривкеле, я оболью

твое юное тѣло дождевой водою... Ночь такъ хороша! Дождь такъ тепелъ! И все кругомъ такъ пахнетъ въ воздухѣ... Пойдемъ...

РИВКЕЛЕ. Молчи... я боюсь отца... Онъ меня билъ... Комнату заперъ и ключъ запряталъ въ торфъ... Я лежала все время... Я слышала, какъ ты меня звала... такъ тихо ты меня звала... Меня такъ тянуло къ тебѣ... И я вынула ключъ изъ торы... Мое сердце такъ стучало, такъ стучало...

МАНКА. Подожди, Ривкеле, подожди... вотъ я иду къ тебѣ... (Соскакиваетъ и выбѣгаетъ изъ комнаты. Ривкеле исчезаетъ изъ окна).

ГИНДЛЬ (которая все время жадно подслушивала изъ комнаты, возбуждена, задумчиво говорить сама съ собою, очень медленно). Ахъ, если бы Богъ далъ... и схватить бы ихъ обѣихъ сразу... Ривку и Манку... еще сегодня ночью... доставить ихъ обѣихъ Шлемъ... на... на тебѣ твой хлѣбъ съ масломъ! Найми квартиру... играемъ свадьбу... Сдѣлайся человѣкомъ, какъ всѣ (Задумчиво останавливается посреди комнаты, простираетъ руки къ потолку) Всевышній Боже! Ты же отецъ для сиротъ... Мать въ могилѣ! Потрудишься для меня... дай мнѣ пристать къ берегу... къ толку... (Пауза) Что если бы Богъ далъ... Тору для синагоги закажу... Каждую субботу три фунта свѣчь для алтаря. (Кружится по комнатѣ, погруженная въ грезы о своемъ счастьѣ) Богъ нашъ, вѣдь добрый Богъ... добрый Богъ. Отецъ небесный... Мать, мать, не молчи! Трудись! Не давай ему покоя... (Идетъ въ свою комнату, торопливо собираетъ вещи въ корзину) На всякій случай, пусть я буду готова. (Долгая пауза, никто не показывается на сценѣ)

(Манка приводитъ прижавшуюся къ ней Ривкеле. Онѣ обѣ завернуты въ мокрый платокъ, мокрые волосы сбиты и съ мокрыхъ платьевъ сбѣгаетъ вода; обѣ босыя.

Гиндль за занавѣской своей комнаты прислушивается).

МАНКА (говоритъ съ сдержанной страстностью, тихо, но

очень глубоко и звучно). Тебѣ холодно, Ривкеле? Прижмись ко мнѣ... Поди, мы обѣ сядемъ тутъ, на диванъ. (Подводитъ ее къ дивану и садится съ ней) Вотъ такъ... Прижми лицо къ моей груди... такъ... такъ... Ласкай меня своимъ тѣломъ... Такъ прохладно, какъ бы дождевая вода протекаетъ между нами. (Пауза) Я тебѣ раскрыла грудь, и обливала ее дождевою водою, что на мои руки стекала. Такъ бѣла и упруга твоя грудь... Кровь въ ней, пробуждаясь, кружится и остываетъ подъ рукой, какъ бѣлый снѣгъ... Волосы я тебѣ распустила... вотъ такъ... вотъ такъ... (Разчесываетъ ей волосы пальцами) Я ихъ такъ подъ дождемъ держала, мыла... Какъ они пахнутъ! Какъ дождь. (Прячетъ лицо въ волосы Ривкеле) Майскій дождь въ нихъ пахнетъ, такъ нѣжно, такъ мягко... и такъ свѣжо, какъ трава въ полѣ... Какъ яблоки на деревѣ... Вотъ такъ, прохлаждай меня твоими волосами (Она вытираетъ свое лицо ея волосами) Прохлаждай меня такъ... Какъ мягко, прохладно мнѣ такъ! По-дожди! Я причешу тебя, какъ къ вѣнцу... Проторь... двѣ черныя косы. (Разчесываетъ ей волосы) Ты хочешь, Ривкеле, да, хочешь?..

РИВКЕЛЕ (утвердительно кивая головой). Да... хочу...

манка. Ты будешь невѣста, красивая невѣста... Въ пятницу вечеромъ ты сидишь съ отцомъ, съ матерью за столомъ... Свѣчи горятъ въ подсвѣчникахъ... Я—женихъ, твой женихъ... Приѣзжаю къ тебѣ въ гости,—хочешь, Ривкеле? Да, хочешь?

РИВКЕЛЕ (кивая головой). Да... хочу...

манка. Подожди... подожди... Отецъ и мать ушли въ спальню... женихъ съ невѣстой встрѣтились здѣсь, за столомъ... Намъ стыдно... Что, нѣтъ?

РИВКЕЛЕ (кивая головой). Да... да... Манка...

манка. Потомъ мы приближаемся одна къ другой... Ты же моя невѣста... я твой женихъ... Обнимемся... (Обнимаетъ ее) Крѣпко, очень крѣпко... или цѣлуемся

очень тихо... Вотъ такъ... (цѣлуются) мы цѣлуемся... Мы краснѣемъ... намъ такъ стыдно... Хорошо, Ривкеле?

(Ривкеле, закрывъ глаза, киваетъ головой)

МАНКА (понижая голосъ, шепчетъ ей въ ухо). И потомъ мы ложимся спать на одной кровати... Никто не видитъ... Никто не знаетъ... только я и ты... Вотъ такъ. (Крѣпко прижимаетъ ее къ себѣ) Хочешь спать со мною въ одной кровати, хочешь?

РИВКЕЛЕ (обвиваясь вокругъ шеи). Хочу... хочу...

МАНКА (тянетъ ее къ себѣ). Пойдемъ... пойдёмъ...

РИВКЕЛЕ (тихо). Я боюсь отца... онъ проснется...

МАНКА. Подожди, Ривкеле, подожди. (Думаетъ минуту) Хочешь со мной уйти отсюда? Мы будемъ вмѣстѣ всѣ дни, всѣ ночи... Отца не будетъ, матери не будетъ... Никто не будетъ кричать... бить... Мы будемъ одѣ всѣ дни... Такъ будетъ весело!.. Хочешь, Ривкеле, хочешь?

РИВКЕЛЕ (закрывая глаза). Отецъ не узнаетъ.

МАНКА. Нѣтъ, мы убѣжимъ... Уже теперь... ночью... Съ Гиндль... Въ ея домъ... У нея есть... она сказала... Увидишь, какъ хорошо будетъ... Придутъ молодые люди... мы цѣлый день будемъ однѣ... Мы одѣнемся, какъ офицеры, на лошадахъ верхомъ будемъ кататься... Хочешь, Ривкеле? Пойдемъ... да? Ты хочешь?

РИВКЕЛЕ (съ бьющимся сердцемъ). Отецъ не услышитъ?

МАНКА. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не услышитъ... Онъ спитъ такъ крѣпко,—слышишь, какъ храпитъ. (Бѣжитъ къ Гиндль, схватываетъ ее за руку) Есть у тебя квартира... скорѣй идемъ... Отведи насъ...

ГИНДЛЬ. Да, скорѣй... къ Шлеймъ. (Достаётъ изъ сундука платье и набрасываетъ на Ривкеле) Онъ насъ уже ждетъ...

МАНКА (поспѣшно обнимая Ривкеле). Увидишь, какъ это будетъ, какъ весело! (Одѣваются, захвативъ съ собою то, что попало, очень медленно поднимаются по лѣстницѣ, вѣтрахъ встрѣчаются съ Рейзль и Басей, которыя при-

ходятъ мокрыя въ комнату и смотрятъ на нихъ съ изумленіемъ)

РЕЙЗЛЬ И ВАСЯ (вмѣстѣ). Куда это?

ГИНДЛЬ. Тпше... не дѣлай шума... За пивомъ... за лимонадомъ...

(Ривкеле, Манка и Гиндль уходятъ. Рейзль и Бася смотрятъ съ изумленіемъ другъ на друга)

РЕЙЗЛЬ. Что-то тутъ не ладно.

ВАСЯ. Въ самомъ дѣлѣ...

РЕЙЗЛЬ. Тутъ что-то есть... ува-а!

ВАСЯ (испуганно). Что такое?

РЕЙЗЛЬ. Намъ что до этого? Потушимъ лампу и ляжемъ спать... Мы ничего не знаемъ. (Закручиваетъ фитиль лампы, на сценѣ становится темно. Дѣвушки уходятъ каждая въ свою комнату)

РЕЙЗЛЬ (уходи). О, правду сказала гадалка, правду. (Уходитъ. Нѣсколько секундъ на сценѣ никого нѣтъ).

(Бася полурадѣтая дико выскакиваетъ изъ своей комнаты и кричитъ плаксивымъ голосомъ)

РЕЙЗЛЬ (отодвигая занавѣсь своей комнаты). Что такое, Бася?

ВАСЯ. Я боюсь лечь... мнѣ все чудится, что моя покойная мать кружится въ моей комнатѣ...

РЕЙЗЛЬ. Святая тора ослабѣла... Нѣтъ ужъ никого, кто бы насъ сохранилъ...

ВАСЯ. Ой, будетъ сегодня плохая ночь! Сердце стучитъ. (Надъ потолкомъ внезапно слышенъ шумъ. Движеніе стульевъ, столовъ; дѣвушки прислушиваются напряженно и испуганно. Что-то тяжелое спадаетъ съ лѣстницы, слышенъ кричащій голосъ хозяина)

ГОЛОСЪ ХОЗЯИНА. Ривке, Ривкеле... гдѣ ты?

РЕЙЗЛЬ (Басѣ). Давай ляжемъ спать... Мы ничего не знаемъ. (Ложатся въ своихъ комнатахъ и притворяются спящими)

ХОЗЯИНЪ (вбѣгаетъ со свѣчей въ рукѣ, волосы растрепаны, на рубаху накинутъ пиджакъ. Дико кричитъ). Ривке... Ривкеле тутъ? (Раздвигаетъ занавѣси комнатокъ) Ривкеле гдѣ? (Пробуждаетъ спящихъ Рейзль и Басю) Гдѣ Ривкеле? Ривкеле гдѣ?

РЕЙЗЛЬ И БАСЯ (протирая глаза рукавами платья). Что?...
Мы не знаемъ...

ХОЗЯИНЪ. Вы не знаете? Не знаете? (Быстро выбѣ-
гаетъ. Слышно, какъ онъ вскакиваетъ въ комнату однимъ
прыжкомъ. Пауза. Слышенъ крикъ, возня, что-то сбрасываетъ
съ лѣстницы, дверь съ шумомъ распаивается, вваливается
хозяинъ, держа Сару за волосы, она въ ночномъ костюмѣ.
Онъ пригибаетъ голову Сары къ полу и кричитъ) Дочь твоя
гдѣ? Твоя дочь? (Бася и Рейзль стоятъ, прижавшись къ
стѣнѣ, и дрожать)

Занавѣсъ быстро падаетъ.

Шоломъ Анцъ. Богъ мести.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната перваго дѣйствія. Ящики комода выдвинуты, части бѣлья и платья раскинуты по полу. Дверь комнаты Ривкеле открыта и оттуда проникаетъ лучъ свѣта отъ горячей свѣчи Сара со сбитыми волосами кружится по комнатѣ, собирая разбросанныя вещи, связываетъ ихъ въ одинъ узелъ, но большую часть вещей, по крупнѣе, кладетъ на мѣсто. Раннее утро Сквозь закрытыя ставни проникаетъ сѣрый день.

САРА (собирая вещи). Янкель, что съ тобой, Янкель? (Подходить къ раскрытой двери Ривкиной комнаты) Что ты сидишь? Несчастье навалилось? Весь домъ онъ хочетъ погубить! Что съ нимъ дѣлается? (Она отходить въ слезахъ) Сидить человѣкъ передъ нѣмою торою и думаетъ. (Обращается къ нему) Что тутъ думать? Случилось несчастье, иди въ участокъ, возьми пристава, найди парня, добромъ или зломъ, покуда есть еще время! Что ты молчишь? Что ты молчишь? (Пауза. Отходить отъ него, садится на узелъ, начинаетъ плакать) Какъ сумасшедшій сидитъ онъ одинъ, смотритъ на тору и бормочетъ губами! Ничего не слышитъ, ничего не видитъ, что съ нимъ дѣлается. (Пауза. Она поднимается съ узла, подходит къ двери. Хозяину) Мнѣ все равно! Хочешь, чтобъ я ушла, я уйду. Чортъ меня не возьметъ. Ужь я свой хлѣбъ найду. (Молча собираетъ свои вещи. Пауза)

ХОЗЯИНЪ (приходитъ изъ другой комнаты, безъ шляпы, безъ пиджака, волосы растрепаны, дико смотритъ глазами, говоритъ тихимъ, хриплымъ тономъ, очень медленно) Я пойду... и ты пойдешь... и Ривкеле поидеть... и все поидеть... (показываетъ пальцемъ внизъ) въ подвалъ! Богъ не хочетъ...

САРА. Янкель, что съ тобой, съ ума ты сошелъ? (Трясетъ его за воротникъ) Подумай, что ты дѣлаешь? Съ тѣмъ не случается несчастье? Пойдемъ, поищи Шлейма. Й ему двѣсти-триста рублей, пусть онъ намъ дитя асть. Онъ это сдѣлаетъ! Ты что сидишь? Что съ тѣмъ дѣлается?

ХОЗЯИНЪ (съ тѣмъ же видомъ кружится по комнатѣ). Мнѣ все равно. Душа чорту отдана... Ничего не помо-

жетъ. Богъ не хочетъ... (Становится у окна и смотритъ сквозь щели ставень)

САРА. Богъ не хочетъ... Вбилъ себѣ въ голову... Ты не хочешь. Янкель, Янкель! (Трясетъ его) Что съ тобой случилось, подумай, пока еще время, вѣдь онъ можетъ ее куда-нибудь унести, чего ты стоишь? Пойдемъ къ нему, вѣдь дѣвка же навѣрное къ нему пошла. Чего стоишь? (Пауза. Хозяинъ все время смотритъ въ окно) Что ты смотришь? Почему не отвѣчаешь? (Ломаетъ руки) Мать моя, съ ума сойти можно! (Отворачивается отъ него и громко плачетъ)

ХОЗЯИНЪ (кружась по комнатѣ, тѣмъ же голосомъ). Нѣтъ дома, нѣтъ жены, нѣтъ дочери,—въ подвалъ! Все назадъ въ подвалъ! Намъ не нужно честной дочери... не нужно... дѣвка... какъ мать стала... Богъ не хочетъ! Въ подвалъ!

САРА. Хочешь—въ подвалъ,—къ чорту, мнѣ пацлывать... (Складываетъ вещи) Ужъ я не пропаду... (Пауза. Задумчиво) Домъ хочетъ погубить? Съ ума сошелъ! (Думаетъ съ минутой) Когда ты ничего не дѣлаешь, такъ я возьмусь! (Вынимаетъ изъ ушей брилліантовья серьги) Я пойду къ Шлеймѣ, отдамъ ему брилліантовья серьги... (Ищетъ въ узлѣ, вынимаетъ брилліантовую цѣпь) съ золотою цѣпью, а не захочетъ еще прибавлю сотню... (Ищетъ кошелекъ съ деньгами въ карманѣ мужа, онъ не противится) Не пройдетъ и четверти часа и Ривкеле здѣсь... (Набрасываетъ на себя платье и выбѣгаетъ)

ХОЗЯИНЪ (кружится непрерывно по комнатѣ). Все равно... Чортъ взять... Нѣтъ дочери... Нѣтъ торы... Въ подвалъ ушло... въ подвалъ... Богъ не хочетъ... (Долгая, тихая пауза)

РЕЙЗЛЬ (просовываетъ голову въ дверь, потомъ проскальзываетъ въ комнату; останавливается въ дверяхъ. Хозяинъ замѣчаетъ ее. Смотритъ на нее. Она говоритъ, занкаясь) Я заходила къ ребѣ... Эле... хозяйка велѣла... Онъ сейчасъ придетъ...

ХОЗЯИНЪ (смотря на нее. Спусти минуту). Чортъ взялъ, чортъ все равно взялъ... Богъ не хочетъ...

РЕЙЗЛЬ (смѣясь). Такая была честная дѣвушка... Какъ жалъ... (Хозяинъ смотритъ на нее вопросительно, озираясь) Хозяйка велѣла мнѣ ждать здѣсь, покуда не вернется.

ХОЗЯИНЪ. Не бойся, я еще не сошелъ съ ума... Богъ меня наказалъ.

РЕЙЗЛЬ. Кто могъ-бы ожидать? Такая была честная дѣвушка... такая жалость... ей Богу...

РЕВЪ ЭЛЕ (входя). Что тутъ такое случилось? До разсвѣта меня позвали... (Смотритъ на ставни) Уже день... Скоро пора къ молитвѣ...

ХОЗЯИНЪ (не глядя на реву Эле). Святая тора осквернена... на смерть...

РЕВЪ ЭЛЕ (испуганно). Еврей! Что ты говоришь? Упаси Боже... Святая тора... Что случилось? На землю упала? Весь городъ долженъ поститься...

ХОЗЯИНЪ. Въ подвалѣ! (Указывая внизъ, потомъ на Рейзль) Съ ними... Въ подвалѣ! Ужъ гнѣтъ святой торы...

РЕВЪ ЭЛЕ. Еврей... что ты говоришь... Что тутъ дѣлается,—говори?

РЕЙЗЛЬ (у двери успокаивая реву Эле). Нѣтъ, ребе, не святая тора... дочь Ривкеле... Святая тора чиста... (Указывая пальцемъ на комнату Ривкеле) Тамъ...

РЕВЪ ЭЛЕ (переводя духъ). Слава Богу!.. Но съ святой торой ничего не случилось?

РЕЙЗЛЬ. Нѣтъ, ребе...

РЕВЪ ЭЛЕ (отшлепывается). Слава Богу... отдѣлался страхомъ... (Хозяину) Что ты болтаешь глупости? (Рейзль, не глядя на нее) Ушла? Такъ? Ея еще нѣтъ? (Хозяину) Пошли ее искать?

ХОЗЯИНЪ. Дочь для меня святѣ вашей торы...

РЕВЪ ЭЛЕ. Не болтай глупостей... Только молчите... Не дѣлайте шуму. Пошли ее искать, привести... знаю что... Что ты стоишь?

РЕЙЗЛЬ. Уже пошла хозяйка за нею.

РЕВЪ ЭЛЕ. Знають, куда она ушла?

РЕЙЗЛЬ. Да, хозяйка сейчасъ приведетъ ее въ домъ.

РЕВЪ ЭЛЕ. Такъ все же опять хорошо. Изъ-за чего же крикъ, шумъ? Чтобъ весь свѣтъ узналъ? Такія вещи прячутся... Некрасиво! Сваты узнають,—сейчасъ пара сотенъ дороже...

ХОЗЯИНЪ. Мнѣ и такъ уже все равно! Всѣ могутъ знать! Нѣтъ дочери, нѣтъ святой торы, въ подваль ушло... Все въ подваль...

РЕВЪ ЭЛЕ. Вовсе у тебя въ головѣ помутилось! Случается несчастье... Случается съ человѣкомъ несчастье, упаси Боже, такъ что? Богъ поможетъ, проходить тихо... Главное, чтобъ никто не зналъ... не видѣлъ... не слышалъ... Вытирають рукавомъ губы и больше ничего неизвѣстно... (Рейзль) Надо остерегаться слова... чтобы порогъ не перешло. Слышала? (Обращается къ Хозяину, смотрящему куда-то вдаль) Я видѣлся... (Оглядывается, есть ли еще Рейзль) Я видѣлся... (Смотритъ на Рейзль, чтобы она ушла, она понимаетъ и уходитъ) Я видѣлся съ отцомъ жепиха въ бесамидрашѣ. Я съ нимъ говорилъ, еврей почти согласенъ. Я далъ ему понять такъ стороною, что невѣста не изъ большой знати, но... за лишнюю сотенку... по нынѣшнимъ временамъ... на это не смотреть. Я вотъ въ субботу, если Богъ дастъ доживемъ приду съ нимъ сюда! Пойдемъ къ раввину, прослушаемъ жениха! Но главное, чтобы никто не провѣдалъ про эту исторію. Упаси Боже! Повредить можетъ! Очень почтенный еврей! А женихъ умная голова! Только успокойся, Богъ тебѣ поможетъ и все сойдетъ гладко... ничего! Иду домой молиться... А когда дѣвушка вернется, ты сейчасъ дай знать. Слышишь? (Уходя) Только сейчасъ, непременно... (Хочетъ уйти)

ХОЗЯИНЪ (схватываетъ его за рукавъ и держитъ). Слушайте... вы... еврей... Возьмите съ собой вашу тору... вашего Бога. Опъ мнѣ больше не нуженъ.

РЕБЪ ЭЛЕ (наумленно). Что ты говоришь, а? чего хочешь? Ты съ ума сошелъ?

ХОЗЯИНЪ. Моя дочь въ публичный домъ пошла... Богъ меня обманулъ.

РЕБЪ ЭЛЕ (пытаясь отъ него освободиться). Что ты говоришь?

ХОЗЯИНЪ. Слушайте вы... я грѣшный человѣкъ... и знаю... Очень хорошо такъ! Ноги онъ долженъ былъ мнѣ переломать! Голову о землю... Ранняя смерть! Но что отъ ребенка онъ моего хотѣлъ? отъ моего бѣднаго ребенка?

РЕБЪ ЭЛЕ. Смирно... ты... Нельзя такъ противъ Бога говорить.

ХОЗЯИНЪ (возбужденно). Все можно сказать! Правду!.. Я-таки Янкель Шепшовичъ, хозяинъ заведенія! Но правду и Богу можно сказать... Я уже ничего не боюсь! Я къ вамъ въ синагогу пришелъ... Я вамъ все открылъ... вы мнѣ велѣли святую тору заказать... Къ ней въ комнату ее поставилъ... ночи я передъ ней стоялъ... и я къ ней, къ святой торѣ такъ сказалъ: „ты-таки—Богъ, ты обо всемъ знаешь, что я дѣлаю, ты меня накажешь, но наказывай меня, меня наказывай... жену мою наказывай... но мое невинное дитя пощади... мое бѣдное дитя пожалѣй!“

РЕБЪ ЭЛЕ. Но вѣдь съ ней зла не случилось? Онъ вернется, сдѣлается честной женщиной.

ХОЗЯИНЪ. Все равно чортъ взялъ... ее ужъ будетъ минутъ не сегодня, такъ завтра, разъ ужъ сдѣлала начало... душу чорту отдала... Я хорошо знаю...

РЕБЪ ЭЛЕ. Ты не болтай глупостей, ты успокойся... Г проси Бога въ сердцѣ своемъ... Оставь заведеніе... Т я дочь еще съ Божью помощью замужъ пойдетъ... Е въ всѣ еврейскія дѣвушки... Ты еще отъ нее радость б ешь имѣть...

ХОЗЯИНЪ. Пропало, ребе, все пропало! Ахъ!.. умри
о Ничего бы не сказалъ! Умерла? Я знаю, я кошер-

ное дитя похоронилъ. Пошелъ бы къ ней на кладбище... сталъ бы у ея гроба и сказалъ бы себѣ такъ: вотъ тутъ лежить твое дитя! А такъ, чего я стою въ этомъ мірѣ? Ты самъ грѣшнень, оставилъ грѣшное потомство по себѣ и такъ тянется твой грѣхъ изъ рода въ родъ...

РЕВЪ ЭЛЕ. Ну, не говори такъ... Еврей не долженъ такъ говорить! Ты бери себѣ Бога въ помощь, и скажи себѣ, что было, то пропало...

ХОЗЯИНЪ (перебивая). Вы, ребе, меня не уговаривайте... я знаю, что все пропало! Грѣхъ лежитъ на тебѣ и на домѣ твоёмъ, какъ веревка на шеѣ. Богъ не хочетъ! Но я спрашиваю васъ, ребе, почему Богъ не хотѣлъ? Чтобы ему мѣшало, если бы ты, Янкель Шеншовичъ, вышелъ изъ грязи, въ которой лежишь? (Входитъ въ Ривкину комнату и выноситъ оттуда тору, поднимаетъ ее высоко и говоритъ къ ней) Святая тора... Я знаю, ты—Великій Богъ... Ты же нашъ Богъ! Я, Янкель Шеншовичъ, согрѣшилъ. (Стучитъ себѣ кулакомъ въ грудь) Мой грѣхъ, мой грѣхъ! Ты сдѣлай чудо! Ты пошли на меня огонь и сокруши меня вотъ такъ, какъ я стою! Ты разверзни землю подо мною и пусть я провалюсь! Но дитя мое мнѣ сохрани! Верни ее мнѣ чистой и невинной... какъ она была! Я знаю, тебѣ все возможно! Ты сдѣлай чудо! Ты же Великій Богъ! А иѣтъ, такъ ты не Богъ, скажу я тебѣ! Я, я, Янкель Шеншовичъ, говорю, что ты не Богъ... Ты злобенъ... Ты мстительнъ... какъ человекъ!

РЕВЪ ЭЛЕ (выхватываетъ изъ рукъ его тору). Ты знаешь, кому ты говоришь? (Смотритъ на него мрачно, потомъ заноситъ тору въ Ривкину комнату) Прощенья проси у святой торы!

ХОЗЯИНЪ. Правду можно самому Богу въ лицо сказать... (Входитъ за нимъ) Если онъ Богъ—здѣсь, на мѣстѣ, пусть онъ покажетъ свое чудо!

САРА (вбѣгаетъ съ живостью, она разстроена, подбѣгаетъ

къ зеркалу и оправляетъ волосы пальцами, зовя въ переднюю) Войди, Шлейма, что ты стоишь за дверью?

ШЛЕЙМЕ (появляясь въ дверяхъ). Гдѣ Янкель? (Входитъ) Пусть онъ знаетъ, для нашего брата все сдѣлаю, хотя онъ меня обидѣлъ... (Сара тѣмъ временемъ подбѣгаетъ къ двери Ривкеле, запираетъ ее за хозяиномъ и ребѣ Эле)

САРА. Оставь его тамъ въ покоѣ. (Съ улыбкой) Святошей стать онъ въ послѣднее время. Вознитъ только съ набожными людьми. (Подбѣгаетъ и запираетъ другую дверь за Шлеймой и обращается къ нему) Вотъ какая напасть—отъ нея не убѣжать... Гоняется за тобой, какъ будто ты уже ея... Она, навѣрно, сюда прибѣжитъ за тобою. (Улыбается) Эхъ, Шлейма, Шлейма, купилъ товаръ... (Подходитъ къ окну, открываетъ ставни, лучи солнца врываются въ комнату) Что они заперлись!

ШЛЕЙМЕ. Ты не бойся, говорю тебѣ. Когда разъ сказалъ тебѣ да, такъ—да. Для него все сдѣлаю, для тебя сдѣлаю, хотя въ послѣднее время ты плохо со мной обращалась. Ничего!.. Пусть хоть чорта возьметъ себѣ на подмогу, ничего не поможетъ!

САРА (подходитъ къ нему, хватая его за руку, заглядывая въ глаза). Человѣкъ молодой, какъ ты,—такую дѣвку? Кто она такая? Переходить изъ рукъ въ руки... Такой молодой человѣкъ, какъ ты... Ты можешь теперь приданое хорошее схватить,—она тебѣ нужна? Молодой человѣкъ съ парой сотенъ рублей не достанетъ себѣ личной невѣсты? Что? Ты хуже другихъ? (Хлопаетъ его по плечу) Ты со мной говори, Шлемъ! Ты знаешь, я никогда къ тебѣ плохо не относилась! Хотя я къ тебѣ въ послѣднее время не хороша была, все-же Сара—всегда Сара... скажи,—не такъ?

ШЛЕЙМЕ (крутя свой усъ). Вѣрно!.. вѣрно... Чортъ его знаетъ! Далъ себѣ закрутить голову этой дѣвкѣ!.. На время... Ты думаешь я, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ съ ней серьезно? Мать бы меня прокляла! У меня честная мать... и моя сестра...

САРА. Другого дѣла нѣтъ,—съ такой скрутилъ себя! Заведеніе съ ней открытъ... Что нынче вообще даютъ такія дѣла! Стоитъ только съ такими отбросами дѣло имѣть! (Подходить къ нему и суетъ ему серьги) Ты вотъ это возьми, и вотъ тебѣ еще сотня, скажи, гдѣ Ривкеле?

ШЛЕЙМЕ. Что правда, то правда, когда-то ты была хорошей женщиной. Последнее время попортилась, ей Богу попортилась... Но ничего! Знай: Шлейма свой человекъ! (Прячетъ серьги въ карманъ)

САРА. Ты скажи мнѣ, Шлейме, гдѣ она теперь? Мнѣ ты все можешь сказать, хоть я ея мать! Ты знаешь, я такихъ вещей не пугаюсь! Скажи: куда-нибудь ее увезъ? Куда-нибудь...

ШЛЕЙМЕ. Она близко отсюда... Если я говорю, что приведу, такъ приведу ее! (Подмигиваетъ) Что бы мнѣ такое счастье, какъ славная дѣвка изъ нея можетъ выйдти! Ея взглядъ, ея фигура... мое почтенье, говорю я тебѣ.

САРА. Ага, Сара еще годится... Но скажи мнѣ, Шлейме, куда ты ее запряталъ? Мнѣ ты все можешь сказать! (Обнимаетъ его одной рукой, другой хлопаетъ по плечу, лукаво заглядывая ему въ глаза) Да? Скажи, братъ.

ШЛЕЙМЕ. Не далеко отсюда... Не далеко... (Слышится ударъ кулакомъ въ дверь снаружи)

ГОЛОСЪ ГИНДЛЬ (за дверью). Ты не знаешь о ней, ты не знаешь о ней.

САРА. Пусть она головой объ стѣнку стучится! Какъ она его въ лапы схватила!.. Ха-ха-ха... Онъ не можетъ шевельнуться безъ нея... (Шлейма думаетъ съ минуту. Схватываетъ его за руку и отводитъ въ сторону) Со мною говори! Зачѣмъ она тебѣ? Я тебѣ дѣвушку дамъ—увидишь. (Мигаетъ ему)

ГИНДЛЬ (валамываетъ дверь, вбѣгаетъ раздраженно). Что они отъ него хотятъ? Чортъ бы ихъ побралъ! Сбѣжала у нихъ дочь. (Хватаетъ его за руку) Ты не знаешь, гдѣ она! Чего они отъ тебя хотятъ?..

САРА (садится на стулъ, смотритъ на Шлейму лукаво, показывая рукой на Гиндль). Это она? Ха, ха, ха...

ГИНДЛЬ (оглядывается). Ишь какъ смѣется! (Шлеймъ) Ты не знаешь о ней! (Отводитъ его въ сторону) Мы поѣдемъ въ Лодзь, тамъ свадьба будетъ, квартиру найдемъ. Съ такой парой дѣвокъ,—подумай, что ты дѣлаешь? (Громко) Что они къ тебѣ пристали? Ты не знаешь о ней! (Тянетъ его за руку) Пойдемъ, Шлейма!

(Шлейма колеблется)

САРА (сидитъ на прежнемъ мѣстѣ, громко Шлеймъ съ жестокой насмѣшкой). Ну, почему же не идешь ты съ ней? Она же пришла за тобой! Поѣдете въ Лодзь! Вѣнчаться? Свадьбу сыграть? Квартиру нанять... Гм... Гм!.. (Встаетъ, оттягиваетъ Шлейму отъ Гиндль) Такой молодой человекъ, какъ ты... У тебя честная еврейская мать, имѣлъ набожнаго отца... чего она отъ тебя хочетъ? Что она пристала къ тебѣ?

ШЛЕЙМЕ (зоветь). Пойдемъ, Сара, заberi Ривкеле!

ГИНДЛЬ (заслоняя ему ротъ рукою). Ты не скажешь... ты не знаешь о ней! Не знаешь! (Подбѣгаетъ къ выходной двери, заставляя ее руками) Я тебя не выпущу! (Бросается къ Шлеймъ и хватаетъ его за руку) Подумай! Имъ можно, намъ нельзя? Пойдемъ, Шлейма, мы уѣдемъ! Такое дѣло!.. Такое дѣло!..

ШЛЕЙМЕ. Мы уже слышали! Уже слышали! (Отталкиваетъ ее отъ себя) Потомъ будемъ говорить, теперь мнѣ некогда. (Уходитъ съ Сарой. Сара еще вбѣгаетъ, раскрываетъ дверь Ривкиной комнаты и кричитъ туда) Ривкелс есть!

ГОЛОСЪ ГИНДЛЬ (за дверью). Я тебя не пушу! Ты не скажешь!

ШЛЕЙМЕ (въ дверяхъ). Пойдемъ, Сара.

САРА (бѣжитъ за Шлеймой). Идемъ, Шлейма!

(Сара, Шлейма и Гиндль уходятъ)

ХОЗЯИНЪ И РЕВЪ ЭЛЕ.

(Ревъ Эле входитъ съ хозяиномъ изъ Ривкиной комнаты).

РЕВЪ ЭЛЕ. Слава Богу, Слава Богу! (Хозяину, который все время кружится по комнатѣ) А вотъ видишь, а Богъ тебѣ помогъ! Онъ-таки наказываетъ, но онъ посылаетъ исцѣленіе ранамъ. Хоть ты и грѣшилъ, хоть ты святотатствовалъ . (Наказываетъ ему) Отнынѣ ты долженъ себя обязать... Чтobъ ты такихъ рѣчей не говорилъ! Чтobы ты уважалъ! Глубоко уважалъ! Чтobы ты зналъ, что такое священная тора и что такое еврей ученый? Ты долженъ въ синагогу ходить. Ты долженъ большую милостыню дать, поститься! Богъ тебѣ простить.. (Пауза. Онъ смотритъ на хозяина, который задумчиво ходитъ по комнатѣ) Чтo ты не слышишь меня? Съ Божіей помощью все пойдетъ хорошо. И я сейчасъ поѣду къ отцу жениха, чтobы у нихъ времени не было кое-о-чемъ разузнать, и я переговорю съ нимъ обо всемъ подробно, но ты... чтobы ты не торговался! Больше сотней, меньше сотней, чтobы не зналъ, кто онъ и кто ты! И чтobы ты-таки сейчасъ положилъ деньги на столъ и чтobы ты не оттягивалъ свадьбы! Чтobы еще разъ, упаси Боже подобнаго не случилось! Такихъ вещей не откладываютъ! (Смотритъ на хозяина) Чтo, — не слышишь меня? Къ тебѣ же говорю.

ХОЗЯИНЪ (какъ бы про себя). Одну вещь я хочу ее спросить, только одну вещь... Правду пусть она мнѣ скажетъ, правду. Да или нѣтъ?

РЕВЪ ЭЛЕ. Ты не грѣши, благодари Бога, что худшаго не случилось...

ХОЗЯИНЪ (какъ прежде). Я ей ничего не сдѣлаю, только правду пусть она мнѣ скажетъ.. правду: да или нѣтъ?

РЕВЪ ЭЛЕ. Правду, правду... И Богъ поможетъ, все пойдетъ хорошо. Я сейчасъ поѣду за отцомъ жениха! Онъ въ синагогѣ и ждетъ меня. (Оглядывается) И скажи

своей желѣ, чтобъ она пока тутъ все убрала, и ты положи начало сейчасъ на мѣстѣ, чтобы ему времени не было про что-нибудь узнать и пойти на попятный... Условься насчетъ свадьбы и отправь невѣсту въ семью жениха, но не медли! Тихо, скорѣй, чтобы никто не узналъ. (Направляется къ выходу) И ты эти глупости изъ головы вонь! Чтобы отецъ жениха, упаси Боже, чего не замѣтилъ. (Выходя) Скажи твоей женѣ, чтобы она здѣсь сдѣлала прилично. (Уходить)

ХОЗЯИНЪ (какъ прежде, погруженный въ свои думы, кружится по комнатѣ). Только правду пусть она мнѣ сказать, чистую правду. (Долгое время пауза)

ХОЗЯИНЪ, САРА, ПОТОМЪ РИВКЕЛЕ.

САРА (въ дверяхъ). Войди, войди, отецъ тебя бить не будетъ. (Пауза) Войди, говорятъ тебѣ. (Вталкиваетъ Ривкеле. Ривкеле закутана въ платокъ черезъ голову, останавливается въ дверяхъ, глаза опущены въ землю, губы закусаны, стоитъ молча на мѣстѣ) Чего же стоишь, милая дочка? Доставь намъ радость.. за наши труды! Ужъ позже съ тобой расчитаемся. (Пауза) Войди въ комнату! Надѣнь платье, причешись! Человѣкъ долженъ придти. (Мужу) Я встрѣтила ребѣ Эле, онъ пошелъ за отцомъ жениха. (Осматриваетъ комнату) Стыдъ и срамъ какъ тутъ выглядить. (Торопливо принимается за уборку комнаты)

ХОЗЯИНЪ (увидѣвъ Ривкеле, смотритъ на нее, подходитъ къ ней, мягко беретъ ее за руку, подводитъ къ столу). Ты не бойся... бить не буду. (Садится) Тутъ садись... около меня. (Подвигаетъ ей стулъ) Садись!

РИВКЕЛЕ (упрямо прячетъ лицо въ платокъ). Могу и сидѣть.

ХОЗЯИНЪ (сажаетъ ее). Садись... не бойся...

РИВКЕЛЕ (изъ-подъ платка) Чего мнѣ бояться...

ХОЗЯИНЪ. Я тебя спрошу только одну вещь... Ты мнѣ скажи, дочь... Ты моя дочь, я твой отецъ. (Показы-

ваеть на Сару) Это твоя мать.. Скажи мнѣ, дочка, смотри... всю правду.. Ты не бойся меня.. Меня не стыдись... Отцу все можно сказать... Я знаю: не за твои грѣхи.. не за твои.. за мои.. За грѣхи матери твоей... Скажи мнѣ...

САРА. Посмотрите, какъ онъ сталъ тутъ съ нею разговаривать! Чего онъ отъ нея хочетъ? Насилу дождались.. Пусть она идетъ одѣваться — человекъ же долженъ придти. (Подходить, хочетъ отвести Ривкеле)

ХОЗЯИНЪ. Оставь. (Отталкиваетъ Сару отъ Ривкеле)

САРА. Съ ума онъ сегодня спятилъ... Что дѣлается съ нимъ? (Продолжаетъ убирать)

ХОЗЯИНЪ (Ривкѣ). Богъ насъ наказалъ.. Я тебя оберегалъ, какъ зѣницу ока, святую тору заказалъ.. ради тебя.. Думалъ: выростешь, замужъ тебя отдамъ... Возьму приличнаго человекъ въ женихи.. обонмъ вамъ стоить дамъ.

РИВКЕЛЕ (изъ-подъ платка). Есть еще время мнѣ замужъ идти, я еще не такъ стара...

САРА. Она еще упирается...

РИВКЕЛЕ. Только меня раввиншей хотятъ сдѣлать! Почему мама такъ рано замужъ не пошла?

САРА. Придержки ротъ, не то поколочу.. Научилась? Въ одну почъ научилась!

РИВКЕЛЕ (полусознательно). Да, я уже знаю...

ХОЗЯИНЪ (вазовнованно поднимается). Оставь... Одну вещь хочу я спросить... только одну вещь.. Правду скажи мнѣ. (Съ трудомъ, заикаясь; пропускаетъ слова) Это.. правда... Правду мнѣ скажи, правду...

САРА. Какую правду ей тебѣ сказать? Чего ты отъ нея хочешь?

ХОЗЯИНЪ. Не тебя я спрашиваю. (Хватаетъ дочь за обѣ руки, тихо) Ты меня не стыдись, я отецъ, ты мнѣ все можешь сказать... Открыто скажи: еще ты... ты еще чиста... какъ выпла отсюда? Чистое еврейское дитя? (Кричитъ) Чистая еврейская дѣвушка?

САРА (вырывая Ривкеле изъ рукъ отца). Чего ты отъ нея хочешь... Дитя не знаетъ зла.. Оставь...

ХОЗЯИНЪ (прижимаетъ Ривкеле къ себѣ, пытается ей заглянуть въ глаза). Ты мнѣ скажи... правду скажи... я тебѣ говорю: въ лицо мнѣ посмотри! Прямо въ лицо! Еще ты... (Старается смотрѣть ей въ лицо, которое Ривкеле глубоко прячетъ въ платокъ)

САРА. Почему ты платка съ головы не снимешь? Въ комнатѣ въ платкѣ? (Срываетъ платокъ, Ривкеле не дается, прячетъ лицо въ кофточку)

ХОЗЯИНЪ (кричить). Ты скажи мнѣ теперь... Я ничего тебѣ не сдѣлаю... Открыто скажи... тутъ на мѣстѣ..

РИВКЕЛЕ (пряча лицо въ кофточку). Я не знаю...

ХОЗЯИНЪ (кричить). Ты не знаешь... не знаешь..? Кто же знаетъ? Какъ это не знаешь... Правду скажи, правду...

РИВКЕЛЕ (вырываясь изъ рукъ хозяина). А мамѣ можно было? Меня они раввиншей хотятъ сдѣлать... Я все знаю... (Прячетъ лицо въ руки и опирается на стѣну) Бейте меня, мнѣ все равно! Бейте меня!

ХОЗЯИНЪ. А! (Рветъ на себѣ одежды. Сара подбѣгаетъ къ дочери и хочетъ ее бить, онъ отбрасываетъ Сару и прячетъ за собой дочь) Ее оставь... (Захватываетъ двумя пальцами ея тонкую шею) Если бы я такъ тебѣ голову скрутилъ, лучше было бы для тебя и для меня тоже. (Садится блѣдный на стулъ, тяжело дыша. Ривкеле опускается на землю, громко плачетъ. Долгая пауза. Сара кружится по комнатѣ, видно, что она не знаетъ за что ей вѣздаться. Послѣ долгаго молчанія, она беретъ метлу, какъ бы крадучись, и мететь, потомъ подходитъ къ Ривкеле, поднимаетъ ее съ земли за руку, отводитъ въ ея комнату. Хозяинъ блѣденъ, сидитъ неподвижно)

САРА И ХОЗЯИНЪ.

САРА (выходитъ изъ комнаты Ривкеле, подбѣгаетъ къ хозяину, хватая его за руку, просительно). Янкель, опомнись, вспомни Бога, кто долженъ знать что-нибудь? Успокойся. Ривкеле замужъ пойдетъ. Еще все хорошо будетъ. (Хозяинъ молчитъ Пауза)

САРА. Надѣнь на себя кафтанъ, сейчасъ придуть. Кто долженъ что-нибудь знать.

(Хозяинъ упорно молчить)

САРА (приноситъ кафтанъ хозяина, шляпу, надѣваетъ на него, онъ не противится). Такое несчастіе, такое несчастіе, иди, предвидь все (Одѣвъ хозяина, она оправляетъ на себѣ платье, приводитъ все въ порядокъ, бѣжитъ въ комнату Ривкеле, слышно, какъ она тамъ что-то приказываетъ. Слова вѣгаеть) Уже потомъ съ тобой рассчитаются. (Осматривается вокругъ, все ли въ порядкѣ, говоритъ какъ бы къ себѣ) Теперешнія времена... Взрости дѣтей! ой, ой! (На лѣстницѣ слышны восходящіе шаги, Сара подбѣгаетъ къ хозяину, трясетъ его за рукавъ)

САРА. Они идутъ... вспомни Бога, Янкель, все еще можетъ быть хорошо, кто долженъ что-нибудь знать. (Приготавливаетъ стулья. Входитъ ребъ Эле и незнакомый еврей. Сара прячетъ волосы подъ парикъ, принимаетъ гостей)

РЕБЪ ЭЛЕ. Доброе утро!

САРА. Доброе утро и добрый вамъ годъ! Добро пожаловать... (Нѣсколько смущенно подаетъ стулья и проситъ сѣсть)

РЕБЪ ЭЛЕ (весело). Гдѣ-жъ отецъ невѣсты? (Ищетъ глазами хозяина)

САРА (улыбаясь хозяину). Янкель, чтожъ ты не показываешься? (Подвигаетъ стуль ближе къ Янкелю. Гости здороваются съ Янкелемъ и садятся)

РЕБЪ ЭЛЕ (жестикულიруетъ руками). Приступимъ сейчасъ же къ сути. (Обращаясь къ незнакомому еврею, указывая на хозяина) Этотъ еврей хочетъ съ вами породниться, у него чистая еврейская дѣвушка, такъ онъ хочетъ ей дать въ мужья ученаго, на всемъ готовомъ.

НЕЗНАКОМЫЙ ЕВРЕЙ. Очень пріятно...

ХОЗЯИНЪ (встаетъ). Да, господа, чистая еврейская дѣвушка, чистая...

РЕБЪ ЭЛЕ (обращаясь къ гостю). Пятсотъ рублей наличными онъ хочетъ дать сейчасъ же при помолвкѣ, кромѣ подарковъ жениху. На всемъ готовомъ держать, какъ родного сына. (Сара подаетъ къ столу водку съ закускою)

НЕЗНАКОМЫЙ ЕВРЕЙ. Собственно мое добро мнѣ нечего хвалить. Еще два года ученья и онъ можетъ быть раввиномъ.

РЕБЪ ЭЛЕ. Это мы знаемъ... Его будутъ беречь здѣсь, какъ глазъ во лбу... Чего ему захочется, все будетъ имѣть. Учиться дни и ночи сможетъ годами...

ХОЗЯИНЪ (указывая на комнату Ривкеле). Тамъ въ той комнатѣ будетъ онъ сидѣть и изучать святую тору... У меня чистая еврейская дочь... (Входитъ въ комнату Ривкеле и силой выводитъ за руку дочь, еще не одѣтую и растрепанную, указывая на нее) Эта чистая еврейская дѣвушка... замужъ пойдетъ за вашего сына... будетъ чистыхъ еврейскихъ дѣтей имѣть, какъ всякая дочь еврея... (Саръ) Что, нѣтъ? (Дико смѣется гостю) Да, да, братъ! Чистая еврейская женщина будетъ! Моя жена подведетъ ее подъ вѣнецъ... въ подвалѣ... (Показываетъ рукой внизъ) туда... въ подвалъ... Чѣмъ въ чужомъ мѣстѣ, лучше ужъ у отца. (Тащитъ Ривкеле за волосы къ двери) Внизъ, въ подвалъ ступай...

САРА (дико подбѣгая). Караулъ, люди, онъ съ ума сошелъ... (Хочетъ вырвать Ривкеле изъ его рукъ, хозяинъ отталкиваетъ ее, продолжаетъ тянуть Ривкеле за волосы)

ХОЗЯИНЪ. Въ подвалъ... внизъ... (Вытолкнулъ ее прочь и вышелъ за нею)

(За сценой слышенъ плачь Ривкеле)

НЕЗНАКОМЫЙ ЕВРЕЙ (изумленно и испуганно). Что это такое?

РЕБЪ ЭЛЕ (киваетъ ему, тянетъ за рукавъ и указываетъ на дверь, гость все еще стоитъ изумленно, оба уходятъ. Пауза)

ХОЗЯИНЪ (входя и таща за руку ребъ Эле). Свою тору возьми съ собой... Она мнѣ не нужна...

ЗАНАВѢСЬ.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

XX.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1908 ГОДЪ.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Д. Айзманъ. Кровавый разливъ.
Ив. Бунинъ. Разказы въ стихахъ.
Записки В. Вересаева. На войнѣ.
Евг. Чириковъ. На порогъ жизни.
А. Федоровъ. Стихотворенія.
Г. Гауптманъ. Заложница Карла Великаго.
Н. Шрейтеръ. Стихотворенія.
М. Горькій. Мать.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.

Типографія Акц. Общ. „СЛОВО“. Улица Жуковскаго, 21.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Д. Айзманъ. Кровавый разливъ	1
Ив. Бунинъ. Разказы въ стихахъ	117
Записки В. Вересаева. На войнѣ (<i>Окончаніе</i>). . .	128
Евг. Чириковъ. На порогѣ жизни	205
А. Ѳедоровъ. Стихотворенія	289
Гергартъ Гауптманъ. Заложница Карла Великаго . .	241
В. Шрейтеръ. Стихотворенія	819
М. Горькій. Мать. (<i>Продолженіе</i>).	321

Д. АЙЗМАНЪ.

КРОВАВЫЙ РАЗЛИВЪ.

... Безпокойство царило въ домѣ, томленіе и глухая печаль.

И раздраженіе...

Раздраженіе было отъ сознанія, что все могло бы идти отлично, мирно и пріятно, все могло бы протекать и совершаться по установленному порядку, доброму и милому, въ тихой суетливости, въ свѣтломъ и дружжелюбномъ согласіи, все могло бы быть очень хорошо,— но вотъ, влилъ добровольно человѣкъ въ свое сердце ненужную муку, тревогу и скорбь, влилъ, а другія сердца, близкія, родственно-чуткія, должны отзываться на скорбь смутной печалью и тяжкимъ, глухимъ безпокойствомъ...

Арина Петровна, крупная, полная женщина, съ шарообразной головой, съ маленькимъ носомъ надъ тонкими, яркими губами, сердито смотрѣла впереди себя выпуклыми, круглыми, лишенными рѣсницъ, сѣрыми глазами, а отецъ Павелъ устремилъ свой взоръ на жену, и во взорѣ этомъ и робость была, и укоръ, и тихая просьба ребенка...

— Пойду къ нему!—сказала Арина Петровна.

Отецъ Павелъ встревожился.

— Не надо бы... докучать бы не надо...

— А онъ намъ не докучаетъ!—Попадья повернулась къ двери.—Смотрѣть на него буду!..

Отецъ Павелъ встревожился сильнѣе.

— Наталью-то... Наталью изъ дому выжили... Какъ бы и онъ не ушелъ.

— Федоръ-то?..—На лицѣ попадаѣ появилась пре-небрежительная улыбка.—И много ты, попъ, понимаешь!

Она оправила на себѣ юбку и передникъ и, окинувъ мужа брезгливымъ взглядомъ, тяжело ступая, направилась къ сыну.

Въ глубинѣ кабинета, у окна, сидѣлъ Пасхаловъ, Федоръ Павловичъ, человекъ лѣтъ тридцати, высокій, худой, узкогрудый. У него почти совсѣмъ не было усовъ, а золотистая бородка росла узкой каемкой близко у ушей и подъ челюстями, такъ что собственно лицо оставалось безъ растительности, чистымъ. Онъ былъ блѣденъ и вообще казался человекѣмъ нездоровымъ, а потому впечатлѣніе странное производило яркое пятно его свѣжихъ, рѣзко очерченныхъ губъ. Странное что-то было и въ глазахъ Пасхалова, большихъ, свѣтло-сѣрыхъ, съ зеленоватымъ отливомъ. Они сидѣли очень глубоко, подъ прямыми, у переносицы слегка поднятыми бровями, и выраженіе въ нихъ было какое-то особенно сложное—виноватое, недовольное, грустное... Точно увидѣлъ человекъ этотъ въ далекіе дни злое, несправедливое дѣло, захотѣлъ въ него вмѣшаться, ринуться въ борьбу, но силъ для этого въ себѣ не нашелъ, очутился внѣ битвы,—и ужъ такъ, съ горькой неудовлетворенностью, съ мучительной скорбью о своей неудачливости, навсегда и остался...

— Федя... Что жъ это такое будетъ?

Арина Петровна охватила низъ своего вздутаго живота обѣими руками и укориженнымъ, холоднымъ взоромъ уставилась на сына.

— Что такое?

— Какъ „что такое“?.. Спрашиваетъ еще!.. Не ѣшь, не пьешь, молчишь все... скучный... Куришь не переставая,—а отъ табаку въ печенкѣ камни дѣлаются...

Часъ назадъ, за обѣдомъ, былъ разговоръ. Арина

Петровна выражала мысли такія жестокія и безчеловѣчныя, что Федору Павловичу, — хоть онъ и хорошо зналъ свою мать, — сдѣлалось нестерпимо тяжело и противно, и онъ, не докончивъ обѣда, всталъ изъ-за стола и ушелъ. Теперь это появленіе матери, ея нѣжныя заботливыя слова его раздражали, тяготили и вызывали въ немъ чувства враждебныя и злыя.

„Тысячу человекъ зарѣжутъ,—и это ей ничего, даже довольна... А не доѣлъ сынокъ котлеты,—и вся встревожилась“...

2.

Послышались шаги... Потомъ на порогъ показалась небольшая, худенькая фигурка молодой дѣвушки. Лѣтъ двадцать было дѣвушкѣ, она была бѣлая и розовая, съ голубыми, смѣющимися глазами, съ яркимъ, весеннимъ ртомъ. Чѣмъ-то легкимъ и прозрачнымъ вѣяло отъ нея—отъ простодушнаго, открытаго взгляда, отъ серебристыхъ, почти дѣтскихъ переливовъ яснаго голоса и все казалось, что вотъ запоетъ эта дѣвушка весело, или зазвенитъ безпричиннымъ и радостнымъ смѣхомъ,— смѣхомъ молодости и силы, смѣхомъ, въ которомъ свѣтъ апрѣля слышенъ, и дыханіе травъ степныхъ, и отсвѣты чистаго неба.

— Наталья? — удивленно вскрикнула Арина Петровна.

— Я, мама.

Дѣвушка добродушно усмѣхнулась.

— Вотъ, пришла,—сказала она потомъ.

На головѣ ея былъ небольшой, жокейскій картузикъ, съ козыречкомъ и съ пуговкой наверху, съ плечъ падала длинная, сѣрая пелерина, и было видно, что подъ оттопыренной полой пелерины рука держитъ небольшой, но плотно набитый чемоданчикъ.

— Пришла, но сейчасъ и уйду... Вотъ въ чемъ дѣло,—она опустила чемоданчикъ на полъ.—Я уѣзжаю ночнымъ пароходомъ... Я на квартирѣ расплатилась, и... и... поругалась тамъ немножко, и...—дѣвушка записалась, — ну, мнѣ тамъ ужъ неудобно было оставлять вещи... Я принесла... вотъ...—Она толкнула ногой чемоданъ.

Лицо дѣвушки сдѣлалось какимъ-то напряженнымъ. Было похоже, что она что-то путаетъ, говорить неправду, сочиняетъ, и при этомъ чувствуетъ, что сочиняетъ нескладно и неправдоподобно... Она быстро отвернулась и стала подсовывать чемоданчикъ подъ диванъ...

— Вотъ еще новости! — сердито вскрикнула Арина Петровна.—Да куда же ты, Наташа, ѣдешь?

— Туда, куда надо, мама... Какъ разъ туда.

Опять лицо Натальи прояснилось, и голосъ прозвучалъ свѣтло, просто и увѣренно. Была какая-то особенная рѣшимость въ немъ, особенная опредѣленность и энергія, и чувствовалось ясно, что ни противорѣчить, ни спрашивать дальше уже нельзя...

— Да ужъ, конечно... ужъ если ты сказала... — Арина Петровна печально, но съ легкимъ отгѣнкомъ злобы, развела руками...—Ужъ ты извѣстно какая.

Наталья Павловна уже около года не жила съ родителями. Она оставила ихъ, когда Арина Петровна выразила неудовольствіе по поводу того, что къ дочери ходитъ разный темный народъ. Къ Натальѣ Павловнѣ дѣйствительно приходило много людей, — молодежи и рабочихъ,—и сама она тоже много уходила изъ дому, и часто не возвращалась ночевать, часто давала у себя пріютъ разнымъ невѣдомымъ лицамъ. О. Павелъ сносилъ это молча, печально вздыхая, Арина же Петровна терпѣла со скрежетомъ зубовъ, цѣлыми днями сердито огрызаясь и осыпая дочь язвительными намеками. Но намеки Натальѣ надоѣли, и она изъ дому ушла. Не было бури при этомъ, ни сколько-нибудь

шумной ссоры, — собрала свои вещи, сказала, что не можетъ стѣснять другихъ, но не хочетъ, чтобы стѣсняли ее,—и ушла... Къ родителямъ она потомъ заходила — не часто, и всегда только въ тѣ часы, когда бывалъ дома о. Павелъ; она говорила съ ними о разныхъ дѣлахъ и о разныхъ людяхъ, и только о себѣ не говорила, о томъ, чѣмъ занята, и какъ проводить дни. Но старики и сами знали, что дѣлаетъ дочь. Революционерка, занимается пропагандой на литейномъ заводѣ, печатаетъ прокламаціи, — и не сегодня-завтра ее посадятъ... Разъ уже было арестовали Наталью, но должно быть важнаго ничего не нашли, продержали семь недѣль, а потомъ отпустили... Пробовая Арина Петровна умолила дочь, вернуть ее домой, на путь истины наставить, но ничего не выходило: съ первыхъ же словъ матери, ласковое, тихое, полудѣтское лицо Натальи становилось такимъ каменнымъ и рѣзкимъ, такая холодная пренебрежительность появлялась въ ея свѣтлыхъ глазахъ, и такая поднималась въ нихъ грозная сила, что — чувствовала Арина Петровна — одну только злобу и негодование рождаютъ всѣ укоры ея и моленія... А потомъ ужъ не было и этого; дочь оставалась равнодушной и безразличной, совершенно спокойной, — точно и не слышитъ ничего изъ материнскихъ укоровъ, точно на другомъ краю безмѣрной степи стоитъ она, и не доходитъ голосъ...

Но отцу Павлу Наталья однажды сказала:

— Хочу жить по правдѣ, папаша, какъ совѣсть велитъ... Что же скажешь?..

Старикъ опустилъ голову, думалъ напряженно, пожималъ плечами, что-то неясно шепталъ... Потомъ, обративъ къ дочери успокоенное лицо, тихо ее благословилъ...

И когда, затѣмъ, приходила она къ нему, — всегда радостная, бодрая и свѣтлая, весеннимъ утромъ обвѣянная, ароматомъ юности звенящая, — тепло и радостно

становилось старику, билось съ гордостью отцовское сердце, и умилениемъ свѣтились глаза... Отъ жены онъ скрывалъ свои чувства. При женѣ хмурился онъ и ворчалъ на дочь, но внутренно весь наливался свѣтлой печалью, нѣжной печалью гордости и красоты, и въ молчаніи дочь благословлялъ...

3.

— Я вечеромъ зайду за чемоданомъ,—сказала Наталья Павловна.— А если не успѣю, такъ ужъ завтра — У тебя тамъ, часомъ, не книжки запрещенныя?— съ тревогой спросила Арина Петровна.— Ужъ вѣрно прокламаціи... Лучше бы ты ихъ въ другое мѣсто куда...

Наталья холодно, съ выраженіемъ безгливости, посмотрѣла на мать...

— Чутье у васъ ничего себѣ,—сказала она:—какъ у сыщика... Впрочемъ, прокламаціей нѣтъ...—И звонко разсмѣялась:—даю вамъ слово, что ни одной прокламаціи въ чемоданѣ нѣтъ. Будьте спокойны.

Наталья прошла по комнатѣ и, остановившись противъ зеркала, стала себя разсматривать.

— Федоръ,—начала она:—а ты бы попробовалъ еще... Можетъ быть уѣхать бы тебѣ отсюда.

— Вотъ выдумала чего! — въ тревогѣ вскрикнула Арина Петровна.—Сама, Богъ тебя знаетъ, куда ѣдешь, и его тоже подбивать пришла... Куда ему ѣхать?

Наталья, не отвѣчая матери, все смотрѣла—то въ зеркало, на себя, то на брата.

— Ротъ... носъ... овалъ лица... — медленно, тихо и задумчиво говорила она.—Какъ будто и похожа я на тебя, и какъ будто и совсѣмъ не похожа... Не пойму.

Помолчавъ, она также задумчиво и неторопливо продолжала:

— Люблю я тебя?.. Люблю, да... Уважаю?.. Нѣтъ, Федоръ, не могу тебя уважать.

— Что за странный разговоръ?

— Вся эта обстановка... общество... обиходъ домашній... эти бѣлыя церковныя стѣны... Ты, Федоръ, слишкомъ близко къ церковнымъ стѣнамъ...

— Ты-то сама въ какихъ стѣнахъ живешь?—вызывающе огрызнулась Арина Петровна.

— Конечно, ты человѣкъ, уже давно сложившійся,—говорила Наталья.—Но все-таки... попытаться бы еще... Вѣдь такъ же нельзя, Федоръ, вѣдь нельзя же такъ!—со скорбною горячностью юнаго, любящаго и сильно страдающаго существа вскрикнула она.

— А пошла бы ты себѣ, Наталья, откуда пришла,—строго нахмурилась Арина Петровна.

— Ты взгляни, что вокругъ дѣлается... и ты посмотри на себя... Если бы ты былъ... ну хоть Васильковскимъ, что ли, я бы понимала тебя... Но, Федя, ты же не онъ, ты не онъ... Господи, и неужели толкъ изъ тебя такой же, какъ и изъ него!

Она сказала это со стономъ. И почувствовала вдругъ, что брата любить, горячо и сильно.

— Если бы ты былъ мнѣ чужой, я бы съ тобой объ этомъ двухъ словъ не сказала. Я мало надѣюсь на тебя... Но—братъ вѣдь ты!.. И мнѣ больно...

Она направилась къ двери.

— И придется, можетъ быть, говорить еще не разъ... Трудно мнѣ молчать... А теперь мнѣ идти... Такъ до вечера... или до завтра.

— Вернулась бы ты, Наталья, домой,—жалобно сказала Арина Петровна.—Вдешь вотъ, а Господь одинъ знаетъ, куда прѣдешь.

— До завтра,—повторила Наталья, кивнувъ брату.—Завтра я приду.

Она бросила озабоченный взглядъ на чемоданъ и не торопясь вышла.

4.

Пасхаловъ долго ходилъ потомъ по комнатамъ, взволнованный. Онъ читалъ газету,—старую, уже читанную бросалъ ее, нервно переставлялъ вещи на столъ... Онъ взялъ съ этажерки длинную конторскую книгу, въ которую записывалъ наиболѣе интересные случаи изъ своей практики, и сталъ ее перелистывать. Онъ просматривалъ исторію нѣкоторыхъ болѣзней, пополнялъ ихъ воспоминаніями, отрывочными размышленіями о ходѣ лѣченія, о самихъ пациентахъ, и занятіе это успокаивало его и отвлекало отъ тревожныхъ и сумрачныхъ чувствъ.

Кесарево сѣченіе у жены податного инспектора... Переломъ трехъ реберъ... Загадочный параличъ нижнихъ оконечностей у Гомулицкаго... Случай съ Кочетковымъ...

Когда Федоръ Павловичъ пробѣгалъ исторію заболѣванія Кочеткова, хмурое выраженіе сходило мало-помалу съ его лица, и на полныхъ, свѣжихъ губахъ его заиграла добродушная улыбка.

Тихонъ Кочетковъ, шестнадцатилѣтній парень, былъ плотникъ. Весною пришелъ онъ изъ Саратовской губерніи и нанялся работать на баржѣ, на рѣкѣ. Во время работы онъ упалъ, всего съ высоты какого-нибудь аршина, но такъ несчастливо, что разбилъ себѣ надколѣвную чашечку. Ногу залили гипсомъ, и больной пролежалъ въ постели шесть недѣль. Понемногу кость срослась; Кочетковъ, при помощи костылей, началъ уже передвигаться. Еще недѣля - другая, и онъ былъ бы совсѣмъ здоровъ. Но тутъ случилась новая бѣда.

Ковыляя однажды по больничному двору, Кочетковъ увидѣлъ, что за курицей гонится Дружокъ, кухаркина обака. Онъ крикнулъ на Дружка,—собака не унялась.

Кочетковъ сталъ кричать громче... Курица съ отчаяннымъ кудахтаньемъ, хлопая крыльями, падая и ударяясь грудью объ землю, носилась по двору, изъ стороны въ сторону, изъ угла въ уголь, а разыгравшійся Дружокъ мчался за ней съ радостнымъ лаемъ и уже настигалъ ее... На крики Кочеткова онъ временами оглядывался, съ веселой, плутоватой хвастливостью—„ага, какой я молодчина!..“ Неловко подпрыгивая, стуча костылями, Тихонъ понесся на выручку. Но бѣжать было далеко. Курица съ собакой бросались изъ одного угла въ другой, больная нога у мальчика не сгибалась,—а Дружокъ уже схватилъ свою жертву ногами... и уже летѣли по двору ея бѣлыя перья... Кочетковъ подвѣлъ тогда надъ головой костыль, широко размахнулся и швырнулъ имъ въ Дружка. И тутъ же, лишенный опоры, какъ подрубленное деревцо, тяжело грохнулся на камни мостовой... Сросшаяся, но еще не окрѣпшая кость переломилась во второй разъ, и разорвалось сухожилие.

— Що-жь це ты, бисова таракуцка, зробывъ?— съ ласковымъ укоромъ говорилъ подворотнїй Трохимъ, внося искалѣченного мальчика въ палату.

Помертвѣвшее лицо Тихона все дергалось и корчилось отъ жестокой боли.

— Жа...жалко ку...рицу, — сквозь стоны, лишаясь чувствъ, пролепеталъ онъ.

Къ молодому плотнику этому Федоръ Павловичъ относился съ какою-то особенной, совершенно исключительной симпатїей. Ему нравились въ немъ и голосъ, и выговоръ, и ласковая, кроткая улыбка, и рѣзкая, не знавшая уклоновъ, ничему не уступавшая, правдивость, и въ присутствїи его онъ всегда становился какъ-то веселѣе и разговорчивѣе... Онъ часто наводилъ мальчика на разговоръ, — о родной деревнѣ, о голодѣ въ ней, о Волгѣ, о лѣсныхъ скитахъ, о безпорядкахъ и бунтахъ, объ агитаторахъ, приходившихъ въ деревню,—

и пока тотъ говорилъ, онъ вдумчиво и дружески смотрѣлъ въ его красивые, синіе глаза... Въ усталую душу вливалось чувство тихаго и сладкаго успокоенія, свѣтлыя надежды снова вставали въ ней, вставали и росли,— а минутами, когда мальчикъ вдругъ вспыхивалъ возмущеніемъ и гнѣвной энергіей, надежды эти превращались въ крѣпкую и радостную увѣренность...

И продолжая вдумчиво вглядываться въ ясные, правдивые глаза Кочеткова, продолжая вслушиваться въ милыя, то нѣжныя, то гнѣвныя ноты, онъ мысленно говорилъ:

— Ничего, возьмешь свое! Все побѣдишь и что нужно—возьмешь!

... Образъ Тихона Кочеткова отчетливо рисовался теперь Федору Павловичу. И встревоженная, оскорбленная, жаждавшая просвѣта душа доктора улыбалась ему, тихо и благодарно...

II.

1.

Въ этотъ вечеръ сапожникъ Абрамъ сидѣлъ заужиномъ, и на лицѣ его была тревога и сосредоточенная, мрачная дума.

Была суббота, и блюда стояли передъ Абрамомъ отмѣнные: рыба, остатки бульона, куриное горло и компотъ изъ яблокъ и лимонной корки. Ълъ, однако, Абрамъ разсѣянно, молча, не обращая никакого вниманія на изысканность блюдъ и не думая о нихъ. И жена Абрама, Хана, сидѣвшая на кровати, по другую сторону стола, обидѣлась.

— *Такъ* курицу не ѣдятъ!.. Если *такъ* вотъ ѣсть, то можно и картошку въ мундирахъ варить...

И обиженной женщиной захотѣлось мужа проучить

и отнять у него рѣдкія, дорого стоющія блюда. Но сдѣлать это она не могла: она страдала водянкой, все тѣло ея, всѣ члены, — руки, ноги, торсъ и даже голова, — были сильно вздуты и налиты водой, и она уже четвертый мѣсяць не вставала съ постели.

Она и не ложилась тоже, и день и ночь проводила въ сидячемъ положеніи, опираясь на подушки. Ей трудно было шевельнуть ногой или рукой, и когда приходилось поправлять ея постель, Абрамъ звалъ сосѣда-меламеда, его жену или тещу, и всѣ вмѣстѣ, съ большимъ трудомъ, приподнимали больную, поддерживали ее минуточку-другую въ стоячемъ положеніи, а Роза, тринадцатилѣтняя дочь Ханы, тѣмъ временемъ, быстро дѣйствовала узкими, худыми руками по кровати, взбивала подушки, мѣняла простыню. Больная тяжело опускалась потомъ на постель, — какъ огромный мѣшокъ съ пшеницей. Опускалась и застывала въ мертвой неподвижности... И въ неподвижности этой было что-то дикое и страшное, и страшное было въ искаженныхъ, неправдоподобныхъ формахъ больной. Не человѣкъ сидитъ, казалось, а какое-то безумное смѣшеніе человѣка съ огромнымъ животнымъ, что-то невозможное, небывалое, невѣроятное, что-то выходящее вонъ изъ предѣловъ человѣческаго пониманія, изъ всѣхъ существующихъ и возможныхъ въ воображеніи нормъ... Темную сторушь, тревожную тоску вызывало это непонятное таинственное извращеніе, — и только послѣ большихъ усилій, и только послѣ долгаго навыка и присматриванія, соглашались мириться съ нимъ глазъ и душа...

— „Милліонщикъ! — гнѣвно думала Хана: — завтра у и го опять будетъ курица... видалъ ты такое!..“

Ей хотѣлось — если ужъ наказать нельзя — по крайней мѣрѣ поучить, какъ слѣдуетъ, мужа, прочесть ему вразительную нотацію, объяснить ему всю неадекватность его и легкомысліе; уже приходитъ стали въ эту хорошую слова, язвительныя, ѣдкія, но тутъ

вдутыя вѣки больной опустились, дыханіе сдѣлалось глубокимъ, и она погрузилась въ дремоту.

Со времени сильнаго развитія болѣзни, у нея появилась особаго рѣда сонливость, похожая на одурѣніе, и послѣ короткаго промежутка вялаго бодрствованія она впадала въ состояніе длительнаго, тупого забытья.

Абрамъ искоса посматрѣлъ на жену. И замѣтивъ, что она спитъ, отодвинулъ отъ себя тарелку съ недоѣденнымъ куринымъ горломъ и подперъ голову кулакомъ. Вѣлъ онъ и пилъ, повидимому, только для того, чтобы доставить удовольствіе больной, чтобы не вызвать въ ней подозрѣній... Ему же самому было не до ѣды.

2.

— Розочка,—тихо позвалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія.— Розочка... дай мнѣ что-нибудь почитать... исторію дай...

Онъ былъ большой охотникъ до чтенія. Всего больше любилъ онъ газеты и нелегальные листки. Но когда газетъ не было, читалъ что попадалось, читалъ и перечитывалъ учебники дочери, географію, исторію, — и даже задачникъ Минина и Арбузова онъ просматривалъ много разъ...

Розочка, худенькая, бѣлокурая дѣвочка вошла въ комнату. И все здѣсь точно озарилось вдругъ тихимъ, матовымъ свѣтомъ. И въ нѣжномъ мерцаніи его, какъ сгустокъ тумана, мягко проступало узкое, блѣдное личико, и на немъ странно темнѣли огромные, синіе глаза.

Безъ улыбки смотрѣли глаза, и безъ хмурости, и не было въ нихъ и печали. Они были широко раскрыты, глядѣли куда-то впередъ, далеко куда-то, — сквозь стѣны, сквозь тьму, за стѣнами скопленную,—и то, что видѣли они тамъ, полно было тайны, тайны могильнаго холода...

— Дочечка... почитать... что-нибудь почитать...

Но на книжку, которую дѣвочка молча положила передъ отцомъ, Абрамъ и не взглянулъ. Книжка не была ему нужна. Ему нужно было увидѣть свою дѣвочку, ея маленькую, худую фигурку... И еще ему нужно было эту маленькую фигурку привлечь къ себѣ, на грудь, приложиться заросшей щекой къ лицу ея, къ бѣлому гребешочку на ея головѣ, и бурнымъ, клокочущимъ шопотомъ разсказать про свое горе, про свой страхъ, про свои муки, и просить утѣшенія. Утѣшенія просить, и утѣшенія дать,—ей его дать, бѣдной, загнанной, тѣми же страхами томящейся, тою же мукою замученной, скорбной, мятущейся дѣвочкѣ...

Но сдѣлать это онъ не посмѣлъ.

Онъ смотрѣлъ нѣкоторое время въ раскрытую дверь, гдѣ видѣлась длинная, бѣлокурая коса и бѣлый дугообразный гребешочекъ... Потомъ онъ погасилъ свѣчу и легъ.

Онъ провелъ одну изъ тѣхъ безконечныхъ, кровавыми призраками населенныхъ ночей, которыхъ такъ много было потомъ въ его жизни...

Онъ ложился, лицомъ къ стѣнѣ,—такъ близко къ ней, что его начиналъ душить кислый запахъ отсырѣвшей извести. Потомъ онъ поворачивался и устремлялъ глаза въ черную пустоту комнаты. Онъ вздрагивалъ, быстро вскакивалъ, садился, трепетно прислушивался... И временами, охваченный нестерпимымъ ужасомъ, начиналъ шептать торопливую молитву.

III.

1.

Утромъ, вначалѣ десятаго, Абрамъ вышелъ изъ дому и направился на базаръ, къ башмачному ряду. Здѣсь, у самаго начала ряда, противъ длиннаго, кры-

таго соломой амбара съ надписью синькой по желтому „Продажа къ Римски соль“, стоялъ большой сѣрый рундукъ. Абрамъ приблизился къ нему и внимательно сталъ его оглядывать. И онъ не просто оглядывалъ, а какъ бы изучалъ рундукъ: ощупывалъ, толкалъ, постукивалъ рукой по крышкѣ, отходилъ въ сторону и смотрѣлъ на сѣрую махину издали... Онъ точно допытывалъ ее, упрямо и лчливую, и о чемъ-то тоскливо просилъ...

— А, здравствуйте, господинъ Абрамъ,—раздался вдругъ ласковый, любезный голосъ.

Абрамъ вздрогнулъ и быстро обернулся. Сзади стоялъ Небесный, Акимъ Лаврентьевичъ, фельдшеръ городской больницы. Правой рукой онъ вѣжливо поднималъ надъ головой кожаную фуражку, въ лѣвой держалъ большой фотографическій аппаратъ и завороченный въ черное сукно треножникъ.

— Какое пріятное утро,—удивительно сладкимъ и какимъ-то всхлипывающимъ голосомъ говорилъ фельдшеръ, ласково и нѣжно улыбаясь.—Неправда ли, чудесное?.. А вы свой магазинъ открываете, господинъ Абрамъ?.. А желаете, я васъ сниму. Сейчас! Вотъ какъ вы сидите за рундукомъ и торгуете!.. Вы согласны? Вамъ угодно?

Глаза Абрама сдѣлались какими-то особенно напряженными. Казалось, силится этотъ человекъ понять что-то, силится, и понять не можетъ...

— Вы будете себѣ сидѣть и торговать, а я: чикъ-чикъ!—и сниму васъ.

Акимъ Лаврентьевичъ проворно поставилъ на землю аппаратъ, и началъ отматывать съ треножника черное сукно. Лицо фельдшера, круглое, бритое, жирное, съ влажными губами, съ аляповатымъ, на крупную грушу похожимъ носомъ, и съ узенькими глазками, озярилось такой радостной, блаженной улыбкой, что можно было подумать: Богъ вѣсть какія сладкія и рѣд-

костныя ощущенія должны сейчасъ нахлынуть и затопить этого человѣка.

— Снимать?.. Да... да.. хорошо,—торопливо проговорилъ Абрамъ, уловившій наконецъ смыслъ фельдшерскаго предложенія.—Снимите... Только, знаете, не сейчасъ, Акимъ Лаврентьевичъ, какъ-нибудь другимъ разомъ.

— Другимъ разомъ...— Черное сукно упало къ ногамъ Акима Лаврентьевича.—Ну хорошо. Хорошо. Таки другимъ разомъ... Когда захотите, господинъ Абрамъ. Я всегда съ удовольствіемъ.—Онъ опять завернулъ треножникъ въ сукно и поднялъ съ земли аппаратъ.—А сейчасъ я на пристань иду, уходящій пароходъ буду снимать... Я вамъ тоже дамъ снимокъ, хотите, господинъ Абрамъ? Да?

У фельдшера Небснаго было постоянное непреходящее горе: никто въ цѣломъ городѣ не хотѣлъ питать къ нему уваженіе. Фельдшеръ онъ былъ хорошій, манеры имѣлъ эlegantныя, одѣвался всегда по модѣ, занимался такимъ благороднымъ, аристократическимъ искусствомъ, какъ фотографія, а люди относились къ нему съ обиднымъ пренебреженіемъ, съ насмѣшливой фамиллярностью, нерѣдко переходившей въ грубое надѣвательство... Чуть не всѣхъ замѣтныхъ людей въ городѣ онъ переснялъ—даромъ, никогда не соглашался брать даже за пластинки, былъ неизмѣнно предупредителенъ, услужливъ, любезенъ,—а его всѣ огорчали... Когда Акимъ Лаврентьевичъ оставался одинъ, онъ жестоко мстилъ людямъ: ругалъ ихъ смѣло и нещадно, и даже кулакомъ объ столъ стучалъ. Но въ бесѣдахъ съ ближними сразу дѣлался сверхъестественно милымъ, почтительно-преданнымъ, почтителенъ былъ даже съ низшими, даже съ Аксюткой, больничной прачкой; а та, напиваясь пьяной, подпирала руками бока, и на весь больничный дворъ, на всю госпитальную улицу, голосисто и безъ запинокъ. возвѣщала:

„хоть ты и фельчиръ, хоть ты и фотографчикъ, а я вотъ тебѣ дамъ дулю, а ты слопай...“ Небесный сокрушенно слушалъ плохо воспитанную женщину, и тихо улыбался виноватой, почтительно-милой улыбкой...

Мило улыбнулся онъ и Абраму. Но, отойдя отъ него шаговъ на двадцать, оглянулся и сдѣлался отважнымъ.

— Ахъ ты, жидюга!.. „Другимъ разомъ“... А подождешь ты, Симъ, Хамъ и Иафетъ, другого разу... Да я тебя, свиное ухо, и за тыщу рублей снимать не стану бы, аппаратъ паскудить... Бьютъ вотъ васъ, да мало... Стребить васъ всѣхъ надо, лапсердакъ хвостатый.. фаршированный царь Давидъ..

2.

Пока длилась эта лирика, Абрамъ огибалъ площадь, направляясь домой. На углу, подлѣ длиннаго, желтаго зданія „Столичной Гостинницы“ онъ увидѣлъ высокую фигуру доктора Пасхалова. Абрамъ встрепенулся; что-то похожее на надежду вдругъ пробѣжало у него по лицу, и онъ сталъ нагонять доктора.

— Ахъ, это вы,—воскликнулъ Федоръ Павловичъ, пожимая Абраму руку.—Что слышно у васъ?

Вмѣсто отвѣта, Абрамъ поднялъ на Пасхалова свои налитые тревогой выпуклые, сѣрые глаза... И взгляда этихъ глазъ Пасхаловъ не выдержалъ. Онъ отвернулся и уставился на землю, на засохшіе стебли колючекъ.

— Федоръ Павловичъ... что я у васъ спрошу.. вы не слышали?.. Эго таки будетъ?..

Пасхаловъ какъ-то странно съежился: точно хлысть поднялся надъ нимъ.

— Послушайте, Абрамъ, это невозможно! — не то просительно, не то убѣждая вскрикнулъ онъ.—Я... я не могу этому повѣрить.

То особенное выраженіе, похожее на далекую надежду, которое появилось было въ сѣрыхъ глазахъ Абрама, мгновенно погасло. Не этого хотѣлъ Абрамъ. Ему, для успокоенія, нужно было что-нибудь определенное, точное, ясное. А взволнованныя восклицанія Пасхалова имѣли вліяніе какъ разъ обратное и только болѣе мучительною дѣлали тревогу сердца.

Пасхаловъ понималъ это. Онъ понималъ и то, что для Абрама,—даже для Абрама!—онъ человѣкъ изъ враждебнаго стана, и эта мысль давила его и оскорбляла. Ближе, чѣмъ когда-либо, былъ ему Абрамъ, сильнѣе, чѣмъ всегда, влекло его къ еврею, но цѣлый океанъ отчужденности лежалъ теперь между ними. И не могъ онъ, и не смѣлъ онъ взять еврея за руку, и не смѣлъ онъ, какъ хотѣлъ бы, въ страстныхъ, торопливыхъ словахъ сказать ему о боли своей, о стыдѣ и о мукѣ...

— Абрамъ, знаете ли, что я вамъ скажу?—тихо проговорилъ докторъ, продолжая глядѣть себѣ подъ ноги, на высохшіе, сбитые стебли колючекъ.—Товаръ вашъ... перенесли бы вы его ко мнѣ...

— Къ вамъ?.. Ахъ, да конечно!—И некрасивое, заросшее и хмурое лицо еврея на мгновеніе какъ будто просвѣтлѣло.—Федоръ Павловичъ, вы всегда были мой спаситель!..

„И какъ случилось, что я раньше не подумалъ объ этомъ,—мелькнуло у него.—Отъ горя и отъ страха такъ-таки потерялъ всякое соображеніе“.

— Сейчасъ я иду въ больницу,—сказалъ Пасхаловъ, — а къ часу буду дома. Тогда и приходите... Къ часу, не раньше.

Послѣднія слова онъ сказалъ, подчеркивая, но понизивъ голосъ. У него явилось опасеніе, что если еврей явится въ его отсутствіе, Арина Петровна не выпуститъ его и вышвырнетъ прочь товаръ...

— Хорошо! Чудесно!.. — оживился Абрамъ.— Таки

послѣ часу.. Весь товаръ принесу... въ нѣсколько разовъ, отдѣльными узлами... чтобы не замѣтили... А теперь побѣжу домой, посмотрю, что тамъ дѣлается.

Простившись, онъ торопливо ушелъ.

А Федоръ Павловичъ продолжалъ свой путь въ больницу, гдѣ служилъ ординаторомъ. Онъ скоро очутился въ еврейскомъ кварталѣ, на берегу смрадной гнѣющей рѣчущки. Въ обычное время здѣсь стояла суета и гамъ, грѣлись на солнцѣ больные старики, ви жали и плакали дѣти, барахтаясь въ пыли, или расхаживая, засучивъ штанишки, задравъ рубашки, въ зеленыхъ лужахъ; галдѣли женщины, обмѣниваясь новостями или крикливой бранью. Стучали молотки ремесленниковъ, мычали голодные козы. Теперь нигдѣ не видно было людей, не замѣчалось ни въ чемъ жизни. Все живое попряталось, притаилось, пришло въ ожиданіи жестокихъ часовъ, а домишки, темные, убогіе, несчастные, какъ и люди, которыхъ они пріютили, глядѣли такъ сумрачно, и такъ уныло, съ такой глубокой, безпомощной скорбью, что, казалось, никогда не свѣтило здѣсь солнце, и вѣчно царила бѣда.

IV.

1.

Абрамъ былъ тщедушный, сутулый, почти горбатый человекъ, и лицо имѣлъ нездоровое и некрасивое. Носъ у него былъ длинный, узкій и нѣсколько кривой, глаза черезчуръ большіе и сильно выпуклые, а уши странно широкія и плоскія. Круглая, необыкновенно густая и жесткая борода облѣпила его щеки и скулы, и доходила почти до самыхъ глазъ. Когда-то борода была огненная, теперь, отъ обилія сѣдыхъ во-

лось, она посвѣтлѣла, посѣрѣла и цвѣтомъ напоминала свѣжія отруби. Похоже было, будто намазалъ себѣ Абрамъ лицо чѣмъ-то клейкимъ, медомъ или тѣстомъ, и потомъ ткнулся лицомъ въ мѣшокъ съ отрубями... По несимметричному, хилому тѣлу, по всѣмъ жестамъ Абрама, нерѣшительнымъ, пугливымъ, по разбитому, глухому голосу его, было видно, что онъ много терпѣлъ и страдалъ, и что еще въ утробѣ матери онъ пораженъ былъ злымъ худосочиємъ, мѣшавшимъ рости и развиваться... Въ глазахъ его, мутно-карихъ, чуть-чуть косившихъ, было столько скорби, столько тяжелой печали и унынія, что, думалось, все горе живое, всѣ муки людей узналъ и пережилъ этотъ человѣкъ...

Съ докторомъ Пасхаловымъ Абрамъ былъ знакомъ чуть не съ самаго появленія своего въ городкѣ. Появился же онъ лѣтъ двадцать назадъ. Онъ пріѣхалъ изъ маленькаго мѣстечка Каменецъ-Подольской губерніи, откуда выгнало его медленное и вѣрное умирание голодной смертью. На родинѣ Абрамъ былъ крошкыльщикомъ табаку, мыловаромъ—и немножко пѣвцомъ: на Пасху и осенніе праздники онъ за два съ полтиной подпѣвалъ синагогальному кантору. Здѣсь онъ сдѣлался сапожникомъ.

Но сапожникъ онъ былъ плохой. И онъ не только не могъ шить новую обувь, но и починку скольконибудь сносною не въ состояніи былъ сдѣлать. Новому ремеслу учился онъ у голода и безработицы. И все же осенью и зимой дѣла его шли недурно: было много починокъ. Весною благополучіе начало увядать, а лѣтомъ исчезло совершенно. Къ отсутствію подошвъ, къ разверстымъ носкамъ сапога значительная часть населенія относилась въ теплые дни съ такой желѣзной невозмутимостью, что оправдать существованіе въ городкѣ „латыжника“ не представлялось никакой возможности.

Въ лѣтніе мѣсяцы, вслѣдствіе этого, Абрамъ дѣлался лишнимъ человѣкомъ. И дѣлаясь лишнимъ человѣкомъ, онъ превращался въ негоціанта. Бралъ въ руки длинную палку, перебрасывалъ черезъ плечо мѣшокъ и отправлялся гулять по городу.

Въ мертвые, знойные дни, когда городокъ погружался въ безмолвіе соннаго млѣнія, и носились въ немъ, по землѣ и надъ домами, желтыя тучи горячей пыли, унылый и разслабленный бродилъ онъ по улицамъ, съ утра и до вечера, постукивалъ палкой въ заросшія калачиками и крапивою ворота; и подъ злобный лай разбуженныхъ собакъ, хрипло и съ опаской, вытягивалъ:

— Старрр'вещь п'кпаемъ!

И часто изъ-за запертыхъ воротъ доносился лѣнивый отвѣтный голосъ:

— А новыя крадемъ... Ступай, ступай отсюда, Иродъ,—марш!

Эту свою торговую дѣятельность Абрамъ очень не любилъ. У него совсѣмъ не было тѣхъ универсальныхъ познаній въ товаровѣдѣніи, которыя необходимы каждому уважающему себя старьевщику... Въ сапогахъ онъ толкъ зналъ. Сапоги уму его говорили ясно и внятно. Окинетъ онъ сапогъ провицательнымъ окомъ, пальцемъ въ одно-другое мѣсто ткнетъ — и готово!.. Всѣ достоинства, всѣ изъяны товара опредѣлены точно и правильно, и правильно опредѣлена стоимость его. Ошибки не будетъ. А ружье съ отломаннымъ дуломъ, тетради ногъ, аппаратъ для выдѣлки сельтерской воды, или отъ треуголки футляръ... какъ тутъ во всемъ этомъ разберешься?

И стоять, бывало, негоціантъ Абрамъ, розовый, атласный корсетъ въ глубокомъ раздумьѣ туда-сюда вертитъ, и никакъ не можетъ рѣшить: грошъ этому инструменту цѣна, или же, напротивъ того, и цѣлый

полтинникъ за него отдавши, все еще гривенникъ барыша на товарѣ наживешь.

— Прямо несчастье,—кряхтѣлъ онъ, запутавшись въ какой-нибудь предательской сдѣлкѣ: —я знаю!. Тутъ надо имѣть голову министра.

И ждалъ онъ, ждалъ съ нетерпѣніемъ и тоской, осенней слякоти и холодовъ, ждалъ свѣтлой поры, когда бѣганію босикомъ настанетъ конецъ, когда подъ оголенной, намокшей акаціей у ветхой синагоги снова можно будетъ установить вѣрную табуретку - верстачекъ, и когда изъ многочисленныхъ, кривыхъ, вросшихъ въ землю домишекъ опять станутъ приносить въ нему изувѣченные салоги и разваливающіяся на части калоши...

Такъ жилъ Абрамъ.

Такъ прожилъ онъ здѣсь два десятка лѣтъ. Но съ недавняго времени въ существованіи его произошла крупная перемѣна. Онъ превратился въ собственника, въ торговца,—въ настоящаго торговца, и сдѣлался владѣльцемъ большого и почтеннаго рундука, который биткомъ набитъ былъ великолѣпнымъ товаромъ.

Вотъ какъ это произошло.

2.

Въ городъ, для постояннаго жительства, вернулся только что окончившій университетъ Пасхаловъ.

Много лѣтъ назадъ, въ прогимназіи, онъ учился вмѣстѣ съ сыномъ Абрама, рыженькимъ, веснучатымъ, зеленолицымъ Мосейкой, и дружба у обоихъ мальчишекъ была удивительная. Въ классѣ они всегда сидѣли рядышкомъ, на перемѣнахъ не разлучались, вмѣстѣ и завтракали, и играли, а послѣ уроковъ каждый день бѣгали другъ къ другу въ гости,—хоть

и жили на разныхъ и очень отдаленныхъ концахъ города: Пасхаловъ—въ лучшемъ кварталѣ, „на горѣ“, въ большомъ и красивомъ, утопавшемъ среди огромнаго сада, церковномъ домѣ, Мосейка—на бѣдной окраинѣ, въ жалкой хибаркѣ, подлѣ широкаго, никогда не просыхавшаго, смраднаго и гнилого болота.

Мосейка былъ мальчикъ старательный, исполнительный, работающій,—хоть работы онъ и не любилъ,—и при весьма посредственныхъ способностяхъ, шелъ всегда первымъ. Пасхаловъ же весь пылъ и всѣ силы своей одиннадцатилѣтней души отдавалъ такимъ дѣламъ, какъ плаваніе, пусканіе змѣевъ, ловля раковъ и т. д. Въ чашломъ, полуживомъ и всегда необычайно серьезномъ другѣ своемъ онъ, какъ могъ, старался вызвать интересъ къ своимъ предпріятіямъ.

... — Мосейка, на, возьми мои ковылки!.. Мнѣ дядя Анатолій другіе купить, настоящій полугалифаксъ!.. Только, говорить, чтобы въ четверти не больше одной двойки было. Бери!..

... — Скорѣй, Мосейка, побѣжимъ!—требуетъ онъ въ другой разъ.—Я на рѣчкѣ, въ камышахъ, жабы яйца нашель... здоровячи!.. въ крапушкахъ... Побѣжимъ!..

— Жабы яицъ не кладутъ,—спокойно, дѣловито и не торопясь замѣчаетъ Мосейка.

— Кладутъ, ей-Богу кладутъ!.. Вотъ увидишь самъ!..

Шустрый Пасхаловъ весь горитъ отъ нетерпѣнія, онъ вырываетъ изъ рукъ Мосейки книжки, нахлобучиваетъ ему на голову фуражку... Но—серьезный человекъ,—Мосейка фуражку снимаетъ и медлительнымъ тономъ говорить, что у него „полторы задачи“ еще не переписаны.

И только когда всѣ уроки сдѣланы, тщательно, аккуратно, пойдетъ Мосейка съ товарищемъ за „ад“.

ровячими“ жабыми яйцами, и по другимъ подобнымъ дѣламъ.

Эта дружба, — „дружба лапсердака съ паникадилломъ“, — служила предметомъ постоянныхъ шутокъ не только для товарищей-гимназистовъ, но и для самого Николая Ивановича, инспектора. Николай Ивановичъ, въ сатирическихъ упражненіяхъ на счетъ чахлаго Мосейки, силу проявлялъ чисто щедринскую. Передъ такой силой маленькій Пасхаловъ, скрѣпя сердце-пассовалъ, но съ гимназистами, какъ бы велико ихъ юмористическое дарованіе ни было, кулакъ его справлялся довольно успѣшно.

Мосейка, когда былъ въ четвертомъ классѣ, заболѣлъ злокачественной лихорадкой и умеръ. Смерть эта, „несправедливая смерть“, произвела на Пасхалова огромное впечатлѣніе. Она разбудила въ немъ мысль и встревожила сердце.

... Тихо колыхались черныя носилки съ маленькимъ тѣломъ, скорбно молился за упокой души сѣденыій канторъ съ блѣднымъ лицомъ, дождь моросилъ, и смоченные имъ, убитые и жалкіе, шли Абрамъ и Хана.

И причитанія ихъ бились такъ горестно, такъ страшно, и такъ безумно дрожали среди нихъ рыданія Пасхалова...

Нѣтъ Мосейки, нѣтъ Мосейки...

Окончится день, и ночь наступитъ, другой потомъ начнется день, и снова будетъ ночь, много ихъ будетъ и ночей, и дней; много новыхъ дней, солнечныхъ, радостныхъ, добрыхъ; и ночей такъ будетъ много, теплыхъ, глубокихъ, ароматомъ весны и тихою тьмой напоенныхъ ночей, — все это будетъ, все это будетъ, и слезы будутъ, и смѣхъ, и страданіе, и радость, будетъ все, будетъ все, — но не будетъ Мосейки...

Гдѣ же Мосейка?.. Гдѣ улыбка его, звукъ его голоса, блескъ грустныхъ, задумчивыхъ глазъ?..

Тамъ? Вверху? Въ небѣ?..

Пусто небо, небо пусто...

Отчего смерть? Отчего умеръ Мосейка? Отчего былъ онъ такой печальный и слабый? И отчего у него не было своихъ коньковъ? Отчего жилъ онъ на смрадномъ болотѣ, гдѣ лихорадка? Отчего говорятъ „жидъ пархатый“? Отчего говорятъ „мужицкое хайло“? И отчего лицо у мужика и на самомъ дѣлѣ грубое и неприятное, а не такое, какъ у отца благочиннаго, или у инспектора Николая Ивановича?

Къ пусканію змѣевъ, къ катанью на конькахъ мальчикъ сталъ охладѣвать. Книга звала, томила мысль.

Бойкій, веселый, беззаботный шалунъ - мальчикъ сталъ превращаться въ юношу, вдумчиваго, трепетно-ищущаго.

3.

Къ Абраму Федоръ Павловичъ не переставалъ питать доброе, теплое чувство. И когда студентомъ прѣзжалъ домой, всегда заходилъ къ сапожнику повидаться и поговорить. Говорили о печаляхъ жизни, о тяготахъ ея, о сумракѣ и боли существованія. Рыжий сапожникъ гулко постукивалъ кривымъ молоткомъ по подошвѣ зажатаго межъ колѣнями сапога, торопливымъ движеніемъ рукъ вытягивалъ въ обѣ стороны длинную дратву, а гость смотрѣлъ на него глазами грустными, какими-то далекими, и говоря о другомъ, думалъ о Мосейкѣ. И всегда онъ былъ печаленъ, и всегда тосковалъ. И когда разгорался споръ, голосъ стараго, тщедушнаго, измученнаго сапожника звучалъ бодрѣе и съ большей вѣрой, чѣмъ рѣчи молодого студента...

Жизнь Паскалову представлялась страшной и темной, полной пугающихъ тайнъ и жестокой неправды. И такой казалась неправда всевластной и непобѣдимой,

что выхода изъ нея онъ не видѣлъ. Онъ вступилъ съ ней въ борьбу, пошелъ по революціонной дорогѣ, на ней потерялъ свободу, и очутился въ Колымскѣ... Оттуда привезъ ревматизмъ, первые симптомы болѣзни сердца, и тоску и безвѣріе, еще болѣе глубока...

Когда случалось ему проходить по нищему еврейскому кварталу, на краю гнилого болота, или когда сидѣлъ онъ въ смрадной коморкѣ стараго сапожника и слушалъ его странныя рѣчи,—о Богѣ, о правдѣ, о борьбѣ,—рѣчи, такъ сильно напоминавшія юношескія вдохновенія сестры Натальи,—еще темнѣе становилось въ его душѣ, еще больше охватывало его смущеніе, онъ терялся окончательно, и уже совсѣмъ переставалъ понимать, какъ могутъ люди жить—жить и вѣрить,—когда мѹка такъ безумно велика, когда длится мѹка такъ безумно долго, когда и далекимъ отсвѣтомъ правды ни на мигъ не озарятся ихъ дни... Стоны, слезы, жертвы безкровныя, жертвы кровавыя,—за что?.. И если все-таки волнуетъ мысль о небѣ, объ его законѣ и свѣтлыхъ призывахъ, то что же это: милость безмѣрная, приносящая свѣтъ облегченія, или, напротивъ того, злое проклятiе, которое лишнія борозды горечи выжигаетъ въ истерзанномъ мѹкою сердцѣ?..

Въ прошломъ году Федоръ Павловичъ пріѣхалъ въ родной городъ, уже врачомъ, чтобы въ больницѣ занять мѣсто ординатора. По обыкновенію, онъ пошелъ повидаться съ Абрамомъ, и изъ разговоровъ съ нимъ случайно узналъ, что тотъ думаетъ свою дочь сдѣлать врачомъ.

— Что, у ней плохія способности?..—горделиво шурысь, съ задоромъ спросилъ сапожникъ.—Хороши плохія, когда всегда съ первой наградой... „Герои Греціи“!—торжествующе поднялъ онъ кверху указательный палецъ.—Въ кожаномъ переплетѣ, „Герои Греціи“!.. И всѣ учителя подписались. И вашъ папаша

тоже подписался: „законоучитель, протоіерей Павелъ Пасхаловъ“...

Федоръ Павловичъ освѣдомился, гдѣ Абрамъ возьметъ средства, и сапожникъ объяснилъ, что у него „есть плавъ“. Нуженъ основной капиталъ, онъ уже обращался за ссудой къ аптекарю Померанчику, который доводится „роднымъ шурыкомъ“ больной Ханѣ. Но Померанчикъ—„вы же сами знаете, какой ристократъ и свинья“,—Померанчикъ отказалъ. Онъ даже не хочетъ признаваться, что онъ еврей, и Абрама выгналъ вонъ. Однако, все это ничего, деньгами можетъ быть согласится ссудить ростовщикъ Цыпоркесъ.

— Ссудить-то онъ ссудить, но воѣ соки изъ васъ высосеть,—замѣтилъ Пасхаловъ.

Подумавъ, онъ прибавилъ, что теперь у него денегъ нѣтъ совсѣмъ, и онъ у матери беретъ на папирсы. Но вотъ, скоро онъ получитъ мѣсто, и тогда наладить торговлю Абрама будетъ очень легко, онъ поможетъ.

... Въ началѣ осени башмачный рядъ обогатился новымъ архитектурнымъ украшеніемъ,—тѣмъ самымъ огромнымъ сѣрымъ рундукомъ съ бѣлыми и красными рейками, который Абрамъ оглядывалъ сегодня и ощущивалъ съ такой тоской и страхомъ...

Въ періодъ безработицы сапожникъ обошелъ весь городъ, навѣстилъ и прилегающія къ нему деревни, и накупилъ тамъ цѣлую гору рваной обуви. Всю ее починилъ, подновилъ, смазалъ дегтемъ, рыбьимъ жиромъ, и съ большимъ вкусомъ размѣстилъ на полкахъ вертикально устанавливавшейся крышки рундука. Дѣло пошло. „Магазинъ“ Абрама, гдѣ по очень пріятной цѣнѣ можно было приобрести „самый подходящій, почти совсѣмъ новый и замѣчательно прочный обувъ“, отвѣтилъ, какъ оказалось, живой и настоящей потребности, и въ короткое время обратилъ на себя участливое вниманіе весьма многочисленной публики.

Жизнь Абрама съ этой поры пошла совсѣмъ по иному и онъ чувствовалъ себя однимъ изъ счастливейшихъ гражданъ города и государства.

— Это ради Розочки послалъ мнѣ Богъ такое счастье,—съ горячностью, убѣжденно поясняя онъ Пасхалову.—Вѣдь, посмотрите сами: задумалъ я ее учить, и аккуратъ сейчасъ пришло мнѣ въ голову открыть торговлю... Двадцать же лѣтъ я хожу около сапогъ,—и только починалъ. А чтобы торговать обувомъ, я догадался только теперь... Потомъ Господь мнѣ васъ послалъ, и вы дали мнѣ пѣмочь... Это не для меня, это все для Розочки Богъ дѣлаетъ!

И таинственнымъ, внушительнымъ шопотомъ онъ прибавлялъ:

— Бо Розочку Богъ любить... И таки оттого у ней на рукѣ шесть пальцевъ.

— Пальцы тутъ при чемъ?

— А такъ, знаете, люди говорятъ,—и може оно такъ гдѣ-нибудь и написано,—что если у кого шесть пальцевъ, такъ это человекъ счастливый... Да теперь это же и видно! Богъ ей поможетъ. Ее Богъ любить. И ужъ Розочка будетъ счастливая, а не будетъ терпѣть такія униженія и голодъ, какъ ея родители!

V.

1.

Въ больничномъ дворѣ было подобіе садика. Красивую деревянную рѣшетку, которою онъ нѣкогда былъ обнесенъ, растаскали давно, и теперь отъ нея оставалось только нѣсколько расшатанныхъ столбиковъ. За столбиками стояли огромныя, старыя акаціи, два-три клена, и тянулся длинный рядъ роскошныхъ кустовъ сирени. О разореніи этихъ кустовъ не мало заботи-

лись и люди, и принадлежавшія имъ домашнія животныя,—куры, кони, козы,—но буйнаго роста сирени ничто остановить не могло, и она пышно раздалась и вверхъ и внизъ. Лѣтомъ, когда она одѣвалась сочной листвою, кусты образовывали плотную, толстую изгородь, сквозь которую ничего нельзя было разглядѣть. Теперь листья были желты, умирали, многіе лежали уже на землѣ, и сквозь густой переплетъ оголившихся тонкихъ вѣтвей было видно, какъ у прачешной, на солнцѣ, грѣется кучка больныхъ.

Высокій, молодой человекъ, костлявый, съ интеллигентнымъ лицомъ, съ длинной шеей и узкимъ носомъ, сидѣлъ на перерѣзѣ, свѣсивъ ноги, и сумрачно глядя на свои холщевые чулки, на огромныя, аляповатыя туфли, какія бываютъ только въ больницахъ, глухимъ, однотоннымъ голосомъ, точно упрямо дразня кого-то, гудѣлъ:

— А не выпишутъ... А вотъ увидите, что не выпишутъ... Не выпишутъ...

И въ отвѣтъ на эти слова брюхатый, съ вздутыми, бѣлыми какъ тѣсто щеками, кудрявый и тщательно расчесанный буфетчикъ Стрункинъ, въ радостномъ раздраженіи, скороговоркой взвизгивалъ:

— Да отчего жъ не выпишутъ, я бы радый знать, отчего?

— Говорю—не выпишутъ,—и не выпишутъ.

— Много очень воображаете себя!.. Вотъ хоть и служите контролеромъ, ну понятія никакого нѣту.

Стрункинъ широко разставилъ ноги, подбоченился, и оба толстыхъ пальца засунулъ за поясокъ халата. Поясокъ отъ этого оттянулся книзу, и толстое брюхо буфетчика, и широкій, круглый, какъ у женщины, тазъ его обрисовывались четко, выпукло.

— Не выпишутъ,—коротко, отрывисто, точно лая, повторилъ контролеръ, тихо шевеля лѣвой ногой и

угрюмо слѣдя за движеніемъ ея тѣни на клепкахъ перерѣза.

— Еще какъ выпишутъ!

Стрункинъ презрительно отвернулся. И адресуясь къ другимъ больнымъ, продолжалъ:

— Сколько угодно выпишутъ... Сдѣлайте ваше одолженіе!

Подошелъ сѣдобородный старичокъ. Онъ былъ такой тощій, маленькій и измученный, что сзади его можно было бы принять за мальчика. Лицо у него было узенькое, все изсѣченное рѣзкими морщинами, а цвѣтомъ, желтовато-сѣрымъ, оно походило на тѣ умершіе листья сирени, которые толстой пеленой лежали у кустовъ. Подъ лѣвымъ ухомъ у старика выступала огромная раковая опухоль. Она вѣдрилась очень глубоко, захватила и горло, и потому голосъ больного звучалъ хрипло, гнусаво.

— А на что ему выписываться?—спросилъ старикъ.

— Какъ на что?..—Стрункинъ быстро, точно его сзади дернули, обернулся къ старику.—Думаешь, Спиридонъчъ, какъ ты вотъ до больницкаго харчу привалился, и никакъ тебя отъ него не отдерешь, такъ вродѣ тебя всѣ?

— „Больницкій харчъ“,—съ напряженіемъ прохрипѣлъ Спиридонъчъ.—Чудило!.. Мнѣ на землѣ одна недѣля ходу осталась, а ты „харчъ“!

Стрункинъ скорчилъ вдругъ рѣзкую гримасу и сталъ фыркать носомъ: когда старикъ говорилъ, изъ рта его, изъ разсѣденнаго болѣзнью гнилого горла, вырывался такой отвратительный, густой смрадъ, что, казалось, лежитъ тамъ и шевелится давно ужъ разложившаяся, липкая падаль...

— А его не выпишутъ!..—не мѣняя лающего тона и не отрывая хмурыхъ глазъ отъ медленно качавшихся на кончикѣ пальцевъ туфель, проворчалъ контролеръ. Стрункинъ на него и не взглянулъ.

— Лежить тутъ кольки времени, поправился вполнѣ,—говорилъ онъ, обращаясь къ Спиридоничу и къ тѣмъ, кто стоялъ подлѣ него:—ну главная причина, жидовъ непремѣнно будутъ бить, распоряженіе есть,—чего жъ ему здѣсь сидѣть?

— Ты читалъ распоряженіе?—спросилъ изъ-за спины Спиридонича щекастый, рябой парень.

— Читалъ. И тебѣ, дураку, прочитаю! Подъ подушкой у меня три военныя прокламаціи, сейчасъ могу дать... Въ военномъ штабѣ и напечатаны. Потому, какъ соборъ жиды взорвали въ Москвѣ, и есть у нихъ теперь общество такое, такъ и называется „Бунтъ“, противъ всѣхъ чтобы бунтовать. Само начальство уже не поладить съ ими, и разрѣшено истреблять. Сейчасъ по всѣхъ городахъ ихъ рѣжутъ!

— Пойдешь жиды бить, а между прочимъ самого въ арестантскія роты закутаютъ,—лѣниво проговорилъ щекастый парень, стоявшій въ сторонкѣ, прислонясь къ стѣнѣ. И лицо его сдѣлалось скучнымъ и хмурымъ.

— Да какимъ же способомъ закутаютъ, овечья ты голова? Какимъ? Когда штабсъ-капитанъ Тугариновъ самъ все дѣло строить. Да надзиратель Конопатный... Вчерашняго числа до меня Ванька-пѣвчій приходилъ провѣдать, который чемоданщикъ, который съ Херсону...

— Съ Аксюткой который?..

— Ну да, этотъ самый, съ Аксюткой... Такъ рассказывалъ: собралъ штабсъ-капитанъ народъ, и все чисто объясняетъ. Кому леворверъ, кому ножъ, или дубинку...

— А Конопатный?..

— И Конопатный... Смѣло, говорятъ, жидовъ рѣжь, они противъ Россіи и манифестъ жидовскій выпустили. Свободы себѣ хотятъ, чтобы грабить свободно было.

— Жидь, — онъ тебѣ всегда до безпокойства охотникъ,—угрюмо процѣдилъ щекастый парень.—Газета у него, пѣсни поетъ... разговоры... Ты молчи!—злбно вскрикнулъ онъ, вдругъ отдѣляясь отъ стѣны.—Я мо-

жетъ лучше тебя знаю, какъ мнѣ съ голодухи брюхо разворачиваетъ, да какъ меня по мордѣ стучаютъ. Ну ты, жидюга, молчи!.. Не безпокой ты меня.

И снова привалился спиной къ ярко освѣщенной стѣнѣ.

Стрункинъ, хромая, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и лицо его исказилось гримасой острой боли. Обѣими руками онъ схватился за нижнюю часть живота...

— Эхъ, да и... — онъ выругался длинной матерной бранью.—Совсѣмъ я безъ движенія сдѣлался... А какъ бы не испортила мнѣ болѣзнь галопу моего,—сейчасъ я бы первымъ до Конопатнаго кинулся.

— А грѣхъ вѣдь это,—отозвался Спиридонъчъ.

— Жида рѣзать?.. Эх-ха!.. Грѣховъ, дѣдушка, все равно уже много накопили, черезъ торбу сыплется. Хошь теперь ты цѣльный день молись, да поклонь клади, все равно рядомъ съ Богомъ на томъ свѣтѣ не посадятъ.

— Грѣхъ, когда одного,—опять отозвался щекастый паренъ,—а съ полсотни ежели по башкѣ тарарахнутъ, такъ это въ самый разъ... Ой мамене,—ой татене! амишигине, нападеніе!..—подражая дѣтскому голосу, взвизгнувъ онъ вдругъ и громко разсмѣялся; и широкія рябья щеки его при этомъ такъ и запрыгали и затряслись.

Почему смѣялся, и что собственно означали сказанныя имъ слова, не понималъ онъ самъ, и не знали и собесѣдники. Но смѣхъ его былъ такой веселый и раскатистый, и на душѣ у всѣхъ было такъ приятно и солнечно, что хоромъ расхохотались и другіе. А восхищенный Стрункинъ въ непобѣдимомъ приливѣ отеческой ласковости „смазалъ“ вдругъ парня ладонью по головѣ, по бѣлому полотняному колпаку, и лихо тряхнувъ кудрями, поощрительно сказалъ:

— Ну стерва же и скажетъ же!.. Всегда вѣдь скажетъ!..

И потомъ, когда смѣхъ прекратился, понизивъ голосъ и мечтательно уставившись вдаль, онъ протянулъ:

— Добра сколько наберешь.. И одежи, и часовъ, и разныхъ разностей.. На всю жизнь поправиться можно

— А можетъ и не грѣхъ, — нерѣшительно, задумчиво, и какъ бы про себя, пробормоталъ Спиридонъ, обдавая всѣхъ новою волною запаха падали. — Христа вѣдь они распяли.

— Этого я, ежели желаете знать, и не видалъ, — визгливо подхватилъ Стрункинъ: — ну только, если могу я при безпорядкѣ большую выгоду себѣ имѣть, такъ что тамъ, ей-Богу, „грѣхъ, грѣхъ“...

— Противъ царя они, противъ начальства...

— И это мнѣ тоже безъ надобности!.. Нехай ему чортъ, твоему и начальству. Овца волку не заступникъ. А главная причина, что погулять можно даже очень хорошо.

— А его не выпишутъ, — мрачно, со злобой процѣдилъ контролеръ.

Стрункинъ быстро повернулся и оглядѣвъ его съ выраженіемъ брезгливаго нетерпѣнія, нараспѣвъ и какъ-то особенно вразумительно, сказалъ:

— Ну и чего вы причепились? скажите вы мнѣ ради Бога! Думаете, люди не понимаютъ?.. Завидки берутъ, что самому на погромъ нельзя, вы и гавчете, какъ собака тая... Нехорошо-жъ это! — отцовски-наставительно добавилъ онъ: — человекъ погулять желаетъ, хотится ему въ погромѣ свое участіе принять, ну и пускай! Чего вякать?..

— Самъ не могу, такъ и другому не хочу, — подмигнулъ щекастый парень.

— А я вотъ, видите, ужъ не такъ, — благородно пріосанившись, съ какимъ-то женскимъ жеманствомъ объявилъ Стрункинъ: — у меня, знаете, такой характеръ, что пускай мнѣ и ничего не будетъ, пускай мое

потерпѣть, ну другому,—онъ поднялъ кверху указательный палецъ и секунду помолчалъ,—другому дай Богъ всегда хорошаго!

Контролеръ съ ненавистью оглядѣлъ собесѣдниковъ. Стрункинъ—хорошій психологъ—совершенно правильно разгадалъ тайныя пружины, двигавшія этимъ „не выпишутъ“. Разоблаченный контролеръ былъ золъ, чувствовалъ себя сбитымъ, сраженнымъ, и споръ продолжать уже не хотѣлъ.

— Докторъ вонъ онъ стоитъ, — проворчалъ онъ сквозь зубы и тихо сползъ съ перерѣза.

Больные встрепнулись. Всѣ быстро повернули головы къ кустамъ, за которыми, прислушиваясь къ разговору, стоялъ Пасхаловъ. И потомъ, толкая другъ друга и торопясь, направились въ палаты. Стрункинъ тащился позади всѣхъ, хромалъ, тяжело переваливался съ ноги на ногу, и правой рукой поддерживалъ свой вислый, больной животъ. При каждомъ шагѣ онъ съ шумомъ втягивалъ сквозь зубы воздухъ,—точно пилъ очень горячій чай,—и на припухшее, дряблое, бѣлое, какъ тѣсто, лицо его ложилось выраженіе рѣзущей боли.

— Терпѣть не люблю, когда кто прохвостъ, — послалъ онъ вдогонку контролеру.

2.

Федоръ Павловичъ по длинному, прямому корридору прошелъ въ больничный кабинетъ, —большую, высокую и очень опрятную комнату. Стѣны ея были выкрашены въ сизоватый цвѣтъ, и наверху, гдѣ начинался бѣлый карнизъ, шла узкая синяя полоска. Противъ большого продолговатаго стола, близко у окна, стояла желѣзная койка съ двумя тощими подушками, съ бѣлымъ клеенчатымъ покрываломъ. Надъ ней, на

полукруглой полочкѣ, высилась большая бутылъ съ сулемой; резиновая кишка съ чернымъ наконечникомъ-краномъ, вдѣланная въ бутылъ, падала прямо внизъ, глянцевиная чернота наконечника рѣзко выдѣлялась на бѣлизнѣ клеенки, и казалось, что это сползаетъ молодая змѣя съ черной головой...

Въ этотъ кабинетъ приходили „перевязочные“, садились или ложились на койку, имъ дѣлали разрѣзы, прижиганія, уколы, промывали сулемой раны и мѣняли перевязки. Все здѣсь было очень чисто, блестяло и сіяло, но впечатлѣніе отъ комнаты было безрадостное, тревожное. Что-то подозрительное и отталкивающее было въ чрезмѣрной чистотѣ пола, мысли объ ехидномъ предательствѣ рождала сверкающая, съ виду такая милая, бѣлизна подушекъ на койкѣ, и самый солнечный свѣтъ, обильно вливавшійся въ широкія окна, казался недобрымъ, фальшивымъ, а яркіе блики его на стеклѣ и на металлѣ инструментовъ были какъ застывшія вскрикиванья больного...

„Тарарахнуть полсотни по башкѣ,—думаетъ Федоръ Павловичъ, уставившись на бутылъ съ сулемой.—Какъ все это просто... удивительно просто!..“

Пасхаловъ давно уже, и много разъ, спрашивалъ себя, какъ можетъ превратиться въ громилу мирный и безобидный обыватель, въ обычной жизни своей такъ мало похожій на убійцу и грабителя.. Вотъ Трохимъ, подворотній въ больницѣ, или церковный сторожъ Панченко, или звонарь Артамонычъ, или Акимъ Лаврентьевичъ, фельдшеръ... Люди смиренные, спокойные, даже, пожалуй, кроткіе,—а придетъ моментъ, станутъ грабить, ломать, уничтожать чужой, пѣтомъ и кровью добытый скарбъ, станутъ избивать... Что-то дикое, невѣроятное, совершенно неправдоподобное. И если бы не было цѣлыхъ десятилѣтій страшнаго опыта, не повѣрилъ бы онъ этому, не повѣрилъ бы ни за что,

какъ не повѣрилъ бы, что человѣкъ можетъ обратиться въ пантеру, въ ястреба голубь...

Пытался онъ заговорить о погромахъ со звонаремъ Артамонычемъ, съ фельдшеромъ Небеснымъ, но разговоръ выходилъ неловкій, натянутый, и собесѣдники его сразу становились скрытными, неискренними, прямо лживыми. Федоръ Павловичъ вообще не умѣлъ вести „умышленный“ разговоръ, и оттого, въ періодъ своей революціонной дѣятельности, никогда не занимался агитаціей въ народъ... И ужъ больше о погромахъ, и вообще объ еврейхъ Пасхаловъ въ эти дни не говорилъ... Выслушивать же, мимоходомъ, доводилось отъ разныхъ лицъ многое, и почти все, что слышалъ онъ, отличалось либо холоднымъ равнодушіемъ, либо безсердечностью, тупою дикостью и жестокостью,—и онъ отъ этого сильно волновался и страдалъ.

До сихъ поръ Федоръ Павловичъ не дѣлалъ никакого различія между двумя націями: еврей, русскіе,—это какъ два сорта вина, влитые въ одинъ бокаль. Теперь два твердыхъ предмета лежало рядомъ и не соприкасаясь. И себя онъ теперь русскимъ чувствовалъ особенно сильно, и когда душа его, отъ встававшихъ въ ней картинъ предстоящихъ ужасовъ, содрогалась особенно мучительно, въ немъ вспыхивала вдругъ мысль, что было бы легче, если бы онъ былъ нѣмцемъ, французомъ, туркомъ...

— Надо начинать,—подумалъ Пасхаловъ.

Онъ снялъ пиджакъ и галстукъ, и поверхъ жилета надѣлъ бѣлый, сильно пахнувшій хлоромъ халатъ.

— Надо позвать больныхъ,—опять сказалъ онъ себѣ.

Но больныхъ не позвалъ... Что-то разсѣянно перебирая и разставляя въ шкафу, онъ смотрѣлъ усталыми глазами въ окно и думалъ,—все о томъ, о прежнемъ...

8.

И здѣсь, въ больницѣ, въ домѣ страданія и смерти, и здѣсь мечтають о томъ, чтобы причинить страданія и смерть другимъ. „Тарарахнуть по башкѣ... полсотни тарарахнуть... это не грѣхъ“... И всѣ весело смѣются... И если бы Арина Петровна очутилась въ больничномъ дворѣ, она тоже смѣялась бы, вмѣстѣ со всѣми... „Когда бьютъ, значить есть за что“,—говорила она вчера за обѣдомъ. — „Меня вотъ не бьютъ же“... Отецъ Павелъ смотрѣлъ на нее грустно, укоризненно качалъ головой, и обсыпая горячей кашей лежавшей передъ нимъ на синей тарелкѣ большой кусокъ масла, задумчиво говорилъ, что „сами же мы первые враги внутренняго спасенія нашего“...

— Понесъ уже!.. Ты ѣшь!

— Ну какъ ты, право, разсуждаешь—„ѣшь“...—запротестоваль старикъ. — Господь вручаетъ духовному водительство моему паству...

— Вручаетъ, и слава Богу,—бросая косою, тревожный взглядъ на сына, и подавляя раздраженіе, вскрикнула Арина Петровна.

О. Павелъ началъ доказывать, что „если вручена ему, какъ бы сказать, обширная и тернистая нива, для воздѣлыванія коей требуется усиленное напряженіе физическихъ и душевныхъ силъ, и что ежели видны всюду скорби, и слышны воздыханія, то не въ правѣ развѣ онъ спросить: жестокая расправа съ иновѣрными, расхищеніе ихъ имущества и эти убійства не свидѣльствуютъ ли о забвеніи мздовоздаятеля Бога, о попраніи заповѣдей и отсутствіи христіанскаго чувства?“

Глаза у о. Павла задумчиво-печальные, голосъ задушевный, трогательный, и отъ всей небольшой фи-

гурки стараго священника вѣтъ блѣдною грустью, и наивно, тихою важностью...

А Ирина Петровна бросаетъ свою вилку на блюдо и, сверкнувъ глазами, вскрикиваетъ:

— И что ты такое плетешь, вотъ ужъ ей-Богу ни къ чему это!..

На Рождество купила Арина Петровна у еврейки пару индѣекъ, та давала сдачу и всучила оловянный полтинникъ. Больше мѣсяца носиться съ нимъ пришлось, пока удалось наконецъ сплавить его стекольщику. Житья нѣту!.. Манифестъ, красные флаги, пѣсни по улицамъ орутъ... Свобода!.. Несвободно имъ въ Россіи, пусть идутъ гдѣ свободнѣе.

— И неразумную тварь жалѣть надо, — грустно говорилъ старикъ,— а тутъ по образу Божію...

Арина Петровна ужъ не возражаетъ. Лучше молчать. Скорѣе кончится... Она поджимаетъ губы и бросаетъ на мужа такой взглядъ, что каша его уже не лѣзаетъ ему въ ротъ и начинаетъ сыпаться назадъ, на бороду...

... „Тарарахнутъ полсотни“, — мысленно повторялъ теперъ Пасхаловъ, вспоминая разсужденія матери.— Арина Петровна сама не „тарарахнетъ“. Но если принести ей съ погрома голову сахару, или шубу какую-нибудь, или новый коверъ—возьметъ...

Пасхаловъ подошелъ къ окну и открылъ его. Легкая, вѣжная прохлада обдала его лицо, точно молча коснулся его тонкій шелкъ. Въ желтѣвшихъ кустахъ сирени пѣла одинокая птичка, и наивно, и печально звучали нехитрыя колѣна однообразной трели. Птички не было видно, но почему-то казалось, что она непременно должна быть очень маленькой, что головка ея склонена набокъ, что круглымъ, темнымъ глазкомъ она смотритъ вверхъ, въ небо. Смотритъ въ небо и поетъ... Воалѣ прачешной, въ солнечной полосѣ, протянувъ впередъ мохнатыя лапы, грѣлся Дружокъ. Осеннія мухи надо-

Вдали ему, онъ досадливо морщилъ носъ, билъ себя хвостомъ и то и дѣло вскидывалъ кверху ушастую голову, стараясь изловить зубами летавшихъ въ воздухѣ обидчиць...

Когда взглядъ Федора Павловича упалъ на Дружка, тихая улыбка заиграла вдругъ на яркихъ губахъ доктора. Вспомнилась исторія съ Кочетковымъ, гнавшимся за собакой, вспомнились ясные, голубые глаза мальчика и сдавленный стонъ его: „курицу жалко“...

— Эхъ ты,—тихо проговорилъ Пасхаловъ, весь затопленный внезапно нахлынувшимъ, милымъ, ласковымъ чувствомъ.—Курицу тебѣ жалко...

4.

Вдали, въ глубинѣ корридора, послышались вдругъ чьи-то громкіе крики и частый топотъ ногъ. Крики все приближались, и черезъ минуту въ дверяхъ кабинета показался фельдшеръ Небесный.

— Федоръ Павловичъ!.. Это жъ такъ невозможно... Это же настоящее разбойство такъ дѣлать!..

Бритое, толстое, аляповатое лицо фельдшера выражало глубокое, беспросвѣтное отчаяніе.

— Развѣ негативы мѣшаютъ!..—плаксиво вопилъ Небесный.—Кому отъ нихъ препятствіе?.. А только онъ безобразіе дѣлаеть... И я вѣдь его никогда не трогаю.

Всхлипывая, причитая, оправдываясь и защищаясь, призывая свидѣтелей, ссылаясь на очевидцевъ, Небесный кое-какъ разсказалъ про свою бѣду. Онъ снималъ семейство податного инспектора, при вспышкѣ магнія, снимки удались какъ нельзя лучше,—конечно, въ Петербургѣ, можетъ быть, и лучше сдѣлають, только тоже не всякій,—негативы—шесть штукъ—были, какъ слѣдуетъ, промыты и поставлены для просушки на солнышкѣ, около прачешной, около стѣночки, а

подворотнѣй Трохимъ, такая подлюка, арестантъ, взялъ и сапожищами на негативы и сталь. Нарочно на всѣ шесть...

— Всѣ стекла раздушилъ,—съ удовольствіемъ подтвердилъ кто-то изъ собравшихся у дверей больныхъ. И веселый смѣхъ покотился по корридорѣ.—Раскрошилъ стекла, все равно, какъ махорку...

— Я скажу Трохиму,—заявилъ Пасхаловъ.—Позовите-ка перевязочныхъ.

Перевязочные—ихъ было человѣкъ двѣнадцать—стояли уже въ корридорѣ, за дверь. Услышавъ, что ихъ зовутъ, они вошли. Большинство было въ халатахъ, два-три человѣка въ одномъ бѣльѣ.

— Асвадуровъ, хотите первымъ?—спросилъ Пасхаловъ.

На койку сѣлъ высокаго роста человѣкъ, очень худой, очень черный, повидимому армянинъ. Вся голова его была обмотана бѣлыми бинтами и ватой и казалась странно-огромной. Онъ вѣроятно испытывалъ острую боль,—а можетъ быть только боялся, что боль придетъ,—и глаза его смотрѣли мрачно, а зубы были крѣпко стиснуты...

— Который младенецъ, которому три дня отъ роду, куколка, и тотъ болѣеть... Почему такъ?..—говорилъ въ дверяхъ старикъ Спиридонъчъ, наполняя кабинетъ густымъ смрадомъ падали.

— Потому какъ болѣзнь не разбираитъ,—поспѣшно объяснилъ Стрункинъ:—и до стараго она, и до малаго, и туды, и суды, сквозь ищетъ, сквозь пролазитъ...

— Бодрѣе, Асвадуровъ,—мягко, успокоительно говорилъ Федоръ Павловичъ, осторожно разматывая бинты на головѣ больнаго.—Не волнуйтесь такъ. Сегодня и промывать не ставу, не будетъ больно... А вотъ и Тихонъ пришелъ,—съ дружелюбной улыбкой добавилъ онъ:—поможетъ мнѣ... Сегодня вамъ совсѣмъ не будетъ больно...

Въ кабинетъ, проталкиваясь между больными, вошелъ Кочетковъ. У него было широкое, скуластое, розовое лицо, синіе глаза и очень густые бѣлокурные волосы. Проборъ надъ лѣвымъ ухомъ разбивалъ ихъ блѣдно-золотистую массу на двѣ неровныя части: одна, меньшая, падала прямо книзу, прикрывая ухо до половины, другая шла наискось, черезъ лобъ, къ краю темной, бойко очерченной брови. Голова мальчика откинута была назадъ, и подъ широкимъ, сильнымъ подбородкомъ ласково бѣлѣла такая же сильная, еще свободная отъ кадыка, нѣсколько женственная шея.

— Здравствуй, Тихонъ,—привѣтствовалъ его Пасхаловъ. И точно лучъ прошелъ по лицу доктора.—Какъ дѣла?

— Дѣла ничего, слава Богу,—мило улыбаясь, отвѣчалъ мальчикъ.

— Тишкины дѣла отличныя,—отозвался кто-то изъ больныхъ.

Голосъ былъ веселый, дружелюбный, чувствовалось, что говорившій радъ за „Тишку“ и радъ заявить объ этомъ во всеуслышаніе.

— Будемъ дѣлать перевязки?

— А какъ же?.. Будемъ...

Федоръ Павловичъ любилъ пользоваться помощью Кочеткова. Направляя на рану струю сулемы, или бинтуя изъязвленную опухоль, Тихонъ выказывалъ такую изящную ловкость, столько нѣжной осторожности и любовнаго старанія, что даже фельдшеръ Небесный, весьма почтительно относившійся къ собственнымъ качествамъ и къ своему умѣнью, охотно отдавалъ пальму первенства молодому сопернику, и не разъ мысленно говорилъ себѣ, что хорошо бы его сфотографировать,—„сейчасъ, вотъ, какъ онъ Степанчуку нарывъ прижигаетъ“... Тихонъ, нагнувшись къ ранѣ, осторожно, но рѣшительно и быстро счищаетъ съ нея зеленоватый гной, нажимаетъ на нее мокрой ватой;

больной отъ боли весь корчится, вздрагиваетъ, и зубы у него стиснуты. Онъ стонетъ, а иногда кричить, ругается. Тихонъ ласково, нѣжно, какъ-то совсѣмъ по матерински, его успокаиваетъ, утѣшаетъ, говорить смѣшныя слова,—и дѣло свое продолжаетъ,—смѣло, проворно, ловко...

— Чудесный вышелъ бы хирургъ,—останавливая на мальчикѣ задумчивый, любовный вѣгль, мысленно говорилъ себѣ Паскаловъ.—И какая это вообще славная, даровитая натура.

... Кочетковъ взялъ въ руки большой тазъ, нераспечатанную пачку гигроскопической ваты и приблизился къ Асвадуру.

— А вѣдь скоро тебѣ на выписку,—сказалъ Паскаловъ мальчику. И тотчасъ же подумалъ, что скучно станетъ здѣсь безъ Тихона... Неужели же такъ и отпустить его? А почему бы собственно не продолжать съ нимъ встрѣчаться, почему бы не заняться имъ, не сдѣлать что-нибудь изъ него?

— Я, Федоръ Павловичъ, на выписку сегодня хочу проситься.

— Какъ, уже?.. Чего жъ вдругъ?

— Да такъ. — Тихонъ улыбнулся той открытой, свѣтлой улыбкой, которая такъ нравилась Федору Павловичу. Верхній рядъ прекрасныхъ, крупныхъ зубовъ его слегка нажалъ нижнюю губу, а на щекахъ широко раздвинувшихся по сторонамъ, обозначились двѣ продолговатая, неглубокія ямочки.

— И агитаторъ, братъ, изъ тебя тоже отличный вышелъ бы,—улыбаясь подумалъ Паскаловъ...

Кочетковъ былъ общимъ любимцемъ всей больницы. Его баловали здѣсь и нѣжили,—какъ балуютъ младшаго въ семьѣ,—и въ то же время очень уважали. Съ нимъ любили болтать, любили и пугать его, дразнить, шутливо теревить за чубъ, и всѣ разговоры съ нимъ, и всѣ поступки по отношенію къ нему пропитаны были

какою-то особенной лаской и добротой. Когда онъ лежалъ съ залитой въ гипсъ ногой, около койки его сходились больные. Мальчикъ былъ блѣденъ, сильно страдалъ, отъ боли вскрикивалъ, и больные приходили развлечь его, „разбалакивать“. Они угощали его, отдавая гостинцы, которые приносили родные во время посѣщеній, рассказывали ему анекдоты, „разную брехню“, а онъ, когда начиналъ поправляться, въ свою очередь развлекалъ всѣхъ звонкимъ смѣхомъ, ясной улыбкой, рассказами о деревнѣ,—выразительными, яркими рассказами о беспокойной, голодной землѣ... Нѣсколько разъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ аграрныхъ волненій; во время бунта у него на глазахъ засѣкли до смерти его дядю, а брата, тоже избитаго, увезли, судили и отправили въ арестантскія роты.. Когда Тихонъ рассказывалъ объ этомъ, ясные, синіе глаза его зажигались злобой, голосъ звучалъ гнѣвно, почти яростно; хмурыми становились больные, хмурыми и взволнованными, и на мальчика они смотрѣли съ уваженіемъ и съ тревогой... О скорби своей онъ говорилъ складно, умно,—хоть и высказывалъ порою мысли нелѣпныя и дикія; его рѣчь колыхала и подымала слушателей, и уже казалось, что не онъ младшій среди нихъ, что онъ—учитель и наставникъ...

— Это не резонъ, что скучно,—проговорилъ Федоръ Павловичъ, осторожно разматывая бинты на головѣ Асвадунова,—ты до конца мѣсяца собирался пробыть.

— Раньше думалъ... А теперь скушно. Выйти хотится.

— И онъ говорить „хотится“,—подумалъ Паскаловъ, смутно припоминая, что недавно,—кажется, вотъ сейчасъ, сейчасъ только,—еще кто-то на такой же точно ладь коверкалъ слово „хочется“...—„Хотится“...

И вдругъ лицо Федора Павловича какъ бы застыло... Докторъ поднялъ голову и быстро повернулся къ Кочеткову. И руки его, державшія двѣ длинныя волосы

прозрачныхъ марлевыхъ бинтовъ, сперва протянулись впередъ, и затѣмъ медленно опустились книзу... „Хотится... хотится“...

— Когда жъ я совсѣмъ уже здоровый! — Кочетковъ топнулъ залѣченной ногой.— Ничего не болитъ...

— „Хотится“... Это Стрункинъ такъ говорить... „хотится“.

... И даже мысленно не могъ Пасхаловъ докончить фразу, сказать ее цѣликомъ, такъ, какъ произносилъ ее Стрункинъ...

И чернолицый Асвадуровъ, сидѣвшій на койкѣ, и Тихонъ Кочетковъ, и всѣ другіе больные, стоявшіе въ кабинетѣ, всѣ сразу замѣтили, что странное что-то и недоброе творится съ докторомъ...

Онъ поблѣднѣлъ, поблѣднѣли даже яркія, сочныя губы его, онъ скосились на сторону и стали дрожать. Какъ будто страшное, дикое и непонятное видѣніе предстало вдругъ предъ нимъ, предстало и на него навалилось... Голова Федора Павловича ушла въ плечи, плечи нагнулись, и вся фигура его покачнулася, какъ отъ сильнаго и внезапнаго толчка... „Хотится“... „Въ погромъ участіе принять хотится“...

... — Ничего... ничего...—мелькало въ головѣ Пасхалова. — Ничего не случилось... Тутъ Стрункинъ... Мальчика развратилъ Стрункинъ... и другіе... Онъ все же мальчишкѣ еще... Они научили... Они...

Въ кабинетѣ было очень тихо.

Пересталъ стонать боявшійся боли Асвадуровъ, ничего не говорилъ Кочетковъ, стоявшій съ большой чашкой и распечатаннымъ пакетомъ гигроскопической ваты. И другіе больные тоже молчали. Тѣ, которые стояли впереди, потупились... А тѣ, которые стояли сзади, протянули шею межъ плечами товарищей и старались увидѣть...

Стрункинъ же, скрывавшійся между шкафомъ и старикомъ Спиридоничемъ, подавалъ какіе-то сигналы

Кочеткову, что-то ему показывалъ пальцами и, подмигивая, ободряюще моталъ головой.

5.

Когда, около полудня, Федоръ Павловичъ выходилъ изъ больницы, фельдшеръ Небесный тихонько, на цыпочкахъ, слѣдовалъ за нимъ и недалеко отъ воротъ остановился въ радостномъ ожиданіи... Сейчасъ подворотному Трохиму будетъ нагоняй. Здоровый будетъ нагоняй!

Трохимъ, одноглазый, старый хохоль, съ круглой, колючей бородой и подстриженными усами, въ кожухъ и самодѣльной, на боченокъ похожей шапкѣ, сработанной изъ ветхой овчины и остатковъ валенокъ, не торопясь сползъ съ тумбы, на которой грѣлся, и также не торопясь открылъ калитку. Онъ не открылъ ее широко, а только слегка отвелъ и образовалъ щель, такую узкую, что даже тонкій, худой Паскаловъ еле впротиснулся, зацѣпившись обоими боками. Выпустивъ доктора, Трохимъ просунулъ голову въ щель, осмотрѣлъ дремотнымъ глазомъ улицу,—квасню, гдѣ продавались и сѣмячки, и подгнившіе арбузы, двухъ извозчиковъ, ожидавшихъ сѣдока, пьяную бабу, оравшую у винной лавки,—и затѣмъ, съ шумомъ понюхавъ табаку, побрелъ на прежнее мѣсто, на тумбу, залитую тепломъ и свѣтомъ.

Нагоняя не было, и фельдшеръ жалобно поникъ. Всѣ прохвосты, всѣ сукины сыны и жулики!.. Онъ направился въ палаты... Но тутъ послышался стукъ въ калитку. Когда подворотній открылъ, въ ней показался Федоръ Павловичъ.

— Послушайте... пойдите къ фельдшеру... скажите фельдшеру, чтобы... чтобы выписать Кочеткова... выписать его...

Дoктoръ гoвopилъ oтpывиcтo, тopoпливo, вoлнyяcь, нe глядя нa пoдвoрoтнягo, и нa лицъ eгo былъ испугъ. Пoжoжe былo, бyдтo oнъ бoитcя, cаmогo ceбя бoитcя, и бoитcя тoгo, чтo гoвopитъ. Кaждoe cлoвo eгo былo злымъ, cмepтoнoснымъ пaукомъ, и cтpaшнo былo eгo cлышaть, и пpoтивнo былo видѣть, кaкъ бѣжитъ oнo, пoлнoe ядa.

— Пpикaзывaю! — вдpyгъ вcкpикнулъ Пaсxaлoвъ, пoднявъ гoлoвy. — Чтoбы ceйчacъ жe... Пycть идeтъ!.. Ceйчacъ жe!.. И кyдa хoчeтъ.

— Кyдa хoчeтъ, Фeдopъ Пaвлoвичъ, — ycлyжливo взывaгнулъ Нeбecный, пoдбѣгaя. — Кoнeчнo... я ceйчacъ... Пycть кyдa хoчeтъ... Я cю минyтy...

Пaсxaлoвъ мeдлeннo пoшeлъ чepeзъ дopoгy.

— Фeдopъ Пaвлoвичъ! — гopecтнo вcхлипнулъ Нeбecный, yстрeмляяcь зa нимъ. — A чтo жe бyдeтъ?.. a нa cчeтъ тoгo... чтo жe бyдeтъ?..

Пaсxaлoвъ oтaнoвилcя.

— Чтo жe бyдeтъ cъ нeгaтивaми? — въ oтчaянии пpo-кpичaлъ фeльдшepъ.

Съ минyтy Пaсxaлoвъ cмoтpѣлъ нa фeльдшepa, — дaлeкими, зaтyмaнeнными глaзaми... Пoтoмъ пoвepнулcя и пoшeлъ дaльшe.

— Жaлoвaвcя? — cпoкoйнo oсвѣдoмилcя Тpoхимъ y Нeбecнaгo.

— Пoгoдитe, пoгoдитe!.. Ещe вaмъ дocтaнeтcя!.. Ещe вы cвoe пoлyчитe...

Тpoхимъ, нe тopoпяcь, ycѣлся нa тyмбy, нe тopoпяcь, cдвинyлъ cаmoдѣльную, нa бoчeнoкъ пoжoжy, шaпкy къ зaтылкy и, нe тopoпяcь, cъ paзcтaнoвкoй cкaзaлъ:

— Бicoвa ты тapaкyцкa!

VI.

1.

Восемнадцать тысячъ человекъ сдавлено было страхомъ.

Нѣсколько дней ужъ носились ужасные слухи о грозномъ погромѣ въ сосѣднемъ большомъ городѣ, объ избіеніи въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ и мѣстечекъ. Опредѣленнаго знали мало, газеты запаздывали, почти никто въ городѣ не пріѣзжалъ, и нельзя было сказать въ точности, кто именно слухи привезъ. Но слухи множились, ронлись, зловѣщіе, жестокіе, безконечно разнообразясь и видоизмѣняясь; они ползли неотвратимо, какъ тучи ядовитыхъ змѣй, и все покрывали собой, и все мертвили.

Промелькнуло семнадцатое октября... А потомъ страшная правда стала обнажаться, она всѣми ясно угадывалась, и, разгаданная, рождала въ сердцахъ трепетъ предсмертнаго часа.

По всей „чертѣ“ распространился погромный разливъ, онъ вышелъ далеко за „черту“ и затопилъ всю страну. И куда не дошли еще красныя волны, онѣ дойдутъ сегодня, завтра,—дойдутъ непременно, смертоносныя, бурныя, властныя...

И страшась за себя, за тѣхъ, кто былъ поблизости, въ жестокой тоскѣ думали люди о другихъ, о невѣдомыхъ,—о невѣдомыхъ, но родныхъ,—по скорби, по мукѣ, по смерти. О всемъ народѣ думали, о всѣхъ шести милліонахъ обреченныхъ. На югъ обернуться, на сѣверъ, на востокъ и на западъ,—вездѣ, всюду, за много десятковъ верстъ, и за сотни верстъ, вездѣ лежать города, мѣстечки, желѣзнодорожныя станціи, въ нихъ живутъ они, невѣдомые родные, постоянно, отъ дня рожденія до послѣдняго часа несчастные, угнетенные, затравленные. И вездѣ теперь ихъ бьютъ и разоряютъ, и вездѣ рыдаютъ они и стонутъ... Если бы каждый стонъ былъ каплей, а вопли росинкой,—потонула бы безслѣдно земля.

И знали люди: спасенья нѣтъ, выхода нѣтъ, и всѣ раньше происходившія звѣрства—легкая неприятность въ сравненіи съ тѣмъ, что наступаетъ. Идутъ кровавыя волны.

Ненавидя свою слабость и презирая ее, пошли люди къ властямъ,—просить защиты...

. . . . .
. . . . .
. . . . .

. . . . .
. . . . .
. . . . .

2.

Отдавая отчетъ о своей миссиі населенію, депутаты значительно смягчили полученный отвѣтъ. Не хватало духа передать его во всей точности. Наиболѣе же страшныя слова они скрыли совсѣмъ, скрыли въ своемъ сердцѣ, и когти этихъ словъ рвали сердце; а длинныя зубы угрозы вонзались въ него, и въ немъ оставались... Понемногу, однако же, населеніе истину узнало, всю

до конца, и тогда тѣни близкаго безумія стали появляться въ глазахъ. Теперь уже всѣмъ, даже наиболѣе оптимистически настроеннымъ людямъ, стало ясно, что случится самое худшее, что избѣгнуть этого худшаго уже нельзя. Оно придетъ, оно неизбежно, оно раздавитъ, оно уничтожитъ. И хотя знали, что укрыться нельзя, укрыться старались. Странное и дикое бѣгство началось во всемъ городѣ. Кто имѣлъ возможность наскоро упаковывать кой-какія вещи—часто не самое нужное, не самое цѣнное—и неся къ вокзалу. Уже знали, что бѣгутъ на станціяхъ и на вокзалахъ, бѣгутъ въ вагонахъ и въ городахъ вдоль линіи,—и все же бросались на вокзалъ... Многіе съ окраинъ переходили въ центральную часть города, и были такіе, которые изъ центральныхъ кварталовъ бѣжали за городъ... И если совсѣмъ уже некуда было бѣжать, уходили изъ своей квартиры въ квартиру сосѣда,—въ то время, какъ сосѣдъ, покинувъ свой уголь, неся растерянный прочь, ища спасенія въ другомъ мѣстѣ... Безъ плана, безъ мысли, безъ вѣры бѣжали и метались, не зная куда бѣжать, бѣжали, какъ будто въ самомъ процессѣ бѣгства было что-то облегчающее. И такъ широко разлилась эта потребность бѣжать и искать безопаснаго мѣста, что самые спокойные люди, самые разсудительные, какъ ни сдерживали себя и ни убѣждали, при видѣ какъ бѣгутъ другіе, какъ бѣгутъ всѣ, приходили, наконецъ, въ такое невыносимое волненіе, что начинали метаться, кричать и стонать...

Бѣжали. Укрывались. Но вездѣ было страшно, все было страшно. Вездѣ было опасно, все было опасно. Забивались въ сарай,—и страшна была темнота его, и страшень былъ свѣтъ, проникавшій въ щели. Уходили въ погребъ,—и страшно было молчаніе его, и страшень былъ гулъ, доносившійся извнѣ. На чердакъ взбирались,—и страшно было оставаться тамъ, и ясно, такъ отчетливо и ясно видѣли люди, какъ сбрасы-

ваютъ ихъ съ чердака внизъ, головою внизъ, на камни, на топоры, на окровавленные ломы... Вездѣ было опасно, все было опасно. Въ первомъ этажѣ опасно потому, что сюда прежде всего проникнуть громилы. Въ этажахъ верхнихъ опасно потому, что оттуда труднѣе бѣжать. Днемъ опасно потому, что свѣтло и все видно, ночью опасно потому, что темно и ничего не видно. Опасно находиться въ домѣ, населенномъ евреями, — сюда громилы придуть тучей. Опасно оставаться въ домѣ съ жильцами русскими, — тутъ свои же сосѣди изувѣчатъ. Какъ воздухъ есть вездѣ, какъ наполняетъ во время ливня всѣ выбоины дороги вода, такъ вездѣ былъ страхъ, отъ каждаго предмета, отъ каждой мысли, отъ движенія каждаго, и звука. На что ни посмотришь — все рождаетъ одно и то же жестокое и непобѣдимое чувство, чувство растущаго, все растущаго страха... И всѣ предметы вокругъ сдѣлались чуждыми, враждебными. Самыя невыразительныя вещи, и самыя любимыя, наиболѣе привычныя и трогательно-близкія — все, все смотрѣло съ холодной отчужденностью, съ затаенной, безмолвной угрозой. Каждымъ предметомъ можно ударить, и объ каждый предметъ можно ударить. И лампой могутъ раскроить черепъ, и объ шкафъ могутъ бить твоей головой. Съ балкона могутъ сбросить, и въ чуланѣ могутъ задушить... Откуда знать, чѣмъ, какъ, на какомъ мѣстѣ искалѣчатъ тебя, и при посредствѣ чего покроютъ смертельными ранами? Можетъ быть добрыми кормильцами-инструментами, которые много лѣтъ помогали добывать кусокъ хлѣба? Можетъ быть, зонтикомъ выколютъ глаза? Можетъ быть бѣлой рубашечкой малютки-первенца перетянуть тебѣ шею? И не священный ли талесъ будетъ брошенъ на полъ подъ дѣвушку-дочь, когда ее станутъ насиловать?

• Все было опасно, все было страшно.

Страшно было ходить и суетиться, — движеніями ско-

рѣе навлечешь на себя вниманіе врага. Страшно было оставаться недвижными,—казалось тогда, что ничего не дѣлаешь для своего спасенія, что ближе гибель. Страшно было оставаться безоружнымъ,—оружіемъ все же напугаешь, отгонишь врага. Страшно было оружіе имѣть—непривычная рука съ нимъ не справится, его отнять убійца, и твоимъ же орудіемъ самозащиты прерветь твою жизнь... И припрятавъ въ карманъ какой-нибудь ножъ, револьверъ, или гирю, люди въ трепетъ нащупывали оружіе, не зная толкомъ,—другъ это, спаситель, сладостный мститель отчаянія, или, напротивъ того, ехидный предатель-убійца... Жадно хотѣлось ножъ сохранить—какъ послѣднее прибѣжище, какъ единственную надежду. И терзала жестокая потребность сейчасъ же выбросить его вонъ, подальше, какъ можно дальше...

Молча сидѣли люди, и замученные дѣйствительностью, искали убѣжища въ нелѣпныхъ грезахъ. Если бы двойной потолокъ! Забраться въ пустую черноту между потолоками и тамъ переждать, пока бушевать будутъ въ квартирѣ и громить... Море если бы разо-стлалось вдругъ,—вонъ тамъ, въ концѣ двора! И было бы на немъ иностранное судно! Съѣсть на судно, отчалить отъ берега, и сразу тогда покончено съ ужасомъ!

Но легче дыма разсѣвались пустыя мечтанія, и послѣ нихъ, еще болѣе мучительной становилась живая правда... И какъ будто мало было ему опасностей дѣйствительныхъ, существующихъ,—измученный, истерзан-ный, больной умъ человѣка начиналъ создавать опасности воображаемыя.

И чудились повсюду измѣна и предательство; и далекіе, скрытые уголки, въ которыхъ искали спасенія, вдругъ представлялись злой западной, сознательной и ехидной. Чуланъ въ глубинѣ двора, подлѣ сарая, незамѣтный, замаскированный кустами. Тамъ спрятаться...

Но не туда ли прежде всего бросятся громилы? Въд они знаютъ, что если квартиры пусты, значить скрылись жильцы по сараямъ, по погребамъ. И пожалуй, даже минуя квартиры, сразу бросятся обыскивать чуланы и сарай, и тамъ всёхъ и перебьютъ...

Опасно въ чуланѣ, опасно.

Бѣжать!

Куда?

Въ невыносимомъ колебаніи проходятъ минуты.

Оставаться, бѣжать... Оставаться, бѣжать... Великій выигрышъ, или гибель всего. Спасеніе, или вѣрная смерть...

Истерзанный сомнѣніемъ, замученный страхомъ, близкій къ безумію, срывается вдругъ человекъ съ мѣста, невѣроятными прыжками пересѣкаетъ дворъ, бѣжитъ, мечется, кружится въ отчаяніи, подъ свистъ ликующей смерти, и потомъ, въ ужасѣ, все возрастающемъ, мчится назадъ,—къ опасному мѣсту, откуда спасался, мчится къ нему, чтобы спастись...

Затихнувъ, снова сидятъ придавленные гранитомъ безмолвія, и въ безмолвіи этомъ съ бѣшеной энергіей работаетъ воображеніе, и душа вся изнемогаетъ и содрогается отъ жестокой работы. И каждый шорохъ поднятой вѣтромъ бумажки, и мягкій шумъ пробѣгающаго по крышѣ кота, и каждый толчокъ сто десять ударовъ въ минуту отбивающаго сердца—кажутся новыми, несомнѣнными, точными вѣстниками погромнаго разлива.. И уже нельзя молчать. Разорвется отъ молчанія сердце. Прочь надо прогнать это ужасное безмолвіе, безмолвіе, составляющее начало безмолвія другого,—великаго безмолвія смерти... И кто-нибудь заговорить... Безсвязное, медлительное бормотаніе, тусклость бреда, прерывистый хрипъ умирающаго, темный, холодный... И отзовется на хрипъ другой голосъ,—такой же истерзанный, такой же мертвенно-блѣдный и гаснущій. Потомъ оборвется... И вновь безмолвіе. И

вновь слышенъ шорохъ бумажки, и мягкій бѣгъ кош-
ки по крышѣ, и удары готоваго навѣки умолкнуть
сердца... И вновь несомнѣнные вѣстники кровавыхъ
всплесковъ разгрома.

VII.

1.

По дорогѣ Абрамъ узналъ объ ужасномъ отвѣтѣ,
который получила депутація отъ губернатора. Онъ на-
правился домой почти бѣгомъ, и здѣсь, не входя въ
квартиру, присѣлъ на грудъ щебня. Онъ боялся, что
видомъ своимъ испугаетъ Розу, и хотѣлъ нѣсколько
прійти въ себя.

— Какъ Богъ захочетъ, — трепетно бормоталъ онъ,
думая о своемъ рундукѣ. — Какъ Богъ захочетъ, а спа-
сать товаръ теперь уже поздно... Теперь каждую ми-
нуту можетъ вспыхнуть, и не слѣдуетъ показываться
на улицѣ...

Абрамъ жилъ въ большомъ, старомъ, наполовину
развалившемся домѣ, заброшенномъ вглубь длин-
наго и узкаго двора. Въ домѣ было еще нѣсколько
квартиръ, но за ветхостью и разоренностью онѣ давно
сдѣлались необитаемыми, и Абрамъ жилъ здѣсь одинъ.
Онъ занималъ ту часть строенія, въ которой сохрани-
лись еще потолоки и окна, и считалось, что онъ охра-
няетъ домъ и мѣшаетъ сосѣдямъ растащить его брѣ-
вные остатки въ конецъ.

Когда Абрамъ вошелъ въ домъ, Розочки въ спальнѣ
не было. Хана сидѣла, какъ и вчера, какъ и весь по-
тѣднй мѣсяцъ, неподвижная, уродливо-огромная и
грашная, и глаза ея были мутны, какъ вода въ ста-
нѣ, на днѣ котораго остается немного молока. За
ослѣднюю ночь ей стало значительно хуже: лицо на-
чало полиѣе, черты безобразно раздулись, щеки сдѣ-

лались круглыми и полупрозрачными, какъ пузыри, образующіеся отъ ожога. Казалось, тронь щеку булавкой, и брызнетъ широкая, упругая струя... Что-то безконечно жуткое навѣвала эта застывшая масса, что-то нездѣшное, таинственное было въ искаженіи человѣческихъ формъ. Даже не издѣвательствомъ было оно, не мстительнымъ глумленіемъ остервенѣлаго врага. Здѣсь было что-то дикое, несообразное, противоестественное, что-то неподававшееся усиліямъ пониманія, и въ пыль разбивавшее все наиболѣе несомнѣнное, самую правду... И при видѣ Ханы уже нельзя было не вѣрить въ сказку, въ дикіе сны, въ дѣла кашеевъ и злыхъ вѣдьмъ...

— Чего ты пришелъ?

И голосъ былъ чудовищный,—тонкій, сплюсненный, хриплый.

— Чего ты пришелъ?.. Осень, торговля идетъ бойко, и надо сидѣть въ лавкѣ...

Абрамъ успокоилъ жену, сказавъ, что сейчасъ уйдетъ.

— Розочка, дай мнѣ напитъся,—попросила Хана. И ворчливо продолжала:—новья моды вовсе! Расхаживаетъ!.. А торговать кто будетъ?.. Покупатель за тобой побѣжитъ?.. Подождешь, пока побѣжитъ... Розочка, пить!..

Но раньше, чѣмъ дѣвочка успѣла подать матери прописанную Пасхаловымъ подслащенную настойку изъ дигиталиса, большая уже впала въ дремоту.

Абрамъ присѣлъ противъ жены, на сундучкѣ, и печальными, тревожными глазами уставился на больную. Плоскія, большія уши его были блѣдны, какъ тѣсто, блѣдно было и лицо и губы, и губы слегка дрожали.

Такъ еще недавно человѣкъ этотъ чувствовалъ себя отлично, почти счастливымъ, и у Бога своего просилъ только одного—здоровья для жены. И казалось, что и этой мольбѣ внимаетъ Всеблагій, и что

Хана поправляется. Абрамъ подсаживался тогда къ женѣ, и съ ней вмѣстѣ начиналъ радостно мечтать о будущемъ.

— Теперь, Хана, Богъ за насъ,—говорилъ онъ.— Онъ хочетъ намъ помочь, ты видишь сама.

— Да будетъ благословенно Его святое имя,—со вздохомъ благодарности отвѣчала Хана.

— И вотъ я знаю, что ты скоро совсѣмъ выздоровѣешь... Легче пьянаго поставить на ноги, чѣмъ бѣднаго, а мы, однако, вотъ поднялись... И Розочка теперь ужъ непременно будетъ человѣкъ!

На комодѣ, покрытомъ вязаной гарусной скатертью, подъ фотографической карточкой Мосейки, сверкаютъ золотые обрѣзы наградныхъ книгъ Розочки; надъ Мосейкой—въ золоченой рамочкѣ, за стекломъ, ея послѣдній похвальный листъ. Въ углу, подъ стуломъ, стоятъ ея новыя ботинки, желтыя, на цуговицахъ, и на стулѣ лежитъ зеленая, новая же форма... Абрамъ смотритъ на все это, и сердце его переполняется умиленіемъ и гордостью... Возбужденный, онъ мечтаетъ.

— Ты думаешь, простымъ докторомъ будетъ Розочка?.. Ого! Знаменитымъ докторомъ. Лучше всѣхъ профессоровъ!.. Будетъ жить въ Одессѣ, на самой главной улицѣ... а то, такъ даже въ Петербургѣ... Думаешь, испугается Петербурга? Нисколичко... И не безпокойся, она не будетъ, какъ наши собаки—Бернфельдъ и Степаненко, которые бѣднаго человѣка и не допускаютъ до себя... Всѣхъ лѣчи, всѣ одинаковы!—бѣдный, богатый, все равно... У богатаго—сто рублей за визитъ, двѣсти бери!.. Богатый можетъ!.. Богатый все можетъ! Богатая дама можетъ себѣ позволить и два раза въ году рожать... Съ богатаго дерн... А бѣдный... Ахъ, Хана! Если бы ты только могла понять, какая голова у нашей дѣвочки!

— „Герои Греціи“,—задумчиво, тихо протягиваетъ Хана.

— А еще бы!—Глаза Абрама дѣлаются суровыми, вызывающими.—А то какъ же иначе?.. Если кто учится просто хорошо,—когда на пять, когда на четыре,—ну, такъ ему даются какія-нибудь басни, или тамъ стихотвореніе, Лермонтова, Пушкина... А когда Розочка имѣетъ всегда круглое пять съ плюсомъ, то ей таки и награда серьезная слѣдуется...

2.

Абрамъ вспомнилъ теперь о серьезной наградѣ, о „Герояхъ Греціи“,—и сердце его такъ и заколотилось.. Неужели?..

И эту книгу... и ее... и ее тоже...

Абрамъ вскочилъ, съ минуту постоялъ въ неподвижности, и выраженіе глубокаго изумленія было на его блѣдномъ, какъ бы вдругъ окаменѣвшемъ лицѣ... Потомъ легла на лицо гримаса, и стало похоже, будто испытываетъ человѣкъ этотъ жестокую тошноту... Ноги не держали Абрама, и онъ грузно опустился на сундукъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, набравшись силъ, онъ съ болѣзненной, жалкой улыбкой, вполголоса, сказалъ дочери:

— Я знаю?.. Это таки глупо... конечно... И человѣкъ всегда дѣлаетъ глупости... всю жизнь...

— Что такое, папаша?

Абрамъ, пораженный, молчалъ. Нѣтъ другихъ мыслей у дѣвочки, кромѣ черныхъ мыслей. Нѣтъ другихъ чувствъ въ ея сердцѣ, кромѣ страха и тоски. А она стоитъ передъ нимъ спокойная, ясная,—и точно золотые лучи легли вокругъ ея чистаго лба...

Какъ можетъ она?.. И отчего нѣтъ у него этой силы? Всѣ радости жизни онъ отдалъ бы за то, чтобы выглядѣть теперь спокойнымъ, беззаботнымъ, чтобы

улыбнуться, чтобы найти для дѣвочки хоть одно утѣшающее слово... Но нѣтъ его, этого слова, его нѣтъ,— ни въ душѣ, ни на языкѣ нѣту его, и полный страха, полный трепета, онъ бормочетъ:

— Твои книги... наградныя книги твои...

— Но, вѣдь, ничего, папаша, не будетъ. Навѣрное, ничего не будетъ.

Голосомъ блѣднымъ и мутнымъ, даваясь словами и какъ бы умоляя о прощеніи, Абрамъ лепечетъ:

— Конечно, ничего не будетъ... навѣрное не будетъ... Но... книги... твои наградныя книги...

Руки его трясутся и въ нихъ такъ и прыгаетъ продолговатый, бархатный, съ облѣзлыми бисерными кисточками мѣшокъ. Въ этомъ мѣшкѣ хранятся молитвенныя принадлежности. Тридцать пять лѣтъ назадъ Хана сшила его Абраму, своему жениху. Былъ тогда мѣшокъ красивъ и яркъ, и весело сверкали на малиновомъ фонѣ вышитыя бисеромъ пальмы. Теперь онъ изношенъ и жалокъ,— какъ и старый владѣлецъ его.

— Если книги будутъ спрятаны, то развѣ повредить?.. Не нужно прятать... Не нужно... Я знаю, что это лишнее и глупо... Но... но развѣ повредить?..

Трясутся руки, и все тѣло трясется... „Герои Греціи“ въ переполненный мѣшокъ не входятъ, и книга упорно торчитъ кверху, сверкая золотомъ обрѣза. Абрамъ встряхиваетъ мѣшокъ, и кое-какъ втискиваетъ въ него дорогую книгу. Потомъ онъ снимаетъ со стѣны маленькую, осыпанную ракушками рамку. Изъ-подъ тусклаго, запыленного, съ пузырьками стекла, сверху, въ углу, треснувшего, печально смотритъ испуганное лицо маленькаго гимназистика...

— Проси ты,—безъ словъ молить Абрамъ, вглядываясь мигающими глазами въ изображеніе сына.

Оно выцвѣло, угасло, изображеніе. Оно угасло,— какъ угасаетъ и въ сердцѣ образъ давно ушедшихъ давно умершихъ... Но что-то таинственно-важное скрыто

въ сѣрыхъ полутонахъ его, и что-то бодрящее и живительное зарождаетъ оно въ душѣ старика. Не надежда ли? Не далекій ли отсвѣтъ благодарственной пѣсни?..

Онъ чистъ былъ, этотъ мальчикъ; онъ былъ невиненъ и кротокъ. Горька была жизнь его, и печальна, и была она отнята до времени. За что? Зачѣмъ?.. Кто скажетъ?.. Кто пойметъ?.. Не затѣмъ ли, чтобы увести его туда, вверхъ, къ золотому престолу Предвѣчнаго? Не стоитъ ли онъ тамъ свѣтлымъ ангеломъ, не творить ли святую молитву, заступникъ, предъ небеснымъ Отцомъ, и не о спасеніи ли бѣдныхъ людей говорить Ему?..

— Говори, проси!.. За Розочку проси... за больную мать... за стараго отца проси, за весь изстрадавшійся старый народъ твой проси и требуй, Моисей!

... Но гаснетъ блѣдная надежда.

И вѣтъ уже лучезарнаго призрака, вѣтъ заступника и хранителя. Худенькое, посинѣлое тѣльце, искаженное смертью, лежитъ. Послѣдней судорогой уродливо скрочены члены; выраженіе жестокаго страданія кричитъ въ остеклѣвшихъ глазахъ,—и запахъ... Запахъ тлѣнія. Запахъ тлѣнія.

8.

Абрамъ положилъ карточку въ мѣшокъ, затянулъ очкуръ и вышелъ въ сѣни.

Въ потолокъ зіялъ широкий, черный прямоугольникъ,—ходъ на чердакъ. Кадка съ водой стояла въ углу, а подлѣ нея былъ большой ящикъ со старой обувью. Абрамъ торопливыми движеніями выдвинулъ впередъ бочку, изъ ящика выкинулъ всю обувь, и поставивъ ящикъ на кадку, сталъ вбираться на чердакъ. Какая-то особенная, тяжелая духота сдавила ему грудь, какъ только голова его и плечи вонзились въ

черноту прямоугольника. Пахло сажей, пылью, прѣлымъ деревомъ, и было такъ темно, что глазамъ становилось больно.

У самаго входа, гдѣ было свѣтлѣе, ясно намѣчался невысокій боровъ. Абрамъ оперся на него, какъ на плечо ребенка, и тихонько поползъ. Глаза стали осваиваться съ темнотой, она не была уже такой плотной, и можно было различать стропила, скатъ крыши, какіе-то неопредѣленные бугры справа, наваленныя другъ на дружку оконныя коробки слѣва...

Проснувшаяся Хана заговорила внизу, — и здѣсь, въ пустомъ, придавленномъ осѣвшей крышей чердакѣ, голосъ ея гудѣлъ особенно дико и странно... Абрамъ добрался до того мѣста, гдѣ боровъ дѣлалъ поворотъ, и здѣсь сѣлъ. Минутку передохнувъ, онъ сталъ тихонько бить по борову кулакомъ. Никого не было. Никого здѣсь быть не могло. Никто не подымался сюда уже многіе годы. Но Абрамъ пугливо оглядывался, — то направо, гдѣ мертвой глыбой стояла плотная тьма, то налѣво, гдѣ вдали длиннымъ пятномъ ярко горѣло въ накатѣ отверстіе входа, — и внезапно замирая, прерывалъ свою трепетную работу. Сердце его, отъ непривычныхъ усилій, отъ волненій — билось такъ громко и сильно, точно онъ ночью влѣзъ въ чужую квартиру, чтобы ограбить, и поджечь, и убить... Онъ начиналъ работу опять, опять билъ по борову кулаками, — и опять бѣжало во тѣмѣ чердака тревожное, глухое гудѣніе... Кряхтѣла и стонала дряхлая крыша, накатъ трясея и плакалъ, и казалось, что это старики въ богадѣльнѣ, испуганные ночнымъ кошмаромъ, кричатъ и зываютъ о помощи...

Боровъ подался, наконецъ, тяжелый кирпичъ провалился внутрь. И туча сажі, много лѣтъ холоднымъ пластомъ покоившаяся на днѣ, заколыхалась и быстро взвилась кверху. Выломавъ еще два кирпича, Абрамъ просунулъ мѣшокъ въ отверстіе, и потомъ поползъ обратно.

— Хорошо спрятано... очень хорошо...

Онъ сидѣлъ на накатѣ чердака, свѣсивъ внизъ ноги, и платкомъ вытиралъ себѣ лицо. Спрятано такъ удачно, что цѣлыя сутки можно шарить и ничего не найдутъ. Да... Что угодно можно дѣлать, а мѣшокъ теперь въ безопасности, въ полнѣйшей безопасности...

— Розочка, пить,—послышался голосъ Ханы.

И вдругъ Абрамъ затрепеталъ.

Мысль, которая давно стучалась къ нему въ сердце, мысль, которая давно и неотступно вилась около сердца, теперь вдругъ, сразу, сердцемъ овладѣла. Овладѣла, и сдавила его,—съ такой силой, что Абрамъ чуть не свалился внизъ, потрясенный, раздавленный...

— Но она... но Хана... Что же будетъ съ Ханой?..

Мѣшокъ спрятанъ... Если придутъ, если станутъ разбивать и грабить, Абрамъ можетъ убѣжать, и Розочка можетъ убѣжать и спастись. Но она, Хава, прикованная къ постели, не владѣющая ни однимъ членомъ, что сдѣлаетъ она!..

Вопросъ этотъ дикой смерчью сталъ въ душѣ Абрама и весь ядъ многочисленныхъ жалъ своихъ сразу пролилъ въ его кровь.

— Розочка, поправь мнѣ одѣяло!—донеслось снизу.

— Сейчасъ, мамаша.

— Отодвинь мою ногу... еще отодвинь... И подними мнѣ вѣки, я хочу тебя видѣть.

Умолкла. Уснула. Застыла. Застыла, неподвижная, какъ мертвецъ, и чувствительная, какъ больной.

— Что будетъ съ Ханой?..

VIII.

1.

Тепло, свѣтло, сухо и ясно,—такъ ясно въ воздухѣ, что съ горы, изъ церковнаго двора, отчетливо видна вся Соборная улица, и дальше, противоположный берегъ рѣки, а на немъ крохотныя хатки деревни Татарки. Солнце свѣтитъ радостно и весело, точно оно впервые увидѣло землю, увидѣло только все доброе на ней и хорошее,—и восхищенное, въ благодарном волненіи, обливаешь ее и лаской, и нѣгой, и любовною рѣчью безъ словъ.

Арина Петровна сидѣла во дворѣ на каменной скамьѣ и еще больше, чѣмъ во всѣ послѣдніе дни, была мрачна и забудоражена. А о. Павелъ, печально вздыхая, ходилъ взадъ и впередъ по утрамбованной и посыпанной золотистымъ пескомъ площадкѣ, и временами бросалъ на жену пугливыя, вопрошающіе взгляды.

— Вонъ Костинька идетъ,—сказалъ онъ, оборачиваясь къ открывавшейся съ визгомъ калиткѣ. И на лицѣ старика появилось вдругъ выраженіе радостной надежды.—А можетъ... а можетъ онъ что сдѣлаетъ!..

Во дворъ входилъ высокій, плотный, осанистый и очень изящно одѣтый въ сѣрое, господинъ. У него было цвѣтущее, розовое лицо, богатые темнорусые усы и крупный, съ широкими ноздрями, красивый носъ. Изъ-подъ золотого пенсне, съ котораго падала внизъ широкая, въ два пальца, черная тесьма, привѣтливо и ласково смотрѣли глубокіе, безмятежнымъ довольствомъ и дѣтской веселостью свѣтившіеся глаза, а раздвинутыя добродушной улыбкой яркія губы позволяли видѣть двѣ шеренги великолѣпныхъ, бѣлыхъ, точно

двѣ полоски фарфора, зубовъ. Это былъ Васильковскій, Константинъ Михайловичъ, инженеръ, племянникъ Арины Петровны. Выхоленностью своей, величественной осанкой, изящными манерами, онъ походилъ на родовитаго барина, пожалуй на какого-нибудь князя. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ изъ духовнаго званія, сынъ дьячка. Манеры, впрочемъ, были у него „двухъ сортовъ“. Когда это бывало ему нужно, для дѣла, Васильковскій держался важно, чинно, торжественно, и говорилъ, какъ придворный, — величественно или угодливо, — и всегда многозначительно. Если же надобности не представлялось, въ кругу близкихъ, онъ „паньскія штуkenціи“ отбрасывалъ прочь, давалъ себѣ свободу, и какъ бы вознаграждая себя за тягостные и вынужденные часы чопорности и дѣловитаго формализма, безъ конца балагурилъ, шутилъ, дурачился, — и другихъ дурачилъ. Онъ былъ человекъ ловкій, талантливый и знающій, отлично во всемъ успѣвалъ, и въ тридцать два года занималъ очень видное положеніе на одномъ изъ крупнѣйшихъ вжно-русскихъ заводовъ. Въ компаніи съ однимъ вліятельнымъ графомъ добивался онъ, — почти добился, — концессіи на устройство въ городѣ порта и элеватора, и теперь пріѣхалъ сюда затѣмъ, чтобы съ мѣстными муниципальными дѣятелями наладить послѣднія детали предпріятія.

— Костя, родной мой! — бросилась къ нему Арина Петровна. — Поговори, Христа ради, съ Федей... Можетъ хоть ты разсѣешь его.

Васильковскій скорчилъ страдальческую гримасу и сталъ по-чумацки скребти за ухомъ.

— Тетечка... вы бы лучше краснаго вина предложили:

— Голубчикъ, Костенька...

Арина Петровна торопливо, безсвязно, путаясь и повторяясь, стала говорить Васильковскому о своихъ горестяхъ... Она рассказывала ему о нихъ и вчера, и

три дня назадъ, и вообще въ каждое его посѣщеніе, и все-таки возобновила теперь разсказъ съ самаго начала, съ „проклятаго Мосейки“, отъ котораго Федя ожиждовѣлъ на всю жизнь... Она перешла къ событіямъ послѣднихъ дней,—къ тому, что не ѣсть и не пить Федя, что глаза у него, точно его на казнь ведутъ; что такъ вѣдь и служить нельзя, и практика вся разлѣзется...

Она говорила волнуясь, нараспѣвъ, и круглые безъ рѣсницъ глаза ея сверкали то злостью, то печалью, руки разсѣкали воздухъ, и огромныя, вислыя груди, какъ два мѣшка съ отрубями, тяжело болтались подъ просторной фланелевой кофтой...

Васильковскій долго слушалъ, терпѣливо, серьезно и молча. Онъ поддакивалъ, причмокивалъ языкомъ, покачивалъ сочувственно головой... Потомъ вдругъ отчаянно ахнулъ, грохнулся, какъ съ крыши сброшенный, на скамью, склонилъ набокъ голову, опустил книзу руки, закрылъ глаза...

— Въ смерти моей,—невнятно, чуть слышно, консьюющимъ языкомъ залепеталъ онъ:—въ смерти... винить... тетку... Убийцу Петровну...

Аринѣ Петровнѣ шутовскія выходки племянника были знакомы давно, и потому, не смущаясь трагической кончиной его, она продолжала свои пританія.

— Смотри, Ариша, хрипите вѣдь уже,—добродушно засмѣялся о. Павелъ.

— Чортъ знаетъ изъ-за кого, и изъ-за чего Федя такой сдѣлался, что ну, прямо вотъ, какъ будто сейчасъ тифомъ болѣлъ...

— Ну нѣтъ, это ужъ слишкомъ!—звѣрски заоралъ Васильковскій, вскочивъ.—И усопшаго не жалѣете?.. Ужъ лучше я къ Федькѣ пойду.

Сопровождаемый любовнымъ смѣхомъ о. Павла и обиженными, сердитыми укорами тетки, Васильковскій

поспѣшно направился въ домъ. Онъ прошелъ въ узенькій корридорчикъ, заставленный сундуками и шляпными коробками, и постучалъ въ дверь.

2.

— Федоръ, съ чего это у тебя видъ такой веселый? Онъ стоялъ на порогѣ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Пасхалова.

— Веселый?—глухо спросилъ Федоръ Павловичъ.

— Да... точно любимую женщину сейчасъ схоронилъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—добавилъ Васильковскій черезъ минуту, перемѣнивъ тонъ:—что это съ тобой?.. Неадекватно?

Федоръ Павловичъ сидѣлъ на диванѣ, а надъ диваномъ висѣлъ роскошный портретъ генерала Драгомирова. Портретъ былъ мѣстнаго производства, геройски скверный и очень большой. Широкая рама изъ папье-маше свирѣпо горѣла новенькой позолотой, и было похоже, что она смазана жиромъ. Это художественное произведеніе очень огорчало Пасхалова, онъ раза три выносилъ его вонъ, въ чуланъ, но Арина Петровна приносила генерала обратно, вѣшала на мѣсто, и при этомъ сильно сердилась на сына. Сердился и Федоръ Павловичъ на мать, но поставить на своемъ не умѣлъ, и побѣдоносный генералъ такъ ужъ навсегда въ кабинетѣ и воцарился.

— Тамъ старики кое-что говорили мнѣ...—сказалъ Васильковскій, отводя въ сторону зацѣпившуюся за усы широкую тесьму пенсне.—Неужто-жъ до такой въ самомъ дѣлѣ степени волнуетъ тебя это все?..

Выраженіе просительное, смѣшанное съ выраженіемъ скрытой, несмѣлой досады, появилось на блѣдномъ лицѣ Пасхалова. „Ты весель, ты доволенъ, ты здоровъ,—

говорили печальные глаза доктора.— у тебя свои дѣла... пріятныя... проходи себѣ дальше... пожалуйста, проходи...“

Васильковскій сѣлъ.

— Сестричка твоя идетъ... Дѣвица столько же революціонная, сколько и миловидная... И, говорятъ, всѣхъ рабочихъ съ завода въ рукахъ вотъ какъ держать.

Вошла Наталья, живая, бойкая и свѣжая, какъ всегда; но теперь лицо ея было нѣсколько блѣдно, и въ глазахъ было что-то сосредоточенное, строгое. Войдя, еще прежде чѣмъ поздороваться, она бросила торопливый взглядъ подъ диванъ, на то мѣсто, гдѣ оставила вчера чемоданъ. Чемоданъ смутно вырисовывался изъ мрака кирпично-красной массой, и на черныхъ ремняхъ его тускло желтѣли широкія мѣдныя шляпки гвоздей.

— Такъ и случилось, вчера не успѣли собраться,— сказала Наталья,—ѣду сегодня, и сейчасъ заберу чемоданъ.

Она присѣла.

— Вояжъ—дѣло святое,—замѣтилъ Васильковскій. И, обратившись къ Пасхалову, продолжалъ:— Позволь мнѣ сказать тебѣ, Федоръ, ты слишкомъ близко принимаешь все это къ сердцу... И волнуешься напрасно.

— Тебя это не волнуетъ?

— Меня?..

„Уйти... Ей-Богу, лучше будетъ“.

Чувствовалъ инженеръ, что можетъ завязаться разговоръ,—длинный, пожалуй шумный... А для чего? Никакого ни интереса, ни удовольствія въ этомъ нѣтъ. Если же пойти къ Марьѣ Александровнѣ, то она споетъ арію Савтуцы или изъ Отелло „Ave Maria“, и это дѣйствительно будетъ весьма невредно...

— Волнуетъ ли это меня?—медленно переспросилъ Васильковскій.

Онъ испытывалъ затрудненіе и не зналъ, какой теперь ваять тонъ,—тотъ, которымъ говорилъ сейчасъ съ теткой, дурачливый, веселый, или же серьезный и дѣловой... Съ минуту поколебавшись, онъ выбралъ среднее, и какъ-то неопредѣленно сказалъ:

— Неприятная, конечно, можетъ выйти штука, но... вѣшаться изъ-за всѣхъ этихъ исторій я... не думаю, чтобы было полезно.

Паскаловъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Ты газеты читалъ?—тихо спросилъ онъ.—Въ десяткахъ городовъ шель разгромъ... Сотни тысячъ разоренныхъ... лилась кровь...

— Ахъ, Федоръ!.. Это преувеличено,—съ внезапной горячностью перебилъ Васильковскій.—Разумѣется, все это очень скверно, и тяжело,—на лицѣ его легла морщина досады,—но... вѣдь ужъ было время привкнутъ къ этимъ явленіямъ... И отчего же у тебя теперь такое трагическое лицо?

Инженеръ внимательно, и съ начинавшейся тайной печалью, смотрѣлъ на Федора Павловича, и ему отъ души жаль становилось родича. Натура чистая, нѣжная, тонкая,—думалъ онъ,—натура съ огромной чувствительностью... Съ такой чуткостью жить бы гдѣ-нибудь въ сказочныхъ странахъ, въ надзвѣздныхъ сферахъ, гдѣ все гармонія и справедливость. А на грѣшной землѣ съ ней разобьешься въ дребезги и пропадешь...

— Можно жить и на грѣшной землѣ,—тихо возразилъ Паскаловъ, когда Васильковскій высказалъ ему часть своихъ соображеній.—Не вездѣ на землѣ происходятъ избіенія ни въ чемъ неповинныхъ людей...

Наталья Павловна въ разговоръ не вмѣшивалась, но было видно, что отъ очень ее занимаетъ, даже волнуетъ. Она вскидывала тревожные глаза то на брата, то на Васильковского,—и когда Федоръ Павловичъ го-

ворилъ, по лицу ея пробѣгала тихая дрожь, и появлялось на немъ выраженіе нетерпѣнія и досады...

— Избіеніе!—Васильковскій пожалъ плечами.—Сказано сильно... но избіеній, вѣроятно, не было, а были отдѣльные случаи насилія, и еще неизвѣстно кѣмъ и вызванные... Конечно, это страшно возмутительно и гнусно. Но все же, главнымъ образомъ, народная ненависть выразилась, вѣдь, въ разгромѣ имущества. А тутъ, Федоръ, бѣда, при всей своей огромности, не такъ ужъ непоправима. Евреи, ты и самъ знаешь, человѣчки энергичные, дѣятельные, и у нихъ очень развита благотворительность. Пойдутъ сейчасъ разные тамъ сборы и подписки, комитеты, и въ непродолжительномъ времени все и заживетъ... Ну, а у кого были долги,—инженеръ весело оскалилъ красивые зубы,—тотъ воспользуется случаемъ и не заплатитъ...

— „Заживетъ“!—не глядя на Васильковского сказалъ Пасхаловъ.—Хорошо, пусть и заживетъ... Но ты вотъ что мнѣ скажи: вотъ, твой народъ совершаетъ ужасное, жестокое дѣло. Проливаетъ кровь, убиваетъ... Женщинъ, младенцевъ, всѣхъ... Ты,—голосъ его сталъ глуше, а глаза печальнѣе,—ты отвѣтственнымъ за это дѣло себя не считаешь?

Васильковскій нетерпѣливо заворочался.

— Я?.. Отвѣтственнымъ?..

Онъ наматалъ на палецъ широкую черную тесьму отъ пенснэ и потомъ торопливо разматалъ.

— Голубчикъ, да, вѣдь, я громить не ходилъ.

3.

— Хорошо, Федоръ!—вдругъ отозвалась Наталья.— Ты вотъ считаешь себя отвѣтственнымъ... Но что же ты сдѣлалъ, что же ты сдѣлаешь, для того, чтобы это самое жестокое дѣло не совершилось? Что?!

— Что я сдѣлаю?

— Да, что ты сдѣлаешь? — Наталья порывисто встала. — Какъ, чѣмъ будешь ты ему противоодѣйствовать?..

Пасхаловъ помолчалъ въ смущеніи, и потомъ тихо сказалъ:

— Что же я могу... Я не знаю... Кажется, у меня никакихъ средствъ...

— Вотъ! Вотъ то-то и есть!—гнѣвно, и съ болью, вскрикнула Наталья.—Только и зналъ ты всю свою жизнь, что хныкать и ныть... Господи, да что же это такое!.. Вотъ, Константинъ расхваливалъ тебя, — „нѣжная, тонкая, чуткая натура“... А я твою чуткую натуру ненавижу, и ты внушаешь мнѣ чувство злобное, омерзѣніе ты мнѣ внушаешь!

— Charmant, ma cousine!—взвизгнулъ Васильковский, весело подскакивая на стулѣ.—Стиль у тебя удивительно мягкій.

— Право же, Федоръ!—съ какою-то дѣтской наивностью и въ то же время съ возрастающей горячностью воскликнула Наталья.—Ну, что же ты дѣлаешь! И за всю свою жизнь, что ты дѣлалъ?.. Ты посмотри вокругъ... Какое радостное, какое прекрасное время настало! Новая жизнь строится, прекрасная и свѣтлая. Передъ ея ростомъ дрожить и стонеть все отжившее... Оно корчится отъ ужаса передъ неминуемой гибелью, оно задыхается уже отъ смрада своего гніенія... Какая радость, какое непонятное, незаслуженное блаженство выпало намъ—жить въ пору этой борьбы... и принимать въ ней участіе... Ахъ, Федоры! Вѣдь рая не нужно будетъ!.. Вѣдь... вѣдь...

Голосъ ея прервался. Она стояла посреди комнаты, вся еіяющая и трепетная, нѣжная, какъ юность, и какъ юность сильная. Слезы стояли у нея въ глазахъ и шли изъ глазъ золотые лучи, и отъ лучей этихъ

свѣтлѣе и прозрачнѣе сдѣлалось обратившееся къ сестрѣ тусклое лицо Пасхалова...

— Ты тоже могъ бы войти въ жизнь, сдѣлаться судьей въ ней и строителемъ!..—продолжала Наталья, волнуясь.—И мстителемъ можно сдѣлаться, Федоръ, мстителемъ!.. Зачѣмъ же терять это счастье свое... отворачиваться отъ него, отдаваться хныканью, нытью, пустому доброжелательству, оставаться „чуткой, нѣжной натурой“, ничего не дѣлать и только стонать... Ахъ, отвратительно это мнѣ, отвратительно!

Она поднесла оба кулака къ своему внезапно и странно измѣнившемуся лицу и ими потрясла.

— Отвратительно, Федоръ!.. И вотъ, ты, Константинъ.— Она быстро повернулась къ Васильковскому. — Ты знаешь самъ, какъ мало ты мнѣ симпатиченъ,—ты и всѣ твои грабительскія дѣла. Но... но... ей-Богу же, въ концѣ-концовъ, даже тебя я больше уважаю, чѣмъ вотъ его.

— Очень тронуть, — сказалъ Васильковскій. — И говорю это серьезно.

— Поставилъ ты себѣ цѣлью миллионъ,—и грабишь съ жадностью. Хочешь ты свои собственные заводы имѣть,—и идешь къ нимъ. Ты идешь!.. Ты все же человѣкъ дѣйствія, поступка, рѣшительнаго движенія,—и на тебя можно рассчитывать... А этотъ вотъ, а онъ... чувствителенъ, какъ нескрывшійся нарывъ, и нуженъ людямъ, какъ нарывъ же... Кротость у него какая-то, смиреніе, вотъ и чувство отвѣтственности у него, елеемъ онъ какимъ-то особеннымъ пропитанъ, или вотъ, отраженіемъ этихъ церковныхъ стѣнъ,—не разберу и сама... Но одно знаю, негоденъ онъ ни къ чему, и никакого дѣла съ нимъ нельзя имѣть... Вчера, напримѣръ, понадобилась мнѣ отъ него услуга одна...

Наталья бросилась къ дивану и проворно вытащила изъ-подъ него свой чемоданъ.

— Надо мнѣ было въ надежномъ мѣстѣ скрыть...

вотъ это... Такъ, вѣдь, не рѣшилась прямо сказать ему, въ чемъ дѣло! Должна была врать... три короба наврать: — увѣжаю, съ хозяйкой поссорилась, чортъ знаетъ, что еще...

— Значить, таки нелегальщина, — криво усмѣхнулся Пасхаловъ: — а увѣряла честнымъ словомъ, что это не прокламаціи.

— А, я увѣряла!.. — Наталья съ насмѣшкой сожалѣнія посмотрѣла на брата. — Ну, что жъ, увѣряла и не солгала: тутъ нелегальщины и нѣтъ, и ни одной прокламаціи нѣтъ... Тутъ... тутъ вотъ что...

Проворно щелкнувъ ключомъ, она раскрыла чемоданъ, и посыпались изъ чемодана, вмѣстѣ съ кофточками, чулками и носовыми платками, разныхъ калибровъ револьверы...

— Это вотъ что, — лукаво смѣясь одними глазами, сверкающими и злыми, повторила Наталья. — Для самообороны... Сейчасъ отнесу въ одно мѣсто и тамъ раздадутъ... Вотъ, спрятала у него чемоданъ, и всю ночь покойна была...

— Чего жъ ты боялась, выдамъ, что ли? — уныло спросилъ Пасхаловъ.

— А кто тебя разберетъ, „чуткую натуру“ твою?.. Развѣ можно довѣрять тебѣ, развѣ можно знать, какая еще нелѣпая идея зародится въ твоей прокисшей душѣ?.. Можетъ быть „злу не противься“, можетъ быть „самооборона еще больше ожесточить“... Вѣдь, ты же и трусь...

Она собрала револьверы, завернула въ бѣлье, и сунула въ чемоданъ.

— Я очень жалѣла потомъ, что не къ Константину отнесла.

— Ко мнѣ такихъ вещей не носи, — спокойно отвѣчалъ Васильковскій, — я не впускаю.

— Господи!.. Братъ онъ мнѣ, братъ!.. — тоскливо и какъ бы съ недоумѣніемъ вскрикнула Наталья послѣ

нѣкотораго молчанія.—И, вѣдь, все же люблю я его... Если не считать отца,—единственный же ты, Федя, человекъ на землѣ, котораго я люблю... Но ты... ты проклять проклятіемъ внутренняго безсилія, ты гадокъ мнѣ, и... и... и, кажется, съ радостью взяла бы я вотъ этотъ самый чемоданъ, да такъ бы по головѣ тебя, негодяя, и двинула... Чтобъ не стало тебя!

— Это, ей-Богу, чудесно!—весело хлопнулъ себя по бедрамъ Васильковскій.—Къ Марьѣ Александровнѣ я собирался,—глазки у ней эфіопскіе, и арію Сантуццы она хорошо поетъ. Но ничего, не жалѣю, что не пошелъ: занятно и тутъ...

Наталья стояла у окна, спиной къ свѣту, и въ рукахъ держала чемоданъ. Теперь она была очень блѣдна, губы ея слегка дрожали, и дрожали рѣсницы. Казались, подступали къ нимъ слезы, и Наталья, стыдясь и негодуя, сдерживала ихъ, топила въ гнѣвъ своемъ, въ любви своей и въ горькой печали.

Черезъ раскрытое окно тихо вливалось золотое пѣніе солнечныхъ лучей, оно въ молитвенномъ восторгѣ припадало сзади къ головѣ дѣвушки, къ слегка растрепавшимся волосамъ ея, и русые, они сіяли, какъ ореолъ на старомъ, потемнѣвшемъ холстѣ...

4.

— Я пойду,—просто сказала Наталья.

— Ты, можетъ быть, и права, сестра!

И Паскаловъ умолкъ.

Молчала Наталья, печальная и строгая, и ничего не говорилъ и Васильковскій.

... Какъ будто случилось что-то.

Какъ будто одно и то же чувство,—или, можетъ быть, предчувствіе, непонятное, но важное, глубоко-значительное, охватило и Васильковского, и Федора Павловича.

Какъ будто пахнуло на дѣвushку крыломъ своимъ будущее, — и было святое крыло это въ гимнахъ, въ сіяніи безсмертія, орошенное тьмою могилъ.

— Ты, можетъ быть, и права, сестра, — еще тише проговорилъ Пасхаловъ.

И опять всѣхъ трехъ охватило молчаніе, — глубокое, значительное, почти торжественное.

А потомъ заговорилъ Васильковскій, — тономъ звонкимъ и дѣланно веселымъ.

— Нѣтъ, правъ я... Если я отвѣтственъ за погромы, то въ меньшей мѣрѣ отвѣтственъ я и за землетрясеніе на японскомъ побережьѣ. Да... и оба вы — чудаки... Да... А еврей?.. Я скажу вамъ, дѣти мои, что нѣтъ на свѣтѣ публики болѣе живучей, чѣмъ еврей... Знаете ли вы, напримѣръ, дѣти мои, сію глубоко правдивую кантату:

Десять жиденятъ
Дружески ѣдятъ,
Жаль, одинъ-то другъ
Подавился вдругъ.

другой потомъ утонулъ, третій застрѣлился, четвертый огурцомъ зарѣзался, и такъ дальше... Цѣлыхъ девять еврейчиковъ погубило, остался одинъ. Одинъ!.. И все жъ таки, черезъ годъ, — глядь! — и ужъ снова

Десять жиденятъ
Дружески ѣдятъ...

— Константинъ!

Пасхаловъ быстро поднялся.

— Да, я Константинъ. — Васильковскій нахмурился и тоже всталъ. — Я Константинъ Васильковскій... И по случаю этой причины ухожу... Ну тебя совсѣмъ, Федоръ, — отъ тебя и отъ твоей сестрицы заболѣешь...

Васильковскій, красиво оскаливъ зубы, усмѣхался. Внутренно же онъ былъ хмуръ и очень золъ.

IX.

1.

Пасхаловъ шелъ внизъ, къ болоту. Иногда онъ останавливался, поднималъ глаза, обводилъ ими улицу, дома, далекій горизонтъ, бурныя хаты деревни Татарки на немъ,—и выраженіе унылаго недоумѣнія еще рѣзче становилось на его лицѣ... Вездѣ люди, русскіе люди, они дѣлаютъ обычное свое дѣло, торгуютъ, судятъ, лѣчатъ, пишутъ бумаги, работаютъ въ мастерскихъ и въ полѣ, все идетъ безъ большихъ измѣненій, по старому, какъ шло вчера, какъ годъ назадъ шло, вездѣ русскіе люди беззаботно и спокойно дѣлаютъ привычное дѣло свое, и онъ одинъ стоитъ отдѣльно отъ нихъ, стоитъ одинъ...

Онъ думалъ о томъ, что говорила мать о погромѣ, о благожелательныхъ возраженіяхъ ей отца, и о томъ думалъ, что слышалъ сегодня на больничномъ дворѣ... Онъ вспоминалъ голубые глаза Кочеткова, жалѣвшаго курицу, онъ негромко, но вслухъ, бормоталъ: „я выписалъ его, я его выписалъ“,—и ясно, такъ отчетливо и ясно видѣлъ, что стоитъ одинъ, далеко и одинъ... И острѣе, чѣмъ когда-либо, сильнѣе, чѣмъ во всю жизнь свою, чувствовалъ, что онъ русскій.

Вотъ идетъ онъ по улицѣ,—и никто на него ломомъ не замахнется. Онъ не прячется, и не дрожить... А они дрожать... Они въ тоскѣ и страхѣ всѣ дрожать...

И стало Пасхалову казаться, что если бы не былъ онъ русскимъ, что если бы испытывалъ онъ тотъ же страхъ и ту же тоску, легче бы было ему, много легче...

И продолжая свой путь, онъ сталъ рисовать себѣ, какъ сидитъ онъ, трепетный, въ комнатѣ съ закрытыми

ставнями, какъ ходитъ въ ней на цыпочкахъ, прислушиваясь къ далекимъ шорохамъ, какъ, пробираясь тихонько въ погребъ, въ далекій чуланъ, бросаетъ тамъ прощальныя взгляды на окружающихъ его близкихъ и дорогихъ людей... Онъ такъ живо представлялъ себѣ все это, что начиналъ испытывать ужасъ, и отъ этого ужаса ему дѣлалось какъ бы легко и пріятно...

Но вотъ мелькнула у него мысль, что онъ не имѣетъ права на этотъ облегчающій ужасъ: неси свое бремя!

Онъ не долженъ желать себѣ уменьшенія боли. Надо оставаться въ своемъ станѣ, надо держать отвѣтъ за все, что сдѣлали свои. Кровавую ношу ихъ надо нести, и сбросить ее онъ не имѣетъ права.

„Русскій“... Мелькали странныя мысли о часѣ расплаты, и мелькало слово искупленіе. Усталый, подавленный, онъ не могъ овладѣть своей мыслью, не могъ развить ее до конца, какъ это было ему нужно. Въ тревожномъ сумракѣ души не могъ онъ найти лучъ для осіянія этой, какъ будто бы новой, какъ будто бы стародавней — съ весеннихъ дней, со временъ Мосейки, бившейся въ сердцѣ, жуткой, радостной и милой мысли объ искупленіи. Но приходила она, но томилась она, шелестѣла бѣлымъ крыломъ, бѣлые гимны пѣла, и твердила одно: грѣхъ народа твоего понесешь ты, понесешь кровавую ношу.

2.

Пасхаловъ шелъ къ Абраму.

У него былъ планъ: больную Хану перевезутъ въ больницу, а старикъ и Роза укроются въ церковномъ домѣ, онъ предоставитъ имъ свой кабинетъ.

Но Абрама онъ не засталъ, а Роза, даже не подумавъ, предложеніе отвергла. Матери хуже, разставаться съ ней она не хочетъ, и сюда, — въ полуразрушенныя

домъ, въ заброшенный переулочъ, гдѣ евреевъ почти нѣтъ, громы не придуть.

Пасхаловъ въ дикой тревогѣ смотрѣлъ на дѣвочку. Смотрѣлъ, и молчалъ, и прислушивался къ себѣ... И чувствовалъ, какъ въ ужасѣ радуется сердце... Пусть остается!.. Пусть остается она здѣсь,—худенькая, бѣлокурая дѣвочка съ яснымъ лицомъ. И старый отецъ ея, и эта заплывшая, неподвижная, могилой обвѣянная Хана пусть остаются. Пусть всё они остаются здѣсь,—и то, что свершится, во всей полнотѣ жестокости пусть свершится, во всей непонятной безмѣрности своей.

— Но вѣдь нельзя же быть увѣреннымъ, Роза!.. Вѣдь нельзя ни за что ручаться... Согласитесь...

Онъ смотрѣлъ въ чистые, голубые глаза бѣлокурой дѣвочки, смотрѣлъ на узкія плечи ея, на едва начинавшую формироваться грудь... Онъ убѣждалъ дѣвочку и упрашивалъ...

— Согласитесь, Роза!

И не хотѣлъ, чтобы она согласилась. И не боялся, что она согласится. Онъ зналъ уже окончательно, что она не согласится, что Хана останется дома, и останутся дома Абрамъ и бѣлокурая дѣвочка. И то онъ зналъ, что случится съ ними ужасное, непоправимое...

„Но со мной ничего не будетъ... Но я буду жить“...

И острую муку, причиненную этой мыслью, смягчали только все тѣ же неясныя грезы объ искупленіи, о безмѣрной тяжести кровавой ноши, которая ляжетъ на него.

— Да, это хорошо... И пусть дѣвочка остается... Пусть всё они остаются здѣсь...

... И вдругъ предсталъ передъ нимъ образъ сестры,—гнѣвный, строгій, карающій... „Господи, а что сказала бы она,—беззвучно простоналъ онъ тогда:—что сказала бы Наталья!..“

Нелѣпо-дикими, безумными и изувѣрскими показа-

лись вдругъ всѣ эти мысли о кровавой ношѣ, о возможности и нужности искупительныхъ жертвъ. „Это безуміе... безуміе... я просто схожу съ ума“... И самъ себѣ онъ казался противнымъ и страннымъ...

Потомъ, нѣсколько успокоившись, онъ опять обратился къ дѣвочкѣ.

— Это необходимо!—твердо и рѣшительно сказалъ онъ:— вы обязаны... Рѣчь идетъ о вашемъ спасеніи. Согласитесь, Роза!

— Я не соглашусь, — тихо проговорила дѣвочка, вставая.—Я не соглашусь ни за что.—Она крѣпко сжала рукой край стола, и маленькій шестой палецъ, торчавшій у мизинца, отчетливо выдѣлился на темной клеенкѣ.—Не хочу спасать себя!.. Какъ съ другими, такъ и съ нами...

Брови дѣвочки сошлись; голубые, продолговатые глаза ея внезапно округлились, и отъ огромныхъ искръ запылавшаго въ нихъ гнѣва они странно посвѣтлѣли...

— Зачѣмъ вы сюда пришли!—рѣзкимъ голосомъ прозвенѣла Роза.—Вѣдь вы не спрячете весь городъ въ своемъ кабинетѣ... Если хотите намъ помочь, ступайте въ оборону. Возьмите револьверъ и защищайте... Защищайте насъ!..

Станнымъ образомъ она—такая изящная и крупная—сильно напоминала теперь неуклюжаго Абрама, когда онъ взволнованнымъ голосомъ говорилъ про Бога и его велѣнія; и въ то же время она казалась очень похожей—какъ младшая сестра—на чужую ей Наталью, суровую и требовательную...

— Розочка, согласитесь!—настаивалъ Пасхаловъ.

И не хотѣлъ, чтобы согласилась. Не хотѣлъ, чтобы погасъ этотъ образъ—гнѣвнаго, отважнаго, отваги требующаго ребенка. Не хотѣлъ, какъ не хочешь, чтобы правда замѣнялась кляузой, сумракомъ свѣтъ, весенняя радость тлѣніемъ осклизлыхъ гробовъ.

... Потомъ, когда очутился онъ дома, и увидѣлъ въ

кабинетъ диванъ, надъ нимъ портретъ Драгомірова,— все привычное, ежедневное, и подумаль, что такъ оно будетъ и завтра, и не будетъ здѣсь Абрама, Розы, что остались Абрамъ и Роза и неподвижная Хана дома въ глухомъ переулкѣ, гдѣ все можетъ случиться, все, гдѣ случиться можетъ все,—имъ овладѣло чувство страха, такое жестокое, какъ если бы внезапно всталъ передъ нимъ эшафотъ, на который надо всходить...

— И Кочеткова я выписаль, — мертвымъ голосомъ сказалъ онъ.

Теперь онъ зналъ уже, для чего отпустилъ Тихона, и понялъ окончательно, для чего приказаль выписать его немедленно... Пусть свершается все въ непонятной безмѣрности. Послѣдній камень храма пусть падаетъ стремглавъ и, падая, пусть раздавить сердце.

X.

Толки о погромѣ поднимались каждый годъ по нѣскольку разъ, особенно передъ Пасхой. Но теперь они волновали сильнѣе, чѣмъ всегда. Теперь, чувствовалось, произойдетъ что-то совсѣмъ новое, необычное, неслыханно свирѣпое. Теперь все по иному было, по иному заявляло о себѣ, и по иному развѣртывалось. Другіе организаторы, другіе приемы у нихъ, другая смѣлость и энергія, и потому, не только непосредственно заинтересованные, но весь рѣшительно городъ, всѣ до одинаго обыватели были подъ постояннымъ вліяніемъ мысли о погромѣ. Говорили и не о немъ, заняты были и посторонними дѣлами, но главной темой, къ которой возвращались постоянно, былъ погромъ. Люди здоровались, смѣялись, работали, ѣли, заняты были разными хлопотами, заботами,—а ожиданіе, а напряженное ожиданіе было тутъ же, все время было тутъ. И тѣ, которые погрома жаждали, и тѣ, которые предпочли бы, чтобы его не было, и тѣ, въ которыхъ онъ вызывалъ жженіе позора и стыда, всѣ ждали ежеминутно, все напоенно было ожиданіемъ, и казалось, что и дома, и улицы всѣ, и тротуары, и длинныя шеренги акацій вдоль нихъ, все ждетъ и ждетъ...

. . . . .

. . . . .

. . . . .

Всѣ заражались, охватывало всѣхъ небывалое волненіе, и оно все росло и все поднималось.

Всегда остороженъ, сдержанъ, стѣсненъ. Опрокинешь что-нибудь, разобьешь—нужно заплатитъ; свое ли, чужое ли,—все равно, поплатиться нужно. И сдавленъ всю жизнь обычаемъ, законами, охраною, стыдомъ и приличіемъ. Нельзя вправо, нельзя влѣво,—прямо иди, по дорогѣ, начертанной правиломъ, правилу покорный. Нудно и скучно, и душно, какъ въ высокой фабричной трубѣ... И вотъ, всѣ падаютъ преграды, границы исчезаютъ, открывается свободная ширь, и по ней несись стремительно и бурно, какъ хочеть твой духъ, какъ скажеть случай. Никто не остановитъ, ничто не помѣшаетъ, не будетъ упрека, и отвѣтственности нѣтъ. Радостные дни широкихъ волненій, когда бить можно и рвать, ломать и топтать ногами, разрушать и жечь,—цѣнное, дорогое, красивое, когда владыкой чувствуешь себя надъ городомъ, надъ жизнью и смертью, когда царемъ становишься надъ всѣмъ, что вчера было недостижимымъ и недоступнымъ.

И не знаешь, гдѣ и на чемъ остановится внезапное обогащеніе, одну ли награбишь мѣру, десять ли, сто... Била людей лихорадка при мысли о грабежѣ, и горѣли у женщинъ глаза отъ мечтаній о новыхъ одеждахъ, о шаляхъ, объ юбкахъ, о серьгахъ. Сколько хочешь бери, чего хочешь бери. И лампу, и сахаръ, и самоваръ, и часы, и сколько захватишь ботинокъ и шубъ... И самые мирные люди—всегда честные, и наиболѣе умѣренные обыватели—всегда тихіе, выражали теперь мысли преступныя, желанія зловныя, стремленія хищныя. Духъ быстрого обогащенія, духъ внезапной наживы забрался въ сердца—даже чистыя, ихъ тревожилъ и смущалъ и наливалъ такимъ напряженіемъ, такимъ острымъ страхомъ прогадать, прозѣвать, упустить счастливый, можетъ быть, единственный случай, что тутъ же, потихоньку, давались клятвенныя завѣ-

ренія не сплоскать, не сплоскать ни за что, и уже принимались всѣ нужныя мѣры—осмотръ и приготовление уголковъ, гдѣ награбленное удобнѣе спрятать... Уже строились разные планы, уже намѣчали улицы и лавки, куда надо пойти за товаромъ, уже перечислялись наиболѣе богатыя еврейскія квартиры...

Мечтанія несложныя, младенчески-наивныя переплетались съ алканіями звѣря. Рядомъ съ чаяніями мелкаго воровства слышались темные планы убійцъ.

Выше и выше поднималась волна возбужденія, шире разливалась она и разящей чумою изъ города покатиалась по окрестнымъ деревнямъ. И въ нихъ, мужики и бабы, старцы и дѣти, богатые мироѣды и голодные батраки,—всѣ говорили объ одномъ, все о томъ же,—и уже работы всѣ и дѣла распределены были такъ, чтобы освободить время, нужное для поѣздки въ городъ. На пиршество хотѣлось всѣмъ. Но всѣхъ забрать не было возможности, и тутъ, при выборѣ, происходили ссоры, раздавались крики, брань, и доходило до дракъ... Никогда еще не было въ городѣ такого огромнаго наплыва сельчанъ—развѣ когда провожали явленную икону. Вozy тянулись со всѣхъ сторонъ, съ сѣвера и съ юга, и черезъ мостъ, справа, и по шоссеиной дорогѣ слѣва. И значеніе этого нашествія всѣмъ было понятно,—русскимъ, евреямъ...

Въ городскихъ жителяхъ приливъ конкурентовъ не вызывалъ враждебнаго чувства. Напротивъ, горожане довольны были и оказывали пріѣзжимъ большое гостепріимство. Они чувствовали себя польщенными, чувствовали себя хозяевами пышнаго, роскошно обставленнаго праздника, на которомъ мѣста хватить для всѣхъ... Приходите! И посмотрите, какъ умѣло и расторопно, какъ мило и молодцами будемъ мы распоря-

жаться. Веселая горделивость была въ обращеніи горожанъ съ гостями, ласковая привѣтливость старшихъ членовъ счастливой семьи. Какъ евреи породнены были между собою въ чувствѣ ужаса, такъ эти люди объединены были въ возбуждающей радости, въ смѣющемся ожиданіи счастливцевъ. Ходили толпою, стояли кучками, говорили объ одномъ, и другъ другу общали удачу и успѣхъ. Деньги тратили широко, не скупясь, пили много, не рассчитывая, не распредѣляя,— ибо знали, что деньги будутъ новыя, что хватить всего... Облѣпляли радостно грамотныхъ и съ праздничными лицами слушали чтеніе прокламаціи, испуская подбадривающіе возгласы и весело угрожая. Смаковали чтеніе, сопровождали его фантастическими толкованіями, расширяя и безъ того широкой смыслъ прочитаннаго до размѣровъ чудовищныхъ и безумныхъ. Одна и та же прокламація однимъ и тѣмъ же лицомъ читалась разнo; появлялись добавленія, импровизаціи, кровожадныя и волнующія... Для огромнаго большинства вся эта агитація являлась совершенно излишней,— оно было готово... Тѣхъ же немногихъ, которые еще сомнѣвались, или робѣли, рѣзкіе выкрики чтеца и его увѣренные жесты быстро побѣждали. И такъ хотѣлось быть побѣжденнымъ, такъ было пріятно и хорошо, что сомнѣніе уходитъ, что смѣлость и увѣренность воцаряется въ душѣ!.. И чтобы окончательно утвердить въ душѣ смѣлость, и чтобы совершенно угасли въ ней отблески совѣсти, начинали сомнѣвающимся припоминать всѣ ссоры, всѣ дразги, какія когда-либо имѣли съ евреями; старыя обиды свои воскрешали и огорченія,— и отъ всего этого быстро блекли послѣдніе остатки угрызений, и появлялось прочное сознаніе и правоты своей и права.

И ждали начала, ждали опаленные страстью, съ дрожью нетерпѣнія, съ мукою жажды, ждали начала.

И въ смущеніи, недовольные, въ первомъ налетѣ

зарождавшихся подозрѣній, озираясь другъ на друга, хмуро говорили, что „ведѣ уже били“, что „давно уже пора начать“... И хоть знали, знали твердо, что бить будутъ, вотъ-вотъ, сегодня, сейчасъ же, но минутами впадали вдругъ въ сомнѣніе,—и отъ него становились еще болѣе нетерпѣливыми и болѣе бурными...

И не было жалости, не было состраданія, утрачивались чувства правды и стыда,—и все, что человѣка отъ скота отдѣляетъ, утрачивалось и исчезало. Темнѣе скота становился человѣкъ, кровожаднѣе волка. Вооруженный умомъ, онъ сладострастно мечталъ о грядущей отрадѣ, и на желѣзо, на ярость, на обезпеченную безнаказанность опирался. Презирая наживу, не думая о наживѣ, съ расширенными зрачками, тяжело дыша, грезилъ о безбрежномъ разгулѣ, о грохотѣ падающихъ роялей, о звонѣ стекла, о дикой мѣшанинѣ криковъ, своихъ, чужихъ, о крови,—объ алой, горячей, широкимъ полукругомъ вверхъ упруго-бьющей человѣческой крови... Звѣрь, который сидѣлъ въ черномъ сердцѣ, былъ звѣрь трусливый. Размаху не было у него, не было шири, онъ не могъ выйти изъ опасности и не могъ открытымъ преступленіемъ, возмездіе несущимъ, погасить тяжкое алканіе свое. Онъ долго томился, ничтожный, и только сѣтью проступковъ,—мелкихъ, тайныхъ, предательскихъ,—обманывалъ свою темную страсть... Но время пришло... Горячій рокоть алыхъ потоковъ стоялъ въ сгустившемся воздухѣ, и красный паръ клубился надъ раздробленными черепами...

Кровь и безнаказанность!..

Мутнѣли глаза, оскаливались зубы, дыханіе становилось короткимъ и тяжкимъ, всѣ мышцы напрягались—для радостнаго прыжка къ связанной жертвѣ. Кровь и безнаказанность!

И ждали.

И тѣ, которые погрома жаждали, и тѣ, которые пред-

почли бы, чтобы его не было. Всѣ ждали. Все напоено ожиданіемъ, все опьянѣло отъ ожиданія, и казалось, что и дома, и тротуары, и два ряда акацій на нихъ, и зеленя скамьи межъ деревьями, и всѣ балконы, и окна всѣ, и телеграфные столбы со звонкими проводками,—все насторожилось въ болѣзненномъ трепетѣ, все ждетъ,—сумятицы, топота, осколковъ, обломковъ, тучъ пуха, безумныхъ криковъ, безумныхъ звѣрствъ,—крови ждетъ все, горячей крови...

XI.

1.

— Погрома не будетъ, Розочка, теперь ужъ навѣрное не будетъ погрома.

— Да, да, папаша, погрома не будетъ.

Изъ всѣхъ закоулковъ дома, изъ-за грудь щепня, изъ пустыхъ оконныхъ коробокъ, изъ-за высокихъ кустовъ колючекъ на пустырь рисовались ему страшныя дикія головы, огромные кулаки, топоры, ломы... А онъ все тѣ же слова бормочетъ,—и словамъ тѣмъ не вѣрить...

— Ты знаешь, вѣдь ходили къ губернатору... и губернаторъ обѣщаль... губернаторъ ручается...

— Да, да... погрома не будетъ.

Раскачиваются и сверкаютъ на солнцѣ топоры. И ревъ несется, глухой, грозный; дрожить земля, что-то на нее сыплется и падаетъ, что-то огромное, внутри пустое, и оттого тяжкій гулъ пошелъ въ воздухъ, долгій, долгій...

Больная Хана сидитъ неподвижно въ комнатѣ и дремлетъ; она не знаетъ ничего о грозѣ, а здѣсь во дворѣ уже дрожить земля, и идетъ въ воздухъ долгій гулъ...

И вотъ трескъ раздается,—дробный, частый, мелкій трескъ...

— Рро... Рро-Розочка...

Руки Абрама ловятъ дѣвочку, прыгаютъ вверхъ, внизъ, по сторонамъ. И весь онъ трясется — такъ сильно, что вдругъ отдѣляется отъ стѣны, и потомъ снова ударяется объ нее спиною. И лѣтъ по лицу потъ, а губы скошены судорогой.

— Ро-Розочка...

Онъ рванулся впередъ, подскочилъ къ дѣвочкѣ, схватилъ ее за руку и внезапно измѣнившимся, высокимъ, звонкимъ, безумно - торжествующимъ голосомъ закричалъ:

— Ты слышишь, Роза, ты слышишь?.. Барабанъ!.. Ты слышишь барабанъ?..

Онъ поднялъ кверху указательный палецъ. Его глаза сдѣлались круглыми, огромными, и дикая радость загорѣлась въ нихъ.

— Барабанятъ, Роза!.. Это солдаты... Это прислали въ городъ солдатъ!.. Это объявляютъ, что погрома не допустятъ... Когда были у губернатора, губернаторъ общалъ... Ты слышишь—барабанятъ!

— Барабанятъ?.. Развѣ барабанятъ?..

Дѣвочка прислушивалась. И пока прислушивалась, лицо ея худѣло и уменьшалось, и черныя тѣни ложились у глазъ.

— Развѣ барабанятъ?..

— Перестали... Но только что барабанили. Только что очень громко барабанили...

Онъ не договорилъ. Блѣдный, гаснущій вздохъ вышелъ изъ его груди, блѣдный и тихій вздохъ умирающаго ребенка. И медленно, медленно сталъ Абрамъ опускаться на землю. Всѣ силы его отлетали, всѣ мысли исчезали. Онъ не владѣлъ ни ногами своими, ни руками, ни языкомъ; умолкало сердце, уходила жизнь.

Все лицо его было уже мертвымъ, и только глаза,

устремленные на дѣвочку, жили. Одни глаза жили, и было въ нихъ что-то странное, что-то похожее на горькую просьбу, на страстную мольбу о прощеніи... И вотъ уже гаснуть глаза, и умиралъ человѣкъ.

Умиралъ человѣкъ, но умереть ему нельзя было.

Ему нельзя было умереть. У него была дочь.

И Абрамъ всталъ.

Самую смерть побѣдилъ человѣкъ и всталъ.

— Началось!—просто сказалъ онъ правду.—Уже началось. Уже бьютъ.

— Бьютъ... уже бьютъ, папаша.

— Ты не бойся. Не бойся, дочь моя! Ты не бойся,— съ нами Богъ.

Онъ сказалъ это тихо, но такъ выразительно, и сильно, и увѣренно, что страхъ ушелъ отъ Розы. Она спокойно прижалась къ отцу и довѣрчиво заглянула ему въ лицо. И отецъ взялъ ее за руку, повыше кисти, какъ бралъ ее, малютку, когда училъ ходить, и сказалъ:

— У насъ Богъ крѣпкій, Богъ сильный, Богъ добрый... Онъ спасетъ насъ... Онъ насъ спасетъ.

Онъ обернулся лицомъ къ востоку, къ землѣ предковъ, гдѣ на развалинахъ храма царя-мудреца дватсячелѣтія стонетъ Израиль и плачетъ. Онъ обернулся лицомъ къ странѣ восхода, куда съ разныхъ концовъ Господней земли каждый день оборачиваются евреи въ молитвѣ. Онъ стоялъ и слушалъ... И если бы духъ зла увидѣлъ его въ эту минуту—дрогнуло бы недрожавшее сердце, и горько бы зарыдалъ онъ отъ состраданія и скорби.

Онъ недвижно стоялъ, обернувшись къ востоку.

— Вотъ день... Господи, не въ этотъ ли? Не до заката ли возьмешь ты душу мою и души близкихъ моихъ? Господи!

2.

Шумъ не былъ особенно сильнымъ, и толпа, которая бушевала невдалекѣ, не была очень многочисленна. Но Абраму адъ чудился и ураганъ. Безчисленные желѣзнодорожные поѣзда налетали другъ на друга, еще и еще, и разбивались, и валялись въ пропасть. Дробились стекла, звенѣла сталь. Изъ тѣсныхъ свистковъ паръ вырывался, оглушая, и на тысячи осколковъ разлетались котлы. И черные духи, радуясь празднику разрушенія, съ побѣднымъ визгомъ неслися плотной тучей, скрежетали зубами, звенѣли копытомъ, хвостами сплетались и рогами выбивали красныя искры.

И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ треска и грохота гдѣ-то поблизости, въ третьемъ дворѣ, засверкалъ вдругъ женскій крикъ,—отдѣльно, высоко, ослѣпительно-остро засверкалъ женскій крикъ, неземнымъ ужасомъ налитый молодой женскій крикъ...

Абрамъ понялъ.

И когда понялъ, схватилъ Розу на руки и бросился бѣжать.

3.

Онъ понесся черезъ дворъ, по мусорнымъ кучамъ. Потомъ бѣжалъ онъ черезъ пустырь, среди невысокихъ кустовъ колючекъ, вдоль широкой канавы, лоснившейся сѣровой, жидкой грязью. Шапка свалилась съ него и, подхваченная вѣтромъ, помчалась въ сторону, къ кустамъ. Онъ бѣжалъ, захлебываясь и задыхаясь, и какіе-то короткіе, хриплые звуки, похожіе на обломки рычанія, вырывались у него изъ горла... Онъ крѣпко прижималъ къ себѣ дочь. На груди своей, у подбородка, видѣлъ онъ бѣлое лицо ея, ея голубые глаза... И онъ бѣжалъ.

Вотъ заборъ. По ту сторону безопасно. Въ небольшомъ особнячкѣ живутъ русскіе люди... Абрамъ видѣлъ ихъ... Абрамъ знаетъ ихъ... Тамъ спасеніе...

Абрамъ подбѣжалъ къ забору, поднялъ кверху обѣ руки, и перебросилъ Розочку на чужой дворъ. Онъ вскочилъ и самъ на заборъ и бросился съ него внизъ. Онъ упалъ на колѣни, а лицомъ и руками уткнулся въ густо и широко разросшіеся прутья ежевики. Сотни шиповъ вонзились въ него, въ платье, въ кожу,—съ такой радостной жадностью, будто давно уже подстерегали его и ждали, и ужъ боялись, что онъ не придетъ... Абрамъ рванулся, хотѣлъ встать, но шипы не пускали. Онъ рванулся сильнѣе. Кровь сразу показалась на лицѣ его и на рукахъ. Быстро, почти безсознательно, онъ обломалъ нѣсколько вѣтвишекъ въ него прутьевъ, вскочилъ, опять схватилъ Розу въ руки, и растерзанный, растрепанный, съ сухими стеблями и листьями въ волосахъ и бородѣ, побѣжалъ...

— Дочь... дѣвочку... спасите мою дѣвочку...

Кухарка держала въ лѣвой рукѣ большую разливную ложку и вытирала ее краемъ фартука. У бабы было блѣдноватое, дряблѣе лицо, очень морщинистое, и негустые, съ сильной просѣдью, волосы, тонкими пластинками ложились отъ бѣлаго пробора по обѣимъ сторонамъ головы. На плитѣ въ котлѣ что-то кипѣло, паръ торопливо постукивалъ черной крышкой и, вырываясь изъ-подъ нея, клубился къ потолку.

— Нѣтъ, голубчикъ, нѣтъ... Сюда нельзя, нельзя..

— Дѣвочку... спасите мою дѣвочку... спрячьте дѣвочку мою...

— Говорять, нельзя сюда!.. Не хозяйка я тутъ, въ услуженіи... Господа узнаютъ... я распоряжаться не могу...

Абрамъ протягивалъ впередъ руки, раскрывалъ ротъ, хотѣлъ говорить,—и говорить не могъ. Кровь

была у него на пальцахъ и на лицѣ, подѣ лѣвымъ глазомъ.

— Тамъ бьютъ,—прохрипѣлъ онъ. Глаза его остановились и застыли...—Тамъ женщины... уже кричатъ женщины...

— И женщины кричатъ, и мужчины. Всѣ теперь кричатъ,—недовольнымъ тономъ сказала кухарка.— Еще бы не кричатъ, когда такое дѣлается... Ну только вы, пожалуйста, идите себѣ стсюда, пока баринъ не услышалъ. Ей-Богу, идите...

— Дѣвочку мою... только дѣвочку...

Абрамъ стоялъ на колѣняхъ. Опираясь обѣими ладонями въ полъ, онъ цѣловалъ полъ, лежавшую на немъ рогожку. Чернымъ горбомъ вздымалась согнутая спина его, сѣдые окровавленные волосы падали съ обнаженной головы на рогожку, и прижавшись одна къ другой, вертикально, носками внизъ, стояли широкія подошвы съ большими шляпками желѣзныхъ гвоздей.

— Дѣвочку... только дѣвочку мою... Я уйду... я сейчасъ домой уйду... у меня тамъ жена больная. Спрячьте только дѣвочку.

— А!.. Да когда-жъ не могу я, говорить тебѣ!.. Вотъ настырный, ей-Богу!.. У насъ и такъ въ сараѣ Нухимъ съ ребятами спрятался... шесть душъ... А какъ и до насъ жулики придуть, бить начнутъ? Не посмотрятъ тогда, кто и русскіе... думаешь какъ?.. Идите себѣ, идите скорѣе... Лучше вы рядомъ пойдите, до капитана, тамъ вашихъ никого нѣту, тамъ и скоронитесь...

4.

И вотъ, стоитъ уже Абрамъ во дворѣ, подлѣ ежевике, у забора. И Роза стоитъ около него, и онъ держитъ ее за руку.

Куда?..

Куда же?..

Все налетаютъ другъ на друга безчисленные поѣзда поблизости, съ грохотомъ валятся въ пропасть, звенить стекло, разрываются котлы, свистятъ немолчно свистки, красныя искры, и красныя ручьи бьютъ фонтаномъ, разсыпаются, и все собой покрываютъ.

Куда же, куда?..

— Степанида, что тутъ за шумъ у васъ?

Васильковскій, сворачивая листъ брестольскаго картона, вышелъ изъ столовой и остановился на порогѣ кухни.

— А да ну ихъ, баринъ, совсѣмъ, съ этими и съ евреями! — Кухарка взмахнула руками. — Прибѣгаль тутъ одинъ съ дѣвчонкой, прятаться.

— Гдѣ же онъ?

— Гдѣ? Послала до капитана, вотъ гдѣ.

— Это чортъ знаетъ что, Степанида!.. Отчего вы не оставили ихъ здѣсь?

— А что мы имъ за сторожа далися?.. И такъ въ сараѣ у насъ можетъ больше пятнадцати душъ ихъ собралось. Другого мѣста нѣтъ?

Васильковскій, держа въ рукахъ бѣлый свертокъ, съ хмурымъ, злымъ лицомъ смотрѣлъ на кухарку. И думалъ онъ о Пасхаловѣ...

— Звѣрская у васъ душа.

Степанида смутилась.

— Ну какъ же въ самомъ дѣлѣ? Все до насъ, да до насъ... Тоже и у насъ не миква еврейская.

— Миква?.. Что такое миква?

— Да... такая она... еврейская... Приходятъ евреи и молятся: геръ-геръ-геръ, геръ-геръ-геръ...

Васильковскій все стоялъ на порогѣ, въ хмурой невѣрительности.

— А ничего имъ и не будетъ,—продолжала Степа-

нида.—Не безпокойтесь, всѣхъ не перебьютъ, на разводъ всегда останется.

„Десять жидонятъ дружески ѣдятъ“,—мелькнуло въ головѣ инженера. И лицо его сдѣлалось еще болѣе пасмурнымъ и печальнымъ...

5.

— Надо домой, къ мамашѣ,—тихо сказала Роза.

Абрамъ очнулся, вспомнилъ.. И снова прорѣзалъ весь грохотъ налетавшихъ и проваливавшихся поѣздовъ пронзительный женскій крикъ... Абрамъ опять схватилъ дѣвочку на руки и опять помчался—черезъ канаву, черезъ кусты, черезъ кучи мусора и щебня. А сзади несся женскій крикъ...

Бѣлое лицо Розочки лежало на груди Абрама, и смотрѣли отцу въ глаза голубые глаза дочери.

Абрамъ прибѣжалъ домой, ввалился въ сѣни, поспѣшно захлопнулъ дверь и также поспѣшно задвинулъ тяжелый засовъ. Кадку съ водой, которая стояла въ углу, онъ придвинулъ къ двери, на кадку поставилъ ящикъ съ обувью, и поверхъ ящика для чего-то сталъ бросать все, что попадалось подъ руку—метелку, синюю эмалированную кастрюлю, какія-то тряпки...

И вотъ тихо стало вокругъ. Совсѣмъ стало тихо, и всѣ вокругъ замерли звуки. Ни криковъ, ни треска, ни гула, ни женскаго вопля, — ничего уже не было слышно..

Абрамъ прильнулъ глазомъ къ щели. На дворѣ никого не было. И въ переулкѣ никого не было видно. И въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не видно было людей и неслышно было криковъ... А потомъ, изъ-за мостика, изъ Александровской улицы, выплеснуло въ переулокъ пеструю ватагу быстро мчавшихся ребяташекъ. И сей-часъ послѣ дѣтей показались и взрослые,—мужчины и

женщины. Всѣ неслись впередъ, по переулку, съ крикомъ, съ гамомъ, на бѣгу пригибались къ землѣ, схватывали камни и швыряли ими по сторонамъ. Отставъ отъ всѣхъ шаговъ на тридцать, ковыляла хромая старуха. Она была совсѣмъ уже сѣдая, очень тощая и высокая. При каждомъ шагѣ она сильно подавалась влѣво, точно въ поясѣ переламывалась, и казалось, что ей очень больно ступать, и что вотъ-вотъ она упадетъ. Но она не падала, бѣжала впередъ, за другими, все больше и больше отставая. Красный платокъ сползъ съ ея головы на плечи, сѣдые косички распались и тонкими космами развѣвались по вѣтру. Она бѣжала, переламываясь, и старымъ, хриплымъ, злымъ и жалобнымъ голосомъ, давясь, кричала:

— Да суды же, суды!.. Да куды жъ вы?.. Да лучше же суды...

Ее не слушали ни ребятишки, ни взрослые; всѣ бѣжали, дальше, впередъ,—и старуха тоже бѣжала. Ярко сверкалъ подъ затылкомъ ярко-красный платокъ, сѣдые волосы змѣились на немъ, и она бѣжала, отставшая, и жалобно, со слезами и злостью, звала, спотыкаясь:

— Да суды же, суды... да лучше же суды...

И потомъ скрылась,—послѣдняя.

— Ушли! — съ дикой радостью закричалъ вдругъ Абрамъ, оторвавшись отъ щели и схвативъ Розу за руку.—Насъ не замѣтили, ушли.

Онъ припалъ къ свѣтлой головѣ дочери и сталъ осыпать ее поцѣлуями.

— Ушли... ушли... Дитя мое... дочечка моя. . Господь спасъ насъ, Господь защитилъ насъ! У насъ крѣпкій Богъ... У насъ крѣпкій и праведный Богъ ..

— Чего ты кричишь?—сердито отозвалась изъ комнаты очнувшаяся Хана. — Что это за новыя моды такія, чтобы кричать!

Абрамъ замеръ, вытаращилъ глаза и положилъ палецъ на губы.

— Шш... тите...—прошепталь онъ.—Пусть она не знаетъ, пусть ничего не знаетъ.

— Роза, отчего ты не пойдешь прогуляться?—недовольнымъ тономъ сказала больная.—Цѣлый день дома... Надѣнь новую форму, походи, пройди.

— Я пойду, мама.

— Походи. Одѣнься и иди...

Во дворѣ, подъ самымъ окномъ, прокатилась громкая ругань. Потомъ свистъ пронесся, топотъ... Что-то гулко ухнуло, раздавался звонъ, крикливый плачь разбиваемыхъ стеколъ. Нѣсколько камней и деревянныхъ обломковъ черезъ окно влетѣли въ комнату, ударились въ стѣну и упали на комодъ, гдѣ стоялъ подносъ со стаканами и блюдами. Красный, съ чернымъ закопѣлымъ краемъ кирпичъ, мягко шлепнулся на постель Ханы. И показалось въ окнѣ нѣсколько чужихъ фигуръ, весело и яростно ругавшихся...

Роза изъ сѣней метнулась въ комнату.

— Мама! . Мама моя, мама!

Она бросилась къ матери, на полъ, обвила тонкими руками ея неподвижныя, налитыя водой, умершія ноги, и щекой крѣпко прижалась къ колѣнямъ. И надъ чернымъ хаосомъ звона, визга, треска, рева, лязга, надъ побѣднымъ рычаніемъ свирѣпѣвшихъ звѣрей, какъ одинокая чайка надъ клокочущимъ моремъ, билась, сверкая, дѣтская мольба:

— Мама моя... не трогайте маму... маму...

ХII.

1.

Шель кровавый разливъ.

Шель, расширяясь, изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, изъ сердца въ сердце, шель черезъ людей, опустошающій, и всѣхъ, тысячерукій, ровняль: банкира

съ нищимъ, младенца съ ветхимъ, съ несчастнымъ побѣднаго, притѣснителя съ рабомъ, — всѣхъ, какъ смерть, ровнялъ, и всѣхъ топилъ въ бездонномъ ужасѣ. Не разверзалась земля, не спускалась огневая десница съ небесъ, не вступался Господь, и все, что въ нихъ было нечистаго, злого и мрачнаго, исторгнуль изъ гѣдръ своихъ адъ и влилъ челоуѣку въ душу. И несся челоуѣкъ чернымъ дьяволомъ, какъ темное проклятіе смерти, и смерть сѣялъ, и сѣялъ муку, — муку, какой не знала земля.

Цѣпенѣли евреи, застывали, и выраженіе дикое стояло въ мутныхъ, въ угасшихъ глазахъ. Не разговаривали, не двигались, не дышали... Потомъ, вдругъ, неизвѣстно почему, — отъ шопота, отъ шороха, отъ вздоха, отъ тѣни мелькнувшей, дикій вопль поднимался, бросались бѣжать, на бѣгу падали, валились съ лѣстницъ, летѣли съ балконовъ...

Но никто не преслѣдуетъ, никто не бьетъ... И убѣдившись, что тревога на этотъ разъ ложная, люди быстро стихали, снова сходились въ тайныя убѣжища свои, и опять только подавленные вздохи звучали, и только слышался неровный бѣгъ замиравшихъ сердець.

И такъ были всѣ неподвижны, безмолвны и блѣдны, что, казалось, не живые люди, а выходцы изъ могилъ сидятъ, и было странно, что видишь живыя одежды, а не бѣлыя складки истлѣвшаго савана... Темныя искры безумія ложились на лица, и боясь его, и чтобы не увидѣть его, люди отворачивались другъ отъ друга, смотрѣли въ сторону, закрывали глаза. Но и съ закрытыми глазами, но и черезъ опущенныя вѣки видѣли, чувствовали, ясно и рѣзко чувствовали холодный налетъ помѣшательства, — и на собственномъ и на чужомъ лицѣ, — и минутами, страхъ передъ нимъ и страхъ передъ тѣмъ, что должно свершиться, дѣлался такимъ нестерпимымъ, что ужъ являлось жадное желаніе сойти

съ ума поскорѣе, что укрыться въ черной пучинѣ безумія хотѣлось сейчасъ же. И о самоубійствѣ ласкала душу упорная мысль, и о собственноручномъ убійствѣ дорогихъ и близкихъ людей...

Дрожать уже прочныя стѣны. Пришелъ ужъ кровавый разливъ. За окномъ онъ... И смотреть безмолвно молодая мать на своихъ дѣтей, и безмолвно взывая къ Богу,—или въ изступленіи Его проклиная,—прощается съ ними. Мать ли убьютъ, дѣтей растерзаютъ ли, всѣхъ ли вмѣстѣ зарубить уже красный топорь?..

И въ послѣдней заботѣ о дѣтяхъ, мать кладетъ дѣтямъ въ карманы хлѣбъ: если спасутся, убѣгутъ, если нужно будетъ скрываться, гдѣ-нибудь одиноко таиться—за городомъ, въ плавняхъ, въ заросшемъ оврагѣ, въ щеляхъ прирѣчныхъ обрывовъ, пусть не задушить ихъ голодь...

Но можетъ быть поздно? Но можетъ быть смерть?

И нужно предстать предъ Господомъ?

Со страннымъ спокойствіемъ ставитъ еврейская мать свое дитя на столъ, обмываетъ ему лицо, расчесываетъ неторопливо свѣтлые волосы, надѣваетъ на него чистую рубашку, и тихимъ, ровнымъ голосомъ читаетъ ему предсмертную молитву. „Скажи, мой первенецъ, предсмертную молитву“. И дитя съ расчесанными свѣтлыми волосами повторяетъ за матерью предсмертную молитву.

2.

Въ этотъ день Пасхаловъ съ утра сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и даже къ чаю не вышелъ въ столовую. Онъ весь поглощенъ былъ странными мыслями объ искупленіи. Какое будетъ оно, въ чемъ именно должно оно заключаться, это искупленіе,—онъ не зналъ. Но чудился выходъ, доброе разрѣшеніе. „Грѣхъ народа своего понесешь ты“... Блѣдное лицо становилось спокойнымъ

и негрустнымъ,—только очень серьезнымъ было оно, очень задумчивымъ. Куда-то кверху обращались глаза, къ небу, къ его тайнымъ глубинамъ, къ лучезарному молчанію его... Сердце билось ровно и тихо, исчезалъ страхъ, замирала тоска. Одѣтыя солнцемъ, нѣжно сіяли свѣтлыя стѣны церкви, сивій куполь ея сливался съ синей безгрѣшностью неба, а золотой крестъ наверху струилъ въ своихъ бѣлыхъ лучахъ и ласку, и миръ, и увѣренность... „Грѣхъ народа твоего понесешь ты“...

Онъ думалъ о томъ, что дѣлается въ городѣ, объ Абрамѣ и его семьѣ, и ему было страшно, что ихъ убьютъ. Онъ думалъ: не нужно, чтобы ихъ не убили, это будетъ нехорошо, если ихъ не убьютъ. Во всей безмѣрности ужаса пусть свершится грѣхъ, — и полнѣе будетъ искупленіе.

Все наверхъ смотрѣлъ онъ, на небо, на бѣлѣвшій въ немъ лучистый крестъ, — и лучиться начинало изможденное лицо его, и его глаза. Чистый пламень молитвеннаго умиленія вспыхивалъ въ нихъ, и радостную благодарность Богу тихо шептали уста.

Но потомъ опять налетали черныя тѣни и ложились на лобъ. Опять выраженіе страданія являлось, и онъ тяжело вздыхалъ. Мысли простыя, жесткія, какъ правда, и свѣтлыя, какъ правда, становились передъ нимъ, и отъ нихъ укрыться ужъ нельзя было. Весь этотъ нелѣпый и дикій вздоръ о какомъ-то искупленіи навѣявъ старой поповской закваской. Отецъ священникъ, и дѣдъ священникъ, и съ дѣтства видѣли глаза, такъ близко, все эти же церковныя стѣны. Наталья права: онъ слишкомъ близокъ къ церковнымъ стѣнамъ. Несмѣлый духъ его, лишенный силъ, бродилъ межъ нихъ, все межъ нихъ, и, уходя, уйти не могъ, и, освобождаясь, не могъ освободиться... Теперь, въ черный день нестерпимыхъ страданій, онъ рабски припадалъ къ старой лжи, и отъ нея ждетъ избавленія. Зловредный сумракъ брошеннаго храма вотъ снова стелется въ ма-

лой и слабой душѣ, и ее покоряетъ. Съ приподнятаго креста упалъ обманнй лучъ, и гниль холоднаго мрака убралъ пагубной фальшью смиренія и мертвящими брызгами елея... Какую ненависть, какое безмѣрное презрѣніе, какой страстный гнѣвъ должны вызвать въ Натальѣ всѣ эти изувѣрскія мысли объ искупленіи!.. И никогда, никогда не осмѣлился бы онъ высказать ихъ ей, и ему самому они глубоко противны и ненавистны.

3.

Когда долетѣли до Пасхалова первые всплески разлива, и ударилъ его въ сердце первый крикъ избиваемыхъ,—онъ медленно сталь, и, закрывъ глаза, съ минуту постоялъ безъ движенія, прислушиваясь... Потомъ неторопливо, жестомъ разбитаго, больного человѣка, взялъ шляпу и вышелъ.

— Ты куда же это, Федя! — перегородила ему дорогу Арина Петровна.

Пасхаловъ сдѣлалъ шагъ вправо и обошелъ мать. Но Арина Петровна, пятясь, все преграждала ему путь и съ мольбой, повышая голосъ, твердила:

— Не ходи ты туда... Федя, родной мой, не ходи!.. Христось съ тобой... Что ты затѣялъ?.. Не ходи!..

Федоръ Павловичъ, ничего не отвѣчая матери, шель къ калиткѣ, а черезъ минуту шагаль уже на улицѣ, вдоль церковной ограды.

Въ воздухѣ носились далекіе крики, далекое глухое уханіе, и слышались порою одинокіе выстрѣлы. Пасхаловъ шель медленно и какъ-то странно напрягаясь плечами и грудью. Точно грозные звуки эти образовывали густую, плотную среду, и въ ней ходить было—какъ въ морѣ въ день зыби... Временамъ, когда долеталъ крикъ особенно отчаянный и горькій, онъ останавливался, отшатывался,—какъ если бы плывшее

навстрѣчу невидимое бревно съ силой ударило его въ грудь.

„Къ нимъ... къ Абраму... защитить... спасти надо!“

И вдругъ онъ бросился бѣжать.

Но онъ бѣжалъ недолго.

За угломъ, на Рождественской улицѣ, громили...

Уже бѣлой была мостовая отъ перьевъ, уже усѣяна была она обломками мебели, и на синемъ фонѣ неба странно раскачивалась и вздувалась вѣтромъ выброшенная изъ третьяго этажа и зацѣпившаяся за телеграфную проволоку розовая юбка. Грохотъ стоялъ, звонъ, лязгъ, дикое, радостное гоготаніе...

— Что вы дѣлаете!.. Несчастные... проклятые... что вы дѣлаете!

Съ лицомъ безумнаго, поднявъ кверху руки, Пасхаловъ врѣзался въ толпу.

— Проклятые... звѣри... несчастные!

— Ребята, лови люльку!..

Въ окнѣ третьяго этажа показался Кочетковъ. Откинувъ голову, скаля зубы и показывая свою крѣпкую юношескую шею, онъ поднималъ надъ головой, коленами вверхъ, бѣлую дѣтскую колясочку.

— Тихонь... Тихонь!..

— Лови, братцы!.. Жиденка унесли, да мы—ничего: сейчасъ и его сыщемъ... Лови!

Полетѣли, кружась, двѣ маленькія подушки и бѣлое одѣяльце, и тотчасъ за ними, сверкая лакомъ, описала въ воздухѣ широкую дугу дѣтская колясочка.

... Громко рыдалъ Пасхаловъ, задыхаясь; онъ что-то дико кричалъ, размахивалъ руками, руками схватывалъ людей за плечи и сильно ихъ трясъ...

— Да треснуть его, сукинаго сына, по башкѣ, — проревѣлъ веселый голосъ. — Демократъ это... жидь... Бей его, хлопцы!

— Кого бить, бисова таракуцка? — вразумительно сказалъ подворотній Трохимъ, ограждая своимъ тѣломъ

сбитаго съ ногъ Пасхалова. — Чи ты сбисывся?.. А ще городовой!.. це-жь докторъ, Хведоръ Павловичъ, отца Павла сынъ...

Отстраняя грудью людей и расталкивая ихъ руками, онъ озабоченно добавилъ:

— Звощика надо, та до дому!

ХШ.

1.

— Маму... маму... не трогайте маму!..

Однимъ и тѣмъ же, немѣняющимся, ровнымъ, дикимъ, полнымъ смертельнаго ужаса голосомъ кричала Роза. И было непонятно, что такъ кричить, что такъ можетъ кричать человѣкъ, худенькая дѣвочка, тринадцати лѣтъ. Жуткая и опасная тайна была въ этомъ, грозное дѣйствіе неадѣшнихъ силъ,—и ледяное вѣяніе ихъ проходило острой сталью по сердцу, по спинѣ, — даже у громилы.

— Та цыть, не ори, горло проклятое!

И цѣлая туча мелкаго щебня и тяжелыхъ камней посыпалась изъ-за окна въ комнату, на полъ, на вещи, на людей. Звонъ раздался, дробный трескъ, и мягкое, сдержанное шлепаніе.

— Ой! что это?—вскрикнула Хана.—Обваливается... потолокъ обваливается... домъ валится... Абрамъ, валится домъ... Я говорила...

Абрамъ бросился къ окну, гдѣ уже не было стеколь, а торчали одни лишь острые осколки, протянулъ поперекъ его, какъ распятыи, руки; и вадыхаясь; и обливаясь слезами, сколько силъ было, вавогиль.

— Я васъ прошу... я васъ какъ **Бвга** прошу... уидите, не трогайте... Здѣсь больная... **одѣсь** уиуиравтъ...

женщина умираетъ... Какъ Бога прошу, какъ Бога... дайте умереть...

По ту сторону окна, во дворѣ, впереди всѣхъ, держась окровавленными пальцами за переплетъ окна, въ розовой бумазёйной рубахѣ, въ синемъ жилетѣ съ двумя рядами металлическихъ пуговокъ, стоялъ расстрепанный, тщедушный и какой-то искривленный мужичонка, незначительный и сѣрый. Ничего звѣрскаго, разбойническаго въ немъ не было. Маленькій, вздернутый, дѣтскій носъ, желтоватая, вялая бороденка, узкіе глаза, сѣрые, весело улыбающіеся... Абрама человѣкъ этотъ зналъ много лѣтъ, и его Абрамъ тоже зналъ хорошо, и въ лѣтній зной часто подходилъ къ его кваснѣ на привозной площади, выпить на копѣйку хлѣбнаго квасу. — „Кабы не вашъ, Микита, замѣчательный квасокъ изъ ледомъ, — говоритъ онъ, вѣжливо улыбаясь, — то по такой жарукѣ таки можно очень хорошо растаять“. — „Квасъ дѣло Божье, — съ такою же дружелюбной и довольной улыбкой отвѣчалъ Никита, — человѣку на прохлажденіе. Прохлаждается внутренность...“

Теперь на сѣрожелтомъ, мятомъ лицѣ Никиты было радостно-хлопотливое выраженіе, — точно подошла большая и щедрая компанія къ его кваснѣ и потребовала сразу полдюжины бутылокъ „боярскаго“, по гривеннику за бутылку... Но и легкую примѣсь озадаченности выражало оно, и какая-то тѣнь удивленія, тѣнь неясной досады, мелькала въ его глазахъ, пока онъ смотрѣлъ на молившаго Абрама и на то, что дѣлается позади него.

— Ай уйти, ребята? — медленно повернулъ онъ назадъ голову. — Въ другое мѣсто куда... Жидовъ много...

И уже упала рука его съ переплета окна...

Но что - то остро взвизгнуло, порвалось, гукнуло, упало... нѣсколько человѣкъ толкнули Никиту, навалились на его спину, и онъ, вмѣстѣ съ сорвавшейся

гнилой рамой, бухнулся, сперва на подоконникъ, а потомъ на полъ. Въ окно, одинъ за другимъ, стали прыгать люди. Отброшенный къ комоду, Абрамъ снова метнулся впередъ, загоразивая руками дорогу къ Ханѣ, и вопилъ:

— Какъ Бога... какъ Бога прошу...

— Идолъ!.. Просишь?..

Большая, жилистая, обнаженная до локтя, поросшая черными волосами, рука схватила съ комода сапожную колодку, взвилась кверху и колодкой, задкомъ ея, ударила Абрама между глазъ. Раздался короткій, сухой трескъ, точно наступили каблукомъ на скорлупу орѣха. И красное вдругъ брызнуло, сверкнуло, и быстро потекло внизъ... Рука взвилась опять, и опять раздавилъ каблукъ скорлупу, — уже другую и еще мельче... Абрамъ покачнулся. Онъ протянулъ впередъ руки и судорожно ими замахалъ. Онъ подался было въ сторону, но въ третій разъ послышался короткій трескъ падавшей на обнаженный черепъ колодки... И безъ звука, безъ стопа, Абрамъ свалился.

На спину свалился, и лицо его, съ открытымъ и молчавшимъ ртомъ, все залитое краснымъ, очутилось между комодомъ и стуломъ, а глаза направлены были къ потолку... Цѣлый ворохъ вещей, и обломковъ вещей, въ минуту наваленъ былъ на неподвижно лежавшее тѣло, на красную, быстро расширявшуюся лужу у головы; и по ногамъ Абрама, по груди его и по лицу метавшіеся въ квартирѣ громы ступали, какъ по вещамъ...

— Что такое?.. Что тутъ дѣлается?—вопила Хана.

Голова ея властною рукою болѣвани прикована была къ плечамъ, какъ стальными лапами, и повернуть голову женщина не могла. Она не могла двигать и глазами, и глаза смотрѣли только прямо впередъ, по двумъ неизмѣннымъ, какъ телеграфныя проволоки вы-

тянутымъ линіямъ, и то, что дѣлалось по сторонамъ, ей плохо было видно.

— Грабители... разбой... это разбой...

И пока изъ-подъ нея рвали подушки, и выпускали изъ нихъ пухъ, пока ломали мебель, били посуду, и въ бѣшеномъ весельѣ, со свистомъ, ревомъ, хохотомъ, гиканьемъ, разбрасывали сапожниціи инструментъ и заготовленную для починки старую обувь, Роза лежала на полу и, прижавшись головой и грудью къ ногамъ больной, рыдала.

— Маму... маму... не трогайте маму...

Долговязый парень, скуластый, узкогрудый, босой, въ засученныхъ штанахъ, съ надвинутой на самыя брови свѣтло-сѣрой мерлушковой шапкой, подбѣжалъ къ Ханѣ и, сильно размахнувшись, ударилъ ее въ лицо, сбоку, по щеку... И Хана не пошевельнулась и не вадрогнула. Неподвижная оставалась она, какъ стѣна, какъ огромный желѣзный цилиндръ, доверху налитый водой, и не поднялись ея руки,—ни для мольбы, ни для инстинктивной самозащиты. Мертвые, не шелохнулись руки... И скуластый парень не понялъ. Съ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на человѣка, который, какъ каменный столбъ, какъ свая, недвижнымъ сидитъ подъ ударами....

Странно смущенный, и въ то же время какъ бы чѣмъ-то неизвѣстнымъ обиженный, во внезапно нахлынувшей тупой ярости, сорвалъ онъ вдругъ со стѣны зеркало, уже разбитое, высоко поднял его обѣими руками надъ головой и, какъ топоромъ при рубкѣ дровъ, замахнулся на Хану.

Тогда Роза быстро поднялась съ пола, стала между матерью и громилой, къ нему лицомъ, вся вытянулась, сильно вытянула кверху обѣ руки и начала молить:

— Не убивайте... не бейте!...

Парень смотрѣлъ на нее въ мгновенномъ замѣшательствѣ... И вдругъ Роза высоко подскочила, вцѣпи-

лась громилѣ въ поднятыя руки, пониже локтей, и такъ на немъ повисла. Маленькая, она не касалась ногами пола и изо всѣхъ своихъ силъ трясла парня руки, въ надеждѣ выбить изъ нихъ тяжелое зеркало, въ надеждѣ спасти свою мать....

Раза два зеркало нагнулось, вправо, влево; оно выскользнуло потомъ и съ тонкимъ лязгомъ грохнулось на груду обломковъ, позади парня. Руки его тогда опустились, и Роза упала на полъ.

— Не трогайте... не трогайте маму...

... Кругомъ ломали, рвали, горланили. Сыпались ругательства, хохотъ раскатывался, рвалъ воздухъ острый свистъ.... А скуластый парень стоялъ неподвижно противъ Розы, молчалъ, пріоткрывъ ротъ, и на нее смотрѣлъ.

Маленькая.

Тоненькая.

Бѣлая...

Бѣлое, нѣжное лицо и бѣлая дѣтская шея, обнаженная въ борьбѣ... бѣлая кофточка на узкихъ плечикахъ, на едва замѣтныхъ выпуклостяхъ юной груди... И свѣтлые волосы, длинные, густые, рассыпались по плечамъ....

Ротъ парня скашивался, зубы оскаливались...

И все молча смотрѣлъ онъ,—на нее, на маленькую, на худенькую, съ обнажившейся въ борьбѣ дѣтской бѣлой шеей, на тонкую, бѣлую дѣвочку молча смотрѣлъ онъ.

2.

... Парень схватилъ Розу подъ мышки, отдѣлилъ ее отъ пола, поднялъ въ уровень своихъ плечъ и бросилъ въ сѣни.

И маленькая, тоненькая, вся бѣлая, билась Роза въ

рукахъ парня и трепетала,—какъ въ бурю трепещеть покрытая цвѣтомъ юная вѣтка яблони.

И здѣсь Хана поняла...

— Иду!

Обѣ руки больной крѣпко нажали кровать, и женщина качнулась.

— Иду!

Она качнулась опять.

— Иду!.. Иду!..

И чудовищная, неестественная, похожая на человѣка форма, долгія недѣли не шевелившая ни однимъ мускуломъ, сразу теперь встала и пошла.

— Иду!

— Мма... мма... мамма!..

— Иду!.. Иду!..

На опрокинутомъ и разбитомъ комодѣ, среди непонятной кучи поломанныхъ изувѣченныхъ вещей сверкало продолговатое лезвіе остро-отточенного, до половины обмотаннаго кожей, сапожникаго ножа. Хана взяла ножъ, зажала въ рукѣ,—и теперь мертвые пальцы слушались....

Она шла.

Она перешла уже черезъ всю комнату....

Но здѣсь летѣвшій изъ кухни самоваръ ударилъ ее въ животъ...

Раскрывъ ротъ и странно ахнувъ широкимъ, низкимъ звукомъ, больная замотала головой, качнулась и, какъ сброшенная съ пьедестала бронза, рухнула у порога, на ноги неподвижнаго Абрама.

— Иду!.. — рычала она, сжимая въ рукѣ ножъ:— иду!..

Но уже не шла. Она лежала неподвижно, какъ огромный, тяжелый кулъ, свалившійся съ воза, и захлабываясь, продолжала рычать:

— Богъ! Богъ!.. Гдѣ же ты, Богъ!..

И то, что дѣлали съ ея дочерью, совершалось въ полуаршинѣ отъ нея.

.....

8.

Толпа ушла. Въ квартирѣ стало совершенно тихо. Абрамъ, почти совсѣмъ оголенный, брошень быть на обнаженное тѣло дочери. Хана лежала тамъ же, гдѣ свалилась, и въ ротъ ей вдавлена была отрѣзанная, залитая кровью, грудь дѣвочки.

XIV.

Еще пятьдесятъ часовъ длился кровавой разливъ. А потомъ, когда онъ прекратился, началась страшная работа.

Начали разыскивать и подбирать убитыхъ людей и недобитыхъ, и остатки людей, отрѣзки, — руки, уши, ноги, груди. Тѣла, съ вколоченными въ нихъ гвоздями, еще дышавшія и уже застывшія, подбирали. Обгорѣлые трупы и раздавленные; внутренности, вырванные изъ утробы, и мертвецовъ съ пустою утробой. Въ одиночку лежали мертвецы и цѣлыми семьями, отцы на дѣтяхъ, съ братьями сестры, подлѣ слугъ хозяева, по синѣлые, багрово-черные, вспухшіе, раздутые, въ липкихъ лужахъ гнилой крови. Лежали, гдѣ засталъ ударъ, на лѣстницѣ, въ чуланѣ, въ печкѣ, на коврѣ, у остатковъ фортепяно, — и тамъ лежали, куда успѣли отползти, осыпанные ударами, полуживые. Лежали лицомъ къ землѣ, въ зловонной грязи, и глазами кверху, къ вѣчному небу. Или на мертваго смотрѣль мертвецъ—тусклымъ окомъ, странно протянувъ свои переломанныя руки. Уже стоялъ запахъ, уже источали

трупы клейкую жидкость, и лопалась на лицѣ кожа и облѣзала... Встрѣчались лица тихія, нѣжно-блѣдныя, глубоко-спокойныя, съ глазами прикрытыми,—какъ для нѣжной мечты; и рядомъ виднѣлись искаженные, изувѣченные ужасомъ и болью глаза,—и черные, широко раскрытые рты, въ которыхъ крикъ застылъ кровавымъ чудовищемъ, огромнымъ, какъ горы. Еще звучалъ этотъ крикъ, хотя давно уже ооченѣлъ трупъ, и мучительныхъ переливовъ его не заглушить ни стову морей, ни потокамъ вѣковъ. Дѣтскіе трупики валялись по двое, по трое и больше,—мальчики, дѣвочки, въ дѣтскихъ одеждахъ, въ рубашенкахъ, въ короткихъ по колѣни штаникахъ, въ гимназическихъ курткахъ. Жалобно и грустно блѣбли обнаженные тѣльца грудныхъ младенцевъ, и пухлыя ручки, уже пожелтѣвшія, были сведены послѣдней конвульсіей, а межъ маленькихъ пальчиковъ чернѣли кровавыя струйки. Чья кровь? Самого ли младенца? Отъ громилы, неловкимъ жестомъ себя оцарапавшаго, пала она, или пролилась изъ груди матери, лежащей тутъ же, съ перерубленнымъ накрестъ лицомъ?.. Заворочены юбки матери,—верхняя, черная; подъ ней еще одна, тоже черная, и потомъ — красная фланелевая со спиралевиднымъ узоромъ изъ темно-синей тесьмы. Видны ноги, въ черныхъ чулкахъ, и ботинки, одна нога лежитъ на другой, носокъ къ носку, въ профиль, но торсъ выворочень грудью кверху, — должно быть раздроблены въ тазу кости; на груди судорожно скрюченные пальцы лѣвой руки, а правая рука отброшена прочь, и черепъ, отъ самыхъ бровей, отрубленъ. Черное пятно зяеть вмѣсто черепа, и въ срединѣ его смутно сѣрѣетъ что-то, и какъ-будто шевелится... Черви шевелятся... Извивается сброшенный съ крыши истерзанный младенецъ. Стонетъ братъ его, схватываясь холодѣющей рукой за ружейную рапу въ животъ. И хрипѣть, вращая глазами, раздавленная опрокинутымъ пьянино старуха... Мальчикъ лѣтъ шестнад-

цати лежитъ на мостовой, и на его лицѣ три раны отъ пуль: двѣ въ верхней части, и одна на подбородкѣ. Молодое лицо сохранило выраженіе грозное, выраженіе гнѣвнаго мстителя. Въ мертвыхъ пальцахъ зажаты револьверъ... Душа была затоплена великой любовью и великой ненавистью, и къ смерти съ угрозой пошелъ потомокъ Маккавея. И вотъ, лежитъ онъ, вѣчно-недвижный, и неотомстившій, лежитъ пронизанный пулями казаковъ.

Подбирали во дворахъ, въ домахъ и по улицамъ, убитыхъ и раненыхъ, клали на дроги, на телѣги, и увозили на кладбище, наполняли покойницкія въ больницахъ, и длинными рядами складывали трупы на землѣ, подъ небомъ, противъ длинныхъ рововъ, которые рыли десятки людей. Звенѣли лопаты, взлетали кверху комья земли, сначала черные, потомъ желтые, и росли и возвышались длинные холмы, и росли, удлиняясь, братскіе рвы - могилы...

Непрерывными полосами лились люди на кладбище, и съ него лились. Всѣ лица были странно схожи между собой, — старыя, молодыя, мужскія и женскія, — ибо на всѣхъ на нихъ было одно и то же выраженіе муки, отчаянія и ужаса, и всѣ лица были мокры отъ слезъ. Только на молодыхъ виденъ былъ порой еще и гнѣвъ, и великая рѣшимость. Въ борьбѣ пасты!..

Съ темнымъ пламенемъ въ глазахъ стояли дѣвушки у кладбищенскихъ воротъ и юноши, и протягивали къ входившему народу кружки и тарелки, на которыхъ лежали монеты, бѣлыя и мѣдныя. Разоренные, сразу обнищавшіе, на непрерывный голодъ и страданіе осужденные, бросали люди въ тарелки бѣдныя пожертвованія свои, — „для сиротъ убитыхъ“, „для раненыхъ“, „для самообороны“... Раненые, съ перевязанными руками, съ перевязанными головами, съ лицами блѣдными, какъ и сама перевязка, отдавали случайныя крохи, и шли дальше, къ убитымъ...

Чернымъ было кладбище отъ густыхъ толпъ, чернымъ было оно отъ стenanій живыхъ и отъ молчанія мертвыхъ. Бились и рыдали живые, не хотѣвшіе быть живыми, бились и цѣловали мертвецовъ... Съ ужасомъ, съ великой любовью, съ великимъ отвращеніемъ, припадали къ смраднымъ рядамъ разлагавшихся труповъ, и кричали крикомъ безумныхъ, и съ мукой нездѣшной... И тотъ, который изъ многочисленной семьи одинъ уцѣлѣлъ, и тотъ, который изъ родныхъ никого не потерялъ, — всѣ въ трепетъ рыдали и бились, и бросались въ судорожныхъ корчахъ на землю, раздирали землю руками и грызали, и вскакивая, ломали руки, рвали на себѣ волосы, и били себя по головѣ, и по лицу... И еще, и еще подвозили убитыхъ. Свисали съ дрогъ руки и ноги, и стучали головы объ дно фургоновъ, и кровавый слѣдъ стлался за бѣжавшими колесами, — до воротъ кладбища, и по кладбищу, по аллеямъ его. Не хватило черныхъ носилокъ, и по два трупа на носилки укладывали люди, спѣшно относили ихъ изъ покойницкихъ, —туда, къ длинному ряду мертвецовъ, противъ длинныхъ могилъ. Толпа отливала за носилками, рыдая, а потомъ возвращалась опять, опять вдавливалась въ покойницкія, опять сваружи облѣпляла окна ихъ, и двери, и ступеньки... Разыскивали своихъ. Не находили ихъ дома, не встрѣчали среди живыхъ, и въ нестерпимыхъ конвульсіяхъ, опережая себя мыслью, опережая мысль собой, съ пламенемъ горячки въ глазахъ, бросались по больницамъ, мчались на кладбище, и тамъ искали, и распознавали тамъ. Поднимали окровавленный брезентъ, покрывавшій мертвецовъ, и распознавали... Уже измѣнялись черты покойниковъ, многія лица были изувѣчены топорами и ломami, и узнавать по лицу нельзя было. По одеждѣ узнавали, по обуви. Раздирающіе крики стояли надъ молчавшими рядами убитыхъ, и узнавшіе падали къ ногамъ мертвецовъ,

полумертвыми падали, безъ словъ, безъ движенія, безъ чувства!..

И это былъ свѣтлый эдемъ, когда они лежали безъ словъ; безъ движенія, безъ чувства...

Но сбѣгало онѣмѣніе, но вновь приходило проклятое сознаніе, но возвращалась живая мысль опять. Смерть. Смерть. Смерть.

Такъ было огромно-дико и невѣроятно все свершавшееся, что отказывалась вѣрять душа, и приходили въ голову странныя мысли: казалось, что это только кошмаръ, что больное это видѣніе, что разсѣется оно, — должно сейчасъ разсѣяться и сгинуть, — и все опять пойдетъ попрежнему, по старому... Вотъ эти, молча лежащіе, встанутъ сейчасъ, сбросятъ окровавленный брезентъ съ себя и уйдутъ. Матери возьмутъ за руку своихъ дѣтей, обопрутся на свои палки сѣдые старики и пойдутъ, каждый въ свою сторону, по своему дѣлу...

Но мигъ проходилъ, и часъ проходилъ, и къ сумеркамъ день склонялся, и не исчезало жестокое видѣніе. Лежали съ убитыми дѣтьми убитыя матери, убитые старики лежали и старухи, и сильные юноши, и дѣвушки-невѣсты. Смерть. Смерть. Смерть.

И казалось порой, что пока рыдаютъ и стонутъ живые, безмолвную, имъ однимъ слышную, бесѣду ведутъ эти недвижимые, накрытые брезентомъ люди. Сурово осуждаютъ плачущихъ, — за то осуждаютъ и винятъ, что не защитили ихъ, не спасли, не оградили отъ жестокихъ мученій... Съ холоднымъ укоромъ смотрятъ остеклѣвшіе глаза, и въ сѣрой тусклости ихъ, въ окаменѣніи членовъ всѣхъ, чудилось что-то сознательное, умышленное, затаенное и гордое, — величавое пренебреженіе къ недостойнымъ чудилось...

Но и это утѣшеніе проходило. Но таяла и эта мечта.

Нѣтъ безмолвныхъ осужденій, и нѣтъ презрительнаго укора, ничего нѣтъ. кромѣ ряда холодныхъ тѣлъ,

недвижныхъ, умолкшихъ, навѣки умолкшихъ. Смерть. Смерть. Смерть.

И тѣ, которые ходили по кладбищу и здѣсь рыдали, и рыдая рыли длинныя братскія могилы, съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга. Вы живы? но будете ли живы и вечеромъ? Раагромъ развѣ окончился? Не стануть ли избивать снова, не придуть ли и сюда? Въдъ всѣхъ сразу изувѣчатъ, всѣхъ, кто стоитъ здѣсь и плачетъ, и не въ эту ли могилу, которую копаю теперь, будетъ сброшенъ и мой истерзанный трупъ?.. Смерть. Смерть. Смерть.

И уже звали ее: приди, избавительница! Благослови холодной рукой, на вѣчную тьму!..

При видѣ недобитыхъ, при взглядѣ на недомученныхъ, въ страстныхъ вопляхъ неустанно звали ее, радостную, сладкую; точно Богу-Творцу униженно кланялись ей, и чернаго дыханія ея просили, какъ пощады, — для себя, для близкихъ, для чужихъ. У нея искали прибѣжища, — и у Бога.

Сидитъ на землѣ, у ряда труповъ, дѣвочка, и обративъ испуганное лицо къ небу, лепечеть:

— Боже мой... Боже мой великій!..

А хромой ветхій нищій, который проходитъ мимо, въ ярости схватываетъ дѣвочку за оба плеча, весь трясаясь — отъ муки, отъ гнѣва, — стучитъ бѣшено костылемъ въ землю и неистово кричить:

— Не говори ты съ Нимъ!.. Уйди отъ Него!.. Онъ отступникъ, Онъ предатель, Онъ вѣковѣчный мучитель людей... Я семьдесятъ лѣтъ вѣрилъ Ему!.. Я любилъ Его, я служилъ Ему, я молился Ему въ святыхъ одеждахъ, я все отдалъ Ему, что было у меня лучшаго, я душу мою Ему отдавалъ!.. Тысячи лѣтъ мы вѣримъ Ему, — больше не нужно, люди!.. Больше не смѣйте теперь!..

Въ изнеможеніи онъ падаетъ на влажный холмъ, у дичнаго рва. Его костыль соскальзываетъ въ него-

вую еще могилу, руки глубоко вонзаются въ сырой и рыхлый бугоръ, и желтые комья глины, сверкая, катятся назадъ, въ яму.

— Возьми-жь къ себѣ, — беззвучно молить старикъ, прижимаясь лицомъ къ землѣ:—хоть ты прими меня...

Но не приходитъ она, желанная, свѣтлая, радостная, — все не приходитъ, хоть и страстно зовешь ее!.. Смерть! Смерть! Смерть!

XV.

1.

Съ утра бродилъ по городу Пасхаловъ, по разгромленнымъ, опустѣвшимъ дворамъ, входилъ въ квартиры, гдѣ все—вплоть до подоконниковъ, обоевъ на стѣнахъ и замковъ на дверяхъ—было изорвано, изломано, раздроблено... Были блѣдныя лица, были тихія рыданія, были мертвыя, ненужныя слова... И самъ онъ тоже былъ блѣденъ, и самъ, порою, тихо плакалъ, и самъ говорилъ, — и другимъ, и себѣ, — безцѣльныя, лишнія слова.

... На головѣ его была бѣлая перевязка; его лицо было искажено, какъ и всѣхъ, кто ходилъ и стоялъ здѣсь, на черномъ кладбищѣ, и слезы текли по лицу его, долго текли. Потомъ слезъ не стало. И съ красными, распухшими глазами онъ все бродилъ по кладбищу, отъ группы къ группѣ, отъ рядовъ убитыхъ къ длинному, все выросавшему рву, куда убитыхъ положить... Къ дрогамъ, привозившимъ трупы, подходилъ, и внимательно оглядывалъ трупы, пока ихъ снимали съ дрогъ и укладывали на землѣ, рядами. Къ рыдавшимъ матерямъ подходилъ, и къ дѣтямъ, оцѣпенѣло и молча стоявшимъ передъ трупами родителей, — и

такъ смотрѣлъ на нихъ, какъ если бы все горе, и весь ужасъ, и всю муку ихъ сердца въ свое хотѣлъ передать сердце... И молчалъ, и тихо дрожалъ. Уходили люди и приходили другіе, зарывали убитыхъ и приносили новыхъ; стоялъ немолчный гулъ рыданій, стонъ, воплей... Какъ въ шахтѣ, насыщенной ядовитыми газами, здѣсь нельзя было оставаться долго, а онъ оставался. И тяжелая отравка проникала въ него, въ сердце его и мозгъ, и мозгъ тяжелѣлъ и мутился.

2.

— Такъ я и зналъ, что найду тебя здѣсь!

Въ толпѣ протискивался Васильковскій. Какъ всегда, изящный и статный, въ сѣромъ, съ пышно взбитыми усами. Но здоровый румянецъ на щекахъ потускнѣлъ, и въ глазахъ выраженіе мрачной печали... Онъ пошелъ рядомъ съ Паскаловымъ и нервно надвигалъ на носъ золотое пенснэ, а сѣрую шляпу надвигалъ на пенснэ.

— Я не представлялъ себѣ, чтобы это такъ вышло,— глухо проговорилъ онъ.

Потомъ шелъ молча, останавливаясь, гдѣ останавливался Паскаловъ, и снова начиная ходить, когда шелъ тотъ.

— Федоръ!—нерѣшительно сказалъ онъ наконецъ.— Можетъ быть... уйдемъ уже... Здѣсь... нельзя долго оставаться... я чувствую...

Противъ ожиданія инженера, Паскаловъ сказалъ:

— Идемъ.

Они вернулись домой. Обѣдали вмѣстѣ, и отецъ Павелъ во время обѣда былъ грустенъ и вздыхалъ, а Арина Петровна сдержанно суетилась, бросала на Васильковскаго благодарные взгляды, и сыну совсѣмъ не надоѣдала... Потомъ, когда Паскаловъ ушелъ къ себѣ, она дала волю своимъ чувствамъ. слезамъ и языку,

проклинала страшными проклятіями Мосейку, евреевъ, говорила, что съ ними со всѣми сразу надо бы покончить, солдатъ противъ нихъ послать, — батальонъ, два батальона, полкъ, — и солдаты пусть ходятъ изъ квартиры въ квартиру, и гдѣ еврейская душа, такъ сейчасъ и убить. Васильковскій, досадливо морщась, останавливалъ тетку, и словомъ хмурымъ, и словомъ шуточнымъ, но она только сильнѣе распалялась, а о. Павелъ, котораго коробили ея слова, не отваживался высказаться, и только жевалъ губами и временами вздыхалъ...

Часа въ четыре Пасхаловъ опять ушелъ на кладбище, и оставался тамъ до вечера, пока заперли калитку. И утромъ на другой день, очень рано, первый входилъ въ кладбищенскія ворота, и часовъ до одиннадцати бродилъ, ожидая чего-то. Чего? Онъ зналъ: Абрама, Хану, Розу...

Ихъ не привозили.

И около полудня Пасхаловъ пошелъ къ нимъ, въ больницу.

Подворотній Трохимъ встрѣтилъ его необыкновенно дружелюбно, радостно, и долго поздравлялъ „съ поправленіемъ здоровья“. Онъ низко кланялся, и при этомъ снималъ съ головы уже не самодѣльную, похожую на боченокъ шапку, а богатую бобровую шапку съ синеватымъ бархатнымъ верхомъ.

Въ больницѣ были безпорядокъ и суета, привезено было много раненыхъ, и у воротъ толпились люди, родные, добивавшіеся впуска. Волновался и влилъ фельдшеръ Небесный, бѣгая съ фотографическимъ аппаратомъ. А въ кабинетъ на окнѣ, рядышкомъ, какъ убитые на кладбищѣ, лежали черные негативы и сушились.

— Господа евреи просили снимать раненыхъ, — съ выраженіемъ счастья и всхлипывая, объяснялъ Пасхалову Небесный. — И убитыхъ... Я, Федоръ Павловичъ,

съ удовольствіемъ... Хорошую плату даже предлагаютъ, но это зачѣмъ же? Мнѣ не нужно платы, я очень радъ, я имъ это съ удовольствіемъ... Наши семинарскіе тутъ синагогу ихнюю поджигали, — я тоже снимочекъ сдѣлалъ... Очень интересно... Я и для васъ отпечатаю, Федоръ Павловичъ, на хромо-серебряной бумагѣ.

Абрама Пасхаловъ нашель перваго. Старикъ былъ живъ и въ сознаниі, и все умолялъ, чтобы сказали ему, гдѣ жена его и дочь. Жена и дочь лежали черезъ корридоръ, Хана — остывшимъ уже трупомъ, Роза — живою, съ признаками наступавшаго улучшенія.

Пасхаловъ долго смотрѣлъ на дѣвочку, отвернувъ одѣяло, смотрѣлъ на худыя, бѣлыя руки, на коротенькій шестой палецъ, торчавшій на лѣвой кисти у мизинца... „Бо Розочку Богъ таки любить... И ужъ она не будетъ терпѣть такія униженія, какъ ея родители“...

Онъ вышелъ потомъ изъ палаты въ корридоръ, и изъ корридора на улицу.

— Какія же распоряженія, Федоръ Павловичъ, — всхлипывая, погнался за нимъ Небесный.

Пасхаловъ не взглянулъ на него, не отвѣтилъ, и продолжалъ идти.

Онъ опять пришелъ на кладбище, и опять бродилъ здѣсь,—среди рыдавшихъ и среди навѣки умолкшихъ... Бродилъ до вечера, и когда вечеромъ рыдавшіе ушли, и остались только умолкшіе,—остался съ ними и онъ... И какъ они, молчалъ онъ, хоть и живой, и какъ они, молчалъ онъ и на другой день, когда измученные, потрясенные, въ ужасъ ввергнутые бесплодными розысками въ теченіе долгой ночи, нашли его, наконецъ, пріѣхавшіе на еврейское кладбище о. Павелъ, Арина Петровна и инженеръ Васильковскій. Онъ не отвѣчалъ имъ на ихъ вопросы, онъ не зналъ, спрашиваютъ ли его; онъ медленно и не оглядываясь шелъ среди могилъ, впередъ, все впередъ...

Потомъ, внезапно повернувшись къ отцу, онъ отчетливо и твердо произнесъ:

— Ты права, сестра! Ты права.

... И изъ всѣхъ человѣческихъ словъ это были единственныя, которыя оставались теперь у него, и которыя и впослѣдствіи, въ теченіе всей недолгой и грустной его жизни, удалось кому-нибудь отъ него услышать:

— Ты права, сестра!..

И когда увозили его старики съ кладбища, на Александровскомъ проспектѣ встрѣтилась имъ, окруженная полиціей и быстро прискакавшими казаками, Наталья—спокойная, гордая, свѣтло улыбающаяся улыбкою мстителя. Въ возбужденной толпѣ неся смутный гулъ: „убила губернатора, застрѣлила губернатора“.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

РАЗСКАЗЫ ВЪ СТИХАХЪ.

Съ обезьяной.

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредеть худой согнувшийся хорватъ
По дачамъ утромъ. Въ юбкѣ обезьянка
Бѣжить за нимъ, смѣшно поднявши задъ.

И дѣтское, и старческое что-то
Въ ея глазахъ печальныхъ. Какъ цыганъ,
Сожженъ хорватъ. Пыль, солнце, зной, забота...
Далеко отъ Одессы на Фонтанъ!

Ограды дачъ еще въ живомъ узорѣ—
Въ тѣни акаціи. Солнце изъ-за дачъ
Глядитъ въ листву. Въ аллеяхъ блещетъ море...
День будетъ дологъ, свѣтеть и горячь.

И будетъ сонно, сонно. Черепицы
Стекломъ свѣтиться будутъ. Промелькнетъ
Велосипедъ безшумнымъ махомъ птицы,
Да прогремитъ въ нѣмецкой фурѣ ледь.

Ай, хорошо напиться! Есть копѣйка,
А вонъ кіоскъ: большой стаканъ воды
Дастъ съ томною улыбкою еврейка...
Но путь далекъ... Сады, сады, сады...

Звѣрокъ усталъ,—взоръ старичка-ребенка
Томить тоской. Хорватъ отъ жажды пьявъ,
Но пьетъ звѣрокъ: лиловая ладонка
Хватаетъ жадно пѣнистый стаканъ.

Поднявши брови, тянетъ обезьяна,
А онъ жуетъ засохшій бѣлый хлѣбъ,
И медленно отходить въ тѣнь платана...
Ай, далекѣ, далѣко ты, Загребъ!

Тронъ Соломона.

На письмана исчезнувшихъ народовъ
Похожи руны Времени—значки
Вдоль старыхъ стѣнъ и полутемныхъ сводовъ,
Гдѣ завелись точильщики жучки.

Царь Соломонъ повелѣвалъ вѣтрами,
Былъ магъ, мудрецъ... „Не даромъ сѣялъ Я,
Сказалъ Господь.—Какими же дарами
Вѣнчать тебя, царь, магъ и судія?“

— „Сѣвъ славныхъ дѣлъ вѣнчаетъ солнце славы,
Отвѣтилъ царь.—Вотъ геніи пустынь
Покорны мнѣ. Но геніи лукавы,
Они не чтутъ ни долга, ни святынь:

Тронъ Мудрости я имъ велѣлъ построить.
Но я умру—и, бросивъ трудъ, въ Геджасъ
Уйдутъ они. Ты могъ мнѣ жизнь утронить:
Сокрой отъ нихъ моей кончины часть“.

„Да будетъ такъ“, сказалъ Господь. И годы
Текли въ трудѣ. И былъ оконченъ тронъ—
Изъ яшмы древней царственной породы,
Изъ бѣлой яшмы былъ изваянъ онъ.

Подъ трономъ—львы, надъ трономъ—коршунъ
горный,
На тронѣ—царь. И ты сокрылъ, Творецъ.
Что на копье склоняется въ упорной,
Глубокой думѣ—высохшій мертвецъ.

Но рухнетъ онъ! Древко копья—изъ кедра,
Оно—какъ сталь, но ужъ стучать жучки:
Стучать, стучать и рассыпаютъ щедро
Могильные зловѣщіе значки!

НА ВОЙНЪ.

ЗАПИСКИ В. ВЕРЕСАЕВА.

Окончаніе).

ОГЛАВЛЕНІЕ:

- I. ДОМА
- II. ВЪ ПУТИ.
- III. ВЪ МУКДЕНЪ.
- IV. ВОЙ НА ШАХЕ.
- V. ВЕЛИКОЕ СТОЯНІЕ: ОКТЯВРЬ—НОЯВРЬ.
- VI. ВЕЛИКОЕ СТОЯНІЕ: ДЕКАВРЬ—ФЕВРАЛЬ.
- VII. МУКДЕНСКІЙ ВОЙ.
- VIII. НА МАНДАРИНСКОЙ ДОРОГЪ.
- IX. СКИТАНІЯ.
- X. ВЪ ОЖИДАНІИ МИРА.
- XI. МИРЪ.
- XII. ДОМОЙ.

Скитанія.

На разсвѣтъ мы поднялись и стали собираться. Всѣ были возбуждены и нервны. Чувствовалась надвигающаяся съ юга угроза. Проходили роты и батальоны.

- Откуда?
- Съ позицій.
- Давно пришли?
- Только сейчасъ.
- А японцы далеко?
- Версть десять.

Солнце встало и свѣтило сквозь мутную дымку. Было тепло. Обозъ за обозомъ снимался съ мѣста и вливался на дорогу въ общій потокъ обозовъ. Опять вѣхавшіе по дорогѣ не пускали новыхъ, опять повсюду свистѣли кнуты и слышались ругательства. . . . .

Что-то все больше распадалось. Рушились преграды, которія, казалось, были крѣпче стали. Толстый генераль, вышедши изъ коляски, сердито кричалъ на поручика. Поручикъ возражалъ. Споръ разгорался. Вокругъ стояла кучка офицеровъ. . . . .

Около вокзала, вокругъ вагоновъ, кишѣли толпы пьяныхъ солдатъ. Летѣли на землю какія-то картонки, тюки, деревянные ящики. Это были вагоны офицерскаго экономическаго общества. Солдаты грабили ихъ на глазахъ у всѣхъ. Вскрывали ящики, насыпали въ карманы сахаръ, разбирали бутылки съ коньякомъ и ромомъ, пачки съ дорогимъ табакомъ.

Нашъ обозъ медленно двигался по узкимъ улицамъ Телина. Пьяные солдаты грабили китайскіе, армянскіе

и русскіе магазины, торговцы бѣгали, кричали и суетились. Съ трудомъ останавливали грабежъ въ одномъ мѣстѣ, онъ вспыхиваль въ другомъ. Близъ площади въ канавѣ валялся умирающій китаецъ съ головою, разсѣченною пашкою.

Застрелявая въ узкихъ улицахъ, безпорядочнымъ потокомъ двигались обозы и батареи; брели толпы солдатъ съ болтающимися на плечахъ винтовками. Китайцы стояли у фанзъ и смотрѣли съ обычно-безстрастными лицами. Но то и дѣло, взглянувъ на нихъ неожиданно, я ловиль горѣвшій въ глазахъ огонь злорадно-торжествующей ненависти, какъ у того старика въ Палинцу. И такъ же глаза эти подъ нашими взглядами быстро гасли, становились тусклыми и равнодушными.

Мы вышли изъ города. Дорогу пересѣкала широкая замерзшая рѣка Ляохе. Слѣва прозрачно сѣрѣлъ надъ рѣкою чудный, ажурный, какъ будто сотканный изъ паутины желѣзнодорожный мостъ. Черезъ пару дней онъ былъ взорванъ на воздухъ передъ наступавшими японцами.

Обозы переходили рѣку по льду. Ледъ былъ уже очень плохой, онъ трещаль и гнулся подъ тяжестью повозокъ; изъ дыръ, бурля, выступала вода и растекалась мутными лужами. Слѣва отъ насъ тянулась по льду грязная дорога, обрывавшаяся на большой полыньѣ: утромъ здѣсь подломился ледъ подъ обозами.

Я ѣхаль верхомъ. Лошадь, по колѣна въ водѣ, боязливо ступала на потрескивавшій ледъ. Жутко было подумать,—что, если бы бой разыгрался всего хоть на недѣлю позже? Тогда была бы Березина.

Въ сотнѣ шаговъ отъ рѣки поднимался на той сторонѣ крутой, высокой валь. Должно быть, китайская дамба, предохранявшая поля отъ разливовъ Ляохе. Лошади и люди выбивались изъ силъ, втаскивая повозки на этотъ крутой валь. И опять странно было смотрѣть: два десятка солдатъ въ полчаса проложили бы сквозь валь прекрасную, ровную дорогу. Но никто этого не дѣлаль, распорядиться было некому. Въ арміи суще-

ствовало цѣлое вѣдомство „военныхъ сообщеній“, но гдѣ теперь находились представители этого вѣдомства, что они дѣлали,—зналъ только одинъ Вездѣсущій.

Мы перебрались черезъ дамбу, свернули влѣво и пошли по „колонной“ дорогѣ вдоль желѣзнодорожнаго пути.

По рельсамъ, обгоняя насъ, мчались на сѣверъ поѣзда, груженные спасаемымъ добромъ. Картина была невиданная: каждый вагонъ, какъ кусокъ сахара—мухами, былъ густо облѣпленъ бѣглыми солдатами. Солдаты сидѣли на крышахъ вагоновъ, на буферахъ, на приступочкахъ, на тормозахъ, на тендерѣ...

Обозы прежнимъ густымъ потокомъ двигались по широкой колонной дорогѣ. Эта дорога была заблаговременно проложена русскими, но была проложена такъ заблаговременно, что ко дню отступленія добрая половина мостовъ сгнила и провалилась; обозы шли *мимо* мостовъ, накатывая дороги прямо черезъ русла замерзшихъ ручьевъ. Если бы была грязь, если бы были дожди?..

То и дѣло отъ потока обозовъ отдѣлялось нѣсколько повозокъ и направлялось къ лежавшимъ въ сторонѣ китайскимъ деревьямъ. Было видно, какъ солдаты стояли на скирдахъ и бросали въ повозки снопы каоляна и чумизы. Вокругъ солдатъ суетились и прыгали фигурки китайцевъ. Солдатъ вамахивалъ кулакомъ; и китаецъ кубаремъ летѣлъ со скирда на землю.

А на станціяхъ высились огромные склады фуража и провіанта. Рядами тянулись огромные „бунты“ чумизной и рисовой соломы, по тридцать тысячъ пудовъ каждый; желтѣли горы жмыховъ, блестѣли цыновки зернохранилищъ, доверху наполненныхъ ячменемъ, каолянѣмъ и чумизою. Но получить отсюда что-нибудь было очень нелегко. Мнѣ рассказывалъ одинъ офицеръ-стрѣлокъ. Онъ дрожалъ отъ бѣшенства и трясъ сжатыми кулаками.

— Послалъ я въ интендантство за консервами и ячменемъ, — не выдали, нужно требованіе. Написалъ требованіе, послалъ, —возвращаются люди ни съ чѣмъ:

требованіе должно быть написано чернилами, а не карандашомъ!.. Ну, скажите, гдѣ тутъ достать чернила?! Слава Богу, что нашелся огрызокъ карандаша!.. Такъ и ушли безъ всего, а на завтра всѣ склады пожгли!

До самаго послѣдняго часа выдача каждаго пуда ячменя или соломы была обставлена неодолимыми формальностями. Когда указывалось на то, что вѣдь все равно же все придется сжигать, начальство грозно хмурило брови и въ негодованіи возражало:

— Что вы такое говорите?! Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!

А ужъ вдалекѣ гремѣли пушки и трещалъ пачечный огонь японцевъ. Тогда вдругъ дѣло мѣнялось. Бери всякій безъ всякихъ требованій, сколько хочешь и можешь, склады поливались керосиномъ и пылали.

— И вездѣ, вездѣ эта тайна, глупая, никому не нужная!— измученнымъ голосомъ говорилъ сѣдой артиллерійскій полковникъ.— До послѣдней минуты все отъ всѣхъ скрываютъ, а потомъ дымомъ пускаютъ на воздухъ милліоны!

Какой-то встрѣчный генераль отдалъ распоряженіе: „главнокомандующій приказалъ гнать подводы рысью. На ночевки не останавливаться!“ Но вслѣдствіе плохихъ мостовъ и тѣсноты происходили постоянныя остановки. Мы шли медленно. За день прошли всего четырнадцать верстъ и остановились на ночлегъ въ китайской деревнѣ.

При насъ была только часть изъ нашего уцѣлѣвшаго обоза. Не было также ни главнаго врача, ни смотрителя. Власть главнаго врача перешла къ старшему ординатору Гречихину, власть смотрителя—къ его помощнику Бруку. И только оттого, что не было съ нами тѣхъ двухъ людей, кругомъ стало чисто и просторно. Командѣ нашей мы объявили, что примѣнимъ самыя строгія мѣры къ тому, кто стащитъ что-нибудь у китайцевъ. А чтобъ имъ не было въ этомъ нужды, мы купили имъ у китайцевъ для топлива каоляновой соломы, условились съ хозяевами, сколько заплатимъ

за ночевку въ ихъ фанзахъ. И угрюмые китайцы вдругъ стали къ намъ предупредительны и радушны. Вошелъ въ фанзу трясушійся отъ дряхлости старикъ съ рѣдкою бородою и, улыбаясь, поставилъ намъ на столъ двѣ зажженныхъ толстыхъ, красныхъ свѣчки.

— Капютана шибокъ шанго!—говорили китайцы, кивали головами и въ знакъ одобренія поднимали кверху большіе пальцы.

Наши солдаты хмурились и были недовольны. Ихъ возмущало до глубины души, что мы платимъ китайцамъ, когда можемъ не платить. Зашелъ къ намъ на дворъ чужой солдатъ и сталъ ломать ворота. Я его прогналъ. Наши солдаты неодобрительно слѣдили за мною. Они сдержанно говорили:

— Хорошо, тепло. А то хоть по мордѣ бей солдата, все растащить.

И они начинали доказывать, что такъ китайцамъ и нужно:

— Нашъ царь приказалъ имъ уволиться на двадцать пять верстъ отъ желѣзной дороги, а они чего тутъ торчатъ?

Разсказывали, какъ мучаютъ китайцы захваченныхъ русскихъ, какъ, бросая свои фанзы, начиняютъ печи порохомъ: затопятъ солдаты печку,—взрывъ, всѣхъ перебьетъ кирпичами. Я возражалъ:

— Ну, скажите, а если бы у насъ въ Россіи вотъ такъ же бы воевали между собою нѣмцы и турки,—вы бы иначе поступали?.. Разорили всѣхъ, разграбили, пустили по міру...

— Да ваше благородіе! Это такъ на военной службѣ всегда полагается!

— Нѣтъ, ваше благородіе, что ни говорите, а они, китайцы эти, насъ ненавидятъ!

— Да голубчикъ мой, ну, за что же насъ любить-то? Если бы мы съ ними обращались справедливо, не грабили ихъ, не били, тогда бы дѣло другое. А такъ за что же насъ любить?

— Нѣтъ, все равно! Что китайцы, что всякіе другіе католики,—имъ православный человекъ всегда ненавидѣнъ, рады его на куски разрѣзать.

Стемнѣло, мы собирались ложиться спать. По двору, какъ тѣнь, неслышно ходилъ китаецъ.

— Ходя (пріятель), ты чего тутъ? Спать пора!

Китаецъ отрицательно повелъ рукою.

— Капитанъ сыпи-сыпи (спи-спи), китаецъ клюгома ходи, сольдата ломайло!

Утромъ мы пошли дальше, къ вечеру пришли въ Каюань. Тамъ скопилась масса обозовъ и войсковыхъ частей. Мы ночевали въ фанзѣ рядомъ съ уральскими казаками. Они ругали пѣхоту, рассказывали, какъ дикими толпами пѣхотинцы бѣжали вдоль желѣзной дороги; Куропаткинъ послалъ уральцевъ преградить имъ отступленіе,—солдаты стали стрѣлять въ казаковъ.

Объ окончаніи войны уральцы не хотѣли и слышать.

— Какъ войну кончать! Никогда еще этого съ Россіей не было. Стыдно домой ворочаться, бабы засмѣютъ, не будутъ слушаться.

На югъ гремѣли пушки. Пришелъ новый приказъ—идти дальше на сѣверъ, въ Чантафу. Въ дорогѣ мы узнали, что Телинъ взять, и японцы продолжаютъ насѣдать.

При переѣздѣ черезъ какую-то рѣчку мы нагнали уцѣлѣвшую другую часть нашего обоза. При немъ были главный врачъ и смотритель, были также двѣ сестры. (Остальныя сестры были съ нами).

Главный врачъ охотно и долго рассказывалъ о своихъ скитаніяхъ вмѣстѣ съ смотрителемъ, о лишеніяхъ, испытанныхъ ими въ дорогѣ. А пріѣхавшія съ ними сестры сообщили о нихъ странныя вещи. Послѣ обстрѣла, которому подвергся нашъ обозъ, главный врачъ и смотритель исчезли, и никто ихъ ужъ не встрѣчалъ. Сестры ѣхали съ частью обоза, гдѣ былъ и денежный ящикъ. Офицерскаго чина не было, командовалъ обозомъ унтеръ-офицеръ Сметанниковъ. Онъ распоряжался

умѣло и энергично, сестры встрѣтили съ его стороны столько заботливости, сколько никогда не видѣли отъ главнаго врача и смотрителя. Приѣхали въ Телинѣ, стали бивакомъ. Вдругъ узнають, что главный врачъ и смотритель здѣсь же, въ Телинѣ, ужинають на вокзалѣ. Команда ужасно обрадовалась, Сметанниковъ поскакалъ на вокзалъ. Но главный врачъ къ обозу не поѣхалъ; онъ только велѣлъ Сметанникову стоять и безъ его распоряженія не уходить, хотя бы всѣмъ грозилъ плѣнъ. Переночевалъ обозъ. На югѣ гремѣли пушки, японцы наступали. Главный врачъ и смотритель опять исчезли.

Сметанниковъ не зналъ, что дѣлать. Солдаты угрожающе насѣдали на него.

— Душегубъ! Чего намъ тутъ стоять? Видишь, всѣ уходятъ!.. Старшему-то врачу хорошо говорить, его въ плѣнъ возьмутъ, а насъ раньше плѣна всѣхъ перерѣжутъ.

А тутъ еще подвернулся проѣзжій казакъ.

— Дурье, чего стоите? Уходите, сейчасъ тутъ японецъ будетъ.

Посоветовался Сметанниковъ съ сестрами и рѣшилъ ѣхать. Черезъ полтора сутокъ къ нимъ, наконецъ, присоединился главный врачъ и смотритель. Сестры боялись, какъ бы Сметанникову не пришлось отвѣчать за самовольный уходъ. Онѣ сказали главному врачу:

— Это мы виноваты, что обозъ ушелъ изъ Телина, мы велѣли Сметанникову.

Давыдовъ равнодушно отвѣтилъ:

— Конечно, такъ и нужно было... Чего жъ тамъ было стоять?

Догадываясь и боясь вѣрить своей догадкѣ, сестры осторожно оглядывались и шопотомъ сообщали:

— Вы знаете, у насъ получилось такое впечатлѣнiе,— главному врачу очень хотѣлось, чтобъ денежный ящикъ попалъ въ руки японцевъ...

Пахнуло такимъ душевнымъ смрадомъ, какого не

хотѣлось ждать даже отъ Давыдова. И я вспомнилъ: еще въ самомъ началѣ отступленія главный врачъ мелькомъ сказалъ, что для вѣрности переложить деньги изъ денежнаго ящика себѣ въ карманъ... Уу, воронья!..

И сколько такого воронья,—наглаго, хищнаго и тупо-жаднаго,—кружилось надъ отступавшею, измученною арміею и надъ многострадальнымъ маньчжурскимъ краемъ!

Нашъ обозъ остановился: впереди образовался обычный заторъ обозовъ. Съ главнымъ врачомъ разговаривалъ чистенькій артиллерійскій подполковникъ, начальникъ парковой бригады. Онъ только недѣлю назадъ прибылъ изъ Россіи и ужасно огорчился, что, по общему мнѣнію, войнѣ конецъ. Разспрашивалъ Давыдова, давно ли онъ на войнѣ, много ли „заработалъ“.

— Хороша у васъ пара лошадокъ,—говорилъ главный врачъ, большой любитель лошадей.

— А что, правда, недурненькія?

— Собственныя?

— Да. Купилъ по сорокъ рублей пару бракованныхъ лошадей, ихъ отдалъ въ часть, а оттуда выбралъ вотъ эту парочку. Хороши?

Отъ ближайшей китайской деревни шли къ обозамъ артиллеристы и несли на плечахъ по связкѣ сноповъ чумизной соломы. Подскакали верхомъ два взволнованныхъ китайца. Одинъ изъ нихъ, переводчикъ, съ топкимъ, интеллигентнымъ лицомъ, обратился на чистомъ русскомъ языкѣ къ подполковнику:

— Посмотрите! Ваши солдаты тащутъ у китайцевъ солому!

Подполковникъ отвернулся.

— Не одни мои солдаты тащутъ!

И онъ тронулъ лошадь шпорами. Переводчикъ, закусивъ губу, смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Терпѣніе китайцевъ скоро лопнетъ, и мы начнемъ въ васъ стрѣлять!—гнѣвно крикнулъ онъ и медленно поѣхалъ прочь.

На душѣ было горько-смѣшно: гдѣ предѣль, чтобы наконецъ лопнуло китайское терпѣніе?

Мы простояли въ Чантафу двое сутокъ. Пришла вѣсть, что Куропаткинъ смѣщенъ и отозванъ въ Петербургъ. Вечеромъ наши госпитали получили приказъ отъ начальника санитарной части третьей арміи, генерала Четыркина. Нашему госпиталю предписывалось идти на сѣверъ, остановиться у разъѣзда № 86, раскинуть тамъ шатеръ и стоять до 8 марта, а тогда, въ двѣнадцать часовъ дня (вотъ какъ точно!), не ожидая приказанія, идти въ Гунчжулинъ.

Но мы при отступленіи потеряли половину обоза, функціонировать въ качествѣ госпиталя не имѣли возможности, и объ этомъ, конечно, своевременно было сообщено генералу. Однако, приказаніе нужно было исполнять.

Выступили мы. Опять по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго пути тянулись на сѣверъ безконечные обозы и отступавшія части. Рассказывали, что японцы уже ваяли Каюанъ, что уже подоженъ разъѣздъ за Каюанемъ. Опять насъ обгоняли поѣзда, и опять всѣ вагоны были густо облѣплены бѣглыми солдатами. Передавали, что въ Гунчжулинѣ задержано больше сорока тысячъ бѣглыхъ, что пятьдесятъ офицеровъ отдано подъ судъ, что идутъ безпощадные разстрѣлы.

Часа въ четыре дня мы пришли на назначенный разъѣздъ. Полная пустыня, — ни одной деревеньки вблизи, ни рѣчки, ни деревьевъ; только одинъ маленькій колодезь, въ которомъ воды хватало на десятокъ лошадей, не больше. Главный врачъ телеграфировалъ Четыркину, что на разъѣздѣ нѣтъ ни дровъ, ни фуража, ни воды, что госпиталь функціонировать здѣсь не можетъ, и просилъ разрѣшенія стать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Переночевали. Отвѣта на телеграмму не было. Но

теперь, съ распатавшеюся спайкою, все дѣлалось очень легко и просто. Мы снялись безъ разрѣшенія и пошли къ Сыпингаю.

Сыпингай кишѣлъ войсками и учрежденіями. У станціи стоялъ роскошный поѣздъ новаго главнокомандующаго, Леневица. Поѣздъ сверкалъ зеркальными стеклами, въ вагонѣ-кухнѣ работали повара. По платформѣ расхаживали штабные,—чистенькіе, нарядные, откормленные,—и странно было видѣть ихъ среди проходившихъ мимо изнуренныхъ, покрытыхъ пылью офицеровъ и солдатъ. Рождалась злоба и вражда.

Шли и расползались волнующіе, зловѣщіе слухи: японцы уже въ двадцати верстахъ отъ Сыпингаи; Ноги съ шестидесятитысячною арміею подходятъ съ тыла къ Гирину; японцы захватили часть обоза Куропаткина, и въ ихъ руки попали планы обороны Владивостока. Общее впечатлѣніе было, что продолжать войну совершенно невыносимо, что войска деморализованы до крайней степени. У всѣхъ на устахъ было одно слово, — „Седанъ“. А между тѣмъ сообщали, что въ Петербургѣ рѣшено продолжать войну, во что бы то ни стало, что главнокомандующимъ „для подъема духа арміи“ назначается великій князь Николай Николаевичъ... Жутко становилось на душѣ отъ мысли, до какого ослѣпленія способны доходить люди.

Все вокругъ давало впечатлѣніе безамѣрной всеобщей растерянности и непроходимой безтолочи. Встрѣтилъ я знакомаго офицера изъ штаба нашей арміи. Онъ разсказалъ, что, по слухамъ, параллельно нашимъ войскамъ, за пятнадцать верстъ отъ желѣзной дороги, идетъ японская колонна.

— Но вѣдь это же можно вѣрно установить развѣдками! — съ недоумѣніемъ возразилъ я.

— Э, вы не можете себѣ представить, что сейчасъ дѣлается въ штабахъ! Это сказка кака-то, которой свѣжій человѣкъ не повѣритъ. Казалось бы, чего

ужь горячѣй время, чѣмъ теперѣ, штабы должны бы работать день и ночь. А всѣ сидятъ сложа руки. Я себѣ *выдумалъ* дѣло, чтобъ не видѣть, что кругомъ... И только одинъ горячій, поднимающій интересъ у всѣхъ — къ наградамъ. Только о наградахъ вездѣ и говорятъ.

Раасказывали много анекдотовъ про освѣдомленность японцевъ.

Къ нашему генералу приводятъ плѣннаго японскаго офицера. Генералъ въ это время отдаетъ приказаніе ординарцу:

— Поѣжайте сейчасъ же къ командиру N-скаго полка и передайте ему то-то.

— А гдѣ, ваше превосходительство, стоитъ полкъ?

— Гдѣ?.. Какъ ее, деревню эту?..

Генералъ припоминаетъ и беспомощно щелкаетъ пальцами. Японецъ предупредительно приходитъ ему на помощь:

— N-скій полкъ, ваше превосходительство, стоитъ въ деревнѣ Z.

Другой анекдотъ:

Казакъ доставляетъ въ штабъ челоуѣка въ русской офицерской формѣ и докладываетъ, что поймалъ перелодѣтаго японскаго шпиона.

— Да это русскій офицеръ!

— Никакъ нѣтъ, японецъ.

— Да русскій же. Что ты городишь?

— Японецъ, вѣрно говорю: первое,—больно хорошо по-русски говоритъ, а главное, — великолѣпно знаетъ расположеніе нашихъ войскъ.

Мы простояли въ Сыпингаѣ нѣсколько дней и 8 марта, въ 12 ч. дня, исполняя предписаніе генерала Четыркина, выступили въ Гунчжулинъ.

Теперь дороги были просторны и пусты: большинство обозовъ уже ушло на сѣверъ. Носились слухи, что вокругъ рыщутъ шайки хунхузовъ и нападаютъ.

на отдѣльно идущія части. По вечерамъ, когда мы шли въ темнотѣ по горамъ, на отрогахъ сопокъ загадочно загоралась сухая прошлогодняя трава, и длинныя ленты огня ползли мимо насъ, а кругомъ была тишина и безлюдіе. Говорили, что это китайцы указываютъ японцамъ пути отступленія русскихъ. На душѣ было жутко и нервно.

Кое-гдѣ во встрѣчныхъ деревняхъ стояли сторожевыя охраненія въ одну или двѣ роты. Однажды утромъ проѣхали мы такую деревню, спускаемся на равнину. По лощинѣ, сломя голову, мчалось штукъ пять черныхъ китайскихъ свиней, а за ними, широко вытянувшись по равнинѣ, бѣжали солдаты съ винтовками. Иногда то тотъ, то другой солдатъ присѣдалъ, дѣлалъ что-то непонятное и бѣжалъ дальше. Наша команда съ жаднымъ, сочувственнымъ интересомъ слѣдила за происходившимъ.

— О, здорово! Попалъ... Кувыркнулась!

— Нѣтъ, мимо. Ранилъ только... Опять побѣжала.

— „Побѣжала“!.. Гдѣ жъ побѣжала? Вонъ штыкомъ прикалываетъ.

Солдаты стрѣляли по свиньямъ; вѣтеръ дулъ отъ насъ, и выстрѣловъ не было слышно, только слабо сверкали огоньки у дулъ винтовокъ.

Четыре солдата бѣжали свиньямъ наперерѣзъ. Одинъ присѣлъ, выстрѣлилъ съ колѣна, — мимо. Пуля, ноя, пронеслась надъ нашими головами. Солдаты, какъ маленькіе ребята, все забыли, увлекшись охотою. Мелькали огоньки выстрѣловъ, свистѣли пули...

Не вѣрилось глазамъ: это — въ двухъ шагахъ отъ японцевъ, это — въ то время, когда ложная боевая тревога можетъ повести къ неисчислимымъ бѣдствіямъ!..

Изъ-за горки показались три осторожно вглядывающіеся казака съ пиками. Солдаты съ торжествомъ ташили къ деревнѣ убитыхъ свиней.

Въ облегченномъ оживленіи отъ отсутствія жданной

опасности, казаки подскакали къ солдатамъ и стали ихъ ругать. Возмущенный главный врачъ кричалъ:

— Эй, казаки! Арестовать ихъ!.. Веди ихъ сюда!

Казаки подвели двухъ испуганныхъ солдатъ съ бѣлыми, какъ известка, лицами. Одинъ былъ молодой, безусый парень, другой—съ черною бородкою, лѣтъ за тридцать. Казаки рассказывали:

— Шла наша сотня вдоль пути, вдругъ слышимъ,— пальба, надъ головами зазыкали пули. Командиръ послалъ насъ развѣдать, а это они, подлецы!

— Отверни штывки!—распоряжался главный врачъ.— Посмотрѣть, заряжены ли у нихъ винтовки!.. Ах-хъ, вы, сукины дѣти, а?! Подъ судъ безъ разговоровъ!.. Иди за нами!

Казаки поскакали догонять свою сотню. Мы двинулись дальше, сопровождаемые арестованными. Они шли, медленно ворочая широко открытыми глазами, блѣдные отъ неожиданно свалившейся бѣды. Наши солдаты сочувственно заговаривали съ ними.

На берегу рѣки, подъ откосомъ, лежалъ, понуривъ голову, отставшій отъ гурта воль. У главнаго врача разгорѣлись глаза. Опъ остановилъ обозъ, спустился къ рѣкѣ, велѣлъ прирѣзать быка и взять съ собою его мясо. Новый барышъ ему рублей въ сотню. Солдаты ворчали и говорили:

— Можетъ, онъ больной какой! Все равно, не станемъ его ѣсть!

Главный врачъ притворялся, что не слышитъ ворчаній, тыкалъ пальцемъ въ окровавленное легкое и говорилъ:

— Э!.. Совсѣмъ здоровый! Прямо грѣхъ столько мяса бросать на дорогѣ!

Къ арестованнымъ не было приставлено караула. Они воспользовались отвлеченнымъ отъ нихъ вниманіемъ и скрылись.

Пришли мы въ Гунчжулинъ. Онъ тоже весь былъ переполненъ войсками. Помощникъ смотрителя Брукъ съ частью обоза стоялъ здѣсь уже дней пять. Главный врачъ отправилъ его сюда съ лишнимъ имуществомъ съ разѣзда, на который мы были назначены генераломъ Четыркинымъ. Брукъ рассказывалъ: прїѣхавъ, онъ обратился въ мѣстное интендантство за ячменемъ. Лошади уже съ недѣлю ѣли одну солому. Въ интенданствѣ его спросили:

— Вашъ госпиталь откуда?

— Изъ-подъ Мукдена.

— А, изъ-подъ Мукдена! Нѣтъ вамъ ячмею: мы бѣглымъ не даемъ!

И не дали... Здѣсь сказался тотъ удивительный „патріотизмъ“, которымъ такъ блисталъ въ эту войну тылъ, ни разу не пухавшій пороху. Все время, до самаго мира, этотъ тылъ изъ своего безопаснаго далека горѣлъ воинственнымъ азартомъ, обливалъ презрѣніемъ истекавшую кровью армію и взывалъ къ „чести и славѣ Россіи“.

Но нужно и то сказать: героизмъ, отвага, самопожертвованіе были тамъ, назади; а здѣсь больше всего бросалась въ глаза человѣческая трусость, безстыдство, моральная грязь,—всѣ темные отбросы, которые въ первую очередь выплеснула изъ себя гигантская волна отступавшей арміи.

Въ буфетѣ встрѣтилъ я офицера одного изъ нашихъ полковъ; командиръ его роты былъ убитъ въ самомъ началѣ боя, и командованіе перешло къ нему.

— Вы какъ здѣсь?

Онъ весело отвѣтилъ:

— Да вотъ, заболѣлъ! Ревматизмъ въ ногахъ. Обращался въ госпиталь, не принимаютъ.

— И давно вы здѣсь?

— Недѣли полторы.

— Кто же вашею ротю командуетъ?

— Тамъ у насъ заурядъ-прапорщикъ одинъ есть.

— А что же вы тутъ дѣлаете?

— Поджидаю нашъ полкъ.

Опъ его здѣсь поджидаетъ!.. И самъ—весело-беззаботный, жизнерадостный, даже не понимающій позора своего поступка!

На поѣздахъ, шедшихъ на сѣверъ, все проѣзжали бѣглые солдаты. Были командированы специальные офицеры ловить ихъ. Сидитъ такой офицеръ въ вагонъ-теплушкѣ. Въ вагонѣ темно, снаружи ярко свѣтитъ мѣсяць. Вырисовывается фигура лѣзущаго въ вагонъ солдата съ винтовкой.

— Эй, борода! Куда?

— Ничего, землячки, я одинъ!

— Ты куда ѣдешь-то?

— Да повка своего пщу.

— Это ты въ Харбинъ ѣдешь „повка“ своего искать?

И солдата арестовывали.

Знакомый врачъ, завѣдывавшій дезинфекціоннымъ поѣдомъ, рассказывалъ мнѣ. При отступленіи отъ Мукдена въ свободный вагонъ-теплушку набились раненые офицеры. Пріѣхалъ поѣздъ въ Куачендзы. Вдругъ многіе изъ „раненыхъ“ скинули съ себя повязки, вылѣзли изъ вагона и спокойно разошлись въ разныя стороны. Повязки были наложены на здоровое тѣло!.. Одинъ подполковникъ, съ густо забинтованнымъ глазомъ, сообщилъ доктору, что онъ раненъ снарядомъ въ роговую оболочку. Докторъ снялъ повязку, ожидая увидѣть огромную рану. Глазъ совсѣмъ здоровый.

— Куда жъ вы ранены?

— Я не раненъ, а этого... Какъ это называется?.. Близко, знаете, пролетѣлъ снарядъ... Контузія... Я контуженъ въ роговую оболочку.

Теперь былъ полный просторъ для дѣятельности главнаго инспектора госпиталей Езерскаго, о которомъ

я ужъ не малс разсказывалъ. Бывшій полиціймейстеръ попалъ въ свою сферу. Онъ рыскалъ по станціямъ, рыскалъ по поѣздамъ, устранявалъ форменные обыски и облавы. Разсказывали, что онъ нашель въ поѣздѣ двухъ офицеровъ, спрятавшихся отъ него подъ пустой котель на вагонъ-платформѣ. Но генераль Езерскій не ограничивался ловлею бѣглыхъ въ товарныхъ и пассажирскихъ поѣздахъ. То же самое онъ продѣлывалъ и въ поѣздахъ санитарныхъ. Провѣрялъ и отмѣнялъ діагнозы врачей, высаживалъ больныхъ, которыхъ признавалъ здоровыми. Повидимому, дѣятельность его, наконецъ, обратила на себя вниманіе: его перевели куда-то въ тылъ, кажется, во Владивостокъ.

Наступленіе японцевъ остановилось. Понемножку все начинало приходить въ порядокъ. Связи между частями восстанавливались.

Ходили слухи, что разѣзды наши нигдѣ не могутъ найти японцевъ. Всѣ они куда-то безслѣдно исчезли. Говорили, что они идутъ обходомъ по обѣ стороны желѣзной дороги, что одна армія подходитъ съ востока къ Гирину, другая съ запада къ Бодунѣ.

Поздно вечеромъ 14 марта наши два и еще шесть другихъ подвижныхъ госпиталей получили отъ генерала Четыркина новое предписаніе,—завтра, въ 12 час. дня, выступить и идти въ деревню Лидіатунь. Къ приказу были приложены кроки мѣстности съ обозначеніемъ главныхъ деревень на пути. Нужно было идти тридцать верстъ на сѣверъ вдоль желѣзной дороги до станціи Фанцзятунь, а оттуда верстъ двадцать на западъ.

Всѣ наши войсковыя части стояли здѣсь, въ Гунчжулинѣ. Для чего же намъ было идти туда, какая цѣль? Но не наше дѣло разсуждать. Отправились.

Погода измѣнилась. Было хмуро, холодно и вѣтрено. Къ вечеру засѣялъ мелкій дождь, а въ сумеркахъ по-

шелъ мокрый снѣгъ. Мы переночевали у развѣзда въ крѣпостцѣ пограничниковъ, утромъ двинулись дальше. По данной схемѣ пора было сворачивать влѣво, вдали видѣлась станція Фанцзятунь. Мы спрашивали встрѣчныхъ китайцевъ, гдѣ деревня Лидіатунь. Всѣ дружно указывали на востокъ отъ желѣзной дороги. А наша схема указывала на западъ. Тогда мы стали спрашивать о попутныхъ деревняхъ, нанесенныхъ на нашу схему,—Дава, Хуньшиміоза. Ихъ китайцы указывали на западъ.

Главный врачъ панялъ китайца-проводника, но, по своей торгашеской привычкѣ, не условился предварительно о цѣнѣ, а просто сказалъ, что „моя тебѣ плати чанъ (деньги)“. Китаецъ повелъ насъ. Снѣгъ все падалъ, было холодно и мокро. Подвигались мы впередъ медленно. Къ ночи остановились въ большой деревнѣ за семь верстъ отъ желѣзной дороги.

Кругомъ ни намека на присутствіе русскихъ войскъ. Ни одного солдата, ни одного казака. Только китайцы. Проѣхали мимо другіе госпитали, отправленные вмѣстѣ съ нами. Всѣ недоумѣвали, всѣ ругали Четыркина.

— Куда же это онъ насъ посылаетъ? Куда-то въ глубь Китая, совсѣмъ однихъ! Что мы тамъ будемъ дѣлать?

— Просто, должно быть, ткнулъ перстомъ въ карту, куда попало: направить мои госпитали вотъ сюда! А начальство будетъ видѣть, что онъ не сидитъ безъ дѣла, чѣмъ-то занять, что-то распредѣляетъ...

Мы ночевали въ большой, богатой фанѣ у старика-китайца съ серьезнымъ, интеллигентнымъ лицомъ. Главный врачъ, какъ онъ всегда дѣлалъ на остановкахъ, успокоительно потрепалъ хозяина по плечу и сказалъ, чтобъ онъ не беспокоился, что за все ему будетъ заплачено.

Снѣгъ все падалъ,—мелкій, медленный, безъ вѣтра. Къ утру его напало съ четверть аршина, и кругомъ

былъ совсѣмъ зимній видъ. Главный врачъ рѣшилъ переждать здѣсь день, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Было скучно и тоскливо. Солдаты тащили изъ сараевъ, что попадало подъ руку. Старикъ-хозяинъ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, молчаливо расхаживалъ по двору, не протестовалъ и только оглядывалъ послѣ ухода солдатъ сарай. Стыдно было смотрѣть на его серьезное, задумчивое лицо съ отпечаткомъ какого-то своеобразнаго аристократическаго изящества.

На утро мы собрались уѣзжать. Главнаго врача обступили китайцы, у которыхъ онъ бралъ фуражъ, дрова, у которыхъ въ фанзахъ ночевали нижніе чины. Главный врачъ, какъ будто занятый какимъ-то дѣломъ, всѣмъ имъ нетерпѣливо говорилъ:

— Да подождите вы! Потомъ!

Обозъ былъ готовъ, главному врачу подвели верховую лошадь.

— Ну, получите!—торопливо сказалъ главный врачъ и сталъ одѣлять обступившихъ его китайцевъ. Кому далъ полтинникъ, кому рубль. Нашему хозяину онъ далъ пятирублевку.

Китайцы загалдѣли, стали черезъ нашего проводника-переводчика высчитывать, сколько у нихъ солдаты пожгли дровъ и каоляновой соломы, сколько взяли для лошадей чумизы. Нашъ хозяинъ ничего не говорилъ. Онъ только держалъ въ рукахъ пятирублевку и грустно, какъ будто стыдясь за Давыдова, смотрѣлъ на него.

— Ничего вамъ больше не будетъ! Вотъ мошеники, а?—сердито говорилъ главный врачъ.

— Извѣстно, жулье! Все врутъ!—поддерживали его солдаты, враждебно поглядывая на китайцевъ.

— За глаза довольно, сколько имъ заплатилъ! А имъ все мало!—возмущался Давыдовъ.

Мы негодующе вмѣшались:

— Отчего вы въ такомъ случаѣ не сговариваетесь

съ нами заранѣе насчетъ цѣны? Ну жеяъ каолянъ, пужна чумиза,—купите и заплатите деньги. А вы берете просто, не торгуетесь, даже не контролируете, сколько забирають солдаты.

— Это такіе подлецы, рады шкуру содрать!

— Не знаю, мы безъ васъ когда ѣхали, всегда лично устраивались съ китайцами, и никакихъ у насъ недоразумѣній не бывало.

— Довольно! Цуба (прочь)! — крикнулъ Давыдовъ на китайцевъ и сѣлъ на свою лошадь.—Ѣдемъ!.. Ходя (пріятель), веди! — обратился онъ къ проводнику.

Проводникъ смотрѣлъ на него негодующими глазами.

— Моя не хочеть! — заявилъ онъ.

Главный врачъ опѣшилъ.

— Я тебѣ два рубля заплачу, — лянга рубли!—сказалъ онъ, поднявъ кверху два пальца.

Проводникъ мотнулъ головою и пошелъ прочь.

Мы поѣхали безъ проводника. Въ соосѣдней деревнѣ Давыдовъ нанялъ другого китайца вести насъ въ Лидіатунь.

Новый проводникъ былъ здоровенный парень съ обмотанною вокругъ макушки толстою косою, съ наглыми, чему-то смѣющимися глазами. Онъ шелъ впереди обоза, опираясь на длинную палку, ступая по снѣгу своими китайскими броднями съ характерными ушками на тылѣ стопы. Было морозно, снѣгъ блестялъ подъ солнцемъ. Дороги были какія-то глухія, мало наѣзженныя. Далеко назади осталась желѣзная дорога, по снѣгу чуть слышно доносились свистки и грохотъ проходящихъ поѣздовъ. Наконецъ и эти звуки утонули въ снѣжной тишинѣ.

Мы шли и шли дальше. Нигдѣ ни одного русскаго лица. Деревень здѣсь почти не было, были отдѣльные, густо разсѣянные хутора по три, по четыре фанзы вмѣстѣ. Китайцы у воротъ внимательно и по обычному молчаливо-безстрастно провожали насъ взглядами.

Сіяло солнце, сверкалъ снѣгъ. Солдаты инстинктивно жались ближе къ повозкамъ. Проводникъ въ мѣховомъ треухѣ молча шагаль впереди обоза, опираясь на длинную палку и все смѣясь чему-то своими наглыми, выпуклыми глазами.

— Ваше благородіе, это что же, — китайскій Сусашицъ насъ ведетъ? — спросилъ меня каптенармусъ.

Было очень похоже на то...

Дошли мы наконецъ до деревни Хуншимуоза. Здѣсь окончателно узнали, что никакой Лидіатуни въ округѣ нѣтъ, — есть деревни Лидіу и Лидіафань. Вдали видѣлись стоянки раньше пришедшихъ госпиталей. Они расположились въ большой деревнѣ Лидіафань. Всѣ фанзы были заняты, намъ не осталось ни одной. И здѣсь у всѣхъ было ощущение недоумѣнія и заброшенности. Одинъ изъ госпиталей ночеваль вчера въ деревнѣ, гдѣ наканунѣ, по словамъ китайцевъ, провелъ ночь большой отрядъ хорошо вооруженныхъ хунгузовъ

Нашъ госпиталь сталъ въ небольшомъ хуторѣ версты за двѣ отъ Лидіафани.

Китайцы поспѣшно уносили на коромыслахъ куда-то вдаль корзины и мѣшки съ имуществомъ. Наши хозяева любезно разговаривали съ нами, любезно улыбались, и въ то же время озабоченно и быстро разговаривались между собою, поглядывая на расхищаемые солдатами стожки каоляна. Смотритель всегда равнодушно и лѣнливо допускалъ грабежъ. Но теперь онъ вдругъ набросился на солдатъ и грозно заявилъ, что, если кто-нибудь хоть хворостинку возьметъ у китайцевъ безъ его разрѣшенія, онъ того сейчасъ же отдастъ подъ судъ.

Теперь, когда кругомъ запахло опасностью, смотритель рѣзко измѣнился. Сталъ скромнѣе и задумчивъ, вдругъ вспомнилъ о своихъ правахъ и началъ самъ,

помимо главнаго врача, закупать провіантъ и фуражъ, за все платя наличными деньгами. Главный врачъ хмурился и ссорился съ нимъ, но смотритель былъ теперь твердъ и рѣшителенъ. Китайцы нашли въ немъ себѣ горячаго защитника. За командою своею онъ строго слѣдилъ, чтобъ не грабила. Повѣяло маленькою опасностью, маленькою возможностью отпора, — и вдругъ такъ легко оказалось устроиваться съ китайцами, не обижая ихъ!

Мы простояли день, другой. На имя главнаго врача одного изъ госпиталей пришелъ новый приказъ Четыркина, — всѣмъ госпиталямъ развернуться, и такому-то госпиталю принимать тяжело-раненныхъ, такому-то — заразныхъ больныхъ и т. д. Нашему госпиталю предписывалось принимать „легко-больныхъ и легко-раненныхъ, до излеченія“. Всѣ хохотали. Конечно, ни одинъ изъ госпиталей не развернулся, потому что принимать было некого.

Снѣгъ понемножку таялъ. Стояла холодная чернобѣлая слякоть. Ночи были непроглядно-темныя. Вокругъ хутора у насъ ходилъ патруль, на дворѣ и у воротъ стояло по часовому. Но въ двухъ шагахъ не было ничего видно, и хунхузы легко могли подойти безъ выстрѣла къ самому хутору. А они были теперь вооружены японскими винтовками, обучены строю и производили наступленіе по всѣмъ правиламъ тактики.

Однажды поздно вечеромъ, когда мы уже ложились спать, по дорогѣ, а затѣмъ на дворѣ нашей фанзы раздавался частый, дробный топотъ скачущей лошади. Вошелъ чужой, блѣдный солдатъ и подаль смотрителю записку. Она была отъ смотрителя сосѣдняго госпиталя.

„По дошедшимъ слухамъ, этою ночью большая партія хунхузовъ собирается произвести нападеніе на наши госпитали, о чемъ сообщая Вамъ для свѣдѣнія“.

По всѣмъ душамъ пронеслась тревога. Смотритель поблѣднѣлъ и послалъ деньщика за фельдфебелемъ.

— У васъ тамъ, кажется, есть охранная рота? — спросилъ онъ солдата, привезшаго записку.

— Такъ точно.

Смотритель послалъ съ нимъ записку, въ которой просилъ, въ виду нашего отдаленнаго нахожденія, прислать намъ на подмогу взводъ изъ охранной роты.

Своихъ штыковъ у насъ было восемьдесятъ пять, считая конюховъ, деньщиковъ и кашеваровъ. Сорокъ солдатъ оцѣпили со всѣхъ сторонъ нашъ хуторъ, остальнымъ приказано было спать одѣтыми, съ заряженными винтовками подъ рукою. На дворѣ было темно, какъ въ погребѣ. Мы и фельдшера осматривали свои револьверы.

— Ну, китайца что бояться! Не японецъ! — презрительно говорили солдаты. — Я одинъ на себя два десятка возьму.

— А ни одного китайца сегодня во всемъ хуторѣ нѣту. Видно, упредили ихъ, всѣ ушли. А вчера сколько ихъ было въ фанзы набившись!

— Ну, всѣ тутъ! Они въ соломѣ ночуютъ, на дворѣ.

Но китайцы, дѣйствительно, исчезли.

— Вотъ сволочь какая! — негодовали и изумлялись солдаты. — Сразу видно было. Всѣ на тебя такъ и смотрятъ, словно волки. Вотъ, этотъ хозяинъ нашъ, хромой: вчера взяли мы у него въ клѣтѣ картошки, — такъ и ѣлъ насъ глазами! Всѣхъ бы ихъ слѣдовало переколоть.

Часъ шель, другой. Охраннаго взвода не прислали. Смотритель, обвѣшанный поверхъ шинели оружіемъ, сидѣлъ и чутко прислушивался. Остальные дремали. Какъ глупо! Какъ все глупо!.. Сидимъ здѣсь, — безъ толку, безъ цѣли. Можетъ быть, сейчасъ придется драться до послѣдняго вздоха, чтобъ живемъ не попасть въ руки людей, которыхъ мы же озлобили до озвѣрѣнія. И для чего все?

На столѣ лежала книжка „Buch der Lieder“. Гречинъ, практикуясь въ нѣмецкомъ языкѣ, читалъ ее. Открылъ я книжку...

Am Ganges duftet's und leuchtet's,
Und Riesenbäume blühh,
Und schöne, stille Menschen
Vor Lotosblumen knien...

Старые, знакомые, прекрасные звуки... Раскрылось передъ душою что-то важное, чистое и свѣтлое. И такъ это было удивительно-далеко отъ всей окружающей темноты, слякоти, близости ненужной крови...

Нападенія въ эту ночь не было. Вѣроятно, китайцы сообщили хунхузамъ, что мы предупреждены и приготовились къ нападенію.

Наутро мы рѣшили перебраться въ деревню, гдѣ стояли остальные госпитали, чтобъ быть вмѣстѣ. Главный врачъ уѣзжалъ въ казначейство на станцію Куанченцзы и написалъ письмо старшему въ чинѣ главному врачу; въ письмѣ онъ просилъ потѣсниться и дать въ деревнѣ мѣсто нашему госпиталю, такъ какъ, на основаніи приказа начальника санитарной части третьей арміи, мы тоже должны стоять въ этой деревнѣ. Шандеръ и я поѣхали съ письмомъ.

Насъ принялъ высокій, сухой старичокъ съ сѣденькою бородкою, съ погонами статскаго совѣтника. Онъ медленно и методически перечиталъ письмо Давыдова. Одинъ разъ, потомъ другой, третій.

— Тутъ написано: „на основаніи приказа“... Какого приказа?— спросилъ онъ.

— Какъ какого? Да этотъ приказъ былъ пересланъ намъ за вашею же подписью.

— Ахъ, этого... Но вѣдь тутъ нѣтъ мѣста, все занято. Чѣмъ же вамъ тамъ плохо?

Мы объяснили, что стоимъ одиноко и, въ случаѣ нападенія хунхузовъ, окажемся совсѣмъ безпомощными.

— Хунхузовъ боитесь? — съ усмѣшкой спросилъ старичокъ. — Но вѣдь у васъ же есть команда, она вооружена винтовками.

— У васъ здѣсь въ деревнѣ семь командъ и цѣлая охранная рота, и то сегодня ночью вы не дали намъ даже взвода.

— Гмь! — Старичокъ замолчалъ, какъ будто не слышалъ нашего возраженія.

— А здѣсь всѣ расположились очень широко, — продолжалъ Шанцеръ. — Въ вашемъ госпиталѣ, напр., отдѣльная большая фанза отведена подъ канцелярію, отдѣльная подъ аптеку. Это чрезвычайная роскошь.

Старичокъ задумчиво смотрѣлъ на письмо, потомъ взглянулъ на наши погоны.

— Вы вѣдь младшіе ординаторы?

— Да.

— Ну, съ вами я, во всякомъ случаѣ, рѣшать этотъ вопросъ никакъ не считаю возможнымъ. Я пришлю сегодня вашему главному врачу письмо съ предложеніемъ пожаловать ко мнѣ завтра въ десять часовъ утра, мы съ нимъ дѣло и обсудимъ... Больше ничѣмъ не могу служить?

Мы пили чай у младшихъ врачей его госпиталя. И у нихъ было, какъ почти вездѣ: младшіе врачи съ гадливымъ отвращеніемъ говорили о своемъ главномъ врачѣ и держались съ нимъ холодно-официально. Онъ былъ когда-то старшимъ врачомъ полка, потомъ долго служилъ дѣлопроизводителемъ при одномъ крупномъ военномъ госпиталѣ и оттуда попалъ на войну въ главные врачи. Медицину давно позабылъ и живетъ только бумагою. Врачи расохотались, когда узнали, что Шанцеръ нашелъ излишнимъ отдѣльное большое помѣщеніе для канцеляріи.

— Да вѣдь въ ней для него вся душа госпиталя! Врачи, аптека, палаты, — это только неважные придатки къ канцеляріи! Бѣдняга-письмоводитель работаетъ у

насъ по двадцать часовъ въ сутки,—пишетъ, пишетъ... Мы живемъ съ главнымъ врачомъ въ сосѣднихъ фанзахъ, встрѣчаемся десятокъ разъ въ день, а ежедневно получаемъ отъ него бумаги съ „предписаніями“... Посмотрѣли бы вы его приказы по госпиталю, — это цѣлые фоліанты!

Самъ старичокъ, оказалось, ужасно перетрусилъ, узнавъ о готовящемся нападеніи хунхузовъ, и слышать не хотѣлъ, чтобъ послать намъ на помощь хоть одного солдата.

Зашли мы съ врачами еще въ другой госпиталь. Тамъ главный врачъ оказался человѣкомъ, но его госпиталь и самъ помѣщался очень тѣсно: всѣ помѣщенія захватилъ старичокъ статскій совѣтникъ. Какъ разъ вошелъ и самъ старичокъ.

— Вотъ-съ, слышали? Они хунхузовъ боятся! — съ усмѣшечкою сообщилъ онъ.

— Да понятное дѣло! Какой же смыслъ тамъ оставаться? — возразилъ главный врачъ, у котораго мы сидѣли. — Загнали насъ сюда къ чорту на кулички, — разумѣется, пужно держаться всѣмъ вмѣстѣ!

— И что это за удивительное распоряженіе Четверкина! — засмѣялся Шанцеръ. — Какой былъ смыслъ загнать насъ сюда?

— Это не наше дѣло разсуждать! — сухо и строго замѣтилъ старичокъ. — Вы сами, можетъ быть, еще хуже распорядились бы.

— Ну, хуже ужъ, кажется, трудно! — усмѣхнулся одинъ изъ его врачей.

Заговорили о мукденскомъ разгромѣ, о видахъ на миръ.

— И когда вся эта грязная исторія кончится! — вздохнулъ кто-то.

Старичокъ широко и недоумѣвающе раскрылъ глаза.

— Какая грязная исторія? О чемъ вы говорите?..

Назавтра мы перебрались въ ихъ деревню, а черезъ два дня пришелъ новый приказъ Четыркина, — вѣсьмъ сняться и идти въ городъ Маймакай, за девяносто верстъ къ югу. Маршрутъ былъ росписанъ съ обычною точностью: въ первый день остановиться тамъ то, — переходъ 18 верстъ, во второй день остановиться тамъ-то, — переходъ 35 верстъ и т. д. Вечеромъ 25 марта быть въ Маймакаѣ. Какъ мы убѣдились, все это было росписано безъ всякаго знанія качества дороги, и шли мы, конечно, не руководствуясь даннымъ маршрутомъ.

Отъ привезшаго приказъ офицера мы узнали приятную вѣсть: нашъ корпусъ переводится изъ третьей арміи во вторую. Значить, мы уходимъ изъ-подъ попечительной власти генерала Четыркина.

Утромъ мы выступили въ походъ.

Снѣгъ стаялъ, дороги были еще грязныя, но начало обсыхать. На поляхъ виднѣлись работающіе китайцы. Они выворачивали мотыгами изъ грядъ каоляновые корни, вывозили на поля кучи перегноу. Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ больше начинало пахнуть русскимъ духомъ. По дорогѣ все чаще встрѣчались спѣшущія на сѣверъ арбы, нагруженныя китайскимъ имуществомъ, женщинами и дѣтьми.

Стали попадаться разрушенныя фанзы съ снятыми на топку крышами. Все больше ихъ. Вмѣсто хуторовъ — лишь кучи глины, соломы и остатки стѣнъ. Жилыя фанзы биткомъ набиты русскими солдатами. Китайцевъ становилось все меньше. По полямъ опять сновали стаи обездомѣвшихъ, пугливыхъ собакъ. Валились деревья подъ русскими топорами.

Знакомыя, приглядѣвшіяся картины. Мы вѣзжали въ родную атмосферу. Смотритель опять сталъ развязенъ и самоувѣренъ, главный врачъ опять безвозвратно обиралъ на ночевкахъ китайцевъ, платилъ имъ цѣлковые и полтинники и ругалъ мощенниками.

Черезъ три дня мы пришли въ Маймакай. Городъ былъ биткомъ набитъ войсками и бѣжавшими изъ деревень жителями. Жутко было войти въ фанзу, занятую китайцами. Какъ разлагающійся кусокъ мяса — червями, она кишѣла сбитыми въ кучу людьми. Въ вони и грязи копошились мужчины, женщины и дѣти, здоровые и больные.

Въ штабѣ и лазаретѣ говорили о возможности близкаго отступленія. Рассказывали, что впереди на восемьдесятъ верстъ нигдѣ не находятъ японцевъ, что они гдѣ-то глубокимъ обходомъ идутъ на сѣверъ. Рассказывали, что японцы прислали намъ приглашеніе разговѣться у нихъ на пасху въ Харбинѣ. Вспоминали, какъ они недавно приглашали насъ на блины въ Мукденъ... Рѣшено, какъ передавали, бросить сыпигайскія позиціи и отступить за Сунгари, къ Харбину.

Х.

Въ ожиданіи мира.

Насъ поставили за нѣсколько верстъ къ сѣверу отъ Маймакай, близъ Мандаринской дороги.

Днемъ дулъ сильный вѣтеръ. Къ вечеру онъ затихъ, заря нѣжно алѣла. Недалеко отъ нашей стоянки, у колодца, столпилась кучка солдатъ-артиллеристовъ. Я подошелъ. На землѣ, вытянувъ морду, неподвижно лежала лошадь, она медленно открывала и закрывала глаза. Около стоялъ артиллерійскій штабсъ-капитанъ. Мы откозыряли другъ другу.

— Что это, больна лошадь?—спросилъ я.

— Да... Все время еле ходила. А сейчасъ напоили, она вотъ упала и не можетъ встать. Задъ отнялся... Все—слѣдствіе 25 февраля,—прибавилъ капитанъ, понизивъ голосъ, чтобъ не слышали солдаты.—Масса лошадей надорвалась за отступленіе, дохнутъ теперь, какъ мухи.

- Вы здѣсь по близости стоите?
- Да, вонъ въ томъ хуторѣ на ночевку остановились. Завтра опять идемъ.
- Куда?
- Куда! Конечно, на сѣверь!—съ усмѣшкою отвѣтилъ капитанъ.
- А что слышно про японцевъ?
- Говорять, уже подъ Гириномъ. — Мы пошли съ нимъ прочь отъ колодца.—А вы слышали? Съ 18 марта ведутся мирные переговоры.
- Да что вы?
- Сегодня въ штабъ нашей арміи получено извѣстіе: Государь созвалъ земскій соборъ, объявилъ, что война оказалась для насъ неудачною, и что придется заключить миръ.

Пришелъ я домой, разсказалъ нашимъ. Никого изъ нижнихъ чиновъ въ фанзѣ не было. Но ужъ черезъ пять минутъ по всѣмъ дворамъ, по всѣмъ фанзамъ, вездѣ оживленно разговаривали солдаты, слышались радостные разспросы, смѣхъ. И вездѣ звучало:

— Восемнадцатаго марта... Восемнадцатаго марта...

На тихомъ небѣ, надъ закатомъ, свѣтился узкій серпъ молодого мѣсяца. На душѣ было свѣтло и радостно, хотѣлось говорить, говорить съ каждымъ встрѣчнымъ о томъ, что кончилось кровавое безуміе, хотѣлось вѣрить самому и увѣрить другихъ. И вездѣ звучало

— Восемнадцатаго марта... Восемнадцатаго марта...

Ко мнѣ подошли два солдата.

— Ваше благородіе, правду говорятъ, замиреніе будетъ?

— Говорять.

— А скажите, какъ,—придется ему платить?

— Вѣроятно, придется.

Они печально задумались.

— Нѣтъ, тогда лучше дальше воевать, а то что же?

Только-что произошелъ невѣроятный, небывалый въ нашей исторіи разгромъ русской арміи. А повсюду всё говорили только объ одномъ, — объ наградахъ. Штабы кипѣли безчисленными представленіями къ наградамъ, награды посыпались, какъ изъ рога изобилія.

Наблюдалось то же самое, что и послѣ боя на Шахе, послѣ Ляоянскаго боя, послѣ всѣхъ предыдущихъ боевъ. Чуть не ежедневно въ приказахъ по арміямъ появлялись длиннѣйшіе списки лицъ, награжденныхъ боевыми отличіями. Если бы подсчитать всё эти тысячи Станиславовъ, Аннъ и Владиміровъ съ мечами, этихъ безчисленныхъ солдатскихъ Георгіевъ, то можно бы подумать, что была побѣдоноснѣйшая изъ всѣхъ войнъ, увѣнчавшая нашу армію славнѣйшими лаврами. Какъ будто этимъ ливнемъ изъ крестовъ армія хотѣла скрыть отъ себя и другихъ тотъ стыдъ, который тайно грызъ ее; какъ будто хотѣла показать, сказать всему міру: да, почему-то насъ упорно преслѣдуютъ беспросвѣтныя неудачи, но каждый генераль, каждый офицеръ, каждый солдатъ оказываетъ чудеса мужества, это сплошь—выдающіеся герои.

Офицеры, бывшіе на русско-турецкой войнѣ, поражались этимъ обиліемъ наградъ. Въ то время, по ихъ словамъ, не было ничего необычнаго, что офицеръ, участвовавшій въ двухъ-трехъ крупныхъ бояхъ, не имѣлъ ни одной награды. Красный анненскій темлякъ „за храбрость“, какой-нибудь маленькій орденъ съ мечами были уже цѣнными отличіями. Теперь же красный темлякъ,—въ офицерскомъ просторѣчи именуемый „кляквою“ или „брусникою“,—почти сдѣлался простымъ ярлыкомъ, свидѣтельствующимъ только, что данный офицеръ участвовалъ въ бою. Въ штабахъ прямо говорили, что ужъ двѣ-то „очередныхъ“ награды за войну получить каждый. Командиръ 10 армейскаго корпуса, извѣстный К. В. Церпицкій, — одинъ изъ немногихъ генераловъ, оказавшихся достойными своего поста,—былъ

вынужденъ издать по своему корпусу слѣдующій странный приказъ:

„Въ будущемъ строго воспрещая представлять къ наградамъ всѣхъ офицеровъ поголовно (!), а представлять только заслуживающихъ награды своей храбростью, мужествомъ, распорядительностью и истиннымъ исполненіемъ лежащихъ на нихъ обязанностей“. (*Приказъ войскамъ 10 арм. корпуса, 1905, № 39*).

Какъ-то встрѣтилъ я одного артиллерійскаго офицера-неудачника, не получившаго за всю войну ни одной награды. Онъ острилъ: „пошлю свою карточку въ „Новое Время“: офицеръ, не получившій на театрѣ войны ни одной награды“. И это, дѣйствительно, было такою рѣдкостью, что карточка вполне заслуживала помѣщенія въ газетѣ *).

Боевыя награды, ордена съ мечами, получали интенданты, контролеры, тыловые врачи. Такая крупная награда, какъ Владиміръ съ мечами, давалась штабнымъ офицерамъ „за разновременныя отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ“. Станислава второй степени съ мечами, также „за отличіе въ разновременныхъ дѣлахъ съ японцами“, получилъ отъ Куропаткина... „корреспондентъ, потомственный дворянинъ Немировичъ-Данченко“! (*Приказъ главноком., 1904, № 755*).

Особенно щедро награждались штабные, и противъ нихъ въ арміи было сильное озлобленіе. Налетавшіе въ штабы изъ столицъ офицеры со связями откровенно называли свои поѣдки въ армію „крестовымъ походомъ“. Передавали, — конечно, анекдотическое, но очень

*) Въ телеграммахъ Петербургскаго Телеграфнаго Агентства отъ 15 ноября 1906 года читаемъ: „Уволеннаго въ запасъ флота лейтенанта Данилова І, награжденнаго Станиславомъ 2-й степени съ мечами за участіе въ бою 28 іюля 1904 года на „Цесаревичѣ“, отказавшагося отъ награды и указывавшаго на несоотвѣтствіе заслугамъ, Высочайше повелѣно лишить ордена и впредь ни къ какому наградамъ не представлять“.

характерное,—разсужденіе такого офицера: „Вполнѣ понятно, что офицеръ на передовыхъ позиціяхъ получаетъ красный темлякъ, а я—Владимира. Вѣдь онъ при этомъ сразу имѣетъ двѣ награды: во-первыхъ,—темлякъ, во-вторыхъ,—то, что остался живъ; а что можетъ быть выше этой награды? Мнѣ же и вся-то награда только въ орденѣ“.

Уваженіе къ орденамъ въ арміи совершенно пало. Въ Россіи, увидѣвъ обвѣшаннаго боевыми отличіями офицера, люди могли почтительно поглядывать на него, какъ на героя. Здѣсь, при видѣ такого офицера, прежде всего каждому приходила мысль:

— Охлопота-аль!..

Столь же щедро и безтолково сыпались награды и на нижнихъ чиновъ. Высшее начальство, обходя госпитали, по собственной волѣ вѣшало георгіевскіе кресты тѣмъ, кому хотѣло. Разумѣется, боевыхъ заслугъ раненыхъ начальство не знало,—и кресты вѣшались тѣмъ, кто попадался на глаза, кто умѣлъ хорошо отвѣтить начальству, кто возбуждалъ сожалѣніе тяжестью своихъ пораненій. Разсказывали,—и если даже это неправда, то характерна самая возможность такихъ разсказовъ,—будто Л. невичъ, обходя госпиталь, повѣсилъ георгіевскій крестъ на грудь тяжело раненому солдату, солдата же этого, какъ оказалось, пристрѣлили его собственный ротный командиръ за отказъ идти въ атаку. Въ М—ни у насъ лежалъ одинъ солдатъ, которому пришлось ампутировать руку: полкъ былъ на отдыхѣ далеко за позиціями, залетѣлъ шальной 6-дюймовый снарядъ и оторвалъ солдату кисть руки. Случайно его увидѣлъ у насъ его корпусный командиръ и „изъ жалости“ выхлопоталъ солдату георгіевскій крестъ. За солдата было очень пріятно, но какою же это являлось профанаціею „боевой“ награды! вмѣстѣ съ солдатомъ тѣмъ же снарядомъ было ранено нѣсколько воловъ изъ порціоннаго гурта. Вѣдь эти волю ничуть не въ мень-

шей мѣрѣ заслуживали георгіевскаго креста, чѣмъ солдатъ.

У насъ былъ солдатъ Лисюнинъ, раненый въ бою на Шахе пятью пулями и послѣ выздоровленія переведенный изъ строя въ нашу команду. Однажды, когда нашъ патруль воротился со смѣны въ караульню, одинъ изъ солдатъ сталъ разряжать винтовку и неосторожно нажалъ спускъ. Выстрѣлъ раздробилъ спавшему тутъ же Лисюнину колѣно. Его эвакуировали. На станціи Лисюнина увидѣлъ Линевичь и наградилъ георгіевскимъ крестомъ. Пять одновременныхъ ранъ, полученныхъ въ жестокомъ бою, не повели за собою награды; случайная рана дала солдату георгія, потому что ему посчастливилось во-время попасть на глаза начальству.

Быть на глазахъ начальства, тереться около начальства—это было весьма важно для полученія награды. Въ приложеніи къ Приказу главнокомандующаго (Линевича) отъ 19 сентября 1905 года за № 2011 объявлено, что награждаются серебряною медалью съ надписью „за усердіе“ на Станиславской лентѣ „за труды и отличнo-усердную службу“ *прислуга поѣзда главнокомандующаго*,—проводники вагоновъ такіе-то (семь человекъ) и смазчикъ такой-то. Я нисколько не сомнѣваюсь, что всѣ эти лица „отлично-усердно“ несли свою легкую службу въ поѣздѣ главнокомандующаго, стоявшемъ цѣлыми недѣлями на одномъ мѣстѣ. Но вообще приказы были *очень* небогаты награжденіями поѣздной прислуги. А я видѣлъ, какъ „отлично-усердно“ несли свою крайнетяжелую службу проводники и смазчики воинскихъ и санитарныхъ поѣздовъ.

Съ такимъ же легкомысліемъ, съ такимъ же пренебреженіемъ къ заслуженности награды дѣйствовало подчасъ и низшее начальство. Бывало, своимъ представленіямъ оно не озабочивалось придать даже хоть внѣшне-приличный видъ, и представленія эти были въ глаза своею несообразностью.

Командующій второю арміею 28 іюня 1905 года писалъ:

„Разсматривая представленія нижнихъ чиновъ одной изъ частей къ знакамъ отличія Военнаго Ордена, я усмотрѣлъ, что подвиги пяти нижнихъ чиновъ изложены буквально въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, причемъ пять разъ повторяются слова: „первый бросился“,—слѣдовательно, оказалось пять первыхъ?.. При такихъ условіяхъ мудрено ожидать, что представленія будутъ имѣть успѣхъ. Представленіе къ наградамъ дѣло ответственное,—прошу это помнить“ (*Приказъ войскамъ 2 маньчжурской арміи, № 311*).

Черезъ три недѣли онъ же снова писалъ:

„Рапортомъ отъ 28 мая 1905 года за № 1254 командующій Оренбургской казачьей дивизіею ходатайствовалъ о награжденіи знаками отличія Военнаго Ордена семи казаковъ „за мужество и храбрость при встрѣчѣ съ хунхузами въ числѣ 89 человекъ и взятіи таковыхъ въ плѣнъ съ 93 лошадьми и 90 винтовками 15 мая сего 1905 г.“ — То, что прописано между ковычками, представляетъ точную копию третьей графы (описаніе подвига) наградного списка. Произведеннымъ по сему дѣлу дознаніемъ, а также сношеніемъ со штабомъ 17 армейскаго корпуса выяснилось: 1) что хунхузы эти были мирные, нанятые нашимъ правительствомъ на русскую службу; 2) что они не только не нападали на нашъ отрядъ, но, давъ ему спокойно подойти, по первому требованію сдали свое оружіе и лошадей. При такихъ условіяхъ можно, съ большою натяжкой, допустить, что казаки считали встрѣченныхъ вооруженныхъ китайцевъ хунхузами, но нельзя допустить во всякомъ случаѣ, что захватъ хунхузовъ въ виду того, что они безъ какого-либо сопротивленія дали себя обезоружить, будучи втрое сильнѣе нашего отряда, составляетъ подвигъ *мужества и храбрости*, достойный награжденія знаками отличія Военнаго Ордена. Выше-

изложенное заставляеть меня поставить на видъ Командующему Оренбургской Казачьей Дивизіей, что подобныя представленія подрываютъ великое значеніе знака отличія Военнаго Ордена, который предназначенъ украшать на всю жизнь лишь грудь воина, дѣйствительно проявившаго высокую доблесть. Представленіе сдѣлано Его Превосходительствомъ зря, по заявленію самихъ предполагаемыхъ героевъ и безъ малѣйшей попытки со стороны Начальника дивизіи выяснить дѣло, къ чему представилась полная возможность, такъ какъ вмѣстѣ съ казаками дѣйствовала пѣхотная охотничья команда“ (*Приказъ войскамъ второй арміи № 353*).

Если даже признавать вообще пользу отличій и орденовъ, то все-таки совершенно неоспоримо, что такъ, какъ награжденія были обставлены въ нашей арміи, они приносили только вредъ. Странно награждать за простое исполненіе долга,—вѣдь за неисполненіе долга жестоко наказываютъ. Предполагается (всякій профанъ такъ именно и смотритъ на боевой орденъ), что награжденный совершилъ что-то особенное, исключительное, изъ ряду выходящее. Но вѣдь такихъ на всю армію могутъ быть только десятки, ну, сотня-другая. Слава ихъ подвиговъ должна гремѣть по всему міру, имена ихъ должны быть извѣстны всякому. У насъ же награжденныхъ были многія тысячи, и о „подвигахъ“ большинства можно было узнать только изъ награжденныхъ списковъ.

Понятно, что только о наградахъ вездѣ и говорили, только о наградахъ и думали. Онѣ мелькали кругомъ, маня и дразня, такія доступныя, такія мало-требовательныя. Человѣкъ былъ въ бою, вокругъ него падали убитые и раненые, онъ однако не убѣжалъ,—какъ же не претендовать на награду?

Подобно офицерамъ, и солдаты каждый свой шагъ начинали считать достойнымъ награды. Въ концѣ года,

уже послѣ заключенія мира, наши госпитали были расформированы, и команды отправлены въ полки. Солдаты уходили, сильно пьяные, былъ жестокий морозъ, одинъ свалился на дорогѣ и заснулъ. Его товарищъ воротился за полверсты назадъ и сказалъ, чтобы пьянаго подобрали. Назавтра онъ является къ главному врачу и требуетъ, чтобы его представили къ медали „за спасеніе погибавшаго“.

— Ты съ ума сошелъ?!

— Никакъ нѣтъ! Я васъ покорнѣйше прошу, какъ я его спасъ, то желаю медали... Какъ вамъ будетъ угодно!

— Да дурья голова, пойми ты! Медаль дается, когда человекъ спасаютъ съ опасностью жизни. А ты что,—версту лишнюю прошелъ, и за это требуешь медали!

— Какъ вамъ будетъ угодно! Не представите, буду жаловаться... За что обижаете?

Среди солдатъ сильно подрывало уваженіе къ орденамъ то обстоятельство, что въ солдатѣ при награжденіи совсѣмъ не видѣли отдѣльнаго человекъ. Въ бою отличилась рота,—на нее выдается десятокъ Георгіевъ. Десять крестовъ на двѣсти человекъ. Какъ ихъ распредѣлить? Хорошо, если есть какъ разъ десять, дѣйствительно, наиболѣе отличившихся. Но почему ихъ должно быть именно десять? Почему тогда этихъ десять человекъ не представлять спеціально къ кресту? Распредѣляетъ кресты сама рота. Мнѣ приходилось бывать на такихъ распредѣленіяхъ. Шумъ, гвалтъ, споры. Начинаешь самъ понимать, что сколько-нибудь справедливо распредѣлить кресты положительно невозможно: въ свалкѣ боя людямъ не до того, чтобы слѣдить другъ за другомъ и опредѣлять степень мужества cadaго. Въ большинствѣ случаевъ кончается дѣло тѣмъ, что „трясутъ жеребья“,— „чтобъ никому не было обидно!“ И Георгія получаетъ какой-нибудь кашеваръ, даже не бывшій подъ огнемъ. Присуждаются также кресты фельдфебелю,

старшимъ унтеръ-офицерамъ, или тому, кто больше поставитъ водки. Какое можетъ быть уваженіе къ такому георгіевскому кавалеру? И сами солдаты весьма тщательно отличаютъ личнаго, именнаго Георгія отъ Георгія группового. Неужели невозможно устроить такъ, чтобъ за подвигъ цѣлой группы награждались не случайные отдѣльные представители этой группы, а вся группа? Такой наградой могла бы быть георгіевская ленточка въ петлицѣ, медаль, — вообще, знакъ, прямо говорящій о томъ, что дѣйствительно было, — объ отличіи групповомъ. Теперь же одни награждаются крестами, какъ личные герои, остальные не награждаются совсѣмъ. Либо вся группа награждается орденскими знаками на ея знамя, на ея трубы. Воображаю, какъ кисло улыбнулся бы генераль, если бы его Анну или Владимира повѣсили не ему на грудь, а на знамя или на трубу!

Мы, младшіе врачи госпиталя, были уже представлены главнымъ врачомъ къ Станиславу третьей степени и получили его за полное ничегонедѣланіе въ бою на Шахе. Теперь, послѣ мукденскаго боя, главный врачъ представилъ насъ къ Аннѣ третьей степени съ мечами. Сестеръ онъ представилъ къ золотымъ медалямъ на анненской лентѣ, а старшую сестру, уже имѣвшую золотую медаль, — къ серебряной медали на георгіевской лентѣ. Въ мотивировкѣ представленія было сказано, что мы перевязывали раненыхъ подъ огнемъ непріятеля. Мы смѣялись и возражали, что перевязывать мы ужъ потому не могли, что у насъ не было даже перевязочнаго матеріала. Только старшая сестра, которой для службы въ ея общинѣ очень была важна георгіевская ленточка, упорно, подъ всеобщими улыбками, утверждала, что она перевязывала подъ огнемъ. Главный врачъ всѣхъ насъ въ душѣ ненавидѣлъ, мы, не стѣсняясь, смѣялись при немъ надъ наградами, но онъ

все-таки представлялъ насъ къ орденамъ, потому что это было ему выгодно: если отличились всѣ его подчиненные,—ясно, и самъ онъ заслуживалъ награды.

Въ султановскомъ госпиталѣ дѣло было поставлено еще шире. Султановъ представилъ Новицкую къ золотой медали на георгиевской лентѣ, остальныхъ сестеръ — къ серебрянымъ медалямъ на георгиевской лентѣ. Обо всѣхъ, разумѣется, также было написано, что онѣ перевязывали раненыхъ подъ огнемъ непріятеля, и что при этомъ особенно отличилась своею самоотверженностью сестра Новицкая.

Но начальникъ дивизіи былъ у насъ теперь другой. Еще къ новому году прежній начальникъ дивизіи, вялый и покладистый старикъ, разстроился нервами и эвакуировался въ Россію. На его мѣсто попалъ генералъ умный, энергичный и самостоятельный. Въ концѣ мукденскаго боя, во время всеобщей паники, онъ въ полномъ порядкѣ привелъ свою дивизію съ лѣваго фланга къ желѣзной дорогѣ и задержалъ насѣдавшихъ японцевъ. Рассказывали, что Куропаткинъ сказалъ ему: „встрѣчаю перваго генерала, который не потерялъ головы“. Этотъ генералъ совсѣмъ не хотѣлъ считаться съ особенными симпатіями, которыя питалъ корпусный командиръ къ султановскому госпиталю. За недѣлю до мукденскаго боя онъ дѣлалъ инспекторскій смотръ обоимъ нашимъ госпиталямъ, нашелъ у Султанова людей плохо устроенными, лошадей худыми, изнуренными, отчетность запутанною, и въ приказѣ по дивизіи сдѣлалъ всемогущему Султанову рѣзкій выговоръ.

Теперь начальникъ дивизіи запротестовалъ противъ султановскаго представленія сестеръ къ наградамъ. Онъ не находилъ никакихъ основаній выдѣлять Новицкую изъ другихъ сестеръ: если она, дѣйствительно, заслуживаетъ золотой медали, то одинаково заслуживаютъ ее и другія сестры. Заносчивая Новицкая ужасно имъ возмущалась. Султановъ давалъ обѣдъ. За однимъ

столомъ сидѣла „знать“, — корпусный командиръ, начальникъ штаба, Новицкая и Султановъ, за другимъ — остальные сестры и штабные чиномъ помельче. Адъютантъ сообщилъ сестрамъ, что всѣхъ ихъ собираются представить къ золотымъ медалямъ. Новицкая услышала это и громко заявила:

— Мнѣ будетъ очень, очень неприятно, если меня сравниваютъ со *встими*!

Послѣ этого корпусный сталъ еще сильнѣе настаивать передъ начальникомъ дивизіи, чтобъ остальнымъ сестрамъ были даны серебряныя медали. Начальникъ дивизіи рѣшительно отвѣтилъ:

— Вотъ въ наградномъ листѣ графа для замѣчаній вашего высокопревосходительства, можете тамъ писать, что хотите. А я своего отзыва не измѣню.

Самъ Султановъ получилъ за мукденскій бой очень крупную награду. Однажды, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, корпусный пріѣхалъ на обѣдъ къ Султанову и за обѣдомъ торжественно повѣсилъ ему на шею — Анну второй степени съ мечами.

Насъ передвинули верстъ на пять еще къ сѣверу, въ деревню Тай-пиньшань. Мы стали за полверсты отъ Мандаринской дороги, въ просторной усадьбѣ, обнесенной глиняными стѣнами съ бойницами и башнями. Богатыя усадьбы всѣ здѣсь укрѣплены на случай нападенія хунхузовъ. Хозяина не было: онъ съ своею семьей уѣхалъ въ Маймакай. Въ этой же усадьбѣ стоялъ обозъ одного пѣхотнаго полка.

Наступала весна. Почки набухали, пробивались веселыя стрѣлки молодой травы, желтоватыя луговины получали зеленоватый отсвѣтъ. Однажды подъ-вечеръ на дворѣ появился полный старикъ-китаецъ въ мѣховомъ треухѣ, съ рябимъ, безусымъ лицомъ. У него была старчески-добрая улыбка; онъ ковылялъ на боль-

ныхъ ногахъ, опираясь на длинную и тонкую палку. Китайцы-работники, почтительно глядя на него, сообщали намъ:

— Бульсой, бульсой (большой) капитанъ!.. Тхунъ-тхунъ хажанъ!

И показывали руками кругомъ: хозяинъ надо всеѣмъ.

Ковыляя на своихъ ножкахъ, старикъ ходилъ по двору и осматривалъ его, добродушно-любезно улыбался намъ, попросилъ у насъ разрѣшенія войти въ свою фанзу. Ему позволили. Онъ вошелъ, осмотрѣлся. Видимо, остался очень доволенъ, что ничего не сломано.

— Шанго (хорошо)!—сказалъ онъ.

— Ломайло мѣ ю (ломать, портить ничего не будемъ)!—успокоительно говорили ему.

— Шанго!—повторилъ онъ.

Сѣлъ на дворѣ на ящикъ, посасывая свой аршинный чубукъ. Изъ боковой фанзы съ поднятыми верхними рамами оконъ доносилась возгласы и пѣніе,— у насъ служили всенощную. Слышны были странныя моленія о страждущихъ, о мирѣ всего міра.. Старикъ съ любопытствомъ прислушивался.

Помѣститься ему въ своей усадьбѣ было негдѣ: все было занято нами и нашею командою. Къ ночи старикъ уѣхалъ обратно въ Маймакай.

Китайцы выѣзжали на поля. Начинался сѣвъ. Начальниковъ русскихъ частей объѣзжали два китайскихъ чиновника съ шариками на шляпахъ, со свитою изъ пестрыхъ китайскихъ полицейскихъ съ длинными палками. Чиновники предъявляли бумагу, въ которой власти просили русскихъ начальниковъ не препятствовать китайцамъ въ обработкѣ полей. Русскіе начальники прочитывали бумагу, великодушно кивали головами и заявляли чиновникамъ, что, конечно, конечно... какой тутъ даже можетъ быть разговоръ...

Однажды утромъ я услышалъ въ отдаленіи странные китайскіе крики, какой-то рыдающій вой.. Я вы-

шелъ. На второмъ, боковомъ дворѣ, гдѣ помѣщался полковой обозъ, толпился народъ,—солдаты и китайцы; стоялъ рядъ пустыхъ арбъ, запряженныхъ низкорослыми китайскими лошадьми и мулами. Около пустой ямы, выложенной цыновками, качаясь на больныхъ ногахъ, рыдалъ рябой старикъ-хозяинъ. Онъ вылъ, странно поднималъ руки къ небу, хватался за голову, и наклонялся, и заглядывалъ въ яму.

Въ этой ямѣ, подъ набросанными сверху каоляновыми корешками, у старика было зарыто четыреста пудовъ каоляноваго зерна. Сегодня утромъ съ арбами и съ рабочими онъ пріѣхалъ, чтобъ взять сѣмена для сѣва, разрылъ яму,—она была пуста.

Начальникъ обоза, флегматическій капитанъ съ рыжими, отвисшими усами, былъ здѣсь. Онъ съ равнодушнымъ любопытствомъ слѣдилъ за старикомъ, на вопросы переводчика удивленно пожималъ плечами и говорилъ, что каоляна никто не бралъ.

— Николай Сергѣевичъ, вы не знаете, — можетъ быть, кто изъ нашихъ солдатъ взялъ? — спрашивалъ онъ прапорщика. Въ его голосѣ было что-то притворное и неестественное.

— Нѣтъ.

— Бралъ кто изъ васъ, ребята, его каолянъ?—обращался капитанъ къ командѣ.

— Никакъ нѣтъ!—неохотно отвѣчали солдаты, глядя въ сторону.

Старикъ прыгнулъ въ яму. Онъ валялся на днѣ, корчился въ конвульсивныхъ рыданіяхъ и что-то кричалъ по-китайски. Переводчикъ объяснилъ: старикъ просить закопать его въ ямѣ, потому что теперь ему, все равно, остается умирать съ голоду.

Солдаты, хмурые и угрюмые, молча расходились.

Вечеромъ деньщики рассказали намъ: недѣли полторы назадъ обозные солдаты случайно наткнулись на зарытый каолянъ и сообщили о немъ своему коман-

диру. Капитанъ далъ каждому по три рубля, чтобъ никому не говорили, и глухою ночью, когда всѣ спали, перетаскалъ съ этими солдатами каолянъ въ свои амбары.

Я потомъ спрашивалъ объ этомъ обозныхъ солдатъ. Они со злобою, съ презрѣніемъ рассказали то же самое, и вовсе не хотѣли ничего скрывать.

— Мы что же! Что намъ прикажутъ, то солдатъ и долженъ дѣлать. А грѣхъ на командирѣ.

Только конюхъ Михеевъ, откопавшій каолянъ и сообщившій о немъ капитану, говорилъ:

— Зачѣмъ я это сдѣлалъ? Послѣдняго китаи лишился. Мнѣ за это Богъ отплатитъ.

Старикъ-хозяинъ исчезъ, и больше мы его ужъ не видѣли.

И вездѣ кругомъ шель обычный грабежъ. Разрушались на топливо фанзы, отбирались у китайцевъ послѣдніе запасы. Вышелъ тусклый приказъ главнокомандующаго:

„Главнокомандующій приказалъ подтвердить, чтобы начальствующими лицами было обращено самое строгое вниманіе на сохраненіе въ цѣлости китайскихъ деревень въ тыловыхъ районахъ армій и на правильность эксплуатаціи мѣстныхъ запасовъ продовольствія и фуража“. (*Приказъ № 365*).

Опять сухою, безсильною бумажкою этотъ приказъ промелькнулъ и исчезъ.

Но, сравнительно съ прежнимъ, замѣчалось одно новое: непротивленіе и смиренное безмолвіе китайцевъ начинало исчезать. Сбывалось предсказаніе встрѣченнаго нами при отступленіи переводчика, что китайское терпѣніе скоро лопнетъ.

По утрамъ на Мандаринской дорогѣ то и дѣло находили зарѣзанныхъ или застрѣленныхъ солдатъ и

казаковъ. Ѣздить по дорогамъ въ одиночку было опасно. Отправлявшіеся на фуражировку транспорты возвращались пустыми, въ повозкахъ лежали солдаты въ окровавленныхъ повязкахъ. Они рассказывали о схваткахъ съ хунхузамп, о томъ, что китайцы цѣлыми деревнями, вооружившись, чѣмъ попало, нападаютъ на нашихъ фуражировъ.

Было похоже, что начиналась партизанская война, свирѣпая и беспощадная, какъ всѣ партизанскія войны. Шли слухи, что недавно хунхузы захватили двухъ русскихъ офицеровъ, продѣли имъ въ носы желѣзныя кольца и на веревочкахъ, съ связанными назадъ руками, водятъ за собою; сами ѣдутъ верхомъ, а плѣнники бѣгутъ слѣдомъ; ночевать ихъ оставляютъ на дворѣ, въ грязи и подъ дождемъ.

Въ концѣ апрѣля мы получили изъ штаба дивизіи слѣдующую странную телефонограмму:

„*Спѣшно.* Командующій арміей приказалъ: немедленно предупредить обозы и учрежденія, находящіеся по тыловымъ путямъ, чтобы они были готовы къ отраженію нападенія конныхъ хунхузскихъ и японскихъ (!) отрядовъ“.

Что это такое? Въ тылу у насъ свободно бродятъ непріятельскіе отряды, борются съ ними поручается нестроевымъ частямъ... Значитъ, фланги нашей арміи открыты, заслоновъ нѣтъ? Значитъ, вѣрны слухи, что въ одинъ прекрасный день обходная армія японцевъ можетъ отрѣзать русскимъ отступление и двинуться на насъ съ сѣвера?

На утро пришелъ новый приказъ: предписывалось укрѣплять фанзы, дѣлать въ заборахъ бойницы, высылать впередъ дозоры, устроить сигнальныя вѣхи. Ночи опять были темныя, жутко-безпокойныя. Стоя спящаго сосѣда принимался за отдаленный стонъ раненаго, каждый звукъ пріобрѣталъ грозное, настораживающее значеніе.

А добывать фуражъ становилось все труднѣе. Окрестныя деревни были опустошены. Лошади голодали, ихъ кормили гнилою соломой и гнилымъ каолянѣмъ. Настроение на позиціяхъ и въ ближнемъ тылу было угнетенное. Побѣды никто не ждалъ. Самые ярые патриоты-офицеры не рассчитывали на въ конецъ деморализованную армію. Они, правда, доказывали, что теперешнія позиціи буквально неприступны, что обходъ совершенно немислимъ,—но то же самое говорилось и передъ ляоянскимъ, и передъ мукденскимъ боемъ, и серьезно никто въ это не вѣрилъ. Всѣ ждали и надѣялись лишь на одно: вотъ придетъ, наконецъ, балтійская эскадра, уничтожить японскій флотъ, отрѣжетъ японскую армію,—и тогда все измѣнится.

Разсказывали, что Линевичъ послалъ царю секретную телеграмму, гдѣ сообщалъ, что войскъ у насъ меньше, чѣмъ у японцевъ, духъ совершенно упалъ, на побѣду нѣтъ никакой надежды, нашей арміи грозитъ опасность умереть съ голоду. Онъ считаетъ долгомъ вѣрноподданнаго сообщить объ этомъ, а объ остальномъ, какъ солдатъ, разсуждать не смѣетъ: прикажутъ,—пойдетъ въ бой хоть съ ротою.

Про Куропаткина, оставшагося здѣсь командовать первою арміей, разсказывали, что онъ все свое время проводитъ на передовыхъ позиціяхъ, и у всѣхъ его приближенныхъ—впечатлѣніе, словно онъ упорно и настойчиво ищетъ смерти.

Апрѣль мѣсяцъ мы безъ дѣла простояли въ деревнѣ Тай-пинь-шань. Въ началѣ мая насъ на то же бездѣлье передвинули верстъ на десять сѣвернѣе и поставили недалеко отъ станціи Годзядань. Султановскій госпиталь, какъ и прежде, все время стоялъ недалеко отъ штаба корпуса.

Деревья и поля уже густо зеленѣли, наступали жары.

Повсюду на случай отступленія прокладывались и окапывались дороги, наводились мосты.

Мимо насъ проводили съ позицій на станцію партіи плѣнныхъ японцевъ и хунхузовъ. Въѣстъ съ ними подъ конвоемъ шли и обезоруженные русскіе солдаты. Мы спрашивали конвойныхъ:

— Эти за что арестованы?

— За что нашего брата арестуютъ? Офицеровъ ругали,—угрюмо и неохотно отвѣчали конвойные.

Получено было секретное предписаніе тщательно вскрывать и просматривать письма, приходящія изъ Россіи на имя солдатъ, такъ какъ въ большомъ количествѣ присылались прокламаціи противуправительственнаго содержанія.

Приходили вѣсти о волненіяхъ въ Россіи, о забастовкахъ, о громадныхъ демонстраціяхъ. Офицеры остряли:

— Вы слышали? Въ Россіи забастовали всѣ грудные младенцы. Требуютъ свободы слова и... свободы дѣйствій...

— Да, и въ Россію теперь возвращаться плохо, и тамъ дѣла неважныя...

— Ничего! Приѣдемъ,—усмиримъ!

— Нѣтъ, господа, какъ мы приѣдемъ? Вѣдь на улицу не показывайся. Читали, какъ въ Петербургѣ зимою избили одного генерала?

— А какъ насъ провожали, когда мы сюда ѣхали! Какъ „ура“ кричали!

— Д-д-а... А теперь сторонкой, переулочкомъ проходи, а то изобьютъ.

— Такъ это же черны!

— Да, да! Та самая, которая „ура“ кричала!

— Чортъ возьми! Нѣтъ, ужъ лучше бы нашъ корпусъ оставили въ Сибири, а потомъ, когда все забудется, и воротиться.

Мрачный поручикъ съ краснымъ носомъ рѣшительно махалъ рукою:

— Это что ужъ говориты! Воротимся домой,—будутъ насъ студенты бить по мордѣ!

— Ну, это еще посмотримъ, кто кого!..

И глаза зловѣще загорались.

Съ 17 мая по арміи пошли глухіе слухи, что гдѣ-то около Японіи балтійская эскадра разбита адмираломъ Того. Слухи съ каждымъ днемъ росли, становились настойчивѣе, опредѣленнѣе—и все невѣроятнѣе. Рассказывали, что эскадра совершенно уничтожена, лучшіе броненосцы потоплены, остальные захвачены японцами, Рождественскій и Небогатовъ въ плѣну, въ Владивостокъ прорвался только одинъ крейсеръ; японскій же флотъ не понесъ никакихъ потерь. Самые глубокіе пессимисты со смѣхомъ передавали эти „преувеличенные“ слухи. Но день шель за днемъ,—невѣроятное оказывалось вѣрнымъ: грозный флотъ, который такъ восхваляли, вѣру въ который такъ усиленно старались вселить въ армію,—флотъ этотъ, словно игрушечный, разлетѣлся въ куски подъ дальнобойными орудіями Того, не принеся японцамъ никакого вреда. Оказывалось, балтійская эскадра была новою огромною глиняною пушкою, которая только должна была пугать японцевъ своимъ видомъ.

Отчаяніе, ужасъ, негодование царили въ арміи. Какъ все это могло случиться? Солдаты упорно отказывались вѣрить въ гибель эскадры.

— Можетъ, это такъ себѣ въ газетахъ написано, врутъ!

У всѣхъ ихъ было глубокое, все возраставшее недоумѣніе,—откуда у этого японца, о которомъ до войны даже не слыхалъ никто,—откуда у него эта волшебная непобѣдимость и сила?

— Ну, теперъ ужъ миръ несомнѣненъ! — говорили

всѣ съ увѣренностью. — Перейдены всѣ предѣлы безумія!

Слухи ползли, клубились и разрастались. Рассказывали, что японцы только и ждали морского боя, и теперь всѣми силами собираются ударить на насъ; подготовились они грандіозно и, если произойдетъ бой, то вся наша армія будетъ прямо сметена съ лица земли.

На-ухо передавали другъ другу извѣстія, что въ Петербургѣ, когда пришла вѣсть о гибели эскадры, произошли громадныя народныя волненія, убито четырнадцать тысячъ человѣкъ.

Слухи о мирѣ становились настойчивѣе. Сообщали, что японцы ужъ начали было наступленіе—и вдругъ остановили его. Солдаты ждали мира съ какимъ-то почти болѣзненнымъ напряженіемъ и тоскою. Глаза ихъ мрачно загорались. Они говорили:

— Какъ скотину, послали насъ сюда на убой, невѣдомо, на что!

Наконецъ 1 іюня появилось правительственное сообщеніе, что президентъ Рузвельтъ предложилъ русскому правительству свое посредничество для веденія мирныхъ переговоровъ съ Японіей, и что русское правительство приняло предложеніе Рузвельта.

И началась пытка. Эта пытка тянулась все лѣто, около двухъ съ половиною мѣсяцевъ.

Жадно ловились всѣ извѣстія изъ Вашингтона. Солдаты ежедневно ходили на станціи покупать номера „Вѣстника Маньчжурскихъ Армій“. Посредничество Рузвельта принято, уполномоченные Россіи и Японіи собираются съѣхаться... И вдругъ приказъ Линевича, въ которомъ онъ приводитъ царскую къ нему телеграмму: „Твердо надѣюсь на доблестныя свои войска, что въ концѣ концовъ они съ помощью Божіею одо-

лѣютъ всѣ препятствія и приведутъ войну къ благополучному для Россіи окончанію“.

И опять: мѣстомъ встрѣчи уполномоченныхъ назначенъ Вашингтонъ, но уполномоченные съѣдутся только въ августъ, черезъ два мѣсяца! Почему такъ долго? А въ другихъ телеграммахъ сообщалось, что Ояма перешелъ въ стремительное наступленіе. Съ позицій приходили слухи, что начинается генеральный бой. Японцы высадились на Сахалинѣ, заняли Корсаковскій постъ и быстро продвигались въ глубь острова.

Стояли жары, и шли дожди. Въ воздухѣ непрерывно парило. Слухи о предстоящемъ боѣ становились все настойчивѣе, слухи о мирныхъ переговорахъ и о перемиріи все глуше. Солдаты говорили:

— Лучше бы ужъ не писали ничего, а то телеграммами этими только тиравятъ сердце каждаго человѣка. Читаетъ сегодня солдатъ газету, радуется: „замиреніе!“ А завтра откроешь газету,—такая могила, и не глядѣль бы! Какъ не думали, не ждали, лучше было. А теперь—днемъ мухи не даютъ спать, ночью—мысли. Раньше солдатъ цѣлый котелокъ борщу съѣдалъ одинъ, а теперь четверо изъ котелка ѣдятъ, и остается. Хлѣба раньше не хватало, а теперь и китайцамъ продаютъ, и бросаютъ. Никому и ѣсть-то не охота.

Появилась въ „Вѣстникѣ Манчжурскихъ Арміи“ телеграмма, отправленная главнокомандующимъ царю. Въ этой телеграммѣ Ливевичъ заявлялъ, что армія съ огорченіемъ слышитъ о начинающихся мирныхъ переговорахъ и вся, какъ одинъ человѣкъ, горитъ желаніемъ сразиться со врагомъ.

Солдаты читали телеграмму и враждебно смѣялись:

— Видно, мало денегъ нагрѣбъ себѣ, потому такъ и пишетъ. По двѣнадцать тысячъ рублей въ мѣсяцъ получаетъ,—чего ему?

— И чего вретъ царю? Опрашивалъ насъ, что ли?

— Ну, а кабы опросилъ, развѣ бы кто сказалъ?. У

насъ разъ было на опросъ претензій. Спрашиваетъ насъ генераль: „Всѣмъ довольны?“—Такъ точно, ваше превосходительство!—„Пищу хорошую получаете?“—Такъ точно!—„Кофей сегодня всѣ пили?“—Такъ точно!—Генераль смотритъ, смѣется:—„Какой же это вы сегодня кофей пили?“ Известное дѣло, солдатъ на все: „такъ точно!“—больше ничего.

Съ позицій къ намъ заѣзжали офицеры. Осторожно оглядываясь, чтобъ не слышали деньщики, они рассказывали, что на-дняхъ два батальона отказались идти на позиціи.

— Чего мы пойдемъ? Теперь замиреніе! Царь хочетъ мира, и народъ хочетъ мира. Одни генералы не хотятъ!

Настроеніе солдатъ быстро, на глазахъ, мѣнялось. Они неохотно отдавали честь офицерамъ; то и дѣло происходили столкновения.

Въ серединѣ іюля Витте поѣхалъ въ Вашингтонъ, и всѣ облегченно вздохнули: теперь ужъ дѣло вѣрное! Но вдругъ распространился слухъ, что его отозвали съ дороги обратно. Патриотическія газеты писали противъ мира, хабаровская дума во всеподданнѣйшемъ адресѣ умоляла царя не принимать мира, если японцы будутъ требовать контрибуціи или „хоть пяди русской земли“. Царская резолюція на адресѣ гласила: „Вполнѣ раздѣляю чувства, одушевляющія хабаровскую думу“. Ходатайства разныхъ невѣдомыхъ мѣстечекъ встрѣчали такой же пріемъ. Можетъ быть, все это лишь для того, чтобъ сдѣлать японцевъ поуступчивѣе? А если рѣшеніе исполнѣ серьезно?

А утомленіе войновъ у всѣхъ было полное. Не хотѣлось крови, не хотѣлось ненужныхъ смертей. На передовыхъ позиціяхъ то и дѣло повторялись случаи въ родѣ такого: казачій разъѣздъ, какъ въ мѣшокъ, попадаетъ въ ущелье, со всѣхъ сторонъ занятое япон-

цами. Раньше никто бы изъ казаковъ не вышелъ живымъ. Теперь на горкѣ появляется японскій офицеръ, съ улыбкою козыряетъ начальнику разъѣзда и указываетъ на выходъ. И казаки спокойно уѣзжаютъ.

Слухи объ отозваніи Витте сказались невѣрными. Онъ прибылъ въ Вашингтонъ, начались переговоры. Съ жаднымъ вниманіемъ всѣ слѣдили за ходомъ переговоровъ, „Вѣстникъ Маньчжурскихъ Армій“ брался съ бою. А здѣшнее начальство все старалось „поддерживать духъ“ въ войскахъ. Командиръ одного изъ нашихъ полковъ заявилъ солдатамъ, что мира желаютъ только жида и студенты.

Недавно пріѣхавшій въ армію очень важный генералъ, въ своей рѣчи къ солдатамъ, говорилъ:

— Если кто вамъ скажетъ, что заключенъ миръ, бей того прямо въ морду!

„Вѣстникъ Маньчжурскихъ Армій“ печаталъ стихи „Отъ солдатъ“ въ такомъ родѣ:

Веди насъ, отецъ нашъ, въ рѣшительный бой,

Веди насъ на дерзкихъ враговъ!

Мы грозною тучей пойдемъ за тобой,

Сразимся съ врагами мы вновь.

Мы кровью своею омоемъ позоръ

За прежніе тяжкіе дни,

Намъ больно услышать отчаяны укоръ..

Веди насъ, отецъ нашъ,—веди!

Телеграммы шли все самыя противорѣчивыя, — одна за миръ, другая за войну. Окончательное засѣданіе постоянно отсрочивалось. Вдругъ пронеслась вѣсть: „миръ заключенъ!“ Оказывалось, неправда. Наконецъ, полетѣли черныя, зловѣщія телеграммы: Витте не соглашается ни на какія уступки, ему уже взято мѣсто на пароходѣ, Мартенсъ упаковываетъ свои чемоданы... Прошелъ слухъ, что командующіе арміями съѣхались къ Линевичу на военный совѣтъ, что на-дняхъ готовится наступленіе.

Никогда въ свою жизнь я не видѣлъ такой все-

общей, глубокой душевной подавленности. Офицеры сидѣли, мрачные и задумчивые, изрѣдка перекидываясь замѣчаніями.

— Какое безуміе!.. Идутъ на погибель и не понимаютъ. Это прямо историческая Немезида!

— Да... Горизонты мрачны!.. Не сами только на погибель идутъ, а насъ посылаютъ.

— Страшно, что теперь самые лучшіе полки могутъ прямо положить оружіе, — слишкомъ ужъ всѣ сжились съ мыслью о мирѣ... Съ такимъ духомъ вести въ бой!

Солдаты были угрюмы и злы. Они продавали китайцамъ послѣднія собственныя рубашки.

— Чего ихъ теперь беречь? Лучше выпьемъ! Думали, миръ будетъ, а теперь пусть казна заботится.

.....

XI.

М и р ъ.

— Ура-а! — повсюду гремѣло въ напоенномъ солнцемъ воздухѣ.

По дорогѣ ѣхали въ фурманкѣ два солдата-артиллериста, высоко поднимали развѣвавшійся по вѣтру полустыль „Вѣстника“ и кричали:

— Миръ! Миръ!

— Ура-а!!..—неслось въ отвѣтъ.

Солдаты бросали въ воздухъ фуражки, обнимались, пожимали другъ другу руки. Всѣ жадно читали телеграмму Витте къ царю:

„Японія приняла Ваши требованія относительно мирныхъ условій, и такимъ образомъ миръ будетъ установленъ, благодаря мудрымъ и твердымъ рѣшеніямъ Вашимъ...“

И опять, и опять перечитывали. За телеграммою шла передовая статья редакціи въ обычномъ напыщенномъ, фальшивомъ стилѣ:

„Ближайшая вѣроятность заключенія мира смутить въ нѣкоторой степени нашихъ воиновъ, кои ожидали боевъ грядущихъ, дабы побѣдою снять тяжесть бывшихъ боевыхъ неудачъ. Всѣмъ этимъ достойнымъ воинамъ Русской Земли да будетъ вѣдомо, что, въ силу настойчиваго ихъ стремленія къ побѣдѣ, для Россіи

создалась возможность, какъ и до днесь, оставаться Великой державой на Дальнемъ Востокѣ“.

И опять глаза перебѣгали къ драгоцѣнной телеграммѣ. Вездѣ было ликование, слышался веселый смѣхъ, „ура“. „Вѣстникъ“ съ телеграммою Витте рвали другъ у друга изъ рукъ, въ Маймакаѣ платили за номеръ по полтиннику.

Разсказываютъ, когда въ Харбинѣ была получена телеграмма о мирѣ, шелъ дождь. Въ одномъ ресторанѣ офицеръ обратился къ присутствовавшимъ, указывая на густо сыпавшіяся съ неба капли:

— Господа, посмотрите! Вы думаете, это идетъ дождь? Нѣтъ, это не дождь идетъ, это льются слезы интендантовъ, генераловъ и штабныхъ!

Закончилась великая борьба Христова воинства съ „дракономъ“. Ханжи-публицисты могли и теперь еще говорить о святомъ подвигѣ, взятомъ на себя Россіей, — солдаты качество этого подвига оцѣнивали совсѣмъ иначе. Они облегченно говорили:

— Буде по полямъ шататься, грѣха копить. А то, слава Богу, сколько грѣха накоплено!

Ждали ратификаціи договора. Перемирія заключено не было. На передовыхъ позиціяхъ все продолжались стычки, каждый день приходили вѣсти объ убитыхъ. Для чего теперь эти ненужныя жертвы? Офицеры въ отвѣтъ посмѣивались:

— Спѣшать всѣ дополучить награды, которыхъ не успѣли получить. Какъ только миръ будетъ ратификованъ, — конецъ: командующіе арміями теряютъ право собственною властью давать ордена... Вы бы посмотрѣли, что дѣлается, — ни одного теперь генерала не застаешь дома, всѣ торчатъ на передовыхъ позиціяхъ.

Штабы осаждались офицерами, приѣзжавшими отовсюду хлопотать объ утвержденіи наградъ.

Были утверждены и медали нашихъ сестеръ. Младшія сестры получили золотыя медали на анненскихъ лентахъ „за высокополезную и самоотверженную службу по уходу за ранеными и эвакуацію съ 12—20 февраля с. г.“. Старшая сестра получила серебряную медаль съ надписью „за храбрость“ на желанной георгіевской лентѣ, — „за самоотверженную работу по уходу за ранеными подъ огнемъ непріятели въ февралѣ мѣсяцѣ 1905 года“.

Сестры сіяли, всѣ поздравляли ихъ. Солдаты нашей команды съ удивленіемъ спрашивали меня:

— Ваше благородіе! За что это имъ медали? Ужъ по второй медали выдаютъ. Что онѣ, больше фельдшеровъ, что ли, работали? За что это имъ такъ?

Работали онѣ, дѣйствительно, никакъ ужъ не больше фельдшеровъ. Работали сестры добросовѣстно, но работа фельдшеровъ была гораздо труднѣе. Притомъ въ походѣ сестры ѣхали въ повозкѣ, фельдшера, какъ нижніе чины, шли пѣшкомъ. Сестры на всемъ готовомъ получали рублей по восемьдесятъ въ мѣсяцъ, фельдшера, какъ унтеръ-офицеры, получали рубля по три.

Главный врачъ представилъ къ медалямъ человекъ восемь фельдшеровъ и госпитальныхъ надзирателей. Ему отвѣтили, что на каждый госпиталь для нижнихъ чиновъ будетъ выдано только по двѣ медали. Награды здѣсь были оптовыя и равномерныя, — по двѣ на госпиталь. У насъ медали получили фельдфебель и старшій фельдшеръ.

Сестры... Я ничево не имѣю сказать противъ нихъ. Онѣ были на войнѣ безполезны, въ тыловыхъ госпиталяхъ были даже очень полезны. Но онѣ служили необходимымъ украшеніемъ боевой сцены, были „бѣлыми ангелами, утоляющими муки раненыхъ воиновъ“. Какъ такимъ „ангеламъ“, имъ пѣлись всеобщія хвалы, каждый ужъ заранѣе былъ готовъ умиляться передъ

ними, ихъ осыпали наградами. Сколько я знаю, ни одна сестра не воротилась съ войны безъ одной или двухъ медалей; достаточно было, чтобъ за сотню саженъ прожужжала пуля или лопнула шрапнель,—и сестру награждали георгиевскою ленточкою. Сестрамъ же, имѣвшимъ знакомства въ верхахъ, не нужно было и этого: онѣ получали георгиевскія ленточки просто за знакомство съ властью имущими. Такъ получили, напр., эти цѣнныя ленточки Новицкая и другія сестры султановскаго госпиталя, ни разу не бывшія подъ огнемъ. Однажды лѣтомъ въ нашъ госпиталь заѣхалъ командующій арміей. Онѣ былъ очень любезенъ съ сестрами, пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ,—генераль любилъ женское общество и всѣхъ сестеръ приглашалъ на свои обѣды. Въ разговорѣ онѣ спросилъ хорошенькую сестру Леонову, работали ли онѣ подъ огнемъ. Леонова простодушно отвѣтила, что нѣтъ. Черезъ недѣлю сестры поѣхали на обѣдъ. Командующій арміей опять настойчиво сталъ разспрашивать Леонову, не приходилось ли имъ работать подъ огнемъ; онѣ усиленно вызывалъ ее на утвердительный отвѣтъ, видимо, отъ всей души желалъ доставить сестрамъ удовольствіе имѣть георгиевскую ленточку. Но Леонова, къ негодованію другихъ сестеръ, опять отвѣтила отрицательно.

Пускай бы все это! Пускай бы русская публика, глядя на оранжево-черныя ленточки и на медали съ надписью „за храбрость“, думала, что передъ нею—самоотверженныя героини, безтрепетно работавшія подъ тучами пуль, шимозъ и шрапнелей. Истинному герою противны ярлыки. Если публика этого не понимаетъ, то и пусть ея духъ питается фальшивымъ героизмомъ, украшеннымъ пышными ярлыками.

Но невольно является желаніе умѣрить эти вадутые восторги, когда вспоминаешь о тысячахъ безвѣстныхъ, дѣйствительно-героическихъ тружениковъ,—о

фельдшерахъ, невидно тонувшихъ въ безкрайномъ, сѣромъ, солдатскомъ морѣ. Имъ никто не пѣлъ хвалений, они не украшали собою яркихъ боевыхъ декораций. Не обращая на себя ничьего вниманія, они скромно шагали слѣдомъ за ротами съ своими перевязочными сумками; мерзли вмѣстѣ съ солдатами въ окопахъ; работали, дѣйствительно, подъ тучами пуль и шрапнелей, безстрашно ползали подъ огнемъ, перевязывая валяющихся раненыхъ. Объ этихъ герояхъ съ дѣйствительнымъ восторгомъ и уваженіемъ отзывались всѣ боевые офицеры. За свою работу въ госпиталѣ я тоже съ особенно-теплымъ чувствомъ вспоминаю не о сестрахъ,—хотя ничего не могу сказать противъ нихъ,— а о фельдшерахъ и палатныхъ служителяхъ, такъ удивительно-добросовѣстно исполнявшихъ свое дѣло, такъ тепло и товарищески-участливо относившихся къ раненымъ и больнымъ.

Скажу, кстати, вообще о сестрахъ въ эту войну.

Сравнительно лишь очень небольшую часть ихъ составляли профессиональныя сестры, уже въ Россіи работавшія въ качествѣ сестеръ. Большинство, — по крайней мѣрѣ, изъ видѣнныхъ мною, — были волонтерки, наскоро обучившіяся уходу за ранеными передъ самымъ отъѣздомъ на войну. Что влекло ихъ на войну? Шедшихъ изъ „идеи“ было, повидимому, очень мало. Эта война не апала сестеръ-подвижницъ, какія были въ русско-турецкую войну, — подвижницъ, которыя такимъ ореоломъ окружили самый образъ сестры милосердія. И это понятно. Слишкомъ сама-то война была безъидейная. Въ русско-турецкую войну могли идти въ строй добровольцами - солдатами такіе люди, какъ Гаршинъ, — естественно, что и среди сестеръ были такія дѣвушки, какъ баронесса Вревская, воспѣтая Тургеневымъ и Полонскимъ. Теперь для всякой жен-

щины, горѣвшей жаждою подвига и самопожертвованія, было достаточно дѣла и внутри Россіи.

Большинство сестеръ было изъ среды тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ такъ много во всѣхъ углахъ Руси: кончили учиться,—а дальше что? Живи у родителей, давай уроки, чтобъ имѣть деньги на карманные расходы, тупо скучай и жди случая выйти замужъ. Въ двадцать лѣтъ жизнь какъ будто окончена. И вдругъ вдали открывается яркій, жутко-манящій просвѣтъ, гдѣ все такъ необычно, просторно и нескучно. Шли также вдовы и мужнія жены, задыхавшіяся въ тупой скукѣ и однообразіи жизни. Шли просто авантюристки. Шли женщины, которымъ была противна безопасная жизнь, безъ бурь и грозъ, — женщины съ соколиною душою, но съ слабою головою. Такова была мелькнувшая въ нашемъ госпиталѣ „сестра-мальчикъ“, у которой глаза загорались хищнымъ огнемъ, какъ только надвигалась опасность. Но опасностей было мало, жизнь и здѣсь текла скучно, сѣро, и сестра-мальчикъ вскорѣ, еще до мукденскаго боя, уѣхала обратно въ Россію. Я съ удивленіемъ спрашивалъ ее, что погнало ее на дальній востокъ, чего она ищетъ здѣсь на передовыхъ позиціяхъ, когда настоящее то, чего она ищетъ, осталось тамъ назади, въ Россіи.

— Гдѣ же оно тамъ есть?—съ недоумѣніемъ и недоумѣріемъ спрашивала сестра-мальчикъ.

Можетъ быть, въ арміи были и „идейныя“ сестры разныхъ типовъ, но я лично ихъ не встрѣчалъ.

Далѣе, не мало было сестеръ изъ аристократическихъ семей, съ большими связями. За немногими исключеніями, сестры эти являлись истинными бичами тѣхъ врачебныхъ учреждений, гдѣ онѣ служили. Къ обязанностямъ сестры онѣ были приспособлены очень мало, исполняли только тѣ назначенія врачей, какія имъ было угодно, самихъ врачей не ставили ни въ грошъ и вертѣли всѣмъ учрежденіемъ, какъ хо-

тѣли. Всю свою дѣятельность здѣсь онѣ превращали въ одинъ сплошной, веселый и оригинальный пикникъ съ штабными генералами и офицерами.

Не меньшее зло представляли собою и сестры, жены офицеровъ, находившихся въ строю. Во время боя, когда сестры наиболѣе нужны, онѣ были ни на что негодны. Естественно, воѣ ихъ помыслы въ это время были только о мужѣ,—гдѣ онъ, живъ ли? Приходила вѣсть, что мужъ убитъ или раненъ,—и сестрѣ совсѣмъ ужъ было не до окружающихъ. Отдѣльныя изъ такихъ сестеръ могли очень добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ, но главное, что шли-то онѣ въ сестры вовсе не по влеченію, а только для того, чтобъ быть поближе къ мужьямъ. Менѣе культурныя изъ нихъ были чрезвычайно обидчивы, замѣчаніе по поводу ихъ неисправности въ уходѣ за больными принимали за оскорбленіе, и работать съ ними было крайне трудно. Естественно было желаніе женъ находиться поближе къ мужьямъ, шедшимъ въ адъ этихъ ужасныхъ боевъ. Но было совершенно неестественно, что государство платило сравнительно очень немалое жалованіе (рублей восемьдесятъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ) женамъ за ихъ пребываніе поблизости отъ мужей.

Сестры были единственнымъ женскимъ элементомъ въ огромномъ скопищѣ здоровыхъ, крѣпкихъ, лишенныхъ женщины мужчинъ. Какъ всегда въ арміяхъ на войнѣ, голодъ по женщинѣ былъ громадный. Простая возможность побыть полчаса въ женскомъ обществѣ цѣнилась офицерами чрезвычайно высоко. Полковой праздникъ никому былъ не въ праздникъ, если не давалось пригласить на него хоть двухъ — трехъ сестеръ. Сестры, которыхъ по ихъ развитію и общественному положенію еле удостоилъ бы въ Россіи своимъ знакомствомъ какой-нибудь захудалый поручикъ, здѣсь настойчиво приглашались на обѣды команду.

щими арміями, знакомства съ ними усиленно добивались блестящіе гвардейцы. Нашей сестрѣ, недурненькой собою, пришлось однажды поѣхать въ штабъ одного изъ нашихъ полковъ, гдѣ былъ зубной врачъ. Во всемъ полку поднялся переполохъ, офицеры смотрѣли въ щелки дверей, чтобъ увидѣть сестру. Одинъ изъ нихъ съ недоумѣвающимъ смѣхомъ рассказывалъ мнѣ:

— Ей-Богу, я человекъ вовсе не застѣнчивый, съ дамами имѣлъ весьма много дѣлъ. А тутъ,—повѣрите ли?—предложили мнѣ познакомиться съ этой сестрою, такъ пять минутъ за дверью стоялъ, волновался и не смѣлъ войти! Такъ отвыкъ отъ дамскаго пола!

Когда лѣтомъ мы гуляли по проѣзжимъ дорогамъ съ нашими сестрами, всѣ встрѣчные оборачивались на нихъ, оглядывали. Уѣдутъ ужъ далеко, а все смотреть назадъ, того и гляди, вывихнуть себѣ шею.

Была уже половина сентября. Мы ждали ратификаціи мирнаго договора, чтобъ идти на зимнія стоянки за Куанчендзы. Еще въ началѣ августа насъ придвинули къ позиціямъ, мы развернули госпиталь и работали.

Чумиза на поляхъ была сжата, повсюду снимали каолянѣ. Поля обнажались. Дни стояли солнечные и теплые, но ночи были очень холодныя, часто съ заморозками. Солдаты же имѣли только лѣтнія рубашки и шинели. Суковные мундиры и полушубки еще весной были отвезены на храненіе въ Харбинъ.

А жили солдаты въ палаткахъ. Они сильно мерзли по ночамъ, ходили съ угрюмыми, застуженными лицами. У кого были деньги, тѣ отправлялись въ Маймакай и покупали себѣ китайскія ватныя одѣяла. Но спросъ на одѣяла былъ громаднѣйшій, и цѣна его доходила до восьми рублей.

Нашъ каптенармусъ поѣхалъ въ Харбинъ за сдан-

ными на храненіе теплыми вещами. Черезъ день послѣ его отъѣзда пришла бумага изъ войскового склада, что наши вещи переданы изъ этого склада въ другой, № такой-то. А черезъ недѣлю воротился каптенармусъ— безъ вещей. Онъ доложилъ:

— Не выдали вещей. Бумага написана не на тотъ складъ.

— Такъ ты бы заявилъ въ прежнемъ складѣ! Пусть бы помѣтили на нашей бумагѣ, что вещи переданы въ другой складъ!

— Заявлялъ. Отказали. Вамъ, говорятъ, объ этомъ была послана бумага.

Пришлось писать новую бумагу, снова посылать въ Харбинъ. Еще черезъ недѣлю вещи, наконецъ, пришли.

Многіе мундиры, полушубки и валенки были ужъ такъ заношены, что совершенно не годились въ дѣло. Написали требованіе на новыя вещи. И тутъ открылось поразительное обстоятельство: запаса теплой одежды въ арміи больше не было!

На инспекторскомъ смотру начальникъ дивизіи говорилъ солдатамъ:

— Имѣйте, братцы, въ виду: когда мы домой пойдемъ, еще неизвѣстно. Зима здѣсь шибко лютая, а запасовъ теплой одежды нѣтъ. Берегите всякую теплую тряпку, ничего не бросайте,—сами потомъ пожалѣете!

Слушалъ я генерала,—и, холодая душу, всталъ передо мною вопросъ: ну, а если бы японцы не приняли послѣдняго ультиматума Витте, и война бы продолжалась?

Вспомнились мнѣ рассказы офицеровъ, прѣбававшихъ лѣтомъ изъ Владивостока. Они изумлялись, какъ вяло и медленно идетъ укрѣпленіе Владивостока; какъ будто и Владивостокъ, подобно Портъ-Артуру, ждетъ, когда его обложатъ японцы, чтобъ начать укрѣпляться энергично.

Да, здѣсь всему, всему приходилось вѣрять!

Исторія султановскаго госпиталя закончилась крупнымъ скандаломъ. Однажды, собираясь ѣхать въ гости къ корпусному, д-ръ Султановъ зашелъ къ своимъ младшимъ врачамъ выяснять какія-то недоразумѣнія, которыя постоянно возникали въ ихъ госпиталѣ. Во время ихъ объясненія старшій ординаторъ Васильевъ, говоря о Новицкой, назвалъ ее: „сестра Новицкая“.

Султановъ вспыхнулъ. Онъ затопалъ ногами и закричалъ:

— Не смѣть Аглаю Алексѣевну называть сестрой Новицкой!

Васильевъ изумленно вытаращилъ глаза.

— Позвольте, а кто же она? Она—сестра милосердія, и ея фамилія—Новицкая.

Султановъ въ бѣшенствѣ замахнулся на Васильева плеткою.

— Если вы еще разъ посмѣете назвать Аглаю Алексѣевну сестрой Новицкой, я васъ изобью нагайкой!—крикнулъ онъ и вышелъ изъ фанзы.

Дѣло было при многочисленныхъ свидѣтеляхъ. Васильевъ подалъ рапортъ по начальству съ изложениемъ всего происшедшаго. Начальникъ дивизіи назначилъ расслѣдованіе. Васильевъ, кромѣ того, поѣхалъ въ Гунчжулинъ къ уполномоченному Краснаго Креста, рассказалъ о происшедшемъ и ему. Уполномоченный съ своей стороны прислалъ посланца изслѣдовать дѣло. Заварилась каша. Уполномоченный Краснаго Креста смѣстилъ Новицкую съ должности старшей сестры и прислалъ на ея мѣсто сестру-старушку. Начальникъ дивизіи потребовалъ удаленія Султанова и заявилъ корпусному, что больше не потерпитъ присутствія Султанова въ своей дивизіи. Корпусный командиръ прилагалъ всѣ силы, чтобъ затушить дѣло, но начальникъ дивизіи стоялъ на своемъ. Онъ заявилъ корпусному:

— Когда я, ваше высокопревосходительство, принималъ дивизию, то вы меня не предупредили, что я буду ограниченъ въ своихъ правахъ начальника дивизиі.

Султанову пришлось подать рапортъ о болѣзни, и онъ, вмѣстѣ съ Новицкою, уѣхалъ въ Харбинъ. Черезъ мѣсяцъ Султановъ воротился обратно въ качествѣ главнаго врача госпиталя другой дивизиі нашего корпуса. Съ этихъ поръ рядомъ съ штабомъ корпуса стали ставить этотъ госпиталь. Что касается д-ра Васильева, то корпусный командиръ устроилъ такъ, что его перевели изъ его корпуса куда-то въ другой.

На мѣсто Султанова былъ назначенъ новый главный врачъ,—суетливый, болтливый и совершенно ничтожный старикъ. Султановскія традиціи остались при немъ въ полной цѣлости. Графъ Зарайскій продолжалъ ѣздить къ своей сестрѣ, госпитальное начальство лебезило передъ графомъ. У его сестры былъ отдѣльный деньщикъ. Она завела себѣ корову,—былъ назначенъ солдатъ пасти корову. Сестра заподозрила его, что онъ корову выдаиваетъ. Солдатъ заявилъ ей:

— Ищите себѣ другого человѣка, я вашу корову стеречь не хочу!

За такую наглость солдатъ былъ поставленъ подъ ружье. Султановская команда оказалась вообще чрезвычайно „распущенной“. Однажды сестры приказали солдатамъ вытащить матрасы изъ госпитальнаго шатра. Солдаты отвѣтили:

— Мы не ломовики, чтобъ матрасы таскать!

Солдаты не имѣли права такъ отвѣтить, но... шатеръ очищался для бала, который сестры давали штабнымъ офицерамъ.

Нашъ солдатъ, сколько мнѣ пришлось наблюдать его за войну, чрезвычайно добросовѣстенъ въ исполненіи того, что онъ считаетъ себя обязаннымъ дѣлать. Будетъ и коровъ стеречь, и матрасы таскать, будетъ

чистить отхожія мѣста, дѣлать самую грязную работу, но лишь въ томъ случаѣ, когда видитъ, что это— служба государству, „казнѣ“. У насъ же усматривали вопіющее нарушеніе дисциплины въ томъ, что солдаты отказывались исполнять вопіюще-бѣззаконныя требованія начальства.

Однажды, когда графъ Зарайскій сидѣлъ у своей сестры, его вѣстовой доложилъ ему, что фуражиръ госпиталя выдалъ ихъ лошадямъ совсѣмъ гнилое сѣно. (Между прочимъ: госпиталь вовсе не былъ обязанъ кормить на свой счетъ лошадей чуть не ежедневно бывавшаго въ госпиталѣ графа). Графъ самъ пошелъ къ фуражиру и велѣлъ дать хорошаго сѣна. Фуражиръ отвѣтилъ, что сѣно поставлено интендантствомъ, и оно все такое. Тогда графъ велѣлъ выдать своимъ лошадямъ ячменю. Фуражиръ отказалъ:

— Я не имѣю права. Потрудитесь представить записку отъ смотрителя.

Графъ страшно оскорбился и беспощадно избилъ фуражира своимъ стикомъ по лицу. Потомъ воротился, сказалъ смотрителю:

— Я сейчасъ о морду вашего фуражира наломалъ свой стикъ!

И уѣхалъ изъ госпиталя.

Все лицо и голова солдата были въ красныхъ полосахъ и кровоподтекахъ. Солдатъ былъ чрезвычайно дѣльный, честный и дисциплинированный. Мѣра терпѣнія смотрителя переполнилась. Онъ возмутился и подалъ на графа рапортъ съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ. Заварилась новая каша, было назначено разслѣдованіе. Графъ смѣялся въ глаза смотрителю и говорилъ:

— Дѣло кончится тѣмъ, что я еще разъ избью вашего фуражира, только на этотъ разъ поосновательнѣе!

Дознаніе раскрыло полную корректность въ поведеніи солдата и полную виновность графа. Ждали, что графу будетъ, по крайней мѣрѣ, выговоръ въ приказѣ по корпусу. Но дѣло кончилось „словеснымъ выговоромъ“ графу. Что это значитъ? Корпусный командиръ призвалъ его и сказалъ:

— Зачѣмъ вы, графъ, бьете солдатъ? Вы вѣдь знаете, что это запрещено.

Графъ заявилъ въ госпиталѣ, чтобъ фуражиръ не попадался ему на глаза, а то онъ спуститъ съ него всю шкуру. Знакомымъ же своимъ, весело посмѣиваясь, рассказывалъ:

— Вы знаете, я недавно получилъ отъ корпуснаго командира выговоръ за то, что причинилъ зубную боль одному нижнему чину.

Миръ былъ ратификованъ. Въ серединѣ октября войска пошли на сѣверъ, на зимнія стоянки. Нашъ корпусъ сталъ около станціи Куанчендзы.

Когда же домой? Всѣхъ томилъ этотъ вопросъ, всѣ жадно рвались въ Россію. Солдатамъ дѣло казалось очень простымъ: миръ заключенъ,—садись въ вагоны и поѣжай. Между тѣмъ день шелъ за днемъ, недѣля за недѣлей. Сверху было полное молчаніе. Никто въ арміи не зналъ, когда его отправятъ домой. Распространился слухъ, что первымъ идетъ назадъ только что пришедшій изъ Россіи тринадцатый корпусъ... Почему онъ? Гдѣ же справедливость? Естественно было ждать, что назадъ повезутъ въ той же очереди, въ которой войска приходили сюда.

Наконецъ вышелъ приказъ главнокомандующаго, въ немъ устанавливалась очередь отправки корпусовъ. Очередь была самая фантастическая. Первымъ, дѣйствительно, уходилъ только что прибывшій тринадца-

тый корпусъ, за нимъ слѣдовали—девятый, нѣсколько мелкихъ частей и первый армейскій корпусъ. На этомъ пока очередь заканчивалась. Когда пойдутъ другіе корпуса, въ какую, по крайней мѣрѣ, очередь,—приказъ не считалъ нужнымъ сообщить. Томленіе невѣстности, страстная тоска солдатской души по родинѣ,—стоило съ этимъ считаться! Дѣло военныхъ—не разсуждать, а покорно и терпѣливо ждать распоряженій начальства.

Настроеніе солдатъ было негодующее и грозное.

А въ Россіи и въ Сибири всё желѣзныя дороги уже стали. Въ Харбинѣ выдавались билеты только до станціи Маньчжурія. Вскорѣ прекратилось и телеграфное сообщеніе съ Россіей. Была въ полномъ разгарѣ великая октябрьская забастовка. Слухи доходили смутные и неопредѣленные. Разсказывали, что во всѣхъ городахъ идетъ рѣзня, что Петербургъ горитъ, что уже подписана конституція.

Наконецъ въ арміи былъ полученъ манифестъ 17 октября. Нашъ смотритель списалъ манифестъ въ штабъ и привезъ его. Сталъ намъ читать. Въ фанзу вошли два деньщика, копошились у кроватей, какъ будто что-то убирали, и прислушивались.

Смотритель опасливо покосился на нихъ.

— Что вамъ тутъ нужно? Ступайте вонъ! — строго крикнулъ онъ. Деньщики ушли.

Мы расхохотались.

— Да вы понимаете ли, Аркадій Николаевичъ, что вы читаете? Вѣдь это не прокламація, это манифестъ, *высочайшій манифестъ!* Его въ правѣ знать всякій!

— Такъ-то такъ, а все-таки... Не къ чему имъ это!

Все военное начальство, отъ мала до велика, было очень смущено манифестомъ. „Незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова,

собраній и союзовъ... Чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей"... До сихъ поръ все это писалось только въ подпольныхъ прокламаціяхъ, за отдаленные намеки на это конфисковались письма, приходившія солдатамъ съ родины. А тутъ вдругъ..

Въ приказахъ главнокомандующаго манифестъ не печатался, солдатамъ его не читали. Но солдаты, конечно, и сами сумѣли тотчасъ же ознакомиться съ манифестомъ. Съ невиннымъ видомъ они спрашивали своихъ офицеровъ:

— Ваше благородіе, правду говорятъ, манифестъ какой-то отъ царя вышелъ?

Офицеры бѣгали глазами и уклончиво отвѣчали:

— Да, говорятъ, вышелъ какой-то... Самъ я не читаль...

Солдаты почтительно выслушивали, а глаза ихъ смѣялись. Между собою солдаты говорили:

— Спрятать отъ насъ хотятъ, хотятъ, чтобъ солдатъ не зналъ! На дураковъ напали! Солдатъ раньше главнокомандующаго все узнаетъ!

Самъ собою родился и поползъ слухъ, что начальство скрываетъ еще два царскихъ манифеста: одинъ, конечно, объ землѣ, другой о томъ, чтобы всѣ накопившіяся за войну экономическія суммы были подѣлены поровну между солдатами.

Офицеры, за немногими исключеніями, относились къ совершавшимся въ Россіи событіямъ либо вполнѣ равнодушно, либо съ насмѣшливою враждебностью. Было въ этой враждебности что-то безконечно-тупое и легкомысленное, она шла изъ глубины нутра и неспособна была даже элементарно обосновать себя. То, что, казалось бы, могло быть достояніемъ только лабази-

ковъ и сидѣльцевъ холодныхъ лавокъ, здѣсь съ апломбомъ высказывалось капитанами и полковниками.

— Это все жида!

Въ громадныхъ, невиданныхъ въ исторіи мукахъ нарождалась на родинѣ новая жизнь, совершалось историческое событіе, колебавшее самую глубокую почву страны, миллионы людей боролись и рвали на себѣ цѣпи. Здѣсь отношеніе было одно:

— Все жида! Все на жидовскія деньги дѣлается!

Шанцеръ, смѣясь, возражалъ:

— Господа, мнѣ очень лестно то, что вы говорите о евреяхъ, но, право, вы намъ дѣлаете ужъ слишкомъ много чести: и свободу-то вамъ, оказывается, дали евреи, и на это-то у васъ не хватило собственныхъ способностей!

Арміи стояли на зимнихъ квартирахъ, изнывали въ бездѣльѣ. Шло непрерывное, жестокое пьянство. Солдаты на послѣднія деньги покупали у китайцевъ мѣстную сивуху, — ханьшинъ. Продажа крѣпкихъ напитковъ въ районѣ стоянки армій была строго запрещена, китайцевъ арестовывали, но, конечно, ханьшину было, сколько угодно.

Всѣ томилась однимъ неотвязнымъ, жадно ждавшимъ отвѣта вопросомъ: когда же, наконецъ, домой? Но сверху было все то же равнодушное молчаніе. Въ солдатахъ кипѣло глухое, злобное раздраженіе, имъ хотѣлось сдѣлать что-нибудь такое, чтобъ заставить, наконецъ, поскорѣе везти ихъ домой. Они грозили „забастовкой“. Но какая забастовка могла быть тамъ, гдѣ люди, все равно, ничего не дѣлали?

.....

Линевичъ назначилъ смотръ войскамъ нашей арміи. Солдаты оживились, они считали дни до смотра. Всѣ

ждали, что Линевиць объявить, когда домой. Смотръ произошелъ. Линевиць благодариль войска „за молодецкій видъ“ и сказалъ рѣчь. Солдаты жадно, съ горящими глазами, вслушивались, ловили неясныя, шамкающія слова. Но передъ взорами главнокомандующаго были не живыя массы измученныхъ, истосковавшихся по родинѣ людей, а официально-молодецкіе полки „воиновъ, кои, ожидая боевъ грядущихъ“ и т. д. И Линевиць говорилъ, что не понимаетъ, зачѣмъ батюшка-царь заключилъ миръ; съ такими молодцами онъ, Линевиць, погналъ бы японцевъ отъ Сыпингая, какъ зайцевъ...

Послѣ смотра Линевиць далъ, для распредѣленія между наиболѣе отличившимися солдатами, по 800 георгіевъ на каждый корпусъ. Шутники объясняли это пожалованіе тѣмъ, что Линевиць не ждалъ мира, заказалъ двадцать тысячъ георгіевъ и теперь не знаетъ, куда ихъ дѣвать.

— Восемьсотъ георгіевъ за молодецкій видъ! — острили офицеры.—Раньше георгія давали за воинскій подвигъ, а теперь вотъ-оно какъ: за молодецкій видъ!

Настроеніе солдатъ становилось все грознѣе. Вспыхнулъ бунтъ въ Владивостокѣ, матросы сожгли и разграбили городъ. Ждали бунта въ Харбинѣ ..

Ощущеніе было жуткое.

Наконецъ и начальство увидѣло положеніе дѣлъ. Пока было тихо, оно не думало о справедливости, высокомѣрно игнорировало интересы подчиненныхъ. Теперь вдругъ оно вспомнило о справедливости. 10 ноября вышелъ приказъ главнокомандующаго, отмѣнявшій прежнюю очередь отправки корпусовъ:

„При увольненіи въ настоящее время запасныхъ отъ службы на родину предписываю увольненіе проинвестировать въ строгой справедливости прибытія корпусовъ на театръ войны, а также и по очереди призыва запасныхъ на укомплектованіе съ соблюденіемъ слѣ-

дующаго (шло росписаніе очередей)... Такимъ образомъ, — заканчивался приказъ, — приняты всѣ мѣры, чтобы запасныхъ скорѣе доставить на родину“.

Было объявлено также, что для скорѣйшей перевозки запасныхъ нанять рядъ пароходовъ.

Когда еще въ октябрѣ мы шли на зимнія стоянки, было уже рѣшено и извѣстно, что нашъ госпиталь больше не будетъ работать и расформируется. Тѣмъ не менѣе мы уже мѣсяць стояли здѣсь безъ дѣла, насъ не расформировывали и не отпускали. Наконецъ, выпелъ приказъ главнокомандующаго о расформировкѣ цѣлаго ряда госпиталей, въ томъ числѣ и нашего. У насъ недоумѣвали, — расформировывать ли госпиталь на основаніи этого приказа, или ждать еще спеціальнаго приказа ближайшаго начальства.

Было извѣстно также, что лошадей мы назадъ не повеземъ, а онѣ будутъ продаваться здѣсь съ аукціона. У насъ было семьдесятъ лошадей, содержаніе ихъ обходилось около 25 руб. въ день. Однажды изъ Харбина пріѣхалъ извозопромышленникъ, сталъ приторговываться къ лошадямъ и давалъ по 100 руб. за голову. Цѣна была очень хорошая: китайцы нашихъ крупныхъ лошадей не покупали, и на аукціонѣ онѣ должны были пойти за безцѣнокъ.

Смотритель поѣхалъ въ штабъ дивизіи спросить, можно ли продать лошадей. Генераль отвѣтилъ уклончиво:

— Конечно, продавайте. Но предупреждаю, мое дѣло сторона. Если выйдутъ недоразумѣнія съ контролемъ, то раздѣльвайтесь сами, меня это не касается.

Смотритель написалъ спѣшную бумагу полковому контролеру нашего корпуса и запросилъ его. Бумагу отвезъ письмоводитель — и воротился назадъ съ нею

же. На обратной сторонѣ бумаги контролеръ написалъ карандашомъ, безъ своей подписи:

„Возвращается обратно. Отвѣтъ переданъ на словахъ“.

А на словахъ отвѣтъ былъ: ничего не могу сказать, дѣлайте, какъ знаете.

Разумѣется, махнули рукою и пролавать лошадей не стали. А черезъ мѣсяць, поѣвши еще корму рублей на шестьсотъ, лошади были проданы съ аукціона по пятнадцати рублей.

Желѣзныя дороги опять стали, почтово-телеграфное сообщеніе съ Россіей прекратилось. Но стачечные комитеты объявили, что перевозка войскъ съ Дальняго Востока будетъ производиться правильно. Волею-неволею начальству пришлось вступить въ сношенія съ харбинскимъ стачечнымъ комитетомъ. И воинскіе эшелоны шли аккуратно.

Дисциплина въ войскахъ со дня на день падала все больше. Въ штабахъ предупреждали офицеровъ, чтобъ они обращались съ солдатами какъ можно мягче, чтобъ не вступали въ пререканія изъ-за неотдачи чести. Солдаты старались занимать на стоянкахъ гимнастикой, военными прогулками, играми. „Вѣстникъ Маньчжурскихъ Армій“ пестрѣлъ письмами въ редакцію разныхъ ефрейторовъ, фейерверкеровъ и санитаровъ. Они писали, что стыдно намъ, братцы, огорчать нашего Царя-Батюшку, нужно намъ слушаться начальства, молиться Богу, первѣе же всего—не пить водки, отъ нея, проклятой, все зло бываетъ. Конечно, бываютъ и средь офицеровъ плохіе начальники, во въ общемъ начальство всею душою заботится о насъ, и мы должны быть ему благодарны.

Солдаты читали, другіе слушали и смѣялись.

— Кто подписался?

— Афанасій Гуревичъ.

— Дуракъ!.. Пиши, Максимка, письмо въ редакцію: я, рядовой Максимъ Прохоровъ, заявляю, что писаны однѣ глупости.

По полкамъ у солдатъ отбирали патроны. Велѣно было строго слѣдить, чтобъ въ помѣщеніяхъ солдатъ не было никого постороннихъ, чтобъ даже въ сосѣднюю деревню не отпускать солдатъ безъ билетовъ, дѣлать внезапныя повѣрки и безбилетныхъ арестовывать.

Въ будни кое-какъ еще можно было ѣздить по дорогамъ, въ праздники, когда солдаты были пьяны, это было почти невымыслимо.

Однажды я встрѣтилъ на дорогѣ шедшую подъ конвоемъ большую толпу обезоруженныхъ солдатъ. Всѣ были пьяны и грозны, осыпали ругательствами встрѣчныхъ офицеровъ. Конвойные, видимо, вполне раздѣляли настроеніе своихъ плѣнниковъ и нисколько имъ не препятствовали. Солдаты были изъ расформированнаго отряда Мищенка и направлялись въ одинъ изъ нашихъ полковъ. На разѣздѣ они стали буйствовать, разнесли лавки и перепились. Противъ нихъ была вызвана рота солдатъ.

Арестованные рассказывали, что они два дня не ѣли, не пили, что ихъ обѣщали отпустить домой въ сентябрѣ, а держать до сихъ поръ.

Какъ-то вечеромъ, въ праздникъ, я гулялъ съ двумя сестрами. Солнце сѣло. По узкой дорогѣ вдоль кустовъ навстрѣчу намъ шелъ подвыпившій бородатый солдатъ въ короткомъ полушубкѣ. На околышѣ его фуражки былъ номеръ одного изъ нашихъ полковъ.

— Ваше благородіе! Какъ тутъ пройти въ штабъ дивизіи?—спросилъ онъ меня.

— Вонъ-она деревня, за кустами. Ты не на ту дорогу свернулъ, нужно было прямо идти.

— Благодаримъ.

Солдаты стоялъ и загадочно смотрѣлъ на меня.

— А ты самъ откуда?—спросилъ я.

— Изъ штаба дивизіи,—поспѣшно отвѣтилъ онъ. Но околышъ фуражки показывалъ, что онъ говоритъ неправду.—Ваше благородіе, дайте папироску!

Я далъ. Мы закурили.

— Когда же, наконецъ, ваше благородіе, мы домой поѣдемъ?

— Не знаю,—вадохнулъ я.— Говорятъ, въ январѣ.

— Мы на это не согласны, мы забастовку сдѣлаемъ. Вонъ мнѣ жена изъ дому пишетъ: лошадь продала, корову; все проѣла, ничего нѣтъ. Нужно все къ сѣву добывать, а это что же? Ноябрь, декабрь, февраль, январь,—эва! Мы не согласны, какъ вамъ угодно!

— Голубчикъ, я-то тутъ при чемъ же? Вѣдь и мнѣ самому такъ же хочется домой, какъ и тебѣ.

— Вамъ что! Вамъ какое жалованье идетъ, — живи и не тужи! Я бы съ такимъ жалованьемъ десять лѣтъ сталъ ждать! А намъ жалованье сорокъ три съ половиной копѣйки было, да и то теперь, по мирному времени, сократили. Вамъ ждать — нажива, а намъ — разоренье, сума!

Возразить на это было нечего: конечно, получая около двухсотъ рублей въ мѣсяцъ, ждать было легче.

— Когда же насъ отправятъ? Ваше благородіе! — приставалъ солдатъ.

— Вѣдь по очереди теперь отправляютъ, приказъ былъ. Кто раньше пришелъ, тотъ раньше и уходитъ.

— Ви-идишь ты! Это какъ же такъ по очереди? Тринадцатый корпусъ только что пришелъ, ему телеграмма была отъ Линевича, чтобъ остановился въ Читѣ, — а онъ до Харбина доѣхалъ, а потомъ назадъ?

Девятый корпус тоже недавно пришелъ, а ужъ опять-таки ушелъ. Это что же такое? Мы не согласны!..

Было ясно, — солдатъ всячески старался вызвать меня на столкновение.

— Ну, такъ вотъ-она дорога въ штабъ!—прервалъ я его и пошелъ съ сестрами.

— Дорога! Я и безъ васъ ее зналъ!.. Пойду ужъ домой. Шелъ къ земляку, да не стоитъ: поздно!

— Куда домой?—засмѣялись сестры.

— Въ ** полкъ.

— Ты же сказалъ, ты изъ штаба!

Солдатъ усмѣхнулся, махнулъ рукою и пошелъ по полю черезъ каоляновыя гряды.

— Спутаться такъ, иди по дорогѣ, она прямо ведетъ.

— Э, солдатъ вездѣ найдетъ дорогу!..

Онъ прошелъ сотни три шаговъ, потомъ въ сумеркахъ круто повернулъ къ дорогѣ и остановился подъ деревомъ у китайской могилы. Мы прошли мимо. Солдатъ стоялъ и молча смотрѣлъ на насъ, потомъ пошелъ по дорогѣ слѣдомъ.

— Да-а... Кто воюетъ, а кто горюетъ!..—вызывающе съ угрозою въ голосѣ, говорилъ онъ, и слѣдовали циническія ругательства.

Сестры волновались. Мы замедлили шагъ, чтобъ пропустить солдата впередъ. Онъ обогналъ насъ и медленно шелъ, пошатываясь и все ругаясь. Были уже густыя сумерки. Дорогу пересѣкала поперечная дорога. Чтобы избавиться отъ нашего спутника, мы тихонько свернули на нее и быстро пошли, не разговаривая. Вдругъ нанскосокъ по пашнѣ пробѣжала въ сумракѣ пригнувшаяся фигура и остановилась впереди у дороги, поджидая насъ.

Дѣлать было нечего. Мы повернули назадъ и пошли къ деревнѣ. Солдатъ бѣгомъ нагналъ насъ.

— Такъ-то вы воете, а?—задыхаясь, заговорилъ онъ.—Съ сестрами тутъ по ночамъ безобразничаєте (такъ-то васъ и такъ-то)?

Я мигнулъ сестрамъ, чтобъ онѣ шли къ деревнѣ, а самъ остановился съ солдатомъ.

— Послушай, голубчикъ, ну, какъ тебѣ не стыдно такъ скандалить?

— Нѣтъ, вы что тутъ такое дѣлали, а?! Въ одну сторону, въ другую,—думали, спрячетесь отъ меня?.. Се-естры!.. Милосердныя!.. Что вы такое тутъ дѣлали?

Онъ напиралъ на меня лѣвымъ плечомъ, отмахнувъ назадъ сжатый кулакъ.

— Вотъ вы какъ воете? Давай пять рублей, с-сукни сынъ!.. А то сейчасъ васъ раскрою!

— Пяти рублей ты, конечно, не получишь. А отчего мы отъ тебя уходили, — попробуй-ка, сообрази самъ.

— Я зна-аю!.. Я все понимаю!

— Ничего, братъ, ты не понимаешь! Отошли мы отъ тебя, потому что ты пьянъ.

— Нѣтъ, я не пьянъ!

— Ну, а по совѣсти,—сколько сегодня выпилъ?

— Дѣйствительно, какъ я именинникъ, то двѣ чарки хавъжи (ханьшину) выпилъ, а я не пьянъ!

— Ну, хочешь вотъ что: пойдемъ въ деревню спросимъ перваго встрѣчнаго, пьянъ ты или нѣтъ. Если скажутъ нѣтъ, я плачу тебѣ десять рублей.

— Пойдемъ!

Мы пошли къ деревнѣ.

— Богъ съ вами! Давайте три рубля!—вдругъ сказалъ онъ.

— Что?.. Нѣтъ, пойдемъ, пойдемъ; спросимъ раньше.

— И рублевки не дадите?

— Не дамъ.

— Ла-адно! — угрожающе произнесъ солдатъ.—Не долго погуляешь!

И онъ свернулъ въ кусты.

.....

.....

Восьмого декабря мы, младшіе врачи госпиталя, получили бумагу. Въ ней объявлялось, что мы отчисляемся отъ госпиталя и командирujemy въ Россію въ распоряженіе московскаго военно-медицинскаго управленія. Собственно говоря, это было увольненіе въ запасъ. Но въ такомъ случаѣ намъ должны бы были выдать прогонныя деньги до мѣста нашего призыва. Чтобъ избѣжать этого, насъ здѣсь не уволяли, а „командировали“ въ Россію.

Итакъ, — конецъ! Скоро опять — свободные люди, скоро опять отношеніе твое къ окружающимъ будетъ опредѣляться свободною оцѣнкою, а не видомъ погоновъ на плечахъ, количествомъ на нихъ полосокъ и звѣздочекъ. Конецъ!..

Почти полтора года пробыли мы въ Манчжуріи. Много было лишеній, много пережито тяжелаго. Являлось желаніе подвести итогъ, дать себѣ отчетъ, — что же ты тутъ сдѣлалъ? Итогъ получался печальный. Оборудованіе нашего подвижнаго госпиталя стоило около полутораста тысячъ, ежемѣсячный бюджетъ его былъ въ шесть-семь тысячъ; сто двадцать пять человѣкъ было оторвано отъ своего дѣла въ Россіи и принае къ госпиталю. Что же мы тутъ дѣлали? Въ промежуткѣ между боями по цѣлымъ мѣсяцамъ стояли свернутыми или принимали единичныхъ больныхъ, чтобы сейчасъ же отправить ихъ дальше. Когда наступалъ бой, мы почти въ самомъ началѣ его свертывались и поспѣшно уходили назадъ. Если бы насъ здѣсь не было, если бы нашъ госпиталь совсѣмъ не существовалъ, рѣшительно никто отъ этого не пострадалъ бы, никто бы даже не замѣтилъ нашего отсутствія.

ХІІ.

Домой.

Гречихинъ, Шанцеръ и я, мы выѣхали вмѣстѣ изъ Куанчендзы на Харбинъ. Ъхало много офицеровъ и врачей, также отправлявшихся въ Россію...

Наутро мы пріѣхали въ Харбинъ. Здѣсь настроеніе солдатъ было еще болѣе безначальное, чѣмъ на позиціяхъ.

.....

Вспыхивали страшныя драмы. Въ Владивостокѣ артиллерійскій капитанъ Н—цкій встрѣтился на улицѣ съ солдатомъ: два георгія на груди, руки въ бока, въ зубахъ папироска. Н—цкій остановилъ солдата и сдѣлалъ ему замѣчаніе, что тотъ не отдалъ чести. Солдату, ни слова не говоря, съ размаху ударилъ его кулакомъ въ ухо. Н—цкій, по обычной офицерской традиціи, выхватилъ пашку и раскрылъ обидчику голову. Это увидѣли солдаты, помѣщавшіеся въ чуркинскихъ казармахъ. Они выбѣжали изъ казармъ и погнались за Н—цкимъ. Н—цкій вбѣжалъ въ офицерское собраніе и заперся, солдаты стали ломиться. Въ собраніи было еще нѣсколько офицеровъ. Н—цкій застрѣлился. Ворвавшіеся солдаты жестоко избили

остальныхъ офицеровъ. Били полѣвьями и каблуками, преимущественно по головѣ. Два офицера черезъ нѣсколько дней умерли въ госпитальъ.

.....

Въ Харбинѣ всѣмъ движеніемъ по желѣзной дорогѣ завѣдывалъ стачечный комитетъ.

.....

Въ приказѣ главнокомандующаго предписывалось, чтобъ посадка въ вагоны офицерскихъ чиновъ, ѣдущихъ въ Россію одиночнымъ порядкомъ, производилась въ строгой послѣдовательности, по предварительной записи. Но въ Харбинѣ мы узнали, что приказъ этотъ, какъ и столько другихъ, совершенно не соблюдается. Попадаетъ въ поѣздъ тотъ, кто умѣетъ энергично работать локтями. Это было очень непріятно: лучше бы ужъ подождать день-другой своей очереди, но сѣсть въ вагонъ навѣрняка и безъ боя.

Въ двѣнадцатомъ часу дня подали поѣздъ. Офицеры, врачи, военные чиновники высыпали на платформу. Каждый старался стать впереди другого, чтобъ раньше попасть въ вагонъ. Каждый враждебно и внимательно косился на своихъ сосѣдей.

Поѣздъ подошелъ и остановился. Мы ринулись къ вагонамъ. Но вагоны были заперты, у каждой двери стояло по жандарму.

— Отпирай двери!

— Когда первый звонокъ будетъ, тогда отопрутъ.

Всѣ тѣснились къ ступенькамъ вагоновъ. Каждый старался протиснуться краешкомъ плеча, потомъ выпрямлялъ плечо и оказывался впереди.

— Послушайте! Вы же видите, тутъ стоять! Куда вы лѣзете?

— Простите, я васъ не трогалъ!

— Да не толкайтесь, что за безобразіе!

Пассажиры крѣпко цѣплялись за ручки и перила, чтобъ ихъ не оттиснули. Поручикъ-саперъ заглянулъ въ промежутокъ между вагонами и увидѣлъ, что ведущая въ вагонъ дверь не заперта. Когда жандармъ отвернулся, онъ быстро вскочилъ на буферъ, перепрыгнулъ на другой и исчезъ въ вагонѣ. Высокій военный врачъ старался поймать сапера за полы и въ негодованіи кричалъ:

— Эй, эй, поручикъ! Куда?!.. Какое вы имѣете пра...

Но вдругъ и самъ врачъ вскочилъ на буферъ и тоже исчезъ въ вагонѣ.

Изъ вагона назадъ вышелъ поручикъ.

— Господа! Оказывается, весь вагонъ ужъ полонъ!

— Какъ полонъ?!

Жандармъ отлетѣлъ въ сторону. Пассажиры, грубо и озлобленно работая локтями, стали вскакивать на буфера. Толкались, перепрыгивали черезъ упавшихъ. Было противно, но мелькнула мысль: „прозѣваешь,—и завтра, и послѣзавтра будетъ то же самое!“ И я ринулся вслѣдъ за другими на буфера.

Въ узкомъ коридорчикѣ вагона тѣснились, сталкивались, ругались. Около меня немного пріотворилась запертая дверь купе. Я быстро сунулъ ногу въ отверстіе и протиснулся въ купе. Въ немъ были Шанцеръ и четыре незнакомыхъ офицера.

— Виновать, тутъ все ужъ занято!—встрѣтилъ меня офицеръ.

— Будьте покойны, все равно, не уйду!—возразилъ я.

— То-есть, какъ это не уйдете?.. Купе на четыре чловѣка, а насъ тутъ и такъ шесть!

— Гдѣ же шесть? Васъ пять.

— Мы заняли мѣсто еще для одного товарища, овъ на платформѣ при вещахъ.

— Ну, это меня не касается! Его тутъ нѣту, я и сажусь!

Голоса повышались. И по всему вагону, во всѣхъ купе и коридорчикѣ, кричали, препирались и ругались. Въ наше купе ломились новые пассажиры.

— Господа, давайте ужъ лучше кончимъ!—предложилъ я. — Уйти отсюда я, все равно, ужъ не уйду, а вы видите, ломаются новые пассажиры. Давайте лучше заключимъ общій оборонительный союзъ, а тамъ какъ-нибудь устроимся.

Всѣ разсмѣялись, и союзъ былъ заключенъ.

Кругомъ все еще ругались и кричали. Сосѣднее купе оказалось занятымъ какимъ-то негромъ въ блестящемъ цилиндрѣ, въ дорогой мѣховой шубѣ, и изящною, накрашенной дамою съ подведенными глазами. Эта парочка танцевала въ харбинскихъ кафешантанахъ кэкъ-уокъ, и теперь ѣхала на гастроли на станцію Маньчжурія.

Штабсъ-капитанъ въ потертыхъ погонахъ кричалъ на жандарма:

— Я тебя спрашиваю, какъ тутъ очутилась эта эѳіопская харя?! Мы ихъ въ толпѣ не видѣли, когда у вагоновъ стояли... Съ той стороны ихъ впустилъ, на часекъ получилъ?.. Мы здѣсь кровь проливали, намъ нѣту мѣста, а они кэкъ-уокъ танцевали, имъ нашлось отдѣльное купе?!

Наконецъ поѣздъ двинулся. Всѣ разсаживались и устраивались на взятыхъ съ бою мѣстахъ. Слава Богу! Какъ ни какъ, а наконецъ поѣхали. Впереди—Россія.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Конецъ.

Е. ЧИРИКОВЪ.

НА ПОРОГЪ ЖИЗНИ.

I.

... Ваня проснулся и заглянулъ въ рѣшетку своей кровати...

Что бы это могло значить? Ночь,—въ углу краснымъ огонькомъ смотреть лампадка, какъ всегда, но въ комнатѣ ходятъ, шумятъ и разговариваютъ... Незнакомые дяди, военные и простые, тутъ же дворникъ... Зачѣмъ они шевыряются въ его шкафу съ игрушками? Какъ они смѣютъ? Почему мама позволяетъ это? На полу лежитъ Ванинъ безхвостый конь, книжки съ картинками, ящики съ играми... Кажется, мама плачетъ?!

— Не испугайте ребенка! Ради Бога не испугайте ребенка!..

— Я не сплю, мамочка!..

— Милый! Спи, спи себѣ!..

— А это—кто?.. Не давай имъ мои игрушки!..

— Они сейчасъ уйдутъ... Спи!..

— Прогони ихъ!..

Одинъ дядя усмѣхнулся и сказалъ:

— Храбрый!.. Ну-ка, иди къ мамѣ на руки!

— Не хочу!

Мама взяла Ваню изъ кровати и, къ удивленію Вани, дядя началъ устроить ему постельку.

— Не хорошо подъ подушкой конфеты складывать...—сказалъ дядя.

— Не тронь! Мама! Что онъ?! Убирайся!

— Отлично! Ложись теперь!.. Буянь!..

Мать поцѣловала теплаго ребенка и опустила его въ кроватку.

— Здѣсь дѣтская... Ничего нѣтъ. Увѣрю васъ!..

Пошумѣли дяди въ шкафу, отодвинули гардеробъ, посмотрѣли въ печку, въ отдушки, и одинъ за другимъ вышли изъ комнаты.

— Разбросали все игрушки... Противные! Какіе это гости?—капризно сказалъ Ваня.

— Ложись и спи!..

— А ты?

— Я сейчасъ... Провожу ихъ и приду къ тебѣ...

— Положи коня въ ящикъ, онъ и такъ ужъ безъ хвоста!..

Вошла нянька, мать сдѣлала ей какой-то знакъ рукою и вышла изъ комнаты.

— Помѣшали тебѣ, ангельчикъ Божій?! Ахъ ты, Господи!.. Отвернись къ стѣнкѣ!

— Собери мои игрушки!.. Дураки...

— А ты отвернись и спи! Я все, все соберу, спрячу, запру...

Ваня отвернулся. Нянька что-то шептала и приводила въ порядокъ дѣтскую. Потомъ подошла къ кроваткѣ, нагнулась и послушала...

— Спи съ Богомъ, со Христомъ!.. — сказала шопотомъ и тихо вышла...

Ваня перевернулся на спину и широко раскрылъ синіе глазки. Полежалъ смирно съ минуту, потомъ приподнялся на локоткѣ и посмотрѣлъ на полъ: все было убрано... А они не ушли: разговариваютъ въ Алешиной комнатѣ, и Алеша на нихъ сердится: грубитъ имъ... А мама не велитъ грубить старшимъ. Гости—тоже старшіе, развѣ можно имъ грубить?! Чужой дядя кричить... Спать надо, а они кричатъ... Ваня сѣлъ въ кроваткѣ, положилъ подбородокъ на холодный желѣзный пруть рѣшетки и сталъ слушать... Опять мама, кажется, плачетъ?.. Дураки какіе!..

Ваня перелѣзъ черезъ рѣшетку на стулъ, со стула на полъ. Постоялъ на коврикѣ. Мама не велить голыми ногами на полъ... Можно заглянуть и опять убѣжать и лечь. И отвернуться къ стѣнкѣ...

Ваня подошелъ къ дверямъ, пріоткрылъ одну половинку и сталъ смотрѣть. Хорошо, что онъ стащилъ одѣяло: ноги на одѣялѣ и завернуты снизу: простудиться нельзя... Всѣ дяди — въ Алешиной комнатѣ. Одинъ дядя сидитъ за столомъ и пишетъ. Алеша стоитъ спиной, наклонился и около головы его прыгаютъ волосы, которые Алеша то и дѣло поправляетъ рукой.

— Скажи, Алексѣй!—просить мама.

— Не скажу... Не могу, мама!..

— Ай-ай-ай!.. Маму не слушается... А мама плачетъ... Какой озорникъ Алеша: не хочетъ послушаться мамы!.. И дядя просить... Сердитый дядя... А Алеша его не боится... Алеша никого не боится!.. А у офицера на ногахъ звенять эти штуки... Когда Ваня выростетъ большой, онъ поступитъ въ офицеры и у него тоже будутъ на ногахъ эти штуки... Точно колокольчики!..

Зачѣмъ они прощаются: мама съ Алешей?

— Мамочка! не плачь!—шепчетъ Ваня, и красныя пухлыя губки ребенка кривятся и дрожать. И няня наклонилась и плачетъ...

— Простись съ Ваней!.. — говоритъ мама, а сама плачетъ.

Ваня вздрогнулъ и, путаясь ногами въ одѣялѣ, побѣжалъ къ кроваткѣ. Отъ волненія онъ не можетъ влѣзть на стулъ: одѣяло мѣшаетъ, волочится... А они идутъ... Слава Богу, успѣлъ! лежитъ, закрылъ глаза, а ноги голыя: не успѣлъ поправить одѣяло... Идутъ... Звенять колокольчики: вмѣстѣ съ дядей идутъ...

— Прощай, Ванька!..

Ваня почувствовалъ на своей щекѣ Алешины губы и вздрогнулъ отъ горячей капельки, упавшей ему прямо

на ушко... Мама выбѣжала изъ комнаты, потомъ пошелъ Алеша и дядя. Ваня посмотрѣлъ въ рѣшетку и опять увидалъ только Алешину спину, на мгновение мелькнувшую въ дверяхъ... Всѣ ушли. Тихо стало... Зачѣмъ поцѣловалъ его Алеша? Развѣ онъ куда-нибудь уѣзжаетъ?..

II.

- Мама! Куда увезли Алешу?
- Далеко...
- Его увезъ дядя съ усами?
- Да.
- Который бросилъ на полъ мою лошадку?
- Да...
- Зачѣмъ его увезли? а?
- Потомъ узнаешь, голубчикъ...
- Скажи теперь!.. мамочка!
- Теперь не поймешь, мальчикъ.
- Пойму, мама!.. Ну, мама же!..

Часто Ваня приставалъ къ матери съ такими вопросами. Мать говорила странно, непонятно, опускала низко голову, вздыхала и все что-то прятала отъ Вани въ своемъ сердцѣ...

На дворѣ, гдѣ игралъ Ваня послѣ обѣда, дѣти изъ другихъ квартиръ объясняли ему про Алешу:

- Его увезли въ черной каретѣ.
  - Зачѣмъ? Какая это черная карета?..
  - Казнить его будутъ!..
  - Врешь, не будутъ! Онъ скоро пріѣдетъ домой!..
- Мама говоритъ, что онъ...
- Никогда не пріѣдетъ.
  - Дворникъ говоритъ, что твой братъ социалистъ!
  - Врешь!
  - Такихъ увозятъ въ черной каретѣ и казнятъ...

Ваня изо всѣхъ силъ защищалъ на дворѣ брата. Но трудно было переспорить: ихъ много, а онъ—одинъ. И всегда споры объ Алешѣ на дворѣ кончались следами. Ваня прибѣгалъ домой съ краснымъ мокрымъ отъ слезъ лицомъ и бѣжалъ прямо къ матери:

— Мамочка! Они говорятъ, что Алеша никогда... никогда...

— Не говори съ ними!

— Они говорятъ, что Алешу казнятъ... Мамочка!.. Скажи мнѣ. Врутъ они? да?

Мать успокаивала Ваню, но когда онъ переставалъ плакать и начиналъ снова спрашивать про Алешу, мать опять опускала голову и опять—Ваня это чувствовалъ—что-то прятала отъ него въ своемъ сердцѣ...

— Ты сама врешь чего-то... А говоришь,—не надо врать...

Однажды вечеромъ Ваня увидаль, что мама стоитъ передъ раскрытымъ чемоданомъ и укладывается... Въ рукахъ у матери была Алешина куртка, поэтому Ваня догадался:

— Ты чего дѣлаешь?

— Такъ...

— А зачѣмъ Алешина куртка?.. А-а! Знаю, знаю!.. Ты къ Алешѣ поѣдешь?.. да?

— Да, поѣду...

— А хотѣла обмануть... Какая ты!.. О чемъ же ты плачешь?

— Такъ... Поцѣловать его отъ тебя?

— Поцѣлуй! Скажи ему, что дворниковъ Васька обругалъ его социалистомъ, а я ему за это морду побилъ...

— Не надо, Ваня...

— А-а! А зачѣмъ онъ Алешу ругаетъ?! Вотъ то-то и есть! Смѣешься, а сама плачешь!..

Уѣхала мама. Стало тихо и скучно въ комнатахъ. Домовничала тетя Саша. Тетя ходила по комнатамъ

медленно, какая-то тусклая и усталая, куталась въ сѣрый платокъ, останавливалась передъ портретомъ Алеши и подолгу разглядывала его. Потомъ она отошла и смотрѣла въ окно. И Ваня видѣлъ, какъ въ сумеркахъ вечера въ рукѣ у тети мелькалъ маленькій бѣленькій платочекъ...

— Ты что, тетя?.. а?

— Ничего...

— А сама плачешь!..

— Нѣтъ. Насморкъ у меня, Ваня..

— Врешь... Я видѣлъ. Ты о чемъ?

— Скучно...

— Безъ мамы?.. Безъ мамы и безъ Алеши скучно...

Тебѣ жалко Алешу?

— Жалко...

— Онъ, по твоему, хорошій?

— Хорошій...

— А за что его въ тюрьму?

— Какъ въ тюрьму? Кто тебѣ это...

— Не притворяйся!.. Самъ дворникъ сказалъ...

Оба они стояли у окна. Молчали.

— Ваня! не ковырай обои!

— Пойдемъ, тетя, въ Алешину комнату! Хочешь?

— Да...

Они шли въ Алешину комнату. Зажигали Алешину лампу и сидели на Алешинѣ диванѣ. Маленькая комната. На стѣнѣ гитара, студенческая тужурка, на столѣ красная промокательная бумага вся въ буквахъ и чернильныхъ пятнахъ, кусокъ черепа съ окурками папирось... Это—Алеша курилъ.

— Тетя! Смотри—пѣтушокъ! Это Алеша нарисовалъ... Я сидѣлъ у него на колѣняхъ, а онъ рисовалъ...

Тетя внимательно разсматривала промокательный листъ на Алешиномъ столѣ, словно хотѣла что-то отгадать по чернильнымъ знакамъ; потомъ, подперевъ

голову, застывала въ раздумьи и переставала слышать, что говоритъ Ваня...

— Тетя же! Ты не слушаешь!

— Что?

— Мама отниметь у нихъ Алешу?..

— Можетъ быть. . . . .

Потомъ они укладывались на Алешину кровать... Тетя гладила Ваню по курчавой головѣ и молчала, а Ваня болталъ. Онъ фантазировалъ все на ту же тему: какъ онъ выростетъ большой, сдѣлается офицеромъ и придетъ къ нимъ...

...Они испугаются, побѣгутъ.. Только, нѣтъ! Не убѣжите отъ меня!.. Будутъ просить прощенья... Не надо, тетя, прощать?.. тетя же!

— Что, голубчикъ?

— Не прощать ихъ? правда,—не стоитъ?..

— Не знаю...

— Больно нужно—прощать такихъ!.. Нѣтъ, ни за что не прошу. Посмотри: Алеша забылъ гитару съ собой взять!.. И мама забыла ему отвезти... Когда Алеша пріѣдетъ?.. Скоро?

— Скоро ужъ...

— На Пасху?

— Пожалуй...

— Если они его на Пасху не отпустятъ, я имъ задамъ..

И опять Ваня фантазировалъ..

...Зачѣмъ увезли Алешу?.. Алеша ихъ не трогалъ.. Мама изъ-за нихъ все плачетъ... Вотъ вамъ! вотъ! вотъ!

И Ваня съ озлобленіемъ колотилъ подушку крѣпко сжатými кулаками...

III.

Вернулась мама... Обнялись съ тетей Сашей и стали обѣ плакать... Потомъ перестали плакать, сѣли на Але-

пину кровать, опустили обѣ на грудь головы и долго молчали... И Ванѣ хотѣлось плакать... Вѣрно, что-нибудь случилось съ Алешей...

— Я тебя, мама, не узналъ... Ты вошла, а я думалъ,—чужая...

— Тебѣ, мальчикъ, пора уже спать...

— Почему ты прицѣпила къ шляпѣ черный хвостъ?

Не говорить...

— Ты стала какъ старуха: вся въ черномъ...

Не говорить...

— Видѣла Алешу?

— Да...—прошептала мама и пошла въ другую комнату.

— Куда ты?..

— Сейчасъ...

Ваня посмотрѣлъ на тетю Сашу, подошелъ къ ней и заглянулъ въ глаза. Тетя молча схватила его на руки и крѣпко прижала къ себѣ...

— Ой! Больно, тетя!.. У тебя тутъ булавка!

Помолчали.

— А мама?..

— Ей нездоровится... Она очень устала. Ложись спать... Я тебя раздѣну...

— А поцѣловать?

Ваня любилъ, чтобы, когда онъ ляжетъ спать, мать пришла къ нему, поцѣловала, погладила по спинкѣ и хорошенько подоткнула подъ ноги одеяло.

— Я тебя сегодня поцѣлую..

— А мама?

— Мама ужъ съ завтрашняго дня...

— Видишь, какая ловкая!.. Я хочу, чтобы мама...

— Я скажу ей... Можетъ быть она тоже придетъ.

— А что она дѣлаетъ? Зачѣмъ она затворилась тамъ?.. Знаю, знаю! Не обдуешь! Я видѣлъ въ щелочку: она молится тамъ Богу! Вѣрно, Алеша захворалъ?..

— Да. Захворалъ. Очень сильно захворалъ..

— Не умереть онъ, тетя!

— Богъ дастъ выадоровѣть... Пойдемъ!.. Пора, голубчикъ... Слышишь, бьетъ девять?

— Не знаешь, мама не привезла мнѣ новаго коня?.. Она обѣщалась... А почему отъ насъ ушла нянька? И пусть! Она скверная, потому что ругаетъ Алешу...

Такъ и не пришла въ этотъ разъ мама поцѣловать Ваню. А онъ ждалъ... Горѣла попрежнему въ углу краснымъ огонькомъ лампадка... Точно живая: шевелится и огонекъ дрожить на иконѣ... Нянька называла лампадку—„Божій глазокъ“... Вездѣ сегодня зажгли лампадки: и въ Алешиной комнатѣ, и въ залѣ... Алеша никогда не зажигалъ, а они взяли да и у него тоже зажгли... Алеша разсердится, когда пріѣдетъ домой...

Тетя раздѣла, перекрестила и поцѣловала Ваню.

— Погладь спинку!.. А одѣяло?.. Подъ ножки засунь его!..

— Такъ?

— А мама? Вели ей снять со шляпки черную ленту... Точно старуха какая...

Кто-то ходилъ ночью по комнатамъ. Тетя спала въ дѣтской: она все возилась и вздыхала, а тамъ, въ Алешиной комнатѣ, кто-то плакалъ и шептался... Вѣрно, мама... что она не спитъ?

— Мамочка!—почотомъ позвалъ Ваня. Повторилъ еще разъ. Если послѣ трехъ разъ мамочка не придетъ, значитъ нечего и ждать...

— Ма-мо-чка!

Не придетъ... Страшно что-то... Очень тихо и все кто-то ходить осторожно, словно крадется на цыпочкахъ...

— Бумъ!

Вздрогнуло сердце: пробили часы и какъ-то странно пробили, очень громко, точно колоколь на церкви...

Часы, какъ живые... Точно стучають молотками въ кузницѣ, въ деревнѣ... Стучають, стучають, стучають,

а потомъ—бумъ! Точно они знаютъ, сколько отстукали времени и говорятъ объ этомъ людямъ... Какъ они знаютъ это? Кто придумалъ часы?.. У Алеши были часы съ крышками... Подавить шишечку, они и откроются... Алеша теперь, навѣрно, не спитъ: когда хвораетъ, то бываетъ очень жарко и все хочется пить... И навѣрно, стонетъ онъ. Когда хвораетъ, то стонешь... Мама молится Богу. О чемъ? Чтобы Алеша выздоровѣлъ... Богъ все можетъ сдѣлать. Ему только помолиться, и Онъ сейчасъ же пошлетъ бѣлаго ангела и тотъ все устроитъ...

Ваня присѣлъ въ кроваткѣ, почесался и посмотрѣлъ на „Божій глазокъ“... Смотритъ Богъ на Ваню... Это не самъ Богъ, а Иисусъ Христосъ... Самъ Богъ старикъ, а Иисусъ Христосъ молодой.. Онъ добръе. Онъ любитъ дѣтей.. Нянька говорила, что когда Онъ встрѣчалъ уличныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, то бралъ ихъ на руки и сажалъ къ себѣ на колѣнки... Онъ очень добрый!..

— Иисусъ Христосъ! Сдѣлай, чтобы Алеша выздоровѣлъ!.. Милый Иисусъ Христосъ! Скажи Своему папѣ, чтобы онъ не сердился на Алешу... Алеша очень хорошій мальчикъ!..

Ваня нѣсколько разъ крестился и потомъ кланялся очень низко. Послѣдній разъ онъ уперся головой прямо въ подушку и притихъ: заворочалась тетя.. Еще увидить, какъ онъ молится!.. Ваня смотрѣлъ бокомъ на тетину кровать, а самъ молился про себя:

— Пусть Алеша выздоровѣетъ, а *ты* пусть захвораютъ и умрутъ... Алеша ихъ не трогалъ, а они его посадили въ тюрьму... И пусть они умрутъ... Имъ такъ и надо...

Хорошо, очень удобно было молиться въ такомъ положеніи—головой въ подушку...

— Милый Иисусъ Христосъ! Пусть я скорѣй вырасту большой и сдѣлаюсь очень сильнымъ... Сильнѣе дворника Васьки!.. И очень храбрымъ, какъ богатырь...

Тогда я имъ задамъ... Помилуй маму, и меня, и Алешу, дай папѣ царство небесное, а *имъ* пусть... пусть *они*— въ адъ... Пусть тамъ живутъ вмѣстѣ съ чортомъ... Пусть въ огнѣ мучаются, а пить имъ пусть не даютъ...

Долго молился Ваня... Онъ придумывалъ *имъ* въ аду всякія неприятности и мученія, про которыя ему рассказывала нянька... Да такъ и уснулъ съ воткнутой въ подушку головой... И приснился Ванѣ отличный сонъ: будто онъ стоитъ за воротами, а мимо черный мохнатый чортъ ведетъ *всѣхъ ихъ* въ адъ. Руки у нихъ связаны веревками, а на ногахъ звенятъ желѣзныя цѣпи, какъ у арестантовъ, а чортъ съ длинной палкой идетъ позади и кричитъ на нихъ, чтобы шли скорѣе. Будто Ваня испугался мохнатого чорта и спрятался за калитку, а мохнатый чортъ крикнулъ ему: „не бойся! тебѣ ничего не будетъ!“ Тогда Ваня вышелъ опять за ворота и закричалъ:

— Куда ихъ?

— Въ адъ ихъ! Богъ велѣлъ ихъ въ адъ!..—крикнулъ Ванѣ, оглянувшись, мохнатый чортъ...

— Ага! Я говорилъ тебѣ, Васька!.. Чья правда?.. Вотъ то-то и есть!

IV.

Пришла полиція. Принесли Алешину корзину. Двѣ полиціи: одинъ важный, а другой—будочникъ. Ваня смотрѣлъ въ щель приоткрытой двери, и въ его маленькихъ глазахъ сверкала большая злоба... Опять пришли! Чего *имъ* еще надо? И было страшно, и хотѣлось очень закричать, чтобы убирались вонъ... А мама съ ними разговариваетъ... Подали ей какую-то бумагу и заставили ее чего-то писать. Рука у мамы дрожить и шевелятся губы... А они говорятъ про Алешу:

— Бѣлье по описи, книги, пальто, тужурка...

Мама махнула рукой и отвернулась къ стѣнѣ... Когда они ушли,—мама остановилась около Алешиной корзинки и долго смотрѣла на нее, потомъ встала около корзинки на колѣни и положила голову на крышку...

И заплакала...

Ваня убѣждалъ въ дѣтскую. Онъ не зналъ, отчего вдругъ ему захотѣлось тоже плакать. Спряталъ голову въ креслѣ и разрыдался. И оба они плакали: мама въ передней, около Алешиной корзинки, а Ваня въ дѣтской... Тетя приходила къ Ванѣ, гладила его по головѣ, но ничего не говорила: она только вздыхала и ласкала Ваню.

Мама въ этотъ день не обѣдала: Ваня только вдвоемъ съ тетей сидѣли за столомъ и говорили шопотомъ:

— Мамочка кушать не будетъ? Почему?

— Нѣтъ, не будетъ.

— Она захворала?

— Да.

— А зачѣмъ *они* принесли Алешину корзинку? Значить и Алеша скоро пріѣдетъ?.. тетя!.. скоро?

Пріѣзжалъ докторъ лѣчить маму. Наняли новую кухарку, а няньку не наняли. И не больно нужно: маленькій онъ, что ли?.. Всѣ говорили шопотомъ и ходили тихо, словно боялись разбудить кого-то.. Вечеромъ Ваню пустили къ мамѣ. Она лежала на постели, а на столикѣ около нея было лѣкарство съ желтыми бумажками и стоялъ Алешинъ портретъ... Мама стала худенькая, худенькая и говорила тихо-тихо...

— Ты кушалъ?

— Кушалъ... И молоко пилъ... Зачѣмъ Алешу тутъ поставила?

— Соскучилась...

Какъ-то неловко было Ванѣ: онъ конфузился и не зналъ, про что разговаривать съ мамой. Сидѣлъ на кровати и смотрѣлъ на мамину руку. Мамина рука

лежала у него на колѣняхъ и онъ перебиралъ мамины пальчики...

— Всѣ хворають: и Алеша хвораетъ, и ты хвораетъ... И Васька дворниковъ не играетъ на дворѣ, потому что простудился и умереть. Такъ ему и надо: онъ говорить, что Алешу казнили...

Тетя схватила вдругъ Ваню на руки и унесла въ другую комнату. И онъ не протестовалъ, и не просился назадъ къ мамѣ... Что-то пугало его въ этой притворенной комнатѣ, гдѣ лежала больная мама... Что-то таилось тамъ, въ этой комнатѣ, невидимое, и какъ-то страшно смотрѣла мамина дверь съ изломанной ручкой...

Вечеромъ тетя ходила погулять съ Ваней. Заходили въ церковь къ вечернѣ. Въ церкви было совсѣмъ пусто: только батюшка, дьяконъ, да дьячекъ, да еще нищенки, старенькія старушки. И огоньковъ было мало... Скучно было, темно и не хотѣлось долго стоять...

— Будетъ ужъ! Пойдемъ!

Ваня тянулъ тетю за платье, а она не обращала вниманія, молилась; и даже вставала на колѣнки.. А раньше никогда не вставала..

— Будетъ ужъ, помолилась!.. Вонъ идетъ съ кружкой! Дай я положу денежку!

Тетя дала пятакъ. Прошелъ мимо, вѣрно не думалъ, что Ваня дастъ пятакъ... Ваня догналъ его и положилъ пятакъ въ кружку... Стукнулъ даже пятакъ въ кружкѣ. Который собиралъ деньги, поклонился Ванѣ... Небойсь, поклонился!.. радъ, что Ваня далъ пятакъ!..

— Будетъ! Пойдемъ прикладываться!.. Вотъ туда, гдѣ Иисусъ Христосъ!..

Опять Ваня вспомнилъ про Алешу и про сонъ, который тогда приснился, съ чортомъ-то!.. Тетя подняла Ваню и онъ крѣпко поцѣловалъ Иисусу Христу то мѣсто, гдѣ осталась на ножкѣ у него дырочка отъ гвоздика...

— Не забудь же, милый Иисусъ Христосъ!—поду-

малъ Ваня, а когда тетя поставила его на полъ, еще три раза перекрестился и поклонился Иисусу Христу, шаркнувъ ножкой.

Когда шли домой, встрѣтили полицейскаго.

— У-у, противный! — прошепталь Ваня..

— Ваня! Развѣ хорошо?..

— Хорошо!

— Ай-ай!.. Мама узнаеть, будетъ сердиться..

— И не будетъ!..

— Онъ тебѣ не мѣшаетъ, а ты..

— А вотъ и мѣшаетъ!..

— Нельзя. За это могутъ схватить и посадить въ полицію..

— И пусть!.. И не боюсь!.. А зачѣмъ они.. Въ адъ попадутъ.. всѣ они!.. И слава Богу!..

Съ тѣхъ поръ, какъ увезли Алешу, Ваня и боялся и ненавидѣлъ полицейскихъ; въ каждомъ изъ нихъ онъ узнавалъ одного изъ тѣхъ, которые приходили ночью за Алешей..

— Вотъ этотъ въ игрушкахъ у меня шевырялся.. У-у!.. Какой гадкій!

— Почему ты думаешь, что—этотъ?

— Ага! А усы-то?! Я ужъ замѣтилъ..

— У всѣхъ усы..

— Ага! Не такіе!.. Меня не обманешь.. Знаю я..

.....

V.

Мама хворала. Пріѣзжалъ докторъ, поднималась суматоха и нарушалась обычная тишина въ комнатахъ. Носили ледъ, воду, бѣлыя простыни, бѣгали въ аптеку, стучали дверями. И никому не было дѣла до Вани. Про него забывали. Тетя спала теперь съ мамой, а съ Ваней спала новая кухарка. Ночью она храпитъ и только хуже—пугаетъ. А то вдругъ, растрепанная, точ-

но старая колдунья, подбѣжить босыми ногами къ кровати и выхватить Ваню:

— Чего тебѣ?

— Садись!

— Не хочу я...

— Садись, садись!.. Обмочишься..

— Дура какая... Я не маленькій...

— А ты не лайся! Забастовщикъ!..

Посадить, а сама опять кувиркъ на тюфякъ... И опять захрапится... Вотъ какая она!.. И ничего не подѣлаешь. Сидитъ Ваня и дремлетъ... Голова ниже, ниже... и вздрогнетъ, очнется вдругъ.

— Кухарка! Вотъ какая... Храпится сама...

Встанетъ и полѣзаетъ на стулъ, а со стула въ кровать... А кухарка вдругъ вскочитъ и бросится:

— Гдѣ ты?.. а... легъ уже... Сдѣлалъ?

— Убирайся! Говорять тебѣ, не хочу!.. Я вотъ мамѣ скажу!

— Мать помираетъ, а онъ—мамѣ! Грубиянъ!..

— Не ругайся, говорятъ!

Было обидно, а главное дѣлалось страшно, что умретъ мама. И Ваня, уткнувшись носомъ въ подушку, потихоньку мусолилъ ее слюнями...

— Спокою отъ васъ, висѣльниковъ, нѣтъ... О, Господи милосливый! Прости имъ, окаяннымъ!—шептала кухарка и опять начинала храпѣть...

Днемъ, когда всѣ забывали про Ваню, онъ игралъ въ дѣтской и шопотомъ разговаривалъ съ игрушками, потому что жалѣлъ маму и старался не шумѣть.

Оловянные солдаты изображали полицейскихъ. Онъ ставилъ ихъ на полу на коврикѣ, а самъ вооружался жестяной саблей.

— Гдѣ Алеша?—сердито спрашивалъ онъ.

— Въ тюрьмѣ сидитъ,—шопотомъ же отвѣчалъ онъ за полицейскихъ

— Вотъ что?! въ тюрьмѣ? Сейчасъ же отпустите? Слышите?..

— Не пустимъ...

— Послѣдній разъ спрашиваю! Отпустите?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ...

— Такъ вотъ же! вотъ! вотъ!..

И солдатикъ легъли подъ взмахами сабельныхъ ударовъ въ разныя стороны.

Одинъ изъ солдатиковъ, съ черными усами, былъ особенно отмѣченъ у Вани: это *тотъ самый, съ усами*, которыя йуезъ Алешу. Этого солдатика Ваня поднималъ съ полу и производилъ надъ нимъ особую расправу.

— Поди сюда!.. Ага!.. Въ тюрьму!

Въ черной коробкѣ изъ-подъ игрушекъ была *тарама* и туда бросалъ Ваня этого солдатика съ усами.

— Хорошо тебѣ?—спрашивалъ Ваня, заглядывая въ прорѣзанное окошечко.—Скучно? Ага! А Алешѣ, думаешь, весело?..

Въ старомъ альбомѣ была Алешина карточка: на ней Алеша снятъ еще гимназистомъ. Ваня вытащилъ эту карточку изъ альбома и она изображала самого Алешу. Алеша тоже сидѣлъ въ коробкѣ, и когда туда попадалъ солдатикъ съ усами, то солдатикъ этотъ начиналъ плакать и просить прощенья у Алешы.

— Проси у Вани!.. Я не могу... Какъ онъ захочетъ, такъ и будетъ!—говорилъ Алеша.

Затѣмъ Ваня вынималъ изъ тюрьмы Алешу, цѣловалъ его и клалъ себѣ подъ подушку.

— Можетъ быть, Ваня, выпустишь его?—просилъ Алеша.

— Его? Больно нужно!..

Подъ кроватью былъ готовъ адъ. Чортъ тоже былъ готовъ: изломанная обезьянка, которая раньше ползала

по веревочкѣ, теперь превратилась въ чорта и сидѣла около ножки кровати, широко растопыря ноги.

— Иди въ адъ! къ чорту!.. И вы всѣ! всѣ! всѣ!

Ваня загребаль ногой разбросанныхъ по полу солдатиковъ и швырялъ ихъ подъ кровать. Въ этихъ играхъ Ваня забываль о томъ, что мама все хвораетъ, не поправляется, а что Алеша не возвращается домой. На время горе забывалось и казалось, что все устроилось хорошо: Алеша—подъ подушкой, дома, мама—здорова, враги наказаны и заключены въ адъ... Наигравшись, Ваня ложился спать и всегда съ благодарностью смотрѣлъ на „Божій глазокъ“ передъ Иисусомъ Христомъ... Теперь Ваня очень сдружился съ Нимъ и поминутно разговариваль и совѣтовался.

— Мама выздоровѣеть? да?

— Выздоровѣеть...

— А Алеша?

— Приѣдетъ.

— Когда? На Пасху? Когда Ты воскреснешь?

— На Пасху...

Иногда кухарка заставляла Ваню на этихъ разговорахъ:

— Съ кѣмъ ты тутъ?

— Не твое дѣло!

— А что Христа-то поминаешь? Нехорошо это...

— Какое тебѣ дѣло? Не съ тобой вѣды!

— Безбожникъ!

— А ты дура! и отвяжись!

Когда тетя давала Ванѣ пирожного, онъ раздѣлялъ его на двѣ части: одну съѣдалъ, а другую клалъ на окно, ближайшее къ иконѣ.

— А это Тебѣ!.. Если ночью не съѣшь, значить не хочешь...

Утромъ, очень рано, Ваня смотрѣлъ изъ кровати на подоконникъ.

— Не хочеть!—шепталъ онъ и вылѣзалъ изъ кро-

ватки, чтобы достать вторую половину и съѣсть ее, лежа въ постели... Ваня зналъ, что Богъ не ѣсть пирожнаго. не обѣдаетъ и не пьетъ чаю, но онъ упорно оставлялъ на окнѣ половину лакомства, увѣренный, что Иисусу Христу пріятно видѣть, какъ любить Его Ваня и какой онъ добрый мальчикъ.

Была у Вани еще одна любимая игра. Было у него хорошее ружье, которое подарилъ ему Алеша на именины. Долго пропадало это ружье, а теперь нашлось: новая кухарка мыла полы, передвигала мебель и вытасила ружье изъ-подъ комода. Отличное ружье! Слава Богу, что нашлось. Съ куркомъ, со штыкомъ, стрѣляетъ пистонками очень громко, словно настоящее. Ваня былъ увѣренъ, что тогда, ночью, когда шевырялись у него въ игрушкахъ, тотъ, съ *усами* утащилъ ружье... Оказывается,—не утащилъ. А, можетъ быть, и утащилъ, а Иисусъ Христосъ сдѣлалъ такъ, что оно нашлось подъ комодомъ... Ну-ка, посмотримъ теперь!..

— Будетъ тебѣ палить-то! Не велить тетя: мать пугается...

— Ну, я буду такъ, безъ пистоновъ!..

Это было все равно: вмѣсто выстрѣла стоило только сказать „трах“,—и неприятель валился.

— Въ кого это ты? Никакъ въ людей?

— А тебѣ какое дѣло? Уходи, а то... — угрожалъ Ваня, прицѣливаясь въ кухарку.

— Разбойникъ: Чистый разбойникъ растеть!

— И пусть!

— Эхъ, ты! Весь по брату! По его дорожкѣ... Висѣльники!

— А ты дура!

VI.

— Тетя! Я хочу къ мамѣ!

— Погоди... Нельзя.

— А когда?

— Когда будетъ можно...

— Ей лучше?

— Лучше.

— А почему не пускаешь?

— Спать она... Нельзя ее будить...

— У тебя все спитъ!.. И вчера, и сегодня... и всегда...

А въ кухнѣ кухарка разговаривала съ какой-то бабой и сказала ей, что Ванина мама скоро умереть...

Ваня притихъ. Онъ не вѣрилъ ни тетѣ, ни кухаркѣ. Съ тревогой въ сердцѣ, съ испуганными глазами, прислушивался онъ, стоя то у двери въ кухню, то у дверей въ мамину комнату. Въ кухнѣ говорятъ, что мама не доживетъ до Пасхи, а что дѣлается въ маминѣ комнатѣ, — нельзя узнать... Очень тихо тамъ. Тикаютъ часики, иногда кто-то ходитъ на цыпочкахъ, брякнетъ пузырькомъ, иногда точно кто-то вздохнетъ. Не слышать маминаго голоса, а тетя говоритъ шопотомъ... Хоть бы услышать маминъ голосъ!.. Милая мамочка! Какъ онъ соскучился по милой мамочкѣ!

— Богъ ее наказываетъ... за дѣтей-то!.. Старшій-то извергъ былъ, да и этотъ тоже: маленькій, а чисто разбойникъ! Ванька-то! Народила идиоловъ...

— Ты меня не смѣешь Ванькой называть!

— А ты что тутъ, у дверей, болтаешься? Подслушиваешь?

Ваня отходилъ отъ двери и тихо брелъ по темному коридорчику къ маминѣ комнатѣ. Что это? Мама стонетъ? Да!.. Ваня прижимался щекой къ закрытой двери и слушалъ, какъ стонетъ мама. И каждый стонъ ея отзывался у него въ сердцѣ, прыгали съ рѣсницы слезинки и онъ плаксиво шепталъ:

— Мамочка, не стони! Мамочка, не стони!

Однажды тетя отворила дверь и ушибла Ваню.

— Ахъ, Ваня! Зачѣмъ ты...

— Мамочка! Милая моя мамочка! Я хочу къ тебѣ!

— Иди, мой милый!..—чуть слышно отвѣтила мама. Тетя взяла Ваню за руку и они вошли. Какая стала мама! Худенькая... Непохожа стала на маму... Ваня цѣловалъ маму, а самъ испуганными глазами смотрѣлъ на ея лицо, на бѣлыя потрескавшіяся губы, на вострый носъ и прилипшія къ вискамъ пряди сѣдыхъ волосъ... Руки съ длинными - длинными пальцами лежали на груди, поверхъ одѣяла, а глаза, большіе и темные, ввалились и смотрять, словно чужіе, не мамочкины глаза... Мама улыбнулась и закрыла глаза, а слезинки покатались у ней, одна за другой... Одна слезинка долго держалась на сѣдомъ волоскѣ и потомъ пропала...

— Тебѣ больно?

Мама чуть-чуть кивнула головой...

— Ты на Пасху выздоровѣешь?

Опять мама шевельнула головой и опять улыбнулась, не раскрывая крѣпко сомкнутыхъ глазъ.

— Хоть бы скорѣе Пасха!.. Тебѣ нельзя, мамочка, говорить?

— Нельзя, Ваня! — прошептала мама и раскрыла глаза. И въ этихъ глазахъ было что-то страшное, испугавшее Ваню... Мама смотрѣла на него очень пристально и не было въ глазахъ у ней ласки и доброты, къ которымъ привыкъ Ваня...

— Алеша умеръ. Нѣтъ Алеши...—прошептала мама, и большіе страшные глаза снова сомкнулись...

Ваня сползъ съ кровати и стоялъ молча, съ опущенной головой...

— Ваня! — тихо шепнула тетя и потрогала его за плечо.

Ваня поднялъ глаза на тетю. Та кивнула на дверь, и Ваня понялъ: тихо, на цыпочкахъ вышелъ онъ изъ комнаты и такъ же тихо, на цыпочкахъ, дошелъ до дѣтской. Значить, на дворѣ говорили правду, что

Алеша никогда не прїѣдетъ... Алеша никогда не прїѣдетъ... Никогда!.. И на Пасху не прїѣдетъ... Ваня робко поднялъ глаза на Иисуса Христа и сейчасъ же опустилъ ихъ... Въ первый разъ Ваня не подѣлился съ Иисусомъ Христомъ своими мыслями объ Алешѣ... Онъ стоялъ у стѣны и обрывалъ клочки обоевъ, бросалъ ихъ на полъ и угрюмо смотрѣлъ въ стѣну. Потомъ еще разъ поднялъ взоръ на Иисуса Христа и, опустивъ голову, прошепталъ:

— И не буду Тебя любить...

Такъ вышла первая размолвка съ Иисусомъ Христомъ. Въ этотъ день Ваня не хотѣлъ съ Нимъ разговаривать и не смотрѣлъ на Божій глазокъ. Но онъ все время его чувствовалъ... Тамъ, вверху, горѣла лампадка, блестяла золотая риза иконы и доброе лицо Иисуса Христа смотрѣло оттуда на Ваню, а рука — благословляла его... Все было попрежнему, но что-то случилось непонятное и неожиданное, чего не могло бы случиться, если бы тамъ, вверху не захотѣлъ кто-то... Ваня не желалъ туда смотрѣть и упорно избѣгалъ весь передній уголь. И когда легъ спать, то переложилъ подушку на другой конецъ постели.

— Что ты, Ваня? Зачѣмъ это?—спросила тетя.

— Тамъ свѣтъ—въ глаза... спать мѣшаетъ...

Засунувъ подъ подушку руку, Ваня нащупалъ Алешинъ портретъ и крѣпко зажалъ его... Думалъ про Алешу и вспоминалъ, какой онъ былъ. И никакъ не могъ вспомнить: вставала въ памяти та ночь, когда увезли Алешу изъ дому, и Алеша все время рисовался стоящимъ у стола, спиной къ Ванѣ, и только видно было, какъ двѣ пряди волосъ, отдѣлившись, покачивались около его головы, а онъ поправлялъ ихъ рукою... Потомъ вспомнилось, какъ Алеша поцѣловалъ его и какъ Алешина слеза упала на Ваню и защекотала ему около уха, и какъ, когда Ваня раскрылъ глаза и посмотрѣлъ, въ дверяхъ комнаты промелькнула опять

только спина Алеши... Какой былъ Алеша? Ваня вынималъ изъ-подъ подушки карточку и долго разсматривалъ ее... Непохожь Алеша! Тутъ гимназистъ, гладко остриженный и веселый, а Алеша былъ студентъ невеселый, худой, и волосы у него были большіе. Ну, все равно: все-таки это Алеша! Ваня цѣловалъ карточку и снова засовывалъ ее подъ подушку:

— Спи! Въ рай увидимся!

И Ваня думалъ о томъ, какъ устроенъ рай... Адь онъ отлично представлялъ себѣ, а вотъ рай все какъ-то не выходилъ въ его воображеніи. Вставали въ головѣ раскрашенныя картинки тропическихъ лѣсовъ изъ „Майнъ-Рида“, изъ „Робинзона Крузэ“, изъ разныхъ сказокъ, а рай не выходилъ... Нѣтъ, въ рай не такъ! Вспоминалось синее небо, длинная дорожка бѣлыхъ, какъ ватка, облачковъ, позолоченныхъ по краешкамъ... Можетъ быть, тамъ, въ рай, такая же синяя земля и бѣлыя дорожки, какъ весной на небѣ?.. А какія деревья?.. цвѣты?.. травка?..

Храпите кухарка... Мѣшаетъ думать! Ужъ навѣрно, она не попадетъ въ рай... Такая злая баба, ругается, вретъ все... Развѣ можно такихъ въ рай?.. Тамъ все добрыя, ласковые такіе и умные. Дураковъ туда не пустять... Вотъ Алеша — тамъ!.. Это ужъ навѣрное! Алеша былъ добрый и очень умный! очень умный! Все зналъ Алеша, чего не спросишь... Пожалуй Алеша умнѣе мамы даже. Въ другой разъ спросишь маму, какъ дѣлаютъ стекло или какъ книгу дѣлаютъ или что-нибудь другое, а мама посылаетъ къ Алешѣ... Конечно, Алеша все знаетъ... И мама умная, а все-таки...

— Спи, Алеша! Въ рай увидимся...

Однажды Ваня увидалъ во снѣ рай. Утромъ, проснувшись, онъ старался припомнить, какъ устроенъ рай, но не могъ... Осталось смутное воспоминаніе о чемъ-то свѣтломъ, радостномъ, голубомъ и зеленомъ, золотистомъ, розовомъ; кажется, играла тамъ какая-то

необыкновенная музыка, а можетъ быть, не играла, а только теперь кажется, что играла... Забылъ, не припомнишь весь этотъ сонъ, этотъ удивительный сонъ, отъ котораго и теперь такъ хорошо-хорошо и немного грустно... Отчего грустно? Ахъ, да, вспомнилъ! Ваня видѣлъ въ раю издали Алешу, звалъ его, но Алеша былъ далеко, не слыхалъ и не обернулся... Такъ Ваня и не видалъ Алешинаго лица, а видѣлъ опять только Алешину спину... Алеша и еще кто?.. съ нимъ рядомъ? Вспомнилъ! Рядомъ шелъ Исусъ Христосъ и разговаривалъ съ Алешей, какъ на картинкѣ въ „Законѣ Божіемъ“. Значить, Исусъ Христосъ любить Алешу...

Ваня мелькомъ взглянулъ на Божій глазокъ и прошепталъ:

— Милый Исусъ Христосъ!.. Я такъ и зналъ!..

VII.

— Вставай! Померла мать-то!..

— Не ври!

— Поди погляди: въ залѣ на столѣ лежитъ...

Кухарка ушла. Ваня лежалъ и боялся шевельнуться. Изъ-подъ одѣяла была видна только одна голова Вани. Онъ неподвижно смотрѣлъ въ потолокъ и прислушивался. Опять стучали двери, ходили по комнатамъ, говорили незнакомые голоса. Опять была въ комнатахъ суматоха, какъ въ ту ночь, когда увезли Алешу... Нѣсколько разъ Ваня вздрагивалъ отъ звонковъ въ передней; звонки эти послѣ продолжительной подчеркнутой тишины въ комнатахъ, теперь казались особенно громкими и страшными, полными тревоги и зловѣщаго предзнаменованія... А мама?.. Почему мѣшаютъ спать мамѣ, а тетя позволяетъ это? Кто это шагаетъ? Ваня

закрылся съ головой и затаилъ дыханіе. Пусть лучше ничего не говорятъ ему про маму! Не надо ничего говорить про маму!

Кто-то идетъ, ближе, ближе,—и все страшнѣе дѣлается Ванѣ. Вотъ кто-то трогаетъ одѣяло... Ваня съ ужасомъ раскрылъ глаза: стояла тетя съ красными опухшими глазамп...

— Вставай! Надо одѣваться...

— А мама?..

— Мама...

— Она... мама... живая?..

— Умерла мама...

Ваня перевернулся вверхъ спиной и спряталъ голову въ мягкой подушкѣ... Тетя ласково гладила его по спинкѣ, а онъ не шевелился...

— Теперь мамѣ хорошо: она перестала страдать...

Ваня не шевелился.

— Теперь она заснула и ей не больно... Теперь хорошо ей...

Ваня не шевелился...

— Давай одѣваться... Пойдемъ къ мамѣ... Поцѣлуй маму... Хорошо?

Тетя осторожно подложила руки подъ Ваню и хотѣла приподнять и посадить его на постели. Ваня крѣпко держался обѣими руками за подушку и отбивался ногами... Тетя вздохнула и присѣла на стулъ около кровати... Кто-то ходилъ въ залѣ и потомъ вдругъ послышалось монотонное чтеніе, какъ въ церкви...

— Теперь мамѣ очень хорошо... Она уйдетъ къ Богу и увидитъ тамъ Алешу...

— А я?—глухо спросилъ Ваня...

— Будь умнымъ добрымъ мальчикомъ и тогда...

И вдругъ Ваня бросилъ подушку и сѣлъ. Утирая кулакомъ слезы, онъ посмотрѣлъ на тетю и шопотомъ сказалъ:

— А она меня не поцѣловала на прощанье. А когда еще мы на томъ свѣтѣ увидимся!.. Вотъ она какая!..

На креслѣ лежала новая курточка и новые штанишки и все это было черное...

— И ты въ черномъ вся, и я въ черномъ... Точно старпки какіе...—говорилъ Ваня около умывальника.

Потомъ тетя помогала Ванѣ одѣваться, а онъ не давался:

— Самъ я!.. А она... мама... гдѣ?

— Въ залѣ...

Ваня торопился. Надо поскорѣе къ мамѣ. Она хоть и умерла, а навѣрно ждетъ, чтобы Ваня пришелъ поздороваться... Сперва Ванѣ хотѣлось плакать, а теперь онъ сдѣлался спокойнымъ и тихимъ... Забылъ почистить зубы! Надо хорошенько, щеткой и порошкомъ. Мама любить, чтобы зубы блестяли... И чтобы въ ушахъ было чисто!.. Долго причесывался съ макушки на лобъ и гладилъ волосы рукой, муслилъ и гладилъ: вихоръ торчитъ, не слушается...

— Выпей сперва чаю съ молокомъ!

— Нѣтъ! Сначала къ мамѣ!..

Чистенькій, свѣжій, въ новой курточкѣ, съ приглаженной головкой, тихій такой и серьезный, Ваня несмѣло вошелъ въ залъ. Мама на столѣ. Около головы ея горятъ свѣчи съ золотомъ въ высокихъ подсвѣчникахъ. Руки сложены на груди. Монашенка стоитъ за высокимъ столикомъ и читаетъ что-то мамѣ... Тетя осталась позади, а Ваня приблизился къ мамѣ.

— Милая мамочка... — прошепталъ онъ, приподнимаясь на цыпочки.

— Съ добрымъ утромъ!

Не достанешь маминаго лица. Ваня оглянулся на тетю. Та подошла, приподняла его, и онъ поцѣловалъ маму въ лобикъ... Холодный лобикъ... Глазки у мамы не совсѣмъ закрыты: чуть-чуть видны они подъ опу-

щенными рѣсницами... Словно мама шалить: закрыла глаза, а сама потихоньку подсматриваетъ...

Ваня обошелъ кругомъ мамы. Постоялъ въ ногахъ. И личико у него было серьезное-серьезное, какъ у большого...

— Ну, пойдёмъ пить чай!—тихо сказалъ онъ, подходя на цыпочкахъ къ тетѣ.

— Я приду оцять!—сказалъ онъ, обернувшись къ мамѣ, и кивнулъ головой.

Пилъ онъ чай съ булкой и съ молокомъ,—и чай былъ такой же вкусный, какъ всегда. Думалъ о мамѣ, и смерть мамы не казалась ему теперь страшной, не пугала его. Лежитъ мама въ залѣ, будто спитъ... Вотъ сейчасъ онъ допьетъ сладкій чай и опять пойдетъ къ ней. Раньше она стонала, а теперь ей не больно, теперь ей все равно...

И пока мама лежала въ залѣ, сперва прямо на столѣ, а потомъ въ серебряномъ гробу,—Ваня былъ спокоенъ. Мама тутъ... Ночью онъ прислушивался къ монотонному чтенію монашенки и думалъ, что мамѣ не страшно лежать въ залѣ, потому что тамъ она не одна... Пусть спитъ, а утромъ онъ опять придетъ къ ней... Отъ мамы его мысль переходила на Алешу: скоро они увидятся тамъ, въ раю... Имъ не будетъ скучно... Алеша обрадуется мамѣ, очень обрадуется. Въ раю хорошо, очень хорошо, но лучше если тамъ быть вмѣстѣ съ мамой...

Мама вѣрно хотѣла поскорѣе умереть, потому что одинъ разъ она сказала:

— Не надо доктора... Лучше скорѣи умереть...

Ваня слышалъ это, когда въ первый разъ тетя послала за докторомъ.

Если бы Алеша былъ дома,—мама не захворала бы и ей не хотѣлось бы поскорѣе умереть... Конечно, она хотѣла... Она часто плакала объ Алешѣ. Она очень соскучилась о немъ...

Мама увидитъ тамъ Алешу, а онъ не увидитъ больше

ни мамы, ни Алеши... Только въ раю еще!.. А когда это будетъ? Не скоро...

И опять мысль наталкивала Ваню на тѣхъ, которые увезли Алешу... Все изъ-за нихъ! Пришли, увезли Алешу и онъ умеръ... растроили бѣдную мамочку и она тоже захворала и умерла...

— Дай Богъ вамъ самимъ умереть!—шепталь Ваня, и опять въ его маленькихъ глазахъ сверкала большая злоба...

— Ахъ вы!.. Проклятые!.. Вотъ я вырасту большой, тогда...—думаль Ваня, стоя около мамочки, и мысленно утѣшаль ее:

— Не плачь! Въ раю увидимся...

VIII.

По вечерамъ, когда Ваня приходилъ передъ сномъ прощаться съ мамочкой и всматривался въ ея лицо, ему казалось, что мама—живая; нагорѣвшія свѣчи, съ шевелящимися языками желтаго пламени, бросали на лицо покойной вадрагивающія тѣни, и отъ этого казалось, что мамочка шевелить губами и собирается плакать...

— Спокойной ночи, мамочка!.. Завтра опять приду...

— А ты помолись!—наклоняясь къ хмурому личику Вани, шептала тетя Саша. Ваня, не поднимая головы, часто-часто крестился и не слышно шепталь что-то губами. О чемъ онъ молился?..

Утромъ въ день похоронъ, когда Ваня пришелъ, по обыкновенію, поздороваться съ мамой,—у ней въ ногахъ лежалъ большой вѣнокъ, очень красивый вѣнокъ изъ пальмовыхъ вѣтокъ, перевитыхъ красной лентой. Можетъ быть, это принесъ ангель съ неба, котораго прислалъ Иисусъ Христось?

— Это кто—мамѣ?.. не ты?.

— Что, голубчикъ?

- А вѣнокъ?.. Кто это положилъ?
- Студенты, Алешины товарщи...
- Они развѣ любятъ нашу мамочку?
- Любятъ.
- Студенты?..

Въ это утро на улицѣ, у воротъ, стоялъ катафалкъ, черный съ серебряными крестами и кисточками, и лошади тоже черныя, какъ игрушечныя: торчатъ уши! и извозчики—черные... И было очень много полицейскихъ. Что имъ надо? Опять они пришли!.. Одинъ важный, съ черными усами, вошелъ въ комнаты и долго спорилъ съ тетей Сашей. Сперва они бранились потихоньку, а потомъ тетя подошла и стала снимать съ маминаго вѣнка красную ленту. Сама плачетъ, а сама снимаетъ...

- Не надо, тетя, снимать!.. Некрасиво будетъ!..
- Не велятъ, голубчикъ...
- Какое имъ дѣло? Не надо!
- Нельзя, голубчикъ...

Ваня понялъ, что это не велить *этотъ*, съ черными усами... „Проклятый“ — шепталъ Ваня и ему хотѣлось сдѣлать этому, съ черными усами, очень больно...

— погоди же! Иисусъ Христосъ тебѣ покажетъ, какъ обижать маму!..

Въ церкви Ваня стоялъ все время съ угрюмымъ серьезнымъ лицомъ и не плакалъ. Когда пришло время,—поцѣловалъ маму три раза въ лобикъ и что-то шепнулъ ей незамѣтно для другихъ. Только когда покрыли гробъ съ мамой крышкою и стали забивать гвоздями, Ваня заплакалъ и закричалъ:

— Мама! Зачѣмъ ты умерла?

Тяжело прошла первая ночь безъ мамочки. Не приходилъ къ Ванѣ сонъ. Все казалось, что въ залѣ читаетъ монашеска или что мама подходитъ къ постелькѣ, чтобы поцѣловать Ваню и подоткнуть ему хорошенько одѣяло подъ ноги. Задремлетъ и вдругъ раскроетъ глаза. И сразу вспомнить, что мамочки въ залѣ нѣтъ

и не пойдетъ онъ завтра утромъ къ ней поздороваться... И какъ это вспомнить, ткнется лицомъ въ подушку и заплачетъ:

— Мамочка! Зачѣмъ ты умерла?!

А изъ угла, сверху, попрежнему смотрѣлъ „Божій глазокъ“... Ваня поднимается на локтѣ, поворачиваетъ голову на огонекъ и, глотая слезы, потихоньку упрещаетъ:

— Вотъ и не любишь меня! Ай-ай! Какой Ты!..

.....

Быстро летитъ время,—черная птица человѣческой жизни. Летитъ, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, и уноситъ человѣка съ собою къ темному горизонту, гдѣ клубятся печальныя облака, безъ красокъ, безъ маянцей загадочной глубины, темныя, скучныя, страшныя облака, вмѣстѣ съ которыми выползаетъ черная ночь небытія...

Унесла черная птица отца, унесла мать, унесла Алешу...

Въ пятнадцать лѣтъ вся жизнь кажется впереди и незамѣтно, съ какой быстротой летитъ черная птица нашей жизни. Въ пятнадцать лѣтъ не хочется оборачиваться и смотрѣть, что осталось позади...

Почему же ты, мальчикъ, такой угрюмый, такой задумчивый и такъ рѣдко смѣешься?.. Надо быть веселымъ, жизнерадостнымъ и доверчиво открыть ясные глаза навстрѣчу жизни... Надо съ улыбкой на розовомъ лицѣ стоять на порогѣ жизни... Она вѣдь такъ прекрасна!..

Все пройдетъ, забудется, но эти нѣсколько дней прожитой жизни—никогда. Никогда! вплоть до самой смерти, все равно — далеко она, смерть, или близко... Чья-то желѣзная рука записала эти дни незалѣчимыми ранами въ памяти и въ сердцѣ

Прошло десять лѣтъ, цѣлыхъ десять лѣтъ... Но не закрылись раны сердца. Не закрылись! Часто, сидя за книжкой поздней ночью, весь углубленный въ чужую жизнь придуманныхъ поэтомъ людей, Ваня вдругъ отрывается отъ чтенія. словно кто-то Невидимый трогаетъ ему сердце и проситъ о чемъ-то вспомнить... Медленный бой старинныхъ угрюмыхъ часовъ, лампадка, теплящаяся въ углу передъ образомъ, осторожные шаги и шопотъ въ другой комнатѣ, чтеніе вслухъ за стѣной, сонный дѣтскій лепетъ, — можетъ быть, это вы воплощаетесь въ Невидимаго, который толкаетъ въ сердце и безъ словъ говоритъ: „вспомни!“ И рождается вдругъ тревога въ душѣ и исчезаетъ все, что создалъ въ ней поэтъ-волшебникъ... Исчезаетъ красивый миражъ и вмѣсто него встаютъ эти нѣсколько дней собственной жизни... Съ такими жестокими подробностями!..! словно все это было не десять лѣтъ, а только десять дней тому назадъ... Почему бой угрюмыхъ часовъ приносить съ собой гробъ, горящія свѣчи, черный катафалкъ съ серебряными кисточками? Почему шопотъ и осторожные шаги въ сосѣдней комнатѣ заставляютъ испуганно вздрагивать и наполняютъ душу ощущеніемъ непоправимаго несчастья? Почему сонный дѣтскій лепетъ воскрешаетъ синюю комнату, оловянныхъ солдатиковъ, кроватку съ рѣшеткой, красный огонекъ и кроткій ликъ Спасителя съ благословляющей рукою?..

Стоитъ только закрыть глаза, и кажется, что живешь все въ той же квартирѣ съ темнымъ коридорчикомъ, гдѣ есть дверь съ наломанной ручкой, слышишь стонъ матери, видишь бѣлую руку ея съ длинными тонкими ослабѣвшими пальцами, видишь Алешину спину и какъ онъ откидываетъ рукою пряди упавшихъ съ головы волосъ...

И мучительно заноютъ раны въ сердцѣ, нанесенныя чьей-то желѣзной рукою, и двѣ слезы тяжело упадутъ

на раскрытую книгу, которая только сейчас еще заставляла смѣяться отъ восторга и радости, брошенныхъ въ душу душой другого человѣка...

Порывисто вскакиваетъ Ваня съ мѣста, встряхиваетъ головой и долго ходитъ взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ. Ходитъ и отдается мукамъ воспоминаній о мамѣ и объ Алешѣ и все сильнѣе растравляетъ кро-воточащія раны сердца...

Со стѣны смотрять на Ваню два портрета въ черныхъ рамахъ, и когда онъ поднимаетъ къ нимъ голову, то кажется, что и они пристально и пытливо смотрять изъ черныхъ рамъ прямо ему въ глаза... Словно они догадываются, о чемъ онъ думаетъ, этотъ угрюмый мальчикъ, и словно давно уже знаютъ, что должно случиться впереди...

— Милые мои, — шепчетъ Ваня и въ его попортѣ столько нѣжности и одинокой тоски, что портреты оживаютъ: кажется, что и у нихъ въ глазахъ слабо мерцаютъ кроткіе отвѣтные огни...

Оживаютъ портреты!..

И въ полутьмѣ кажется, что доброе лицо Алеши дѣлается строгимъ, почти суровымъ, а лицо матери отражаетъ всю глубину пережитой скорби...

Тихо льются горячія слезы, а онъ все смотритъ, смотритъ на молчаливые портреты, словно хочетъ разгадать тайну ихъ вѣчнаго молчанія...

I.

Мой отецъ былъ крестьянинъ-пастухъ.
 Я въ крови сохранилъ его духъ.
 По равнинамъ бродить я люблю,
 Пѣсни пѣть, да на небо глядѣть.
 Чуткимъ ухомъ я звуки ловлю,
 Звуки ночи и яркаго дня.
 Мнѣ пріятнѣй всѣхъ пѣсенъ земныхъ
 Сочный свистъ перепелокъ степныхъ.
 Первый жавронокъ, трелью звеня,
 Беззаботно ласкаетъ мой слухъ.
 Мой отецъ былъ крестьянинъ-пастухъ.

Я люблю просыпаться съ зарей,
 Видѣть травы въ росѣ голубой,
 Розоватый туманъ у воды
 И дрожанье послѣдней звѣзды.
 Полусонно, какъ дѣти, цвѣты
 Открываютъ душистые рты;
 Подъ бугромъ еще пахнетъ костромъ,
 Чистятъ гуси примявшійся пухъ.
 Звонко стадо скликаетъ пастухъ.

Я люблю на низинахъ, на днѣ
 Умирающей снѣгъ по веснѣ
 И сквозь снѣгъ—полусонный побѣгъ.
 Въ чистомъ полѣ люблю я ночлегъ
 Подъ дрожащими искрами звѣздъ.
 Вижу травъ непосѣянныхъ ростъ,
 Слышу вадохи и трепеть земли:
 Все земное я страстно люблю,
 О земномъ я и небо молю;
 Сердце мнѣ ея слезы зажгли.

II.

Съ тобой были мы вдвоемъ въ старинной залѣ.
Въ окнѣ свѣтила намъ осенняя луна,
И свѣтъ ея блестяль, какъ влага, на рояли,
И пальцы тонкіе по клавишамъ блуждали,
И звуки рѣяли, и пѣла тишина.

Ты вся была въ тѣни. Взволнованный, влюбленный,
Я замеръ у твоихъ тонувшихъ въ ткаки ногъ,
И въ сумракѣ ловилъ мой взоръ неутоленный
Любимыя черты и этотъ взглядъ бездонный.
Но ни лица, ни глазъ я разглядѣть не могъ.

И ты казалась мнѣ воздушной и безплотной,
Какъ этотъ лунный свѣтъ въ ночной осенней мглѣ.
Ты вся была печаль о жизни мимолетной,
Объ умершей веснѣ, о ласкѣ беззаботной.
Земная, ты была душой не на землѣ.

Я слушалъ, я глядѣль, охваченъ страстной дрожью.
Дышать боялся я, чтобъ не спугнуть мой сонъ,
Чтобъ думой не уйти опять по бездорожью
Отъ этой музыки съ ея небесной ложью,
Отъ счастья, что тобой любимъ я и влюбленъ.

ГЕРГАРТЪ ГАУПТМАНЪ.

ЗАЛОЖНИЦА КАРЛА ВЕЛИКАГО.

Переводъ Знн. Венгеровой,

— съ рукописи.

— единственный разрѣшенный авторомъ.

*Разрѣшено
къ представлѣнiю на сценѣ.*

Обложка. Книга XX.

16

Пишутъ, что король Карлъ, котораго франки называли Великимъ, и этимъ поставили рядомъ съ Помпеемъ и Александромъ, возгорѣлся чрезмѣрно пламенной любовью къ одной дѣвѣ; она, какъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему, превосходила красотой всѣхъ другихъ дѣвъ того времени въ франкской землѣ. Король воспылалъ такой горячей страстью къ ней, сдѣлался такъ пороченъ, и душа его была такъ подкуплена ея нѣжными ласками, что онъ забылъ о своей славѣ и о чести, и отвратилъ свои мысли отъ правленія государствомъ.

(Итальянская новелла Себастьяна Эриццо, XVI вѣка, переведенная на нѣмецкій Полемъ Эрнстомъ)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ.

ГРАФЪ РОРИКО, его приближенный.

ЭРКАМБАЛЬДЪ, канцлеръ.

АЛЬКУИНЪ, магистръ.

БЕННИТЪ, саксонецъ.

ГЕРЗУИНДА, его племянница, заложница.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА МОНАСТЫРЯ.

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Придворные, монахи, слуги.

ДѢИСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Опочивальня Карла Великаго въ аахенскомъ дворцѣ. Часъ передъ восходомъ солнца, въ октябрѣ. Карлъ сидитъ на кровати; слуги его одѣваютъ. Ему за шестьдесятъ лѣтъ, но онъ могучаго сложенія; держится прямо. Графъ Рорико, не старше тридцати лѣтъ, красивый человекъ съ благородной осанкой, стоитъ на нѣкоторомъ разстояніи, выжидая приказовъ короля)

КАРЛЪ. Новая сорочка! Какая бѣлизна! Какъ ткань прохладна и тонка! Въ ней новымъ человекомъ стану. Но очень холодна она... Нѣтъ, подождите! Пусть не сейчасъ послѣдняя—холодная—сорочка мнѣ бѣлымъ саваномъ покроетъ члены. Повремени, мой добрый другъ. Пусть повиситъ еще въ шкафу сорочка, милый другъ. Оставь мнѣ мое сердце съ копытомъ дьявола. Я не хочу твоей лдяной сорочки... пугала застывшаго, что встрѣтитъ червя могильнаго съ поклономъ деревяннымъ... Повремени — твой новый человекъ пусть подождетъ... Повязи ножныя: одежда франковъ. Я франкъ — кто станетъ спорить? Я свободенъ — кто усумнится? Но все жъ я плѣнникъ долга — иначе быть не можетъ. Я властенъ — но власть мою безсиленъ доказать. Стяните мнѣ хромую ногу! Гдѣ цирульникъ? Скорѣй! Ну, а теперь, графъ Рорико,—не медля за дѣла.

РОРИКО (со смѣхомъ). Не началась еще работа, государь, и слуги королевскіе въ волненьи. Твой канцлеръ Эркамбальдъ сегодня поздно всталъ. Онъ рветъ и мечетъ.

КАРЛЪ. Ему минутой дорожить бы, старому ослу,

а онъ спитъ долго. Онъ жить не хочетъ, что ли? Такъ пусть ложится въ гробъ. Камзолъ подайте мѣховою!

(На него надѣваютъ камзолъ изъ порокъ)

РОРИКО. Онъ вѣрно выпилъ лишнее вчера.

КАРЛЪ. Всегда такъ въ жизни: онъ прославлялъ вино и жизнь, прославлялъ любовь — чтобъ все проспать. Нѣтъ, нужно бодрствовать — зачѣмъ, я самъ не знаю. Не стойте, выпучивъ глаза. Ходите, двигайтесь! Пусть хоть кажется, что не напрасно вы живете. И мнѣ внушите — хоть обманно — что у меня есть нужная дѣла.

РОРИКО (желая его чѣмъ-нибудь занять). Саксонецъ Беннитъ, государь, ужъ давно съ прошеньемъ пристаётъ къ хранителю дверей. Онъ и сегодня тутъ — никакъ его нельзя отвадить.

КАРЛЪ. Позвать сюда упряма!

(Графъ Рорико приказываетъ одному изъ слугъ, шестнадцатилѣтнему мальчику, позвать Беннита. Мальчикъ послушно удаляется).

КАРЛЪ (продолжая про себя). Опять саксонцы! Все то же неизмѣнно. Что жъ дѣлать! Вѣдь тридцать лѣтъ и больше я тотъ же завтракъ каждый день съѣдаю — все тотъ же отъ яйца до яблока. Такъ почему саксонцамъ не являться каждый день? Корову каждый день скребницей чистить нужно — но скучный это трудъ. Клонить меня ко сну, какъ за такой работой батрака, иль скотницу, доящую корову. Нарушить слово — вотъ что сверкнуло бы какъ молнія на лѣтнемъ небѣ. Нарушить слово!

(Онъ просовываетъ руку подъ подушку и вынимаетъ восковыя дощечки для писанія)

Вотъ мои дощечки. Вписать бы это слово въ воскъ, сиянемъ окруживъ.

(Онъ пишетъ на восковой дощечкѣ, забывая все вокругъ себя, видимо съ большимъ трудомъ. Входитъ канцлеръ Эркамбальдъ и подходитъ къ графу Рорико. Канцлеру около восьмидесяти лѣтъ; онъ съ длинными кудрями, какъ

король; значительное, фанатическое лицо съ явными слѣдами старческой слабости)

ЭРКАМВАЛЬДЪ (шопотомъ графу Рорико). Какъ онъ сегодня чувствуетъ себя?

РОРИКО. „Хорошо“ сказать — было бы неправдой. Но „плохо“ — тоже нѣтъ. Какой-то странный, тревожный духъ въ него вселился.

КАРЛЬ (громко, говоря самъ съ собой). Эй, гдѣ ты голова? Квадривиумъ: свободныхъ семь искусствъ... Тривиумъ: грамматика и діалектика... безъ музыки! Квадривиумъ и тривиумъ: запомни. (Эркамвальду, точно онъ ужъ давно здѣсь). Послушай, вотъ загадка: съ кѣмъ въ жизни самый трудный бой вель король Карль? Съ кѣмъ? скажи...

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Конечно...

КАРЛЬ. Съ кѣмъ?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Съ саксонцами.

КАРЛЬ. Не вѣрно. Съ самимъ собою — вотъ съ кѣмъ! (Продолжая затверживать) Квадривиумъ: музыка. (Поднимается, слегка охая) Послушай, Рорико, не доживай до старости!

РОРИКО. Благословенна и желанна, государь, такая старость, какъ твоя.

КАРЛЬ. Тривиумъ — квадративиумъ. О, мудрость Соломона! Мнѣ дано понять ее — не вамъ. За трапезой сегодня пусть капелянъ мнѣ притчи Соломона почитаетъ—о томъ, что суета все, суета суетъ; о томъ, что будетъ то, что было, что впредь все будетъ дѣлаться, что дѣлалось; что будутъ, какъ прежде, сѣять хлѣбъ, сажать растенья и жатвы собирать; что будутъ воздвигать дворцы и разрушать; что будутъ земли населять и вновь въ пустыни обращать; что будутъ ранить и раны исцѣлять; найдя сокровища, ихъ снова потеряютъ и вновь искать начнутъ, потомъ найдутъ — и снова то, что будетъ найдено, утратятъ. И впредь, какъ прежде, будутъ душить, карать — и награждать и цѣловать!.

Цѣловать! ты слышишь, Рорико? Музыка—квадривіумъ: небесный звукъ среди земного гула — не такъ ли? Ну, довольно. Принеси мою печать съ изображеніемъ Сераписа. (Смѣясь) Міръ точно воскъ въ моихъ рукахъ: тѣпить я изъ него могу, что пожелаю.

(Двое слугъ вводятъ Беннита, саксонца геройскаго вида; у него утрюмое, выжидательное выраженіе лица. Карлъ, который ходитъ по комнатѣ сначала немного прихрамывая, круто останавливается передъ нимъ и окликаетъ его властнымъ голосомъ)

КАРЛЪ. Чего ты просишь?

БЕННИТЪ. Того, на что имѣю право.

КАРЛЪ. Ты вышелъ изъ народа, который съ самаго начала міра въ оковахъ дьявольскихъ лежитъ. Такъ говорить аббатъ изъ Фульды, Штурмъ.

БЕННИТЪ. Когда аббаты говорятъ, то сильный мужъ молчитъ въ отвѣтъ.

КАРЛЪ. Ты говоришь о правдѣ? Я для васъ суровый властелинъ,—и только. А право—право вы утратили, по собственной винѣ.

БЕННИТЪ. Проведите къ королю меня!

КАРЛЪ (смотреть на него съ изумленіемъ, потомъ проницательно улыбается). Давай прошеніе! Удовольствуйся пока хоть мною.

ПЕРВЫЙ КАПЕЛЯНЪ (выступая впередъ). Этотъ человекъ — саксонецъ Беннитъ, сынъ Гидди; родичъ его Ассигъ, сынъ Амалунга, недавно здѣсь, въ Аквисграпумѣ, умеръ, безъ исповѣди и причастья. Онъ нарушилъ клятву, нарушилъ миръ совмѣстно съ Беннитомъ и всѣхъ земель за то лишился, которыми владѣлъ отъ Верры и до Фульды: лѣсъ Бохонія, доставшійся въ наслѣдство ему и Бенниту, обратно отошелъ въ казну.

КАРЛЪ. У нихъ забрали наслѣдственные земли?

ПЕРВЫЙ КАПЕЛЯНЪ. Да, и по праву.

ВЕННИТЪ. Лжетъ попъ! Вѣрны мы были королю. Мы отступились лишь отъ кропиль-поповъ.

КАРЛЪ (успокаивая окружающихъ движеніемъ руки). Не мѣшайте. Пусть говорятъ!

ВЕННИТЪ. Кто бъ ни былъ ты, спаси меня отъ клятвопреступленья! Помоги исполнить мой обѣтъ. Дай мнѣ предстать предъ королемъ. Къ нему мнѣ укажи дорогу.

(Нѣсколько служителей смѣются)

КАРЛЪ (опять дѣлаетъ жестъ наумленія; съ возрастающимъ нетерпѣніемъ). Тебѣ нѣтъ далѣе пути. У цѣли ты.

ВЕННИТЪ. О, Ассигъ, братъ любимый, теперь я понялъ всю правду словъ твоихъ!.. Ты говорилъ, что легче чрезъ девять миль густого дѣвственнаго лѣса безъ топора и безъ меча пробраться, чѣмъ предстать предъ очи короля, отбившись отъ поповъ и королевскихъ слугъ при аахенскомъ дворѣ.

КАРЛЪ. Вотъ какъ! Вы слышите? Король, какъ видно, старъ становится. Говори свободно, сынъ мой. Вотъ за клятву клятва: когда тебя я слушаю, то слушаетъ король; а не услышу я—и онъ не будетъ знать, о чемъ ты просишь.

ВЕННИТЪ. Тремъ писцамъ, о господинъ, была бъ работа, когда бъ записывать такія обѣщанія: столько разъ я слышалъ ихъ!

КАРЛЪ (съ возрастающимъ гнѣвомъ, говоритъ властно и грозно). Клятва за клятву! Клятва за клятву, говорю тебѣ! Используй же свой часъ.

ЭРКАМВАЛЬДЪ (вполголоса Венниту). Да что съ тобой? Который изъ сотни вашихъ идоловъ затмилъ тебѣ глаза, что короля не хочешь ты признать?

ВЕННИТЪ (узнавъ короля, глядитъ на него блѣдный и растерянный).

ПЕРВЫЙ КАПЕЛЯНЪ (тономъ доклада). Итакъ, онъ просить. чтобы...

КАРЛЬ (капеляну). Молчи! (Венниту) Скажи мнѣ самъ въ чемъ дѣло?

ВЕННИТЪ (оправившись, твердо). Герзуинда, дочь брата, Ассига, который умеръ здѣсь — въ Аахенѣ, всего лишившись, въ бѣдности — была взята заложницей, какъ взяли у Ассига и у меня наслѣдіе отцовъ — по произволу, государь, — а не по праву. О дочери своей отецъ печалился — ты самъ отецъ, и это понимаешь — гораздо больше, чѣмъ о наслѣдьи отнятомъ и чѣмъ о тяжкомъ нарушеніи права — гораздо больше! Дочь его въ рукахъ мучителей.

КАРЛЬ (внимательно). Герзуинда? Кто это Герзуинда? Я какъ будто слышалъ это имя. Продолжай. Расскажи все по порядку. Не падай духомъ! Ты говоришь — вѣрно тебя ль я понялъ? — что Ассигъ домогался здѣсь, въ Аахенѣ, возврата правъ, а также, чтобы дочь ему вернули. Ни правъ, ни дочери возврата онъ не добился. Но право правомъ остается — все равно, терзаютъ ли его иль нѣтъ. Такъ будемъ говорить о дочери, томящейся въ мученьяхъ — а то вѣдь помощь можетъ опоздать. Гдѣ она живетъ и кто мученьямъ подвергаетъ дочь Ассига?

ЭРКАМВАЛЬДЪ (вмѣшиваясь). Два слова, господинъ, предъ тѣмъ, какъ будешь продолжать разспросы: Герзуинда, дочь Ассига, живетъ въ монастырѣ на Планѣ. И если была бы правда, а не ложь, что мучаютъ ее — то значить, мучители ея — помилуй Господи! — благочестивыя монахини. Кто знаетъ сестеръ почтенныхъ, пойметъ, какъ безразсуденъ, какъ безсмысленъ такой навѣтъ. Нѣтъ! Герзуинда — ее я знаю самъ — какъ бы сказать?.. дурного нрава, какъ я слышалъ отъ монахинь. Она... Ну то, что называютъ... Ну да, испорченный червивый плодъ... гнилой, червивый.

ВЕННИТЪ. Старикъ этотъ сѣдобородый, государь, надъ родомъ моимъ и брата Ассига глумится. Онъ

можетъ безнаказанно злословить: онъ твой капцлеръ—
а мы саксонцы!

(Карлъ стоитъ не двигаясь; всѣ остальные въ
ужасѣ отъ дерзости Веннита и выражаютъ
это знаками)

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Не я глумлюсь. Глумятся тутъ,
но не изъ устъ моихъ идетъ глумленье. Я жъ не только
не злословлю, а многое еще прикрасилъ... Довольно
намъ ты уши Герзуиндой прожужжалъ и такъ; а къ
королю пробравшись, ты вновь теперь скрежещешь то
же имя. Намъ некогда возиться съ Герзуиндой! У насъ
достаточно другихъ заботъ! Она въ рукахъ надежныхъ,
и воспитанье должное дается ей. Оставь же насъ въ
покоѣ!

ВЕННИТЪ. Вы это воспитаніемъ зовете!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Да, въ благопривіи ея воспиты-
ваютъ—какъ христіанскій велить законъ.

ВЕННИТЪ. Я не изъ робости стараюсь сдержать
свой гнѣвъ. Но знай: во мнѣ вся кровь вскипѣла. До-
вольна! О рубцахъ на тѣлѣ говорю я, а не о воспи-
таньи. О мучительствѣ, а не о благопривіи! Ты видишь,
государь, я сдерживаю ярость; ты видишь, бѣшенству
я волю не дамъ. Я кротокъ—есть на то причина. Я
молчу, хотъ прибѣжала ко мнѣ племянница съ крово-
подтеками на обнаженномъ тѣлѣ. По христіанскому
закону истерзали, замучили несчастнаго ребенка!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Долгъ христіанъ — покорство-
вать.

ВЕННИТЪ. Кому дитя покорствовать должно?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Богу.

ВЕННИТЪ. Богу! Не можетъ Богъ, вашъ Богъ хо-
тѣть... Не такой онъ Богъ, чтобъ заставлятъ ребенка
съ собачьей благодарностью въ глаза глядѣть, когда
при немъ глумятся надъ отцомъ и матерью! Нѣтъ, этого
не можетъ требовать ни франкскій Богъ, ни Богъ сак-
сонцевъ!

КАРЛЪ (очень спокойно). Боюсь, что сестры монастыря на Планъ — при всемъ почтении къ нимъ; напрасно ты головой качаешь, Эркамбальдъ — боюсь, я повторяю, что онѣ, конечно, желая лишь добра, все жъ иногда невѣрный избираютъ путь. Особенно...

ЭРКАМБАЛЬДЪ (невольно прерывая). Но, государь...

КАРЛЪ (продолжая внушительнымъ тономъ). Особенно, я говорю, съ заложницами поступаютъ онѣ не такъ какъ должно. Онѣ неосторожно касаются того, чего не слѣдуетъ, хотя не разъ и я, и люди мудрые со мною вмѣстѣ удерживали ихъ. Глубоко ранена душа у тѣхъ, кого насильно оторвали отъ близкихъ и родныхъ, отъ алтарей ихъ, скажемъ—идоловъ, хотя бѣ и для того, чтобъ приобщить ихъ къ лучшей жизни въ Богѣ. Такія раны не скоро заживаютъ — а монахини жестокосердно бередаютъ ихъ. Увѣщанья должны быть мягкими! Терпѣливымъ и вѣжнымъ воспитанье... Безполезны насилье и приказы. Нужно звать, манить сердца на путь спасенья, и потому...

ЭРКАМБАЛЬДЪ (не будучи въ силахъ сдержаться). Какъ собака, что возвращается къ блевотниѣ своей, такъ и отродье языческое ползетъ назадъ къ своимъ бѣсовскимъ идоламъ; палкой, кулакомъ и розгой пути преграждать имъ должно. И потому...

КАРЛЪ (продолжая говорить съ спокойнымъ упорствомъ). И потому призвать сюда мнѣ настоятельницу и ту, изъ-за которой онъ съ жалобой пришелъ—заложницу!

(Въ эту минуту являются, какъ бы по зову Карла, старая почтенная настоятельница монастыря; она ведетъ за руку Герзунду; ее сопровождаютъ еще нѣсколько монахинь. Герзундѣ около шестнадцати лѣтъ. Ея распущенные свѣтлые волосы доходятъ почти до земли)

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (нѣсколько запыхавшись отъ быстрой ходьбы; она спѣшила къ королю, чтобы предупредить жалобы Веннига). Государь, мы здѣсь!

КАРЛЪ (пораженный видомъ Герзуинды). Какъ?..

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Сестра Варвара прибѣжала, едва дыша. Ее позвали въ Палатинатъ... Она ночь провела у камерарія... то есть, сказать хотѣла я, у дочери его, которая—Господь ей помоги!—лежитъ въ горячкѣ. Такъ вотъ, Варвара прибѣжала, чтобы сказать, что Беннитъ, упорно насъ притѣсняющій ужъ много мѣсяцевъ—насъ бѣдныхъ, беззащитныхъ женщинъ!—теперь пробрался къ трону твоему. Я тотчасъ же позвала Герзуинду. Она еще спала; да и теперь глаза у ней слипаются. „Бодрствуйте!“ сказалъ Спаситель, — „ибо нѣсть кознямъ сатаны числа“. Вотъ мы пришли къ тебѣ, о, государь! Пришли, чтобъ защититься отъ навѣтовъ.

(Герзуинда, замѣтивъ Беннита, спѣшить къ нему, бросается въ его объятія и цѣлуетъ его, видимо радуясь свиданію)

БЕННИТЪ (королю). Взгляни туда!

КАРЛЪ (долго глядя съ изумленіемъ на Герзуинду). Какъ, ты... Такъ это Герзуинда?

БЕННИТЪ. Да, государь.

КАРЛЪ (тѣмъ же тономъ). Вѣрно. Герзуиндой ты звалась. (Обращаясь къ настоятельницѣ) Что все это значить? Герзуинда!

ГЕРЗУИНДА. Что, государь?

КАРЛЪ. Меня вѣдь знаешь ты. (Герзуинда утвердительно качаетъ головой и Карлъ продолжаетъ) Я расскажу тебѣ, что было, Рорико. Недавно, я разрѣшилъ себѣ короткий отдыхъ, уставъ грамматику твердить. И для того, чтобы провѣрить усвоенныя знанья, я въ монастырской школѣ вздумалъ на время стать учителемъ. Пришелъ всезнающимъ я въ школу къ ученицамъ. И вдругъ... Печально изъ огня да въ полымя попасть! Моя гордыня была посрамлена, Герзуинда знала многимъ больше, чѣмъ тогда я зналъ, чѣмъ знаю теперь и буду знать во вѣки. Не ослѣпи меня сіянье ярче, чѣмъ блескъ

серповъ въ день жатвы, чѣмъ блескъ мечей въ сраженіи, мной легко бы гнѣвъ и зависть овладѣли. Ну а теперь скажите: что произошло?

Н А С Т О Я Т Е Л Ь Н И Ц А. Она бѣжала! Свершила неслыханную дерзость, государь, и убѣжала—въ награду за любовь, за терпѣливыя заботы наши, за мольбы о ней, что горячо мы возносили къ небу ежечасно. За это все въ отплату она бѣжала. Ты видишь, государь, стою я предъ тобой, ломая руки. Горе, которое она намъ причинила, разбило сердце мнѣ. Чѣмъ я это за-служила? Не слушала она, когда Спаситель звалъ ее—а первому призыву дьявола сейчасъ вяла.

К А Р Л Ъ. Успокойтесь! Расскажите, какъ и почему она бѣжала?

(Настоятельница не можетъ удержать рыданій которыя мѣшаютъ ей говорить; тогда первая сестра, монастырская ключница, выступаетъ и говорить за нее)

С Е С Т Р А К Л Ю Ч Н И Ц А. Позвольте мнѣ вамъ рассказать. Она спустилась ночью по стѣнѣ, заросшей виноградомъ, на грядку мальвъ въ саду—ужь лучше умолчу, въ какой одеждѣ; дворъ пробѣжала, перелѣзла черезъ заборъ, по стволу дерева внизъ соскользнула. Ее увидѣлъ и окликнулъ сторожъ. Но она, оскаливъ зубы, какъ онъ говорить, такъ крикнула, какъ мышь летучая изъ преисподней. Отъ страха онъ ее не задержалъ. Прости его Господь!

Э Р К А М Б А Л Ъ Д Ъ. Передайте безъ лишнихъ словъ то, что я вамъ сказалъ. Тутъ случай именно такой... Вѣдь сказано: обвѣстесь зеркалами, и василискъ умретъ, свое увидѣвъ отраженіе. Вѣрьте тому, что я сейчасъ скажу: жила на свѣтѣ женщина одна и зачала въ пятнадцать лѣтъ отъ Асмодея—а зачавъ ребенка, обрекла его отцу. Та женщина—мать Герзуинды. Взгляните на нее. Иль лучше, не глядите. Въ ея глазахъ есть что-то, отъ чего тускнѣетъ зеркало. Подумайте, за что нашъ государь, великій Карлъ, ее хвалилъ: за мудрость, за

то, что не по-дѣтски умна она. Испугала она его, влaстителя народовъ! Теперь вы образумились, мать настоятельница, но прежде были во власти ея бѣсовскихъ чаръ. Отъ васъ я знаю многое про дикiй нравъ ея, въ которомъ видна власть дьявола. Вѣдь мы ужъ тридцать лѣтъ съ саксонцами воюемъ — такъ неужель предположить возможно, что праздны ихъ злые боги, что денно и ношно не думаютъ они о томъ, какъ сокрушить Господне царство и Его святую церковь?

ВЕННИТЬ. Смотрите—похожа развѣ она на дьяволицу? О, государь, верни свободу ей! Коль соловья или зяблика лишитъ свободы, конечно крыльями начнутъ они неистово о прутья клѣтки биться—чему тутъ удивляться? Такъ и она душой къ своимъ, ко мнѣ и къ братьямъ рвется—ко всей роднѣ далекой. Дудочки ей хочется попрежнему срѣзать съ бузиннаго куста, вдвоемъ съ гусятникомъ, или мчатся, волосы по вѣтру распустивъ, на быстрой лошади чрезъ рытвины и камни, вдыхая вольный воздухъ. Вотъ, что ей любо! Приручайте, монахини, звѣрей, въ плѣну рожденныхъ. Они привыкли къ рабству. А кто рожденъ свободнымъ—тотъ не покорится!

КАРЛЪ (поглядѣвъ твердо и пристально на Беннита и на Герзуинду, говоритъ Бенниту съ полнымъ спокойствiемъ). Откажись отъ Герзуинды!

ВЕННИТЬ (пораженный). Что ты сказалъ?

КАРЛЪ (спокойно, но съ властной твердостью, не допускающей возраженiя). Герзуинда останется на вашемъ попеченiи, монахини почтенныя. Но вы должны мнѣ поручиться, что строже, чѣмъ до сихъ поръ, за нею будете слѣдить. Беннитъ оставитъ городъ. Ты, жалобщикъ, или будешь за чертою Аахена до завтрашней зари, или голову тебѣ отрубить мечъ палача. Что жъ касается владѣнiй, о которыхъ ты споришь тутъ съ моими

судьями, то обещаю строгій и правый судъ тебѣ. Иди домой и мирно жди рѣшенья!

ВЕННИТЪ. Прощай, племянница! Иди! Иди по доброй волѣ. Еще видны на нѣжной кожѣ слѣды жестокихъ кулаковъ, недавно силой вырвавшихъ тебя изъ рукъ моихъ. Ступай!.. Беисилень я и всякую надежду потерялъ. Оставь меня! Сама носи, какъ можешь, свою судьбу. Помочь тебѣ не въ силахъ я!

(Онъ отталкиваетъ Герзуинду, которая съ тихимъ плачемъ прижалась къ нему, и быстро выбѣгаетъ. Монахини окружаютъ Герзуинду. По знаку Карла, Рорико быстро выводитъ женщинъ; вмѣстѣ съ ними уходитъ капеланъ и остальные слуги)

ЭРКАМБАЛЬДЪ (взявъ восковую дощечку, висащую у пояса). Теперь, когда поконченъ ничтожный споръ рѣшеньемъ твердымъ мудрости испытанной твоей, о многомъ иномъ мнѣ долготъ велить тебѣ напомнить. Много не свершеннаго еще рѣшенья ждетъ и дѣль. Во-первыхъ, ты хотѣлъ на римлянъ ополчиться, чтобъ прекратить позорный торгъ, чтобъ больше христіанъ не продавали въ рабство сарацинамъ. Хотѣлъ ты также въ Брюль побывать. И вотъ еще: изъ королевскихъ фермъ привезенъ сборъ яблокъ. Ты хотѣлъ самъ посмотреть и съ фермерами потолковать. Изъ Штейгервальда...

КАРЛЬ. Довольно! Удержи все это въ памяти. Потомъ напомнишь мнѣ.

ЭРКАМБАЛЬДЪ. Пипинъ, твой сынъ...

КАРЛЬ. Потомъ! Оставь меня теперь. (Эркэмбальдъ, изумленный, тихо отступаетъ, едва замѣтно покачавъ головой и удаляется; Карль, погруженный въ раздумье, стоитъ нѣсколько времени неподвижно у окна, затѣмъ говорить, повысивъ голосъ) Рорико!

РОРИКО (подходя къ нему). Что, государь?

КАРЛЬ. Что я хотѣлъ сказать?.. Ахъ да, призвать хотѣлъ я дочерей... Иль нѣтъ, хочу вдвоемъ съ тобой

охотиться; потомъ пойдёмъ въ источникъ горячемъ искупаться. День сегодня, какъ видно, будетъ пасмурный.

РОРИКО. Нѣтъ, государь. День солнечный и ясный.

КАРЛЪ (задумчиво). Свѣтла какъ мѣсяцъ, и лицо святой! Ты раньше не видалъ ее?

РОРИКО. Я, государь?.. Нѣтъ...

КАРЛЪ. Гдѣ видѣлъ ты ее?

РОРИКО. Я?.. Право, мнѣ трудно въ точности сказать... И наконецъ, я ошибаюсь; можетъ быть, я никогда ее не видѣлъ.

КАРЛЪ. Послушай, Рорико: когда мой взоръ, уже уставшій—я слишкомъ много глядѣлъ вотъ этими двумя глазами, что съ юности и до сихъ поръ безъ отдыха служила мнѣ, и ночью, когда другіе спали, а я свѣтъ снова зажигалъ... Что я хотѣлъ сказать? Ахъ да: когда мой взоръ встрѣчаетъ такую, какъ у этой дѣвочки, головку, ему отрадно: онъ таетъ, молодѣетъ, блуждая по свѣтлой нивѣ, и сердце старое въ груди мнѣ молодить. Ты понимаешь это?

РОРИКО. Почти что понимаю, государь.

КАРЛЪ. Почти? Ну хорошо, съ меня довольно, — пускай почти!.. Нѣтъ, Рорико, пойми меня вполне. Вѣдь для того тебя приблизилъ я къ себѣ. Золото волосъ на головѣ ребенка... Сѣтъ невинности изъ нитей золотыхъ, тончайшихъ... Не чудо ль это?

РОРИКО. Она прекрасна,—я не отрицаю. Но...

КАРЛЪ. Тотъ колпака дурацкаго достоинъ, кто равнодушенъ, какъ вотъ канцлеръ Эркамбальдъ, при видѣ красоты и юности и, ротъ раскрывъ, слюною брызжетъ, ругаясь и ворча! Вѣдь это, я думаю, хотѣлъ сказать ты? Отъ подобной расслабленности старческой храни меня Господь! Что новаго?

РОРИКО. Приходили ко мнѣ старѣйшины евреевъ: они хотятъ построить синагогу, и Эркамбальдъ все медлитъ дать отвѣтъ о мѣстѣ для постройки.

КАРЛЪ. Какъ поживаетъ твоя красотка?

РОРИКО (испуганно). Кто? Господи помилуй! Ни о какой красоткѣ я не знаю.

КАРЛЪ. Ни о какой? Ты ничего не знаешь объ Эссири, вѣтрогонъ?

РОРИКО. Ахъ, вы о ней...

КАРЛЪ. Конечно.

РОРИКО. Когда она узнаетъ, что милостиво вспомнилъ о ней великій государь—она отъ радости вся загорится.

КАРЛЪ. И тебѣ пожаръ тушить придется. Ахъ, Рорико! Когда бъ я могъ стать снова молодымъ, я бы за это отдалъ—мой сѣдны. Послушай! Я замыслилъ... попробуй угадать! Не о Гримуальдѣ и не о Видукиндѣ я думаю теперь, который, говорятъ, отраву сыплетъ въ мои колодцы. Нѣтъ! Рѣшилъ я...

РОРИКО. Устроить школу для дѣтей еврейскихъ?

КАРЛЪ. Не угадалъ. Вотъ въ чемъ мое рѣшенье... Не думай, что мнѣ непременно нуженъ молчаливый канцлеръ—я и съ болтливымъ справлюсь. Но сегодня его мнѣ видѣть не охота. Тебѣ я порученье тайное даю—и вотъ какое: рѣшенье принялъ я вмѣшаться въ жизнь Герзуинды. Мнѣ жаль ее; она широкими глазами, съ такимъ отчаяньемъ и такъ беспомощно на горькую глядитъ судьбу свою. Пусть это прихоть—все равно: хочу я дать свободу ей. Хочу открыть ей клѣтку. Но я боюсь, чтобъ коршунъ не налетѣлъ, когда голубка выпорхнетъ изъ клѣтки—и потому рѣшилъ не открывать пока. Хочу поговорить я съ глазу на глазъ съ нею. Теперь ты понялъ?

РОРИКО (взумленно). Да, государь.

КАРЛЪ. Такъ поспѣши, пока я не раздумалъ.

РОРИКО. Прости—въ чемъ порученье?

КАРЛЪ. Вотъ въ чемъ: иди и приведи сюда мнѣ Герзуинду—одну. Будь только ты при ней—никто другой пусть не приходитъ. Сдѣлай это безъ шума. Ахъ

ты умѣешь... Затѣмъ, ѣдою подкрѣпившись и душу освѣживъ, пойду я на охоту.

(Слуги приносятъ на серебряномъ столикѣ завтракъ Карлу; другіе вносятъ воду для омовенія рукъ въ серебряномъ кувшинѣ и серебряный тазъ. Капелянъ, не прежній, а другой, вноситъ фоліантъ, который ставитъ на пюпитръ и открываетъ. Рорико уходитъ съ поклономъ. Ученикъ придворной школы, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, становится возлѣ Карла, держа въ рукахъ дощечки для писанія. Карлъ садится на кресло; ему пододвигаютъ столикъ, льютъ воду на руки и капелянъ откашливается, намѣреваясь начать чтеніе)

КАРЛЪ (дѣлая знакъ рукою капеляну). Нѣтъ, сегодня читать не будемъ Августина.

(Капелянъ удаляется, поклонившись. Король Карлъ садится за ѣду)

КАРЛЪ (во время ѣды). Ну что, скажи мнѣ, мальчикъ: не трещалъ сегодня потолокъ, какъ прошлой ночью, по твоимъ словамъ? Что это значитъ? Ужели стѣны рушатся въ дворцѣ, не дожидаясь, чтобы сокрушилъ ихъ датчанинъ Готфридъ? Что шепчутъ прорицатели? Что сочтены дни короля? Конечно, сочтены — какъ ваши, какъ сочтенъ и волосъ каждый на глупой головѣ твоей. Запиши: король нашъ Карлъ, въ теченіи долгой жизни своей, разъ десять становился старымъ и снова молодымъ. А умереть онъ, когда на то Господня воля будетъ — а не тогда, когда въ дворцѣ трескъ потолка услышать.

(Рорико вводитъ снова Герзунду, разговаривая съ ней. Въ противоположность своему первому появленію, она теперь по-дѣтски оживленна и весела. Услышавъ голосъ Карла, она внимательно прислушивается)

КАРЛЪ (слегка смущенный). Вотъ это хорошо! Хвалю! Я вижу, ты пришла открыть мнѣ одному—и даже Рорико, я думаю, тутъ лишній—твои желанья и тревоги, чтобъ мы вдвоемъ рѣшили, какъ къ лучшему все из-

МѢНИТЬ. (По его знаку всё, кромѣ Герзуинды, удаляются. Оставшись съ нею наединѣ, онъ продолжаетъ) Говори безъ всякаго стѣсненья, Герзуинда.

ГЕРЗУИНДА (съ серьезнымъ, нѣсколько выжидательнымъ, лукавымъ выраженіемъ лица). Хочу свободной быть!

КАРЛЪ. Ну да, ты хочешь... Тянетъ тебя на родину, въ лѣса, гдѣ на стволахъ старинныхъ буковъ висятъ еще изображенья языческой богини Фрей, а не Маріа, матери Господней. Вернуться къ дядѣ - дикарю ты хочешь...

ГЕРЗУИНДА. О, нѣтъ! Хочу я быть свободной и отъ дяди.

КАРЛЪ. Что? Вѣдь ты рыдала тутъ въ его объятяхъ.

ГЕРЗУИНДА (пожимая плечами). Я плакала, чтобъ онъ не огорчался. Къ тому же...

КАРЛЪ. Что: къ тому же? Продолжай...

ГЕРЗУИНДА. Къ тому же, когда плачутъ старики, готова я рыдать... чтобъ не расхохотаться.

КАРЛЪ (отталкивая отъ себя столікъ). Что ты сказала?

ГЕРЗУИНДА. Только правду. Больше ничего.

КАРЛЪ (опять спокойнымъ тономъ). Дитя... Но если вникнуть въ то, что ты сказала—и какъ сказала... Отвернувъ лицо, чтобы не видѣть, кто предо мной стоитъ, я слышу голосъ—совсѣмъ не дѣтскій. Повтори, чтобъ понялъ я, чего ты хочешь.

ГЕРЗУИНДА (ваглянувъ на него значительно). Я и молчать могу.

КАРЛЪ (сначала изумленно, потомъ быстро). Нѣтъ, говори. Открой мнѣ душу, не робѣя.

ГЕРЗУИНДА (очень непринужденно). Я робости не знаю. Что случилось бы со мной, будь я пуглива? Что унесла бы изъ краткой жизни, во всемъ враждебной мнѣ, которой завтра, можетъ быть, конецъ наступить, когда бъ я знала страхъ?

КАРЛЪ. Ты знаешь, кто съ тобою говорить?

герзуинда. Конечно. Ты старикъ, я знаю — и жизнь твоя ужъ позади. А я—что въ прошломъ у меня? Почти что ничего. Что впереди? Быть можетъ, тоже пустота. Ты сытъ и потому меня понять не можешь.

карль. Откуда знаешь ты, что старикамъ невѣдомъ голодъ?

герзуинда. О да, ты голодень, я вижу ясно. Вижу потвоимъглазамъ. Больноотъ взглядовъ старика. Въ нихъ свѣтится мольба, какъ у собаки, которую прибили. Ваглядъ старика—взглядъ утопающаго.

карль (съ напускной веселостью). Довольно! Лучшаго пловца чѣмъ Карль нѣтъ на свѣтѣ. И не родился тотъ, кто волны болѣе широкимъ взмахомъ разсѣкаетъ, чѣмъ Карль. И шея тоже ни предъ кѣмъ еще король не гнулъ. Больно—я знаю—отъ взгляда короля, когда онъ гнѣвно смотреть; но только потому, что взглядъ его сверкаетъ, какъ молнія на потемнѣвшемъ небѣ. Послушай. Скажи мнѣ ясно и коротко: что сдѣлать для тебя?

герзуинда. Позволь мнѣ жить, какъ я хочу.

карль. А какъ ты хочешь жить?

герзуинда. Идти моимъ путемъ, чтобы никто не спрашивалъ меня, куда иду, чтобы никому я не была обязана сказать, откуда я пришла.

карль. Странное желанье для лѣтъ твоихъ, дитя. Ты сама не понимаешь, вижу я, чего ты просишь. Ты не знаешь, какъ много бѣдъ таится вокругъ тебя. Не знаешь, что стоитъ бабочкѣ, такой какъ ты, разъ или два надъ лужей пролетѣть — особенно здѣсь, въ Аахенѣ,—и горихвостка, или синица сейчасъ ее поймаетъ и проглотитъ. Я не хочу твоей гибели. Я добра тебѣ желаю, Герзуинда. Проси того, что будетъ благомъ для тебя.

герзуинда. Я ничего другого не прошу.

карль. Хорошо. Исполню твою просьбу я. Но скажи—мнѣ одному и никому другому—что ты съ свободой сдѣлаешь?

ГЕРЗУИНДА. Ничего. Я буду дѣлать то, что мнѣ пріятно.

(Карлъ поднимается и ударяетъ кулакомъ о металлическую доску, висящую между коловнами. На этотъ звукъ является Рорико)

КАРЛЪ. Послушай, Рорико. Вотъ эта свѣтловоло- сая упряmica свободна. Она пойдетъ куда захочетъ. Не заложница она, никто ее не опекаетъ и не воспитываетъ въ монастырѣ. Никто ее не держитъ. Куда бы ни пошла она, никто ей путь не преграждаетъ — хотя бь она стояла въ двухъ шагахъ отъ пропасти слѣпая, никѣмъ не защищенная. Не первая она съ небесной силой юности свершить глубокое паденье въ адъ.

(Онъ уходитъ, не оборачиваясь. Герзуинда глядитъ ему вслѣдъ подобострастнымъ взглядомъ, пока онъ не исчезаетъ. Оставшись съ нею наединѣ, Рорико подходитъ къ ней и говоритъ твердо, почти сурово)

РОРИКО. Куда пойдешь?

ГЕРЗУИНДА (страстнымъ шопотомъ). Возьми меня съ собой, красавецъ!

РОРИКО (сначала испуганно отступаетъ, потомъ громкимъ голосомъ). Да, я возьму тебя какъ змѣйку желтую и за- щемлю раздвоеннымъ сучкомъ, чтобъ не могла ни языкомъ вертѣть, ни жалить. Идемъ плутовка, демонъ! Уходи изъ дома короля.

(Онъ держитъ ее двумя пальцами за воротъ платья и, отталкивая ее отъ себя, уходитъ)

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Помѣстье короля Карла въ окрестностяхъ Аахена. Открытая колоннада съ дверью въ домъ изъ сада. Широкія ступени спускаются въ садъ; старыя деревья покрыты осенней пожелтѣвшей листвою. На заднемъ планѣ освѣщенный солнцемъ скатъ, обросшій виноградомъ. Ясное осеннее утро нѣсколько дней послѣ перваго дѣйствія)

(Канцлеръ Эркамбальдъ ходитъ между колоннами, сильно возбужденный. Графъ Рорико выходитъ изъ дома)

ЭРКАМБАЛЬДЪ (взволнованно). Ну что, графъ Рорико? РОРИКО. Напрасны всѣ старанья, благородный канцлеръ.

ЭРКАМБАЛЬДЪ. Не хочеть меня принять? Опять не хочеть? Дѣлъ скопилась цѣлая гора, а онъ меня къ себѣ не допускаетъ. Я милости его лишился? Хорошо. Нѣтъ,—плохо, я хотѣлъ сказать. Но это измѣнить нельзя. Его довѣрія не обмануль я, и на другія плечи съ спокойной совѣстью могу взвалить я бремя. Кто-нибудь вѣдь долженъ его нести—не то весь міръ въ смятеніе придетъ. Что тутъ происходитъ? Скажи мнѣ правду безъ утайки.

РОРИКО. Я ничего другого не могу сказать, какъ то, что нечего сказать мнѣ. Король сюда почти бѣжалъ; онъ никого не хочеть видѣть, не хочеть говорить ни съ кѣмъ и самъ почти ни слова не произноситъ. Ища уединенья, собакъ онъ гладить, приносить свѣжую траву оленямъ молодымъ и ловить ящерицъ. Когда ему недавно говорилъ я, что міръ съ узды сорвался, какъ лошадь дикая—онъ мнѣ отвѣтилъ: пусть убѣжитъ. Что за бѣда!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Нѣтъ, графъ, мнѣ мало того, чѣмъ ты считаешь нужнымъ мою тревогу успокоить... Не могу я этимъ удовольствоваться. Если ты мнѣ другъ и доказать желаешь дружбу, то скажи открыто: когда, въ какую несчастную минуту, въ бесѣдѣ съ королемъ разгнѣвалъ я его?

РОРИКО. Быть можетъ тогда, когда заложницу...

ЭРКАМВАЛЬДЪ. А, вотъ что! Заложница, ты говоришь? Заложница!.. Такъ помоги мнѣ.

РОРИКО. Пустое это, благородный канцлеръ, совсемъ пустое. Тотъ, кто великихъ замысловъ исполненъ на малое не долженъ вниманья обращать. Но все же сказать тебѣ я долженъ: въ душѣ великаго вождя и повелителя, въ главѣ, гдѣ большее таятся за челомъ высокимъ, чѣмъ—прости!—у всѣхъ насъ здѣсь... въ главѣ державной Карла внѣдрилось это глубоко, и все застлало какъ сорная трава.

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Объясни точнѣе—ты развѣ думаешь..?

РОРИКО. О Герзуиндѣ вспомни!

ЭРКАМВАЛЬДЪ (внезачно догадываясь). Я такъ и думалъ; накажи меня Господь! Но вотъ минута, когда ты можешь просвѣтить меня, графъ Рорико... Назвалъ ты имя Герзуинды. Что жъ дальше?

РОРИКО. Да только то, что мысли короля всецѣло ею заняты.

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Въ какомъ же смыслѣ мысли короля всецѣло ею заняты?

РОРИКО. Объ этомъ ты спроси другого—кто мудрѣй меня. Спроси британскаго магистра—онъ въ каждомъ смыслѣ дастъ тебѣ отвѣтъ.

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Ты уклониться хочешь отъ отвѣта, графъ? Но вотъ что ты навѣрное знать долженъ: скажи мнѣ, почему заложницѣ саксонской, съ которой такъ милостиво говорилъ король, собрать вѣлѣли вещи и съ узелкомъйти? Почему не допустилъ король къ себѣ

монахинь, приходившихъ за нее просить? Почему король, съ жестокостью, къ которой я непричастенъ, прогналъ ребенка беззащитнаго въ глухую ночь?

РОРИКО. Властитель міра порой бываетъ милостивъ. И если отсюда онъ ее изгналъ, отдавъ на растерзанье дикимъ звѣрямъ, то этимъ лишь ея исполнилъ волю. Но слышу я его шаги. Прости...

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Тотъ, кто на первомъ мѣстѣ послѣ короля стоитъ, съ душой обремененной заботами страны и короля—какъ воръ накрытый принужденъ бѣжать!

(Онъ поспѣшно уходитъ. Вскорѣ послѣ того входитъ изъ тѣнистой аллеи сада король Карлъ, въ деревенской одеждѣ, съ садовымъ ножомъ въ рукѣ. Онъ ходитъ выпрямившись, съ гордой властной осанкой. У него видъ укрывающагося благороднаго звѣря. Узнавъ Рорико, онъ медленно приближается, не глядя на него. Рорико стоитъ въ выжидательной позѣ)

КАРЛЪ (подходя вплотную къ Рорико и протягивая ему листья каштановаго дерева). Ты любишь горькій запахъ пожелтѣлыхъ листьевъ?

РОРИКО. Люблю—но не тогда, когда первинки желтыя въ поляхъ растутъ.

КАРЛЪ. Желторотый птенецъ!

РОРИКО. Ты мнѣ даруешь этотъ титулъ, король Карлъ?

КАРЛЪ. Да, къ другимъ въ прибавку: повѣса ты и вѣтрогонъ!

РОРИКО. И эти титулы, хотя не заслужилъ я ихъ,—какъ и другіе—охотно принимаю. Но болѣе всего подходитъ первый мнѣ—за то, что я въ лицо глядѣть дѣраю господину міра.

КАРЛЪ. Почтительность не повредила бы тебѣ, мой сынъ—да и мнѣ тоже. Но только не хочу чрезмѣрнаго благоговѣнья. Не то меня вы прикуете къ трону, къ коронѣ голову мнѣ припаявъ. Не нужно меня молитвами упитывать, какъ идоловъ восточныхъ. Не

Богъ я! Я созданъ Бога почитать, какъ всякій изъ подданныхъ моихъ. Какъ всякій среди нихъ, я устаю, бываю голодень, и пить хочу, когда приходитъ время. И грѣшенъ я, совсѣмъ какъ ты. Вотъ отгадай загадку! Что это такое: глаза откроешь—при тебѣ оно и вмѣстѣ съ тѣмъ не при тебѣ. Прогонишь—оно бѣжитъ, тебя же за собою увлекая. Поймать захочешь—въ руки не дается. Хочешь отряхнуть—оно все глубже въ душу проникаетъ. Сжигаешь—тѣмъ сильнѣе жжетъ тебя оно. Въ морѣ ледовитомъ захочешь утопить—но, глядь, и море закипаетъ. Ледъ шестидесяти зимъ трещитъ и таетъ, испаряется отъ зноя. Нѣтъ, не загадка это, а болѣзнь, мой другъ.

РОРИКО (послѣ долгаго молчанья). Отъ франковъ, столь много бѣдствій пережившихъ, да отвратить Господь такое горе, тягчайшее изъ всѣхъ! Да сохранить Онъ твой духъ и плоть твою на радость намъ. Но долгъ повелѣваетъ мнѣ призвать врача, хотя бѣ и легкимъ было недомоганіе твое. Вели, и Винтера, врача придворнаго, я позову...

КАРЛЬ. Чтобъ о недугѣ говорить, ужели нужно больнымъ быть самому? И даже будь я боленъ, — не тому, чье имя зиму означаетъ, отъ этого недуга исцѣлить меня. Свѣгъ, опушившій голову мою, свидѣтель, что не зимѣ уврачевать мою горячку. Довольно говорить загадками. Что новаго тамъ, въ Аахенѣ?

РОРИКО. Не достаетъ главы, и члены тѣла стали безголовны.

КАРЛЬ. Пускай попрыгаютъ, давь отдыхъ головѣ.

РОРИКО. Ждутъ посланнныя, говорятъ они. Приходятъ вѣсти грозныя изъ Даніи, отъ короля. Забывъ о пораженьи при Блейденфледѣ, опять онъ нападаетъ—такъ говорятъ—на насъ съ огромнымъ флотомъ. Канцлеръ умоляетъ принять его съ докладомъ.

КАРЛЬ. Пускай хвастливый грозить датчанинъ—снимать тѣмъ временемъ я буду виноградъ поспѣвшій.

ни мало не тревожась. Грозилъ вѣдь также вождь аваровъ, что чрезъ меня перешагнетъ въ dospѣхяхъ. И многіе другіе грозили вмѣстѣ съ нимъ—и проползали межъ ногъ моихъ потомъ, когда я разставлялъ ихъ широко. Только стать на ноги мнѣ нужно было, чтобъ черезъ нихъ перешагнуть... Не радостно царить—не радость и побѣда! Не стоитъ и противъ слабыхъ воевать и слабыхъ защищать.. Тебя прошу—о томъ заботься лишь, чтобы никто сквозь стражу не пробрался. А теперь скажи—потомъ тебя я отпущу; хочу одинъ остаться—скажи, не помнишь ли, что случилось съ той заложницей—ты знаешь—которую къ себѣ я призывалъ дней пять иль шесть тому назадъ. Дочь она была строптиваго саксонца. Она вернулась въ монастырь?

РОРИКО (послѣ короткаго колебанія). Нѣтъ, государь. Карлъ. Не вернулась?

РОРИКО. Нѣтъ.

КАРЛЪ. Она пропала?

РОРИКО. Въ монастырь она не возвращалась.

КАРЛЪ. Все было сдѣлано, какъ я велѣлъ?

РОРИКО. Твой приказъ былъ въ точности исполненъ. Ей дали узелокъ, вложивъ туда вина и хлѣба, а также золота, и много разъ ей повторили, что ждуть ее обратно, и потому не запираютъ воротъ монастыря.

КАРЛЪ. Такъ значитъ, уходя—вотъ главное—она навѣрно знала, что въ каждый часъ и дня и ночи ей приходу будутъ рады чрезвычайно?

РОРИКО. Знала.

КАРЛЪ. И не вернулась?

• РОРИКО. Нѣтъ.

КАРЛЪ. Прощай, безумная, миръ праху твоему!.. Ахъ да, чтобъ не забыть! Вели мнѣ принести копье. Мы будемъ въ цѣль метать. Мнѣ тѣсенъ мой камзолъ и давить грудь. Ей нуженъ панцырь. Ты видишь, Рорико: рука моя тверда и силу прежнюю не потеряла.

Есть на лицѣ морщины, правда, но взоръ не потускнѣлъ. (По знаку Рорико изъ кустовъ выходятъ охотники съ копьями. Карлъ, взявши у одного изъ нихъ копье, продолжаетъ) Дай мнѣ копье, и въ самую средину я попаду. Въ этомъ тебѣ не уступлю я... Вотъ только то, что льнуть къ тебѣ красотики юныя—меня же навѣщаетъ лишь призракъ старости. Онъ ходитъ рядомъ и кашляетъ по-стариковски. Ночью приползаетъ ко мнѣ въ постель, и холодно его прикосновение. Насмѣшливо грозитъ онъ въ камень превратить меня, съ ногъ начиная и все выше и выше. Ты слышишь, Рорико? Живого въ камень превратить... Ну да что тамъ! Не сможетъ призракъ Карла устроить. Окаменѣла, правда, лѣвая нога—но живо сердце, и правая рука жива. Умри, распутная старуха! (Съ большой силой бросаетъ копье) Вотъ лозунгъ мой.

РОРИКО (стоя у мишени, которую тѣмъ временемъ поставили, и въ центрѣ которой торчитъ копье Карла). Мастерски метнулъ. Въ самую средину копье вонзилось и славить, трепеща, искуснаго стрѣлка.

КАРЛЪ (быстро). Она не умерла?

РОРИКО. Кто?

КАРЛЪ. Я знать хочу, не умерла ль святая?

РОРИКО. Святая?

КАРЛЪ. Та, о которой я говорю. Погубить ее внушилъ мнѣ дьяволъ—затѣмъ, что разрушать великое блаженство.

РОРИКО. Жива она, мой повелитель.

КАРЛЪ. Она жива?

РОРИКО. Да. Но, увы, святой назвать ее нельзя.

КАРЛЪ. Мой Рорико, тутъ мѣсто, какъ будто созданное для школьничковъ, какъ мы, сбѣжавшихъ, чтобъ на свободѣ позабавиться. Скажи, рассказывай: жива она? гдѣ, какъ она живетъ? Пришла въ лохмотьяхъ, растрепавшись? Пала духомъ?

РОРИКО. Едва ли.

КАРЛЪ. Повытряхни суму. Дай все, что есть. Вѣдь я твой гость, не заставляй меня просить. И спрашивать не заставляй. Легкимъ и свѣтлымъ облачкомъ окутала мнѣ душу радость. Теплый, благодатный дождь мнѣ сердце освѣжилъ, и отъ него текутъ ручьи и нивы зеленѣютъ; въ кустахъ дрозды ликують молодые. Она жива! Значенье, правда, небольшое такая жизнь имѣеть. Изъ года въ годъ серпы моихъ жнецовъ срѣзаютъ жатвы многимъ покрупнѣй. Но въ душѣ упрямой разверзлось небо отъ радости, что бьется сердце бѣднаго ребенка и что ее не погубила моя жестокость.

РОРИКО. Позволь открыто говорить. Я вижу, что милость небывалую мой государь на небывало недостойную пролилъ... И потому открытъ я долженъ правду. Герзуинда, заложница саксонская, которую безумной, правда, вѣтренной, но все жъ невинной ты считаешь—она безумна, легкомысленна, конечно, но болѣе того—преступна! Правда, никогда обмана власть подобную я не видалъ, а также столь лживаго подобья чистоты. Подумать можно, что если хлѣбъ причастья ей въ чистыя вложить уста, то расцвѣтетъ онъ и сохранится въ святилищѣ нетлѣннымъ тысячи годовъ. Съ чела ея какъ будто струи очищенія текутъ—и все жъ ея дыханье ядъ, погибель, ужасъ, государь!

КАРЛЪ. Подожди. Не сразу все, а постепенно, каждое отдѣльно разкажи. Слишкомъ новымъ, тернистымъ ты идешь путемъ. Замедли шаги твои. Если грѣшница она и бѣсомъ одержима, какъ убѣждалъ насъ канцлеръ, то чѣмъ, скажи, грѣшна она?.. Чтобъ въ этомъ ее мы покарали! Въ чемъ наибольшей грѣхъ ея?

РОРИКО. Въ чемъ? Возьми ты чистоту, настолько присущую ея годамъ, что за нее ребенка нельзя хвалить. И тотъ порокъ возьми, что на могилѣ невинности живетъ, безстыдно ею утучняясь; ихъ сравни—и будешь знать.

КАРЛЪ. Хорошо... Но ты откуда это знаешь?

РОРИКО. Почти во всемъ она сама призналась мнѣ.

КАРЛЪ. Аи, аи, графъ Рорико! Прошу прощенья...

РОРИКО. Пристыдить меня ты чѣмъ-то хочешь? Что долженъ я простить? Во многомъ изъ года въ годъ я былъ виновенъ предъ королемъ, и онъ прощалъ *мнѣ* въ милости великой. Но въ этотъ разъ я за собой вины не знаю. Она за мною побѣжала—говорю открыто—и ухватилась за меня, хотя сурово я оттолкнулъ ее. Она не отставала, а мною овладѣло—хотя я не святой—къ ней омерзенье... большее, чѣмъ страхъ. Все въ ней мнѣ было непонятно, всѣ чары казались порожденьемъ чуждой силы. Отвращенье наполнило мнѣ душу — и не взялъ я того, что въ руки мнѣ давалось.

КАРЛЪ (блѣднѣя). Взгляни мнѣ, Рорико, въ глаза!

РОРИКО (безстрашно и открыто глядя ему въ глаза). Что, король Карлъ?

КАРЛЪ. Продолжай.

РОРИКО. Я признаю, что странно такъ поступать, какъ я, и все жь.. Приступомъ я бралъ и менѣе прекрасныхъ дѣвъ. Я не святой, а также не трусливъ. Однако, хотя щадить тутъ было нечего и завоевывать лишь собственную шею приходилось, ее изъ рукъ сплетенныхъ дѣвушки освобождая, я оказался—что вовсе не почетно въ подобныхъ случаяхъ—героемъ стойкимъ.

КАРЛЪ. Что дальше?

РОРИКО. Вотъ что случилось съ нею не дальше чѣмъ вчера. Ночью, ты знаешь, выпалъ иней, и утро все лежалъ, пока на солнцѣ не растаялъ... Ну, словомъ, вечеромъ вчера ее я снова подобралъ—или, вѣрнѣе, она меня подстерегла, окликнула и побѣжала за мною вслѣдъ до самой калитки сада, гдѣ съ лошади сошелъ я.

КАРЛЪ. За лошадей твою она бѣжала?

РОРИКО. Да. Три мили пробѣжала она за мною. Я пустилъ галопомъ лошадь, и она летѣла вслѣдъ.

КАРЛЪ. Окрылены, што-ль, ноги у нея?

РОРИКО. Быстрѣй она бѣжитъ, чѣмъ звѣрь лѣсной, спасаясь отъ собакъ: ловка на рѣдкость и легка какъ пухъ. Я сжалился надъ нею, наконецъ, и крикнулъ:— За кѣмъ ты мчишься? Отвѣтъ былъ:— За тобой! Опять ей крикнулъ я:— За дьяволомъ, а не за мною!— Нѣтъ, за тобой!— За падалью ты, какъ собака, гонишься, ей крикнулъ я, сильнѣй прищпоривъ лошадь.— Остановись, ты упадешь, опять сказалъ я.— Сердце не выдержитъ и разорвется. Передохни, не то умрешь ты, не покаявшись въ грѣхахъ.

КАРЛЪ. А что жъ она въ отвѣтъ?

РОРИКО. Пронзительно и дико захохотала.— Убирайся въ свой монастырь! я крикнулъ въ бѣшенствѣ— иль уползи обратно въ аахенскій притонъ, куда меня домчалъ мой конь, отъ страха ноздри раздувая, и гдѣ, на горе мнѣ, тебя я подобралъ!

КАРЛЪ. Не благородно съ нею ты поступилъ.

РОРИКО. Не благородно, знаю — не только съ нею, но и съ собой. Все жъ не хотѣлъ ее ударить и не рѣшался оставить въ полѣ. Все бѣшенство свое изливъ, я вспомнилъ притчу о добромъ самарянинѣ, и, завернувъ ее въ мой плащъ, повезъ къ себѣ домой. Сгарикъ привратникъ прекрестился, увидѣвъ насъ: меня за поводъ держащимъ лошадь, ее закутанной въ сѣдлѣ.

КАРЛЪ. Куда же вы пріѣхали?

РОРИКО. Сюда.

КАРЛЪ. Гдѣ остановились?

РОРИКО. У сенешаля стараго, близъ входа въ садъ.

КАРЛЪ. Такъ, значитъ, Герзуинда...

РОРИКО. Здѣсь, къ сожалѣнью: пока она на попеченьи сторожа, приставленнаго къ виноградникамъ, и въ домикѣ живетъ его.

КАРЛЪ (поднимается, долго смотритъ въ лицо Рорико и затѣмъ раздражается нѣсколько искусственнымъ смѣхомъ). Такъ

вотъ какимъ рассказомъ, Рорико, прикрыть ты захотѣлъ на рѣдкость смѣлую, безумную продѣлку? Зачѣмъ такъ много словъ? Ты мастеръ свѣти разставлять. И неужели я для того на волю птичку отпустилъ, чтобы стрѣла твоя попала ей въ нѣжный пухъ? Боюсь, не хватить, безумный графъ, на этотъ разъ, терпѣнья моего и дочери моей Ротрауты. Она, ты знаешь, слѣдитъ за благоправемъ при дворѣ.

РОРИКО. Мнѣ больно, что ты дурно судишь о своемъ слугѣ.

КАРЛЬ. А мнѣ, что соблазнилъ ты дѣвочку, и дерзко на нее жъ клеветцешь. Довольно! Въ томъ, что случилось, я виновенъ. Но для того, чтобы не умножать вины, рѣшилъ я зову внять Господню; орудіемъ тебя избралъ Онъ, чтобъ снова ко мнѣ приблизить Герзуинду. Хочу я снова повидать ее и снова попытаться, не сможетъ ли совѣтъ разумный, соединенный съ властью, исправить то, что злого сотворила чрезмѣрная поспѣшность. Ты вздрогнулъ? Не знаешь развѣ, что милость короля не долговѣчна... Вотъ мой приказъ: пусть, ничего не говоря ей, Герзуинду приведутъ сюда, чтобъ погулять среди кустовъ и грядъ. Затѣмъ, пусть всѣ ее оставятъ, и я ее какъ бы случайно встрѣчу.

(Рорико удаляется съ поклономъ. Карль стоитъ задумавшись. Потомъ онъ оглядывается, чтобъ убѣдиться, что онъ одинъ, и замѣчаетъ двухъ ратниковъ, которые, стоя въ отдаленіи, ждутъ его приказаній)

КАРЛЬ. Унесите копья. (Они вынимаютъ копье Карла изъ мишени и увозятъ самую мишень) Скажи, охотникъ, кто тамъ надъ бузиной склонился у домика, въ которомъ живетъ садовникъ?

1-ЫЙ ОХОТНИКЪ. Дѣвочка какая-то.

КАРЛЬ. Не ввучка ли садовника?

1-ЫЙ ОХОТНИКЪ. Быть можетъ и она. Но нѣтъ; волосы черны какъ смоль у той—у этой золотые.

КАРЛЪ. Узнай, кто эта дѣвушка. Иль нѣтъ —
уйдѣтс.

(Охотники удаляются, слышенъ громкій смѣхъ Герзуинды. Король блѣднѣетъ, стоитъ не двигаясь и пристально смотритъ въ направленіи, откуда появляется, наконецъ, Герзуинда; она, запыхавшись, гонится за бабочкой и подходитъ совсѣмъ близко къ Карлу, не замѣчая его)

КАРЛЪ. Куда бѣжишь?

ГЕРЗУИНДА (слегка вскрикнувъ). Я бабочекъ ловлю.

КАРЛЪ. А знаешь ты, на чьей землѣ?

ГЕРЗУИНДА. Хозяинъ здѣсь графъ мэнскій, Роринко.

КАРЛЪ. Ты думаешь, что здѣсь помѣстье графа Роринко?

ГЕРЗУИНДА. Не знаю право. Быть можетъ, Ротраутъ принадлежитъ оно. Мнѣ все равно, она ль, дочь короля, или возлюбленный ея здѣсь грядки полеть и овощи растить. Наврядъ ли бабочкамъ капустнымъ счетъ они ведутъ, иль мертвымъ головамъ. Никого не опечалитъ пропажа ящерицы маленькой.

(Она въ эту минуту словила ящерицу и видимо всецѣло ею поглощена)

КАРЛЪ. Плохо пришлось тебѣ бы, Герзуинда, когда бы думалъ я какъ ты. Но обрати свой взглядъ и на меня: сегодня въ третій разъ меня ты видишь. Подумай, вспомни! Я тотъ старикъ со взоромъ утопающаго, который тебѣ свободу далъ. Ты видишь: дышитъ онъ, не утонулъ и снова на твоёмъ пути стоитъ. Быть можетъ, взгляды его сегодня не будутъ тягостенъ тебѣ; быть можетъ, сильная рука теперь тебѣ нужнаѣе, чѣмъ тогда—теперь, когда узнала ты свободу?

ГЕРЗУИНДА. Помолчи! Ты видишь, какую ящерицу я прелестную поймала!

КАРЛЪ. Вижу. Но слушай, Герзуинда: не привыкъ стоящій предъ тобою съ глухими говорить, и не совѣтую тебѣ глухою притворяться. Я предъ тобой виновенъ.

Прихоти послушный толкнулъ тебя я въ пропасть, хотя и зналъ, что гибель и позоръ грозятъ тебѣ на двѣ, что копошатся гады тамъ. Я тебя толкнулъ, и собственной рукою спасу тебя изъ глубины паденія и горя. Ты поняла меня?

ГЕРЗУИНДА (со смѣхомъ). Колонной Ирмина клянусь, что нѣтъ.

КАРЛЪ. Какая дерзость! Языческое племя, къ которому принадлежишь и ты съ твоимъ безумьемъ, хотя обречено на мракъ, все жъ, чистоту блюдя, одно лишь знаетъ для тебя и всѣхъ тебѣ подобныхъ: веревку! Когда себя не соблюдаетъ дѣва, даютъ ей выборъ: или самое себя веревкой задупить, или чтобъ женщины кнутами гнали ее по городу изъ дома въ домъ, пока, не вынеся позора, не умретъ она.

ГЕРЗУИНДА (съ некрасивой рѣзкостью). А сами то же самое съ мужьями дѣлаютъ, за что казнятъ другихъ, волчицы злыя! Имъ слаще кровь проливать, чѣмъ страстью любовной упиваться!

КАРЛЪ. Чьи слова ты повторяешь, Герзуинда?

ГЕРЗУИНДА (удивленно). На твоёмъ вѣдь языкѣ я говорю.

КАРЛЪ. Но мысли чьи?

ГЕРЗУИНДА. Кто мнѣ сказалъ, что женщины собаки, и что онѣ безмозглы? Это знаетъ и самый глупый изъ мужчинъ.

КАРЛЪ. Кто ты, Герзуинда? Глаза мои ушамъ не вѣрятъ, а уши глазамъ не могутъ довѣрять. Глаза мнѣ говорятъ, что ты ребенокъ и рада будешь куклѣ. Но уши думаютъ иное: женщина она, мнѣ говорятъ они,— и тяжесть женской доли извѣдала она до дна. Скажи, повѣрять ли ушамъ, иль взору?

ГЕРЗУИНДА (смѣясь). Подари мнѣ куколку! Пожалуйста. Но все жъ не думай, что молодыхъ пятнадцать лѣтъ подобны днямъ пятнадцати слѣпыхъ котятъ.

КАРЛЪ. Что жъ предпринять? Я вижу, правда, что поступаешь ты не слѣпо и не вѣтренно; ты смѣло и съ рѣшимостью упорной идешь на зло. Правъ, быть можетъ, Эркамбальдъ. Быть можетъ, правда, что въ тебя вселился демонъ, и живетъ въ дворцѣ, слоновою костью изукрашенномъ и золотомъ, въ дворцѣ, что Герзуиндою зовется, изгнавъ оттуда Бога. Но, слушая тебя, не понимаю, почему въ столь чистомъ и красивомъ домѣ не живетъ прекрасная душа, почему въ немъ зло и ужасы таятся?

ГЕРЗУИНДА. Странно. Вы всѣ, мужчины, таковы. Всякій, кто бралъ меня, мнѣ тоже говорилъ, что ты,— и обвинялъ меня за то, что я ему давала. (Внезапно обвивая ему шею руками) Не будь строптивъ, старикъ.

КАРЛЪ (не двигаясь). Будь я Рорико, графъ Мэнскій, я бь оттолкнулъ тебя; но я король, я Карлъ—и слѣдовать его примѣру не могу.

ГЕРЗУИНДА (стоя на подножьи статуи и все еще не снимая рукъ съ шеи Карла). Вы всѣ напрасно тратите такъ много словъ! Молчите, и съ благодарностью, безъ словъ, берите то, что вамъ даютъ.

КАРЛЪ. Молчи, дитя грѣха, прижитое святой, во снѣ сатиромъ оскверненной! Уйди. Уйди изъ жалости! Стынетъ разумъ, блѣднѣетъ власти сила передъ тобой, передъ улыбкой тонкихъ устъ. Что мнѣ мѣшаетъ пальцами, вотъ такъ, нажать на шею бѣлую — чтобы не стало твоей недоброй силы, саламандра, и чтобы въ моихъ рукахъ осталась чистая и благодатная плоть, не искаженная душой бѣсовской?

(Въ страстной борьбѣ съ самимъ собой отталкиваетъ въ изнеможеніи Герзуинду)

ГЕРЗУИНДА. Ай, ай! мнѣ больно!

(Отвернувъ отъ нея лицо, Карлъ тяжело переводитъ дыханіе, стараясь успокоиться. Герзуинда отходить отъ него, слѣдить за нимъ исподлобья и треть руки. Вскорѣ Карлъ снова начинается)

КАРЛЪ. Когда бесплодны наставленья, приходится прибѣгнуть къ власти, — отеческой, но непреклонной. Не постигнетъ кара тебя, — тебѣ я волю словомъ королевскимъ далъ все, хотя бѣ и самое безстыдное, свершать. Но не было согласья моего зло надъ тобой творить другимъ: будетъ теперь работа сыщикамъ моимъ, и будетъ палачамъ кого на воздухъ вздернуть! Скорѣ назови мнѣ имена. Скорѣй! Вотъ грифель; вотъ дощечки изъ воска свѣжаго. Напиши скорѣ имена гулякъ распутныхъ, дерзнувшихъ подъ сѣнью моихъ соборовъ палатинскихъ безстыдно согрѣшить съ тобой. Скажи мнѣ, Герзуинда, имена, и я ихъ твердою рукою въ воскъ впишу, и къ каждому прибавлю: смерть, смерть, смерть!

ГЕРЗУИНДА (внѣ себя, но твердо, несмотря на свой ужась). Нѣтъ, не сдѣлаешь ты этого. Нѣтъ! Не сдѣлаешь. Не назову тебѣ я никого, кто исполнялъ мою лишь волю.

КАРЛЪ. Такъ имя Рорико впишу я, графа Мянскаго.

ГЕРЗУИНДА (спокойно). Впиши его. Жалѣть не стану, когда слѣпой ударъ сразитъ слѣпого.

КАРЛЪ. Ну, хорошо. Когда спущу я свору, сама она сумѣетъ дичь выслѣдить. Если не хочешь всѣхъ назвать, то назови мнѣ одного, кто былъ тебѣ дороже всѣхъ.

ГЕРЗУИНДА. Зачѣмъ? Чтобъ на крестѣ его ты распялъ?

КАРЛЪ. Съ тобою повѣнчать — ужель такое наказанье?

ГЕРЗУИНДА (быстро, испуганно). Нѣтъ, не хочу я вмѣсто всѣхъ лишь одного!

КАРЛЪ (съ облегченіемъ). Ну, значить, ты не знаешь, Герзуинда, ни многихъ, ни даже одного. Теперь впервые на мѣстѣ кажется мнѣ легкой пушокъ твой на вискахъ. Наконецъ разсѣялись слегка туманы злые съ

бѣдной твоей души, (все болѣе величественно и отечески). Не проникъ еще ко мнѣ твой взоръ изъ глубины. Еще душа твоя едва проснулась, и въ полу-свѣтѣ ты ощупью идешь. Пусть возсіяетъ свободно лучъ грядущей юности твоей во всей красѣ и ясности; тогда, въ прозрачномъ сіяньи утреннемъ, весна твоя распухнетъ. Имѣй терпѣнье, Гераунда. Кто ждать не хочетъ, пока на виноградной лозѣ нальются грозди, тотъ кислое вино лишь вкусить. Повѣрь мнѣ, ты сама не знаешь кто ты—кто я: я жъ знаю и тебя и самого себя. Знаю, и все жъ—подумай только! — все жъ руку помощи не отвращаю отъ тебя. Ты спросишь, почему? Магистръ Алькуинъ считаетъ муравьевъ достойными раздумья долгаго и бережно несетъ ихъ на соломинкѣ издалека домой. Вотъ такъ и я. Страхусь я, что ли? Страшны мнѣ муравьи? ногой ступалъ я на цѣлыя селенья муравьевъ. Всѣхъ родичей твоихъ, весь твой народъ осилилъ я. Такъ не спастись жъ бѣгствомъ мнѣ отъ тебя. Послушай, Гераунда: считай своимъ помѣстье это. Здѣсь, въ саду, ты, отъ земли оторванная, снова корни пустишь. Здѣсь медленно расти ты будешь, здѣсь расцвѣтешь, созрѣешь на попеченьи у садовниковъ искусныхъ. Здѣсь, подъ защитой стѣнъ твоихъ, живи привольно. Будь госпожей; прислужницы тебя въ убранства пышныя одѣнуть, носить ты будешь золото. И всякое веселье по твоему приказу здѣсь устроить. Одно лишь...

ГЕРАУНДА (поспѣшно). Должна я какъ цвѣтокъ любимый короля въ грядѣ стоять недвижно?

КАРЛЪ. Ты знаешь развѣ цвѣтокъ любимый короля?

ГЕРАУНДА. Конечно. Ребенкомъ лѣтъ семи сама сажала я съ благоговѣньемъ мальвы короля.

КАРЛЪ (все болѣе благороднымъ, чисто отеческимъ тономъ). Теперь благоговѣнье чуждо твоей душѣ. Не будь оно такъ чуждо, ты почитала бы съ благоговѣньемъ—

самую себя, согнала бы позоръ съ царицы неба, отраженной въ тебѣ какъ въ зеркалѣ. И трепетно бѣ хранила чистый ликъ небесной матери отъ грѣшныхъ рукъ и отъ прикосновенья нечестивыхъ. Въ этомъ домѣ, Гераинда, кипятъ горячіе источники; изъ плоти грѣшной извлекаютъ они отраву и очищаютъ кровь. И адѣсь, въ груди моей, горячій родился источникъ. Струи любви отцовской текутъ во мнѣ неудержимо. Торопись. Очисти душу отъ грѣховъ, омой всѣ пятна. Хотя покрыта ты была бѣ теперь грѣхами, все жѣ будетъ день, когда тебѣ скажу я — покорствуй только чистой волѣ моей, скажу:—пойди и покажись священникамъ. Въ тотъ день предстанешь свѣтлой ты предъ міромъ, подобно безгрѣшному небесному цвѣтку, подобно лиліи въ рукахъ Маріи.

(Она кладетъ правую руку на голову Герзунды; она цѣлуетъ его опущенную лѣвую руку)

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Снова въ помѣстьи короля вблизи Аахена; покой внутри дома съ колоннами подъ куполомъ; стѣны и куполь украшены византійской мозанкой; полъ изъ цвѣтнаго мрамора; открытыя и закрытыя двери ведутъ во внутрь дома; одна дверь ведетъ въ садъ, магистръ Алькуинъ и графъ Рорико поднимаются по нѣсколькимъ ступенькамъ на колоннаду изъ покоя, расположеннаго ниже. Магистръ Алькуинъ, высокій старикъ съ благородной осанкой, у него видъ ученаго и въ то же время поэта и свѣтскаго челоуѣка; онъ въ длинной священнической одеждѣ)

РОРИКО. До сюда—и не дальше могу я довести тебя. По знаку жъ первому, который дастъ привратникъ, я долженъ буду, господинъ магистръ, удалить тебя изъ дома и изъ сада — хотя бы даже короля и не успѣлъ ты повидать.

АЛКУИНЪ. Какъ? Даже если призванъ я посланіемъ собственноручнымъ короля?

РОРИКО. Ты призванъ королемъ?

АЛКУИНЪ. Конечно, графъ. Не то сидѣлъ бы мирно я за книгами моими и, чуждый любопытства, не сталъ бы слухамъ я внимать, повѣрь — какъ не внималъ и до сихъ поръ. (Слегка насмѣшливо) Что тутъ у васъ за тайны? Зачѣмъ могучій Карлъ въ засадѣ спрятался? Опасенъ путь сюда по узенькимъ дорожкамъ, черезъ трясины, кольцомъ замкнувшія вашъ островокъ и этотъ домъ. Говорятъ, усилился разбой на всѣхъ дорогахъ, и потому нашъ Геркулесъ бѣдѣ помочь бы долженъ былъ и шкуру львиную надѣтъ на плечи, а не сидѣтъ у прялки... Не знаю для чего.

РОРИКО. Тутъ, въ подземельи замка, горячій бьетъ

источникъ—ключъ юности, какъ называется его король. Для пользованія водами пріѣхаль Карлъ.

АЛЬКУИНЪ. Ключъ юности? Что этимъ словомъ называется онъ?

РОРИКО. Какъ что? Источники горячіе.

АЛЬКУИНЪ. Ну да, конечно. Я понялъ, милый графъ,—и знаю хорошо я патріарха нашего. Къ тому же, видѣлъ я, какъ пастухи—не пастыри народа, а пастухи ягнятъ—свои отъ старости похолодѣвшія и коченѣющія ноги купали, чтобъ согрѣть, во внутренностяхъ молодыхъ ягнятъ. И Зевсъ, верховный пастырь и всѣхъ боговъ и всѣхъ людей, отъ холода порой дрожалъ, хотъ вѣчной молодостью одаренъ былъ. Боялся онъ состариться и—какъ ни странно—почувствовалъ себя опять онъ юнымъ въ образѣ быка. И я въ спинѣ сталъ холодъ ощущать. Ключъ юности!.. Но если въ прокъ идетъ лѣчение первѣйшему изъ всѣхъ людей... Пусть выберетъ онъ, нашъ Зевсъ земной, любую изъ своихъ овецекъ... Хотѣлъ сказать я, пусть купается въ какихъ желаетъ водахъ.

РОРИКО. Тебя призвалъ король—и потому садись, почтеннѣйшій магистръ. Призвалъ онъ также для доклада и Эркамбальда, канцлера. Я вижу въ этомъ знакъ хорошей. Иначе... врача не достаетъ, чтобъ правильно вести лѣчение. Я не смѣю ничего сказать — и не могу, и не хочу. Не въ силахъ я понять его могучій духъ и направлять его. При взглядѣ на него, я только—повинуюсь. Но не помолодѣлъ на видъ онъ отъ купаній. Самъ посмотри. Я слышу на террасѣ шаги его.

(Онъ быстро отходить вглубь. Алькуинъ еще разъ оглядываетъ свою одежду и становится направо; чернокожій слуга открываетъ извнѣ садовую дверь и пропускаетъ мимо себя Карла. Король нѣсколько блѣднѣе чѣмъ прежде, взглядъ его менѣе спокойный и твердый. Онъ выступаетъ изъ полосы дневного свѣта, который бро-

саеть длинную тѣнь, замѣчаеть Алькуинна и вглядывается въ него, держа руку надъ глазами)

КАРЛЪ. Не могу еще я различить, кто ты.

АЛЬКУИНЪ. А я сейчасъ призналъ того, кого не могъ бы не признать—Давида.

КАРЛЪ. Флаккъ—это ты!

АЛЬКУИНЪ. Да, я слабый Флаккъ, который въ руки попался воиновъ твоихъ суровыхъ. Они, въ лѣсу разсыпавшись, стоятъ на стражѣ Цезаря, какъ будто въ станѣ вражескомъ живетъ онъ. Къ счастью, пощадилъ они меня.

КАРЛЪ. Для человѣка и для всѣхъ людей то мѣсто — станъ враговъ, гдѣ человѣкъ живетъ и люди! (Хлопаетъ въ ладоши) Садись! По знаку калифа Гаруна-аль-Рашида изъ ничего блаженство рая возникаетъ. Я жъ магіи не знаю. Я грубый франкъ и предложить могу я только вино любимое твое; къ вину жъ варенаго и жаренаго. Вотъ все, чѣмъ послѣ труднаго пути ты можешь подкрѣпиться въ жилищѣ бѣдномъ поселянина.

АЛЬКУИНЪ (смѣясь). Я скромень — большаго не требую.

(Двое сарацинскихъ слугъ въ пестрыхъ турбанахъ появляются и съ низкимъ поклономъ Карлу цѣлуютъ землю)

АЛЬКУИНЪ (взглянувъ на слугъ, шутливо). И съ бѣдностью Давида я мирюсь.

КАРЛЪ. Гасанъ, хотимъ мы ѣсть какъ боги.

(Слуги, которые поднялись, снова падаютъ ницъ, цѣлуютъ землю, потомъ встаютъ и уходятъ)

АЛЬКУИНЪ. А все жъ ты магъ—какъ вижу!

КАРЛЪ. Увы—не магъ я! Отъ калифа Гаруна-аль-Рашида четырехъ я получилъ еще другихъ рабовъ въ подарокъ—совсѣмъ такихъ какъ эти; а также—какъ знаешь ты и долженъ знать, невольницъ темнокожихъ такое же число. Совсѣмъ забывъ о нихъ вначалѣ, теперь сюда

я вздумалъ ихъ призвать—и лишь тогда подарокъ оцѣнилъ калифа. Они купанье такъ готовятъ, такъ въ простыни укутываютъ, такъ тѣло разомнуть, не дожидаясь приказаній, что ими нахвалиться я не могу. Ты думаешь изнѣжить могутъ рабы угодливые? Нѣтъ: изнѣженный, такимъ уже родился. У меня нѣтъ этого въ крови — не сдѣлаюсь изнѣженнымъ я никогда, мой Флаккъ. Теперь узнай, зачѣмъ тебя призвалъ я. Ты родился въ Нортумбріи, и ты саксонской крови?

Алькуинъ. Да, король Давидъ.

Карлъ. Такъ скоро ты услышишь и увидишь въ моемъ домѣ нѣчто тебѣ сродни. Объ этомъ, впрочемъ, потомъ поговоримъ. Теперь мнѣ нуженъ не саксонецъ—а братъ по разуму и по значенію мнѣ равный. Ты, Флаккъ, таковъ. Владѣешь ты мечомъ духовнымъ, что на землѣ Господь оставилъ. Его ты поднималъ—какъ поднималъ я мечъ свѣтскій. Ты Петръ для меня—гораздо болѣе чѣмъ римскій Петръ—меча хранитель и ключей. Въ божественномъ Господь тобой руководить, и въ человѣческомъ не менѣе того отъ Бога и только отъ Него твой сужденья. Вотъ почему я человѣка въ тебѣ привѣтствую, который понимаетъ, а не судить, который хочетъ жизнь прославить, а не умертвить. Когда бъ отбросить я хотѣлъ то, что душою овладѣло, какъ дядя мой Пиппинъ, ушедшій въ монастырь, то мнѣ нужна была бы только пустая келья—я не искалъ бы друга. Ты мой другъ и преданъ мнѣ, мой Флаккъ. Послушай: приключилось со мною чудо. Люди говорятъ, быть можетъ... Не знаю, что люди говорятъ, но чувствую, какъ будто изъ земли въ меня вливаются по тысячѣ каналамъ, какъ въ молодое дерево, живые соки. Смѣшно это, быть можетъ, и странной кажется насмѣшкой надъ собственнымъ моимъ разсудкомъ деревенскимъ и надъ законами календаря крестьянскаго. Давно ужъ высохшій, годами

отмѣченный стволъ, отдавшій соки растеньямъ чужеднымъ, на немъ живущимъ, опорой имъ служащій, чтобы попрежнему тянуться прямо къ солнцу они могли, хотя онъ самъ ужь мертвый... Вотъ этотъ старый стволъ вдругъ ожилъ! Въ листочкахъ шумъ поднялся: Какъ! Старый Карлъ, масличное дерево засохшее, вновь жить задумалъ!—И не для насъ... шипятъ... а для себя! Ну да. Быть можетъ, стыдиться слѣдуетъ предъ вами Карлу, лишнему на свѣтѣ старику, въ томъ, что онъ живъ еще. Но хочеть жить онъ—это правда.

а л ъ к у и н ѣ. Государь! Давидъ великій въ братствѣ нашемъ рыцарскомъ! Оно, семью дарами пламенѣя святаго духа и высясь надо всѣмъ земнымъ, тебя собою окружаетъ какъ драгоценный камень оправа золотая... Что мы безъ тебя? Ты плугомъ владѣешь такъ же какъ мечемъ и такъ же хорошо писать умѣешь. На свѣтѣ ты вызываешь живущее въ землѣ, а мирно на ней живущихъ питаешь ты и охраняешь. Чтя небо, ты съятель Христовой жатвы. Дитя лепечетъ имя Карла, еще не зная имени отца. Карлъ — не простое слово, а силы великой знакъ. Повздорять ли между собой сосѣди—произнеси лишь слово Карлъ — и распря кончена. Воюють ли народы — Карлъ! скажи — и возстановленъ миръ. Царить ли миръ — раздается слово Карлъ! и потемнѣетъ небо, задрожитъ земля, и слово Карлъ! звучитъ угрозой тишинѣ, войну обозначая. Вотъ въ Византіи императоръ — кумиръ народа; произнеси лишь слово Карлъ! — и любовь къ нему развѣется какъ прахъ по вѣтру. Кто жъ дерзнулъ бы наставникомъ стать Карла и возвеличиться надъ нимъ?

ка р л ѣ. Власти ничьей я надъ собою не боюсь. Я слишкомъ грубый франкъ—чтобъ справиться со мною. Когда я здѣсь стою, въ кольчугѣ и щитомъ вооруженный, едва ль копье чье либо въ тѣло мнѣ проникнетъ—едва ли даже кожу мнѣ задѣнетъ. Но иногда я об-

нажаю душу, довърчиво покровы снявъ... и уязвимъ тогда суровый Карлъ въ томъ, что онъ нѣжнаго въ душѣ тайтъ. (Сарацинскіе слуги вносятъ накрытый столъ и устанавливаютъ его; другіе держатъ золотые тазы и кувшины для омовенія) Я былъ здѣсь одинокъ. Садись къ столу! (Онъ и Алькуинъ садятся у стола; имъ льютъ воду на руки) Мнѣ мило и желанно одиночество, но все жъ не доставало мнѣ друга одного. (Онъ поднимаетъ кубокъ и пьетъ, чокаясь съ Алькуиномъ; наступаетъ короткая пауза, затѣмъ Карлъ снова говоритъ) Желаетъ? Я могу пріятное составить за трапезой намъ общество.

АЛЬКУИНЪ (съ изысканной любезностью). Когда Горація зоветъ къ себѣ Анакреонъ, то жду я многихъ наслажденій: вина и пѣсень и—сверхъ того, красотку.

КАРЛЪ. Хвалю, язычникъ старый! Но постарайся рѣшеткой плотной сердце оградить.

(Онъ ударяетъ о металлическую доску, которую держитъ въ рукахъ одинъ изъ слугъ; едва затихаетъ звукъ, какъ прибѣгаетъ Герзуинда и подходитъ къ сидящимъ за столомъ; она въ легкомъ фантастическомъ одѣяніи, волосы распущены)

ГЕРЗУИНДА (удавленно смотритъ на сидящихъ за столомъ). Вдите вы? Зачѣмъ?

КАРЛЪ. Зачѣмъ? Не долженъ развѣ человекъ питаться?

ГЕРЗУИНДА. Противно мнѣ глядѣтъ, какъ люди пищу принимаютъ!

КАРЛЪ. Люди? Какіе же мы люди?

ГЕРЗУИНДА. А развѣ вы большее чѣмъ всѣ?

АЛЬКУИНЪ. Про одного изъ насъ (указывая на Карла) невѣрно судишь ты.

КАРЛЪ. Всѣ для нея мужчины только люди—и къ сожалѣнію, всѣ люди для нея мужчины.

ГЕРЗУИНДА. Что жъ большее они? Я не люблю людей.

АЛЬКУИНЪ. За исключеніемъ, надѣюсь, короля? За

исключеніемъ, надѣюсь, Карла, любимаго и чтимаго всѣмъ міромъ.

КАРЛЪ. Нѣтъ исключеній для нея, клянусь! Будь птицей я, умѣй красиво пѣть, тогда другое дѣло... или котенкомъ еще слѣпымъ мяукалъ бы, тогда, быть можетъ, на любовь надѣягся я могъ и на вниманье нѣжное!

ГЕРЗУИНДА (оглядывая столъ съ желаньемъ полакомиться).
А для меня нѣтъ ничего у васъ?

КАРЛЪ (предлагая ей кубокъ). Вотъ вино.

ГЕРЗУИНДА. Нѣтъ. Противно!

(Отталкиваетъ кубокъ)

КАРЛЪ. Водой она питается, на апельсинныхъ настоенной цвѣтахъ, и—самое большое—настоемъ лепестковъ отъ розы, замороженнымъ въ снѣгу. Напитокъ этотъ ей готовятъ темнокожіе. Мы для нея откармливаемъ также ангорскихъ козъ. Пьеть какъ младенецъ козье молоко она.

АЛЪКУИНЪ. Амврозіей и нектаромъ питаешь ты юность чистую свою? Богамъ Олимпа хочешь быть подобной. И, точно, ты какъ будто не земная.

КАРЛЪ. Нѣтъ, плоть ея земная.

ГЕРЗУИНДА. Конечно. Почитайте меня за что хотите—только не за святую. Мнѣ все милѣй, чѣмъ святость. Я пью и ѣмъ и дѣлаю все то, чего хочу сама, а не другіе. За то пусть и другіе, какъ и я, свои желанья исполняютъ, а не чужія.

КАРЛЪ. А если захотятъ другіе отъ тебя... того, что справедливо и хорошо?

ГЕРЗУИНДА. То я, конечно, не покорюсь.

КАРЛЪ. Мой мудрый Флаккъ, попробуй, поможетъ ли твой долгій опытъ и знанье, прилежно скопленное, и мудрость, обрѣтенная тобою, ненасытнымъ въ работѣ и въ исканьи свѣта... Попробуй, помогутъ ли свободныхъ семь искусствъ, которыми владеешь ты, хотя бъ настолькоъ, чтобы не быть без-

помощнымъ какъ школьникъ передъ ребенкомъ Герзуиндой? Мнѣ беспомощность мою она давно ужъ показала.

алькуинъ. Что можетъ сдѣлать Флаккъ, когда самъ Августъ, хотя онъ лаврами увѣнчанъ Геркулеса, себя безсильнымъ почитаетъ. Но все же готовъ я попытаться.

карль. Поговори съ ней. Пусть скажетъ, напричѣрь, тебѣ: что называетъ она грѣхомъ?

герзуинда. Грѣха нѣтъ!

карль. Ну, а стыдливость? Спроси ее объ этомъ.

алькуинъ. Скажи мнѣ, дѣва, что стыдливостью ты называешь?

герзуинда (смѣется про себя, потомъ смѣло). Я не веду свой родъ отъ вашей Евы и вашего Адама. Прапра-родители мои съ запретной яблони плодовъ не ѣли—и я не знаю, въ чемъ добро, въ чемъ зло.

алькуинъ. Такъ, значитъ, не богоподобна ты въ познаніи добра и зла!.. и все же изъ рая изгнана. Какъ же туда вернешься ты?

герзуинда. Заботься только о себѣ, старикъ! На что нужна стыдливость? По вашему стыдиться тѣла я должна—и потому гордиться только одеждою, руками сшитой. Ужели шерсть, ткань шелковичнаго червя, волокна льна прекраснѣе меня, прекраснѣе того, чѣмъ я дышу, чѣмъ вижу, слышу и ощущаю вкусъ? Когда тяжелой поступью проходятъ дочери твои, подобно башнямъ изъ золота, изъ драгоценныхъ камней—я драгоценныхъ украшеній не люблю—то неужели сами онѣ не лучше, чѣмъ ихъ золото и камни? Не создалъ развѣ Богъ нагимъ мнѣ тѣло? Но вамъ дороже платье? Скажите, я готова снять его и вамъ оставить взамѣнъ себя!

карль. Стой! Стой! Она способна, другъ мой, это сдѣлать.

(Герзуинда уже собиралась скинуть одежду)

Что скажешь ты, магистръ?

Алькуинъ. Я пораженъ и словъ не нахожу.

Герзуинда (сбросивъ длинное прозрачное покрывало, въ которое она задрапировалась). Не спросите ль еще мой легкой плащъ? Быть можетъ, его отвѣтъ вамъ будетъ больше по душѣ, чѣмъ мой. (Бросаетъ плащъ на полъ и со смѣхомъ убѣгаетъ)

Карлъ. Герзуинда!

(Она исчезла и не возвращается на зовъ)

Убѣжала! Скажи, прятень смѣхъ ея тебѣ?

Алькуинъ. Однажды я подсмотрѣлъ въ Югландіи, какъ приносили жертвы они богамъ своимъ. То было въ страшную глухую ночь. Какъ легіоны демоновъ изъ преисподней, шипѣлъ костеръ въ лѣсу. Привели они лисицу съ длинной гривой, двухлѣтнюю—не болѣе. На закланье ее вели, и шла она, хвостъ волоча. Вблизи засады, изъ которой мы глядѣли, стоялъ недвижно голый жрецъ, держа на привязи лисицу обреченную. Разгорѣлся жертвенный костеръ; когда жъ ея коснулось пламя, лисица носдри подняла и зарычала. Не могу я передать тотъ звукъ. Въ немъ слышался и дикій смѣхъ, и точно плачь.

Карлъ. Ты вѣрно понялъ, Флаккъ. Смѣхъ Герзуинды къ печали ближе, чѣмъ къ радости; онъ скрытымъ ужасомъ объять... Но что же ты не ѣшь, не пьешь, мой Алькуинъ?

Алькуинъ. Благодарю! Ужъ болѣе шестидесяти лѣтъ я ѣмъ и пью, увѣренный, что этимъ зла не совершаю никакого. Теперь впервые одолѣло сомнѣніе меня. Я думаю, не лучше ль было бы поститься? И многое другое въ моихъ мысляхъ словами вызвала она своими и существомъ своимъ.

Карлъ. Вотъ видишь! Этого я и хотѣлъ, мой Флаккъ. Не мало переловилъ звѣрей я разныхъ, и лукомъ и силками, какъ ты знаешь—но никогда такой не попался мнѣ. Вотъ почему о немъ забочусь и дорожу имъ.

Конечно, не звѣрь она, и потому моя задача не укротителя. Мой долгъ почти отцовскій. Отцомъ благочестивымъ я о душѣ ея пекусь. Мнѣ радостно—я это не скрываю—на этотъ разъ единою душою управлять, а не народомъ цѣлымъ, какъ всегда, и такъ же, какъ я иногда пустыни въ земли превращалъ цвѣтущія, такъ сѣмена добра хотѣлъ бы я посѣять здѣсь и возрастить.

АЛЬКУИНЪ. Ну, а она свое не сѣтъ?

КАРЛЬ. Конечно, сѣтъ. Борьба за душу опаснѣйшимъ, чѣмъ бой съ мечемъ въ рукахъ. Не дремлетъ врагъ добра, врагъ Господа, тотъ, кто пустыни сушить и посылаетъ всепожирающее пламя даже въ рай. Я это знаю, и все жъ мнѣ бой съ нимъ радостенъ; хочу я одолѣть врага. Къ тому же, самъ виновенъ я...

АЛЬКУИНЪ. Ты, государь, разбилъ и покорилъ саксонцевъ, гунновъ, лангобардовъ, аваровъ и баварцевъ... Разбилъ норманновъ, басковъ. Кто бы ни противился тебѣ, тобой былъ побѣжденъ. Но всякая побѣда легка въ сравненіи съ той, которую теперь ты хочешь одержать державной волей.

КАРЛЬ. Не довѣряешь моей силѣ?

АЛЬКУИНЪ. Не подобаетъ мнѣ сомнѣваться. Но все же Карль останется самимъ собой, когда бъ онъ даже на этотъ разъ разбитъ былъ.

КАРЛЬ (поднимается, съ мрачнымъ видомъ). Ты полагаешь, что изъ одной лохани я стану ѣсть съ собаками паршивыми?

АЛЬКУИНЪ (испуганно). Срази меня небесный громъ, когда такая мысль могла бъ мнѣ бѣ голову прііти?

КАРЛЬ. Ну, хорошо. Оставь!

(Карль ходитъ нѣсколько разъ по комнатѣ взадъ и впередъ, вспышка гнѣва улеглась, снова входитъ Рорико),

Что, Рорико?

РОРИКО. Тутъ канцлеръ Эркампальдъ.

КАРЛЪ. Не спѣшно это. Можетъ подождать старикъ безмозглый!

РОРИКО. Онъ слѣдуетъ за мной.

КАРЛЪ (Алькуину). Ну, такъ тебя я попрошу—такъ какъ прервали нашу трапезу—избавь себя отъ встрѣчи съ ворчуномъ.

(Онъ снимаетъ кольцо съ пальца и даетъ его Алькуину)

Позабавь пока свой умъ. Вотъ тебѣ кольцо—игрушка, не болѣе того. Распадается оно на семь колечекъ. Изъ семи составъ опять одно. И вотъ что помни, когда ты засмѣешься: то, изъ-за чего смѣешься, такая же игрушка для меня, какъ эта. Такая же—не меньше, правда, но и не больше.

(Входитъ Эркампальдъ. Последнія слова произнесены при немъ. Алькуинъ кланяется Карлу и уходитъ въ садъ. Рорико тоже уходитъ. Карлъ медленно шагаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ останавливается и смотритъ вопросительно на Эркампальда)

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Пришелъ я, повинуюсь приказу твоему.

КАРЛЪ. Пришелъ ты... по чьему приказу?.. почему пришелъ?

ЭРКАМВАЛЬДЪ (очень блѣдный). Я говорю, что призванъ я тобой.

КАРЛЪ. Ахъ, да. Что съ тѣмъ саксонцемъ-Бенни-томъ—такъ, кажется, зовутъ его? Вернули, наконецъ, ему несправедливо отнятыя земли?

ЭРКАМВАЛЬДЪ (врачно). Нѣтъ!

КАРЛЪ. Почему?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Вторичное дознание подтвердило его и Ассига вину. Вотъ протоколъ дознанья—а вотъ рѣшеніе суда. Печати только не достаетъ.

КАРЛЪ. Покажи!

(Беретъ бумагу и разрываетъ ее)

Вотъ такъ! Вы вздумали наперекоръ мнѣ поступать?

Эркамвальдъ. Что жъ ты приказываешь?

Карлъ. Ничего.

Эркамвальдъ. Прости. Вотъ это и печалить всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ твоихъ.

Карлъ. Печалить васъ, что не дам я приказаній? А сами дѣлать вы не можете, что должно. Творите правое безъ приказаній. Ужель я долженъ неустанно, пока языкъ не овѣмѣетъ, указы отдавать? Попробуйте, раскрывъ широко рты лѣнивые, кричать безъ передышки: вотъ это сдѣлать такъ, вотъ это этакъ! И вотъ еще! И это! Покричите такъ не жизнь цѣлюю, а только годъ—тогда поймете, что могъ устать и я. Что жъ приказать я долженъ? Говори!

Эркамвальдъ. Безчисленныя письма ждуть отвѣта.

Карлъ. Отъ кого? Сначала скажи о самыхъ важныхъ. Назови мнѣ имена.

Эркамвальдъ. Вотъ письмо отъ сына твоего державнаго, Людовика, изъ Аквитаніи, вотъ отъ Петра изъ Пизы. Вотъ отъ Штурма, аббата фульдскаго письмо, вотъ письма епископовъ, изъ Кельна, Майнца, Реймса, изъ Страсбурга. Отъ Гильдигерна изъ Базеля. Изъ Безансона отъ Рихвина и множество другихъ. Изъ Рима также письма важныя пришли.

Карлъ. Почему наплывъ такой вдругъ писемъ?

Эркамвальдъ. Прочти и самъ поймешь.

Карлъ. Передай что пишутъ.

Эркамвальдъ. Остановилась жизнь въ государствѣ, и застой въ дѣлахъ важнѣйшихъ къ послѣдствіямъ привелъ тяжелымъ, государь. Къ тому же странный, очень странный слухъ распространился по всей странѣ, проникнувъ и къ врагамъ, къ Альфонсу галиційскому и къ нашему союзнику въ Астурію.

Онъ хотя ему не вѣрить, но въ письмѣ своемъ упоминаетъ о томъ, что слышалъ.

КАРЛЪ. Ну, такъ оставь. Что дальше?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Вотъ это, государь, письмо случайно въ руки мнѣ попало. Оно отъ сына твоего, Пиппина, и вызвано тѣмъ слухомъ темнымъ. Объ этомъ сынъ твой пишетъ герцогу Гельмеру, котораго ты милостями осыпалъ.

КАРЛЪ. Покажи!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Раскрываетъ письмо коварный заговоръ и, къ сожалѣнью, видно, что принцъ не отстранился отъ него—хотя и странно это.

КАРЛЪ (прочтя письмо). Сынъ потаскушки! Шутъ презрѣнный! Безмозглый негодяй! Ты пишешь о грязной твари, которая забрала въ руки хромого, разслабленнаго короля, и за носъ его водить. И это говоришь ты, Пиппинъ, котораго я прижилъ отъ служанки, ко мнѣ въ палатку прибѣжавшей, котораго, когда родился онъ, изъ яслей я вынулъ какъ Спасителя, а не втопталъ, какъ нужно было, въ грязь. И вотъ теперь горбатый хочетъ хромого на земь повалить! Изъ-за такого вздора напрасно ты трудился приѣзжать. (Послѣ короткаго молчанія, спокойно) Пусть гдѣ угодно соръ подметають эти господа—усердствуя, пока метлы не обломають... гдѣ угодно, но не здѣсь, не у моихъ дверей! Не то я самъ метлою замаяхнусь на нихъ, а сила у меня такая же, какъ прежде. Герзуинда благородной крови, и я рѣшилъ ей дать супруга. Быть можетъ, выберу я молодого Фридугиса, назначивъ его ландграфомъ куда-нибудь въ Саксонію. Онъ юноша способный.

ЭРКАМВАЛЬДЪ (невольно вскрикнувъ). Помилуй Богъ! Не дѣлай этого!

КАРЛЪ. Чего?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. На Герзуиндѣ не предлагай ему жениться.

КАРЛЪ. Почему?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Да потому, что онъ убьетъ себя, когда узнаеть о томъ, что ты задумаль.

КАРЛЬ. Убьетъ себя?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Да, государь.

КАРЛЬ. Отъ милостей моихъ онъ въ бѣгство обратится? И предпочтетъ онъ душу дьяволу предать?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Да, государь.

КАРЛЬ. Отвѣтъ короткій дополняешь ты видомъ хмурымъ. Ужель нѣтъ ни одной графини, иль маркграфини, которая въ слѣпомъ угарѣ юности не совершила бѣ ничего столь грѣшнаго и даже худшаго, чѣмъ Герзуинда? Къ тому жѣ теперь, навѣтамъ пищи не давая, живетъ уединенно и цѣломудренно она.

ЭРКАМВАЛЬДЪ. „Уединенно, цѣломудренно!“ Нѣтъ, не могу молчать! Но какъ начать? Маркграфиня, хотя бы наиболѣе изъ всѣхъ въ дни юности грѣшившая—такіе случаи бывали, — нѣтъ въ этомъ столь неслыханнаго, какъ то, въ чемъ согрѣшила Герзуинда—и страшенъ долгъ мой въ этотъ часъ! Я часто былъ судьей, но не былъ ни разу палачемъ. Мнѣ страшно. Я отъ ужаса дрожу.

КАРЛЬ. Но силенъ я—и не дрожу. Скорѣй! Есть у тебя, что нужно придушить?—Схвати сейчасъ за горло!

ЭРКАМВАЛЬДЪ (плача, почти крича). Прикажи молчать мнѣ, король Карль!

КАРЛЬ. Теперь, когда я жду отвѣта, ты словъ связать не можешь!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Да истребить Господь всѣхъ, кто тебя обманеть!

КАРЛЬ. Нѣтъ, милосерденъ Богъ и этого не сдѣлаеть. Онъ съ Ноемъ заключилъ союзъ и обѣщаль, чтобъ не было вторичнаго потопа.

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Потопъ ужъ близокъ... близокъ! Дрожать колѣни, государь... Вели молчать

КАРЛЬ. То, отъ чего дрожить мой канцлѣрь, меня не свалить съ ногъ!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Горе! Позоръ! Развратъ и преступленье!

КАРЛЬ. Конечно, есть все это и всегда бывало.

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Но никогда такъ близко отъ твоего престола.

КАРЛЬ. Ясно говори!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Никогда такъ пурпуръ королевскій не пятнало...

КАРЛЬ. Еще яснѣ говори!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Никто, отъ женщины рожденный, тебя позоромъ такимъ не окружалъ.

КАРЛЬ. Какъ кто?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Какъ Герзунда, заложница саксонская.

КАРЛЬ. Докажи!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Не радъ доказывать я, вѣрь мнѣ. Господь свидѣтель...

КАРЛЬ. Какъ, только Онъ?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Вотъ что произошло вчерашней ночью... вотъ что случилось въ грязномъ кабакѣ, тамъ, у рѣки... Я, Эркамвальдъ, твой канцлѣрь, тайкомъ туда пробрался, въ одеждѣ грубой, въ виду того, что слухи разлились потопомъ и къ мятежу народъ нашъ возбуждали. Надѣялся я ничего не видѣть—и слишкомъ много увидаль. Трусливой и беззубой была молва. Герзунда... Она стояла тамъ, стояла нагая предо мной... Лишь волосы потокомъ огненнымъ струились съ плечъ и покрывали ее густымъ плащомъ. Лился потокъ и разступался; тихо напѣвая, она приплясывала въ тактъ, и тѣло обнаженное то открывалось взорамъ, то исчезало подъ волнами волосъ. Вокругъ сидѣли за стаканами простые рыбаки, мастеровые изъ Санктъ-Маріи, каменички, рабочіе, которые сюда везли тотъ памятникъ Теодориха изъ Равенны, который ты все не же-

лаешь осмотрѣть. Всѣ они неистово ревѣли и громко называли ее любовницею короля. Она же подымала въ пляскѣ по очереди каждое колѣно нѣжное. И вдругъ, призывомъ порожденный блѣдныхъ устъ ея поднялся дикій, бѣсовскій вихрь—и я съ трудомъ противиться потоку страсти могъ. Передохнуть дозволи!

КАРЛЬ Дыши!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Да. Правда то, что я сказалъ. Ты—король Карль. Тотъ, кто предъ тобою—Эркамвальдъ. Я не безаумень. Я правду говорю. Вотъ что случилось: дай припомнить. Словомъ: вдругъ, среди насъ царь преисподней очутился. Закружилась голова и у меня. Ее, вакханку бѣшеную, стащили со стола; схватилъ ее одинъ, потомъ другой, потомъ всѣ вмѣстѣ бросились... Раздался дикій топотъ, дыханіе прерывистое. Проклятыя сотрясали воздухъ. Герзуинду вдругъ на полъ повалили, и пряди рыжія волосъ во-кругъ мужицкихъ обвертѣлись кулаковъ. Они ее толкали... Потушень былъ огонь, и я не видѣлъ, что съ нею дѣлали они, пока она не очутилась, наконецъ, въ углу безжизненная, съ неузнаваемымъ лицомъ.

КАРЛЬ. Ты утверждаешь не шутя, что все это случилось... съ кѣмъ? не съ плѣнницею вѣдь, которая живетъ здѣсь, въ моемъ домѣ?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Да, случилось это съ той, что въ домѣ у тебя живетъ.

КАРЛЬ. А ты... смотрѣлъ на все и не вмѣшался?

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Я былъ оглушень... Я не вмѣшался—да и не могъ я сдѣлать ничего. Когда могила вдругъ разверзлась—я среди тьмы и тишины былъ какъ въ могилѣ; когда очнулся я—она лежала и казалась холоднымъ неподвижнымъ трупомъ.

КАРЛЬ. Ну, а теперь она жива, спокойно дышитъ, не мертва и, значить, въ рассказѣ не достаетъ твоемъ чего-то. Довольно вздоръ болтать! Говори мнѣ лучше о дѣлахъ! О корабельныхъ мастерахъ, въ которыхъ я нуждаюсь,

обо всемъ, за что ты хлѣбъ и плату получаешь и носишь канцлерское платье, а не о томъ, о чемъ болтаютъ кумушки въ палатинатъ. Эй, Рорико! Ты жъ уходи. Рорико! (Рорико появляется. Эркамбальдъ отходитъ) Эй, стража! Гдѣ вы, негодяи? Нѣтъ, что ли, стражи у меня. Собаки! Спите, что ли? Одно и знаете, что спать иль объѣдаться. Собаки негодныя! Есть стража у меня иль нѣтъ? Иль спите вы, на стражѣ стоя? Конечно, лжетъ онъ. Привести сюда саксонскую заложницу!

РОРИКО. Она заснула, государы!

КАРЛЪ. Заснула?

РОРИКО. Такъ говорить служанка. Она хотѣла сама нарѣзать виноградъ въ саду; но едва лишь за работу принялась, какъ тотчасъ же заснула.

КАРЛЪ. Заснула въ виноградникъ? И что же? Тамъ осталась спать?

РОРИКО. Нѣтъ. Въ опочивальню ее перенесли, и спать она въ постели.

КАРЛЪ. Такъ вытащить ее изъ-подъ перинъ и привести сюда! (Рорико уходитъ. Карлъ, оставшись одинъ, говорить, почти обезумѣвъ) Камни! Щитъ подать! Затмился воздухъ! Мракъ вокругъ! На голову мнѣ камни градомъ сыплются! Ахъ, негодяи! Сколько жъ рукъ у васъ? Попалъ и этотъ камень! И этотъ! Забросать меня камнями хотите? (Онъ держится, чтобы не упасть. Входитъ Герзуинда, испуганная, но сохраняя самообладаніе. Она умно и зорко глядитъ на короля, который, съ желѣзнымъ упорствомъ держась на ногахъ, смотритъ Герзуиндѣ въ глаза. Наконецъ съ его устъ срывается) Онъ лжетъ!

ГЕРЗУИНДА. Конечно. Кто на меня клевететь— лжетъ.

КАРЛЪ. Распутница! Ты говоришь? Кто говорить тебѣ велѣлъ и этими словами и звукомъ голоса себя же выдать безпощадно?

ГЕРЗУИНДА. Я выдала себя?

КАРЛЪ (къ Рорико). Входную залу запи на ключъ!

(Рорико удаляется, чтобы исполнить приказаніе) Ну, а теперь оправдывайся.

ГЕРЗУИНДА. Въ чемъ? Я развѣ худшее что либо совершила, чѣмъ то, въ чемъ часто сознавалась?

КАРЛЪ. Да, говорятъ. И если ты не сможешь отъ гнусныхъ всѣхъ очиститься навѣтовъ, не сможешь себя омыть отъ грязи, съ собою вмѣстѣ и меня очистивъ— то я самъ сотру тебя съ лица земли, какъ мерзкое пятно!

ГЕРЗУИНДА (легкомысленно и капризно). Зачѣмъ? Я исповѣдаться не люблю.

КАРЛЪ. Стража!

ГЕРЗУИНДА (съ отчаяньемъ озирается, какъ травленный звѣрь, ища помощи. Она не видитъ возможности спастись, и ею овладѣваетъ смертельный ужасъ. Она бросается къ Карлу и горячо цѣлуетъ ему руки, плечо и платье). Оставь мнѣ жизнь, король Карлъ! Сжался! Я жить хочу!

КАРЛЪ (отталкивая ее). Тварь презрѣнная!

ГЕРЗУИНДА (съ мольбой). Оставь мнѣ жизнь! Оставь мнѣ жизнь! Въ цѣпи закуй меня желѣзныя. Пускай никто отнынѣ—кромѣ тебя—меня не видитъ! Никто какъ ты отнынѣ меня пусть не коснется. Никто какъ ты, отецъ прекрасный, наложишь цѣпи на меня! И только ты ихъ снимешь, мощный херувимъ! Никто какъ ты! Никто какъ ты! Ты мой богъ!

КАРЛЪ. Нѣтъ, все это сдѣлаешь другой, не я...

ГЕРЗУИНДА. Кто?

КАРЛЪ. Другой—вотъ все. Но прежде чѣмъ его я позову—а онъ всегда готовъ... зови его отцомъ и херувимомъ, и богомъ—какъ захочешь. Онъ все это болѣе чѣмъ я. Но прежде чѣмъ позову его,—того, который оковы разбиваетъ, а также новья куетъ, сознайся, въ чемъ ты провинилась.

ГЕРЗУИНДА. Ты отдашь приказъ меня убить?

КАРЛЪ (твердо). Да.

ГЕРЗУИНДА (другимъ тономъ. Дерзко). За что, скажи, я умереть должна?

КАРЛЪ. Теперь ты, наконецъ, рѣшилась отрицать? Теперь? Нѣтъ, слишкомъ поздно! Сначала отрицать, потомъ признаться—такъ бываетъ. Но нельзя съ признанья начинать, распутница, и отрицать потомъ! Какъ сторожей ты обманула?

ГЕРЗУИНДА. Кто говорить, что сторожей я обманула?

КАРЛЪ. Я.

ГЕРЗУИНДА. Зачѣмъ мнѣ было сторожей обманывать? Слугъ позови. Пускай придутъ. Спроси ихъ.

КАРЛЪ. Такъ ты негодною своей монетой подкупила ихъ, презрѣнная?

ГЕРЗУИНДА (въ бѣшенствѣ). Зачѣмъ презрѣнную къ себѣ ты вялялъ? Зачѣмъ меня, презрѣнную, ты не оставилъ тамъ, гдѣ я лежала, а поднялъ? Я не просила. Не жаловалась я и не кричала. Тебя я не звала... Не падала къ твоимъ ногамъ и не молила меня поднять изъ праха. А ты схватилъ меня и отъ себя не отпустилъ. Зачѣмъ, когда меня ты ни во что считаешь и надо мной смѣешься? когда меня ты не желаешь никогда? Я не хочу сносить насмѣшекъ. Мнѣ нестерпимъ твой взоръ, всегда съ укоромъ, съ обвиненьемъ глядящій на меня—и съ ужасомъ, едва прикрытымъ. Не хочу твоей я клѣтки, твоей темницы! Не хочу быть въ ней отрѣзанной отъ жизни, отъ бога—отъ моей святыни, отъ страсти жгучей. Я пламенѣть должна, иль я остыну навѣки!

КАРЛЪ (угрою). А у меня ты коченѣешь... и теперь умрешь. Нетерпѣлива ты!

ГЕРЗУИНДА. Да, кто медлитъ и лишь словами мнѣ отвѣчаетъ, тотъ меня не любитъ. Кто медлитъ—тотъ жаждою меня томить. А тотъ, кто голодомъ меня терзаетъ, тотъ муку тягчайшую готовить мнѣ: одинокой и нелюбимой дѣлаетъ меня, чужой и страхомъ одержимой! Меня кошмаромъ давить боязнью, что меня покинуть. Кто медлитъ меня къ груди прижать—тотъ подпускаетъ все отнимающую смерть ко мнѣ!

КАРЛЪ (смотреть нѣсколько времени молча, на тяжело-дышащую Герзуинду, потомъ медленно говорить:) Ты убѣдила и гвѣвъ разсѣяла мой, Герзуинда! Довольно той смерти, которой умерла ты въ домѣ Карла. Второй не нужно мнѣ, чтобы съ тобой покончить. Безъ зова смерть придетъ, какъ ты сама сказала—когда захочетъ. Ну, а теперь иди! (Герзуинда не двигается съ мѣста) Тебя вернуть въ твою отчизну, къ богу твоему—къ чудовищамъ, что за боговъ ты считаешь. Валяйся тамъ въ грязи—и обо мнѣ забудь навѣки! (Онъ отвернулся отъ нея, она попрежнему стоитъ неподвижно) Ты все еще стоишь? Такъ хлысть...

ГЕРЗУИНДА. Ударь меня!

КАРЛЪ. Я не палачъ. (Кричитъ въ садъ) Флаккъ, иди сюда! (Онъ хлопаетъ въ ладоши. Являются чернокожіе слуги) Уберите скорѣе со стола. И выметите домъ, чтобы было всюду чисто! Принесите намъ лучшаго вина и яства лучшія. (Алькуинъ выходитъ изъ сада) Флаккъ, другъ мой, теперь съ двойною радостью привѣтствую тебя! Инымъ сталъ воздухъ, грудь свободно дышетъ. Нѣтъ больше подлѣ насъ нечистыхъ духовъ. Дыханье тлѣна не будетъ портить чистый ароматъ вина. Скорѣе, Рико! Коней и кречетовъ! Но раньше мы попируемъ и наполнимъ здоровой пищею, какъ косари, желудки франковъ. Затѣмъ мы, съ Божьей помощью, поѣдемъ на охоту.

АЛКУИНЪ. Вотъ твое кольцо, король Давидъ: не могъ я части въ цѣлое сложить.

КАРЛЪ (взявъ кольцо). Тебѣ игрушка надоѣла? (Презрительно бросаетъ кольцо, которое подкатывается къ ногамъ Герзуинды) Мнѣ тоже!

ГЕРЗУИНДА (быстро поднимаетъ кольцо и прячетъ его) Пока жива, я не отдамъ его! (Быстро убѣгаетъ)

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Монастырь на Планѣ: своды, лѣстницы, переходы, открытая галле-
рея. Прошло около недѣли послѣ третьяго дѣйствія. Около полудня.
Герзуинда, полулежа въ креслѣ, со слѣдами тяжелой болѣзни
на лицѣ. Сестра управительница сидитъ подлѣ нея и
одѣваетъ куклу; большую помѣстили такъ, что на нее падаетъ
теплый свѣтъ осенняго солнца изъ открытой галлерей)

СЕСТРА УПРАВ. Отъ кого твое кольцо?

ГЕРЗУИНДА. Сказала я: отъ матери.

СЕСТРА УПРАВ. Хорошо, что имъ ты дорожишь.

ГЕРЗУИНДА. Да, я имъ дорожу.

СЕСТРА УПРАВ. Вижу, вижу!

ГЕРЗУИНДА. Вотъ здѣсь его я прячу—у сердца.

СЕСТРА УПРАВ. И все жъ ты говоришь, что ма-
тери своей не знала?

ГЕРЗУИНДА. А ты повѣрила, что мать кольцо
дала мнѣ?

СЕСТРА УПРАВ. Конечно. Ты сказала; какъ же
мнѣ не вѣрить?

ГЕРЗУИНДА. Я и неправду порою говорю.

СЕСТРА УПРАВ. Такъ ты солгала?

ГЕРЗУИНДА. Да, сестра.

СЕСТРА УПРАВ. Отъ кого же у тебя кольцо?

ГЕРЗУИНДА. Его мнѣ онъ далъ.

СЕСТРА УПРАВ. Кто?

ГЕРЗУИНДА. Король Карлъ.

СЕСТРА УПРАВ. Которому такъ дурно за доброту
ты отплатила?

ГЕРЗУИНДА. А ты опять повѣрила?. Какая ты легковѣрная, сестра!

СЕСТРА УПРАВ. Стыдно, Герауинда!

ГЕРЗУИНДА. Ну, развѣ былъ бы дорогъ мнѣ подарокъ короля? Не бросила бѣ я развѣ его колечко?

СЕСТРА УПРАВ. Нѣтъ! Цѣнить подарокъ короля должна ты, и никогда не разлучаться съ нимъ.

ГЕРЗУИНДА. Ишь вѣдь, что выдумала! Какая же ты умница! Дай куклу мнѣ, сестра.

СЕСТРА УПРАВ. Нѣтъ, подожди. Скажи сначала, гдѣ и когда ознобъ и страхъ ты вдругъ почувствовала? И по какой причинѣ?

ГЕРАУИНДА. Какое всѣмъ вамъ дѣло до меня?

СЕСТРА УПРАВ. Ну и строптивая ты, право! Сама подумай: зачѣмъ и настоятельница, и врачъ тебя спрашиваютъ, желая знать, когда впервые отъ страха сердце сжалось у тебя, когда почувствовала ужасъ, о которомъ ты говорила намъ? Для того, конечно, чтобы понять твою болѣзнь и тѣмъ скорѣе вылѣчить тебя.

ГЕРЗУИНДА. Я хочу... т. е. хотѣла...

СЕСТРА УПРАВ. Что хотѣла?

ГЕРЗУИНДА. Хотѣла зло вамъ причинить.

СЕСТРА УПРАВ. Приходится повѣрить—ежечасно объ этомъ ты твердишь. Но кто тебѣ зло причинилъ? Вотъ что скажи мнѣ. Кто далъ въ ту пагубную ночь тебѣ питье зловредное?

ГЕРЗУИНДА. Былъ онъ съ длинными и бѣлыми кудрями—совсѣмъ какъ король Карлъ. И выпила его питье я—потому, что былъ онъ какъ король.

СЕСТРА УПРАВ. Что жъ это было за питье?

ГЕРЗУИНДА. Кажется вино—навѣрное не знаю. Противно было мнѣ оно!

СЕСТРА УПРАВ. Гдѣ же это было?

ГЕРЗУИНДА. Все ты спрашиваешь: гдѣ, когда и кто? Не знаю!

СЕСТРА УПРАВ. Я женщина какъ ты—и можешь

говорить со мной открыто. Скажи: ты согласилась выпить противное питье лишь потому, что даль его тебѣ на короля похожій человѣкъ. Такъ почему жъ ты оттолкнула кубокъ, тебѣ протянутый рукою Карла самого, наполненный любовью и благословеніемъ?

герзуинда. Даѣй куклу мнѣ, сестра! Не слышишь, что ли?

сестра управ. Ну, а когда ты проглотила, сжалившись надъ старикомъ, питье, которое тебѣ онъ даль?

герзуинда. То лучшимъ отъ этого не сдѣлалось оно. Такое же противное осталось.

сестра управ. Ознобъ почувствовала ты?

герзуинда. Да, стало холодно.

сестра управ. А если встрѣтила бъ ты старика того, узнала ли бъ его ты, Герзуинда?

герзуинда (рѣшительно). Нѣтъ!

сестра управ. Забыла ты его лицо?

герзуинда. Я вижу его передъ собою неустанно.

сестра управ. И все жъ не хочешь его назвать, признать не хочешь, когда онъ явится — хотя изъ-за него ты заболѣла и такъ слаба. Несчастья твоего вѣдь онъ причина.

герзуинда. Я не несчастна! Будь я несчастна — повторяю, неправда это! — тогда, конечно, его назвала бъ я. Согрѣй мнѣ руки! Согрѣй меня!

(Тревожно глядя ей въ лицо, сестра закутываетъ ей руки толстымъ платкомъ. Тихо входитъ настоятельница, за нею Рорико, не снявшій верхнюю одежду, въ которой пришелъ съ улицы)

настоятельница. Нельзя, графъ Рорико. Самъ на нее взгляни. Вотъ видишь — безпомощна она и, какъ младенецъ, нуждается въ уходѣ. Не выдержитъ она и день въ пути.

рорико. И все же нужно увезти ее. Не терпитъ время, мать почтенная. Я слишкомъ смѣло и само-

вольно поступилъ. Въ то утро злополучное, когда свершилась ея судьба, когда великій Карлъ, прихотью пресытившись, хватившей на краткій день осенній, выбросилъ ее какъ мошку мертвую—въ то утро, правда, иначе я поступить не могъ, какъ поступилъ.

настоятельница. И ты былъ правъ, графъ Рорико, что вспомнилъ о королевскомъ словѣ, на бумагѣ закрѣпленномъ, что мы хранимъ въ монастырѣ. Ты поступилъ, какъ рыцарь благородный, когда привелъ обратно заблудшую овечку къ намъ. Простится властелину, когда забудетъ свое онъ слово—слишкомъ много заботъ великихъ у него. Можетъ и ребенокъ забыть про обѣщанье, данное ему: забывчивы и пользы своей не знаютъ дѣти. Но если тотъ, кому опека надъ ребенкомъ ввѣрена, забудетъ—достоинъ онъ Господней кары.

рорико. Какъ гласить бумага, которую храните вы?

настоятельница. Въ ней обязуетъ насъ король кровь и защиту ей предоставлять до самой смерти.

рорико. Считаю я тоже, что мѣсто ей въ монастырѣ. Но Карлъ изгналъ ее изъ Аахена.

настоятельница. Кого тутъ изгонять? Смотрите на нее: страданій горсточка, едва замѣтная; метлой неумолимой ее сегодня-завтра правительница наша смерть за двери вымететъ. Останется лишь золотая прядь волосъ, которую, быть можетъ, король снялъ съ головы у ней — и больше ничего. (Плача) Ужель ея страданій мало, чтобъ искупить вину? Должна я тайну тебѣ ввѣрить, графъ Рорико. Ей дали выпить яду—нѣтъ сомнѣнья. О, люди! О, мужчины! Вамъ мало похитить пѣжные плоды въ саду, что открываетъ въ невѣдѣньи своемъ дитя. Породы волчьей вы и задушить потомъ хотите жертву. Мы безразсудны, и не узнаемъ въ мужчинѣ волка, не видимъ въ улыбкѣ лицемѣрной врага злорадный смѣхъ.

рорико. Мать любвеобильная! О, если бъ Герауинда

не отстраняла никогда **руки**, которую благоговѣнно я подношу къ устамъ. Но все же и Герауинда не безъ вины, а главное, **виновной** считаетъ ее Карль. Сегодня утромъ онъ **вернулся** въ аахенскій дворець. Онъ сильно **замѣнился**. На лбу его морщины пролегли—и безъ испуга **на** нихъ взглянуть нельзя. Онъ мрачно хмуритъ брови и только вдругъ ихъ подымаетъ, освобождая взоръ, чтобъ съ беспощадной угрозой поразить имъ. И если Карль узнаетъ, что Герауинда скрыта здѣсь, въ монастырѣ, а не отправлена на родину далекую, то **всѣмъ** грозитъ опасность.

настоятельница. Я исполняю свой долгъ и не страшусь.

Рорико. Страшитесь Карла! Послушайте совѣта моего. Сегодня къ ночи я приготовлю лошадей и двухъ людей надежныхъ, чтобъ увезли они дитя къ ея роднымъ. Но, можетъ быть, уже мы пропустили время—и сейчасъ, при насъ, ее больную схватятъ палачи, и тутъ же растерзаютъ. Въ народѣ слухъ уже распространился, что въ городѣ она, и рыщетъ чернь всюду, чтобы найти ее и забросать камнями.

настоятельница. Ей предстонтъ одинъ лишь путь—последній, графъ Рорико. Однажды ее ужъ взяли у меня—однажды отняли заложницу, которую Господь заботамъ нашимъ поручилъ. Какой ее вы увели? Какой она ко мнѣ вернулась? Сегодня воля высшая зоветъ ее—и небу я сохранию ее. Колдуньей называетъ ее толпа—а другъ дѣтей, Спаситель, ребенкомъ назоветъ ее. Но какъ, скажи, твой страхъ согласовать съ тѣмъ, что сказалъ мнѣ нашъ духовникъ: скорбитъ король, онъ говорить, и кротостью полна его душа. Повѣрите если словамъ духовника — то обливается король слезами.

Рорико. Господь помилуй франковъ, когда въ слезахъ король! Когда льетъ слезы Карль, то дѣла его быстрѣе словъ и раньше исполненъ приговоръ, чѣмъ

онъ произнесенъ. Безъ грома, нѣмая молнія все пожираетъ жадно. Однажды, при Верденѣ, заплакалъ Карль, и вздулись отъ крови человѣческой ручьи. И снова плачетъ Карль теперь. Рыдаетъ ночью Карль—а на площадкѣ за церковью святой Маріи, что строится—плоды видны горячихъ слезъ его. Замедлилась постройка храма въ честь Господа, и много рабочихъ наилучшихъ, справляя праздникъ въ будни, свернувши шею и черный высунувъ языкъ, на воздухѣ качаются.

ГЕРЗУИНДА (просыпаясь). Сестра!

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА. Что, дитя?

ГЕРЗУИНДА. Тутъ говорятъ, я слышу.

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА. Да, графъ Рорико и настоятельница тутъ.

ГЕРЗУИНДА. А защититъ меня король отъ старика?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Какого старика?

ГЕРЗУИНДА. Вотъ отъ того, который тамъ стоитъ, меня колдуньей называетъ и дьяволицей злой.

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА. Это она про канцлера почтеннаго, про Эркамбальда говорить. Терзаетъ ее воспоминанье объ утрѣ злополучномъ, когда насъ обвинилъ язычникъ Беннитъ, ея дядя—и мы явились съ нею къ королю.

ГЕРЗУИНДА. А тотъ, кто говорилъ,—вѣдь это Рико, сестра, любимецъ короля?

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА. Да, здѣсь графъ Рорико. Открой глаза—и ты его увидишь.

ГЕРЗУИНДА (съ закрытыми глазами). Его я вижу ясно предъ собой. Красивъ онъ—но не такъ, какъ Карль—далеко не такъ. Карль—богъ, а мы всѣ—люди

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (обращаясь къ Рорико). Повѣритель: короля такъ тяжело оскорбивъ, все жъ почитаетъ какъ святого она его.

РОРИКО. Творецъ одинъ лишь можетъ понять ее.

ГЕРЗУИНДА. Не хочу глотать противное питье! Брр!.. Гадко! Пусть онъ уйдетъ...

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Ей дали ядъ, повѣрьте. Въ ту ночь, въ трущобѣ, куда влекла ее власть сатаны, какой-то невѣдомый старикъ ей далъ въ винѣ отраву выпить.

РОРИКО. Повѣрить трудно, что она, столь нѣжная и хрупкая, такое страшное проклятье съ собою принесла на свѣтъ! Вотъ она лежитъ—такая слабая. О, слабости! Нѣтъ щита противъ нея. Все время была она одна и опиралась на собственную слабость; больше ни на что—какъ опирается на мощь свою король. И вотъ теперь она—какъ онъ—окружена врагами. Ненависть и злоба грозятъ ей отовсюду. (Быстро входитъ Эркампвальдъ)

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Ты здѣсь, графъ Рорико?

ГЕРЗУИНДА (вздрагиваетъ при звукѣ голоса Эркампвальда, открываетъ глаза и смотритъ на него широко раскрытыми глазами). Опять!.. Вѣдь онъ... Чего еще ты хочешь?

ЭРКАМВАЛЬДЪ (не обращая вниманія на Герзуинду). Почему вернулся въ Аахенъ такъ неожиданно король?

РОРИКО. Сегодня утромъ только велѣлъ онъ въ путь собраться. Небо вѣдаетъ, что онъ затѣялъ.

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Спрячьте дѣвушку, мать настоятельница. Король ужъ на пути сюда.

РОРИКО. Я такъ и зналъ, что донесутъ ему!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Уведите ее, вамъ говорю я! Народъ волнуется, и Карлъ въ настроеніи дьявольскомъ! Хотя и противъ короля теперь народъ настроенъ, съ тѣхъ поръ какъ слишкомъ горячіе молодчики на воздухѣ болтаются, все жъ въ ненависти къ этой потаскушкѣ заодно они.

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА (поднимая съ кресла Герзуинду, которая продолжаетъ глядѣть съ ужасомъ на Эркампвальда). Обойми мнѣ шею, Герзуинда, и держись покрѣпче. Грѣшатъ въ своей заносчивости сильные—

но есть у насъ оплотъ въ Спасителѣ! (Она выноситъ Гер-
зуинду на рукахъ. Рорико ей помогаетъ)

ЭРКАМВАЛЬДЪ (оставшись наединѣ съ настоятель-
ницей). И смерть сама, какъ видно, не хочетъ ее взять!
Какъ твердо въ милости у короля стоите вы, что ваша
жалость такимъ путемъ идти дерзаетъ. Я бы иначе съ
нею поступилъ, хоть и больна она — какъ кошку уто-
пилъ бы я ее!

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (глядя на Эркамвальда въ упоръ).
Я знаю: ты бы это сдѣлалъ. Но то, что сдѣлалъ ты дѣй-
ствительно—известно лишь тебѣ: я этого не знаю.

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Ну, такъ и говори о томъ, что
знаешь!

(Эркамвальдъ быстро удаляется, съ другой
стороны входитъ обычнымъ медлительнымъ ша-
гомъ Алькуинъ)

АЛЬКУИНЪ. Кто это поспѣшно вышелъ?—Канцлеръ
Эркамвальдъ?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Благословенъ Господь, тебя
пославшій къ намъ! Скажи, отецъ, скорѣе дочери твоей,
которую со всѣхъ сторонъ пугаютъ... Скажи, ужели
Карль такъ бѣдную заложницу возненавидѣлъ, что
смерть грозитъ тому, кто сжалится надъ ней?

АЛЬКУИНЪ. Такъ значитъ это правда? Вы прию-
тили ее? Такъ знайте: Карль, смутному предчувствію
послушный, ее здѣсь ищетъ. Не въ гнѣвѣ—нѣтъ—
терзаетъ его мука. Страшенъ Карль — не только вра-
гамъ своимъ, но и себѣ. И страшенъ, дважды стра-
шенъ, когда онъ любитъ!

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Мнѣ драгоцѣнно слово каж-
дое изъ устъ твоихъ, отецъ. Но поспѣши, прошу тебя,
и многое еще скажи, чтобъ знала я, какъ поступить,
какъ встрѣтить короля.

АЛЬКУИНЪ. Предположи, что хочетъ ее онъ снова
повидать. Предположи, что къ ней онъ рвется дикою
душой — наперекоръ всему, что говоритъ притворно.
Вотъ чѣмъ ужасно его страданье... Будь эта дѣвочка

невинна, чиста и преданна—по опыту мы знаемъ, дочь моя,—случилось то же бы, что часто ужъ случалось: еще одинъ сынокъ у короля—и больше ничего. А тутъ иное вышло. Чужой она ему осталась; не подчинилъ ее себѣ король. Въ то время, какъ страсть влекла его, какъ онъ томился отъ желаній—его удерживала гордость и непреклоннымъ дѣлала. Потомъ онъ оттолкнулъ ее—ее, которая съ тѣхъ поръ тѣмъ пагубнѣе воцарилась въ его душѣ. И вспыхнуло такъ долго сдержанное пламя, отъ гнѣва власти оскорбленной еще сильнѣе разгораясь, и все кругомъ зажгло... Хочу сказать я, что весь въ огнѣ король.

настоятельница. Такъ, значить, правда, что онъ боленъ?

алькуинъ. И тяжело.

настоятельница. А гдѣ же врачъ? Кто исцѣлить его?

алькуинъ. Она—которую онъ ищетъ. Она—никто другой. Вотъ онъ идетъ сюда. Гремить ужъ въ домъ его голось.

(Быстро появляется первая сестра, за ней вторая)

первая сестра. Пойди къ ней, помоги!..

вторая сестра. Король ступилъ въ нашъ домъ, мать настоятельница.

первая сестра. Герзуинда зоветъ тебя!

вторая сестра. Мать, спрашиваетъ о тебѣ король.

первая сестра. Мать, Герзуиндѣ тяжело... Умираетъ она.

вторая сестра. Что мнѣ сказать, когда король о настоятельница спросить?

первая сестра. Она должна сказать предъ смертью тебѣ тайну, мать. Не можетъ безъ исповѣди умереть она.

настоятельница. Что жъ дѣлать мнѣ?

алькуинъ. Твой путь начертанъ твердо. Иди, не озираясь, мать.

(Настоятельница идетъ за первой сестрой; нѣсколько монахинь быстро вбѣгаютъ и приводятъ все въ порядокъ въ комнатѣ. Алькуинъ становится въ выжидательной позѣ. Слышенъ громкій голосъ короля, который приближается со своей свитой, навнѣ доходить гулъ толпы, которая собралась у дверей монастыря. Наконецъ входитъ Карлъ, съ нимъ Рорико, Эркамбальдъ, нѣсколько придворныхъ и много монахинь)

КАРЛЪ (монахинямъ). Дарю вамъ поле за прачешной. Будетъ оно вашимъ, съ однимъ условіемъ, чтобъ кромѣ овощей, салата и капусты, вы мальвы тамъ и розмаринъ растили. (Монахини выражаютъ свою радость, нѣкоторыя цѣлуютъ его руки) А гдѣ же мать настоятельница?

ТРЕТЬЯ МОНАХИНЯ. Гдѣ же мать?

ЧЕТВЕРТАЯ МОНАХИНЯ. Развѣ не здѣсь она?

ПЯТАЯ МОНАХИНЯ. О, Боже, гдѣ она? Пойти ее искать!

(Большинство монахинь быстро убѣгаютъ)

КАРЛЪ. Тутъ, кажется, магистръ Алькуинъ, мы съ школьницами занимались? (Обращаясь къ одной монахинѣ) Сколько теперь воспитанницъ у васъ въ монастырѣ? Когда въ послѣдній разъ я самъ ихъ сосчиталъ, ихъ было тридцать.

ШЕСТАЯ МОНАХИНЯ. Да и теперь ихъ ровно тридцать, государь.

КАРЛЪ. И все жъ одной недостаетъ, дитя мое.

(Слышна въ коридорахъ тревожная бѣготня. Монахини, стоящія на сценѣ, тихо шепчутся. Многія блѣднѣютъ и выходятъ. Вбѣгаютъ двѣ ученицы монастырской школы, съ зажженными восковыми свѣчами и хотятъ пройти мимо. Карлъ ихъ останавливаетъ)

КАРЛЪ. Куда спѣшите вы съ свѣчами? (Онѣ съ испугомъ отступаютъ, идутъ дальше и исчезаютъ за дверью) Вотъ какъ! Мы, кажется, здѣсь лишніе. Тутъ холодно и сыро. Дуетъ. Закройте двери. Почему вы такъ блѣдны? Что происходитъ здѣсь?

Алькуинъ. За минуту предъ тѣмъ, какъ ты вошелъ, мать настоятельницу отозвали къ постели умирающей.

Карль. Не добрый знакъ, когда дорогу мнѣ смерть переступаетъ и входитъ первой! (Прислушиваясь къ шуму толпы) Что привело въ смятенье рой пчелиный?

Эркамвальдъ (поспѣшно). Узнать ты долженъ все равно—такъ знай сейчасъ же: мость, который построилъ ты на Майнѣ, созданье дивное рабочихъ чужеземныхъ—погибъ. Унесло его течение. Объ этомъ здѣсь съ утра узнали.

Карль. Довольно. Знаю. Споткнулся также мой конь и сбросилъ меня на землю сегодня у городскихъ воротъ. Что жъ дѣлать? Клонится къ вечеру и самый длинный день.

Алькуинъ. И точно также за каждой ночью утро слѣдуетъ.

Карль. Такъ будемъ терпѣливо ждать (озираясь). Ждать терпѣливо, приходится, какъ видно, также здѣсь. Пойдите и посмотрите, что происходитъ. (Эркамвальдъ, Рорико и остальные выходятъ исполнить приказъ короля. Остается только Алькуинъ. Карль смотритъ на него значительнымъ взглядомъ и продолжаетъ) Вотъ мы въ монастырѣ. Теперь могу сказать тебѣ, что привлекло меня сюда. Я самъ не зналъ еще, когда объ этомъ ты спрашивалъ меня: я видѣлъ сонъ. Здѣсь, на скамейкѣ, сидѣла Герзуинда, смѣясь и говоря... Но что—забылъ. Нѣтъ, вспомнилъ: дословно я не помню, но все же вотъ что было: я первый съ ней заговорилъ.—Что случилось съ моимъ кольцомъ? спросилъ ее. Кольцо меня терзаетъ ночь каждую—съ тѣхъ поръ, какъ охватило безуміе меня.—Ты знаешь вѣдь. Зачѣмъ взяла кольцо ты? я спросилъ. Она отвѣтила:—Приди и посмотри.

Алькуинъ. Мнѣ жъ представляется, о, государь, что среди тучи мы стоимъ, таящей сокрытую еще судьбу. Пошли, Господи, намъ силы съ достоинствомъ ее нести!

(Входитъ настоятельница. плача)

КАРЛЪ (идя ей навстрѣчу). Странно мнѣ сегодня, о, мать почтенная, въ стѣнахъ монастыря: такъ чуждо необычно и даже жутко—хотя при мнѣ мой мечъ. Мнѣ кажется, какъ будто я—лишь духъ мой, сюда явившійся, въ то время, какъ другой король здѣсь править. Но живъ я; ты узнаешь меня?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (цѣлуетъ край его одежды и плачетъ).
Храни, Господь, главу помазанника Твоего!

КАРЛЪ. Опять въ слезахъ? Сегодня, какъ тогда, когда въ послѣдній разъ мы видѣлись въ дворцѣ. Оставь меня наединѣ съ почтенной матерью.

(Алькуинъ выходитъ. Отъ двери отскакиваютъ блѣдныя монахини, подслушивавшія у дверей)

КАРЛЪ. Отъ ложа смерти ты пришла. Что жь! Кто умеръ, — счесть тотъ покончилъ съ жизнью. А надъ живыми тяготѣть проклятье Божье за прародительницу нашу Еву. Все еще она порой насъ навѣщаетъ. Дабы не прекратилась мука нашей жизни — она приносить снова яблоко и снова грѣхъ вносить въ міръ. Какъ давно не видѣлись мы?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Слишкомъ долго и для слуги твоей и для твоихъ питомцевъ въ стѣнахъ монастыря. Они сиротами становятся безъ своего отца.

КАРЛЪ. Отецъ? Питомцы? Ужъ если, женщины, отецъ вамъ нуженъ — ищите его на небѣ. Къ отцу земному не обращайтесь. Не отрицай — твоя печаль тебя въ неправдѣ обличить: язычникъ Беннитъ, тогда лишенный всѣхъ земель, теперь опять владѣеть своимъ помѣстіемъ въ Саксоніи и снова пріобрѣтенной властью онъ гордится. Но если въ спорѣ онъ побѣду одержалъ, то все же, мать, тебя вторая Беннита побѣда болѣе печалитъ. Горько, что отнялъ душу дѣтскую онъ у тебя и у Христа.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Бичемъ Господнимъ стала заложница для всѣхъ насъ...

КАРЛЪ. Хорошо!. Пусть станетъ она бичемъ для

всѣхъ. Будь я дѣйствительно отецъ, я бѣ день и ночь, какъ ты, скорбѣлъ о томъ, что Герзуинда не здѣсь, на попеченіи твоёмъ благочестивомъ, а далеко, у очага язычника живетъ вонючаго. Я исповѣдаться хочу тебѣ, мать настоятельница. Мать... я... сюда пришелъ... воспитанницей она была твоей. Ну, словомъ: Герзуинда... О томъ, что было съ ней, конечно, знаешь ты; все проникаетъ чрезъ стѣны моего палатината. Такъ вотъ весь міръ клянеть ее. Съ глазъ моихъ я грѣшницу прогналъ. И вотъ теперь раскаяньемъ терзаюсь горькимъ. Не думай, мать, что разума лишился я. Христофоръ, младенца Иисуса на берегъ пронося чрезъ потокъ бурливый, когда бѣ на волю теченья бурнаго отдалъ святую ношу — какъ горько раскаялся бы онъ! Повѣрь мнѣ, мать, страсть дикая и буря сладострастья—не похоть въ ней распутницы, а иго сатаны и мрачное служенье тьмѣ. Я часто видѣлъ, какъ ея касался духъ, покорившій тѣло нѣжное себѣ, какъ къ изступленью страсти страшному ее онъ принуждалъ въ служеніи ему. Когда же я рукой дотрагивался до нея—то мукой искажались черты лица, застывшаго въ безчувствьи, въ то время, какъ извивалось безпомощное тѣло. Ну, словомъ: невинна ли она или нѣтъ—но соблазнила маской святости она меня—сіяніемъ невинности. Если это обманъ, то помоги мнѣ, мать, сіяніе разрушить, не то я божествомъ ее признаю франковъ. Разбей святыню, изъ которой кротко улыбается она!

на настоятельница. О, государь, рѣшеніе мудрое Господне, которому вдвойнѣ я покоряюсь, отъ вины тебя уберегло.

карлъ. Мать, она влечетъ меня къ себѣ! Я плѣнникъ, я свободу потерялъ. Чѣмъ привязала она меня къ себѣ, когда ее я выгналъ—чарами какими? Кольцомъ ли, что, быть можетъ, она украла у меня? Я не могу постигнуть, отгадать. Помогите рѣшить загадку! Пойди, найди ее; хочу узнать, кто душу въ ней убилъ—

когда ты скажешь, что она мертва; хочу не дать ей умереть—когда ты скажешь, что она жива. И если мнѣ скажешь: ты погубилъ ее, не зная, что она живая,—то сыновей я соберу и королевскихъ слугъ моихъ, имъ волю объявлю послѣднюю и въ монастырь уйду.

НА СТОЯТЕЛЬНИЦА. Къ дядѣ своему въ Саксонію не возвращалась Герзуинда. Здѣсь она была и здѣсь пріютъ нашла—какъ ей ты общалъ черезъ меня. Но вторично теперь она ушла, ушла—и больше не вернется. Когда черезъ порогъ ступилъ ты къ намъ въ обитель—она незримо пролетѣла, тебя минуя; въ ту самую минуту умерла она. Стремительно съ подушки голову поднявъ и голосомъ, отъ звуковъ котораго застыли всѣ, она назвала короля и умерла.

(Карль стоитъ безъ словъ, точно окаменѣвъ въ то время какъ гулъ народа у воротъ усиливается. Въ глубинѣ сцены собираются дѣти съ зажженными свѣчами въ рукахъ, очевидно чего-то ожидая)

КАРЛЬ (беззвучнымъ шопотомъ). Магистръ Алькуинъ!

АЛЬКУИНЪ. Что, король Карль?

КАРЛЬ (какъ прежде). Магистръ Алькуинъ!

АЛЬКУИНЪ. Что прикажешь?

КАРЛЬ. Что это, искры предъ глазами? Нѣтъ, свѣчи... свѣчи близятся ко мнѣ.

(Карль остановившимся взглядомъ смотритъ на свѣчи въ глубинѣ сцены. Теперь видно, что дѣти образуютъ начало шествія, которое медленно приближается къ аванъ-сценѣ)

НА СТОЯТЕЛЬНИЦА. Король и милостивый палатинъ—шаги и взоры отврати отъ этого дѣянья сѣрой смерти!

(Шествіе направляется въ глубинѣ сцены справа направо и показываются носилки, которыя несутъ монахини. Герзуинда лежитъ на нихъ мертвая, лицо ея закрыто)

КАРЛЬ. Молчи! Тутъ мертвая? Ты знаешь, кто она?

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА. Она скончалась, съ Богомъ примиренная—я приняла ея послѣдній вздохъ.

КАРЛЪ. Ты приняла ея послѣдній вздохъ? Чей? Кто та, которая скончалась? Открой лицо? Умерла по чьей винѣ она? Чего бѣснуется толпа передъ воротами? Пусти меня. (Онъ твердо подходитъ къ носилкамъ и самъ поднимаетъ покрывало съ лица Герзаунды) Ты это? Герзаунда? Откуда ты? (Король выпрямляется, но его охватываетъ дрожь. Кажется, точно качается башня во время землетрясенія. Онъ опускается, потомъ снова сейчасъ же выпрямляется, ищетъ опоры. Кто поддерживаютъ Рорико и Алькуинъ. Потомъ онъ снова слабѣетъ, затѣмъ поднимается, отстраняетъ отъ себя Рорико и Алькуина и глядитъ на мертвую) Я опоздалъ!.. Какъ странно!.. Вы всѣ поражены, что я спокоенъ. А странно то, что скорбь мнѣ душу успокоила и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ показала цѣлый міръ утратъ. Рука тепла... Не правда ль, соскользнулъ платочекъ розовый вотъ... вотъ отсюда и упалъ, какъ будто опустился къ ея ногамъ. Когда жъ вы стали искать—его не стало. Такъ убѣгаетъ жизнь. Я часто это видѣлъ и потому... (Онъ устремляетъ страшный пронзающій взглядъ на Эркамбальда) Я знаю: ты доволенъ, Эркамбальдъ. Да, вы довольны—но не я. То, что здѣсь свершено—убійство. Приблизься, Эркамбальдъ: убійство это. Тише! Она какъ будто сейчасъ заговорить. Грудь поднялась слегка. Ближе, подойдите ближе, говорю я! Убійство! Подойдите, чтобъ видѣть васъ она могла и обличить убійцъ. Рико! У всѣхъ дверей разставить стражу. Двери всѣ закрыты. Въ монастырѣ здѣсь убиваютъ.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (бросаясь къ его ногамъ). Быть можетъ, государь, свершилось здѣсь убійство. Но если—свидѣтель всевѣдущій Господь!—преступленье свершено и бѣдное дитя руки—не знаю чьей—злодѣйской жертва, то подымаю для клятвы обѣ руки: настигни насъ проклятье вѣчное! Да будутъ души всѣхъ насъ

лишены спасенья, если хоть зернышко вины здѣсь нашей: не потревожили ей волоска въ стѣнахъ монастыря.

КАРЛЪ. Не я виновенъ въ этомъ. То, что здѣсь видишь, Рико,—убійство гнусное. Поставьте стражу ко всѣмъ дверямъ. Кровь за кровь! Убійство это. Вотъ эта мертвая укажетъ путь намъ. Веди насъ, Гераунда, и за тобою мы пойдемъ—хотя пришлось бы вступить въ семью моихъ родныхъ. Въ нее войдемъ, и на кого укажешь мертвымъ пальцемъ, того возьмемъ. Хотя бы это былъ мой сынъ, потребую я кровь за кровь!

ЭРКАМВАЛЬДЪ. Вотъ, государь, возьми мою—пустите меня!—возьми спокойно. Немного, правда, во мнѣ осталось крови, но капля каждая была твоей—пролитая и непролитая — съ тѣхъ поръ какъ я живу. Но прежде чѣмъ склоню я шею—склоню охотно подъ топоромъ на плахѣ—позволь еще одинъ разъ поднять ее высоко. Не просвѣтленъ теперь, какъ было прежде, ты разумомъ Господнимъ. Тебя окуталъ сонъ. Закрыты уши и глаза; ты ничего не видишь и не слышишь. Не слышишь, какъ толпа бушуетъ? Отчаянье и ужасъ въ ихъ крикахъ бѣшеныхъ звучитъ! Слышишь—удары кулаками. Крикъ раздается: — Волосы распутница обрѣзала ему! Всѣ думаютъ, что дьяволица кровь твою сосетъ въ монастырѣ — въ то время какъ распадается тобою созданное царство. Вотъ что волнуетъ ихъ. Идетъ молва къ тому же, что высадился датчанинъ Годофридъ въ Фрисландію на двухъ стахъ суднахъ, что онъ напалъ на наши поселенья, спесь замки укрѣпленные, а гарнизонъ съ собой увезъ иль перерѣзалъ. Такой ударъ неслыханъ. Непонятенъ привыкшему къ побѣдамъ народу франковъ. Бѣснуются они и ножницами потрясаютъ — не сомнѣваясь, что жрецы саксонскіе тебя заколдовали — какъ обезсилили Самсона филистимляне—пославъ къ нему Далилу; силу его похитила она, обрѣзавъ волосы

ему (Во время всей рѣчи Эркамбальда, Карль не сводитъ взора съ Герауниды. Все болѣе и болѣе привлекаемый ею, онъ приближается къ мертвой, забываетъ все вокругъ себя и только когда Эркамбальдъ кончаетъ, онъ приходитъ въ себя отъ наступающей тишины; тихимъ глубокимъ голосомъ:) Рико! Рико!

РОРИКО. Что, государь?

КАРЛЬ. Идите. А ты останься.—И ты—и ты. (Онъ указалъ на Настоятельница и на Алькуина. Эркамбальдъ и остальные, также и дѣти, поспѣшно уходятъ. Король медленно подходитъ къ носилкамъ) Мать, сатана былъ прежде ангеломъ Господнимъ, неправда ли? Хотѣлъ онъ стать какъ Богъ, но палъ онъ и Господь его отринулъ. О, страшное паденье въ бездну сіяющихъ небесныхъ сонмищъ—дѣтей небесныхъ, которыхъ создали изъ чистаго сіянья, но не насытили!.. Ихъ крикъ — крикъ о любви—пронесся по небу: На помощь, сатана! Хотимъ мы быть какъ Богъ. Видите упрямство на чертахъ лица ея? Разбилась власть Господня объ ангела, Имъ созданнаго — не только человѣческая и моя. Теперь она нѣма. Во снѣ я видѣлъ въ сіяньи тѣло ея нѣжное. То, что я строго отъ нея скрывалъ, я вамъ открою. Любилъ я Герауниду! Господь пространство наполняетъ именемъ Своимъ: она молчитъ, безмолвна, и на звуки отклика тутъ нѣтъ. Скажите то, чего не знаю: почему міръ раскололся и трещина прошла чрезъ сердце мнѣ? Она теперь передъ судьей своимъ стоитъ. Что скажетъ онъ? что можетъ молчанью гордому противопоставить? Спросить ли ее: гдѣ, гдѣ мое кольцо? А если будетъ молчать она въ отвѣтъ, то снова умертвить ее? Чтобъ десять разъ упрямо воскресала она для новаго горѣнья и мученій старыхъ. Мученье — вотъ для чего она жила! Гордость и страданье. Такая жизнь и моя. Прощай! Быть можетъ, ты лишь искра пламени изъ ада—такъ каково же море пламени, откуда ты явилась? Не мудрено, что духи

праведные на пагубу себѣ туда стремятся — обжигая грудь. Теперь я вашъ. Спать Герзуинда—но пробудить ее нельзя, и потому есть время у меня для васъ и датчанина Годоффрида.

крики толпы. Волосы ему обрѣзала она! Волосы распутница ему обрѣзала!

рорико. Если прикажешь, государь, я съ конницей толпу отброшу.

(Эркамвальдъ поспѣшно вбѣгаетъ)

эркамвальдъ. Ворвалась чернь въ домъ! Съ ней справиться нельзя. Если не выйдешь къ нимъ и не покажешь имъ себя—быть можетъ, скоро ужъ поздно будетъ.

карль. Ну, хорошо, пока не слишкомъ поздно. Ремесленникъ, вернись къ работѣ! Не взыщите, что пренебрегъ своимъ я долгомъ—его я знаю. Я знаю, что слуга я моихъ вассаловъ. Не осудите. Пожалѣйте—никому не говорите—теперь вдвойнѣ я буду потъ проливать. Надѣньте мнѣ желѣзное ярмо—и вотъ увидите: безсиленъ будетъ быкъ передо мной. Вотъ такъ: возьмите,несите ее. Я еще учиться долженъ тому, чему она меня учила. Не говорите, что учусь я у дѣтей еще. слышите? Скажите имъ: не знаетъ король нашъ Карль, что значить ошибаться. Скажите, что твердъ онъ какъ алмазъ и никогда не плачетъ. Вы видите того, кто взоромъ провожаетъ мертвую. Толпа его не видитъ и не знаетъ. Не выдайте его—пусть онъ исчезнетъ. Чего народъ не знаетъ—того не будетъ недоставать ему. Останется ему старикъ, и тотъ... старикъ стремится скорѣй попасть на поле брани—туда, гдѣ тучъ смятенье надъ головой, смятенье и воинство вокругъ него наполнить мѣръ. На боевого съестъ коня не терпится ему—и ночью спать подъ свистъ въ палаткѣ. Старый воинъ остался имъ—остался король Карль. Онъ жаждетъ бури, какъ воды олень. Всю жизнь дышалось

ему легко лишь въ битвахъ, подъ звонъ оружья. Войну провозглашаетъ онъ и сильныхъ бой мужей.

(Онъ вошелъ въ открытую галлерю и показываетъ кричащей толпѣ свой мечъ. На минуту наступаетъ мертвая тишина, потомъ толпа раывается кликами безконечнаго восторга).

КРИКИ ТОЛПЫ. Слава Карлу! Проклятье врагамъ его! Война! Онъ поднялъ мечъ. Слава ему! Онъ поднялъ мечъ!

З а н а в ѣ с ѣ .

Н. Шрейтеръ.

I.

НА СЪВЕРЬ.

Здѣсь солнце рѣдкій гость, случайный,—
Едва блеснувъ, уйти спѣшить...
На всемъ покровъ суровой тайны,
Тоски болѣзненной лежить.
Сосновый лѣсъ молчитъ угрюмо,
Въ сѣдыхъ вѣтвяхъ курится мгла—
Какъ будто тягостная дума
Межъ иглъ колючихъ залегла!

II.

Н А Ю Г Ъ.

Гляжу: плыветъ волшебный сонъ...
Какъ въ сказкѣ, красочны картины,—
Вотъ пальмъ ряды, какъ строй колоннъ,
Вотъ золотые апельсины!
А тамъ, вверху, на крутизнѣ,
Зонты гигантскихъ, стройныхъ пиній...
Надъ ними льется воздухъ синій,—
Зеркальный въ солнечномъ огнѣ!

Неаполь,
Январь 1908 г.

III.

Вечеръ душный, вечеръ мгlistый...
Гаснетъ западъ золотистый,
Въ тускломъ небѣ серпъ луны.
Спитъ рѣка,—не дрогнуть воды.
Въ царствѣ дремлющей природы
Бродитъ сумракъ, бродятъ сны...
Надъ безжизненной равниной
Синій лѣсъ встаетъ щетиной,
Зыбкій стелется туманъ...
Смутный часъ гнетущей лѣни!
Въ мiръ идутъ ночныя тѣни—
Черныхъ духовъ караванъ!

IV.

Пустынно. Безлюдно. Безмолвныя скалы кругомъ,
Безмолвное море подъ ними блеститъ серебромъ...
Сіяніемъ луннымъ провизана даль надъ водой...
Глубокая полночь—и всюду глубокой покой!
Прозрачныя тѣни... Бездушный, безжизненный свѣтъ,
Какъ отблескъ далекихъ, исчезнувшихъ въ вѣчности
лѣтъ...
Ни признака жизни, ни звука въ забвеньи ночномъ—
Природа, какъ смертью, холоднымъ окована сномъ!

М. ГОРЬКІЙ.

МАТЬ.

(Продолженіе).

М. Горькій Мать.

За англійскимъ изданіемъ этой повѣсти, выпущенной фирмой
Appleton and Company,
436 Fifth Avenue, New-York,
или ея уполномоченными,

закрѣплены всѣ права оригинала. Оно пользуется защитой законовъ
объ авторскихъ правахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, въ
Великобританіи и другихъ странахъ, гдѣ говорятъ по-англійски.

Во избѣжаніе недоразумѣній, гг. переводчиковъ просятъ предва-
рительно обращаться къ указанной фирмѣ, или къ представителю
автора внѣ Россіи, Ив. Павл. Ладъжникову, адресъ котораго:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow“.

XXVIII.

На разсвѣтѣ мать тряслась въ почтовой бричкѣ по размытой осеннимъ дождемъ дорогѣ. Дулъ сырой вѣтеръ, летѣли брыаги грязи, а ямщикъ, сидя на облучкѣ въ польборота къ ней, задумчиво и гнусаво жаловался:

— Я ему говорю, брату, то есть, что жъ, давай дѣлиться! Начали мы дѣлиться..

Онъ вдругъ хлестнулъ кнутомъ лѣвую лошадь и озлобленно крикнулъ:

— Н-но! Играй, мать твоя вѣдьма!..

Жирныя осеннія вороны озабоченно шагали по голымъ пашнямъ, холодно посвистывая налеталъ на нихъ вѣтеръ. Вороны подставляли ударамъ вѣтра свои бока, онъ раздувалъ имъ перья, сбивая съ ногъ; тогда онѣ, уступая силѣ, лѣбными взмахами крыльевъ перелетали на новое мѣсто.

— Ну, обдѣлилъ онъ меня... вижу я—нечѣмъ мнѣ взяться...—говорилъ ямщикъ.

Мать слышала его слова точно сквозь сонъ, въ сердцѣ ея росла нѣмая дума, память строила передъ нею длинный рядъ событій, пережитыхъ за послѣдніе годы и, пересматривая ихъ, она повсюду видѣла себя. Раньше жизнь создавалась гдѣ-то вдали, неизвѣстно кѣмъ и для чего, а вотъ теперь многое дѣлается на ея глазахъ съ ея помощью. И это вызывало у нея спутанное чувство недовѣрія къ себѣ и довольства собой, недоумѣнія и тихой грусти...

Все вокругъ колебалось въ медленномъ движеніи; въ небѣ, тяжело обгоняя другъ друга, плыли сѣрыя тучи; по сторонамъ дороги мелькали мокрая деревья, качая нагими вершинами; расходились кругомъ поля, выступали холмы, расплывались,—весь мутный день точно спѣшили навстрѣчу чего-то далекаго, нуждаго.

Гнусавый голосъ ямщика, звонъ бубенцовъ, влажный свистъ и шорскъ вѣтра сливались въ трепетный извилистый ручей, онъ текъ надъ полемъ съ однообразной силой и будилъ думы...

— Богатому и въ рай тѣсно... ужъ такое дѣло!.. Началь онъ жать... начальство ему пріятели... — качаясь на облучкѣ тянулъ ямщикъ.

Когда пріѣхали на станцію, онъ отпрягъ лошадей и сказалъ матери безнадежнымъ голосомъ:

— Дала бы ты мнѣ пятакъ... хоть бы выпилъ я...

Она дала монету и, встряхнувъ ее на ладони, ямщикъ тѣмъ же тономъ извѣстилъ мать:

— На три—водки выпью, а на двѣ хлѣба съѣмъ..

Послѣ полудня, разбитая и озябшая, мать пріѣхала въ большое село Никольское, прошла на станцію, спросила себѣ чаю и сѣла у окна, поставивъ подъ лавку свой тяжелый чемоданъ. Изъ окна было видно небольшую площадь, покрытую затоптаннымъ ковромъ желтой травы, волостное правленіе—темно-сѣрый домъ съ провисшей крышей. На крыльцѣ волости сидѣлъ лысый длиннородый мужикъ въ одной рубахѣ и курить трубку. По травѣ шла свинья. Недовольно встряхивая ушами, она тыкалась рыломъ въ землю и покачивала головой.

Плыли тучи темными массами, наваливались другъ на друга... Было тихо, сумрачно и скучно, жизнь точно спряталась куда-то, пританлась.

Вдругъ на площадь галопомъ прискакалъ урядникъ, осадилъ рыжую лошадь у крыльца волости и,

размахивая въ воздухѣ нагайкой, закричалъ на мужика—крики толкались въ стекла окна, но словъ не было слышно... Мужикъ всталъ, протянулъ руку, указывая вдаль, урядникъ прыгнулъ на землю, зашатался на ногахъ, бросилъ мужику поводъ, хватаясь руками за перила тяжело поднялся на крыльцо и исчезъ въ дверяхъ волости...

Снова стало тихо. Лошадь дважды ударила копытомъ по мягкой землѣ... Въ комнату вошла дѣвочка-подростокъ съ короткой желтой косой на затылкѣ и ласковыми глазами на кругломъ лицѣ. Закусивъ губы, она несла на вытянутыхъ рукахъ большой, уставленный посудой, подносъ съ измятыми краями и кланялась, часто кивая головой.

— Здравствуй, умница!—ласково сказала мать.

— Здравствуйте!

Разставляя по столу тарелки и чайную посуду, дѣвочка вдругъ оживленно объявила:

— Сейчасъ разбойника поймали... ведутъ!

— Какого же это разбойника?

— Я не знаю...

— А что онъ сдѣлалъ?

— Не знаю!—повторила дѣвочка.—Я только слышала—поймали... Сторожъ изъ волости за становымъ побѣжалъ и крикнулъ—поймали, говорить, ведутъ!..

Мать посмотрѣла въ окно—на площади явились мужики. Иные шли медленно и степенно, другіе—торопливо, застегивая на ходу полушубки. Останавливаясь у крыльца волости, всѣ смотрѣли куда-то влѣво... Но было странно тихо...

Дѣвочка тоже взглянула на улицу и убѣжала изъ комнаты, громко хлопнувъ дверь. Мать вздрогнула, подвинула свой чемоданъ глубже подъ лавку и, накинувъ на голову шаль, пошла къ двери, спѣша и сдерживая вдругъ охватившее ее непонятное желаніе идти скорѣе, бѣжать...

Когда она вышла на крыльцо, острый холодъ ударилъ ей въ глаза, въ грудь, она задохнулась и у нея одеревенѣли ноги—посрединѣ площади шелъ Рыбинъ со связанными за спиной руками, рядомъ съ нимъ шагали двое сотскихъ, мѣрно ударяя о землю палками, а у крыльца волости стояла толпа людей и молча ждала.

Ошеломленная, ничего не сознавая, мать неотрывно смотрѣла—Рыбинъ что-то говорилъ, она слышала его голосъ, но слова исчезали безъ эха въ темной дрожащей пустотѣ ея сердца...

Она очнулась, перевела дыханіе—у крыльца стоялъ мужикъ съ широкой, свѣтлой бородой, пристально глядя въ лицо ей. Кашляя и потирая горло обезсиленными страхомъ руками, она съ трудомъ спросила его:

— Это что же?

— А вотъ—глядите...—отвѣтилъ мужикъ и отвернулся. Подошелъ еще мужикъ и всталъ рядомъ.

Сотскіе остановились передъ толпой, она все росла, быстро, но молча, и вотъ надъ ней вдругъ густо поднялся голосъ Рыбина:

— Православные! Слышали вы о вѣрныхъ грамотахъ?.. Такъ вотъ за эти грамоты страдаю...

Люди окружили Рыбина тѣснѣе... Голосъ его звучалъ спокойно, мѣрно. Это отрезвляло мать.

— Слышишь?—толкнувъ въ бокъ голубоглазаго мужика, тихонько спросилъ другой. Тотъ, не отвѣчая, поднялъ голову и снова взглянулъ въ лицо матери. И другой мужикъ тоже посмотрѣлъ на нее—онъ былъ моложе перваго, съ темной рѣдкой бородкой и пестрымъ отъ веснушекъ, худымъ лицомъ... Потомъ оба они отодвинулись отъ крыльца всторону.

— Боятся!—невольюно отвѣтила мать.

Вниманіе ея обострялось. Съ высоты крыльца она ясно видѣла избитое, черное лицо Михаила Ивановича.

ча, различала горячій блескъ его глазъ, ей хотѣлось, чтобы онъ тоже увидаль ее и она, приподнимаясь на ногахъ, вытягивала шею къ нему.

Люди смотрѣли на него хмуро, съ недовѣріемъ и молчали. Только въ заднихъ рядахъ толпы былъ слышенъ подавленный говоръ.

Люди стояли молчаливо, смотрѣли исподлобья, сумрачно, на всѣхъ какъ будто лежало что-то невидимое, но тяжелое.

На крыльцѣ явился урядникъ и, качаясь, пьянымъ голосомъ заревѣлъ:

— Что за народъ? Это кто говоритъ?

Онъ вдругъ скатился съ крыльца, схватилъ Рыбина за волосы и дергая его голову впередъ, отталкивая назадъ, кричалъ:

— Это ты говоришь, сукинъ сынъ... это ты...

Толпа покачнулася, загудѣла. Мать въ безсильной тоскѣ опустила голову. Одинъ изъ мужиковъ вздохнулъ. И снова раздался голосъ Рыбина:

— Вотъ, глядите, люди добрые...

Михайло отиралъ съ лица и бороды грязь, кровь и молчалъ, оглядываясь. Взглядъ его скользнулъ по лицу матери—она, вздрогнувъ, потянулася къ нему, невольно взмахнула рукою—онъ отвернулся. Но черезъ нѣсколько минутъ его глаза снова остановились на лицѣ ея. Ей показалось — онъ выпрямился, поднялъ голову, окровавленные щеки задрожали...

— Узналъ... неужели узналъ?...

И закивала ему головой, вздрагивая отъ тоскливой жуткой радости. Но въ слѣдующій моментъ она увидѣла, что около него стоитъ голубоглазый мужикъ и

тоже смотреть на нее. Его взгляды на минуту разбудили въ ней сознание опасности...

— Что же это я?... вѣдь и меня схватятъ!

Мужикъ что-то сказалъ Рыбину, тотъ тряпнулъ головой и вздрагивающимъ голосомъ, но четко и бодро заговорилъ.

Какая-то женщина принесла ведро воды и стала, охая и причитая, обмывать лицо Рыбина. Ея тонкій, жалобный голосъ путался въ словахъ Михаила и мѣшалъ матери понимать ихъ. Подошла толпа мужиковъ со ставовымъ впереди, кто-то громко кричалъ:

— Давай подводу подъ арестанта, эй!... Чья очередь?

Крики толпы звучали умиротворяюще, просительно, они сливались въ неясную суету и все было въ ней безнадежно, жалобно. Сотскіе повели Рыбина подъ руки на крыльцо волости, скрылись въ дпери. Мужики медленно расходились по площади, мать видѣла, что голубоглазый направляется къ ней и исподлобья смотритъ на нее. У нея задрожали ноги подъ колѣнками—унылое чувство безсилія и одиночества засало сердце, вызывая тошноту.

— Не надо уходить!—подумала она.—Не надо!

И крѣико держась за перила—ждала.

Десятка два мужиковъ стояли, снявъ шапки, и слушали... Темнѣло, тучи опускались ниже... Голубоглазый подошелъ къ крыльцу и сказалъ, вдохнувъ:

— Вотъ какія дѣла у насъ...

— Да-а...—тихо отозвалась мать.

Онъ посмотрѣлъ на нее открытымъ взглядомъ и спросилъ:

— Чѣмъ занимаетесь?

— Кружева скупаю у бабъ... полотно тоже...

Мужикъ медленно погладилъ бороду. Потомъ, глядя по направленію къ волости, сказалъ скучно и негромко.

— Этого у насъ не найдется...

Мать смотрѣла на него сверху внизъ и ждала момента, когда удобнѣе уйти въ комнату. Лицо у мужика было задумчивое, красивое, глаза грустные. Широкоплечій и высокій, онъ былъ одѣтъ въ кафтанъ, сплошь покрытый заплатами, въ чистую ситцевую рубаху, рыжіе, деревенскаго сукна штаны и опорки, надѣтые на босую ногу...

Мать почему-то облегченно вздохнула. И вдругъ, подчиняясь чутью, опередившему неясную мысль, она несожиданно для себя спросила его:

— А что, ночевать у тебя можно будетъ?

Спросила—и все въ ней туго натянулось, мускулы, кости. Она выпрямилась, глядя на мужика остановившимися глазами. Въ головѣ у нея быстро мелькали колючія мысли:

— Погублю Николая Ивановича... Пашу не увижу... долго!... Изобьютъ!

Глядя въ землю и не торопясь, мужикъ отвѣтилъ, запахивая кафтанъ на груди:

— Ночевать? Можно... чего же? Изба только плохая у мея...

— Не избалована я!...—безотчетно отвѣтила мать.

— Можно!—повторилъ мужикъ, мѣрняя ее пытливымъ взглядомъ.

Уже стемнѣло, и въ сумракѣ глаза его блестя холодно, лицо казалось очень блѣднымъ. Мать, точно спускаясь подъ гору, сказала негромко:

— Значитъ, я сейчасъ и пойду... а ты... чемоданъ мой возьмешь...

— Ладно.

Онъ передернулъ плечами, снова запахнулъ кафтанъ и тихо проговорилъ:

— Вотъ—подвода ѣдетъ...

На крыльцѣ волости появился Рыбинъ, руки у него снова были связаны, голова и лицо окутаны чѣмъ-то сѣрымъ.

— Прощайте, добрые люди! — звучалъ его голосъ въ холодѣ вечернихъ сумерекъ.—Ищите правды, берегите ее, вѣрьте человѣку, который принесетъ вамъ чистое слово.

— Молчать, собака! — крикнулъ откуда-то голосъ станowego.—Сотскій, гони лошадей, дуракъ!

Подвода тронулась. Сидя на ней, съ двумя сотскими по бокамъ, Рыбинъ глухо кричалъ...

Торопливый шумъ колесъ, топотъ лошадей, голосъ станowego обняли его рѣчь, запутали и задушили ее.

— Кончено!—сказалъ мужикъ, тряхнувъ головой, и, обратясь къ матери, негромко продолжалъ:— Вы тамъ посидите немного на станціи... а я, погода, приду...

Мать вошла въ комнату, сѣла за столъ передъ самоваромъ, взяла въ руку кусокъ хлѣба, взглянула на него и медленно положила обратно на тарелку. Ёсть не хотѣлось, подъ ложечкой снова росло ощущение тошноты. Противно теплое, оно обезсиливало, высасывала кровь изъ сердца, и кружило голову. Передъ нею стояло лицо голубоглазаго мужика—оно было странное, точно недоконченное, оно не возбуждало довѣрія. Ей почему-то не хотѣлось подумать прямо, что онъ выдастъ ее, но эта мысль уже возникла у нея и тягостно лежала на сердцѣ, тупая и неподвижная.

— Замѣтилъ онъ меня,—лѣниво и безсильно соображала она.—Замѣтилъ... догадался...

А дальше мысль не развивалась, утопая въ томительномъ уныніи, вязкомъ чувствѣ тошноты.

Робкая, притаившаяся за окномъ тишина, смѣнивъ шумъ, обнажала въ селѣ что-то подавленное, запуганное, обостряла въ груди ощущение одиночества, наполняя душу сумракомъ, сѣрымъ и мягкимъ какъ зола

Вошла дѣвочка и, остановясь у двери, спросила:

— Яичницу принести?

— Не падо... Не хочется ужъ мнѣ... напугали меня крикомъ-то...

Дѣвочка подошла къ столу, возбужденно, но негромко рассказывая:

— Какъ становой-то билъ!... я близко стояла, видѣла... всѣ зубы ему выкрошилъ... плюетъ онъ, а кровь густая-густая, темная!.. Глазовъ-то совсѣмъ нѣту, да-а. Дегтярникъ онъ... Урядникъ тамъ у насъ лежитъ... пьянехонекъ и все еще вина требуетъ... говорить, ихъ шайка цѣлая была... а этотъ, бородатый-то, старшій... атаманъ, значить... Тройхъ поймали, а одинъ убѣжалъ, слышь... еще учителя поймали тоже, да-а... тоже съ ними... Въ Бога они не вѣрятъ и другихъ уговариваютъ... чтобы церкви ограбить всѣ... вотъ они какіе! А наши мужики, которые жалѣли его, этого-то, а другіе говорятъ — прикончить бы!... У насъ есть такіе злые мужики—ай-ай!

Мать внимательно вслушивалась въ безсвязную, быструю рѣчь, стараясь этимъ вниманіемъ подавить свою тревогу, разсѣять унылое ожиданіе. А дѣвочка, должно быть, была рада тому, что ее слушали и, захлебываясь словами, все съ большимъ оживленіемъ болтала, понижая голосъ:

— Тятка говоритъ — все это отъ неурожая, все! Второй годъ не родить у насъ земля, замаялись всѣ... Теперь отъ этого такіе мужики заводятся—бѣда! Кричать на сходкахъ, дерутся... Намедни, когда Васюкова за недоимки продавали, онъ ка-акъ треснетъ старосту по рожѣ. Вотъ тебѣ моя недоимка, говорить...

За дверью раздались тяжелые шаги. Упираясь руками въ столъ, мать поднялась на ноги...

Вошелъ голубоглазый мужикъ и, не снимая шапку, спросилъ:

— Гдѣ багажъ-то?

Онъ легко поднялъ чемоданъ, тряхнулъ имъ и сказалъ:

— Пустой!.. Марька, проводи прїѣзжую ко мнѣ въ избу...

И ушедъ, не оглядываясь.

— Здѣсь ночуете?—спросила дѣвочка.

— Да! За кружевами я... кружева покупаю...

— У насъ не плетутъ! Это въ Тиньковѣ плетутъ, въ Дарьиной... а у насъ—нѣтъ!—объяснила дѣвочка.

— Я туда завтра...

Заплативъ дѣвочкѣ за чай, она дала ей три копейки и очень обрадовала ее этимъ. На улицѣ, быстро шлепая босыми ногами по влажной землѣ, дѣвочка говорила:

— Хотите я въ Дарьину сбѣгаю, скажу бабамъ, чтобы сюда несли кружева? Онѣ придутъ, а вамъ не надо ѣхать туда... Двѣнадцать верстъ, все-таки...

— Не нужно этого, милая!—отвѣтила мать, шагая рядомъ съ ней. Холодный воздухъ освѣжилъ ее и въ ней медленно зарождалось неясное рѣшеніе. Смутное, но что-то обѣщавшее, оно развивалось туго, и женщина, желая ускорить ростъ его, настойчиво спрашивала себя:

— Какъ быть?.. Если прямо, на совѣсть...

Было темно, сыро и холодно. Тускло свѣтились окна избъ красноватымъ, неподвижнымъ свѣтомъ. Въ тишинѣ дремотно мычалъ скотъ, раздавались короткіе окрики. Темная, подавленная задумчивость окутала село...

— Сюда!—сказала дѣвочка.—Плохую ночевку выбрали вы... бѣденъ больно мужикъ...

Она нащупала дверь, отворила ее, бойко крикнула въ избу:

— Тетка Татьяна! Постоялка пришла...

И убѣжала. Изъ темноты долетѣлъ ея голосъ:

— Прощайте!..

XXIX.

Мать остановилась у порога и, прикрывъ глаза ладонью, осмотрѣлась. Изба была тѣсная, маленькая, но чистая—это сразу бросалось въ глаза. Изъ-за печки выглянула молодая женщина, молча поклонилась и исчезла. Въ переднемъ углу на столѣ горѣла лампа.

Хозяинъ избы сидѣлъ за столомъ, постукивая пальцемъ по его краю, и пристально смотрѣлъ въ глаза матери.

— Проходите!..—не вдругъ сказалъ онъ.—Татьяна, ступай-ка, позови Петра... живѣ!

Женщина быстро ушла, не взглянувъ на гостю. Сидя на лавкѣ противъ хозяина, мать осматривалась—ея чемодана не было видно. Томительная тишина наполняла избу, только огонь въ лампѣ чуть слышно потрескивалъ. Лицо мужика, озабоченное, нахмуренное, неопредѣленно качалось въ глазахъ матери, вызывая въ ней унылую досаду.

— Ну, говори, что ли!.. Скорѣе ужь...

— А гдѣ мой чемоданъ?—вдругъ и неожиданно для самой себя спросила она громко и строго.

Мужикъ повелъ плечами и задумчиво отвѣтилъ:

— Не пропадетъ...

И понизивъ голосъ, хмуро продолжалъ:

— Я давеча при дѣвчонкѣ нарочно сказалъ, что пустой онъ... нѣтъ, онъ не пустой! Тяжело въ немъ положено!

— Ну?—спросила мать.—Такъ что?

Онъ всталъ, подошелъ къ ней, наклонился и тихо спросилъ:

— Человѣка этого знаете?

Мать вадрогнула, но твердо отвѣтила:

— Знаю!

Это краткое слово какъ будто освѣтило ее изнутри и сдѣлало яснымъ все извнѣ. Она облегченно вздохнула, подвинулась на лавкѣ, сѣла тверже...

Мужикъ широко усмѣхнулся.

— Я доглядѣлъ... когда знакъ вы ему дѣлали и онъ тоже... Я спросилъ его—на ухо ему—знакомая, молъ, на крыльцѣ-то стоять?

— А онъ что?—быстро спросила мать.

— Онъ? Сказалъ — много насъ... Да! Много, говорить...

Онъ вопросительно взглянулъ въ глаза гости и, снова улыбаясь, продолжалъ:

— Большой силы человекъ!.. Смѣлый... прямо говоритъ—я! Бьютъ его... и все... а онъ свое ломить...

Его голосъ, неуверенный и несильный, неоконченное лицо и свѣтлые, открытые глаза все болѣе успокаивали мать. Мѣсто тревоги и унынія въ груди ея постепенно занималось ѣдкой, колющей жалостью къ Рыбину. Не удерживаясь, со злобой, внезапной и горькой, она воскликнула подавленно:

— Разбойники... изувѣры!

И всхлипнула.

Мужикъ отошелъ отъ нея, угрюмо кивая головой.

— Нажило себѣ начальство дружковъ... да-а!

И вдругъ, снова повернувшись къ матери, онъ тихо сказалъ ей:

— Я вотъ что... я такъ догадываюсь, что въ чемоданѣ—газета... вѣрно?

— Да!—просто отвѣтила мать, отирая слезы.—Ему везла.

Онъ, нахмуривъ брови, забралъ бороду въ кулакъ и, глядя всторону, помолчалъ.

— Доходила она и до насъ... книжки тоже доходили разныя... Все это—нужно... все это—такъ... вѣрно. Самъ я мало грамоту знаю, у меня дружокъ есть... онъ вотъ... Баба моя тоже читаетъ мнѣ...

Мужикъ остановился, подумаль, потомъ спросиль:
— Теперь, значить, что вы будете дѣлать съ этимъ...
съ чемоданомъ?

Мать посмотрѣла на него и сказала съ вызовомъ:
— Вамъ оставлю!..

Онъ не удивился, не протестоваль, только кратко повториль:

— Намъ...

Утвердительно кивнувь головой, выпустиль бороду изъ кулака, расчесаль ее пальцами и сѣлъ.

Съ неумолимой, упорной настойчивостью память выдвигала передъ глазами матери сцену истязанія Рыбина, образъ его гасиль въ ея головѣ всѣ мысли, боль и обида за человѣка заслоняли всѣ ея чувства, она уже не могла думать о чемоданѣ и ни о чемъ болѣе. Изъ глазъ ея безудержно текли слезы, а лицо было угрюмо и голось не вздрагиваль, когда она говорила хозяину избы.

Чутко насторожился, наклониль голову къ двери и, послушавъ, тихонько сказалъ:

— Идутъ...

— Кто?

— Свои... надо быть...

Вошла его жена, за нею въ избу шагнулъ мужикъ съ веснушками. Бросиль въ уголь шапку, быстро подошелъ къ хозяину и спросиль его:

— Ну, какъ?

Тотъ утвердительно кивнулъ головой.

— Степанъ!—сказала женщина, стоя у печи.—Можетъ онъ, проѣзжая, поѣсть хотять?

— Не хочу, спасибо, милая моя!—отвѣтила мать.

Мужикъ съ веснушками подошелъ къ матери и быстрымъ, надорваннымъ голосомъ заговориль:

— Значить, позвольте познакомиться... Зовутъ меця Петръ Егоровъ Рябининъ, по прозвищу Шило. Въ

лахъ вашихъ я нѣсколько понимаю... Грамотенъ и не дуракъ, такъ сказать...

Онъ схватилъ протянутую ему руку матери и, потрясая ее, обратился къ хозяину:

— Вотъ, Степанъ, гляди! Варвара Николаевна барыня добрая, вѣрно! А говорить насчетъ всего этого—пустяки, бредни только... Мальчишки, будто, и разные тамъ студенты по глупости народъ мутятъ... Однако, мы съ тобой видимъ—давече солиднаго, какъ слѣдуетъ быть мужика заарестовали, теперь вотъ—онъ, женщина пожилая и, какъ видать, не господскихъ кровей. Не обижайтесь—вы изъ какихъ родовъ будете?

Говорилъ онъ торопливо, внятно, не переводя дыханія, борода у него нервно дрожала, и глаза, шурясь, быстро ошупывали лицо и фигуру женщины. Оборванный, всклокоченный, со спутанными волосами на головѣ, онъ, казалось, только что подрался съ кѣмъ-то, одолѣлъ противника и весь охваченъ радостнымъ возбужденіемъ побѣды. Онъ понравился матери своей бойкостью и тѣмъ, что сразу заговорилъ такъ прямо, просто. Ласково глядя въ лицо ему, она отвѣтила на вопросъ—онъ же еще разъ сильно потрянулъ ея руку и тихонько, суховато засмѣялся ломающимся смѣхомъ.

— Дѣло чистое, Степанъ, видишь? Дѣло отличное!..

— Я вижу!—сказалъ Степанъ, кивая головой, и тотчасъ же добавилъ:—Насчетъ багажа она безпокоится...

Петръ хитро подмигнулъ матери и снова заговорилъ, успокоительно помахивая рукой:

— Не безпокойтесь! Все будетъ въ порядкѣ, мамаша! Чемоданчикъ вашъ у меня... Давече, какъ онъ сказалъ мнѣ про васъ, что, дескать, вы тоже съ участіемъ въ этомъ... и человѣка того знаете—я ему говорю—гляди, Степанъ!.. Нельзя ротъ развѣвать въ такомъ строгомъ случаѣ! Ну, и вы, мамаша, видно тоже почувяли насъ, когда мы около стояли. У честныхъ лю-

дей рожі замѣтныя, потому—немного ихъ по улицамъ ходитъ, прямо сказать. Чемоданчикъ вашъ у меня...

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и, просительно заглядывая въ глаза ея, продолжалъ:

— Ежели вы желаете выпотрошить его—мы вамъ въ этомъ поможемъ съ удовольствіемъ!.. Книжки намъ требуются...

— Она все хочетъ намъ отдачи!—замѣтилъ Степанъ.

— И отлично, мамаша! Мѣсто всему найдемъ!..

Онъ вскочилъ на ноги, засмѣялся и, быстро шагая по избѣ взадъ и впередъ, говорилъ, довольный:

— Случай, такъ сказать, удивительный!.. Хоша вполнѣ простой... Въ одномъ мѣстѣ порвалось, въ другомъ захлестнулось... Ничего!.. А газета, мамаша, хорошая и дѣло свое она дѣлаетъ—протираетъ глаза... Господамъ—непріятна... Я тутъ верстахъ въ семи у барыни одной работаю, по столярному дѣлу—хорошая женщина, надо сказать, книжки даетъ разныя... иной разъ очень простыя книжки... прочитаешь—такъ и осѣнить! Вообще—мы ей благодарны... Но показаль я ей газеты номерокъ—она даже обидѣлась нѣсколько. Бросьте, говорить, это Петръ! Да! Это, говорить, мальчишки безъ разума дѣлаютъ. И отъ этого только горе ваше выростеть... тюрьма и Сибирь, говорить, за этимъ...

Онъ снова неожиданно замолчалъ, подумаль и спросилъ:

— А скажите, мамаша, онъ... этотъ человекъ—родственникъ вашъ?

— Чужой!—отвѣтила мать.

Петръ беззвучно засмѣялся, чѣмъ-то очень довольный, и закивалъ головой, но въ слѣдующую секунду матери показалось, что слово чужой не на мѣстѣ по отношенію къ Рыбляну и обижаетъ ее.

— Не родня я ему,—сказала она,—но знаю его давно и уважаю... какъ родного брата... старшаго...

Нужное слово не находилось, это было непріятно,

больно ей, и снова она не могла сдержать тихаго рыданія. Угрюмая, ожидающая тишина наполнила избу. Петръ, наклонивъ голову на плечо, стоялъ, точно прислушиваясь къ чему-то. Степанъ, облокотясь на столъ, все время задумчиво постукивалъ пальцемъ по доскѣ. Жена его прислонилась у печи, въ сумракѣ, мать чувствовала ея неотрывный взглядъ и порою сама смотрѣла въ лицо ей—овальное, смуглое, съ прямымъ носомъ и круто обрѣзаннымъ подбородкомъ. Внимательно и зорко свѣтились зеленоватые глаза.

— Другъ, значить...—тихо молвилъ Петръ.—Съ характеромъ онъ... н-да!.. Оцѣнилъ себя высоко... какъ слѣдуетъ... Вотъ, Татьяна, человекъ, а? Ты говоришь...

— Онъ женатый?—спросила Татьяна, перебивая его рѣчь, и тонкія губы ея небольшого рта плотно сжались.

— Вдовый!—отвѣтила мать грустно.

— Оттого и смѣлъ!—сказала Татьяна низкимъ, груднымъ голосомъ.—Женатый такой дорогой не пойдетъ—заболится...

— А я? Женатъ и все...—воскликнулъ Петръ.

— Полно, кумъ!—не глядя на него и скрививъ губы, говорила женщина.—Ну, что ты такое? Только говоришь много, да рѣдко книжку читаешь. Немного людямъ пользы отъ того, что ты со Степаномъ по угламъ шушукаешь.

— Меня, братъ, многіе слышатъ!..—возразилъ мужикъ обиженно и тихо.—Я—вродѣ дрожжей тутъ... ты это напрасно...

Степанъ молча взглянулъ на жену и снова опустилъ голову...

— И зачѣмъ мужики женятся?—спросила Татьяна.—Работница нужна, говорятъ... чего работать?

— Мало тебѣ еще!—глухо вставилъ Степанъ.

— Какой толкъ въ этой работѣ? Впроголодь живешь изо двѣ въ день, все равно Дѣти родятся—поглядѣть

за ними время нѣтъ... изъ-за работы, которая хлѣба не даетъ...

Она подошла къ матери, сѣла рядомъ съ нею, говоря настойчиво, безъ жалобы и грусти...

— У меня—двое было... Одинъ, двухлѣтній, сварился кипяткомъ, другого—не доносила, мертвый родился... изъ-за работы этой треклятой!.. Радость мнѣ? Я говорю напрасно мужики женятся, только вяжутъ себѣ руки... жили бы свободно, добивались бы нужнаго всѣмъ порядку... вышли бы за правду прямо, какъ тотъ человѣкъ... Вѣрно говорю, матушка?..

— Вѣрно!—сказала мать.—Вѣрно, милая—иначе не одолѣешь жизни...

— У васъ муженекъ-то есть?

— Померъ... Сынъ у меня...

— А онъ гдѣ, съ вами живетъ?

— Въ тюрьмѣ сидитъ! — отвѣтила мать ..... Второй разъ сажаютъ его!.. Газету — онъ придумалъ и Михайла Ивановича онъ на путь поставилъ... хоть и вдвое старше его Михайло-то!.. Теперь вотъ—судить будутъ за это сына моего...

.....
Она забыла осторожность и хотя не называла имени, но рассказывала все, что ей было извѣстно...

Голосъ ея лился ровно, слова она находила легко и быстро низала ихъ, какъ разноцвѣтнй, блестящй бисеръ, на крѣпкую нить своего желанія очистить сердце отъ крови и грязи этого дня. Она видѣла, что мужики точно вросли тамъ, гдѣ застала ихъ рѣчь ея, не шевелятся, смотря въ лицо ей серьезно, она слышала прерывистое дыханіе женщины, сидѣвшей рядомъ съ ней, и все это увеличивало силу ея вѣры въ то, что она говорила и обѣщала людямъ...

.....

Ей пріятно было осуществлять давнее желаніе свое— вотъ она говорила людямъ о правдѣ сама!..

Усталая, она замолчала, оглянулась. Въ грудь ей спокойно легла увѣренность, что ея слова не пропадутъ здѣсь бесполезно.. Мужики смотрѣли на нее, ожидая еще чего-то. Петръ сложилъ руки на груди, прищурилъ глаза, и на пестромъ лицѣ его дрожала улыбка. Степанъ, облокотясь одной рукой на столъ, весь подался впередъ, вытянулъ шею и какъ бы все еще слушалъ... Тѣнь лежала на лицѣ его, и отъ этого оно казалось болѣе законченнымъ... Его жена, сидя рядомъ съ матерью, согнулась, положивъ локти на колѣна, и смотрѣла подъ ноги себѣ.

— Вотъ какъ... — шопотомъ сказалъ Петръ и осторожно сѣлъ на лавку, покачивая головой.

Степанъ медленно выпрямился, посмотрѣлъ на жену и развелъ въ воздухъ руками, какъ бы желая обнять что-то...

— Ежели за это дѣло браться, — задумчиво и негромко началъ онъ, — то уже, дѣйствительно, надо всей душой...

Петръ робко вставилъ:

— Н-да... назадъ не оглядывайся!

— Затѣяно это широко...— продолжалъ Степанъ.

— На всю землю!..— снова добавилъ Петръ.

Они оба говорили такъ, точно шли въ темнотѣ, осторожно протягивая руки и ощупывая ногами путь. Мать оперлась спиной объ стѣну и, закинувъ голову, слушала ихъ негромкія, взвѣшивающія слова. Встала Татьяна, оглянувшись и снова сѣла. Ея зеленые глаза блестяли сухо, когда она недовольно и съ пренебреженіемъ на лицѣ посмотрѣла на мужиковъ.

— Много, видно, горя испытали вы? — вдругъ сказала она, обращаясь къ матери.

— Было!— отозвалась мать.

— Хорошо говорите... тянетъ, тянетъ сердце за ва-

шей рѣчью... Думаешь — Господи! хоть бы въ шелку посмотрѣть на такихъ людей и на жизнь. Что живешь?.. овца!.. Я вотъ грамотная, читаю книжки... думаю много... иной разъ и ночь не спишь... отъ мыслей. А что толку? Не буду думать—зря исхиану и буду—тоже зря... И все какъ-то зря.. Вотъ мужики — работаютъ, трясутся надъ кускомъ для дома... а ничего нѣтъ... обижаетъ это ихъ, алятся, пьютъ, дерутся, опять работаютъ... работаютъ... Ну, что же? Ничего...

Она говорила съ усмѣшкой въ глазахъ и въ голосѣ, низко, плавно и порой останавливаясь, точно вдругъ перекусывала свою рѣчь, какъ нитку... Мужики молчали. Вѣтеръ гладилъ стекла оконъ, шуршалъ соломой по крышѣ, порой тихонько гудѣлъ въ трубѣ. Выла собака. И неохотно, изрѣдка въ окно стучали капли дождя. Огонь въ лампѣ дрогнулъ, потускнѣлъ, но черезъ секунду снова разгорѣлся ровно и ярко.

— Послушала ваши рѣчи — вотъ для чего люди живутъ!.. И такъ чудно — слушаю я васъ и вижу — да вѣдь я это знаю! А до васъ ничего я этакого не слыхала и мыслей у меня такихъ не было... да...

— Поѣсть бы надо, Татьяна, да погасить огонь! — сказалъ Степанъ хмуро и медленно. — Замѣтятъ люди — у Чумаковыхъ огонь долго горѣлъ. Намъ это не важно... а для гостей можетъ нехорошо окажется...

Татьяна встала и пошла къ печкѣ.

— Да - а! — тихонько и съ улыбкой заговорилъ Петръ. — Теперь, кумъ, держи ухо востро! Какъ появится въ народѣ газета...

— Я не про себя говорю... Меня и заарестуютъ — невелика бѣда...

Жена его подошла къ столу и сказала:

— Уйди...

Онъ всталъ, отошелъ всторону и глядя, какъ она накрываетъ на столъ, съ усмѣшкой заявилъ:

— Цѣна нашему брату—пятачокъ пучокъ, да и то, когда въ пучкѣ сотня...

Матери вдругъ стало жалко его, онъ больше нравился ей теперь. Послѣ рѣчи своей она чувствовала себя отдохнувшей отъ грязной тяжести дня, была довольна собой и хотѣла всѣмъ добраго, хорошаго.

— Неправильно вы судите, хозяинъ,—сказала она.— Не нужно человѣку соглашаться съ тѣмъ, какъ его снаружи цѣнять... Вы должны сами себя оцѣнить, изнутри, не для враговъ, а для друзей...

— Какіе у насъ друзья! — тихо воскликнулъ мужикъ.—До перваго куска...

— А я говорю—есть друзья у народа...

— Есть, да не здѣсь... вотъ оно что! — задумчиво отозвался Степанъ.

— А вы ихъ здѣсь заведите...

Степанъ подумалъ и тихо сказалъ:

— Н-да, надо бы...

— Садитесь за столъ!—пригласила Татьяна.

За ужиномъ Петръ, подавленный рѣчами матери и какъ будто растерявшійся, снова оживленно и быстро говорилъ:

— Вамъ, мамаша, для незамѣтности, такъ сказать, нужно выѣхать отсюда пораньше... И поѣзжайте вы на слѣдующую станцію, а не въ городъ... на почтовыхъ поѣзжайте...

— Зачѣмъ! Я свезу...—сказалъ Степанъ.

— Не надо! Въ случаѣ чего—спросяте тебя—ночевала? Ночевала. Куда дѣвалась? Я ее отвезъ... Ага - а, ты отвезъ? Иди-ка въ острогъ!.. Понялъ? А въ острогъ торопиться зачѣмъ же? Всему свой чередъ... А тутъ просто ночевала, наняла лошадей, уѣхала... Мало ли кто ночуетъ у кого? Село проѣзжаете...

— Гдѣ это ты, Петръ, бояться учился?—насмѣшливо спросила Татьяна.

— Все надо знать, кума!—ударивъ себя по колѣну,

воскликнулъ Петръ.—Умѣй бояться, умѣй и смѣлымъ быть! Ты помнишь, какъ изъ-за этой газеты земскій Ваганова трепалъ? Теперь Ваганова-то за большія деньги не уговоришь книгу въ руки взять... да! Вы, мамаша, мнѣ вѣрите, я на всякія штуки шельма острая, это очень всѣмъ извѣстно... Книжки и бумажки я вамъ пошю въ лучшемъ видѣ... сколько угодно! Народъ у насъ, конечно, не очень грамотенъ и пугливъ, ну, однако, время такъ поджмаетъ бока, что человѣкъ поневолѣ глаза тарашить—въ чемъ дѣло? А книжка ему совершенно просто отвѣчаетъ — а вотъ въ чемъ: думай, соображай! Есть примѣры, что неграмотный больше грамотнаго понимаетъ... особенно ежели грамотный-то сытый!.. Я тутъ вездѣ хожу, много вижу—ничего! Жить можно, но требуется мозгъ и большая ловкость, чтобы сразу въ лужу не състь... Начальство—оно тоже носомъ чувствуетъ, что какъ будто холодкомъ подуло отъ мужика — улыбается онъ мало и совсѣмъ неласково... вообще отвыкать отъ начальства хочеть...

Онъ не ѣлъ, а все говорилъ быстрымъ шепоткомъ, бойко поблескивая темными, плутоватыми глазами и щедро высыпая передъ матерью, точно мѣдную монету изъ кошеля, безчисленныя мелкія наблюденія надъ жизнью деревни.

Раза два Степанъ говорилъ ему:

— Ты бы поѣлъ...

Петръ хваталъ кусокъ хлѣба, ложку и снова заливался рассказами, точно щегленокъ пѣсней. Наконецъ, послѣ ужина, онъ, вскочивъ на ноги, заявилъ:

— Ну, мнѣ пора домой!..

Всталъ передъ матерью и, кивая головой, трясъ ея руку, говоря:

— Прощайте, мамаша! Можетъ, никогда и не увидимся... Долженъ вамъ сказать, что все это очень хорошо... Встрѣтите васъ и рѣчи ваши... очень хорошо!

Въ чемоданчикѣ у васъ, кромѣ печатнаго, еще что-нибудь есть?.. Платокъ шерстяной? Чудесно... шерстяной платокъ, Степанъ, помни! Сейчасъ онъ принесетъ вамъ чемоданчикъ... Идемъ, Степанъ!... Прощайте! Всего вамъ хорошаго!..

Когда они ушли, въ избѣ стало слышно какъ шуршать тараканы, вѣтеръ возится по крышѣ и стучитъ заслонкой трубы, мелкій дождь монотонно бьется въ окно. Татьяна приготовляла постель для матери, стаскивая съ печи и съ полатей одежду и укладывая ее на лавкѣ.

— Живой человекъ!—замѣтила мать.

Хозяйка, взглянувъ на нее исподлобья, отвѣтила:

— Легкій онъ... звенить, звенить, а недалеко слышно.

— А какъ мужъ вашъ?—спросила мать.

— Да ничего... Хорошій мужикъ... не пьетъ, живемъ дружно... ничего! Только характера онъ слабаго...

Она сѣла на лавку и вдругъ спросила:

— Говорите—и молодья барышни занимаются этимъ, ходятъ по рабочимъ, читаютъ... не брезгаютъ, не боятся?

И внимательно выслушавъ отвѣтъ матери, глубоко вздохнула. Потомъ, опустя вѣки и наклонивъ голову, снова заговорила:

— Въ одной книжкѣ прочитала я слова—безсмысленная жизнь... Это я очень поняла... сразу! Знаю я такую жизнь—мысли есть, а не связаны и бродятъ, какъ глухія овцы безъ пастуха... бродятъ, бродятъ... нечѣмъ, некому ихъ собрать... нѣтъ у людей понятія—что надо дѣлать? Это и есть—безсмысленная жизнь. Бѣжала бы я отъ нея, да и не оглянулась... такая тоска, когда что-нибудь понимаешь!

Мать видѣла эту тоску въ сухомъ блескѣ зеленыхъ глазъ женщины, на ея худомъ лицѣ, слышала въ голосѣ. Ей захотѣлось утѣшить ее, приласкать.

— Вы-то, милая, понимаете, что дѣлать...

Татьяна тихо перебила ее:

— Умѣть надо... Готово вамъ... ложитесь!

Отошла къ печкѣ и молча встала тамъ, прямая, су-рово сосредоточенная... Мать, не раздѣваясь, легла, почувствовала ноющую усталость въ костяхъ и тихо застонала. Татьяна погасила лампу и, когда избу тѣсно наполнила тьма, раздался ея низкій, ровный голосъ. Онъ звучалъ такъ, точно стираешь что-то съ плоскаго лица душевной тьмы.

— Не молитесь вы... Я тоже думаю, что нѣтъ Бога... и чудесь нѣтъ!

Мать безпокойно повернулась на лавкѣ—прямо на нее въ окно смотрѣла бездонная тьма и въ тишину настойчиво вползали едва слышный шорохъ, шелестъ... Она заговорила почти шопотомъ и боязливо:

— Насчетъ Бога—не знаю я... а въ Христа вѣрю, въ батюшку... И словамъ Его вѣрю—возлюби ближняго, яко себя... да, въ это вѣрю!..

И вдругъ недоумѣнно спросила:

— Но ежели—Богъ, почто оставилъ Онъ насъ силой Своей доброй?..

Татьяна молчала. Въ темнотѣ мать видѣла слабый контуръ ея прямой фигуры, сѣрой, на черномъ фонѣ печи. Она стояла неподвижно. Мать въ тоскѣ закрыла глаза.

Вдругъ раздавался угрюмо стонущій, холодный голосъ:

— Смерти дѣтокъ моихъ не могу я простить ни Богу, ни людямъ... никогда!..

Ниловна безпокойно привстала, сердцемъ понявъ силу боли, вызвавшей эти слова.

— Вы молодая, еще будутъ дѣтки...—ласково сказала она.

Шопотомъ и не сразу женщина отвѣтила:

— Нѣтъ! Испорчена я, докторъ говоритъ никогда не рожу больше...

Мышь пробѣжала по полу. Что-то сухо и громко треснуло, разорвавъ неподвижность тишины невидимой молніей звука. И снова стали ясно слышны шорохи и шелесты осенняго дождя на соломѣ крыши, они шарили по ней, какъ чьи-то испуганные тонкіе пальцы. И уныло падали на землю капли воды, отмѣчая медленный ходъ осенней ночи...

Сквозь тяжелую дрему мать услышала глухіе шаги на улицѣ, въ сѣняхъ. Осторожно отворилась дверь, раздался тихій окрикъ:

— Татьяна... легла, что ли?

— Нѣтъ.

— А она спитъ?

— Видно спитъ.

Вспыхнулъ огонь, задрожалъ и утонулъ во тьмѣ. Мужикъ подошелъ къ постели матери, поправилъ тулупъ, окутавъ ея ноги. Эта ласка мягко тронула мать своей простотой и, снова закрывъ глаза, она улыбнулась. Степанъ молча раздѣлся, влѣзъ на полѣти. Стало тихо.

Чутко вслушиваясь въ лѣнвивыя колебанія дремотной тишины, мать неподвижно лежала, а передъ нею во тьмѣ качалось облитое кровью лицо Рыбина...

.....
Мать заснула тяжелымъ сномъ—онъ сразу душной тучей навалился на нее, обнялъ и увлекъ.

Татьяна разбудила ее, когда въ окна избы еще слѣпо смотрѣли пустыми глазами сѣрые сумерки утра и надъ селомъ въ холодной тишинѣ сонно плавать и таять мѣдный звукъ сторожевого колокола церкви.

— Я самоваръ поставила, попейте чаю, а то холодно будетъ прямо со сна ѣхать...

Степанъ, расчесывая спутанную бороду, дѣловито спрашивалъ мать, какъ ее найти въ городъ, а ей каза-

лось, что сегодня лицо мужика стало лучше, законченнѣе... За чаемъ онъ, усмѣхаясь, замѣтилъ:

— Какъ это случилось чудно!..

— Что?—спросила Татьяна.

— Да вотъ знакомство!.. Просто такъ...

Мать задумчиво, но увѣренно сказала:

— Въ этомъ дѣлѣ удивительная простота во всемъ...

Разстались съ ней хозяйева сдержанно, скупо тратя слова, щедро обнаруживая множество мелкихъ заботъ объ ея удобствахъ.

Сидя въ бричкѣ, мать думала, что этотъ мужикъ начнетъ работать осторожно, безшумно, точно кротъ, и неустанно. И всегда будетъ звучать около него недозвольный голосъ жены, будетъ сверкать сухой и жгучій блескъ ея зеленыхъ глазъ и не умретъ въ ней, пока жива она, мстительная, волчья тоска матери о погибшихъ дѣтяхъ...

Вспомнился Рыбинъ, его кровь, лицо, горячіе глаза, слова его... И всю дорогу до города, на тускломъ фонѣ сѣраго дня, передъ матерью стояла крѣпкая фигура чернородога Михайлы въ разорванной рубахѣ, со связанными за спиной руками, всклокоченной головой... Мать думала о безчисленныхъ деревняхъ, робко прижавшихся къ землѣ, о людяхъ, тайно ожидавшихъ прихода правды и о тысячахъ людей, которые бессмысленно и молча работаютъ всю жизнь, ничего не ожидая.

Жизнь представлялась невспаханнымъ холмистымъ полемъ, которое натужно и нѣмо ждетъ работниковъ и молча общается свободнымъ, честнымъ рукамъ:

— Оплодотворите меня сѣменами разума и правды— я взращу вамъ ихъ сторицею!

Вспоминая успѣхъ свой, она глубоко въ груди чувствовала тихій трепетъ радости и стыдливо подавляла его, стараясь не думать о встрѣчѣ со Степаномъ и его женой.

Когда вдали она увидала колокольни и дома города, теплое чувство оживило и успокоило ее встревоженное, уставшее сердце,—въ памяти замелькали озабоченныя лица людей, которые изо дня въ день, неустанно и увѣренно разжигая огонь мысли, разбрасывают искры его по землѣ. И душа женщины наполнялась спокойнымъ желаніемъ отдать этимъ людямъ всѣ силы свои—и вдвойнѣ—любовь матери, оживленную мыслями этихъ людей...

(Окончаніе слѣдуетъ).

DEC 28 1908

DUE JUL 21 1917

Widener Library

3 2044 079 298 493

Digitized by Google